РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MAGNITOGORSK STATE UNIVERSITY

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ОСНОВАН в 1994 г.

ВЫПУСК XVI/1

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ АРХЕОЛОГИЯ

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК
2006

Редакционный совет

академик РАН *Г.М.Бонгард-Левин* (председатель)

академик РАН *А.П.Деревянко*,
д.и.н. *С.П.Карпов*, член-корр. РАН. *Г.А.Кошеленко,*
член-корр. НАН Украины *С.Д.Крыжицкий*, член-корр. РАН *Н.А.Макаров*,
д.и.н. *Л.П.Маринович*, д.и.н. *Ю.М.Могаричев,*
академик РАН *В.И.Молодин*, член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*,
д.и.н. *А.И.Немировский,* д.ф.н. *В.Ф.Романов*, д.и.н. *И.С.Свенцицкая,*
д.и.н. *Э.Д.Фролов,* проф. *Чан Куквон*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М.Г.Абрамзон* (главный редактор, Магнитогорский гос. университет)

к.и.н. *А.А.Бадмаев* (Институт археологии и этнографии СО РАН).
д.и.н. *А.В.Бауло* (Институт археологии и этнографии СО РАН).
к.и.н. *М.Ф.Высокий* (Институт Всеобщей истории РАН),
к.и.н. *В.А.Гаибов* (Институт археологии РАН),
д.п.н. О.В.Гнэвек (Магнитогорский гос. университет),
к.и.н. *Ю.В.Горлов* (зам. главного редактора, Институт археологии РАН),
д.и.н. *В.Д.Кузнецов* (Институт археологии РАН),
д.и.н. *В.И.Кулаков* (Институт археологии РАН),
к.и.н. *С.В.Мокроусов* (зам. главного редактора, Институт археологии РАН),
д.п.н. *З.М.Уметбаев* (Магнитогорский гос. университет),
д.фил.н. С.Г.Шулежкова (Магнитогорский гос. университет)

к.и.н. *Л.И.Киреева* (ответственный секретарь, Магнитогорский гос. университет)

Editorial Board:

M.G.Abramzon (Editor-in-Chief),

A.A.Badmayev, A.V.Baulo, V.A.Gaibov, O.V.Gnevek, Yu.V.Gorlov, V.I.Kulakov, V.D.Kuznetsov, S.V.Mokrousov, S.G.Shulezhkova, Z.M.Umetbayev, M.F.Vysoky

Head, Editorial Office L.I.Kireyeva

ISBN 5-86781-466-1

© Институт Археологии РАН, 2006
© Магнитогорский государственный университет, 2006

Л.П. МАРИНОВИЧ (Москва)

ТЕРМИН «ВАРВАР» В ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Проблема взаимоотношений мира эллинов и мира варваров – одна из важнейших в истории античного мира, она постоянно привлекла внимание греко-римских интеллектуалов. В долгой истории взаимоотношений двух миров было несколько относительно коротких периодов, когда стремительно менялась обычно стабильная ситуация и происходили драматические изменения. Одним из таких периодов были Греко-персидские войны, а следующим – время похода Александра Македонского на Восток. Разительные изменения, происшедшие в результате этого, по-новому поставили проблему греко-варварских взаимоотношений, что, соответственно, нашло свое отражение и в творчестве писателей, создававших произведения, посвященные этой эпохе.

Как известно, труды авторов, участвовавших в походе Александра или его современников, хорошо знакомых с тем, что происходило тогда, до нас, к сожалению, не дошли. В своем понимании исторических процессов и их отражений в литературе приходится ориентироваться на произведения гораздо более позднего времени, прежде всего на «Анабасис Александра» Арриана, а также «Историю Александра» Курция Руфа, жизнеописание Александра Плутарха и соответствующие разделы в сочинениях Юстина и Диодора[1]. В трудах, посвященных походу Александра на Восток и его завоеваниям, a priori можно было бы ожидать частого появления термина «варвар», однако в некоторых отношениях эти ожидания оказываются обманутыми. Так, у Марка Юниона Юстина в эпитоме сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» в книгах об Александре термин «варвар» используется только три раза[2], что, естественно, не дает возможностей для сопоставления. К счастью, другие авторы оказываются более информативными. Они, как нам кажется, содержат достаточно значимые сведения для понимания того, как тогда воспринималась проблема варварства[3].

Начнем с Арриана – самого информированного и трезвого автора, сочинение которого «Анабасис Александра» почти лишено морализирования и риторических прикрас и по достоинству считается лучшим из сохранившихся изложений деятельности Александра, что не исключает наличия у него ряда ошибок[4].

Впервые термин варвар появляется у Арриана еще в описании первых действий Александра – до его похода на Восток, то есть тогда, когда он весной 335 г. до н.э. отправился на север, желая обезопасить здесь границы Македонии во время похода на Персидскую державу. Рассказывая об этой кампании, Арриан называет ряд племен, с которыми воевал Александр.

Особое место занимает перечень народов, живущих вдоль Истра (Дуная), который предстает как своего рода естественная граница, отделяющая известные территории и народы от менее, а то и совсем неизвестных[5]. Термин варвар впервые появляется в связи с рассказом о военных действиях Александра. Противниками македонского царя являются фракийцы и иллирийцы, иногда уточняется племенная принадлежность того или иного врага Александра. В частности, говорится о военном конфликте с тавлантиями (I, 5, 1, 6 и 8; I, 6, 4 и11) и автариатами (I, 5, 1, 3-4), однако общее этническое название для них – иллирийцы – не употребляется. Несколько иная картина в отношении фракийцев. Говорится о фракийцах (I, 2, 3; I, 3, 3), так называемых «независимых фракийцах» (I, 1, 5-6) и употребляется племенное название – трибаллы (I, 1, 4; I, 2, 1–6; I, 3, 2; I, 4, 6). Именно в отношении этих этнических групп впервые Арриан и употребил термин варвар: один раз так названы фракийцы: македонская фаланга, вступив в дело, без труда отбросила варваров (I, 1, 12), другой – отдельно трибаллы: Александр, узнав, куда ушли трибаллы, выслал вперед лучников и пращников, приказав им осыпать варваров стрелами и камнями (I, 2, 4)[6].

Не делая пока никаких далеко идущих выводов, отметим лишь одно обстоятельство: термин варвар употреблен только применительно одного из народов. Народ этот (подчеркнем) сражается с Александром.

Кроме упомянутых, Арриан в данной части «Анабасиса Александра» называет еще два этноса: агриане (I, 5, 1-2) и пэоны (I, 5, 1). В отличие от других, они дружески расположены к Александру и, соответственно, оказываются в дальнейшем в числе воинов армии македонского царя: пэоны, как легкая кавалерия[7] и агриане, как легкая пехота[8]. Особенно показательны в этом отношении агриане, которые выполняли ответственные задания, чаще всего на правом фланге, атакуя противника и опрокидывая его[9].

Таким образом, из европейских народов (кроме македонян и эллинов) в прямой контакт с Александром вступают иллирийцы, фракийцы, пэоны и агриане. С точки зрения обычных критериев, все эти балканские племена должны считаться варварами, однако мы сталкиваемся с любопытной ситуацией. Отряды из этих народов входят в состав армии Александра, когда он начинает свой восточный поход. При описании действий этих отрядов во время похода они никогда не называются варварами. Только один раз употреблен этот термин, но в очень специфическом контексте – в речи Александра перед военачальниками накануне битвы у Исса. Желая ободрить соратников, Александр говорит о превосходстве его армии над персидской. В числе аргументов приведен и такой: «Варвары[10]же, фракийцы, пэоны, иллирийцы и агриане, самые крепкие и мужественные из европейских варваров, сразятся с самыми слабыми и изнеженными народами Азии» (II, 7, 5). Как видим, сравнение европейских и азиатских варваров выдержано полностью в духе идей Аристотеля. Но (повторим) нигде больше в тексте Арриана представители этих народов не названы варварами.

Переправа Александра в Азию и последующие военные действия дают новый материал для суждения о лексике Арриана. Термин варвар не очень часто используется им, он предпочитает писать «персы», хотя не чуждается и термина варвар. Так, это слово появляется при описании результатов битвы при Гранике (I, 16, 6) и при передаче текста посвящения трофеев богине Афине (I, 16, 7). Взятых в плен греков-наемников Александр, заковав в кандалы, отправил в Македонию, ибо они сражались за варваров против Эллады. Надпись же гласила: «Александр, сына Филиппа, и все эллины, кроме лакедемонян, взяли от варваров, обитающих в Азии»[11].

Новый оттенок использования этого термина дает описание действий персидского флота. Чаще всего флот называется персидским (I, 18, 5; I,19, 8), но неоднократно он определяется и как варварский (например, по приказу Антипатра собирались корабли, которые несли бы охрану островов и самой Эллады на тот случай,

если сюда подплывут варвары, II, 2, 4). При этом надо иметь в виду, что флот Дария в основном состоял из финикийских и кипрских кораблей, то есть по крайней мере частично греческих.[12]

Как видим, под определение варвары попадают и финикийы, и греки, поскольку они – враги Александра и составляют часть армии Дария.

Та же картина – и в описании сухопутных сил персидского царя. Воины Дария называются либо персидскими, или варварами, хотя в его армии имеется несколько десятков тысяч греков-наемников. Так, Александру сообщили, что за Граником стоят готовые к бою персы (I,13, 2). Варвары – синоним персов, и можно привести множество примеров такого восприятия их. Александр простил зелитов, узнав, что их силой заставили идти с варварами (I,17, 2). Форос,[13] который эфесяне платили варварам, Александр велел уплачивать Артемиде (I, 17, 10). Он освободил греческие города от фороса, который они платили варварам (I, 18, 2). Немалая сила варваров собралась в Галикарнассе, которая в следующем параграфе названа персидским войском (I, 20, 2 и 3). Наконец, яркое доказательство тождества персов и варваров содержится в эпизоде, завершающем книгу I «Анабасиса Александра»: царь отказал посольству из Афин в его просьбе отпустить взятых в плен при Гранике и отправленных в Македонию, считая, «что если во время его войны с Персией у эллинов, которые не побоялись наперекор Элладе стать на сторону варваров, хоть несколько ослабнет страх перед ним, то это грозит ему бедой» (I, 29, 60; cf. III, 23, 8).

Наконец, варварами называются местные народы Малой Азии, особенно те, которые в той или иной степени сопротивляются Александру: писиды (I, 27, 5;I, 28, 1-2, 5 и 8), селги (тоже писиды, I, 28, 1), жители города Сагаласс, где жили тоже писиды, «считавшиеся самыми воинственными из всех писидов, а это народ вообще воинственный» (I, 28, 2, 5-6), из местных варваров состоял гарнизон Силлия (I, 26, 5).

Любопытно, что в описании дальнейшего похода, от битвы при Иссе и до битвы при Гавгамелах, термин варвар совершенно не используется. Он не применяется ни к финикийцам, включая граждан Тира, ни к жителям Газы, ни к египтянам. В отношении основной массы финикиян это кажется легко объяснимым, учитывая наблюдения, сделанные нами ранее. Узнав о том, что вся Финикия находится во власти Александра, корабли оставили персидский флот и прибыли на родину, где тут же сдались Александру. Труднее обстоит дело с Тиром. Причины отсутствия термина варвары применительно к жителям этого города, сопротивлявшегося Александру, могут быть различными, но нам кажется, что дело здесь обстоит следующим образом: граждане Тира (и, возможно, жители Газы) воспринимались не как подданные персидского царя, сражающиеся на его стороне, но как уже ставшие самостоятельными[14]. Известно во всяком случае обещание граждан Тира не допускать на остров не только македонян, но и персов. Более ясна картина с египтянами: Египет, включая представителей персидской администрации, без малейшего сопротивления сдался Александру.

Противник Александра, сражавшийся при Гавгамелах, попеременно называется войско Дария, персидское войско, персы, варвары (III, 9, 2; III,13, 4 – 5;III,14, 2, 4-5;III, 15, 1-2, 6), хотя опять же в битве участвовали греки-наемники (III, 11, 7; III,16, 2;III, 21, 4;III, 23, 8). При описании дальнейшего похода, кажется, достаточно строго выдерживается то правило, которое выявлено нами ранее: народы, сопротивляющиеся Александру, обычно «удостаиваются» термина варвар, а покоряющиеся без сопротивления – нет. Примером первых являются так называемые «горные уксии»[15], против которых ему пришлось применить силу. Напав на деревни уксиев, он перебил многих из них, другие же бежали в горы. Продвигаясь с великой поспешностью, Александр первым занял проходы в Персию и с высот повел свое войско на уксиев, которые в данном месте текста Арриана названы варварами (III, 17, 1-4). То же самое верно и в отношении персов, защищавших границы Персии (III, 18, 6): они тоже названы варварами. Население Вавилонии и Сузианы, не ока-

завшие македонянам никакого сопротивления, варварами не называется.

Интересный нюанс в рассказе Арриана – использование термина варвар для определения заговорщиков и убийц царя Дария (Arr. III, 21, 7, 9). Видимо, употребление этого термина объясняется тем, что, с точки зрения Александра, их поведение – сопротивление его воле.

Ту же самую схему мы видим и при изложении событий в Средней Азии[16]. При описании восстания против Александра в Арии восставшие – варвары (III, 28, 3). Перейдя с частью войска в Согдиану, Александр другую оставил в Бактрии, приказав следить за страной, чтоб и тут варвары не возмутились (IV, 16, 1). То же самое определение прилагается и к жителям Согдианы, которые убили македонян, ушедших за фуражом (III, 30, 10 – 11). Повстанцы в восточной части Согдианы многократно называются варварами (IV, 1, 4; IV, 2, 1-2;IV, 3, 1, 3 и 6). Решение Александра основать города на реке Танаис было вызвано желанием создать оплот против набегов живущих за рекой варваров (IV, 1, 3; IV, 4, 2). Воины Спитамена, разгромившие македонский отряд на подступах к Мараканде, – скифы и варвары (IV, 5, 8; 6, 1 и 3). Репрессалии против жителей согдийских деревень, которые якобы помогали Спитамену, это – наказание варваров (IV, 6, 3 и 5). Воины Спитамена, продолжающие борьбу и позднее, – также варвары (IV, 17, 6). Варвары – защитники "Согдийской скалы" (IV, 18, 5-6;IV, 19, 3-4) и "Хориеновой скалы" (IV, 21, 1 и 6). Местные жители Паретакены, с которыми завязалась жестокая схватка, – тоже варвары (IV, 22, 2). Столь частое использование этого термина применительно к военным действиям в этом регионе, по всей видимости, объясняется ожесточенностью сопротивления, оказываемого Александру. Очевидно, результатом этого стало обращение иногда к термину варвар для обозначения местного населения в целом (местные варвары – IV, 3, 7; азиатские варвары – IV, 4, 2).

Вместе с тем Оксиарт, после того как он покорился Александру, никогда не называется варваром, хотя в силу своего статуса (тесть царя), он достаточно часто появляется в труде Арриана. Скифы, признавшие власть Александра после битвы при реке Танаис, позднее варварами тоже не называются. Еще более показательно то обстоятельство, что бактрийцы, согдиане, скифы и даи, сражающиеся в составе армии Александра во время индийского похода (V, 12, 2), также не определяются как варвары. То же самое надо сказать и в отношении арахотов и парапомисадов (V, 11, 3).

Аналогичная картина наблюдается и при описании Аррианом индийского похода. Почти все жители Индии, сражающиеся против Александра, – варвары (IV, 23, 2-4;IV, 24, 2 и 7-10; IV, 25, 1-3 и 7; VI, 3, 4-5;VI, 5, 4), тогда как местные жители, которые сдались Александру и пообещали провести его воинов к самому доступному месту скалы, обозначены как «какие-то местные жители» (IV, 29, 1). Помимо просто индов, этнос которых автором не уточняется, к числу варваров относятся и народы, более подробно характеризуемые Аррианом. Таковыми являются, в частности, ассакены, которые решили защищать свои города (IV, 23, 1;IV, 25, 5-7;IV, 30, 5; V, 20, 7). В числе независимых индийских племен названы кафеи, которые готовились и сами к войне, если Александр войдет в их страну, и подговаривали на этой дело соседние с ними, также независимые племена. Кафеи, по словам Арриана, считаются самыми отважными и искусными воинами, так же как и оксидраки и маллы, другие индийские племена (V, 22, 1-2). Когда Александр пошел на кафеев, то они и их соседи расположились перед городом Сангалы, к которым подошел Александр. Кафеи и их соседи названы «толпой варваров», в отличие от здешнего индийского племени, которые названо адраистами и о которых сказано, что они добровольно покорились Александру (V, 22, 3-7;V, 23, 1-7;V,24, 1-3). Сопротивлявшиеся Александру маллы – тоже варвары (VI, 6, 1-6;VI, 8, 1 и 4-6;VI, 9, 6).

Отчетливую грань в использовании термина варвар дает нам описание сражения с царем Пором. Сначала его войско названо варварским (V, 16, 1), но как только Пор признал власть Александра, это слово из текста, касающегося Пора, полно-

стью исчезает. Та же самая ситуация и с уцелевшими маллами. После того, как они сдались, как и оксидраки (IV, 14, 1), автор их уже не называет варварами. Еще показательнее пример с царем Таксилом, который сразу же подчинился Александру. По отношению ни к нему, ни к его армии, ни к его царству этот термин не используется никогда.

При описании возвращения армии Александра термина варвар нет, поскольку территории, через которые она проходила, очевидно, уже принадлежали Александру. В части труда Арриана, посвященной пребыванию Александра в Персии и Сузиане, этот термин также не зафиксирован. Не появляется он, естественно, в рассказе о свадьбе в Сузах. Отряды молодых персов для армии Александра, которых привел Певкест, также не определяются с помощью этого термина.

Итак, с определенной долей уверенности можно считать, что при описании восточного похода Александра Македонского Арриан использовал несколько своеобразную систему определения варваров. В первую очередь для него варвары – это те народы, которые отказываются подчиниться Александру и сражаются с ним. Иногда под этим общим термином скрываются даже эллины, воюющие на вражеской стороне. Конечно, этот принцип проводится не полностью. Например, жители города Тира, хотя они и сражаются против Александра, никогда варварами не называются. Но враг, прекративший сопротивление и сдавшийся Александру, немедленно для Арриана перестает быть варваром. Во всяком случае такая картина вырисовывается из анализа его текста. Следовательно, принципы деления на варварские и цивилизованные народы у Арриана несколько отличаются от общепринятых. С некоторой условностью мы определили бы их как своего рода «политкорректность»: враг Александра может быть, но может и не быть варваром, но уже подчинившийся враг таковым быть перестает. Тем самым традиционное, восходящее к эпохи классики представление о варварах здесь затемняется и отходит на второй план.

Трудно сказать, создана ли эта любопытная схема самим Аррианом или она заимствована им от одного из авторов, которых он использовал для своего труда. Основными источниками Арриана, как он сам указывает, послужили сочинения Птолемея и Аристобула, которые кажутся ему более достоверными (Arr. Prooem. 1). На основании того, что нам известно о них, вряд ли возможно выяснить, заимствован ли этот принцип у кого-либо из них.

«Историческая библиотека» Диодора Сицилийского – самая ранняя из сохранившихся нарративных источников об Александре, которому посвящена книга XVII. В литературе нового времени Диодор оценивается как важный источник, хотя отмечается, что небрежности при сокращении отчасти лишают текст ясности, а описания военных действий содержат определенные стереотипы. Его интересует преимущественно политическая, то есть военная история. Диодор приводит ряд сведений, которых нет у других авторов.

С точки зрения лексики в интересующем нам аспекте, картина, возникающая в XVII книге всеобщей истории Диодора, в некоторых отношениях напоминает ту, которая выявлена у Арриана.

Говоря о походе Александра во Фракию, Диодор очень лаконичен и сообщает буквально следующее: «много фракийских восставших племен он заставил покориться и пошел в Пеонию, Иллирию и соседние с ними страны. Покорив тамошних отпавших варваров, он подчинил себе все окрестное варварское население» (Diod. XVII, 8, 1).[17] Как и у Арриана, противники именуются варварами. Позднее, как и у Арриана, вспомогательные войска из этих народов, состоящие в армии Александра, кажется, никогда не называются варварскими (например, одрисы, трибаллы и иллирийцы, фракийцы и пэоны – XVII,17,4; фракийцы и траллы – XVII, 65, 1).

При описании начального периода военных действий в Малой Азии, в частности, битвы при Гранике Диодор использует термин варвар несколько шире, чем это делает Арриан (XVII, 19, 1-2; 20, 1; 21, 5), перемежая его с другим – персы. Как и у

Арриана, будто забывается, что основная часть пехоты данной персидской армии – греки. Напротив, о варварах совершенно не слышно в дальнейшем, и только в рассказе о битве при Иссе о них упоминается несколько раз: в войске Дария варвары, которые забросали воинов Александра дротиками и стрелами (33, 3); варвары, которые ответили македонцам, закричавшим, когда с обеих сторон подали сигнал к бою (33, 4); варвары, которые на исходе сражения все обратились вспять (34, 9). Варвары для Диодора – синоним персидского войска, и говоря о потерях Дария в битве при Иссе, он пишет, что у варваров погибло сто тысяч пехотинцев и не меньше десяти тысяч всадников (36, 6).

Далее мы находим варваров в тексте Диодора при описании действий жителей Тира (Diod. XVII, 42, 4). Здесь можно видеть основное отличие Диодора от Арриана. Показательно, что Диодор особо отмечает их приверженность делу Дария: «Тирийцы мужественно выдерживали осаду, рассчитывая этим услужить Дарию, приобрести прочную его благосклонность и получить богатые дары за свою услугу: отвлекая Александра длительной и опасной осадой, они давали Дарию возможность спокойно готовиться к войне» (XVII, 40, 3). Следовательно, для обоих авторов важнейшим признаком причисления к варварам на этом этапе является связь с персидским царем: она превращает тот или иной этнос в варваров, а отсутствие этой связи исключает из их числа.

Как и Арриан, Диодор не называет египтян варварами, подчеркивая их добровольную сдачу Александру.

Одинакова лексика Диодора и Арриана в их рассказах о сражении при Гавгамелах: противники Александра называются то персами, то врагами, то варварами[18].

И при описании дальнейших событий, кажется, достаточно строго выдерживается то правило, которое выявлено ранее, при анализе лексики Арриана: народы, сопротивляющиеся Александру, обычно «удостаиваются» термина варвар, а покоряющиеся без сопротивления – нет. Так, варварами названы уксии (67, 5). Правда, в отличие от Арриана Диодор не разделяет уксиев на равнинных и горных и сообщает о горячей схватке. Персидские войска, защищавшие границы Персиды, – варвары (68, 2). Сопротивляющиеся Александру марды, естественно, – тоже варвары (76, 3, 5, 8).

Рассказывая о событиях в Средней Азии, Диодор, как и Арриан, повстанцев называет варварами (83, 6). То же самое верно и в отношении тех племен Индии, которые оказали Александру сопротивление[19].

Приведенные материалы показывают, что концепция варварства, которой следует Диодор, в сущности, аналогична Аррианову. Даже в тех случаях, когда они расходятся в конкретном определении того или иного этноса (как в случае с жителями Тира), сам принцип остается общим. В нем самое главное – покоряется ли тот или иной народ Александру или нет.

Характерно, что в дальнейшем тексте термин варвар почти не появляется. Особо пристального внимания в данном контексте заслуживает одно из свидетельств Диодора. Рассказывая о возвращения армии Александра, он описывает племя оритов и затем следующее, расположенное к западу от оритов: «После этого Александр отправился берегом моря в Гедросию и натолкнулся на племя негостеприимное и совершенно звероподобное. Обитатели здешних мест от рождения и до старости не обрезают ногтей и оставляют волосы сбиваться как войлок; горячее солнце опалило их кожу; одеваются они в звериные шкуры. Пищей им служит мясо огромных животных, выбрасываемых морем. Дома они строят так: выводят стены, а крыши ставят из китовых ребер, нарезая из них брусья длиной в 18 локтей. Брусья эти покрывают вместо черепицы рыбьими кожами» (105, 3-5). Показательно, что термина «варвары» нет, хотя, казалось бы, он здесь более чем уместен. Не было ли это результатом того, что данное племя не сопротивлялось Александру, который быстро подчинил всю землю оратов (105, 1)?

Вместе с тем в рассказе Диодора имеется один нюанс, показывающий, что он в своей позиции несколько отличается от Арриана. Речь идет о восстании греков, оставленных Александром в качестве колонистов в Бактрии и Согдиане. Когда в 325 г. до н.э. распространился слух об его смерти в Индии, здесь началось восстание. Наш источник следующим образом объясняет причины восстания: «эллины – поселенцы в Бактрии и Согдиане, уже давно с трудом терпевшие житье среди варваров, теперь, когда до них дошел слух, что царь ранен и умер, восстали» (99, 5). Диодор дает некоторую информацию о том, как происходило основание городов в Центральной Азии: Александр основал город у прохода, ведущего в Мидию [то-есть Александрию Кавказскую] (83, 1). Кроме того, он «основал еще один город на расстоянии одного дня пути от Александрии. В этих городах он поселил 6000 варваров, 3000 из числа людей, сопровождавших войско, и тех наемников, которые пожелали» (83, 3). Очевидно, практика основания городов в Бактрии и Согдиане была аналогичной. И там, видимо, в состав населения основанных городов включали местное население, которое, согласно Диодору, было варварским. Именно это включение варваров в состав населения новых городов стало главной причиной восстаний греков в 325 и 323 гг. до н.э.[20] Эти эллины «страстно желали греческого образа жизни» (Diod. XVIII, 7, 1). В данном обстоятельстве мы видим главное отличие Диодора от Арриана и разницу между ними. Для Арриана, как ясно, невозможно назвать покоренного Александром варвара варваром. У Диодора греки оказываются в новых городах вместе с покоренным местным населением и на равном положении с ним вместо того, чтобы господствовать над варварами, согласно доктрины превосходства эллинов над варварами. Для Диодора варвар, включенный в состав населения нового города, остается враждебной силой и, как таковой, служит объектом неприязни и недовольства эллинов и причиной их восстания против Александра.

«История Александра Македонского» Курция Руфа – единственное дошедшее до нас произведение на латинском языке, целиком посвященное Александру. В рукописях не сохранились первые две книги, большая лакуна есть в конце V и начале VI книг и более мелкие – по всей книге.

Труд Курция пронизан определенными этико-философскими идеями, сложившимися в римском обществе прежде всего среди стоиков. В литературе нового времени отмечалось, что «История Александра Македонского» представляет скорее не собственно историческое, а риторическое произведение, в котором источники соответствующим образом отобраны, интерпретированы и изложены. Исторический материал подвергнут беллетризации. Большую роль играют блестяще составленные речи, которые автор щедро вводит в текст.

И все же, несмотря на отмеченные черты, сочинение Курция является одним из важных исторических источников. У него есть целый ряд свидетельство, которые отсутствуют у других авторов. При расхождении версий Арриана и Курция отнюдь не всегда следует отдавать предпочтение первому.

В описании Курцием Руфом похода Александра имеется некоторые моменты, которые полностью (или почти полностью) совпадают с тем, что писал Арриан по интересующей нас теме.

Поскольку начало труда Курция Руфа не сохранилось, его отношение к европейским варварским народам, соседям Македонии, нам не известно. Отметим только, что он неоднократно (хотя и не столь часто как Арриан) упоминает агриан[21] и, естественно, никогда не называет их варварами. Хотя Курций в описании военных действий использует уже известные нам принципы, часто чередуя термины перс и варвар, все же у него этнические различия выдерживаются более четко. В описании битвы при Иссе греки-наемники отличаются от персов и других подданных великого царя (III, 9, 3), которые часто называются варварами[22].

Варварами называются и местные народы Малой Азии, в частности те, которые

в той или иной степени сопротивляются Александру. Обратим внимание, что, говоря о попытке персидского контрнаступления в Малой Азии против Антигона, Курций использует термины персы или варвары, хотя в их числе находилась «молодежь каппадокийцев и пафлагонцев» (IV, 11, 34)[23].

Информация Курция Руфа относительно финикийцев весьма показательна. Он никогда не определяет их как варваров, даже жителей Тира, о сопротивлении которых македонянам он подробно говорит. Вместе с тем, в его тексте также нет ни малейшего намека на связь тирийского сопротивления с действиями Дария, и в этом отношении его позиция похожа на Аррианову. Однако описание сопротивления Газы показывает, что Курций, очевидно, руководствовался теми же принципами, что Арриан и Диодор. Защитники города у него – варвары (IV, 6, 16), и в то же время отмечается связь их сопротивления с действиями Дария (IV, 6, 7). Египтяне не называются им варварами никогда.

В описании битвы при Арбелах, говоря о войске Дария, Курций употребляет два слова: персы и варвары (IV, 10, 11; IV, 13, 10; IV, 16, 24, 25 и 26)[24].

Рассказывая о дальнейших событиях, он в значительной мере повторяет схему Арриана и Диодора. Варварами, как правило, называются народы, сопротивлявшиеся македонскому царю, а сдававшиеся не «удостаивались» этого наименования. Так, защитники границы Персиды определяются как варвары (V, 3, 17; 4, 30).), а жители Вавилонии и Сузианы, не оказавшие македонянам сопротивления, никогда не называются таковыми. Варварами, как и у Диодора, являются марды, осмелившиеся сопротивляться Александру (VI, 5, 12-13 и 21).

Как и Арриан, Курций использовал термин варвар для характеристики убийц Дария (V, 13, 13 и 18). То же самое мы видим и при описании событий в Средней Азии. Александр оставил войска для защиты Парфии от нападений варваров (имеются в виду сторонники Бесса) (VI, 4, 2). При описании восстания в Арии против Александра восставшие определяются как варвары (VI, 6, 31 и 34; VII, 4, 24, 33-34, 36, 38 и 40), как у Арриана. Варвары – также жители восточной части Согдианы, убившие и захватившие в плен македонян (VII, 6, 1-7). Варвары – и те кочевники, для защиты от которых строится город на Танаисе (VII, 9, 1, 8, 10 и 13). Продолжающие борьбу воины Спитамена тоже названы варварами (VIII, 1, 2). Варвары – защитники скалы Аримаза (VII, 11, 5-6, 24-25 и 27) и укреплений Сисимифра (2, 22-29). Варварами являются и последние силы восставших среднеазиатов (VIII, 2, 37-38).

Теми же принципами Курций руководствуется при описании похода в Индию: варвары защищают свою скалу по имени Аорн (VIII, 11, 13-14, 18 и 21-22. Они же у Курция – инды и враги), свой город (IX, 1, 15-18). Царя индов, выдающегося среди всех варваров своим видом, зовут Софит (IX, 1, 28). Варварами, естественно, являются маллы и оксидраки (IX, 4, 24-25), а также сильное индийское племя сабарки, которые покоряются, испугавшись зрелища кораблей (IX, 8, 6); варвары – и те инды, которые сражаются в стране Самба и позднее сдаются (IX, 8, 19–20 и 28).

Таким образом, концепция, которой руководствовался Курций Руф в отношении понимания варварства, в основном, соответствовала тому, что характерно для взглядов Арриана и Диодора. Варварами являлись те народы, которые сопротивлялись Александру. В этом отношении показателен тот дикий народ, о котором сообщает Диодор (105, 3-5). Его мы встречаем и у Курция, характеристика которого этих диких приморскоих индов близка Диодоровой (Curt. Ruf. IX, 10, 9-11), но поскольку они не сопротивляются Александру, то и термин варвар к ним не прилагается, хотя с обычной греческой точки зрения, они более, чем кто бы то ни был, «достоины» этого наименования.

Пожалуй, одно из отличий (а возможно, и главное отличие) Курция от Арриана состоит в том, что у него покоренные варвары часто не перестают быть таковыми,[25] и варварами иногда называются народы Востока, не сражавшиеся с македонянами[26]. Курций постоянно подчеркивает негативные черты варварского

этоса: любовь к богатству, роскоши, жестокость, грубые нравы и т.д.[27]. Любопытно некоторое отличие между взглядами Арриана и Курция на роль контингентов из среднеазиатских народов в период индийского похода. Арриан никогда не называет их варварами. На первый взгляд этого не делает и Курций, когда говорит о скифах и дахах (VIII, 14, 5) или скифах, бактрийцах, дахах, согдийцах (IX, 2, 24) или, наконец, скифах и бактрийцах (IX, 2, 33), сражающихся на стороне македонян. Однако в той же речи Александра эти контингенты определяются как «толпы», что сразу же придает им «варварский» оттенок.

Другая частая у Курция мысль – о постоянной угрозе со стороны покоренных, но не примирившихся с поражением варваров. Эту мысль он вкладывает в уста Александру в его речи перед солдатами в Гекатомпиле, где говорит, что варвары с протестом покоряются новой власти (VI, 3, 6). Филоту на суде обвиняют в том, что он предал македонян варварам (VI, 9, 28). Предаваясь вакханалиям, войско Александра двигалось по землям, еще недостаточно покоренным (IX, 10, 27-28). Когда перед Александром обвиняли бывших правителей Мидии, один из важнейших упреков заключался в том, что они своими алчностью и развратом сделали «имя македонян ненавистным для варваров» (X, 1, 4).

Курций Руф идет даже дальше. Для него и персы, и другие народы Востока и после их покорения остаются врагами македонян. Так, на роскошный пир пригласили не только македонян и ближайших друзей из греков, но и знатных из врагов (VIII, 5, 9). Сильнее всего это отношение стало ощущаться после смерти Александра: «македоняне и варвары … смешались между собой … и нельзя было отличить победителей от побежденных» (X, 5, 9), «македоняне начали жалеть себя … они чувствовали себя осиротевшими среди врагов» «X, 5, 12). В речи Пердикки ясно выражено ощущение угрозы со стороны побежденных (X, 6, 7-8), враждебность непокорных народов, «которые при первой возможности выместят на них понесенные ими поражения» (X, 8, 10).

Таким образом, концепция варварства у Курция Руфа достаточно сильно отличается от того, что писал Диодор и, особенно, Арриан.

Написанная Плутархом в числе других «Сравнительных жизнеописаний» биография Александра представляет собой не собственно историческое произведение. Цель жизнеописания, по Плутарху, – не биография, а характер («этос») героя, ведущим является морально-этический подход. В соответствии с этим принципом Плутарх подбирал материал из различных источников и излагал его.

Значение жизнеописания Александра как источника определяется в сравнении его с другими сочинениями об Александре. Ряд сведений мы находим только у него, но отнюдь не все свидетельства Плутарха достоверны.

Помимо жизнеописания Александра среди многочисленных трудов Плутарха есть еще одно, посвященное ему, – трактат «Об удаче и доблести Александра Великого». Ученые нового времени довольно единодушно относят его к числу юношеских сочинений Плутарха. По жанру – это похвальное слово (laudatio), в котором изображение Александра имеет ярко выраженный апологетический характер.

В литературе нового времени отмечается, что это сочинение – чисто риторическое. Разница между ним и жизнеописанием Александра объясняется отнюдь не большей начитанностью или зрелостью Плутарха, но разным жанром этих произведений. Нужно обладать большой наивностью, чтобы считать, что сам автор верил в реальность того совершенного Александра, образ которого он создал в юности[28]

Характер жизнеописания Александра, созданного Плутархом, предполагает не очень значительное внимание к интересующим нас вопросам. Он, по его же словам, более занят тем, чтобы воссоздать облик великого завоевателя, чем дать детальное описание событий. Тем не менее и это произведение содержит определенную информацию, представляющую для нас несомненный интерес.

Прежде всего, балканские племена, граничащие с Македонией, с которыми пришлось сражаться Александру, называются обычно варварскими[29]. В «варварском» контексте упоминаются, в частности, трибаллы (Alex . 11). Вместе с тем, когда Плутарх сообщает о том, что Александр после ссоры с отцом находился в изгнании у иллирийцев (Alex. 9), последние деликатно не называются варварами.

При описании первых военных действий во время восточного похода термин варвар используется мало. В частности, в рассказе о сражении при Гранике он не употребляется при описании самого боя и появляется только при подсчете потерь, при этом непосредственно перед этим говорится о нападении на греческую наемную пехоту (Alex. 16), из чего можно сделать вывод, что для Плутарха (как и для Арриана) греки-наемники в войсках сатрапов равнозначны варварам. Термин варвары повторяется, когда Плутарх воспроизводит (как и Арриан) текст надписи на посвящении приношений в храм Афины (Alex. 16).

Точно так же этот термин редко появляется при изложении дальнейших военных действий в Малой Азии. Сарды – «оплота морского владычества у варваров» (Alex. 17). Как варвары определяются жители Гордиона (Alex. 18), хотя они не оказали сопротивления Александру. Аналогичную картину мы видим и при описании дальнейших событий. Рассказывая о битве при Иссе, Плутарх говорит об огромном варварском войске Дария и грабеже македонцами варварского лагеря (Alex. 20). Красочно описано взятие Дамаска, где находился обоз персидской армии, – там македоняне впервые вкусили от «варварского образа жизни» (Alex. 24).

При описании последующих событий интересующий нас термин почти не появляется. Только в кратком сообщении о набеге на арабов (во время осады Тира) упоминаются варвары-арабы (Alex. 24). Ни финикийцев (включая тирийцев), ни египтян Плутарх варварами не называет.

Столь же мало информативен рассказ Плутарха о сражении при Гавгамелах. Здесь варвары названы трижды: лагерь варваров (Alex. 31), требования фессалийцев, чтобы царь вел их на варваров (Alex. 33), бегство варваров (Alex. 33). Говоря о дальнейших событиях (взятие Вавилона, Суз, Персеполя, гибель Дария и т.д.) термин варвар, как кажется, Плутарх использует два раза.[30] Далее варвары появляются только в сообщении о походе в Гирканию, где какие-то варвары похитили Букефала (Alex. 44). По другим источникам мы знаем, что это сделали марды.

Варвары занимают основное место в речи, которую Александр произнес перед лучшими воинами, стремясь склонить все войско продолжить поход. «Он сказал, что они мелькнули теперь для варваров как сновидение; если же они уйдут, только взволновав всю Азию, то варвары сразу же кинутся на них, как на беззащитных женщин» (Alex. 47).

Плутарх практически ничего не говорит о военных действиях в Средней Азии. В рассказе об индийском походе он упоминает о варварах, когда сообщает о состязании в благородстве между Александром и Таксилом. Александр, по его словам, «многих варваров сильно расположил к себе», но очень огорчил своих «друзей» (Alex. 59). В описании войны с Пором варваров нет (Alex. 60). Подобно остальным авторам, Плутарх называет варварами маллов (Alex. 63).

Ясно, что в биографии Александра, написанной Плутархом, проблема варваров несколько «смазана» и не занимает того места, которое мы видим у других авторов. Единственное серьезное исключение – описание включения молодых персов в армию Александра. Плутарх ставит это действие в связь с изменением умонастроения царя: «Он все более усваивал себе местный образ жизни; коренных же обитателей приучал к обычаям македонским. Он считал, что во время его длительного отсутствия все устроится лучше без насилия путем дружественного общения и взаимного приспособления. Поэтому он отобрал 30000 мальчиков и велел учить их греческой грамоте и приучать пользоваться македонским вооружением; к ним приставили много учителей. Заключен был и брак с Роксаной – по любви… Варваров он обод-

рил, как одноплеменников жены Александра, и они стали относиться к нему с большой любовью» (Alex. 47).

Второй раз Плутарх обращается к этому сюжету, описывая события, происшедшие после возвращения из Индии: «Александр радовался на тех мальчиков (было их 30000), которых он оставил, приказав их учить и воспитывать. Возмужавшие, красивые, они проявили изумительную ловкость и легкость в военных упражнениях» (Alex. 71)[31].

Хотя Плутарх определяет эти мероприятия Александра, как один из элементов политики «смешения» народов, реальная картина, в соответствии с его описанием, – другая. Молодые персы учатся греческому языку и грамоте и македонским методам ведения боя, греки же и македоняне не осваивают ничего из образа жизни персов. Плутарх, в сущности, говорит об эллинизации персов в результате деятельности Александра.

Еще ярче эти идеи представлены в другом его произведении – «О судьбе и доблести Александра Великого», особенно в Первой части. В самой общей форме деятельность македонского царя Плутарх характеризует следующим образом: он проходил далекие земли, укрощал варварских царей, основывал греческие города среди диких племен, научал первобытные народности законам и мирной жизни (De fort. Alex. 4). Далее Плутарх сообщает более конкретные сведения: «он воспитал гирканцев для браков, научил арахосийцев земледелию, согдианцев убедил не убивать отцов, а питать их, персов – почитать матерей, а не жениться на них». Теперь «индийцы поклоняются греческим богам, скифы хоронят умерших, а не съедают их». Александр «просветил Азию, читая Гомера, а сыновья персов и сузиан распевали трагедии Еврипида и Софокла». Кроме того, «благодаря Александру Бактрия и Кавказ стали поклоняться греческим богам». Вдобавок «Александр же, основав свыше семидесяти городов среди варварских племен и посеяв в Азии греческие нравы, победил там дикий и звероподобный образ жизни». С большим основанием можно было бы сказать о покоренных Александром: «они не вышли бы из дикости, если не были бы покорены. Египет не имел бы Александрии, Месопотамия – Селевкии, Согдиана – Профтасии, Индия – Букефалии, Кавказ – соседствующего греческого города, а развитие этих городов угасило дикость и содействовало вытеснению дурных нравов лучшими» (De fort. Alex. 5).

Цивилизаторскую роль Александра Плутарх связывает с сознательным отказом от взглядов своего учителя Аристотеля: «Он не последовал совету Аристотеля обращаться с греками, как предводитель, заботясь о них как о друзьях и близких, а с варварами как господин, относясь к ним как к животным или растениям, что преисполнило бы его царство войнами, бегством и тайно назревающими восстаниями» (De fort. Alex. 6)[32].

Итак, перед нами совершенно безудержная идеализация Александра в его роли цивилизатора. При этом, в сущности, речь идет не о культурном синтезе, а о распространении среди варваров эллинского образа жизни. Единственная уступка Востоку – это персидская одежда Александра (De fort. Alex. 8). Но, по словам Плутарха, если великий царь принял персидскую одежду, то сделал это, желая показать, «что все люди составляют единый народ» (De Fort. Alex. 8).

В данной связи Плутарх ставит перед нами проблему так называемой «восточной политики» Александра, то есть его отношения к народам Востока. Эта политика, неоднократно став объектом исследований, трактовалась весьма различно, вплоть до признания в ней «интернационализма» и «братства народов». Тема данной статьи позволяет коснуться этой проблемы только самым кратким образом.[33] Одни ученые утверждали, что в известной мере слияние народов оказалось достигнутым и полному завершению дела Александра помешала его смерть. Но концепция слияния рассматривалась и с противоположной точки зрения: не как стремление включить персов в македонскую культурную среду, а напротив, как желание

Александра приобщить македонян и греков к духовной культуре Ирана. Другие ученые в идее слияния видели не возвышенно-утопические цели, а сугубо прагматические: дать новой державе более унифицированную массу подданных. Высказывалось мнение, что Александр стремился объединить только два властвующих народа – македонян и иранцев, сделав их привилегированным слоем государства, мощным орудием в руках царя в деле подавления всех остальных народов и племен.

Приведенные выше материалы, как нам кажется, отражают ведшуюся в эллинистическом мире дискуссию относительно взаимоотношений с варварским миром, материалы для которой давало царствование Александра. Мы можем видеть здесь большое разнообразие позиций – от сугубо положительной оценки до полностью отрицательной.

Осторожно положительной является та позиция, которая отразилась в труде Арриана. Варвары, покоренные Александром, в известной степени перестают быть таковыми. Безудержно апологетической является позиция Плутарха, приписывающего, вопреки реальности, полное переустройство всего Востока в результате деятельности Александра.

Много более осторожна концепция, которая представлена у Диодора: влияние Александра на варварский мир, конечно, имело положительный характер, но была допущена одна очень серьезная ошибка. Объединять греков и варваров в рамках единого коллектива означало создавать условия для постоянных конфликтов.

Наконец, та позиция, которую мы видим в труде Курция Руфа, – сугубо негативная. С его точки зрения, варвары, несмотря ни на что, остаются постоянными врагами эллинов. Даже такой завоеватель, как Александр, может лишь приглушить их протест, но он сохранится навсегда и варвары всегда будет грозить грекам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Diodorus Siculus. Vol. VIII. Books XVI. 66-95 and XVII, with an English Translation by C.B. Welles. L. e. a., 1970; Vol. IX. Books XVIII-XIX, 1-65, with an English Translation by R.M. Geer. L. e. a., 1969.

Диодор. «Историческая библиотека», книга XVII //Арриан. Поход Александра. /Пер. с древнегреч. М.Е. Сергеенко. М.-Л., 1962.

Iustinus. Trogi Pompei Historiarum Philippicarum Epitoma, rec. Iu. Ieep. Lipsiae, 1876.

Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» /Пер. с лат. А.А. Деконского, М.И. Рижского, коммент. К.В. Вержбицкого, М.М. Холода. СПб.,2005.

Quinte-Curce. Histoires. Texte établi et traduit par H. Bardon. T. 1-2. P., 1947-1948.

Quintus Curtius. History of Alexander. Vol. I, II, with an English Translaton by J.C. Rolfe. L. e.a. 1946,1956.

Квинт Курций Руф. История Александра Македонского /Пер. и примеч. под общей ред. В.С. Соколова. М., 1963.

Plutach's Lives. Alexander. Vol. VII, with an English Translation by B. Perrin. Cambr. (Mass.) et al., 1949.

Плутарха Александр //Арриан. Поход Александра. /Пер. с древнегреч. М.Е. Сергееенко. М., 1993.

Plutarch's Moralia. Vol. IV. On the Fortune of the Virtue of Alrxander, I and II, with an English Translation by F.C. Babbit. Cambr. (Mass.) et al., 1972.

Плутарх. Об удаче и доблести Александра Великого. Часть 1. /Пер. и коммент. Г.П. Чистякова //ВДИ. 1979. № 4; Часть 2 /Пер. и коммент. Э.Г. Юнца //ВДИ. 1980. № 1.

Arrian, with an English Translation by E.I. Robson. Vol. I. Anabasis Alexandri. Books I-IV. L. e.a., 1961; Vol. II. Anabasis Alexandri (Books V-VIII). Indica (Books VIII), 1966.

Arrian. Der Alexanderzug. Indische Geschichte. Griechisch und deutsch von G. Wirth und O. von Hinüber. T. I.-II. B., 1985.

Арриан. Поход Александра /Пер. с древнегреч. М.Е. Сергеенко. М., 1993.

Strabonis Geographica.

Страбон. География в 17 книгах /Пер. и коммент. Г. А. Стратановского. М., 1994.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Литература об источниках Александра поистине необъятна, поэтому ограничусь ссылкой на свои обзоры. Хотя они изданы довольно давно, в общем, за прошедшие годы ничего принципиально нового не появилось. См. *Маринович Л.П.* Время Александра Македонского //Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма), М., 1982, С. 22-65; она же. Греки и Александр Македонский. М., 1993. С.20-56. Из более новых работ, по-моему, следует выделить книгу Н.Г.Л. Хаммонда, посвященную источниковедческому анализу трех источников истории Александра Македонского – Диодору, Юстину и Курцию Руфу, поскольку в их сочинениях (в отличие от двух других – Плутарха и Арриана) обычно прослеживают традицию так называемой «вульгаты»: *Hammond N.G.L.* Three Historians of Alexander the Great. The So-callad Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius. Cambr., 1985. См. также нашу рецензию на этот труд (ВДИ. 1990. № 1. С. 202-208).
2. Iust. XI, 1, 1-6: у друзей Филиппа его убийство вызвало «великий страх. Они представляли себе то Азию, вызванную на бой, то Европу, еще не укрощенную, то иллирийцев, фракийцев, дарданцев и другие варварские племена, верность которых была сомнительна, которые в душе были предателями»; Iust. XII, 3, 1-3: находясь в Парфии, Александр получил известие о гибели Зопириона со всем его войском и, созвав своих воинов, сказал им следующее: «все столь замечательные битвы не приведут ни к чему, если восточные варварские племена останутся неподчиненными». Iust. XIII, 1, 2-4: когда Александр Великий скончался, побежденные им племена сначала не поверили. «Когда же наконец поверили тому, что он умер, все варварские народы, недавно им побежденные, оплакивали его не как врага, но как отца».
3. В данной статье мы рассматриваем только вопрос относительно определения названными авторами характера отдельных народов и не касаемся того, как они оценивали стремление ввести при македонском дворе персидские (варварские) обычаи, что представляет отдельную тему. Мы не касаемся и топоса в описаниях деятельности Александра – обвинения фиванцев в том, что они поддержали варваров (имеются в виду персы) в Греко-персидских войнах.
4. Подробнее см.: *Bosworth A.B.* Errors in Arrian //Cl. Quart. Vol. XXVI. 1976. P. 117-139; cf. *Hammond N.G.L.* Alexander the Great. King, Commander and Statesman. L., 1981. P. 307.
5. Упоминаются кельтские племена, в земле которых Истр берет свое начало. «У самых истоках его живут квады и маркоманы, потом язиги, племя савроматов потом геты …; потом большинство савроматов и потом скифы» (I, 3, 2). Характерно, что в этом списке нет ни одного, который бы определялся как варварский. Подобная схема распределения народов – явный анахронизм, поскольку сарматские племена появились здесь тремя с лишним веками позднее, и картина распределения племен скорее отвечает времени написания книги Аррианом.
6. Относительно фракийцев см.: *Velkov V.* Alexander der Grosse und Thrakien //Zu Alexander d. Gr. Festschrift G. Wirth zum 60. Geburtstag am 9. 12. 86. Hrsg. von W. Will. B. I. Amsterdam, 1987. S. 257-269.
7. См. *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., 1984. С. 85; *Фор П.* Александр Македонский. М., 2001. С. 328.

8. *Fox R.L.* Alexander the Great. L., 1974. P. 81; *Milns R.D.* The Army of Alexander the Great //Alexandre le Grand. Image et réalité //Entretiens préparés par E. Badian. Genève, 1976. P. 121 f.; *Шахермайр Ф.* Александр … С. 85; *Bosworth A.B.* Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambr., 1995. P. 263-265. Иногда утверждается, что агриане были одним из пэонских племен (*Фуллер Д.* Военное искусство Александра Великого. М., 2003. С. 56). О составе армии Александра (помимо македонцев) см.: *Hammond N.G.L.* Alexander the Great. King, Commander and Statesman. L., 1981. P. 28-30.
9. По подсчетам П. Фора, у Арриана они упоминаются 58 раз (*Фор П.* Александр… С. 332).
10. Cf. Curt. III, 10, 9-10; Iust. XI, 9. Арриан – единственный, кто отчетливо отмечает разницу между европейскими и азиатскими варварами, тогда как представители так называемой «вульгаты» только противопоставляют силу фракийских и иллирийских племен слабости персов. «Экологическое» деление варваров Европы и Азии встречается в «Политике» Аристотеля, по словам которого «по своим природным свойствам варвары более склонны к тому, чтобы переносить рабство … и азиатские варвары превосходят в этом отношении варваров, живущих в Европе» (Polit. III, 1285a 20 sqq.; cf. VII, 1327b 23 sqq.). В замечательном сочинении «О воздухах, водах и местностях», автором которого обычно считают Гиппократа, характер разных народов связывается с природными условиями, в частности отмечается, что азиаты менее воинственны, чем европейцы. Эту теорию возводят к ионийской науке V в. до н.э. (*Bosworth A.B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. I. Commentary on Books I-III. Oxf., 1980. P. 206).
11. Об отсутствии в посвящении македонян см.: *Bosworth A.B.* A Historical Commentary on Arrians'… Vol. I. P. 127.
12. Arr. I, 18, 7; I, 19, 11 (о захвате корабля иасейцев, остальным четырем удалось уйти к своим); II, 20, 1-3. О действиях на море и числе кораблей см.: *Шифман А.Ш.* Александр Македонский. М., 1980. С. 84-85; *Bosworth A.B.* A Historical Commentare on Arrians' … Vol. I. P. 138.
13. О форосе см. *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский … С. 184-185; *Bosworth A.B.* A Historical Commentary on Arrians … Vol. I. P. 132-133, 135.
14. *Циркин Ю.Б.* Эллинизация политического устройства городов Финикии //МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб., 2004. С. 185 сл.
15. Анализ свидетельств Арриана, Диодора и Курция Руфа о кампании Александра против «горных уксиев» в начале 330 г. до н.э. см.: *Briant P.* "Brigandage', dissidence et conquête en Asie Mineure achéménide et hellénistique //Dialogues d'histoire ancienne. Vol. 21. 1976. P. 214-221.
16. Для общей ориентации в сложной истории сопротивления, оказанного Александру народами Средней Азии, партизанской войне в Бактрии и Согдиане и ее оценке ср.: *Briant P.* Alexandre le Grand. P., 1974. P. 55 ss.; *Шахермайр Ф.* Александр … С. 204 слл.; *Holt F.L.* Alexander the Great and Bactria. Leiden e. a., 1988; *Литвинский Б. А.* Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков //История таджикского народа. Т. I. Под ред. Б.Г. Гафурова и Б.Ф. Литвинского. М., 1963. С. 236-274 (гл. 5).; *Шофман А.С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 445-492; *Ртвеладзе Э.В.* Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Историко-географические очерки. Ташкент, 2002.
17. Отдельно он называет только фракийцев, которых значительно позднее, во время восточного похода, правитель Фракии Мемнон склонил к восстанию (XVII, 62, 5).
18. Diod. XVII, 60, 7-8: та часть персидской армии, которая успешно сражается против Пармениона, – варвары; 61, 1-3: бегство варваров после поражения, гибель варварской конницы; 64, 3: захват варварской сокровищницы в Арбелах.
19. Diod. XVII, 84, 2-4: нападение на воинов-наемников вопреки договору, массовое

убийство их; они определены как варвары; 85, 5-7: варвары – инды, которые защищали утес, называемый Аорн; 98, 5; 99, 3-4: маллы, сражающиеся против Александра совместно с оксидраками – тоже варвары;102, 6: разгром царства Самбы и убийство 80000 варваров;103, 3: варвары – три тысячи воинов города брахманов Армателия, которые в жестокой битве с небольшим отрядом легковооруженных воинов Александра частично были убиты, другие взяты в плен.

20. Подробнее см. *Кошеленко Г.А.* Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н.э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. //ВДИ, 1972, № 1. С. 59-78.
21. Curt. Ruf. III, 9, 9: их место в битве при Иссе; IV, 13, 31; IV,15, 21-22: в сражении при Арбелах; V, 3, 3 и 6: при вступлении в Персиду; VIII, 11, 9: при штурме города Нора в Индии; VIII, 14, 24: в битве со слонами Пора; IX, 8, 18-19: при взятии города Самбы в Индии. Об агрианах см.: *Atkinson J.E.* A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni. Books 3 and 4. Amsterdam, 1980. P. 212, 426, 444-445.
22. Curt. Ruf. III, 7, 3: Александр перед битвой у Исса устроил торжественные состязания в честь Эскулапа и Минервы, показав этим свое презрение к варварам; III, 7, 7: Исс покинут варварами; III, 9, 9-11 варвары бежали, не выполнив приказа Дария; III, 11, 14: варварская конница; III, 11, 15-16: преследование варваров; III, 11, 19: бегство варваров.
23. *Atkinson J.T.* A Commentary on Q. Curtius Rufus' … P. 287.
24. В речи, произнесенной Александром перед воинами в Индии, он вспоминает об одержанных победах как свидетельствах непобедимой силы македонцев, в том числе об Арбелах, «поля которых устланы костьми сраженных нами варваров» (IX, 2, 23). Иногда термин варвары специально прилагается к отрядам, состоящим не из персов. См., например, Curt. Ruf. IV, 15, 12, где указывается, что в битве при Арбелах к обозу прорвались «кавказцы и скифы» (*Atkinson J.T.* A Commentary on Q. Curtius Pufus' … P. 441).
25. См., например, Curt. Ruf. VII, 5, 36: связанный на цепи Бесс – зрелище, угодное как варварам, так и македонцам; VII, 5, 40: Александр передал Бесса брату Дария, чтобы варвары, распяв его на кресте, пронзили стрелами; VIII, 12, 9-10 и 17: индийский царь Омфис (Таксил) называется варваром и после того, как он сдался Александру; IX, 6, 1: среди варваров (имеются в виду уже покоренные) укрепился слух о смерти царя; IX, 7, 1-2: восставшие в Бактрии греки принудили варваров присоединиться к их мятежу; IX, 7, 13-14; IX, 7, 23: уже покорившиеся Александру царьки индов названы варварами.
26. См., например, Curt. Ruf.VII, 3, 15: паропамисады – варвары, хотя они и не сражались с Александром; VIII, 4, 13: жилища варваров в описании похода в Габазу; VIII, 1, 11: Базаира – варварская страна.
27. Curt. Ruf. III, 3, 13: по-варварски пышная одежда «бессмертных»; III, 8, 15: варварская жестокость при расправе с пленными; V, 6, 3: огромные богатства, собранные в Персеполе варварами; VIII, 3, 11 и15: жена Спитамена, убившая мужа, – варварка, а само убийство – пример варварской жестокости. Даже свадьба Александра с Роксаной для Курция – предлог для критики варваров; по его словам, Роксана отличалась редкой у варваров привлекательностью (VIII, 4, 23) .
28. *Badian E.* Alexander the Great and the Unity of Mankind //Historia. Vol. VII, 1958. P. 437; *Brown T.S.* Alexander's Book Order (Plut. Alex. 8) //Historia, Vol. XVI, 1967. P. 360; *Hamilton J.R.* Plutarch. Alexander: a Commentary. Oxf., 1969. P. XXXIII.
29. Alex. 9: Александр, еще будучи наследником, сражался на севере и изгнал варваров; Alex. 11: описывая ситуацию после восшествия Александра на престол, Плутарх замечает, что «соседние варварские племена не желали находиться в рабстве»; Alex. 11: македонцы считали, что отпавших варваров надо вернуть кротостью; Alex. 11: сообщается, что «с варварскими восстаниями и войной в тех местах Алек-

сандр покончил, стремительно дойдя с войском до Истра, где он победил в большом сражении Сирма, царя трибаллов».

30. В Вавилоне варвары продемонстрировали свойства нефти (Alex. 35). В поджоге дворца Ксеркса в Вавилоне македоняне увидели доказательство того, что Александр не собирается жить среди варваров (Alex. 38).
31. См. *Hamilton J.R.* Plutarch, Alexander… P. 128-129.
32. Cf. Strabo, I, IV, 9, C 99: о критике Эратосфеном «тех, кто советовал Александру считать греков друзьями, варваров – врагами; было бы лучше, продолжает он, делить людей по хорошим и дурным качествам, ибо есть не только много дурных греков, но и много образованных варваров».
33. Основные точки зрения изложены: *Маринович Л.П.* Александр Македонский и становление эллинизма //Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 89-90. Отсылая читателей для более широкого знакомства с темой к литературе, приведенной здесь, ограничусь основными работами: *Tarn W.W.* Alexander the Great and the Unity of Mankind //Alexander the Great: the Main Problems /Ed. by G.T. Griffith. Cambr., 1966. P. 243-286; *Berve H.* Verschmelzungspolitik Alexanders des Grossen //ibid. S. 103-136; *Badian E.* Alexander the Great and the Unity of Mankind //Historia. 1958. Bd. VII. S. 425 440; *Briant P.* Alexandre le Grand. P., 1974. P. 94 ss. (см. также нашу рецензию на кн. П. Бриана: ВДИ. 1977. № 1. С.237-241); *Bosworth A.B.* Alexander and the Iranians //JHS, 1980. Vol. 100. P. 1-21; *Hamilton J.R.* Alexander's Iranian Policy //Zu Alexander d. Gr. Festschrift G.Wirth zum 60. Geburtstag am 9. 12. 86. B. I.Hrsg. von W. Will. Amsterdam, 1987. S. 467-486.

L.P. MARINOVICH

THE TERM «BARBARIAN» IN ALEXANDER THE GREAT BIOGRAPHIES

The article mentions the specific character of use for the term «barbarian» in biographies of Alexander the Great. The present facts and materials tell on the discussion hold in the Hellenistic world concerning the interrelations with the barbarous world. The author draws a conclusion as to the big variety of positions in this discussion – from especially positive up to completely negative.

Г.А. КОШЕЛЕНКО, В.А. ГАИБОВ (Москва)

В ЗАЩИТУ АЛЕКСАНДРИИ МАРГИАНСКОЙ*

Одной из самых важных проблем в истории эллинизма в центрально-азиатском регионе является проблема масштабов греко-македонской колонизации. Главным источником для ее решения являются данные письменной традиции относительно основания новых городов и их характера в период завоеваний Александра Македонского и Селевкидов. В рамках этой проблемы находится и вопрос относительно градостроительной деятельности завоевателей в пределах одной из областей, входившей в состав этого региона, – Маргианы. Сложность ситуации объясняется тем обстоятельством, что определенно о пребывании Александра Македонского и ос-

* Данная статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-01-011169.

новании здесь города говорит только один из авторов, описывавших поход царя Македонии, – а именно Курций Руф. В результате этого у некоторых исследователей появились очень серьезные с омнения относительно достоверности этого сообщения[1], хотя основная часть их полностью доверяла римскому автору[2].

Основой неприятия информации Курция Руфа у некоторых исследователей являлись следующие соображения: 1) единичность свидетельства Курция Руфа; 2) трудности согласования маршрутов похода Александра с данными других источников; 3) главной же основой для таких сомнений стало то обстоятельство, что в рукописях труда Курция Руфа в том месте, где говорится о прибытии Александра в данный район (Curt. Ruf. VII, 10, 15), употребляются следующие слова: ad urbem Marganiam и ad urbem Marginiam, а традиционный в изданиях текст ad urbem Margianam («к городу Маргианы») является коррекцией рукописной традиции. Исходя из этого некоторые исследователи считали, что описанные события происходили не в Маргиане, а в Согдиане, и, соответственно, предполагали, что текст в данном месте был испорчен гораздо сильнее – в оригинале вместо «Маргианы» стояло слово «Мараканда».

Несколько лет тому назад авторы данной заметки (совместно с А.Н. Бадером) опубликовали статью, в которой попытались решить проблемы, поставленные текстом сообщения Курция Руфа[3] . Непосредственным поводом для ее написания послужил ряд работ И.Н. Хлопина, попытавшегося возродить концепцию тотального отрицания ценности информации этого автора[4]. Суть статьи заключалась в попытках доказательства того, что сообщение Курция Руфа о походе Александра Македонского в Маргиану и основание им здесь города заслуживает полного доверия, а отсутствие сообщения об этих событиях у Арриана может быть логично и непротиворечиво объяснено.

В период после опубликования данной статьи появились еще две работы, посвященные данному вопросу[5], причем последняя из них представляет прямой отклик на нашу статью. Обе эти статьи достаточно традиционны в своем подходе к решению проблемы. В них сведения Курция Руфа считаются не имеющими отношения к собственно Маргиане (Мервскому оазису).

Для Ф. Грене и К. Рапэна отправной точкой в исследовании является определение того, какие именно реки имеются в виду в тексте Курция Руфа при описании похода Александра, в котором, как известно, упоминаются реки Окс и Ох, через которые переправляется армия Александра в ходе этого похода (suparatis deinde amnibus Ocho et Oxo). Авторы приходят к выводу, что реку Окс необходимо отождествить с правым истоком Амударьи Вахшем, а Ох – с левым истоком – рекой Пяндж. Соответственно, переправа через Ох имела место в районе порта Шерхан, западнее города Имамсахиб, а через Окс – возле городища Тахти-Сангин. В итоге Ф. Грене и К. Рапэн полагают, что Маргания – страна, расположенная вокруг Термеза, сам город Маргании – Термез, который был преобразован в Александрию Оксиану. Авторы также делают попытку отождествить некоторые из тех укрепленных пунктов, которые (по Курцию Руфу) были построены вокруг этого города. Курций говорит о четырех, расположенных к востоку, и двух – к югу. Расположенные к востоку – это современные городища Фаязтепа, Каратепа, Чингизтепа I и Чингизтепе II.

Необходимо, однако, указать, что археологические исследования в Термезе не дают никаких материалов в поддержку этой гипотезы. П. Лериш, который руководит франко-узбекской экспедицией, ведущей широкомасштабные раскопки в этом городе, утверждает (с большим основанием), что в начале эллинистической эпохи здесь существовал небольшой военный пост – фрурион[6]. Точно также концепция Ф. Грене и Е. Рапэна была подвергнута резкой критике и с точки зрения анализа письменных источников[7].

Близки к взглядам Ф. Грене и Е. Рапэна также и концепции Л.М. Сверчкова. Он

полностью принимает все первые ступени построения Ф. Грене и К. Рапэна, но расходится с ними в определении того, что считать Марганией. Для него маршрут армии Александра Македонского в 328 г. до н.э. выглядит следующим образом: переправа через Ох (Пяндж) и Окс (Вахш) и выход к группе памятников в низовьях реки Кафиринган – Калаи Мир, Мунчактепа и Хирмантепа; переправа через Сурхандарью у кишлака Ходжа, где на правом берегу Бандыхансая, чуть ниже позднесредневекового моста Искандара располагалось крупное поселение VI – IV вв. до н.э.; приход к поселению Бандыхан – «городу Маргании»; далее – путь вверх по Бандыхансаю (Байсунсаю) через проход Кизирикдара сквозь невысокую горную гряду в холмистую местность Байсунской котловины – «область Марганию», где расположена крепость Курганзол и, должно быть, аналогичное сооружение в нижнем слое Поенкургана.

При этом в качестве дополнительного аргумента в пользу данной реконструкции приводится следующее соображение – данный маршрут представляет собой прямую линию.

Эти новые интерпретации источника заставляют нас вновь вернуться к данной теме и попытаться защитить свои выводы. При этом мы, естественно, не будем повторять всю ту аргументацию, которая была высказана ранее, мы ограничим себя только указанием на те пункты в концепциях наших оппонентов, которые кажутся нам уязвимыми, а также приведем некоторые соображения, которые не были нами развиты в более ранней публикации.

Отметим, прежде всего, то обстоятельство, что сообщение Курция Руфа о Маргиане не является единичным свидетельством. Об основании Александрии в Маргиане говорит Плиний Старший (Plin. Nat. Hist. VI, 46-47), свидетельство которого получено, естественно, из иного источника. Об основании этого города говорят также Солин (Solin., 48, 1-3) и Марциан Капелла (Martianus Capella VI, 691). Расхождения в некоторых деталях при описании Маргианы у этих двух авторов и их отличия от информации Плиния заставляют думать, что источники их сведений различны и не сводимы к традиции одного Плиния. Таким образом, можно утверждать, что античная письменная традиция бесспорно подтверждает факт пребывания Александра в Мервском оазисе и основания им Александрии Маргианской.

При анализе собственно сообщения Курция Руфа начнем с самого элементарного – с термина, обозначающего страну. Общепринятым правилом при попытках «исправить» чтение рукописи является сколь возможно меньшее вмешательство в текст. «Маргания» или «Маргиния» совершенно несомненно много ближе к общепринятому «Маргиана», чем «Мараканда» или, тем более, «Маймург» или нечто подобное. Мы знаем, что в ахеменидской Бехистунской (Бисутунской) надписи Мервский оазис назывался страна Маргуш. Греки и римляне называли страну Маргианой. Это была страна, расположенная по берегам и в дельте реки Марг (название зафиксировано у Плиния, Страбона и Птолемея). При переписке рукописи вполне понятна ошибка в сущности в одну букву, если мы считаем, что переписчик вместо «Маргиана» написал «Маргания», но очень трудно допустить радикальное изменение текста, которое нам предлагается: вместо «Мараканда» – «Маргания». Добавим к этому, что таинственная «Маргания» ни в одном тексте, связанным с центральноазиатским регионом, не упоминается. Эти соображения также заставляют нас полагать, что традиционное понимание текста Курция Руфа много предпочтительнее, нежели искусственные исправления его.

Л.М. Сверчков очень высоко оценивает усилия Ф. Грене и К. Рапэна, их «блестящий анализ» относительно того, какие географические реалии скрываются за терминами река Окс и река Ох[8]. Однако у этого анализа имеется одно слабое место. Их предположения относительно реки Ох никак не согласуются с данными источников. В свое время мы привели свидетельства Страбона относительно этой реки,

которые позволяют предполагать, что под этой рекой им понимался Келифский Узбой[9]. В дополнение к этим аргументам мы хотели бы сослаться еще и на Птолемея[10]. Согласно свидетельствам этого автора, река Ох впадает в Окс, протекая к востоку от Маргианы с юга на север. Она представляет собой самую западную водную артерию Бактрианы, расположенную ближе всего к реке Марг и Маргиане.

Хотя свидетельства Страбона не совсем однозначны, но они также указывают на более западное позиционирование по сравнению с Оксом. *Ох* Страбона никак не может представлять собой Пяндж. Некоторые свидетельства Страбона, которые не представлялись ранее реалистическими, теперь (после выявления того факта, что основной ток вод Амударьи направлялся в это время через Узбой в Каспийское море) кажутся вполне оправданными.

Необходимо также обратить внимание еще на одно, с нашей точки зрения, очень важное обстоятельство. Рассказ Курция Руфа состоит, в сущности, из двух частей. В первой он говорит о деятельности Александра в Маргиане, а, закончив этот сюжет, кратко говорит о судьбе укреплений, созданных по приказу македонского царя в этом регионе: «прежде как узда для покоренных племен, ныне забыв о своем происхождении, они служат тем, над кем когда-то господствовали» (tum velut freni domitarum gentium, nunc originis suae oblita serviunt, quibus imperaverunt)» (Curt. Ruf., VII, 10, 15).

Естественно, что информация источника по тому или иному сюжету должна анализироваться целиком. Между тем, насколько нам известно, никто из авторов, отрицавших достоверность свидетельства Курция Руфа, этого не делал. Все исследователи ограничивались анализом только первой части сообщения. Однако, с нашей точки зрения, заключительная сентенция Курция Руфа несет в себе очень важную информацию. Необходимо попытаться ответить на вопрос: кого имеет в виду латинский автор, когда говорит о новых хозяевах возведенных некогда по приказу Александра Македонского укреплений?

Ответ на этот вопрос, как нам кажется, лежит на поверхности. В свое время мы провели специальное исследование, посвященное парфянским сюжетам в труде Курция Руфа[11]. В нем мы пришли к следующим выводам. Курций Руф стремился «актуализировать» свое произведение: при рассказе о деяниях великого завоевателя он несколько раз упоминал события и явления последующего времени, которые должны были привлечь внимание читателя. Поскольку он писал свое произведение в эпоху восточных войн императора Нерона, то, естественно, актуализация была связана, прежде всего, с парфянами. Из 9 упоминаний событий и явлений более позднего времени 2 касаются римских проблем, 1 – судеб населения Александрии Эсхаты, а 6 – парфянских проблем. Исходя из этого, мы полагаем, что и в случае с Маргианой Курций Руф думал и писал именно о парфянах. Противопоставление Курция Руфа времени Александра и его времени, когда парфяне владеют бывшим наследием македонского царя, тем более оправданно, поскольку именно в Маргиане, как это хорошо знали все римляне, томились пленные римские воины армии Красса.

Исходя из этих соображений, мы считаем, что в данном месте труда Курция Руфа явно имеется в виду Маргиана. Предполагать, что парфяне распространили свою власть на верховья Амударьи у нас нет никаких оснований.

Наконец, последний вопрос – относительно археологических памятников, которые можно отнести ко времен Александра. Археологические памятники конца эпохи Ахеменидов и начала эллинистического времени встречаются не только там, где их указывают Ф. Грене, К. Рапэн и Л.М. Сверчков. Нам кажется, что ряд памятников Маргианы вполне может быть отнесен к этому времени. Во всяком случае, на территории Эрк-калы и Гяур-калы в Старом Мерве выявлена непрерывная свита культурных слоев от времени Яз-III (по меньшей мере) вплоть до сасанидского времени, включая, естественно, слои раннеэллинистического периода[12].

Подводя итоги, мы, кажется, можем сказать, что нет серьезных оснований для того, чтобы оспаривать традиционное представление о достоверности сообщения Курция Руфа о походе Александра Македонского в Маргиану.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В частности, И. Дройзена (*Дройзен И.Г.* История эллинизма. Т. 3. М., 1893. С. 354), В. Гейгера (*Geiger W.* Alexanders Feldzüge in Sogdiana //Programm der Kgl. Studienanstalt zu Neustadt an der Hardt 1883/1884. S. 29-31), Ю. Кэрста (*Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus. Bd. I. 3 Aufl. Leipzig–Berlin, 1927. S. 439) и Э. Мейера (*Meyer E.* Blütte und Niedergang des Hellenismus in Asien. Berlin, 1925. S. 17-18).
2. См., например: *Массон М.Е.* Новые данные по древней истории Мерва //ВДИ. 1951. № 4. С. 93; *Рахманова Р.М.* Средняя Азия V-IV вв. до н.э. и поход Александра Македонского: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1964. С. 21; *Массон М.Е.* К вопросу о Маргиане в составе Греко-Бактрийского царства //Известия АН ТССР, серия общественных наук, 1970. № 5. С. 15-16; *Гафуров Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 101; *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 151-153; *Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 259; *Hamilton J.R.* Alexander the Great, London, 1973. P. 100; *Lane Fox R.* Alexander the Great, London, 1973. P. 308; *Schachermeyr F.* Alexander der Grosse. Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens. Wien, 1973. S. 349; *Engels D.W.* Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army. Los Angeles, 1978. P. 104-105. *Bernard P.* Alexandre et Aï-Khanoum //Journal des savants. 1982. P. 125-138.
3. *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н.* Александр Македонский в Маргиане //ВДИ. 2000. № 1. С. 3-15.
4. *Хлопин И.Н.* Александр Македонский в Маргиане //Klio. 1971. Bd. 53; Он же. Александр Македонский в Маргиане //Античность и современность. М., 1972; Он же. Историческая география южных областей Средней Азии. Ашхабад, 1983. С. 163-166.
5. *Grenet F., Rapin C.* Alexander, Aï Khanum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328 //Bulletin of the Asia Institute. New Series. Vol. 12 (1998). 2001. P. 79-89; *Сверчков Л.М.* Александр Македонский в Маргании //Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Алек сандра Марковича Беленицкого. Санкт-Петербург. 2-5 ноября 2004 г. СПб., 2005. С. 191-193.
6. *Leriche P.* Termez antique et médiévale //La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie Centrale. Termez et les villes de Bactriane-Tokharistan. Actes de colloque de Termez 1997. P. 75-100.
7. *Пьянков И.В.* Античные источники о Средней Азии и их интерпретация (по поводу двух работ Ф. Грене и К. Рапэна) //ВДИ, 2004. № 1. С. 96-110. Однако предложенное И.В. Пьянковым решение проблемы (*Пьянков И.В.* Река Ох и Арьяна Вайджа //Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тез. докл. конф., посвященной 10-летию Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. М., 1983. С. 66 сл.) также не может быть принято (см. *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н.* Александр Македонский… С. 7).
8. *Сверчков Л.М.* Александр Македонский… С. 192.
9. *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н.* Александр Македонский… С. 8-9. Основные сведения Страбона о реке Ох таковы: реки Ох и Окс протекают через Гирканию до впадения в море, река Ох течет также через Несею, но, «по словам некоторых, Ох впадает в Окс» (Strab., XI, 7, 3); Иаксарт, подобно Оху и Оксу, стекает с Индийских гор и, так же, как они, впадает в Каспийское море (Strab., X, 7, 4); «по словам одних, Ох течет через Бактриану, других – мимо нее; некоторые утвержда-

ют, что Ох вплоть до устья отличен от Окса, протекая южнее последнего; обе реки впадают в море в пределах Гиркании; другие, напротив, считают, что Ох хотя вначале и различен, но затем сливается в одно русло с Оксом, имея во многих местах 6 или 7 стадий ширины» (Strab., XI, 11, 5). В этом же месте Страбона упоминается о том, что «поблизости от реки Оха, говорят, землекопы нашли источник маслянистого вещества...» (явная реминисценция информации Арриана – Arrian., IV, 15); наконец, Страбон говорит о том, что «Арсак, скиф, с некоторыми из даев, так называемых апарнов, кочевников ... напал на Парфию и завоевал ее», при этом уточняется, что эти парны жили по реке Оху (Strab., XI, 9, 2). У Страбона (Strab., XI, 7, 4) имеется еще одно упоминание об этой реке, однако в нем нет никакой конкретной информации.

10. См. Ptolemaios Geographie 6, 9–21. Ostiran und Zentralasien. Teil I. Griechischer Text neu herausgegeben und ins Deutschen übertragen von I. Ronca. Rom, 1971; *Humbach H.* Historisch-geographische Noten zum sechsten Buch der Geographie des Ptolemaios //Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 19. Jahrgang. 1972. S. 89-98; *Гумбах Г.* Птолемей и Центральная Азия в кушанскую эпоху //Центральная Азия в кушанскую эпоху. Том II. Москва, 1975. С. 71-75; *Humbach H., Ziegler S.* Ptolemy Geography, Book 6. Middle East, Central and North Asia, China. Part 1. Text and English/German Translation by S. Ziegler. Wiesbaden, 1998.
11. *Кошеленко Г.А. Гаибов В.А., Бадер А.Н.* Парфянские сюжеты в «Истории Александра Македонского» Курция Руфа //ВДИ. 1998. № 1. С. 301-313.
12. См. *Гаибов В.А.* Раннеэллинистическая керамика Маргианы //ПИФК. Вып. XIV. 2004. С. 600–608 (здесь же вся предшествующая литература).

G.A.KOSHELENKO, V.A.GAIBOV

IN PROTECTION OF ALEXANDRIA IN MARGIANE

The article is devoted to the matter of town-planning activity by Alexander the Great and Seleukis in Margiane. Authors examine critical materials upon Curcius Rufus's traditions available in the historiography and conclude, that there are no serious grounds to challenge the reliability of the messages by Curcius Rufus about Alexander the Great campaign to Margiane.

А.А. СУПРЕНКОВ (Москва)

НОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ХОРЕ ГОРОДА ЭМПОРИОН

Эмпорион – фокейская колония в северо-западном Средиземноморье на северо-востоке Пиренейского полуострова. Как известно, первое греческое поселение Палеаполис (Palaiapolis) на небольшом острове Сан Марти д'Эмпуриас (Sant Marti d'Ampurias), расположенном вблизи побережья, было основано фокейскими мореплавателями, вероятно, как и Массалия, около 600 г. до н.э. Создание колонии вписывалось в рамки фокейской колонизационной политики в Средиземноморье: Эмпорион служил опорным пунктом в освоении восточного побережья Пиренейского полуострова. Колония очень быстро попадает в сферу влияния Массалии[1]. В начальный период, Массалия и Эмпорион обозначали, вероятно, границы фокейского влияния в Средиземноморье[2]. Около 580-570 гг. до н.э. население перебирается

на материк. Это связано, вероятно, с несколькими возможными причинами – рост населения, лучшее знакомство с местными условиями, потребность в расширении рынка, в освоении территории, и, быть может, появление функций, свойственных городу. В VI в. до н.э. развитие Эмпориона ограничивалось Массалией. Этот период характеризуется как собственно эмпориальный. К концу VI в. Эмпорион становится независимым от Массалии (сокращение числа массалиотской керамики до 5-8%) и вступает в прямые торговые отношения с Афинами (увеличение числа аттической керамики)[3]. Впрочем, возможно, что торговля велась не напрямую, а посредниками выступали полисы Великой Греции[4]. К началу V в. до н.э. Эмпорион, вероятно, становится самостоятельным полисом. В V-IV вв. Эмпорион – один из важных центров распределения аттической продукции в северо-западном Средиземноморье, это время роста торговой активности и усиления города Основными торговыми партнёрами в это время были Афины и Карфаген. Ситуация в III в. до н.э. плохо изучена археологически, что связано с массовыми перестройками после римского завоевания. Этот период определялся противостоянием Рима и Карфагена. Вероятно, в это время активизируются торговые отношения Эмпориона с Карфагеном, осложнённые, однако завоевательной политикой последнего на Пиренейском полуострове и его противостоянием с Римом. Затем Аппиан свидетельствует об удалении Эмпориона от Карфагена – так Эмпорион просит у Рима помощи в 226-225 гг. до н.э. В III в. до н.э. строится стена, защищающая южный вал и укреплённый пояс в Puig Castellet. Возможно, союз с Римом был заключен при посредничестве Массаллии – последовательного римского союзника с IV в. до н.э. Как известно, Массалия активно выступала на стороне римлян во второй пунической войне. Полибий и Тит Левий упоминают о помощи, оказанной Массалией Риму в установлении контроля в Северо-Западном Средиземноморье.

Переходя к рассмотрению хоры, следует сказать об особенности Эмпориона – полиса, объединившего два этноса – греческий и местный, иберийский. По описанию Страбона, в начале Эмпорион был «диполисом» – двойным городом, где проживало местное и греческое населения. Две части города были разделены стеной. Затем возникает общество со смешанными греческими и варварскими законами, и, наконец, сооружение общего вала свидетельствует, возможно, об унификации общества. Среди греческих колонистов были практически одни мужчины и, безусловно, существовали и смешанные браки. Были найдены остатки документа на ионийском диалекте, который, возможно, регламентировал отношения в смешанном полисе

Мы не располагаем подробными сведениями о социальном устройстве колонии. Страбон упоминает, что оно было аристократическим (олигархическим), схожим с массалиотским. Как известно, массалиотская конституция Аристотеля не сохранилась, однако отрывки из неё есть в Политии. Согласно ей, в Массалии существовал аристократический (олигархический) режим, где власть принадлежала нескольким семьям, потомкам основателей города. Затем, вероятно, был создан совет 600, о котором рассказывает Страбон. Верхушка этого совета, состоявшая из 15 человек, выполняла функции всех магистратов. Остальное население, обладало, скорее всего, ограниченными правами, и известно, что подобная система было достаточно устойчива.

Предположив схожее социальное устройство в Эмпорионе, нельзя забывать о факторе значения местного населения. Торговля с греками ещё на начальном периоде стимулировала социальное расслоение среди аборигенов и появление аристократической верхушки. Вероятно, между местной властью и колонистами существовали определённые договорённости. Как известно, отношения не всегда были мирными, но, скорее всего, они были равноправными. Эмпорион являлся поставщиком сельскохозяйственной продукции, и греки явно нуждались в помощи местной аристократии при организации хоры и контроля над ней.

Страбон, говоря, об окрестностях Эмпориона, выделял более и менее плодородные земли. Можно предположить, что к первым он относил земли, благоприятные для выращивания зерновых культур. Такими, вероятно, являются участки к западу от города – на них найдено наибольшее количествово зерновых ям. Известно, что зерно было основной статьёй экспорта Эмпориона в Афины. Археологические исследования слоёв V в. до н.э. свидетельствуют о том, что в это время культивировали преимущественно рожь и пшеницу. Менее плодородные земли могли использоваться для выращивания винограда и олив. Страбон упоминает также о производстве льна. Безусловно, существовало и скотоводство.

В прежней историографии Эмпорион считался городом без прилегающих территорий. Считалось, что город-порт выполнял только торговые функции, что свойственно некоторым фокейским колониям. Поэтому окрестности города находились в экономической связи с ним, но не под политическим и военным контролем. Однако последние исследования показывают, что такие фокейские колонии, как Массалия, Агды, и Провансальская Ольвия. имели собственную хору[5].

Один из исследователей, Жан Малюке считал, что Эмпорион должен был иметь зависимую территорию, как и большинство греческих колоний и вывел теорию, что оппидумы, расположенные в окрестностях, были центрами защиты территории полиса[6].

В 1987 началось изучение остатков античных кадастров, расположенных в интересующем нас регионе. Один из кадастров был идентифицирован как греческий, что изменило многие прежние представления, так как косвенно доказало наличие хоры Эмпориона[7].

Исследования Розы Плана Маллар, основанные на анализе данных аэрофотосъёмки позволили выявить следы античной ортогональной системы земельного размежевания, которая представлена наиболее ярко в трёх регионах[8]: 1) земли к югу от города, расположенные на возвышенностях; 2) некоторые участки речной долины; 3) равнинные участки на западе.

1. Южные земли в настоящий момент практически полностью застроены, однако в некоторых местах прослеживаются остатки возможных земельных участков. Они разделены между собой каменными перегородками, сориентированными по сторонам света, которые, скорее всего, служили защитой от ветра и движения песка. Учитывая характер почв, можно предположить, что в этом районе преобладало виноградарство и оливководство: они недостаточно плодородны для злаковых культур.

Датировка этих перегородок не до конца ясна, однако данные метрологии позволяют предположительно отнести их к античным. Рассматривая Южный участок, мы видим, что длина разделительных стенок повторяется, обычно она равна 33, 35, 17, 18, 70, 35 м. Учитывая длину ионического шага, равную 0,35 м, расстояние 33-35 м равно линейному плетру, использующемуся в греческом мире. Таким образом, 70 м – 2 плетра, 17, 18 – полуплетр. Значительное количество поселений античного времени, обнаруженных здесь, также свидетельствует о том, что данный участок представляет собой остатки сельскохозяйственной зоны, зависимой от греческой колонии.

2. Районы долины реки Флювиа сохранили следы дорог и каналов, которые вписываются в прямоугольную систему, что видно по картам Скорее всего, здесь мы видим остатки дренажно-оросительной системы, создание которой требовали природные условия. Земли этого региона были наиболее благоприятны для выращивания злаковых культур. Некоторые из каналов являются средневековыми или современными, но можно предположить, что они естественно продолжают античные дренажные и оросительные системы. Известно, что в греческом мире использовалась ирригация, что особенно свойственно эллинистическому периоду. Потенциальная плодородность почв делала рентабельными подобные работы. Расположе-

ние местных до-римских поселений и оппидумов относительно данной системы также свидетельствует о возможной её причастности к греческому кадастру.

3. На западных равнинных участках мы видим небольшие прямоугольные участки, земли здесь также плодородны. В зонах, где отсутствуют современные дороги, эта структура читается очень чётко. Прямоугольники образованы с помощью двух основных перпендикулярных осей север-юг, запад-восток.

Чтобы понять принцип выделения возможных участков, необходимо рассмотреть общие закономерности. Прежде всего, отметим, что они приблизительно сориентированы по сторонам света. Анализ их возможной реконструкции позволяет сказать, что оси север-юг, запад-восток примерно продолжают оси города. Сложно судить о предположительных границах хоры Эмпориона, они размываются. Греческий кадастр занимает около 150 кв. км, (15 000 Га) однако реально обрабатываемые земли были, вероятно, менее протяжёнными. К примеру, хора Метапонта ровна 11 000 Га, Херсонеса Таврического – 10 000 Га.

Анализируя размеры возможных участков в трёх вышеуказанных зонах, мы видим следующую картину. Наиболее часто повторяются квадраты со стороной в 600 шагов (площадь 36 плетров). Подобный размер клеров использовался в кадастрах Метапонта и Херсонеса Таврического[9]. Основной квадрат делился либо надвое, либо вчетверо, либо разбивался на 6 лент по 100 шагов каждая (линейный плетр).

Подобное разделение обосновано необходимостью связи города и прилегающей территории. Вероятно, не вся территория подлежала разделению, но существовали и свободные зоны – к примеру, горные районы, годные для скотоводства или болота.

Для осуществления подобного разделения, необходимо обладать определёнными землемерными навыками. Известно, что греки ими обладали. Так, при завоевании Ионии, персы организовали контроль над территорией, используя ранее существовавшее размежевание. Видимо, ионийские греки ещё в VI-V вв. до н.э. активно осуществляли землемерные работы. Фокея, по всей видимости, не была исключением. Многочисленные следы кадастров в фокейских и массалиотских колониях в Западном Средиземноморье свидетельствуют об этом[10].

На настоящий момент на территории хоры Эмпориона не обнаружены греческие усадьбы, а только иберийские. Что это может обозначать? Возможно, греки жили в городе и работали на ближних участках. В городе найдено множество сельскохозяйственных предметов. Возможно, местные жители продолжали работать на своих землях, но теперь были включены в новую структуру. В любом случае следует понять причастность крестьян к их земле. Было ли крестьянство зависимым? Это возможно, и вероятно, крестьяне должны были поставлять сельскохозяйственную продукцию в город или отдельным чиновникам. Крестьянство могло подчиняться иберийской аристократии, что сохранилось и после возникновения греческого полиса. В то же время наличие небольших домов с зерновыми ямами может свидетельством о параллельном существовании мелкого землевладения. Владельцы таких индивидуальных хозяйств вносили, вероятно, оброк. О наличие крупной земельной собственности на данный момент нет свидетельств.

Важнейшим вопросом является связь между античным размежеванием и ролью, которое при этом играло местное население. Необходимо знать, кто являлся собственником земель и сельскохозяйственной продукции. Это напрямую связано с картиной социального устройства в Эмпорионе. Совершенно очевидным является наличие местной аристократии, которая вероятно, обогащалась за счёт торговли с Грецией, следовательно, обладала, излишком сельскохозяйственной продукции. Это говорит о возможной эксплуатация непосредственных производителей, которые являлись зависимыми держателями земель. Необходимо принять во внимания и те изменения, которые претерпела социальная структура после возникновения греческой колонии. Возникновение кадастра может свидетельствовать о преимуще-

ственном владении земель греками, в то же время двойной характер полиса ставит это под сомнение. Политическая система полиса должна играть решающую роль при размежевании территорий, однако нам мало об этом известно.

Скорее всего, в случае с Эмпорионом, речь не шла, как в городах Великой Греции о подчинении местного населения греками, хотя последнее, безусловно, играло значительную роль в сельскохозяйственном использовании территории. В текстах Страбона, Аппиана и Тита Левия есть упоминания о хоре Эмпориона. Везде говориться о тесной связи колонии с местным населением.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Villard F.* La céramique greque de Marseille (VI–IV s.). Essai de l'histoire économique» //BEFAR. 185. Paris, 1960. P. 116.
2. *Bats M.* Définition et évolution du profil maritime de Marseille greque (VI–I s. av. JC) //L'explotation de la mer, moyen d'échange et de communication. VI Rencontres Internationales d'Archéologie et d'Histoire, Antibes 1985. Juan-les-Pins, 1986. P. 33-34.
3. *Villard F.* Op. cit. P. 117-118.
4. *Trias G.* Céramique griegas de la Péninsula Ibérica. Valence, 1967. P. XXXVI.
5. *Benoit J.* L'étude ds cadastres antiques: a propos d'Olbia de Provence //DAM. 8. 1985. P. 25-48.
6. *Maluquer de Motes J.* Rodis i foceus a Catalunya /in memoriam Carles Riba. Barcelona, 1973. P. 221–239.
7. *Borao Mateo J.E.* Las posibles centuriactiones ampuritanas» //Annals de l'Institut d'Estudis Empordanesos. 20. 1987. P. 277-326.
8. *Plana Mallart R.* La chora d'Emporion. Paysage et structure agraires dans la nord-est catalan a la période pré-romaine. Paris, 1994.
9. *Stcheglov A.* Polis et hora. Cité et territoire dans le Pont-Euxin //Annales Littérairaires de l'Université de Besançon. 476. 1992. C. 231–235.
10. *Clavel-Léveque M.* Le territoire d'Agde greque //Territoires des Sités greques. Colloque de l'Ecole Française d'Athènes, 1991. P. 25–48.

A.A .SUPRENKOV

NEW FACTS UPON THE CHORA OF EMPORION

The article examines the new data upon the rural territory in Emporion – Phokaian colony in the northeast of Iberian Peninsula. The specificity of economic use for the «rural» territory of the state city connected with the fact, that Emporion was the polis uniting two ethnoses: the Greek and the Iberian. In this connection, the article brings up the questions of the land tenure and its character, besides, it points at the fact of the antique delimitation and the role of the local population in this process.

М.Ф. ВЫСОКИЙ (Москва)

ГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ И КУЛЬТЫ РЕГИОНА МЕССИНСКОГО ПРОЛИВА*

Особая роль Великих Проливов греческой ойкумены в политической и экономической истории античного мира нашла свое отражение прежде всего в религиозной сфере. Особенности природных условий, воспринятые своеобразным менталитетом греков, привели к особой насыщенности данных регионов различными мифологическими образами. Наибольшее распространение данных образов, мифов и культов, в районах проливов приходится, конечно, на период Великой греческой колонизации.

Все вышеизложенное безусловно относится к Мессанскому проливу. Уникальность данного пролива расположенного в самом центре Средиземноморья, и открывающего путь для греческих моряков в его западную часть, была выявлена эллинами на самой ранней стадии колонизации. В результате Мессанский пролив, мифологический осмысленный, фигурирует уже в героическом эпосе, Одиссее (Hom. XII, 73-126; 222-259).

По дороге с острова волшебницы Кирки Одиссей должен был пройти между двумя стоящими в море утесами, на одном из которых жила чудовище Сцилла, а на другом – чудовище Харибда. Харибда, дочь Посейдона, трижды в день всасывала в себя огромное количество воды, а потом выпускала ее обратно. Сцилла представляла собой чудовище с шестью собачьими головами и двенадцатью ногами. Своими головами Сцилла ловила моряков и поедала их (Hom., Odys., XII, 73-126; 222-259; Apollod., Epit., VII, 20-22).

Причины появление данных образов – географические в широком смысле. В данном мифе отражены трудности природного характера, связанные с освоением данного региона. Для сравнения рассмотрим описание Пролива Павсанием (V, 25, 2-4), созданное уже в те времена, когда данный регион являлся прекрасно известной частью Великой Греции, а берега Пролива были заселены эллинами: «Море в этом проливе является самым бурным, чем в каком бы то ни было другом месте моря. Ветры поднимают здесь сильное волнение, гоня волны с двух сторон: из Адриатики и из так называемого Тирренского моря; даже когда не бывает ветра, даже тогда пролив сам по себе находится в сильнейшем волнении и образует опасные обратные течения; и столько кишит в нем морских чудовищ, что сам воздух над этим морем наполнен зловонием, исходящим от этих диких животных, так что для потерпевшего крушение нет никакого спасения или надежды уйти целым из этого пролива, и если бы Одиссею пришлось здесь потерять свой корабль, едва ли можно было бы поверить, что он живым достиг Италии, хотя милость богов делает все легким». Как видим, даже в эту цивилизованную эпоху имеющиеся объективные природно-климатические сложности мореплавания в Проливе, прекрасно осознаваемые греками, все равно поддерживали живучесть мифов о морских чудовищах, живущих в водах Пролива. Эти мифы, являвшиеся рецепцией легенды о Сцилле и Харибде, отражают определенные природно-географические реалии.

Страбон, описывая побережье Южной Италии, сообщает о Скиллее – «высокой скале в виде полуострова с низким и с двух сторон доступным перешейком». Как следует из дальнейшего текста Страбона, этот Скиллей находится практически у входа в Пролив, и если на этой скале соорудить укрепления, то можно полностью контролировать вход и выход их Пролива. Именно этим расположением Скиллея воспользовался тиран Регия Анаксилай в начале V в. до н.э., построив на перешейке якорную стоянку, чем воспрепятствовал проходу этрусков через Пролив

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 04-01-00417а.

(Strabo, VI, 1,5). И в наше время этот небольшой полуостров у входа в Пролив сохранил свое название – Scilla (Шила), а мощная средневековая крепость на вершине скалы свидетельствует о стратегическом положении этого полуострова в районе Пролива, не утерявшем своего значения и в Средние Века. По всей видимости, этот Скиллей и есть тот утес, на котором жила мифическая Сцилла. Об осознании этого факта еще в древности свидетельствует само название скалы.

Другое чудовище, Харибда, проживала у противоположного утеса, т.е. у мыса Пелориада на сицилийском побережье. Фактически, Харибду можно и сегодня наблюдать, у мыса ди Фаро (древней Пелориады). В этом месте сталкиваются воды более теплого Тирренского моря и более холодного Ионического; кроме того, эти моря имеют разный уровень, уровень Ионического моря ниже, а Тирренского выше. Каждые 6 часов чередуются приливы и отливы. Прилив идет из Ионического моря в Тирренское, отлив – из Тирренского в Ионическое. Чередование этих приливов и отливов образует сильное течение и водовороты, особенно сильные в районе мыса, самом узком месте Пролива (3 км.), которые могли представлять вполне серьезную угрозу небольшим греческим кораблям. Кроме того, это сильное течение выбрасывает на берег много глубоководных рыб и растений, что также могло быть основой для легенд о морских чудищах, которые мы наблюдаем, например, у Павсания.

В целом легенда об Одиссее и его приключениях в Мессенском проливе была не только широко известна, но и стала своеобразной визитной карточкой региона. Так, в первой четверти IV в. в Регии появился очень характерный тип монет: на аверсе находилось изображение головы Одиссея в пилее (войлочной шляпе), украшенной венком, а на реверсе была изображена Сцилла (но с одной человеческой головой)[1].

Великая греческая колонизация и дальнейшее систематическое освоение региона стали основой для создания комплексных мифологических представлений. Ведущую роль в формировании этих представлений играли прежде всего религиозные устои и культы метрополий.

Одним из основных культов района Пролива, особенно в ранний период, был культ Аполлона, который являлся фактически мифологическим патроном колонизации региона: Регий был основан в соответствии с оракулом, данном в Дельфах (Strabo, VI, 1, 6; Diod., VIII, 23, 2), и при основании Занклы ойкисты также обратились в Дельфы (Callim. Aet., II, 23-44).

При основании первой греческой колонии на Сицилии, Наксоса, на мысу, находящемуся в непосредственной близости от Пролива, было основано святилище Аполлона Архегета, где феоры перед отплытием из Сицилии обязательно приносят жертвы. Это важное святилище активно функционировало во времена Фукидида (VI, 3, 1), а во времена, описанные Аппианом, в I в. до н.э., на этом священном участке находилась статуя Аполлона Архегета (B.C., V, 109). И судя по тому, какое значение придавалось в Наксосе культу Аполлона Основателя, вполне можно предположить, что основание Наксоса также связано с оракулом Аполлона.

Данные о культе Аполлона в Регии хотя и отрывочны, но вполне определенные: Варрон сообщает, что на хоре Регия существовало святилище Аполлона, в котором жители Регия совершали жертвоприношения (Antiquitates rerum humanarum, fr.11 Mirsch)[2]. Об этом же свидетельствует и серия барельефов с надписями, на которых изображено жертвоприношение Аполлону и Артемиде[3]. О значимости культа Аполлона в Регии свидетельствует появление соответствующих символов на монетах полиса в V в., и сохранение изображений, связанных с культом Аполлона, на монетах Регия в течение всего столетия. Впервые относимое к Аполлону изображение (голова льва в фас) появилось на регийских монетах в чеканке тирана Анаксилая, в 480-х гг. После свержения тирании сыновей Анаксилая, в 450-420-х гг., на аверсах регийских монет сохранилась традиционная львиная голова, а на реверсах

появились изображение молодого Аполлона, восседающего на троне. В течение 420–400-х гг. монетный тип несколько изменился, – на аверсе сохранилась голова льва, а на реверсе появилась голова Аполлона[4]. Таким образом, в течение как минимум V в. культ Аполлона оставался од ним из главных культов полиса. В этой связи любопытен рассказ Павсания о событиях, датированных второй половиной V в.: «Однажды у мессеян, живущих у пролива, которые по древнему обычаю каждый год посылали в Регий на местный праздник регийцев хор из 35 мальчиков, а вместе с ними учителя этого хора и флейтиста, с этими детьми произошло несчастье … корабль, который вез детей, утонул» (V, 25, 2). Источник не сообщает, о каком празднике идет речь, однако учитывая сведения Варрона о жертвоприношениях регийцев в святилище Аполлона, можно предположить, что хор направлялся именно на празднества в честь Аполлона. Если наша гипотеза верна, то сам факт направления хора из Мессаны для участия в этих празднествах свидетельствует о наличии культа Аполлона и в самой Мессане. И подтверждение этому мы находим в ранних монетах Занклы (так именовалась Мессана до 488 г.). На аверсе монет 525-494 гг. мы видим фигуру дельфина, заплывающего вглубь серповидной косы, образующей гавань Занклы[5]. Дельфин ассоциируется с Аполлоном, поскольку, согласно гомеровскому гимну в часть Аполлона Пифийского, Аполлон принял вид дельфина для того, чтобы привести корабль критян, которых он решил сделать жрецами своего культа, в Дельфы (II, 210-235). Судя по тому, что дельфин на монете вплывает именно в гавань Занклы, можно предположить, что само святилище находилось где-то в районе гавани, и было посвящено культу Аполлона Дельфиния. Этот культ мог быть одним из первых культов Занклы, основанном в первые годы существования полиса, когда вмешательство оракула Дельф прекратило сильнейшую распрю в Занкле между сторонниками двух ойкистов (Callim. Aet., II, 23-44).

Культ сестры Аполлона, Артемиды был довольно распространен в регионе Пролива, однако появление этого культа целиком связано с выходцами из Мессении. Как известно, Регий был основан выходцами из Халкиды, однако в этом переселении приняли участие и мессенцы из Пелопоннесса. Эти мессенцы выступали за то, чтобы дать удовлетворение спартанцам, а значит и богам, за то, что мессенцы изнасиловали спартанских девушек в святилище в Лимнах. Однако в Мессении вспыхнул мятеж и сторонники мира были изгнаны. По оракулу Аполлона, изгнанники отправились вместе с халкидянами основывать Регий. Тот же оракул велел мессенцам принести благодарность Артемиде, поскольку они не погибнут со всей Мессенией, которую вскоре завоюют спартанцы (Strabo, VI, 1, 6). Упомянутое Страбоном святилище в Лимнах – это святилище Артемиды на границе Мессении и Лаконики (Paus., IV, 4, 2-3), и почитаемая здесь Артемида носила эпитеты Орта (Прямо стоящая) и Лигодесма (связанная ивой) (Paus., III, 16, 7-11). В Регии существовало святилище Артемиды, которое находилось за пределами городских стен (Thuc., VI, 44, 3). По археологическим данным нам известно два святилища на хоре Регия, которые можно отнести к культу Артемиды: более раннее великолепное святилище VI в. с большими статуями богини в Fondo Griso-Laboccetta, и более позднее и более скромное святилище в Via Reggio Campi[6]. Такая разница между двумя святилищами одного божества, возможно, связана с тем, что практически с момента основания правители Регия, как сообщает Страбон, выбирались из потомков мессенцев, которые, по всей видимости, покровительствовали культу Артемиды. Из потомков мессенцев происходил и первый тиран Регия, Анаксилай, пришедший к власти в 494 г. (VI, 1, 6). Однако после свержения его сына Леофрона в 461 г.[7] группировка потомков мессенцев могла быть отстранена от власти, что прямо отразилось на роли культа Артемиды в Регии.

Вполне обоснованно считается, что этот культ в Регии является аналогией культа Артемиды в Лимнах: Pomponius Sabinus именует это регийское святилище Dianam Fascelitim (Comm.Verg.Aen, II,117), и данный эпитет является латинской

формой греческого φάκελος, что означает «пучок, связка». Так что данный эпитет имеет прямую связь с эпитетом Артемиды в Лемнах – Лигодесма, «связанная ивой»[8].

Источники сообщают о культе Артемиды, носящей такой же эпитет, Фацелина, и на сицилийском берегу, на хоре Мессаны. Появление этого мессенского культа на Сицилии следует отнести к первой четверти V в., когда в 488 г. отряд эмигрантов из Мессении (из Пелопоннесса) по инициативе и при военной поддержке тирана Регия Анаксилая захватили Занклу, переименовав ее в Мессану[9]. По сообщению Аппиана (B.C., V, 109), святилище Артемиды находилось рядом с Милами, небольшим frouvrion на берегу Тирренского моря, на хоре Мессаны, который был захвачен мессенцами вскоре после оккупации Мессаны[10]. После этого, видимо, в знак подчинения всей хоры Мессаны, мессенцы и основали святилище Артемиды Фацелины. Однако мифологическое «обрамление» появления этого культа довольно необычно: герой Орест похищает из Тавриды деревянное изображение богини Артемиды, и доставляет его не в Лаконику, как это сказано в традиционной трактовке мифа (Paus., III, 16, 7), а заброшенный по дороге бурей на Сицилию, оставляет его в Тиндари, где с тех пор существует культ и ежегодно справляются празднества в честь Артемиды Facelitis (Serv., Comm. In Verg. Bucol., 3, 1 Thilo; Schol. Theocr., Proleg. Ba. P. 2 Wendel; Sil. Italic., XIV, 260). Таким образом, культ Артемиды Фацелины находился в городке Тиндари, не далеко от Мил, а роль Ореста в основании этого культа объясняется региональной версией мифа о странствиях Ореста, которую мы рассмотрим позже.

Однако подобной локализации культа Артемиды Фацелины противоречит сообщение Вибия Секвестра, автора трактата о реках, который сообщает о сицилийской реке Phacelinus, которая расположена рядом с мысом Пелориада, и протекает по соседству с храмом Дианы/Артемиды (iuxta Peloridem, confines templo Dianae,– De flum., 124). Название реки происходит не от эпитета храма Артемиды, а является местным греческим названием. Так, у Гесихия упомянута глосса φακός, означающая мох в гавани (φακός - βρύον το᾽ ἐν τῇ λίμνῃ). Таким образом, перед нами еще одно святилище Артемиды, расположенное на берегу речки недалеко от мыса Пелориада и, следовательно, Мессаны. Скорее всего, это святилище было основано теми же мессенцами около 488 г., после захвата ими Занклы.

Вполне логичным является появление в пантеоне Пролива «владыки морей» – Посейдона. Как сообщает Страбон (VI, 1, 5), поблизости от мыса Кений, образующего вместе с мысом Пелориада вход в Пролив, жители Регия основали святилище Посейдона, соорудив так называемый «Столб регийцев» (στυλὶς ᾽Ρηγίνων) – небольшую башню на берегу Пролива (III, 5, 5; VI, 2, 1; 2, 3; Mela, II, 68). Этот культ на берегах Пролива имеет чисто халкидское происхождение, появление его относится к самым ранним временам колонизации, и основан он, вероятно, по аналогии с культом Посейдона, расположенном на юге Эвбеи[11]. Халкидянами этот культ был перенесен и на сицилийский берег: Диодор (IV, 85, 5) сообщает местную версию мифа об Орионе, сыне Посейдона, согласно которой Орион насыпал мыс Пелориада и основал на нем святилище (τέμενος) Посейдона. По словам Диодора, это святилище было особо почитаемо местными жителями, и значимость этого культа в Мессане подтверждают изображения Посейдона и его трезубца на монетах Мессаны третьей четверти IV в. (338-318 гг.)[12]. Солин (V, 12) называет это святилище Mons Neptunus, что говорит о том, что само святилище располагалось на возвышенности, доминирующей над проливом. В целом, можно предположить, что и свят илище у мыса Пелориада, и святилище у мыса Кений играли роль ориентиров или маяков при судоходстве в Проливе.

Как уже говорилось, регион Пролива достаточно рано стал объектом систематизированной мифологизации, что нашло свое отражение в появлении местных вариаций общеизвестных мифов, среди которых – мифы об Орионе и Оресте.

Великан Орион был сыном Посейдона (Apollod., I, 4, 3). Он упоминается в «Илиаде», а в «Одиссее» к нему относится эпитет πελώριον (XI, 572), что подчеркивает его связь с районом Пелориады. Согласно рассказу Диодора, Орион попал на Сицилию, где для Занкла, царя города Занклы, он создал насыпь и соорудил порт, называемый Акта. Далее, со ссылкой на Гесиода, Диодор сообщает, что Орион насыпал мыс Пелориада, где основал святилище Посейдона, а затем отправился на Эвбею, где и поселился (IV, 85, 2; 5). Хотя при описании последнего сюжета Диодор и ссылается на Гесиода, более вероятным кажется то, что он был просто приписан Гесиоду, а фактически, вместе с первым фрагментом, перед нами краткое содержание местного мифа о службе Ориона царю Занклу. Судя по тому, что именно Орион соорудил порт Занклы/Мессаны, вполне можно предположить, что в районе порта находилось святилище Ориона, как его основателя.

Как уже говорилось, существует местная вариация мифа о похищении героем Орестом изображения Артемиды из Тавриды. Возвращаясь из Тавриды, Орест был заброшен бурей на Сицилию, где основал святилище Артемиды в Тиндари, учредив ежегодные празднества в честь богини. Затем Орест отправился в район Регия, где был очищен от скверны в реках на хоре полиса, в благодарность за что, по всей видимости, он возвел там храм Аполлона, в котором регийцы впоследствии совершали обряды (Serv., Comm. In Verg. Bucol., 3,1 Thilo; Schol. Theocr., Proleg. Ba. P. 2 Wendel; Varron. Antiquitates rerum humanarum, fr.11 Mirsch).

Как мы уже видели, регион Пролива оказался под сильным влиянием традиций выходцев из Мессении, прибывших сюда двумя волнами – при основании Регия в конце VIII в. и в начале V в. Среди подобных традиций видное место занимают характерные для Пелопоннесса культы. Часть из них мы уже рассмотрели, а из оставшихся – культы Пана, Геракла и Асклепия.

Культ Пана, очень распространенный на Пелопоннессе, в регионе Пролива нам известен лишь по изображениям на монетах. Впервые его символ – заяц, – появляется ок. 488 г. на монетах тирана Анаксилая, идентичных для Регия и для Мессаны, входивших тогда в состав одного государства. Однако после падения тирании сыновей Анаксилая и распада государства изображение зайца сохранилось лишь на монетах Мессаны второй половины V в.,[13] что говорит о том, что само святилище располагалось именно на хоре Мессаны. Следует отметить, что существует большая дискуссия об идентификации изображения зайца, и по это му вопросу есть и иные гипотезы[14]. По нашему мнению, это все-таки символ Пана, поскольку уже на реверсе монет 420 г. вместе с тем же зайцем изображен молодой бог с маленьким рогом на голове[15], что единодушно трактуется как изображение самого Пана. На этой монете Пан изображен сидящим на скале, что, вероятно, свидетельствует о местоположении его святилища – на горе в ближайших окрестностях Мессаны.

О культе Геракла у нас информации также немного. Павсаний сообщает, что в 488 г., после захвата Занклы мессенцами и переименовании ее в Мессану, вне стен города специально для мессенцев по приказу их предводителя Мантикла был построен храм Геракла и воздвигнута статуя героя, названная в честь мессенского предводителя Гераклом-Мантиклом (IV, 23, 10). Видимо, культ Геракла был весьма важен для мессенцев, судя по замечания Павсания, что этот культ был основан специально для них. Это вполне понятно, поскольку, согласно преданиям, первым собственно мессенским царем был Кресфонт, потомок Геракла (Paus., IV, 3, 3-8). Этот храм и статуя существовали и 100 лет спустя, и культ процветал, имея собственного жреца (Paus., IV, 26, 3). Судя по тому, что этот жрец проживал в самой Мессане, можно представить, что храм и статуя находились в непосредственной близости от городских стен. В дальнейшем этот культ продолжал процветать, о чем свидетельствует появление головы Геракла на мессанских монетах начала III в.[16] На хоре Регия также существовал культ Геракла, о чем свидетельствует надпись из Castellace[17]. Судя по датировке этой надписи – первая половина V в., т.е. вскоре по-

сле прибытия отряда Мантикла и захвата Занклы, – можно предположить, что это святилище также было основано под влиянием и при непосредственном участии мессенцев, к которым тиран Региа и Мессаны Анаксилай, выходец из рода потомков мессенских эмигрантов, должен был относиться благосклонно.

Культ Асклепия в Мессане известен только из одной надписи II в. (IG, XIV, 402 A), однако его связь с мессенцами определяется достаточно твердо. В IV в., после освобождения Мессении от спартанцев и возвращении многих эмигрантов на родину, Асклепий стал одним из основных божеств Мессении. Кроме того, Павсаний передает собственно мессенскую легенду, что матерью Асклепия была Арсиноя из Мессении, а его сын Махаон участвовал в осаде Трои в качестве царя Мессении (IV, 3, 1-2).

Значительное влияние на формирование мифологической истории региона оказали легенды местного населения. И хотя многие из них безвозвратно утрачены, будучи адоптированы греческой мифологией, тем не менее мы можем проследить их случайно сохранившиеся фрагменты. Весь мифологический комплекс обычно связан с каким-то одним городом, поэтому рассмотрим отдельно материалы и для Региа, и для Занклы/Мессаны.

Само название «Занкла» происходит от местного, сикульского слова, означающего серп, которое данное поселение получило из-за серповидной формы косы, образующей городскую гавань (Thuc., VI, 4, 5; Strabo, VI, 2, 3). Очевидно, что с этим были связаны какие-то легенды, но до нас дошло лишь осмысление этого названия греками: которые полагали, что серповидная коса – это зарытый в этом районе серп, которым Кронос кастрировал своего отца Урана (Apollod., I, 1, 4). Тем не менее у Диодора сохранилась небольшая информация о Занкле, царе города, по имени которого он и был назван. И именно его правлению местная легенда приписывает сооружение серпообразной насыпи и порта города (IV, 85, 1).

В Мессане в конце V в. (412-408 гг.) на монетах появляется голова женского божества с легендой πελοριάς.[18] Очевидно, перед нами культ местной нимфы, функцией которой, судя по ее имени, являлся контроль над Проливом: практически у всех авторов мыс, образующий со стороны Сицилии вход в Пролив, именуется мысом Пелориадой (Strabo, VI, 2, 1; 2, 3; Diod., IV, 85, 5). Однако на самом мысу источники не упоминают святилища нимфы, так что вполне вероятно, что столь важный для Занклы культ располагался в городе, на священной территории в районе порта, в San Raineri. В этом районе найдены материалы VIII-VI вв.,[19] однако до сих пор там не проводились систематические археологические исследования, поэтому ни подтвердить, ни опровергнуть нашу гипотезу пока невозможно.

Вместе с тем тот же Страбон (III, 5, 5) сообщает, что на мысе Пелориада, напротив знаменитого «столба регийцев» была сооружена так называемая «башня Пелора». Валерий Максим уточняет, что там находилась статуя Пелора (9, 8 ext.1), выполнявшая, вероятно, функцию ориентира во время плавания через Пролив. Очевидно, что упоминаемый Пелор (πέλορος) – это иной персонаж, отличный от нимфы Пелориады. Страбон сохранил короткое сообщение о том, что ливийцы поставили памятник в честь Пелора, казненного ими за то, что он не провел их через Пролив (I, 1, 17), и, по всей вероятности, перед нами тот самый Пелор, местный герой, охраняющий акваторию Пролива.

На реверсе уже рассмотренных монет Мессаны конца V в. иногда появляется изображение обнаженного воина со щитом, копьем и шлемом в боевой позиции. Судя по легенде на монетах, это Φεραίμον[20]. У Диодора мы находим сведения, что Феремон, сын Эола, вместе с братом Андроклом царствовал на Сицилии, владея землями от Пролива до Лилибея (V, 8, 1). К сожалению, другой информации об этом местном герое мы не имеем. Вероятно, что по легенде, Феремон владел землями будущей Занклы/Мессаны.

Как и для Занклы/Мессаны, для Региа характерно очень раннее осмысление

местных культов. Так, легендарным основателем Регия считается Иокаст, сын Эола, который царствовал на этом побережье Италии (Diod., V, 8, 1). Именно у его могилы собрались поселенцы при основании апойкии (Heraclid. Lembo, 55. P. 32 Dilts), и вполне вероятно, что впоследствии эта гробница находилась на территории города. На самых ранних монетах Регия (510-500 гг.) появляется изображение быка с человеческой головой[21]. Это явно изображение местного речного божества, судя по аналогичным изображениям на монетах Гелы и Катаны. По всей вероятности, это божество реки Апсии (совр. Calopinace), которую Дельфийский оракул, согласно Диодору, назвал наиболее священной рекой (VIII, 23, 2).

На одной серии монет Регия первой четверти IV в. на аверсе появляется изображение грифона, а на реверсе изображен едущий всадник и содержится легенда KAINON.[22] Очевидно, что имеется в виду мыс Καῖνυς (Strabo, VI, 1, 5; 2, 1), который со стороны итальянского побережья вместе с мысом Пелориадой образовывал вход в Пролив. Судя по изображению едущего всадника, можно предположить, что перед нами культ местного героя на мысе Кении, который пользовался определенной популярностью среди эллинов.

В заключении хотелось бы остановиться на одном любопытном культе – культе Гелиоса в Занкле. В 493 г. Занклу при помощи тирана Регия Анаксилая захватил отряд переселенцев из Самоса.[23] Обосновавшись в полисе, самосцы стали чеканить собственную монету, на аверсе которой был изображен скальп льва – типичный для Самоса символ культа Гелиоса, из чего можно заключить, что самосцы ввели в Занкле свой традиционный культ Гелиоса. Но в 488 г. Занклу при помощи все того же Анаксилая захватили мессенцы, и больше мы не имеем никаких сведений о культе Гелиоса в Занкле. Однако, как сообщает Аппиан (B.C., V, 109), существовала легенда, что в районе, где теперь находился храм Артемиды, в свое время паслись знаменитые быки Гелиоса. Учитывая подобную, довольно точную локализацию, можно предположить, что именно в этом районе, между Милами и Тиндари, располагалось сохранившееся святилище Гелиоса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Castrizio D.* La monetazione mercenariale in Sicilia. Rubbettino Editore, 2000.
2. О гипотетической идентификации остатков храма, найденных рядом с античной городской стеной, с храмом Аполлона, см.: *Carando E.* Topografia di Rhegion //Nel cuoro del Mediterraneo antico. Reggio, Messina e le colonie calcidesi dell'area dello Stretto. Messina, 2000. P.213-214.
3. *Camassa G.* Per una storia dei culti nell'area dello Stretto //Nel cuoro del Mediterraneo antico. Reggio, Messina e le colonie calcidesi dell'area dello Stretto. Messina, 2000. P.89.
4. *Caccamo Caltabiano M.* Le prime emissioni anassilaiche a Rhegion e a Messene //Quaderni dell'Istituto di Archeologia della facolta di lettere e filosofia della Universita di Messina.2.1986-1987. P.5-24; Ibid., La monetazione bronzea di Reggio nel V secolo a.C. //Cronache di Archeologia. 18. 1979. P.167-181; Sylloge nummorum graecorum Italia. Regione Siciliana, 1999. № 54-56.
5. Sylloge nummorum graecorum Italia. № 537; Miti e culti dello Stretto nelle Monete Antiche (fine VI – inizi III sec. a.C.). Messina, 1999. P. 10.
6. *Spadea R.* Reggio //Il museo nazionale di Reggio Calabria. Roma, Gangemi Editore, 1996. P. 83-91; 98.
7. Подробнее об этих событиях см. в: *Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII – середины V в. до н.э. СПб., 2004. С.322-323.
8. См. *Asheri D.* A propos des sanctuaries extraurbains en Sicile et Grande-Grece: theories et themoignages //Mélanges. T. 1. 1988. P. 8.

9. См. подробнее: *Высокий.* История Сицилии в архаическую эпоху. С. 296-297.
10. Ibid. C.307-308.
11. *Camassa*. Per una storia dei culti nell'area dello Stretto. P.92.
12. Miti e culti dello Stretto nelle Monete Antiche. P.31.
13. Sylloge nummorum graecorum Italia. № 50-53; 540-546.
14. Так Дж.Манганаро полагает, что изображение зайца связано с распространением этих животных в округе; а М.Каккамо Калтабиано считает, что заяц – это изображение солярного символа, появившегося под влиянием египетских традиций, – подробнее см.: *Высокий*. История Сицилии в архаическую эпоху. С. 313, прим. 131.
15. Miti e culti dello Stretto nelle Monete Antiche. P. 26.
16. Ibid. P.34.
17. *Camassa.* Per una storia dei culti nell'area dello Stretto. P. 91.
18. Miti e culti dello Stretto nelle Monete Antiche. P. 27.
19. *Prestianni A.M.* Il Peloro nel'antichita. Miti Scienze Storia //Messina e Reggio nel'antichita: storia, societa, cultura. Messina, 2002. P. 148.
20. Miti e culti dello Stretto nelle Monete Antiche. P. 28.
21. Ibid. P.12.
22. *Castrizio*. La monetazione mercenariale in Sicilia. P. 59.
23. Подробнее о захвате Занклы самосцами и о монетном деле самосцев в Занкле см.: *Высокий*. История Сицилии в архаическую эпоху. С. 288-291; 301-302.

M.F.VYSOKYI

GREEK MYTHS AND CULTS OF MESSINA STRAIT REGION

The article is devoted to the cultural specificity in the region of Messina strait. The history of regional cults is exposed in connection with the process of the local peacemaking.

А.В. КОЛОБОВ (Пермь)

ДАЛМАТИЙСКИЙ ЛИМЕС КАК ОДИН ИЗ ПРОТОТИПОВ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ СИСТЕМ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

При всем разнообразии трактовок римского лимеса[1] под последним чаще всего понимают систему стационарных фортификационных сооружений и сопутствующих коммуникаций. Резонно предположить, что лимес как система пограничных гарнизонов, сложившаяся в Британии, на Рейне, Дунае, Евфрате и т.д. на рубеже I-II вв., явилась определенным итогом развития практики дислокации римских вооруженных сил. Предметом исследования настоящей работы является далматийский лимес – одна из ранних гарнизонных агломераций, явившийся, на наш взгляд, прототипом – безусловно, не единственным – для последующих пограничных фортификационных систем.

Еще в начале XX в. австрийский исследователь античности К.Патч предположил существование в I в.н.э. далматийского лимеса – цепочки римских стационарных военных баз в центральном секторе восточного побережья Адриатики между

реками Каркой и Неретвой[2].

Основу далматийского лимеса составили два легионных лагеря – Бурнум и Тилурий. Бурнум был хорошо известен антиковедам уже в конце XIX в. Неподалеку от хорватского города Книн на обрывистом берегу реки Крка до сих пор возвышаются величественные руины римской крепости. Этот лагерь, являвшийся северной точкой далматийского лимеса, исследовался австрийскими археологами в начале XX в. и в 1970-х гг., но полностью не раскопан до сих пор[3].

Выбор места для легионного лагеря был обусловлен рядом обстоятельств. Долина Крки, где проходила старая граница между Цизальпинской Галлией и Иллирией, стала ареной ожесточенных столкновений между римлянами и далматами в период наместничества Юлия Цезаря и во время иллирийского похода Октавиана-триумвира[4]. Встревоженные неудачами легатов Цезаря в борьбе против далматов, римляне в дальнейшем стремились защитить не только своих союзников – либурнов, но и всерьез опасались далматийского нашествия на Италию.

Местоположение Тилурия – второго легионного лагеря – определил в 1930-х гг. хорватский археолог Ш.Гуньяча[5]. Систематические раскопки почти полностью разрушенной легионной базы в местечке Гардун на берегу реки Цетины неподалеку от Сплита начались в 1997 г. под руководством М.Санадер[6]. Тилурий стал центральным звеном далматийского лимеса. Выбирая место для второго легионного лагеря, римляне стремились, во первых, установить контроль над расположенными по соседству основными центрами враждебных Далматов[7], а, во-вторых, защитить стремительно развивающийся с 40-х гг.до н.э. новый центр провинции – колонию Салону[8].

Дислокацию гарнизонов вспомогательных частей, составлявших второй элемент далматийского лимеса, археологи долго определяли гипотетично, опираясь, в основном, на эпиграфические памятники. Рядом с Бурнумом, как предполагают ученые, находились лагеря вспомогательных когорт Магнум и Андетрий[9]. Однако эти лагеря до сих пор не обнаружены.

Более определенная ситуация в зоне южного легионного лагеря Тилурия. В 1980-х гг. известный боснийский антиковед И.Бояновски локализовал Бигесте – форт конной когорты. Крепость стояла на берегу притока Неретвы возле городка Любушки в западной Герцеговине[10]. После обнаружения лагеря Дигесте обрела новую актуальность дискуссия по поводу объекта эпохи принципата на берегу Неретвы в герцеговинском местечке Могорьело, открытого в начале XX в. К.Патчем. Австрийский ученый определил его как лагерь римской когорты[11], однако датчанин Э.Диггве, продолживший там раскопки в межвоенный период, определил объект как большую укрепленную виллу[12]. Учитывая определенную типологическую близость объектов в Бигесте и Могорьело, можно допустить, что вилла возникла на базе военного лагеря. Две базы вспомогательных войск составили южный фланг далматийского лимеса.

Военные базы римлян в низовье Неретвы были призваны оборонять Нарону – крупнейший торговый центр региона и старейшее римское поселение в Далмации, а также союзников даорсов от набегов далматов с севера и пирустов с юга. Сообщения античных авторов и находки римского вооружения позволяют предположить, что с середины II в. до н.э. Нарона стала форпостом римского военного присутствия в восточной Адриатике[13]. Поскольку в республиканский период Нарона была военно-политическим центром римской Иллирии, вполне логично предположить, что именно с юга началось строительство далматийского лимеса.

Результаты исследований в Тилурии, Бигесте и Бурнуме позволяют говорить, что римские военные лагеря здесь возникли сразу после иллирийского похода Октавиана-триумвира, т.е., на рубеже 30-20-х гг. до н.э.[14] Именно с этого времени восточное побережье Адриатики полностью попало под римский контроль. Все военные базы были построены на месте укрепленных городищ далматов на берегах гор-

ных рек, долины которых являлись естественными проходами на адриатическое побережье. В период правления Октавиана Августа гарнизоны лагерей постоянно менялись. Это было связано, с одной стороны, с военными компаниями в регионе, проводимыми в 12-9 гг. до н.э. и 6-9 гг.н.э. под руководством Тиберия, а с другой стороны – отражением общей тенденции к постоянному перемещению войск из одного лагеря в другой, характерной для эпохи Августа. В эти годы пребыванием в лагерях Далмации отметились легионы XX Valeria Victrix, IX Hispanorum, VII и XI, а также многочисленные вспомогательные части. «Августовы» лагеря несли в себе черты временных конструкций и были построены из дерева и дерна.

Лишь при Тиберии произошла стабилизация легионных гарнизонов далматийского лимеса. В Бурнуме обустроился XI легион, в Тилурии – VII, в Бигесте – VIII добровольческая конная когорта римских граждан. В это время в военных лагерях развернулось каменное строительство. Обращает на себя внимание маленькая площадь легионных баз в Далмации. Если средняя площадь однолегионного лагеря эпохи принципата составляла около 17 га, площадь лагеря Тилурий достигала 12 га[15], а Бурнума – всего лишь 8,5 га[16]. Объяснить такое явление можно лишь тем, что легионные лагеря строились с расчетом, что отдельные подразделения – когорты или центурии – были постоянно дислоцированы в других местах и, вероятно, не имели стационарных гарнизонов.

Площадь ауксилиарного лагеря Бигесте была типичной для базы на когорту из шести центурий – 1,5 га.[17] Гарнизон же лагеря в Бигесте в течение I в. неоднократно менялся. В это время здесь отметились помимо VIII Добровольческой римскогражданской конные когорты I Бракаравгустанов, I Луциева испанская, III Альпийская.

До середины I в., пока сохранялась угроза восстаний горных племен, гарнизоны лимеса служили щитом, прикрывающим римские поселения на Адриатическом побережье. При Августе многие десятки тысяч человек переселились из северной Италии в Далмацию. Мы полагаем, что не случайно крупнейшими городами Далмации стали именно те поселения – колонии Салона, Ядер и Нарона – вблизи которых находились римские гарнизоны.

В 10-40–х гг. римские войска в провинции кроме собственно военной службы были активно задействованы в дорожном строительстве. Сотни километров дорог были проложены солдатами вдоль Адриатического побережья, вглубь Балкан и на север – к Саве и Дунаю[18]. Военные землемеры осуществляли центуриацию угодий вновь образуемых муниципиев и колоний, занимались планировкой новых городов (CIL, III, 2882; CIL, III, 2883; CIL, III, 12794; Fitz J. Die Verwaltung… I. Bdp., 1993. S.77. №11). На солдатских надгробных памятниках того времени, обнаруженных на территории римской Далмации, часто изображались строительные и измерительные инструменты[19].

Важной функцией римских войск была депортация части иллирийских племен из зоны расселения италийских мигрантов и из окрестностей военных лагерей, а также ликвидация укрепленных городищ делматов, пирустов и других мятежников. Опираясь на сообщения Плиния старшего (Plin. NH., III, 141), ученые отмечают исчезновение в I в. больших, известных в прошлом х племен на территории Далмации и появление большого количества малых, неизвестных прежде этнических образований[20] . Несомненно, что связанные с дроблением родо-племенных структур иллирийцев миграционные процессы происходили при активном участии римских войск. Гарнизоны далматийского лимеса обеспечивали набор новобранцев для флота и вспомогательных частей из среды иллирийских племен региона. Не случайно из вспомогательных войск в Далмации размещались в основном конные когорты – пеше-конные части, предназначенные скорее не для ведения боевых действий, а для выполнения патрульных и конвойных функций.

По соседству с гарнизонами создавались ветеранские аграрные поселения. В 14 г. н.э. недалеко от ауксилиарной базы Бигесте возник Скунастийский паг,

заселенный ветеранами VII и XI легионов. В 45 г., опять же, недалеко от Бигесте – по ту строну лимеса – Клавдием в связи с выводом VII легиона из Тилурия была основана единственная в Далмации ветеранская колония Эквум. Долина Неретвы не случайно стала ареной ветеранской колонизации, поскольку это был наиболее плодородный регион провинции.[21]

Свертывание далматийского лимеса произошло во второй пол. I в. Сначала Клавдий, устрашенный попыткой узурпации престола со стороны наместника Далмации Камилла Скрибониана, вывел из Тилурия наиболее боеспособный VII легион. Получив за сохранение лояльности почетный титул Claudia Pia Fidelis, VII легион в 45 г. был отправлен на Дунай в мезийский Виминаций[22].

В Бурнуме до 69 г. находился XI легион, переведенный Веспасианом после гражданской войны в верхнегерманскую Виндониссу[23]. Как сообщил Тацит, вместе с легионом адриатическую провинцию покинули 6 000 флотских новобранцев – делматов (Tac. Hist. III,50). Характерно, что выведенный в Верхнюю Германию XI легион был рассредоточен, как и прежде, на несколько вексилляций, занимался строительством дорог и небольших укреплений в ближнем тылу лимеса в верховьях Рейна и Дуная[24]. Таким образом, легион на новом месте выполнял те же функции, что и во время нахождения в Далмации.

С 70 по 86 г. в Бурнуме располагался образованный Веспасианом IV Флавиев легион. Домициан вывел его на дунайский рубеж в связи с дакийскими войнами[25]. После римской оккупации Дакии легион разместился в верхнемезийском Сингидуне. Важно отметить, что и на новом месте дислокации IV Флавиев легион продолжал играть роль стратегического резерва дунайской группы войск, а его лагерь и прилегающие кастеллы имели – как и его прежняя база – значение «тылового» лимеса» Римской империи. В частности, IV Флавиев легион перестроил лагерь Сингидун из деревянно-земляного в каменный[26].

Уход IV легиона из Бурнума означал конец далматийского лимеса как зоны сосредоточения значительной массы войск – порядка 20 000 человек – в полосе около 200 км. Свертывание далматийского лимеса до нескольких ауксилиарных фортов было связано с трансформацией иллирийского лиимеса – цепочки баз от Бигесте на юге до дунайского Карнунта на севере[27] в «горизонтальный» лимес по Дунаю.

Между тем легионные лагеря далматийского лимеса после ухода легионов были заняты до начала III в. подразделениями вспомогательных войск: конными когортами – VIII добровольческой римских граждан и I бельгов. Близ военных лагерей во второй половине II – первой трети III вв. размещались также посты консулярных бенефициариев – своеобразных шерифов эпохи принципата[28].

Земля вокруг военных баз долго оставалась в пользовании войск. Даже начавшаяся при Адриане муниципализация гарнизонных поселков не привела к ликвидации «военной территории». Ее свертывание произошло при Септимии Севере с реорганизацией анноны – системы обеспечения армии через повинности и налоги, возложенные на население провинций[29].

Вывод войск с западной кромки Динарского нагорья не означал ликвидации римского военного присутствия в далматийской провинции в целом. С середины II в. зоной скопления вспомогательных войск стали горно-рудные районы северной Боснии и западной Сербии, где сложилась сырьевая база металлургического обеспечения паннонско-мезийского лимеса на Дунае[30]

Таким образом, далматийский лимес стал одним из первых лимесов империи. В отличие от последующих аналогов, он возник вдали от границ империи, сыграл важную роль в романизации восточноадриатического побережья и формировании неповторимого облика адриатической провинции.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Обзор концепций лимеса см.: *Ле Боек Я*. Римская армия эпохи ранней империи. М., 2001. С. 222-225.
2. *Patsch K.* Bosnien und Herzegowina einst und jetz. Wien, 1922. S.48.
3. Подробную библиографию по истории изучения Бурнума см.: *Zaninovic M.* Burnum. Castellum-municipium //Idem. Od Helena do Hrvata. Zagreb, 1996. S.272.
4. *Marasco G.* Aulo Gabinio e Illiria al tempo di Cesare //Latomus. 1997. № 56. P.307-326; *Veith G.* Die Feldzuege des C.Iulius Caesar Octavianus in Illyrien in den J. 35-33 c.Chr. Vienna, 1914; *Swoboda E.* Octavian und Illyricum. Wien, 1932; *Малеваный А.М.* Илирийские походы Октавиана (35-33 г.до н.э.) //ВДИ.1977. № 140. С.129-142; *Sasel Kos M*. Appian and Dio on the Illyrian Wars of Octavian //Ziva Antika (Skopje). 1997. № 47. Fasc.3-4. P.187-198.
5. *Gunjaca S.* Topografska pitanja na teritorju stare Cetinske zupanije s ekskursima v ubikacije Setovije I Tilurija. Split, 1937.
6. *Sanader M*. Tilurium I. Istrazivanja – Forschungen 1997–2001. Zagreb, 2003.
7. *Zaninovic M*. Od Ninje do Promone //Arheoloska istrazivanja u Kninu I Kninskoj krajni. Zagreb, 1992. S.33-40.
8. *Kubitschek W.* Imperium Romanum tributum descriptum. Wien, 1899. S.193,196; *Abramic M*. Forschungen in Salona I. Wien, 1917. S.3; *Vittinghof F.* Roemische Kolonisation und Buegerrechtspolitik unter Caesar und Augustus. Wiesbaden, 1952. S.85,124; *Alfoeldy G.* Bevolkerung und Gesellschaft der roemischen Provinz Dalmatien. Budapest, 1965. S.140; *Wilkes J.* Dalmatia. London, 1969. P.224.
9. *Alfoeldy G.* Die Auxiliartruppen der Provinz Dalmatien //Acta archaeologica Hungarica (Budapest). 1962. № 14. S.282.
10. *Bojanovski I.* Epigrafski I topografski nalazi sa podrucja anticke Bigeste (Pagus Scunasticus) //100 years of the Museum in Humac. Cultural Association of Ljubuski Municipality. Ljubuski, 1985. P.65-93.
11. *Patsch C.* Herzegowina einst und jetz. Wien, 1922. S.56.
12. *Dyggve E.* Mogorjelo. Kopenhavn, 1958. S.24.
13. *Zaninovic M*. Podrucje Neretve kao vojni mostobran rimske antike //Idem. Od Helena do Hrvata. Zagreb, 1996. S.221-229.
14. *Sanader M*. Op.cit. P.81.
15. Ibidem. S.81
16. *Zaninovic M*. Burnum. S.274.
17. *Bojanovski I.* Op.cit. S.68.
18. *Bojanovski I.* Dolabelin system cesta u rimskoj provinciji Dalmaciji. Sarasjevo, 1974.
19. *Suic M.* Novi epigrafski nalazi iz Burnuma //Diadora (Zadar). 1970. № 18. S.29.
20. *Zaninovic M.*The Population of Roman Dalmatia //ANRW. II.6. Berlin; New York, 1977. P.762-763.
21. Подробнее: *Kolobow A*. Weterany legionowi w Dalmacji w I wieku po Chrystusie //Scripta Minora III. Aetas Imperatoria /Ed. L.Mrozewicz, K.Ilski. Poznan, 1999. S.317-335.
22. *Alfoeldy G.* Bevolkerung und Gesellschaft der roemischen Provinz Dalmatien. Budazpest, 1965. S.109. Следует, однако, отметить, достаточно распространенное среди части исследователей военной истории Балкано-дунайского региона мнение о том, что VII легион был переведен в Мезию не ранее 62 г.: *Wilkes J.* Dalmatia. L., 1969. P.96; *Mirkovic M.* Inscriptions de Mesie Superieur. Beograd, 1979. Vol.2. P.36-37; *Mrozewicz L.* Legionisci mezyjscy w I wieku po Chrystusie. Poznan, 1995. S.17-18.
23. *Hartmann M.* Vindonissa. Oppidum. Legionslager. Castrum. Windisch, 1986. S.71.
24. *Hartmann M.* Op.cit. S.84-85.
25. Дискуссию о месте дислокации IV Флавиева легиона до дакийских войн Траяна см.: *Mirkovic M.* Rimski gradovi na Dunavu u Gornej Meziji. Beograd, 1968. S.28-29.
26. *Petrovic P., Vasic M.* The Roman Frontier in Upper Moesia: Archaeological

Investigations in the Iron Gate Area //Roman Limes in the Middle and Lower Danube /Ed. P.Petrovic. Belgrade, 1996. P.21.

27. Словенский исследователь Я.Шашель в середине 1970-х гг. выдвинул заслуживающую внимания гипотезу о складывании на рубеже I в. до н.э. – I в.н.э. «вертикального» иллирийского лимеса, южным флангом которого являлся лимес далматийский : *Sasel J.* Die Limes-Entwiklung in Illyricum //Actes du IX Congres International d'Etudes sur les Frontieres Romaines. Bucharest, Cologne, Vienna, 1974. P.193-199.
28. *Колобов А.В.* Легионеры-бенефициарии в управлении провинциями Римской империи (на материале источников из бывшей римской провинции Далмации) //Вестник Пермского университета. Серия «История». 2001. Вып. 1. С. 44-52.
29. *Колобов А.В.* Territorium militare: реальность или историографический миф? //Ius Antiquum /Древнее право (Москва). 2000. № 4. С.41-46.
30. *Pasalic E.* Die Wirtschaftbeziehungen zwischen dem Hinterland der Adria und dem roemischen Limes an der Donau //Quintus Congressus Internationalis Limitis Romanis Studiosorum / Ed. G.Novak. Zagreb, 1963. S.167-176.

A.V.KOLOBOV

DALMATIAN LIMES AS PROTOTYPE OF MILITARY STRATEGIC SYSTEM OF THE ROMAN EMPIRE

Author analyses Dalmatian limes' structure and functions and its influence on formation of frontier limes system of the Roman Empire.

А.Н. НИКИТИН (Магнитогорск)

РОЛЬ АФРИКАНСКИХ ПРОВИНЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Завоевание римлянами Северной Африки осуществлялось с середины II в. до н.э. до середины I в.н.э. В исторической науке нет единой точки зрения о мотивах, побудивших Рим вторгнуться на территорию Северной Африки. Т.Моммзен, первым из исследователей поднял вопрос о причинах уничтожения карфагенского государства и создания на его месте римской провинции. В качестве основной причины он усматривал стремление римской элиты снизить либо ликвидировать торговую конкуренцию пунийцев на средиземноморских рынках[1]. Т. Катула, резонно полагая «страхи» перед Карфагеном и Масиниссой плодами римской официальной пропаганды, в качестве главного мотива экспансии на юг выделяет потребности римской экономики – интересы крупных земельных собственников и хлеботорговцев[2].

Полемизируя с утвердившимся к 70-м гг. XX в. в историографии мнением об экономической природе римского империализма III–II вв., У. Харрис в качестве главных причин южной экспансии выделил экспансионисткие стремления римской правящей элиты и милитаризированное сознание римлян в целом, тогда как экономические причины, по его мнению, стали влиять на римскую внешнюю политику не

ранее рубежа II–I вв. до н.э.[3] Авторы современных исследований в целом приняли данную точку зрения.

После победы над Югуртой в 106 году до н.э. триумфаторы-популяры приступили к реализации плана ветеранской колонизации на землях, формально еще не вошедших в состав римского государства. О старых ветеранских поселениях Мария в Нумидии сообщают латинские надписи из Африки эпохи ранней империи[4]. Строго говоря, неизвестно, каков был правовой статус этих поселений и были ли они изначально колониями, как назывался в имперской эпиграфике Uchi Maius[5] или муниципиями, как municipium Iulium Aurelium Mustitarum[6]. Гражданские войны I в. до н.э. затормозили дальнейшее проникновение Рима вглубь Африки, однако усилили зависимость марионеточных правителей нумидийцев и мавров от Рима. Следует отметить, что римское присутствие ускорило процесс политогенеза у приграничных племен. Т. Котула считает возможным говорить о складывании государственности у нумидийцев при Масинисе на рубеже III–II в до н.э.[7] Аналогичный процесс в период поздней республики имел место в Мавритании, а в начале империи – у гарамантов Триполитании[8]. Африканские династы в качестве клиентов влиятельных римских политиков принимали живое участие в гражданских войнах конца республики.

Союз нумидийского царя Юбы I с помпеянцами стал для Цезаря предлогом к окончательной ликвидации нумидийской независимости и создании провинции Africa Nova. Здесь в последние годы республики стала формироваться крупная земельная собственность – africanae possessiones, ставшая базой для формирования сенаторских латифундий эпохи ранней империи. Не случайно именно африканская провинция стала одним из последних оплотов сенатской олигархии на заключительном этапе гражданских войн.

Наконец, в 27 г. до н.э. Октавиан Август соединил Africa Vetus и Africa Nova в новую провинцию Africa Proconsularis, управляемую сенатскими наместниками в ранге проконсулов. Новая африканская провинция стала одной из важнейших сенатских провинций в административной системе принципата.

Последний этап римской экспансии в Африке составила аннексия мавританского царства, начатая Калигулой и завершенная Клавдием. В 43 г. были образованы две прокураторские провинции – Mauretania Caesariensis и Mauretania Tingitana. Проблема ликвидации Мавританского царства и создания на его месте двух римских провинций до сих пор остается дискуссионной. Среди ученых нет единства мнений по вопросам, когда точно и при каких обстоятельствах произошло создание провинций, какие регионы Мавританского царства вошли в состав римских провинций и т.д.[9]

Вхождение североафриканских территорий в состав римского государства обеспечило им длительное мирное развитие. От кочевых агрессивных племен римскую Африку защищал лимес, охраняемый легионом III Augusta и вспомогательными частями[10].

Историография африканского лимеса, отражающая исследования второй половины XX в., обширна, однако лимес проконсулярной Африки – центральное звено южных рубежей империи – изучается уже более ста лет и потому известен больше, чем другие его сегменты[11].

С середины XX в. в основном усилиями британских и французских ученых началось исследование восточного участка африканского лимеса – триполитанского[12]. На современном этапе наибольший вклад в изучение триполитанского лимеса вносит Д. Маттингли[13].

Западный сектор – мавританский – до последнего времени был исследован в меньшей степени[14]. С конца прошлого века началось интенсивное изучение этого рубежа имперской границы[15].

Успехи лимесной археологии позволили с начала 1970-х годов приступить к созданию обобщающих работ по истории южного рубежа Империи[16].

Антиримское сопротивление после поражения восстания Такфарината в 20-х г. н.э. сконцентрировалось в наименее романизированной части римской Африки – Мавритании. Носителями антиримского движения были кочевые племена. Если проконсулярная провинция вплоть до нашествия вандалов пользовалась благами мира, Мавританию с середины III в. потрясали восстания горных племен[17]. Еще восточногерманский исследователь И. Хан обратил внимание на то обстоятельство, что превращение Мавритании в провинцию создало для империи больше проблем, нежели сохранение ее в качестве вассального государства[18].

Касаясь социально-экономического значения римской Африки, едва ли стоит напоминать о том, что южные владения были annoniarum subsidium Империи[19]. Думается, что превращение северной Африки в «закрома» империи было процессом целенаправленным. В становлении античного земледелия, ориентированного на экспорт, значительную роль сыграла ветеранская колонизация эпохи Августа[20]. Ветеранское землевладение играло значительную роль в развитии аграрного сектора и при Антонинах[21]. Впрочем, ведущая роль в сельском хозяйстве римской Африки с конца республики принадлежала крупной земельной собственности, в том числе императорской, которая играла ключевую роль в продовольственном обеспечении Рима и гарнизонов северных провинций[22]. Т. Котула, посвятивший африканской анноне специальное исследование, выяснил, что в эпоху принципата Африка обеспечивала 2/3 зерновых потребностей имперской столицы. Если при Юлии Цезаре провинция Новая Африка могла поставлять в Рим ежегодно 1 2000 000 модиев зерна (8 500 тонн) и 3 000 000 мер оливкового масла (1 000 0000 л.), то при Нероне проконсулярная Африка давала уже ежегодно 18 млн.модиев зерна (128 000 тонн) зерна. При Антонинах общее количество продовольственных поставок выросло еще более за счет интенсификации сельскохозяйственного производства и увеличения площадей, занятых земледельческими культурами во внутренних районах проконсулярной Африки и Нумидии. Данные современных аэрофотосъемок позволяют говорить об «экономическом чуде» II-III вв. в полупустынных регионах Магриба[23].

Рост сельскохозяйственного экспорта из Африки побудил Комода в конце II в. организовать специальную флотилию – classis Africana Commodiana, обеспечивавшую доставку хлеба в Остию – морские ворота Рима. Современные исследования африканской анноны проясняют ее географию, организацию путей сообщения из глубинки к морским портам.

Изучение экономики римской Африки развивается в последние годы бурными темпами и позволяет говорить о включенности региона в экономическое пространство античного Средиземноморья и о достаточно тесных связях с варварской сахарской периферией особенно в Триполитании[24].

Несмотря на то, что транспортировка продовольствия по суше была очень затратной, в это время в северной Африке силами военных была построена густая сеть первоклассных дорог. Со времени выхода классической работы П. Романелли по римским дорогам Африки[25] исследователи системы античных путей сообщения добились значительных успехов.

Как и в связи с лимесом, наиболее изучены римские трассы проконсулярной провинции[26]. Более скромные успехи достигнуты при изучении римских дорог Триполитании[27].

Урбанистика римской Африки является одним из ведущих направлений в деятельности антиковедов, изучающих южные провинции империи. Исследователями установлено, что по уровню урбанизации Проконсулярная Африка уступала на римском Западе только Италии. Было бы, однако, ошибочно связывать развитие городских форм жизни в Африке исключительно с процессом романизации, хотя последний безусловно придал ей мощный импульс. Современные исследователи все больше акцентируют внимание на пунических корнях африканской урбанизации[28].

Наиболее урбанизированной была Проконсулярная провинция, что обусловило

создание обширного историографического корпуса по ее римским городам. Исследование римско-африканской урбанистики осуществляется по нескольким направлениям. Большая часть работ посвящена археологии античных городов Магриба. Наиболее изучены города Проконсулярной провинции, среди которых выделяется Карфаген – один из крупнейших мегаполисов империи[29]. При активном участии ученых университета Сассари (Италия) несколько лет назад создан Археологический парк Утина около Карфагена[30].

Подлинный бум переживает археология римского города мавританских провинций. После исследований Л.Шателена, Р.Тувено и М.Озенната, где римские города Мавритании изучены с помощью эпиграфических данных[31], появились работы, основанные на материалах археологических раскопок[32]. В результате одним из наиболее исследованных с археологической точки зрения на данный момент является город Волюбилис (Тингитанская Мавритания). Этот город после основания при Клавдии был окружен крепостной стеной, поскольку являлся единственным римским городом в Мавритании, удаленным от побережья, а потому подверженным постоянным угрозам из глубины континента. При Антонинах территория Волюбилиса достигла весьма солидной величины – 40 га. В центре Волюбилиса раскопаны дома знати, форум с пятинефной базиликой – центром судопроизводства, храм капитолийской триады с посвящением императора Макрина. Там же находились несколько термальных комплексов, арка Каракаллы, дворец Гордиана III.

Наименее изучены римские города Триполитании, из которых объектами археологических исследований стали Лепсис Магна – родина Септимия Севера и Сабратха[33]. Следует отметить, что время правления Антонинов и Северов стало апогеем экономического и культурного развития городов северной Африки. Сохранились датированные данным периодом внушительные архитектурные комплексы в Лепсис Магна (Триполитания), Дугга (Проконсулярная Африка), Куикул (Нумидия), Волюбилис (Мавритания)[34].

Важное место в риммско-африканской урбанистике принадлежит исследованиям эпиграфистов. Прежде всего, в связи с этим следует отметить достижения Ж. Гаску, посвятившего серию фундаментальных работ вопросу муниципальной политики римских императоров в Африке от Августа до Северов[35].

Серия работ посвящена проблеме имперского контроля над городами Африки, игравшими существенную роль в сборе, хранении и транспортировке анноны в Италию[36].

Среди эпиграфических этюдов, посвященных анализу социальной структуры античных городов римской Африки, следует выделить, прежде всего серию трудов по Дугге, откуда происходит около 2 000 надписей[37]. Заслуживает внимания специалистов ставшая классической работа Т.Котулы, посященная городским куриям Проконсулярной провинции[38]. Польский эпиграфист выяснил, что характерной чертой африканской урбанизации является обилие – в проконсулярной Африке и отчасти в Нумидии – агломераций близко расположенных друг к другу небольших городков. В научной литературе существует мнение, согласно которому подобная ситуация породила феномен африканской «демократии». Подобно некотором полисам классической Эллады, «populus» играл важную роль в жизни многих муниципиев северной Африки. На рубеже II-III вв. активность городских курий Африки падает, что отражает начало общего кризиса античного города в античном мире[39].

Проблема упадка африканских городов остается и сегодня далекой от разрешения. Сообщения античных авторов и юридические памятники позволяют говорить об упадке африканских городов с начала IV в. и вплоть до вандальского нашествия. Между тем, археологические исследования Н. Дюваля в древних гродах Суфетула и Аммедара, а также П.-А. Феврье в Ситифисе, Куикуле и Тефесте показали, что некоторые города процветали в позднеантичный период и даже при арабах[40]. Таким образом, ситуация в позднеантичных городах северной Африки была различна и не

допускает генерализации.

Если по античным городам римской Африки существует много археологических и эпиграфических исследований, сельскому населению региона до последнего времени уделялось недостаточное внимание[41].

Политическое значение Африки в полной мере проявилось в эпоху принципата. На базе почитания императорского культа были организованы провинциальные собрания – consilia, ставшие трибуной общественного мнения элиты африканских провинций, а также органом контроля деятельности наместников и императорской администрации. Уже в I, а особенно во II и в первой половине III в. государство считалось с мнением африканских consilia. В это время Африка стала важной базой рекрутации римских всадников и сенаторов, что стало предметом многочисленных просопографических исследований во второй половине XX в. При Антонинах многие уроженцы Африки получили всаднические командные посты в императорской армии[42]. Кульминационным пунктом процесса вхождения части африканской провинциальной верхушки в состав имперской элиты стали карьеры преторианских префектов второй половины II в. Кв. Эмилия Лета из города Thaenae в Бизацене, Г.Фульвия Плавциана и, особенно, императора Л.Септимия Севера, как и Плавциан, рожденного в триполитанской Лепсис Магна[43].

Э. Бирли – автор капитальной монографии, посвященной Септимию Северу – отметил, что в период правления африканского императора Проконсулярная провинция выдвинула в состав правящей элиты 35 сенаторов и 9 римских всадников, тогда как все остальные регионы – 41 сенатора и 9 всадников[44].

В III в. Африка достигла апогея в своем экономическом и культурном развитии, однако уступила политическое лидерство дунайским регионам. Мы считаем обоснованным мнение Ж.Шарля-Пикара о региональных фракциях имперской элиты, боровшихся за первенство в III в. и, в частности, об африканской группировке, сплотившейся вокруг Септимия Севера[45]. Утеря в 230-х гг. уроженцами Африки ведущего политического положения объясняется превращением дунайского региона в главный ареал комплектования как солдатского, так и, что еще важнее, командного состава вооруженных сил в условиях непрестанной борьбы с вторжениями варваров и персов. Африка, оставшаяся в III в. относительно мирным регионом, утеряла контроль над каналами формирования правящего класса империи.

Относительно места римской Африки в античной средиземноморской культуре следует отметить, что данный регион был зоной межэтнического, межкультурного и межцивилизационного синтеза. Античная Африка с полным основанием может быть отнесена к зоне – используем современный термин – мультикультурализма, где с оседствуют проявления ливийской, пунической и эллинистически-римской культур[46]. Отметим, что ряд авторов считает возможным говорить о двух образах римско-африканской провинциальной культуры, где наряду с латиноязычной культурой сохранялись прочные ливийско-пунические традиции[47]. Х.-Г.Пфлаум, анализируя правовую терминологию эпиграфических памятников из римской Африки, пришел к выводу, что в большей части региона сохранялась основанная на этно-культурных различиях дихотомия между равнинными городами, где преобладало романизированное население, и горными деревнями, заселенными берберами, которые были слабо либо вообще не задеты процессом романизации. Французский эпиграфист обратил внимание на то обстоятельство, что вдали от городов местная аристократия была весьма поверхностно задета романизацией, а римские власти не форсировали этот процесс, консервируя местные жизненные уклады.[48] Тем самым подтверждается наблюдение, согласно которому автохтонная не-городская аристократия западных провинций ранней империи была в целом слабо романизирована, перенимая сугубо внешние атрибуты античной культуры.

Процесс варваризации провинциального общества в IV в., по мнению Т.Котулы, был обусловлен в немалой степени интенсивными миграциями с южных границ

во внутренние области африканских провинций[49]. Варваризация же лимеса произошла в результате расселения там прибывших из Сахары больших групп «союзников» – федератов, гентилов, которые по сути являлись полукочевыми племенами.

Обширная источниковая база римской Африки дает возможность делать выводы не только в отношении этого региона, но и в отношении провинций римского Запада в целом. Значительная база литературных памятников колоссальный археологический материал, более 50 0000 эпиграфических памятников, собранных в восьмом томе CIL и последующих изданиях[50], позволяют рассматривать римскую Африку как один из наиболее перспективных объектов исследования для ученых, изучающих провинции принципата.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Моммзен Т.* История Рима. СПБ., 1994. Т.1. С.406. Мнение Моммзена было поддержано впоследствии М.И.Ростовцевым (*Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. СПБ., 2000. Т.1. С.28; *Rostovtzeff M.* The Role of Economic Motivation //Imperialism in the Roman Republic /Ed. E.Gruen. N.Y., 1970. P.85-95.
2. *Kotula T.* Znaczenje prowincji afrykanskich w systemie Imperium //Prowincje rzymskie I ich znaczenie w ramach Imperium /Red. M.Jaczynowska, J.Wolski. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1975. S.71.
3. *Harris W.* War and Imperialism in Republican Rome 327–70 B.C. Oxford, 1979. P.55.
4. *Saumagne C*h. La Numidie et Rome. Masinissa et Jugurtha. Paris, 1966. P.63.
5. *Uchi Maius 1.* Scavi e ricerche epigrafiche in Tunisia /Cura M. Khanoussi, A. Mastino. Sassari, 1997.
6. *Ibba A.* Cooperazione degli Atenei Sardi I paesi del Maghreb: motivazioni, resultati, prospettive nagli studi classice.
7. *Kotula T.* Masynissa (wladca Numidii 203-148 p.n.e). Warszawa, 1976.
8. *Daniels C.M.* The Garamantes of Southern Libya. L., 1970.
9. *Romanelli P.* Storia province d'Africa. Roma, 1959. P. 258-262, 266-272; *Le Glay M.* Saturne Africain. Histoire. Paris, 1966. P. 482; *Fishwick D.* The annexation of Mauretania //Historia.1971. № 20. P. 467-487; *Bénabou M.* La résistance africaine a la romanisation. Paris, 1976. P. 89-96; *Gascou J.* Tendences de la politique municipale de Claude en Maurétanie //Ktema. 1981. № 6. P. 227-231; *Leveau Ph.* La fin du royaume maure et les origines de la province romaine de Maurétanie Césarienne //BCTH. 1981. n.s. 17 B. P. 317-318; *Rebuffat R.* Romana arma primum Claudium principe in Mauretania bellauere //Claude de Lyon, empereur romain /Ed. Y. Burnand, Y. Le Bohec, J.P. Martin. Paris, 1998. P. 277-320.
10. *Roxan M.* The auxilia of Mauretania Tingitana //Latomus. 1973. № 32. P. 838-855; *Le Bohec Y.* La IIIe Legion Auguste. Aix-Marseille; Paris, 1989; *Le Bohec Y.* Les Unites auxiliaries de l'armee romaine en Afrique Proconsulaire et Numidie. Aix-Marseille; Paris, 1989.
11. *Cagnat R.* Les Deux Camps de la Legion IIIe Auguste de Lambese. P., 1908; *De Pachtere F.* Les Camps de la troisieme legion en Afrique aux premiers siecles de l'empire //Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. P., 1916. P.273; *Trousset P.* Le camp de Gemellae sur le mimes de Numidie d'après les fouilles du colonel Baradez (1947-1950) //Limes. Akten des XI. Internationalen Limeskongresses 1977 /Ed. J.Fitz. Budapest, 1979. P. 559-577; *Fentress E.* Numidia and the Roman Army: Social, Military and Economic Aspects of the Frontier Zone. Oxford, 1979; *Shaw B.* Soldier and Society: The Army in Numidia //Opus. 1983. 2. P.130-160; *Janon M.* Remarques sur la frontiиre de Numidie //Roman Frontier Studies. 1989 /Ed. V.A.Maxfield, M.J.Dobson. Exeter, 1991. P.482-484; P.Morizot, Les Stations de la Table de Peutinger entre Lambèse et Ad Calceum Herculis //Roman Frontier Studies.

1989 /Ed. V.A.Maxfield, M.J.Dobson. Exeter, 1991; *Cherry D.* Soldiers' Marriages and Recruitment in Upper Germany and Numidia //Ancient History Bulletin. 1989. 3. P.128-130; *Christol M.* C. Macrinius Decianus, gouverneur de Numidie, et l'Histoire militaire de la province au milieu du IIIe siècle //ZPE. 2002. 138. P. 259-269.

12. *Goodchild R., Ward-Perkins J.* The Limes Tripolitanus in the light of recent Discoveries //JRS. 1949. № 39. P.81-95; *Goodchild R.* The Limes Tripolitanus II //JRS. 1950. 40. P.30-38; *Baradez J.* Fossatum Africae. P., 1959; *Baradez J.* Complements inedites au Fossatum Africae //Studien zu den Militaergrenzen Roms. Koeln, 1967. S.200-210; *Daniels C.M.* The Garamantes of Southern Libya. L., 1970; *Trousset P.* Recherches sur le limes Tripolitanus. P., 1974; *Marischal R.* Les Ostraca de Bu Njem. P., 1992.
13. *Mattingly D.J.* The Roman Road Station at Thenadassa (Ain Wif) //Libyan Studies. 1982. № 13. P.73-80; *Mattingly D.J.* Libyans and the "Limes" Culture in Roman Tripolitania //Antiquities Africaines. 1987. № 23. P.71-94; *Mattingly D.J.* Farmers and Frontiers, Exploiting and Defending the Countryside of Roman Tripolitania //Libyan Studies. 1989. 20. P.135-153; *Mattingly D.J.* Tripolitania. L., 1995.
14. *Euzennat M.* Le limes de Volubilis //Studien zu den Militaergrenzen Roms. Koeln, 1967. S. 194-199; *Eadie J.* Civitates and clients: Roman frontier politics in Pannonia and Mauretania Tingitana //The Frontier: comparative Studies /Ed. D.H.Miller and J.O.Steffen. Oklahoma, 1977. P. 57-80; *Salama P.* Les deplacements successifs du limes en Mauretanie Césarienne (essai de synthese) //Limes. Akten des XI.Internationalen Limeskongresses 1977 /Ed.J.Fitz. Budapest, 1979. P. 577ff.
15. *Euzennat M.* Le Limes de Tingitane. La frontière méridionale. Paris, 1989; *Spaul J.* Across the Frontier in Tingitana //Roman Frontier Studies 1995/ Ed.W.Groenman-vanWaateringe et al. Oxford, 1997. P.253-260; *Akerraz A., Rebuffat R.* El Qsar el Kebir et la route intérieure de Maurétanie Tingitane entre Tremuli et ad Novas //Histoire et Archéologie de l'Afrique du Nord. Actes du IVe colloque international réuni dans le cadre du 113e Congrès national des Sociétés savantes (Strasbourg, 5-9 avril 1988). Tome II. L'armée et les affaires militaires. Paris, 1991. P. 367-408; *Rebuffat R.* L'implantation militaire romaine en Maurétanie Tingitaine //L'Africa Romana. 1987. 4. P. 31-78; *Benseddik N.* Septime Sévère, P. Aelius Peregrinus Rogatus et le limes de Maurétanie Césarienne //Frontières et Limites géographiques de l'Afrique du Nord Antique. Hommage a Pierre Salama //Actes de la Table ronde réunie a Paris les 2 et 3 mai 1997 /Ed. par C. Lepelley et X. Dupuis. Paris, 1999. P. 89-110; *Le Bohec Y.* Frontières et limites militaires de la Maurétanie Césarienne sous le Haut-Empire //Ibid. P. 111-127; *Benseddik N.* Vsinaza (Saneg): un nouveau témoignage de l'activité de P. Aelius Peregrinus sur la praetentura sévérienne //L'Africa Romana. 1992. 9. P. 429-430; *Rebuffat R.* L'armée de la Maurétanie Tingitane //MEFRA. 1998. 110. P. 193-242; Idem, La frontière de la Tingitane //Frontières et limites géographiques de l'Afrique du Nord antique. Hommage a Pierre Salama. Actes de la Table ronde réunie a Paris les 2 et 3 mai 1997 /Ed. C. Lepelley, X. Dupuis. Paris, 1999. P. 265-292; *Akerraz A., El Khayari A.* Prospections archéologiques dans la région de Lixus //L'Africa Romana. Roma 2000. № 13. P. 1645-1668; Hamdoune Chr. Les relations entre la Maurétanie occidentale et la Maurétanie orientale //L'Africa Romana. 2002. 14. P. 1429-1430.
16. *Rachet M.* Rome et les Berbères: un problème militaire. P., 1970; *Euzennat M.* Les recherches sur la frontières romaine l'Afrique (1974-76) //Limes. Akten des XI. Internationalen Limeskongresses /Ed. J.Fitz. Budapest, 1979; *Daniels C.M.* The Frontiers of Roman Africa //The Roman World /Ed. J.Wachter. L., 1987. P.235-265; *Wells C.M.* The problems of Desert Frontiers. Chairman's Notes on the Session //Roman Frontier Studies 1989 /Ed. V.A.Maxfield, M.J.Dobson. Exeter, 1991. P.478-481; *Speidel M.* The Roman Army in North Africa //Journal of Roman Archaeology. 1992. 5; *Whittaker C.R.* Frontiers of the Roman Empire. A Social and Economic Study. London, 1994. Chapters 1-3; *Cherry D.* Frontier and Society in Roman North Africa. Oxford, 1998.

17. *Benabou M*. La Resistance africaine a la romanisation. P., 1976; *Dunn R.* Resistance in the Desert. Madison, 1977; *Leveau Ph.* Un nouveau témoignage sur la résistance en Maurétanie Césarienne centrale //Antiqutes Africaines.1974. 8, 1974. P. 108-110; *Shaw B.* Fear and loathing: the nomad menace and Roman Africa //(ed.), L'Afrique romaine /Ed. C.M.Wells. P., 1982. P. 29-50; *Euzennat M*. La frontière romaine d'Afrique //CRAI. 1990. P.577; *Brett M., Fentress E.* The Berbers. Oxford, 1996.
18. *Hahn I.* Die Politik der afrikanischen Klientenstaaten in Zeitraum der Buergerkriege //Afrika und Rom in der Antike. Halle, 1968. S.220.
19. Общий анализ экономики римской Африки см.: *Haywood R.M.* Roman Africa //An Economic Survey of Ancient Rome /Ed. T.Frank. Vol.4. Paterson, New Jersey, 1959.
20. *Teutsch L.* Das Städtewesen in Nordafrika in der Zeit von C. Gracchus bis zum Tode des Kaisers Augustus. Berlin 1962. S. 97-99, 160-162, 167-170; Uthina. La redécouverte d'une ville antique de Tunisie /Ed. H. Ben Hassen; L. Maurin. Bordeaux; Paris; Tunis, 1998; *Peyras J.* Remarques sur les centuriations et les cadastres de l'Afrique Proconsulaire //De la terre au ciel. I, Paysages et cadastres antiques. XIIe Stage international. Besançon 29-31 mars 1993 /Ed. M. Clavel-Lévêque, I. Jouffroy, A. Vignont. Paris, 1994. P. 234-235.
21. *Pavis d'Escurac-Doisy H*. Lambèse et les vétérans de la legio tertia Augusta //Hommages a Albert Grenier /Ed. M. Renard. Bruxelles, 1962. P. 571-583, 577-580.
22. *Morizot P.* Économie et société en Numidie méridionale: l'exemple de l'Aurès //L'Africa Romana (Sassari). 1991. 8. P. 434-446; *Jacques F.* Propriétés impériales et cités en Numidie Méridionale //CCG. 1992. 3. P. 131-132; *Mattingly D.J*. The Olive Boom. Oil Surpluses, Whealth and Power in Roman Tripolitania //Libyan Studies. 1988. 19. P. 21-41; Idem. Tripolitania. London, 1995. P. 5-13, 138-159; *Remesal Rodriguez J.* Heeresversorgnung im fruehen Prinzipat. Eine Art die Antike Wirtschaft zu Verstehen //Muensterische Beitrage zu antiken Handelsgeschichte. 2002. Bd.21. Hft.1. S.69-84.
23. *Kotula T.* Studia nad problemem afrikanskiej annony //Przeglad Historyczny. 1958. XLIX. S.1-20; *Dunkan Jones R*. Structure and Scale in the Roman Economy. Cambridge, 1990. P.185-200.
24. *Arthur P*. Amphora Production in the Tripolitanian Gebel //Lybian Studies. 1982. № 13. P.61ff.; *Carandini A*. Pottery and the African economy //Trade in the Ancient Economy /Ed. P.Garnsey et. Al. L., 1983. P. 145-62; *Duncan-Jones R.* Costs, outlays and summae honorariae from Roman Africa. Papers of the British School at Rome. Rome, 1962; *Duncan-Jones R.* Wealth and munificence in the Roman Africa. Papers of the British School at Rome. Rome, 1963; *Shaw B.* Rural markets in North Africa and the political economy of the Roman empire //Antiquités Africaines. 1981. 17. P. 37-83; *Whittaker C.R.* Land and Labour in North Africa //Klio. 1978. 60; *Barker G.* Farming the Desert. L., 1996. Vol.1-2; *Barker O., Jones G.* The UNESCO Libyan Valleys Survey III: Palaeoeconomy and Environmental Archaeology in the pre-Desert //Libyan Studies. 1982. 13. P. 1-34; *Kehoe D.* The economics and Agriculture on Roman Imperial Estates in North Africa. L., 1988; *Shaw B.* Lamasba: An ancient irrigation community //Antiquitйs Africaines. 1982. 18. P. 61-103; *Shaw B.* Water and Society in the ancient Maghrib //Antiquités Africaines. 1984. 20. P. 121-74.
25. *Romanelli P.* Le grandi strade romane nell' Africa. Roma, 1938.
26. *Segre A*. Essays on Byzantine Economic History //Byzantion. 1942-1943. 16. P.396; *Baradez J*. "Reseau routier de la zone arriere du limes de Numidie //Limes-Studien III. Basel, 1959. P.19-30; *Benzina Ben Abdallah Z*. A propos d'un pont de la voie de Carthage a Theveste, construit sous Hadrien, a l'entree d'Ammaedara //BCTH(B). 1993-1995. 24. P. 95-100; *Marcillet-Jaubert J.* Bornes milliaires de Numidie //Antiquities Africaines. 1980. 16. P. 161-184; *Salama P.* Le reseau routier de l'Afrique romaine //CRAI.1948. P. 395-399; *Salama P*. Les voies romaines de l'Afrique du Nord. Algiers, 1951; *Salama P.* Bornes milliaires d'Afrique proconsulaire. Paris; Tunis, 1987; *Tissot Ch.* Le bassin du Bagrada et la voie romaine de Carthage a Hippone par Bulla Regia. Paris 1881).

Morizot P. Les voies romaines de Lambaese a «Calceus Herculis» (El Kantara, Algerie) //Antiquities Africaines. 1998. 34. P.149-155.

27. *Cor ò F.* Le antiche strade romane della Tripolitania occidentale //RCI. 1931. 20. P. 103-116; *Goodchild R. G.* The Roman Roads and Milestones of Tripolitania. London, 1948; *Hammond N.* The Limes Tripolitanus. A Roman Road in North Africa //JBAA. 1967. 30. P. 1-18; *Mattingly, D. J.* he Roman Road-Station at Thenadassa (Ain Wuf) //SLS. 1982. 13. P.73-80) и Мавритании (Moran, C., Gustavino Gallent G. Vias y poblaciones romanas en el Norte de Marruecos. Madrid, 1948; *Euzennat M.* Les voies romaines du Maroc dans l'Itineraire d' Antonin //Hommages a Albert Grenier. Bruxelles, 1962. Vol.II. P.595-610; *Ponsich M.* Kouass, port antique et carrefour des voies de la Tingitane //BAM. 1967. 7. P. 369-405.
28. *Ferchiou N.* L'habitat fortifié pré-impérial en Tunisie antique: aperçus sur la typologie des sites perchés et des sites des versant, illustrés par quelques exemples //Actes du IVe Colloque international sur l'histoire et l'archéologie de l'Afrique du Nord. Strasbourg, 1988. P. 229-257.
29. *Mahjoubi A.* Les cites romaines de la Tunisie. Tunisie, 1971; *Rakob F.* The Making of Augustan Carthage //Romanization and the City /Ed. E.Fentress //Journal of Roman Archaeology. Suppl. Ser. 38. L., 2000; *Slim H.* El Djem. Ancient Thysdrus. Tunisie, 1996; Thugga I: Grundlagen und Berichte /Hrsg. M.Khanoussi, V.Strocka. Mainz, 2002.
30. *Pinna P.* Patrimonio culturale, sistemi locali e turismo in Tunisia. Il caso del parco archeologico di Uthina (Oudhna), Cagliari, 2001.
31. L. Chatelain, Le Maroc Romain. Étude sur les centres antiques de la Maurétanie Occidentale. Paris, 1944. P. 139-250; R. Thouvenot, Volubilis. Paris, 1949; M. Euzennat. Volubilis //RE. IX/1. Stuttgart, 1961. Coll. 865-873.
32. *Mackie N.* Augustan Colonies in Mauretania //Historia. 1983. 2. P. 332-358; *Leveau P.* Caesarea de Mauretanie: un ville romaine et ses compagnes. Rome, 1984; A. Akerraz, É. Lenoir. Volubilis et son territoire au Ier siècle de notre ère //L'Afrique dans l'Occident romain (Ier siиcle av. J. C. – IVe siècle ap. J. C.). Actes du Colloque organisé par l'École française de Rome sous le patronage de l'INAA de Tunis (Rome, 3-5 décembre 1987). Rome, 1990. P. 213-229. Lixus, Actes du colloque organisé par l'Institut des sciences de l'archéologie et du patrimoine de Rabat avec le concours de l'École française de Rome (Larache, 8-11 novembre 1989). Rome, 1992.
33. *Caputo G., Caffarelli V.* The Buried City: Excavations at Leptis Magna. L., 1966; *Ward-Perkins J.B.* The Severan Buildings at Lepcis Magna. L., 1997; *Kenrick P M.* Excavations at Sabratha, 1948-51 //Lybian Studies. 1982. 13. P. 51-58.
34. *Mattingly D.J., Hichter R.* Roman Africa: An Archaelogical Survey //JRS. 1995. 85. P.115-123.
35. *Gascou J., Fevrier P.* La politique municipale en Afrique de Trajan a Septime Sevère. P., 1972; *Gascou J.* La politique municipale de Rome en Afrique du Nord. I. De la mort d'Auguste au début du III siècle //ANRW. II, 10.2. Berlin; New York, 1982. P. 136-229; Idem. La politique municipale de Rome en Afrique du Nord. II. Après la mort de Septime-Sévère //ANRW. II, 10.2. Berlin; New York, 1982. P. 230-320; Idem. Les statuts des villes africaines: quelques apports dus a des recherches récentes //Itinéraire de Saintes a Dougga. Mélanges offerts a Louis Maurin /Ed. J.-P. Bost, J.-M. Roddaz, F. Tassaux. Bordeaux, 2003. P. 231-246.
36. *Lucas C.* Notes on curatores Rei publicae on Roman Africa //Journal of Roman Studies. 1940. 30. P. 56-74; *Jacques F.* Les curateurs des cités africaines au IIIe siècle //Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Bd. II. 10.2. P. 62-135; P.Garnsey. Rome's African Empire under the Principate //Imperialism in the Ancient World /Ed. P.Garnsey, C.R.Whittaker. L., 1978. P. 223-254; *Macmullen R.* Romanization in the Time of Augustus. New Heaven, 2000. P.30-49.
37. *Dougga.* Etudes epigraphiques. Actes du la table-ronde /Ed. M.Khanoussi, L.Maurin. Bordeaux, 1997; *Dougga.* Fragment d'histoire. Choix d'inscriptions latines edites,

traduites et commentees /Ed. M.Khanoussi, L.Maurin. Bordeaux, 2000; Mourir a Dougga. Requeil des inscriptions funeraires /Ed. M.Khanoussi, L.Maurin. Bordeaux, 2002), Uchi Maius (Uchi Maius I. Scavi e riserche epigrafiche in Tunisia /Cura A.Mastino, M.Khanoussi. Sassari, 1997.
38. *Kotula T.* Les curies romaines de la Tunisie. Wroclaw, 1968.
39. *Kotula T.* Les curies… P.147.
40. *Kotula T.* Afryka Polnocna w starozytnosci. Wroclaw, 1972. S.374-385.
41. *Sigman M.* The Romans and the indigenous tribes of Mauretania Tingitana //Historia. 1977. № 26. P. 415-39; *Buck D., Mattingly D.J.* Towns and Country in Roman Tripolitania. Oxford, 1985; *Ørsted P., Ladjimi L.* Town and Countryside in Roman Tunisia. A preliminary report on the Tuniso-Danish survey project in the ued R'mel basin in and around ancient Segermes //Journal of Roman Archaeology. 1992. 5. P. 69-96.
42. *Cagnat R.* L'Armee romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les impereuers. P., 1912; *Lacey R.* The Equestrian Officers of Traian and Hadrian: Their Careers with Some Notes on Hadrian's Reform. L., 1917; *Jarrett M.* The African Contribution to the Imperial Equestrial Service //Historia. 1963. 12. P.209-226; *Webster G.* The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries. L., 1969. P.89.
43. *Kotula T.* Septymiusz Sewerus. Cesarz z Lepcis Magna. Wroclaw, 1986.
44. *Birley A.* Septimius Severus, the African Emperor. London, 1971. P. 327, 357.
45. *Charles-Picard G.* La civilisation d'Afrique romaine. P., 1959. P.39.
46. *Millar F.* Local Cultures in the Roman Empire. Libyan, Punic and Latin in Roman Africa //JRS. 1968. 58. P.126-134.
47. *Kotula T.* Znaczenje… S.83.
48. *Pflaum H.-G.* La romanisation de l'Afrique //Aktes des VI. Internationalen Kongresses für Griechische und lateinische Epigraphik. München, 1973. P.55-72.
49. *Kotula T.* Op.cit. S.84.
50. Inscriptions latines d'Afrique Tripolitaine, Tunisie, Maroc /Red. R.Cagnat, A.Merlin, L.Chatelain. Paris, 1923; Inscriptions latines de l'Algerie /Red. S.Gsell. T.1. Paris, 1922.; Inscriptions latines de l'Algerie /Red. S.Gsell, E.Albertini, J.Zeiller, H.-G.Pflaum. T.2. Paris, 1957; *Chatelain L.* Inscriptions latines du Maroc. Paris, 1942; A.Merlin. Insriptions latines dela Tunisie. Paris, 1944; Inscriptions of Roman Tripolitania /Ed. J.M.Reynolds, J.B. Ward Perkins. Rome, 1952; *Ben Abdallah Z.B.* Catalogue des Inscriptions latines paiennes du Musee du Bardo. Rome, 1986; *Sotgiu G., Corda A.* Citta africane, dossiers di epigrafia latina //XI Congresso Internazionale di Epigrafia Greca e Latina. Roma, 1997. P. 843-846.

A.N. NIKITIN

THE ROLE OF AFRICAN PROVINCES IN POLITICAL, ECONOMIC, AND CULTURAL LIFE OF ROMAN EMPIRE

The work is devoted to revealing the role of the African provinces in a political, economic and cultural life of Roman Empire. The Veteran colonization allowed Empire to turn the Northern Africa into its «granaries» providing a steady receipt of grain to Rome. Political influence of the African provinces grew along with the growth of its economic value. It is possible to assert, that political value of Africa became apparent long since the 1st c A.D., and then especially in the 2nd c. and first half of the 3rd century A.D. The state reckoned with the opinion the African provincial assemblies – consilia. At the same time Africa became the important base of recruiting for the Roman horsemen and senators. The given region was the zone of intercultural, interethnic synthesis of civilizations.

А.Н. НИКИТИН (Магнитогорск)

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ АФРИКАНСКОГО ЛИМЕСА

Некоторые исследователи римской армии полагают, что южный лимес является одним из старейших рубежей Империи[1]. Пограничные столбы, разграничивавшие владения римлян и нумидийцев в конце II в. до н.э., упоминает Аппиан[2]. Впрочем, до конца Республики в африканских владениях Рима не было постоянных гарнизонов и выдвинутых вглубь континента фортов, что объяснялось состоянием мира на границах с вассальными государствами Нумидией и Мавританией, за исключением печально знаменитой Югуртинской кампании, малым в то время числом городов римского права на южном берегу Средиземного моря и недостаточно значительным в то время весом Африки в экономике государства.

Ситуация изменилась на рубеже Республики и Империи, когда Цезарь превратил Нумидию, поддержавшую Помпея, в провинцию Новая Африка, а Август вскоре объединил старую и новую провинции в единое обширное территориально-административное образование под названием Проконсулярная Африка. Вторая половина I в. до н.э. отмечена массовой италийской колонизацией северо-африканского побережья и, как результат, появлением ряда колоний римского права. После победы Цезаря над помпеянцами при Тапсе (46 г. до н.э.) в «старой» Африке находилось три легиона, места и время дислокации которых неизвестны.

В объединенную провинцию около 25 г. до н.э. был введен легион III Augusta, полученный в наследство от Лепида. В отличие от других легионов, III Августов подчинялся не собственному легату, а непосредственно губернатору проконсулярной Африки. Этот легион составил основу римского гарнизона к западу от Египта.

Первым лагерем III Августова легиона стала Аммедара (совр. Хайдра) расположенная на западе современного Туниса[3]. Лагерь был создан в отрогах горного массива Аурес, который был заселен воинственными племенем мусуламиев и являлся главным очагом напряженности в римской Африке. Из Аммедары солдаты построили дорогу в восточном направлении на морской порт Такапе (Габес) с целью соединения системой надежных коммуникаций Африки, Киренаики и Египта.

При Тиберии легион участвовал в боевых действиях против мусуламиев, мавров и других племен, объединенных для борьбы с Римом беглым солдатом Такфаринатом (17-24 гг.). С целью скорейшего подавления восстания в Нумидии разместился еще один легион – I Macriana Liberatrix, военными подвигами не отметившийся, но выдвинувший узурпатора в 68 г., в связи с чем был распущен. Местонахождение лагеря данного легиона неизвестно[4].

Строительство защитных валов, рвов, фортов и сторожевых башен в нумидийской Сахаре началось, возможно, после подавления восстания Такфарината. Юний Блез первый перешел от зимних лагерей к организации постоянных фортов, выдвинутых на юг, а также к формированию мобильных колонн для эффективной войны в пустыне[5]. Оборонительные сооружения были призваны не допустить произвольный захват аборигенами плодородных земель в приморских регионах Проконсульской провинции.

Наиболее интенсивно организация лимеса развернулась во второй половине I – первой половине II вв. В это время африканские провинции стали житницей не только имперской столицы, но и воинских группировок, размещенных в Европе – в Британии, на Рейне. В Африке возникли десятки цветущих городов, а зона культурного земледелия продвинулась далеко на юг.

Центральным звеном римского военного присутствия в Африке со времени Флавиев оставалась Нумидия. Лагерь III Августова легиона продвигался на юго-запад вглубь массива Аурес – сначала в Тевессу /Theveste (70-е гг.), а затем в Ламбессу /Lambaese (81 г. – IV вв.).

Ламбесса стала военным центром африканских провинций, а при Септимии Севере – столицей вновь образованной провинции Нумидии. Она превратилась в одну из крупнейших военных баз Империи. Этот лагерь, расположенный на востоке современного Алжира, наиболее интенсивно исследовался археологами и эпиграфистами в первой трети XX в. Значительный вклад в изучение Ламбезе внесли Р.Канья – автор первой монографии о римском гарнизоне Африки[6], видный исследователь проблемы римского империализма Ж.Каркопино[7]. К культовым памятникам Ламбезе обращались виднейшие французские исследователи римской религии Ф.Кюмон[8].

Прерванные второй мировой войной и начавшейся вскоре войной Алжира за независимость исследования в Ламбезе возобновились, на этот раз в более скромных масштабах и с участием алжирских ученых, с 1970-х гг[9].

В итоге выяснилось, что здесь в правление Тита был построен большой легионный лагерь[10], а при Адриане около 129 г.[11] возникли еще два лагеря – легионный и для когорты вспомогательных войск[12]. Т.Моммзен, знавший только о лагерях более позднего периода, заблуждался, полагая, что лагерь III Augusta был перенесен в Ламбессу при Траяне или Адриане[13]. Тогда же из Ламбезе через старые легионные базы Тевесте и Аммедра к Карфагену была протянута дорога, соединившая пустынные области Нумидии с тунисским побережьем. Солдаты легиона активно привлекались к строительным работам в нумидийских городах, получавших при Адриане статус муниципия или колонии. Беспрецедентный размах строительных работ III Августова легиона был увенчан прибытием императора Адриана и проведением торжественного парада, отмеченного в легионной эпиграфике[14].

На востоке Проконсульской провинции – в Триполитании – для защиты караванных путей в правление Северов солдаты III Августова легиона построили Bu Njem как главную военную базу триполитанского лимеса[15].

На западе, в направлении границы с Цезарианской Мавританией – самой удаленным африканским владением римлян – солдаты III Августова легиона при первых Антонинах построили форты Ad Maiores, Gemellae, Zaratha, Calceus Herculis[16]. В этой провинции значительных римских крепостей не обнаружено. Сюда войска вводились временно – в основном, в III в. – для решения конкретных задач по обузданию горных воинственных племен.

О том, какие именно воинские части находились какое-то время в этой провинции, помогают судить военные дипломы, выдаваемые отставным солдатам вспомогательных частей. В результате известно, что при Северах в Цезарианской Мавритании побывали алы I Nervia Augusta Fidelis, II Thraces Augusta, II Parthica, когорты I Augusta Nervia Rapida, I Civium Romanorum Corsicana, I Pannonianorum, I Nuritana, II Flavia Musulamia, II Flavia Hispanorum, II Britannorum, II Breucorum, II Gallorum, IIII Sycambrorum. Можно заметить, что Северы в Цезарианскую Мавританию привлекали части не только из нумидийского гарнизона, но и из восточных провинций, привычные к войне в горных условиях[17]. В итоге под руководством Публия Элия Перегрина была построена дорога, идущая вдоль атлантического побережья и пресекающая провинцию с запада на восток протяженностью 600 км. Вдоль дороги были построены сторожевые башни[18].

Система безопасности Тингитанской Мавретании отличалась своеобразием. С одной стороны, как и в проконсулярной провниции при Септимии Севере строятся римские крепости на границе с пустыней – Castellum Dimidi (вексилляции легионов III Augusta, III Gallica), Tell (когорта Бревков, тысячная ала (?), Marnia (нумерум сирийцев) (Richardot). Однако основное внимание римляне здесь уделяли организации городских гарнизонов и созданию вокруг городов своеобразных «поясов безопасности»[19].

Наиболее изучен археологами лимес Волюбилиса – самого удаленного вглубь континента римского города Тингитанской провинции. С севера его защищали

форты Ain Schkor, Thamusida, Sala, с юга – Tocolosida, с запада – Sidi Moussa[20].

Кроме того, оборонительные сооружения окружали города Себу[21]. В провинции была основана также крепость Tabernae[22]. Форты соединялись между собой военными дорогами[23].

На основании военных дипломов можно утверждать, что в Тингитанской Мавритании в разное время находились алы I Gallorum civium Romanorum, I Gallorum Tauriana, Gemelliana Civium Romanorum, I Sagittarorum Syriaca Hamiata, III Asturica, когорты I Asturica et Gallica, III Asturiorum, IV Delmatorum, IV Gallorum civium Romanorum, Lemavia Civium Romanorum, II Sagittarorum Syriaca Milliaria[24]. Можно заметить, что большая часть войск привлекалась не из Нумидии, а из соседних испанских и галльских провинций, что отражало тесную связь между Тингитанской Мавританией и Испанией. Труднопроходимые горы и пустыни, разделявшие Тингитанскую и Цезарианскую провинции, делали сухопутное сообщение между ними затруднительным. Еще Т. Моммзен обратил внимание на то обстоятельство, что для испанской Бетики Тингитанская провинция была таким же фронтиром, как германские провинции для Галлии[25]. Не случайно Диоклетиан, проводя территориально-административную реформу, назвал эту провинцию Новой Испанией.

В указанном виде африканский лимес существовал до середины III в. Во второй половине III в. здесь был начат процесс замены римских войск на племенные формирования, приглашаемые для охраны рубежей Империи из-за южной границы[26], однако III Августов легион в редуцированном после реформы Диоклетиана виде находился в Нумидии еще в IV в.[27]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Webster G.* The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries A.D. London, 1969. P.48; *Richardot P.* Le Plus Vieux Limes: La Defence de l'Afrique Romaine //http://www.stratisc.org/richardot.html.
2. App., Lyb., 136
3. *De Pachtere F.* Les Camps de la troisieme legion en Afrique aux premiers siecles de l'empire //Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. P., 1916. P.273. Т.Моммзен ошибался, полагая, что легион изначально базировался в Тевесте: *Моммзен Т.* История Рима. М.. 1994. Т.5. С.462.
4. *Mattingly G.* CREBM. V. I. London, 1923.
5. *Webster G.* Op.cit. P.39
6. *Cagnat R.* Découvertes sur l'emplacement du camp de Lambèse //CRAI. 1901. P. 626-634; Idem. Note sur les découvertes nouvelles survenues en Afrique //CRAI. 1902. P. 37-36; Idem. Sur une inscription latine trouvée a Lambèse, CRAI. 1905. P. 531-533; Idem. Inscriptions romaines découvertes a Lambèse et Djémila //BCTH. 1911. P. CCXXXIX-CCCXLI; Idem. Inscriptions romaines découvertes a Lambèse et Djemila //BCTH. 1913. P. CCXLVII-CCLII; Idem. Inscriptions romaines découvertes a Lambèse //BCTH. 1915. P. CXVIII-CXX; Idem. Inscriptions trouvées a Lambèse //BCTH. 1915. P. CLXVI-CLXVIII; Idem. Inscriptions latines découvertes a Lambèse //BCTH. 1916. P. CCXXXIX-CCXLIV; Idem. Inscription romaine découverte a Lambèse //BCTH. 1917. P. CLXVIII-CLXXII; Idem. Inscriptions romaines découvertes a Lambèse, Madaure, Khamissa //BCTH. 1917. P. CLXXXV-CLXXXVII; Idem. Inscriptions romaines de Lambuse //BCTH. 1918. P. CLXXXIII-CXC, CC-CCII; Idem. Armée romaine d'Afrique. Paris, 1913.
7. *Carcopino J.* Inscriptions de Khamissa, Lambèse, Tébessa et Timgad //BCTH. 1905. P. 218-245; Idem. Inscriptions romaines du musée de Lambèse //BCTH. 1919. P. CCV-CCXIV; Idem. Inscriptions latines relevées a Djemila et Lambèse //BCTH. 1920. P. LXXXIV-XCI; Idem. Inscriptions latines relevées a Oued-Chouk, Djemila, Lambèse, Sillègue, Merkkala, Cherchell //BCTH. 1920. P. LVI-LXVI; Idem. Glose d'un passage de

l'adlocutio de Lambèse //BCTH. 1921. P. CCLXVII-CCLXIX; Idem. Restitution d'un passage de l'«adlocutio» d'Hadrien a Lambèse //BCTH. 1921. P. CCLXVII-CCLXIX; Idem. Corrections a deux inscriptions de Lambèse portant règlement pour les tubicines et les cornicines (C.I.L., VIII, 2557; 18501) //BSNAF. 1926. P. 136-137.

8. *Cumont F.* Découvertes archéologiques a Lambèse //BCTH. 1905. P. CCIV-CCV и Ж.Байе (*Bayet J.* Les statues d'Hercule des grands thermes de Lambèse //RSAC. 1914. 48. P. 1-35).
9. *Janon M.* Le septizonium de Lambèze //BCTH. N.s. 1973. 9. P. 140-142; Idem. M. Recherches a Lambèse: I. La ville et les camps. II. Aquae Lambaesitanae //Ant. Af. 1973. 7. P. 193-254; *Rakob F.* Le «Torsaal» des principia du camp Romain de Lambèse //BAA. 1974. T.V. P. 35-72; *Le Glay M., Janon M., Gassend J.M.* Nouvelles recherches sur le monument du discours d'Hadrien a Lambèse //BCTH. N.s. 1974-5. 10-11. P. 200-201; *Duval N.* Observations au CTHS dans BAC. 2C série. 1973. 9. P.141; *Germain S.* Mosaïques florales de Lambèse (Algérie) //Ant. Af. 1977. 11. P. 137-148; *Golvin J.-C., Janon M.* L'amphithéâtre de Lambèse (Numidie) d'après des documents anciens //BCTH. N.s. 1978. 14. P. 169-194; *Gassend J.M., Janon M.* La colonne d'Hadrien a Lambèse //BAA. 1977-1979. T. VII /1. P. 233-258; *Janon M.* Recherches a Lambèse. III. Essais sur le temple d'Esculape //Ant. Af. 1985. 21. P. 35-102; *Benseddik N.* L'Asclépieium de Lambèse et le culte d'Esculape en Numidie //Colloquium on «North Africa from Antiquity to Islam». Bristol, 1995. P. 16-23; *Duval Y.* Le mythe de Lambèse: a propos de la bataille menée par Uqba en 683 //BCTH. N.s. 1995. 24. P. 227; *Chausa A.* El sacerdos maior de Lambaesis //Africa romana. 1998. 13. P. 1441-1448; *Guerin-Beauvois M.* L'itinéraire de T. Caunius Priscus: de Sinuessa a Lambèse //Africa romana. 2000. 14. P. 1397-1408; *Benseddik N.* Lambиse: l'archéologie de bulldozer //ZPE. 2001. 135. P.p. 287-295; *Marcillet-Jaubert J.* Deux dédicaces a Neptune trouvées à Lambèse //BCTH. 1970. N.s., 6. P. 213-220; *Forni G.* La dedica sacra a Giove Dolicheno da Lambaesis (CIL VIII 2625 cf. 18098) //MEFR. 1983. 95/ 2. P. 757-760; *Rebuffat R.* Ara cerei //MEFRA. 1983. 94/2. P. 911-919; *Dupuis X.* Un nouveau document de Lambèse concernant M. Aurelius Decimus //Ant. Af. 1989. 25. P. 177-190; *Dupuis X.* La dédicace du «Temple anonyme» de Lambése //BCTH. 1992. N.s. 23. P. 81.
10. *Leschi L.* Un nouveau camp de Titus a Lambèse (81 ap. J.-C.) //Libyca. 1953. I. P. 189-197.
11. CIL, VIII, 2533.
12. *Cagnat R.* Les Deux Camps de la Legion IIIe Auguste de Lambese. P., 1908; Idem. R. Armée romaine d'Afrique. Paris, 1913. P. 441, 443.
13. *Моммзен Т.* История Рима. Т.5. С.463
14. CIL, VIII 2532.
15. *Marischal R.* Les Ostraca de Bu Njem. P., 1992;. *Mattingly D.J.* Tripolitania. L., 1995) и серию маленьких фортов – центенариев: Turris Tamalleni и др. (*Goodchild R., Ward-Perkins J.* The Limes Tripolitanus in the light of recent Discoveries //JRS. 1949. 39. P.81-95; *Goodchild R.* The Limes Tripolitanus II //JRS. 1950. 40. P. 30-38; *Daniels C.M.* The Garamantes of Southern Libya. L., 1970; *Trousset P.* Recherches sur le limes Tripolitanus. P., 1974; *Mattingly D.J.* The Roman Road Station at Thenadassa (Ain Wif) //Libyan Studies. 1982. 13.P.73-80; *Brogan O., Smith D.* Ghirza. A Lybian Settlement in thr Roman Period. Tripoli, 1984; *Mattingly D.J.* Libyans and the "Limes" Culture in Roman Tripolitania //Antiquities Africaines. 1987. 23. P.71-94; *Mattingly D.J.* Farmers and Frontiers, Exploiting and Defending the Countryside of Roman Tripolitania //Libyan Studies. 1989. 20. P.135-153.
16. *Trousset P.* Le camp de Gemellae sur le mimes de Numidie d'après les fouilles du colonel Baradez (1947-1950) //Limes. Akten des XI. Internationalen Limeskongresses 1977 /Ed. J.Fitz. Budapest, 1979. P. 559-577; P.Morizot, Les Stations de la Table de Peutinger entre Lambèse et Ad Calceum Herculis //Roman Frontier Studies. 1989 /Ed. V.A.Maxfield, M.J.Dobson. Exeter, 1991.

17. *Chatelain L.* L'Histoire militaire du Maroc Antique //Revue Internationale d'Histoire militaire. 1950. 9. P. 163-172.
18. *Salama P.* Les deplacements successifs du limes en Mauretanie Césarienne (essai de synthese) //Limes. Akten des XI.Internationalen Limeskongresses 1977 /Ed.J.Fitz. Budapest, 1979. P. 577ff.
19. *Rebuffat R.* Enceintes urbaines et securite en Mauretanie Tingitane //MEFRA. 1974. 86. P. 501-522; Idem. L'Implantation militaire Romaine en Mauretanie Tingitane //L'Africa Romana. Atti del IV Convegno di di studio. Sassari, 1987. P. 31-78; *Eadie J.* Civitates and clients: Roman frontier politics in Pannonia and Mauretania Tingitana //The Frontier: comparative Studies /Ed. D.H.Miller and J.O.Steffen. Oklahoma, 1977. P. 57-80; *Hallier G.* La fortification des villes de Tingitane au second siecle //Studien zu den Militaergrenzen Roms. XIII Internazional Limeskongress. Aalen 1983. Stuttgart, 1986. P.605-624; *Euzennat M.* Le limes de Tingitane. La frontiere meridionale. Paris, 1989; *Spaul J.* Across the Frontier in Tingitana //Roman Frontier Studies 1995. Ed.W.Groenman-van Waateringe et al. Oxford, 1997. P.253-260.
20. *Euzennat M.* Le limes de Volubilis //Studien zu den Militaergrenzen Roms. Koeln, 1967. S. 194-199; *Mastino A.* Un decurione dell'ala III Asturum praepositus castelli Tamudensis, una nuova dedice a Giove nel dies natalis Septimio Severo //MEFRA. 1990. 102. P. 247-270; *Mackensen M.* Fruehkaiserzeitliches Pferdgeschirr aus Thamusida. Evidenze fuer eine Garnison? //Germania. 1991. 6. S.166-171; *Villaverde Vega N.* L'hierarchie militaire et l'organisation architecturale interne du castellum de Tamuda (Tetouane, Maroc) //La Hierarchie de l'armee Romaine souse le Haut-Empire. Paris, 1995. P. 328-341.
21. *Euzennat M.* Le limes du Sebou (Maroc) //Bulletin d'Archaeologie Marrocaine. 1984. 17. P. 371-380), Банасу (*Jodin A.* Banasa et le limes meridionale de la Mauretanie Tingitane //Actes du 95 Congres national des Societes avantes. Reims, 1970. P. 33-42.
22. *Rebuffat R.* Les Principia du camp romain de Lalla Djilaliya (Tabernae) //Bulletin d'Archaeologie Marrocaine. 1975. 9. P. 359-376.
23. *Limane H., Rebuffat R.* Voie romaine et systeme de surveillance militaire sur la carte d'Arbaona //L'Afrique du Nord Antique et Medievale. Productions et exportations africaines. Actualites archeologiques. Paris, 1995. P. 299-339.
24. *Roxan M.* The auxilia of Mauretania Tingitana //Latomus. 1973. 32. P. 838-855.
25. *Моммзен Т.* История Рима. Т.5. С.464.
26. *Fentress E.* Numidia and the Roman Army: Social, Military and Economic Aspects of the Frontier Zone. Oxford, 1979; *Shaw B.* Soldier and Society: The Army in Numidia //Opus. 1983. 2. P.130-160; *Cherry D.* Frontier and Society in Roman North Africa. Oxford, 1998.
27. *Dise R.* A Reassessment of the Functions of Beneficiarii Consularis //The Ancient History Bulletin. 1995. 9/2. P.74.

A.N. NIKITIN

ROMAN LIMES: STAGES OF DEVELOPMENT

The entry is devoted to the development of one of the oldest boundaries of Empire – the southern limes. The author studies the military diplomas given out to the retired soldiers in order to define the names of the military units of Roman Empire dislocated in the northern Africa.

М.В. ПОПОВ (Магнитогорск)

ОТРЯДЫ И ВЕКСИЛЛЯЦИИ РИМСКИХ ЛЕГИОНОВ ДАКИИ: ДИСЛОКАЦИЯ И ФУНКЦИИ

Римская Дакия, начиная с завоевательных войн Траяна и до гражданской эвакуации Аврелиана, на протяжении почти двух веков оставалась милитаризированной территорией. Высокая степень концентрации военных частей различного характера была связана, прежде всего, с геостратегическим положением карпато-дунайских провинций, их уязвимостью перед варварскими набегами. Армии дакийских провинций состояли из большого числа военных частей вспомогательного характера – ауксилий. Главной задачей ауксилий являлась непрерывная оборона приграничных областей и важных стратегических районов. Легионы, дислоцировавшиеся в траянской Дакии, а затем, после реорганизаций и расширения завоеванных территорий, в Апулской и Поролисской Дакии, обладали координирующими функциями в организации обороны и обеспечении боеспособности римских территорий за Дунаем. Для эффективного военного наблюдения за важными стратегическими зонами и контроля над собственной военной территорией из состава легиона откомандировывались специальные подразделения – вексилляции. Известно, что подразделения дакийских легионов отправлялись со специальными заданиями в другие регионы империи. Кроме отрядов постоянно расквартированных в Дакии легионов – V Македонского и XIII Сдвоенного, в карпато-дунайских провинциях в разное время находились вексилляции легионов других провинциальных армий, что может свидетельствовать об экстерриториальном и экстраординарном характере вексилляции как боевой и тактической единицы.

Термин vexillatio обозначает отряд временного характера, выделенный из состава одного или нескольких (как правило, двух) легионов для выполнения специального задания[1]. Эти задания чаще всего имели военный характер: боевые операции внутри провинций или на границах, военные походы за пределы Империи в составе экспедиционных армий, охрана стратегических пунктов, дорог и участков границы, усиление боеспособности отдельных гарнизонов и т.п. Кроме этого, отряды легионов осуществляли строительство и перестройку укреплений, охраняли и наблюдали за работами мастерских и горнорудных шахт. Вексилляции легионов использовались для утверждения в регионах центральной власти или же – для утверждения узурпаторов. Вексилляции посылались в союзнические Риму государства для их обороны и как гаранты имперского протектората.

Командиром такого подразделения, как правило, был офицер (примипил или центурион), который назывался префектом или препозитом вексилляции. Общее командование всех вексилляций в регионе или в провинции исполнял легат легиона или трибун ангустиклав[2].

Проблемы дислокации подразделений легионов в дакийских провинциях были прослежены в ряде общих и специальных работ, в основном румынских исследователей[3]. Тем не менее, эта проблематика не остается исчерпанной, поскольку основывается прежде всего на археологических данных. Насколько нам известно, данные о размещении в провинциях вексилляций не были обобщены, как и не была составлена общая карта всех легионных подразделений, размещавшихся в карпато-дунайских провинциях на протяжении всего периода включения Северо-Дунайского региона в состав Римской империи.

XIII Сдвоенный легион, разместившись в Апуле, контролировал ряд стратегических путей, проходящих через этот крупный городской и военный центр Дакии. Особую значимость представляли коммуникации, связывающие военные и административные центры дакийских провинций с районами горных разработок. Керами-

ды с клеймами XIII Сдвоенного легиона были обнаружены в пунктах, расположенных на дороге Апул – Ампел – Альбурн Майор: в Ампоице – LEG XIII GE/AV CALLISTRI (CIL, III, 8065, 13); в Шарде – LEG XIII GEM/FLAVIUS HELIO(dorus) (CIL, III, 8065, 25); LEG XIII GE/AEL. VALENS (CIL, III, 8065, 7); LEG XIII GEM/AUR. GODES (CIL, III, 8065, 20); LEG XIII GEM/ULP. FRONTO (CIL, III, 8065, 34); в Мичешти - LEG XIII G (CIL, III, 1629, 1, d, e). Несмотря на то, что единичные находки клейм не позволяют с полной уверенностью утверждать, что в этих пунктах присутствовали вексилляции апулского легиона, возможность их размещения остается весьма вероятной. Вдоль дороги были расположены сторожевые посты и военные станции, в которых служили военнослужащие легиона[4]. Горнорудная зона Юго-Западной Трансильвании входила в сферу деятельности апулского легиона постепенно. Центр этой зоны – Ампел, находился под постоянным военным контролем с периода правления Септимия Севера. Из Ампела происходит несколько надписей, упоминающих военнослужащих и ветеранов XIII Сдвоенного легиона. Солдаты М. Аврелий Антонин и П. Гельвий Приман несли службу в должности либрариев в официи прокуратора золотоносных шахт Ампела (CIL, III, 1317; CIL, III, 1318). В Ампеле было обнаружено посвящение Юпитеру Наилучшему Величайшему во здравие Антонина Пия, выполненное со стороны легата легиона М. Стация Приска (CIL, III, 1299). Временем Гордиана III датируется миссия в Ампеле консульского бенефициария Аврелия Гая, который возвел здесь алтарь Юпитеру Долихену (Apulum. VII/1, P. 401–403). В надписях из Ампела были также засвидетельствованы ветераны XIII Сдвоенного легиона (CIL, III, 1319, 1320). Приведенные данные доказывают размещение в Ампеле военных XIII Сдвоенного легиона на протяжении II века. Однако нельзя делать заключение о сугубо военном характере их присутствия в этом месте. Опираясь на существующие источники, также нельзя с уверенностью говорить о факте размещения в Ампеле постоянного отряда легиона с полномочиями обороны и охраны. Легионеры выполняли здесь функции в большей степени административного характера, а охраной этого важного города, вероятнее всего, занимались вспомогательные части[5].

Керамиды с клеймами легиона были найдены в Златне (XIII G; LEG XIII GEM/AELIUS IULIUS)[6], что также может свидетельствовать о военном контроле над существующей здесь разработкой золота.

Существуют данные, доказывающие размещение подразделения легиона в зоне рудных разработок Альбурна Майора. Здесь были обнаружены две восковые таблицы[7], датирующиеся 16 мая 142 г. и 4 октября 160 года. Они фиксируют коммерческие сделки, при заключении которых свидетелями выступали военнослужащие XIII Сдвоенного легиона. Учитывая характер и с одержание этих документов, нельзя сделать окончательный вывод, что в Альбурне Майоре было расквартировано подразделение XIII легиона. Как справедливо отмечает В. Мога, коммерческие сделки могли быть заключены в канабе кастра Апула[8]. Тем не менее, разработка в этой зоне большого количества шахт, рабочими в которых были представители многих этнических групп, предполагала, в целях контроля и охраны, присутствие военных. Вблизи Альбурна Майора, в Карпени и Абруде, были найдены и исследованы остатки военных укреплений. Характер обнаруженных источников не позволил определить состав гарнизона укреплений этих пунктов[9]. Известно, что небольшой кастр, существовавший в Абруде, контролировал подступы к Альбурну Майору. В Карпене, скорее всего, находился пост военной охраны (бург?), вероятно, с такими же функциями.

Исследователи, принимая во внимание дефицит источников, указывающих на размещение в золоторудном регионе Дакии подразделений апулского легиона, de facto относят эту зону к сфере деятельности этой военной части. Вероятность этого может быть обоснована особой важностью рассматриваемого региона для Римской империи, отсутствием развитой оборонной инфраструктуры северо-западной гра-

ницы Дакии и относительной близостью легионного лагеря Апула. Высказываются предположения, что легион также контролировал путь вдоль Ампоицы[10]. Военное присутствие подразделений легиона в золоторудном районе могло иметь место уже с периода Маркоманнских войн и продолжаться до эвакуации провинции Аврелианом (или до времени Галлиена включительно). Основными задачами вексилляций легиона, как уже было отмечено, были охрана и наблюдение шахтных разработок.

Лагерь легиона в Апуле, в силу своего расположения фактически в центре дакийских провинций, контролировал участки важных стратегических коммуникаций, связывающих не только отдельные регионы собственно задунайских провинций, но и провинциальные центры Дакии с соседними провинциями – Нижней Паннонией и Верхней Мезией. Размещение отрядов легиона было зафиксировано вдоль одной из главных дорог, проходящей через всю Дакию от Лидераты до Поролисса. Отряды легиона были расквартированы в пунктах вблизи участка дороги, начинающегося от столицы – Ульпии Траяны Сармизегетузы и заканчивающегося Апулом.

Дислокация в Ульпии Траяне вексилляции XIII Сдвоенного легиона началась, по-видимому, в период Дакийских войн Траяна и была совместной с вексилляцией IV Флавиева легиона. Скорее всего, с предоставлением римской Сармизегетузе статуса колонии в 107/108 гг., войска были выведены из города. Затем, с момента новой административной организации карпато-дунайских территорий при Адриана, вексилляция XIII Сдвоенного легиона была размещена здесь вновь. В связи со столичным статусом Ульпии Траяны, перед вексилляцией легиона были поставлены задачи охраны наместника всех дакийских провинций и одновременно легата легиона.

Одно из подразделений легиона временно располагалось в Орэштиоаре де Сус (CIL, III, 12.603, g; CIL, III, 12.610, a; CIL, III, 12.614, c; CIL, III, 8065, 22, g). В этой зоне дакийских поселений исследователями было обнаружено укрепление, в строительстве которого прослеживаются две фазы (первона чальный временный форт с дерновыми стенами был укреплен в связи с изменением своего статуса на постоянный)[11]. Возможно, строительство этого укрепления связано с размещением в этой зоне нумера Германских Разведчиков (*Germanorum Exploratorum*), принимавшего участие в Дакийских войнах, а перестройка была предпринята с появлением отряда легиона. Рядом с укреплением была обнаружена погребальная надпись, в которой называется солдат или ветеран XIII Сдвоенного легиона (имя не восстанавливается)[12]. Учитывая характер всех источников, можно предположить, что в этой зоне, начиная с первых лет существования провинции, была размещена вексилляция XIII легиона. Совместно с частями разведчиков и стоявшей в Грэдиштя Мунчелулуй вексилляцией IV Флавиева Счастливого легиона[13], отряд XIII легиона контролировал здесь дакские поселения, а затем был переведен в Апул.

Между Апулом и Ульпией Трояной, в Акве (совр. Кэлан) располагался римский пост охраны. Нам известно посвящение Юпитеру Долихену, которое датируется периодом между 209 г. и 14 февраля 211 г., сделанное сигнифером XIII Сдвоенного легиона Г. Валерием Ингенуем. Исследователи предполагают, что Валерий Ингенуй командовал в Акве отрядом легиона, направленным из Апула с заданием гражданского строительства[14].

Большое количество надписей, содержащих имя XIII Сдвоенного легиона, было обнаружено в Ульпии Траяне Сармизегетузе (второе место после Апула по количеству найденных эпиграфических документов). Такая плотность находок прежде всего может быть связана с размещением здесь вексилляции легиона. Отряд легиона базировался в Сармизегетузе на протяжении всего периода существования Верхней Дакии и впоследствии Апулской Дакии. Его главной миссией была охрана наместника Верхней Дакии, когда тот совмещал должность легата легиона, и в период после администра тивной реорганизации дакийских территорий, предпринятой при

Марке Аврелии, когда наместник Верхней Дакии стал выполнять возложенные на него обязанности консульского управляющего всех трех Даций[15].

В 1932 г. в Ульпии Траяне было обнаружено посвящение Юпитеру Лучшему Величайшему, сделанное от имени легата легиона Тиберия Юлия Флассина[16]: IOM/MARI AUG/PRO SALUTE/IUL FLACCIN/I LEG AUG PR/PR TRANSLAT/IN LEG XIII G POS. Из надписи следует, что XIII легион был укомплектован в середине II в. подразделениями других военных частей. Эта надпись в сочетании с керамическим материалом[17], позволяет заключить, что столичная вексилляция легиона также была сформирована не только исключительно из военнослужащих XIII легиона. Такая практика перевода военнослужащих из одной части в другую не являлась чем-то экстраординарным и часто применялась в связи с теми или иными задачами.

В отличие от большинства пунктов золоторудного региона Дакии, в которых дислокация отрядов XIII Сдвоенного легиона является предположительной, в пунктах долины р.Муреш были обнаружены источники, позволяющие положительно решить вопрос о размещении в этой зоне отрядов апулского легиона. Отряды легиона были расквартированы в западной зоне оборонной системы провинции: в Ченаде, Сынникола Маре, Булчи и Мициии (совр. Вецел).

Северо-запад банатской равнины также находился под наблюдением частей апулского легиона. В Ченаде и Сынникола Маре была обнаружена строительная керамика с клеймами легиона и антропонимами (IDR, III/1. P. 243–245). Как показали археологические исследования, эта керамика была перекрыта поздним слоем уже со времени начала постоянного римского присутствия в Дакии[18]. Тем не менее, миссия отряда легиона в этой зоне продолжалась, о чем может свидетельствовать вотивная надпись из Ченада от имени ветерана и трубача XIII легиона: D(is) M(anibus)/M(arco) Aur(elio) Timo/ni vet(erano) leg(ionis)/ XIII G(eminae) Var(ius?) Firminus/tub(icen) h(eres) p(osuit)[19]. Эта надпись доказывает, что подразделение Ченада контролировало нижнюю зону течения Муреша в Верхней Дакии.

В Булчи было обнаружено римское укрепление, скорее всего пост охраны. Здесь был найден кирпич с клеймом XIII легиона без антропонима (CIL, III, 8064, 1, a'). Наиболее вероятно, что отряд, несший здесь охрану, был откомандирован также из Ченада.

Гарнизон римского кастра в Мициии, начиная со времени правления Септимия Севера, состоял из нескольких вспомогательных частей: ала I Испанцев Campagonum, когорта I Венделиков, когорта I Альпийцев, когорта II Флавия Коммагенцев, нумер Мавров Miciensium (CIL, III, 1343). Когорта II Флавия дислоцировалась в Мициии постоянно. Кроме ауксилий, как сообщают источники, в Мициии находились офицеры легионов: К. Лициний Макрин – центрурион IV Флавиева легиона (CIL, III, 1353) и два центуриона XIII Сдвоенного легиона: Л. Лициний Мессалина (CIL, III , 1354) и Нимфиск Юлий Юлинус (CIL, III, 7858). Помимо надписей, в Мициии было обнаружено большое количество керамид с клеймами XIII легиона. Эти керамиды были использованы при строительстве водовода[20]. Строительство, скорее всего, осуществил специально откомандированный из Апула отряд или вексилляция XIII легиона под руководством названных центурионов.

Рядом с кастром Мициия, в *Pagus Miciensis* существовал каменный карьер, за рабочими которого наблюдала вексилляция XIII Сдвоенного легиона. Из этого района происходит посвящение Геркулесу и Сильвану, сделанное от имени вексилляции XIII Сдвоенного легиона под командованием иммуна Аврелия Аримо (CIL, III, 12.565). Учитывая эпитет легиона – Antoniniana, можно датировать эту надпись правлением Каракаллы или Септимия Севера. Иммун – рядовой легионер, освобожденный от рутинных обязанностей[21]. Сам факт командования вексилляцией иммуном примечателен. Как правило, военным отрядом с таким статусом командовал офицер.

Отряды XIII легиона были размещены на важной стратегической дороге Апул – Поролисс, связывающей центр Дакии с северными районами провинции. На первом отрезке этого пути, от Апула до Бруклы, обнаружено множество керамид с клеймами легиона. Располагая найденной тегулярной продукцией, невозможно точно определить пункты, где разместились откомандированные из Апула отряды. Предполагаемым местом стоянки вексилляции XIII легиона можно считать Игхиу (Ighiu). В этом месте располагался известняковый карьер, продукция которого использовалась при строительстве в Апуле. В Игхиу было открыто небольшое укрепление (50×41 м), стены которого были сделаны из дерна[22]. Вексилляция могла располагаться в этом укреплении и контролировать работы в карьере и одновременно охранять его.

В округе Салин, в зоне, где велась добыча соли, в Спэлнака и Рэзбоени были найдены кирпичи с клеймом XIII легиона (CIL, III, 1629 = 8064, 16, 8074). Отряд легиона дислоцировался в Рэзбоени. Дислокация была совместной с алой I Тысячной Батавов, размещенной в этом же пункте. Военные контролировали соляные шахты и отрезок дороги до Потаиссы.

Северодакийские территории до их административной организации в отдельную провинцию Поролисскую Дакию и до перевода V Македонского легиона из Трезма в Потаиссу, также находились под контролем частей XIII легиона. В Потаиссе были обнаружены керамиды с клеймами апулского легиона следующих типов: LEG XIII GEM, LEG XIII G/ANNEI SAT/URNINI, LEG XIII G/AUR MEN /ANDER, LEG XIII G/IUL MARCI, … XIII GEM/ULP FRONTO[23]. Керамиды с клеймами ранних типов, относимых ко времени начала римского присутствия в Дакии, были найдены на территории одного из двух кастров (в Помете) Поролисса (CIL, III, 1629, 1=8064, 1, y, z). Вексилляция XIII легиона была размещена здесь совместно с вексилляциями других легионов (III Галльского и VII Сдвоенного) и вспомогательными частями и занималась охраной города и прилегающих территорий.

Вдоль северной границы Дакии, к востоку от Поролисса, было построено несколько военных укреплений постоянного характера. В одном из них, ближайшем к Поролиссу, в Тихэу, располагалась вексилляция XIII легиона. Факт дислокации этой части доказывает надпись на каменной плите, обнаруженной в северо-западных воротах лагеря: VEXILLAT/LEG XIII/GEM[24]. Кастр в Тихэу имел размеры 144×129 м и изначально был сооружен из камня, а не из дерна. Поэтому справедливо утверждать, что лагерь был построен силами размещенной здесь вексилляции, которая оставалась в кастре до образования Поролисской Дакии. Во время или сразу после реорганизации провинции, в Тихэу была переведена когорта I Каннинефатов, присутствие которой в этом пункте доказывают обнаруженные здесь военный диплом от 164 г. и керамиды с клеймами когорты[25].

Присутствие военных из апулского легиона на северной границе Поролисской Дакии продолжалось, по-видимому, до эвакуации провинции. При Александре Севере и Гордиане III отряд XIII легиона нес службу совместно с отрядом V Македонского легиона в *regio Ans(amensium)*[26]. Отряд XIII легиона возглавляли консульские бенефициарии В. Вибий Валериан (CIL, III, 823) и Валерий Валентин (CIL, III, 827 = 7633).

Подразделения XIII Сдвоенного легиона были также размещены вдоль восточной границы Дакии, в пунктах «восточного лимеса». В Кэлугэрени был обнаружен римский кастр размером 162×140 м. В этом кастре постоянно базировалась когорта I Альпийцев[27]. Скорее всего, когорта сменила здесь подразделение XIII легиона, перестроившее дерновый кастр в каменный. В Кэлугэрени была найдена керамида с клеймом легиона LEG XIII G (CIL, III, 8064, 1, w, x).

В Инлэчени, в термах расположенного здесь кастра, были найдены керамиды с

клеймами когорты I Альпийцев и XIII легиона (идентичные клейма на двух кирпичах и двух черепицах – LEG XIII GEN (N – инвертировано). Представленный тип клейма датируется началом II века. Временное присутствие отряда легиона в этом пункте связано со строительной деятельностью, предпринятой за пределами лагеря[28].

В юго-восточном секторе оборонной системы Дакии подразделения XIII легиона были размещены как минимум в двух пунктах. В Хогхизе были построены два кастра, располагавшиеся напротив друг друга на берегах Олта. Лагерь, расположенный на левом берегу реки, имеет достаточно большие размеры: 220×165 м[29]. В лагере дислоцировалось несколько вспомогательных частей и вексилляция XIII легиона. Командовал отрядом легиона центурион Т. Клавдий Валериан, поставивший после проведения военнослужащими строительных работ монумент в честь императора Адриана (CIL, III, 953). Т. Клавдий Валериан упомянут также в надписи из Апула (CIL, III, 981). До перевода в XIII легион Клавдий Валериан служил центурионом в легионе I. Помощник, принимал участие в парфянской кампании Траяна, затем вернулся в Дакию и получил командование вексилляцией кастра Хогхиза.

В Капут Стенар (совр. Боица), в пункте, связывающем Нижнюю и Верхнюю Дакии, были найдены кирпичи квадратной формы с клеймом LEG XIII G и монеты, относящиеся к эпохи Марка Аврелия[30]. Отряд (или вексилляция XIII легиона) размещался здесь с начала периода правления этого императора, сменив дислоцировавшуюся в этом пункте когорту, имя которой не восстанавливается.

На алутанском лимесе исследователями была локализована стоянка XIII легиона в Слэвени. Фрагменты кирпичей с клеймами легиона были обнаружены в термах Слэвени и к северу от претория расположенного здесь лагеря. Отсутствие в клейме имени легиона – GEM – может свидетельствовать о временной дислокации части в связи с общими стратегическими задачами.

На юго-западе Дакии, в Бэиле Геркулане найдены две надписи (CIL, III, 1560, 1569), в которых названы имена М. Аврелия Ветерана, префекта легиона XIII Сдвоенного Галлениана и Т. Аврелия Геминиана, ветерана легиона XIII Сдвоенного Антониниана. Они занимались размещением больных в этом курортном месте[31]. Исследователи предполагают, что здесь в эпоху Галлиена в связи с активностью варварских племен были размещены вексилляции дакийских легионов. Задачи военного присутствия в этой части провинции уточняются благодаря археологическим находкам, сделанным на территории Мехадии. В этом месте, после завоевания Дакии, за короткое время был возведен каменный кастр. При раскопках лагеря были обнаружены кирпичи и фрагменты черепицы с клеймами XIII легиона (CIL, III, 8074, 1; IDR, III/1, P. 120). Учитывая типологию легионных клейм, исследователи уточняют время дислокации подразделения XIII легиона и датируют ее второй половиной III века. Этим же временем датируется известный тип клейма, также обнаруженный в Мехадии: LEGG V M/ETXIII GM (IDR, III/1, P. 120, № 102). Кирпич с таким клеймом был сделан в мастерской объединенной вексилляции V Македонского и XIII Сдвоенного легионов, которая контролировала в позднюю эпоху южную зону провинции.

К югу от Мехадии, при слиянии Черны и Дуная, в кастре римского города Диерна было найдено несколько керамид с клеймами XIII легиона и других военных частей. Кирпичи с клеймом LEG XIII GEM (CIL, III, 8065, 1, 0) и один экземпляр с цифрой XIII (IDR, III/1, P. 74), идентичный клейму из Бэиле Геркулане, происходят из другого пункта[32]. Остальные типы клейм: LEG XIII GEM R и LEG XIII GEM RAT (литеры инвертированы) относятся к позднему, послеаврелиановскому периоду, когда в Диерне-Зернис, относящейся к Дакии Рипенсис, существовала префектура XIII легиона (Not. Dign., XLII, 37), дислоцировавшегося в этот период в Ратиарии на правом берегу Дуная.

После эвакуации Дакии XIII легион ввел свои отряды в придунайские пункты. Основными его задачами стали охрана дунайской границы империи, речного сообщения и обеспечение безопасности провинциалов, оставшихся за Дунаем.

V Македонский легион появился в Дакии в период Маркоманнских войн. В это же время в Дакии стали действовать его вексилляции и отряды. Зона провинции, которую первоначально контролировал легион, точно не локализуется. Вероятно, область размещения была связана с актуальными военными задачами и, скорее всего, это был север Дакии, возможно – район, граничащий с Верхней Паннонией. Периодом Маркоманнских войн датируется клеймо легиона, обнаруженное в Карнунте[33], что также подтверждает версию о приграничном с Паннонией размещении легиона. Чаще всего исследоват ели называют первым местом дислокации легиона в Дакии Потаиссу.

В 169 г., когда легион был переведен в Дакию, армией дакийских провинций командовал в чине легата августа пропретора М. Клавдий Фронтон. Первые годы дакийской дислокации были для легиона, его вексилляций и отрядов временем активных военных действий. Основные военные задачи были связаны с охраной границ и пресечением вылазок варваров. Видимо, период активных столкновений продолжался до 170 года. Невозможно точно установить, прекратилось ли давление варваров на северные рубежи Дакии в 170 г., но со смертью Марка Аврелия и последовавшим после этого отказом Комода от активных военных действий римская армия на севере Дакии сосредоточилась главным образом на задачах обороны. Возможно, после Маркоманнских войн подразделения легиона участвовали в войнах с бурами до 180 г., до момента усмирения варваров (Dio Cass., LXXII, 3, 1.). Известно, что при Септимии Севере наместником Дакий был П. Септимий Гета. В 193 г. вексилляция из состава дакийских легионов сопровождала Септимия Севера в экспедицию в Италию против Дидия Юлиана[34]. В этом же году вексилл яции V и XIII легионов под командованием бывшего легата XIII легиона Т. Манилия Фуска участвовали в экспедиции против Песценния Нигера[35]. В 194 (195) г. командующим V Македонским легионом был назначен Т. Клавдий Клавдиан. В 196 г. он возглавлял вексилляции двух дакийских легионов в составе армии Септимия Севера, возвращавшейся с Востока. Вексилляции дакийских легионов включали вспомогательные части из состава войска Дакии. Каждый легион откомандировал в эту кампанию около трети своих солдат и офицеров. Военные вернулись в Дакию после битвы при Лугдуне (февраль 197 г.). Дакийские части, по-видимому, отличились в походе. Об этом может косвенно свидетельствовать повышение Т. Клавдия Клавдиана, который стал наместником Нижней Паннонии[36].

Возможно, вексилляции легиона вели активные военные действия в своем секторе накануне 213 (214) г., готовясь к визиту в Дакию Каракаллы. У исследователей нет прямых свидетельств боевой активности V македонского легиона в этот период, но известно, что легион был удостоен внимания со стороны императора. Солдаты, бенефициарии и офицеры стали получать повышенное годовое жалование, а легион, скорее всего, именно в период визита императора в Дакию получил почетный эпитет – Антонинианов, о чем свидетельствует надпись из Потаиссы (CIL, III, 902).

В 236–237 гг. отряды V Македонского и XIII Сдвоенного легионов участвовали в войне Максимина Фракийца против свободных даков и сарматов. Столкновения проходили в дако-паннонийском регионе. В это же время наместник Дакий Юлий Лициниан возглавлял вексилляцию двух дакийских легионов, участвующую в кампании Максимина Фракийца в Италии[37]. Об этом сообщают надписи из Эмоны, Аквилеи и Дертоны (CIL, III, 3844, 14354, 10; V, 808, 897, 951, 1110, 7366, 7367, 7368.).

В 242 г. на дунайской границе империи появляются племена карпов. Возможно, карпы вышли на Дунай, пройдя Апулскую и Малвенскую Дакии. У нас нет сведений о военных действиях в это время в самой Дакии. V Македонский легион известен по нескольким надписям эпохи Гордиана III. В это время легион носил эпитет

Гордианов. Вероятно, при Гордиане из частей двух дакийских легионов было создано подразделение, которое находилось под командованием трибуна. Другая вексилляция, состоящая из отрядов дакийских легионов, упоминается в надписи из Рима (CIL, VI, 1645).

Также известно, что подразделения дакийских легионов участвовали в войнах Филиппа Араба с карпами в 245–248 гг.[38]

В правление Галлиена V Македонский легион воевал на границах Дакии со свободными даками. Эти столкновения, скорее всего, имели место ранее 257 года. Исследователи предполагают, что V Македонский легион за участие в этих событиях получил почетный эпитет III Pia Fidelis[39]. На антониниане эмиссии Галлиена имя легиона включает эпитет VII pia VII fidelis. Это почетное наименование легион получил уже осенью 260 г. в связи с победой императора над одним из узурпаторов (Регалианом или Ингенуем) или в связи с победой над аланами (нападение на Медиолан в 260 г.)[40].

Не ранее августа 260 г. (смерть Валериана) вексилляция V Македонского легиона была временно откомандирована в Верхнюю Паннонию в Петовион. В Петовионе было обнаружено посвящение Митре от имени военнослужащих легиона разных чинов (AnnЙp, 1936, P. 53–57).

Возможно, вексилляция легиона, направленная Галлиеном из Дакии для противодействия Постуму, перешла к его последователю Викторину. Имя легиона изображено на галльских аурах Викторина[41].

После перевода V Македонского легиона в Потаиссу, его отряды и подразделения стали контролировать территорию Поролисской Дакии. Строительная керамика с клеймами V легиона была обнаружена, помимо Потаиссы, в пунктах, расположенных вдоль стратегических коммуникаций, связывающих Апулскую и Поролисскую Дакии: на пути Апул – Потаисса – Напока в пунктах: Аиуд, Униря, Копэчени, Кяну Мик, Аитон, Напока; на дороге, проложенной римлянами вдоль течения Мureша: Рэзбоени, Лунка Муришулуи, Глигорешти, Богата, Кристешти; к западу от Потаиссы и дороги Потаисса – Напока: Михай Витязу, Молдовенешти, Сэндулешти, Мичешти, Вылчеле, Редиу; к востоку от этой дороги: Арункута и Сопору де Кымпие.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства позволяют достаточно точно определить места дислокации и основные функции подразделений легионов Дакии. Месторасположение отрядов и вексилляций было обусловлено необходимостью решения актуальных стратегических задач, заключавшихся в поддержании обороноспособности карпато-дунайских территорий и защите интересов существующего режима. Вместе с тем, вопрос о конкретном функционировании подразделений римских легионов Дакии остается открытым и требует дальнейшего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Само слово «вексилляция» восходит к названию одного из военных штандартов – vexillum.
2. *Moga V.* Din istoria militară a Daciei romane. Legiunea XIII Gemina. Cluj-Napoca, 1985. P. 54.
3. *Christescu V.* Istoria militară a Daciei romane. Bucureşti, 1937; *Daicoviciu C.* La Transylvanie dans l'Antiquite. Bucuresti, 1945; *Macrea M.* Viaţa în Dacia romană. Bucareşti, 1969; *Moga V.* Op. cit., а также работа венгерского исследователя: *Szilágyi J.* A Dáciae erödrendszer helyörségei ésa katonai téglabélyegek. Diss. Pann II, 21. Budapest, 1946.
4. *Moga V.* Op. cit. P. 56.

5. В Ампеле был расквартирован *Numerus Maurorum Hisp(anorum?)*.
6. CIL, III, 8065, 6; *Moga V.* Ibidem. P. 168.
7. *Christescu V.* Istoria militară… P. 170–173.
8. *Moga V.* Op. cit. P. 57.
9. *Moga V.* Ibidem. P. 57.
10. *Moga V.* Ibidem. P. 57.
11. *Daicoviciu H., Glodariu I.* Un castru roman din regiunia cetăţilor dacice din Munţii Orăştiei //Lucrări Ştiinţifice. Oradea, 1971, P. 17–23.
12. *Piso I.* O inscripţie funerară romană din Beriu //Apulum. 1974. XII. P. 580–582.
13. *Glodariu I.* Legiunea IIII Flavia Felix în Dacia //ActaMN. 1963. III. P. 436.
14. *Moga V.* Op. cit. P. 60. На характер деятельности отряда легиона в Кэлане могут указывать обнаруженные в этом пункте керамиды с клеймом легиона и антропонимами (G XIII GE TADI; LEG XIII GEM/POMPONI FORTIS (Apulum. V, P. 217–233, № 17, 21, b), AVRE CONO(n)/ LEG XIII G (CIL, III, 12.611).
15. *Moga V.* Ibidem. P. 61.
16. AnnÉp. 1934. 11.; *Floca O.* O contribuţie la istoricul legiunii XIII Gemina //AISC. 1929. I. P. 53–58.; *Stein A.* Die Reichsbeamten von Dazien. Budapest, 1944, S. 27.
17. *Szilagyi J.* A Dбciae erödrendszer... P. 29.
18. *Moga V.* Op. cit. P. 62.
19. *Mărghitan L.* Fortificaţii dacice şi romane pe cursul inferior şi mijlociu al Mureşului. Bucureşti, 1978, P. 105–106.
20. *Moga V.* Op. cit. P. 64.
21. *Колобов А.В.* Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи). Пермь, 1999. С. 16; *Ле Боэк Я.* Римская армия эпохи Ранней империи. М., 2001. С. 67.
22. *Macrea M., Protase D.* Şantierul de la Alba Iulia şi împrejurimi //Materiale. 1959. V. P. 435–453.
23. *Moga V.* Ibidem. P. 66.
24. Надпись заключена в картуш типа *tabula ansata*. Публикация: *Macrea M., Protase D., Rusu M.* Santierul arheologic de la Porolissum //Materiale. 1960. VII. P. 384–386; *Wollmann Gh. Bot.* Despre castrul şi garnizoana romană de la Tihău //In memoriam C. Daicoviciu. Cluj-Napoca, 1974, P. 429–440.
25. *Russu I.I.* Auxilia provinciae Daciae //SCIV. 1972. I.
26. *Daicoviciu C.* Severus Alexander şi provincia Dacia //ActaMN. 1966. III. P. 164–171.
27. *Wagner W.* Die Dislokation der römischen Auxiliarformationen. Berlin, 1938. S. 82–83; *Christescu V.* Istoria militară... P. 182–183; *Russu I.I.* Op. cit. P. 67, № 17.
28. *Moga V.* Op. cit. P. 69.
29. *Moga V.* Ibidem. P. 69. со ссылкой на публикацию памятника, оставшуюся для нас недоступной: *Protase D.* Castre romane cu dublu zid de incintă on Dacia //Sargetia. 1977. XIII. P. 191–202.
30. *Lupu N.* O importantă descoperire la Caput Stenarum //In memoriam C. Daicoviciu. P. 219–227.
31. *Moga V.* Op. cit. P. 71.
32. *Moga V.* Ibidem. P. 73.
33. *Bărbulescu M.* Din istoria militară a Daciei romane. Cluj-Napoca, 1987. P. 24.
34. Tertullianus, Ad Scapulam. 4, 3; SHA, Did. Iul. 5, 5-6; 6, 3; *Piыo I.* Fasti provinciae Daciae I. Bonn, 1993. S. 110.
35. *Bărbulescu M.* Op. cit. P. 26.
36. *Bărbulescu M.* Ibidem. P. 27. n. 116.
37. *Piso I.* Maximinus Thrax und die Provinz Dakien //ZPE. 1982. 49. P. 235–238.
38. *Piso I.* //In memoriam C. Daicoviciu. P. 306; *Bărbulescu M.* Op. cit. P. 29.
39. *Daicoviciu C.* Einige Probleme der Provinz Dazien während des 3. Jahrhunderts //StCl. 1965. VII. P. 244; *Bărbulescu M.* Ibidem. P. 31.

40. *Alföldi A.* Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus. Darmstadt, 1967. S. 101–102; 226–227; *Bărbulescu M.* Ibidem. P. 31.
41. *Ritterling E.* Legio //RE. 1925. XII. 1. S. 1344.

M. V. POPOV

DETACHMENTS AND VEXILLIATIONS OF THE ROMAN LEGIONS IN DACIA: DISPOSITON AND FUNCTIONING

The article views the problems of disposition and functioning for the detachments and vexiliations of the Roman legions in Dacia. The strategic tasks: the maintenance of the defense capacity at the Carpathian-Danubian territories and the protection of the existent regime called forth the problem of troops' location and made it the matter of great urgency and importance. The issue of the separate Roman detachments and their functioning in Dacia still remains open.

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В.М. ЗУБАРЬ (Киев)

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОСТАТКОВ КРУГЛЫХ ПОСТРОЕК НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В процессе многолетних раскопок памятников сельскохозяйственной округи Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове были зафиксированы круглые в плане каменные сооружения, которые относительно недавно привлекли внимание исследователей. Первой на них обратила внимание Г. М. Николаенко, которая в своем обзоре памятников первых веков н.э. дала краткое описание остатков двух таких построек, исследованных на земельных участках, привела фото одной, но оставила без ответа вопрос об их назначении.[1] Позднее, на основании того, что при раскопках этих сооружений был обнаружен материал V–VII вв., они были интерпретированы как основания юрт-зимников и связаны с присутствием в округе Херсонеса гуннов, пришедших в Таврику после распада государства Аттилы.[2]

Л. А. Ковалевская в специальной статье, посвященной типам построек первых веков в окрестностях Херсонеса, выделила круглые сооружения в отдельный тип и сочла возможным интерпретировать их как башни, которые «в основном выполняли оборонительные и сторожевые функции, а также могли быть убежищем».[3] Правда, Л. А. Ковалевская подробно рассмотрела только одну из двух круглых построек, зафиксированных на «усадьбе» «Близнецы», что вряд ли является достаточным основанием для группировки такого типа памятников в отдельный тип.[4]

Позднее Л. А. Ковалевская и Т. Сарновски, предложив новое чтение и датировку латинских клейм, найденных в процессе раскопок на усадьбе земельного участка 227,[5] коснулись и назначения сооружения с круговой кладкой диаметром 30 м., зафиксированного рядом с этой усадьбой, предположив, что оно предназначалось для выездки лошадей. По мнению исследователей, основным направлением хозяйства здесь было коневодство, а не овцеводство, как полагали В. И. Кузищин и А. И. Иванчик,[6] а клиентом хозяина усадьбы был римский воинский контингент, расквартированный в Херсонесе и его окрестностях в первой половине IV в. н.э.[7]

Е. Ю. Кленина, публикуя керамический комплекс из раскопок двух круглых сооружений, исследованных под руководством В. В. Созник на территории усадьбы «Блезницы» (земельный участок 343),[8] затронула вопрос об этих постройках и аналогичных памятниках в других местах Гераклейского полуострова. Она разделила их на две категории, положив в основу не функциональное назначение или хронологию, а формальный признак расположения и указала, что следует обращать внимание на связь их с усадьбой или местонахождение на размежеванной территории земельного участка. Основываясь на таком делении, Е. Ю. Кленина привела перечень остатков круглых построек, хотя далеко и не полный, полагая, что, если пер-

вая категория являлась составной частью усадеб, то вторую, вероятно, следует относить к категории памятников погребально-поминальной обрядности.[9] Правда, остается не ясным, где же в таком случае располагались захоронения, с которыми по логике вещей должны были быть связаны такие памятники.

И, наконец, С. Ю. Сапрыкин в монографии, посвященной денежному обращению на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху, также вскользь затронул эту проблему и фактически повторил выводы Л. А. Ковалевской, со статьей которой не был знаком. Подчеркивая, что назначение круглых сооружений пока еще не выяснено, он, тем не менее, полагает, что они составляли часть архитектурного ансамбля и должны интерпретироваться как обычные башни, характерные для греческих сельских усадеб.[10] Но, делая такой вывод, в качестве аналогии приводит баш-

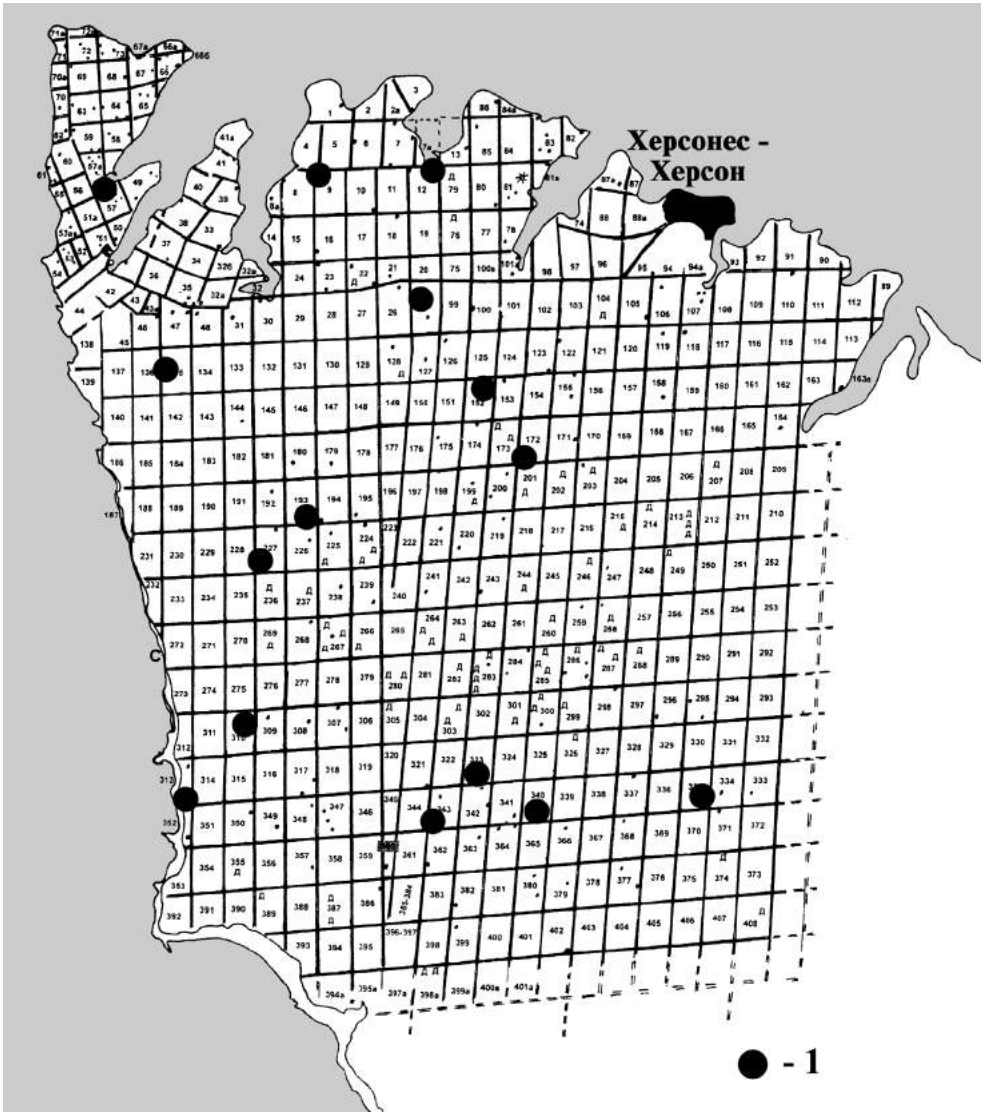

Рис. 1. Размежевка Гераклейского полуострова (по Г. М. Николаенко) с указанием земельных участков, на которых зафиксированы круглые сооружения:
1 – круглые постройки

ни не позднеантичного периода, как следовало бы ожидать, а заведомо эллинистические памятники в Северо-Западной Таврике и в других районах античного мира.

Из сказанного следует, что по поводу интерпретации круглых каменных сооружений нет единства мнений, и они заслуживают дополнительного анализа, который должен быть проведен с учетом всей имеющейся источниковой базы. Поэтому целью настоящей работы является анализ всех известных сегодня остатков круглых сооружений на Гераклейском полуострове, и попытка подтвердить сделанные ранее выводы. Но прежде хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний.

Во второй половине XX в., в связи с начавшимся на Гераклейском полуострове строительством в зонах новостроек, большой группой исследователей под руководством сначала И. Т. Кругликовой, а затем Г. М. Николаенко, были развернуты широкие археологические исследования этого района. На рубеже XX и XXI вв. результаты этих работ, как, впрочем, и более ранних, были сведены и введены в научный оборот Г. М. Николаенко,[11] что позволяет сегодня использовать максимальное количество фактических данных по различным категориям раскопанных памятников, в том числе и круглым сооружениям. Но по-прежнему недостаточная, за очень небольшим исключением,[12] изученность сельскохозяйственных усадеб и неясность их датировки очень затрудняют использование этого материала для исторических реконструкций.[13] Данные, введенные в научный оборот Г. М. Николаенко,[14] также, к сожалению, не восполняют этого пробела. В ее монографии отсутствует их анализ, а в подавляющем большинстве случаев приводится лишь суммарное описание наделов, но отсутствует характеристика массового керамического материала, обнаруженного в ходе раскопок усадеб, и его датировка на основании последних научных разработок.

Однако, несмотря на все это, следует привести полный список круглых сооружений, известных в настоящее время, и тех материалов, которые были обнаружены в них во время раскопок.

1. В юго-восточной части усадьбы земельного участка 9, располагавшегося на западном берегу Карантинной бухты (рис. 1), зафиксировано круглое в плане каменное сооружение диаметром 4 (внутренний) – 6 (внешний) м., которое относится к последнему строительному периоду (рис. 2, *1*; 3, *1*) Кладка двухлицевая трехслойная с забутовкой. Сохранилось четыре ее ряда. В центре – яма периода Второй мировой войны (рис. 4). В культурном слое зафиксирован толстый слой золы, под которым керамический материал III в. н.э. В заполнении найдены монета времени правления императоров Гонория (395–423 гг.) или Феодосия II (408–450 гг.), а также сильно потертая монета Юстиниана I (527–565 гг.).[15] Другой датирующий материал из этого круглого сооружения в публикациях не приводится.[16] Судя по опубликованному плану,[17] это круглое сооружение было пристроенному к стене более ранней усадьбы. По сообщению А. В. Сазанова, в сооружении, помимо монет, обнаружен керамический материал второй четверти VI–VII в.

2. На земельном участке 12, располагавшемся в устье бухты Омега, зафиксировано две усадьбы (рис. 1). В 1992 г. экспедицией под руководством Г. М. Николаенко к юго-востоку от одной из них раскопана большая каменная насыпь в виде кургана, под которой «оказалось кольцеобразное основание и прямоугольная ограда небольшой постройки. Датирующего материала нет» (рис. 5).[18] Но на этом земельном участке встречены фрагменты керамики II–III вв. н.э. На второй усадьбе подъемный материал представлен находками фрагментов черепицы, пифосов, амфор и различных сосудов, охватывающий последнюю четверть IV в. до н.э. – IV–V вв. н.э.[19] Чертежи круглого сооружения и таблицы с керамическим материалом в публикациях отсутствуют.

3. При раскопках на территории виноградного плантажа земельного надела 25, расположенного между верховьями Стрелецкой и Камышовой бухт (рис. 1)

обнаружена круглая в плане постройка диаметром 3,5–3,8 (внутренний) – 5,2–5,5 (внешний) м с нешироким входом с юго-восточной стороны размерами 0,5×0,6 м (рис. 3, *2*; 6) (1), который вел в замкнутое прямоугольное помещение (2) (рис. 7). Судя по опубликованному плану (рис. 3, *2*), кладка круглой постройки двулицевая трехслойная с забутовкой. Внутри круглого помещения, справа от входа, зафиксировано зольное пятно размерами 0,6×0,7×0,8 м. Напротив него в стене на уровне 0,45 м от пола находилось отверстие размерами 0,25×0,4 м, заложенное с внешней стороны камнем. С западной и южной стороны круглой постройки располагались остатки стен помещений неправильной формы, сложенные из бутового камня, средние размеры которых 1, 5–2 м (рис. 3, *2*; 7). В ходе раскопок внутри круглого сооружения найдены монеты времени правления императоров Феодосия I (379–395 гг.) и Льва I (457–474 гг.). В отчете указано, что в круглом и соседних помещениях, помимо монет, обнаружен фрагмент донышка краснолаковой

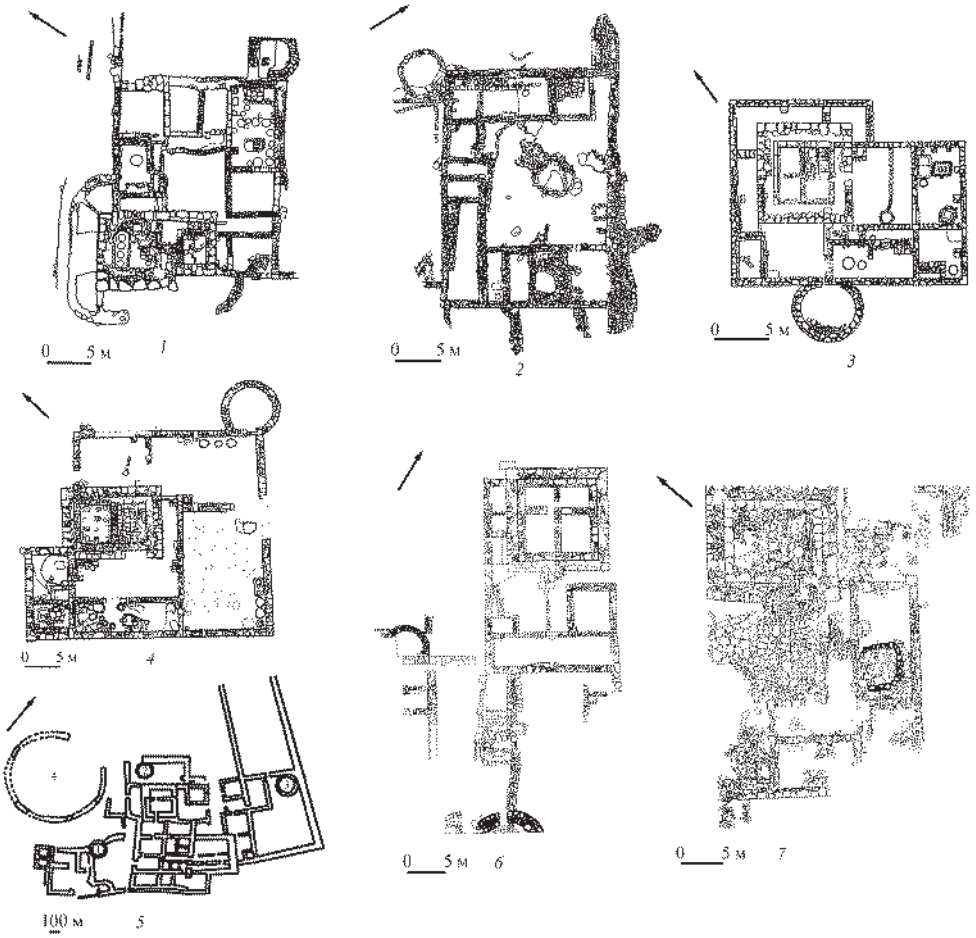

Рис. 2. Античные усадьбы Гераклейского полуострова с круглыми постройками:
1 – земельный участок 9 по И.Т. Кругликовой и С. Ю. Сапрыкину; 2 – земельный участок 57 по И. Т. Кругликовой и С. Ю. Сапрыкину; 3 – земельный участок 152 (93) по Г. М. Николаенко; 4 – земельный участок 193 (132) по Г. М. Николаенко; 5 – земельный участок 227 (150) по В. И. Кузищину и А. И. Иванчику; 6 – земельный участок 335 по А. С. Кобелеву и Л. А. Ковалевской; 7 – земельный участок 340 по Л. А. Ковалевской

тарелки с штампованным изображением креста и фрагменты керамических форм, которые, по определению А. В. Сазанова, укладываются в хронологические рамки второй четверти VI–VII вв.[20] Таблицы с керамическим материалом в публикациях отсутствуют. Для датировки памятника особенно показателен фрагмент краснолаковой тарелки с клеймом в форме креста с двойной линией контура, фотография которого имеется в отчете. Он относится к группе «Поздний римский С» или «Фокейская краснолаковая керамика», встречающейся в слоях конца V – третьей четверти VI в.[21] Исходя из формы креста, этот фрагмент может быть отнесен ко второй – третьей четверти VI в.[22]

4. На усадьбе земельного участка 57, располагавшегося на Маячном полуострове на берегу Соленого озера (рис. 1), по мнению С. Ю. Сапрыкина, среди наиболее ранних строительных остатков второй четверти IV – рубежа IV–III вв. до н.э. зафиксирована круглая в плане башня, соединявшаяся с внутренними помещениями усадьбы проходом (рис. 2, *2*; 3, *3*). После ряда перестроек и расширения эта усадьба в третьей четверти III в. до н.э. была покинута жителями, и жизнь здесь больше не возобновлялась.[23] Исходя из опубликованного плана, не исключено, что это была не башня, а круглое сооружение, пристроенное к углу усадьбы в более поздний период, так как она перекрывала более раннюю стену усадьбы и располагалась не на углу усадьбы, а была смещена к востоку от него (ср.: рис. 3, *1, 8*).[24] К сожалению, из публикации памятника неясно, какой материал найден при раскопках этой пристройки, что позволило бы уточнить время ее сооружения.

5. На земельном участке 135 (53),[25] расположенном приблизительно в одном километре к югу от устья Камышовой бухты (рис. 1), на виноградном плантаже экспедицией под общим руководством Г. М. Николаенко (рук. работ Г. Я Шнайдер) было раскопано круглое в плане каменное сооружение диаметром 4, 2 (внутренний) – 6 (внешний) (рис. 8). Кладка двулицевая трехслойная, с забутовкой на земляном растворе, толщиной 0, 9 м. Сохранилась на высоту 0,5–0,6 м. Внутрь сооружения с северо-запада и юго-востока вело два прохода шириной 0,4–0,7 м. (рис. 3, *9*). С внешней стороны к нему примыкает небольшое, видимо, открытое помещение бутовой кладки прямоугольной формы размерами 5×5 м. Внутри него найдена монета времени правления императора Льва I (457–474 гг.),[26] а также керамический материал, который, по определению А. В. Сазанова, датируется второй четвертью VI–VII вв. Памятник раскопан не полностью. Таблицы с керамическим материалом в публикации отсутствуют.

6. На земельном участке 152 (93), расположенном на правом склоне Стрелецкой балки (рис. 1), в ходе раскопок 1980 г. была открыта пристроенная к внешней юго-западной стене усадьбе эллинистического периода круглая в плане каменная постройка, внутренний диаметр которой был «более 5-ти м» (рис. 2,*3*; 3, *10*). Судя по тексту и фото в отчете, сооружение было пристроено к стене усадьбы, которая уже прекратила свое существование (рис. 9).[27] Вход располагался с северо-восточной стороны, при строительстве которой часть более ранней стены была разобрана и для хозяйственных целей могли использоваться постройки более ранней усадьбы. Как пишет Г. М. Николаенко, судя по материалу, круглая постройка функционировала в первые века н.э.[28] Таблицы с керамическим материалом в публикациях отсутствуют.

7. На земельном участке 172 (106), расположенном на склоне между Молочной и Карантинными балками (рис. 1), в ходе работ под общим руководством Г. М. Николаенко (рук. работ А. С. Кобелев и Л. А. Ковалевская) была исследована усадьба, зафиксированная еще в первой половине XX в., но сильно пострадавшая в годы Крымской и Второй мировой войн. Раскопками здесь открыта «пристроенная к усадебному комплексу с юго-западной стороны круглая башня поздне-римского периода».[29] Чертежи, фото и керамический материал в публикации отсутствуют. Судя по чертежам отчета, круглое в плане сооружение было пристроено к стене (№21),

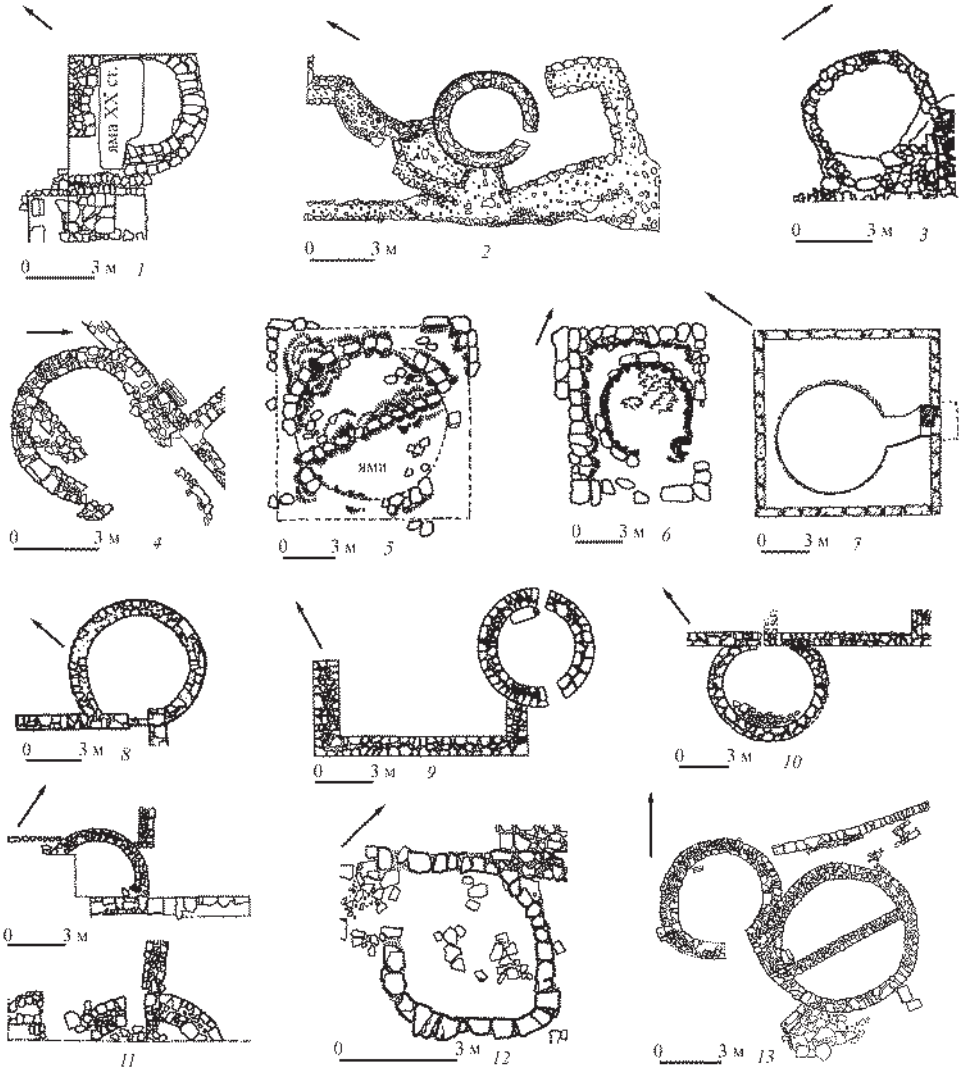

Рис. 3. Планы круглых сооружений на Гераклейском полуострове:
1 – круглое сооружение на земельном участке 9 по И. Т. Кругликовой и С. Ю. Сапрыкину; 2 – круглое сооружение на земельном участке 25 по Г. М. Николаенко; 3 – круглое сооружение на земельном участке 57 по И. Т. Кругликовой и С. Ю. Сапрыкину; 4 – круглое сооружение на земельном участке 172 (106) по С. А. Кобелеву и Л. А. Ковалевской; 5 – круглое сооружение на земельном участке 310 по Г. М. Николаенко; 6 – круглое сооружение на земельном участке 313 по Г. М. Николаенко; 7 – круглое сооружение на земельном участке 323 по Г. М. Николаенко; 8 – круглое сооружение на земельном участке 193 (132) по Г. М. Николаенко; 9 – круглое сооружение на земельном участке 135 (53) по Г. М. Николаенко; 10 – круглое сооружение на земельном участке 152 (93) по Г. М. Николаенко; 11 – круглое сооружение на земельном участке 335 по А. С. Кобелеву и Л. А. Ковалевской; 12 – круглое сооружение на земельном участке 340 по Л. А. Ковалевской; 13 – круглое сооружение на земельном участке 342 по Е. Ю. Клениной и В. В. Созник

располагавшейся внутри усадьбы (рис. 3, *4*). Его диаметр 5–5,5 (внутренний) – 6 м (внешний) м. При расчистке встречался керамический материал античной эпохи. Стратиграфия памятника нарушена более поздними вторжениями.[30]

8. На земельном участке 193 (132), расположенном на склонах и в восточном ответвлении Юхариной балки (рис. 1), раскопана башня и несколько помещений эллинистического периода, которые в первые века н.э. перестраивались. «Во дворе усадьбы находилась довольно глубокая цистерна грушевидной формы. Рядом с ней, в юго-восточном углу усадьбы, в позднеримский период были пристроено помещение, круглое в плане – башня?» (рис. 2, *4*; 3, *8;* 9). Далее Г. М. Николаенко пишет, что в ходе раскопок был обнаружен «материал римского и средневекового периодов», хотя таблиц с керамическим материалом не приводит.[31] Но, исходя из опубликованного плана, эта «башня» представляла собой уже известное круглое в плане сооружение, пристроенное к северо-восточному углу усадьбы с некоторым смещением вдоль стены к северу (рис. 2, *4*; 10).[32] По любезному сообщению Г. М. Николаенко, его диаметр 5,5 (внутренний) – 7,5 (внешний) м. Кладка двулицевая трехслойная. Вход в постройку шириной более 1 м с порогом из двух крупных блоков располагался с северо-восточной стороны и выходил во двор В уже прекратившей функционировать усадьбе, которым, видимо, в хозяйственных целях, пользовались обитатели круглого помещения. Это позволяет говорить о том, что ко времени строительства круглого сооружения основные постройки усадьбы были разрушены. По сообщению Г. М. Николаенко, при раскопках постройки был обнаружен материал позднеантичного и раннесредневекового времени.

9. На земельном участке 227 (150), расположенном на склонах Юхариной балки (рис. 1), в ходе раскопок многослойной сельскохозяйственной усадьбы среди многочисленных строительных остатков экспедицией МГУ под руководством В. И. Кузищина зафиксировано четыре круглых в плане каменных сооружения (рис. 2, *5*; 11).

Сооружение 1 диаметром около 4 м было углублено в материковую скалу на 1, 6 м., по периметру которого на уровне скалы зафиксировано два ряда кладки высотой 0,9 м и шириной 1 м (рис. 2,*5*; 11, *1*). Кладка, вероятно, двулицевая трехслойная с забутовкой. В углубление в скале вела лестница, от которой сохранилось пять каменных степеней. На полу, который был выровнен и обмазан глиной белого оттенка, обнаружены обломки черепицы, мощное зольное пятно толщиной до 0,25 м, кости животных, фрагменты 10 амфор III в. н.э. и одного пифоса. Сооружение 2 диаметром 3,3–3,8 (внутренний) – 4,15–5,1 (внешний) м имело аналогичную конструкцию (рис. 2,*5*; 11, *2*). Кладка однослойная из бутового камня.

Оба помещения интерпретированы как своего рода холодильные камеры, но наличие зольного пятна, которое, скорее всего, осталось от очага, несовместимого с таким назначением постройки, никак не объясняется. Но то, что стены вырубов в скале хорошо отесаны, позволяет предполагать, что в данном случае они первоначально могли быть использованы в качестве водосборных цистерн, а позднее над ними были возведены наземные круглые сооружений, своеобразным фундаментом которых и были каменные кладки.

Сооружение 3 диаметром 4,5 м. отличается от описанных 1 и 2 (рис. 2,*5*; 11,*3*). Оно не имело углубления в скалу, а пол тщательно выровнен. Фундамент стен с сохранившейся высотой до 0,6 м выложен «правильной регулярной кладкой и слегка конусовидный». Кладка двулицевая трехслойная. В восточной части обнаружен проем для стока воды. Это сооружение определено исследователями как «помещение для выращивания первого молодняка, нуждавшегося в самом внимательном уходе».[33]

Сооружение 4, окруженное каменной кольцевой оградой до 30 м в диаметре, по мнению исследователей, предназначалось для содержания овец (рис. 2,*5*; 11,*4*).[34] На территории усадебного комплекса наиболее поздние датированные монетные находки относились ко времени правления императоров Максимиана (286–305 гг.),

Рис. 4. Круглое сооружение на земельном участке 9. Фото И. Т. Кругликовой и С.Ю.Сапрыкина

Рис. 5. Круглое сооружение на земельном участке 12. Фото Г. М. Николаенко

Лициния (308–324 гг.), Валента (364–378 гг.), Валентиниана I (364–375 гг.), Феодосия I (379–395 гг.) и Льва I (457–474 гг.).[35] Жизнь на территории усадьбы продолжалась до IV–V вв. н.э.[36] Причем интересно, что в углублении в скале круглого помещения 1 был обнаружен фрагмент горла светлоглиняной узкогорлой амфоры типа Е, которая, наряду с амфорами так называемого инкерманского типа конца IV – середины VII вв.,[37] вероятно, может свидетельствовать о продолжении жизни на территории усадьбы и после ее консервации в V в.[38] Строительные комплексы и частично находки опубликованы. В публикации дана история комплекса, датировка строительных периодов и предпринята попытка определить место раскопанного памятника в системе землепользования на Гераклейском полуострове.[39]

10. На земельном участке 310, расположенном на возвышенности и западном склоне Нижне-Юхаринской балки (рис. 1), находился укрепленный комплекс, где в 1924 г. Н. И. Бороздин раскопал квадратную в плане башню размерами 12×12 м. Внутри башни он зафиксировал круглое в плане помещение диаметром 9 м, которое было перегорожено стеной из крупных камней (рис. 3, *5*) Материал, обнаруженный здесь, «относится преимущественно к римскому времени»,[40] хотя на территории укрепленного комплекса встречался находки и более позднего времени.[41] Таблицы с керамическим материалом в публикации отсутствуют.

11. На земельном участке 313, расположенном с южной стороны мыса Виноградный (рис. 1), зафиксировано две усадьбы. На одной из них квадратная в плане башня размерами 9×11 м, построенная из громадных известняковых блоков двухметровой длины. Внутри башни находилась обложенная по периметру камнем круглая яма глубиной до 4 м и диаметром 6 м (рис. 3,*6*). Массовый археологический материал представленный керамикой эллинистического периода и первых веков н.э. На второй усадьбе того же земельного участка зафиксированы фрагменты посуды не только того же времени, но и раннесредневекового периода.[42] Таблицы с керамическим материалом в публикации отсутствуют.

12. На земельном участке 323, располагавшемся в возвышенной части северо-восточного склона Верхне-Юхаринской балки (рис. 1), выявлено две усадьбы. Одна из них носит название «круг в квадрате». В ходе раскопок 1924 г. под руководством Н. И. Бороздина было установлено, что здесь располагалась квадратная в плане башня размерами 12×12 м, стены которой были сложены из известняковых плит. Внутри башни обнаружен фундамент круглого в плане каменного сооружения диаметром 7 м (рис. 3, *7*). Среди находок преобладал материал первых веков н.э.[43] Таблицы с керамическим материалом в публикациях отсутствуют.

13. На земельном участке 335, расположенном на водораздельном холме у левого склона верховья Хомутовой балки (рис. 1), зафиксирован укрепленный комплекс, состоявший из нескольких усадеб и других помещений (рис. 2, *6*).[44] В ходе работ 1983 г. под общим руководством Г. М. Николаенко в юго-восточной части исследовавшейся территории, в квадратах 369, 370, были частично открыты фрагменты стен двух круглых сооружений (рис. 3, *11*). Судя по чертежам отчета, кладка двулицевая трехслойная с забутовкой. Толщина стен от 0,6–до 1,3 м. В одну постройку вел вход шириной около 1 м.[45] К сожалению, эти сооружения так и не были доследованы, поэтому в отчете и публикации отсутствуют таблицы с керамическим материалом.

14. На земельном участке 340 (222, 341), расположенном на крутом правом склоне Верхне-Юхариной былки (рис. 1), при исследовании многослойного комплекса на территории укрепленной усадьбы в помещении 1 выявлены остатки круглого в плане сооружения диаметром 3,5–4 (внутренний) – 4,3–4,5 (внешний) м (рис. 2, *7*; 3, *12*) с входом в западной части шириной 0,85 м. Кладка однослойная из бутовых камней, сохранилась на высоту одного – трех рядов. Пол вымощен плоскими необработанными плитами. Внутри золистые слои (рис. 12). В верхнем слое вымостки зафиксирован материал раннесредневекового периода, который, как любезно сооб-

Рис. 6. Круглое сооружение на земельном участке 25. Фото Г. М. Николаенко

Рис. 7. Комплекс построек на земельном участке 25. Фото Г. М. Николаенко

щила Л. А. Ковалевская, датируется VI–VII вв., но, к сожалению, ввиду крайней его фрагментарности точному определению не поддается. Исследовательница считает, что круглое сооружение было возведено уже после прекращения функционирования усадьбы на ее руинах.[46]

15. На земельном участке 343, расположенном в ложе и на склонах Юхариной балки (рис. 1), на одной из двух усадеб (усадьба «Блезнецы») зафиксированы остатки двух круглых в плане каменных сооружений, которые на протяжении 1987–1990 г. исследовались Гераклейской экспедицией под руководством Г. М. Николаенко (нач. отряда. В. В. Созник).[47] Круглая постройка (I) диаметром около 9 м, интерпретированная как башня, была исследована полностью, а постройка (II) с внешним диаметром 6,8–7 м, пристроенная к «башне» (I) с входом в северо-западной стене, раскопана частично (рис. 3, *13*; 13). Кладка постройки I двулицевая трехслойная с забутовкой. Толщина стен – 0,85 м, максимальная сохранившаяся высота 1,2 м. Внутреннее пространство было разделено стеной из камней на глиняном растворе на два почти одинаковых помещения, каждое из которых имело свой вход. С северной стороны к «башне» I примыкала однослойная стена-ограда из крупных блоков на глиняном растворе (рис. 14). Исходя из керамического материала, обнаруженного в «башне» I, Е. Ю. Кленина считает, что памятник погиб в пожаре не ранее середины III в. н.э.[48] Керамический комплекс опубликован Е. Ю. Клениной при участии В. В. Созник.[49]

При раскопках круглых в плане остатков построек обнаружен материал первых веков н.э., но, наряду с этим, достаточно часто встречался фрагменты керамики эпохи раннего средневековья. В четырех случаях, по определению А. В. Сазанова (1; 3; 5) и Л. А. Ковалевской (14), его датировка укладывается в хронологические рамки второй четверти VI –VII вв. н.э. В трех круглых сооружениях (1; 3; 5) и при раскопках усадьбы, расположенной на участке 227 (9), обнаружены монеты времени правления императоров Максимиана (286–305 гг.), Лициния (308–324 гг.), Валента (364–378 гг.), Валентиниана I (364–375 гг.), Феодосия I (379–395 гг.), Гонория (395–423 гг.) или Феодосия II (408–450 гг.), Льва I (457–474 гг.) и Юстиниана I (527–565 гг.).

Г. М. Николаенко полагает, что на основании монетных находок можно датировать круглые сооружения на двух земельных участках IV–V вв.[50] Но она не учитывает особенностей монетного обращения в Херсонесе или Херсоне.[51] Сейчас установлено, что местная монетная чеканка прекратилась при императоре Галлиене (252–268 гг.) и с конца III в. херсонесский рынок заполнился боспорскими и римскими монетами, за счет которых покрывались потребности денежного обращения. Из него, несмотря на возобновление городской чеканки при императоре Зиноне (474–491 гг.) или несколько раньше,[52] не исключались монеты более ранних выпусков, которые сохраняли покупательную способность независимо от времени чеканки. В VII в. в обращении еще находились монеты времени правления императоров от Феодосия I до Зинона (474–491 гг.), а на херсонесские монеты II–III вв. и на позднеримскую медь при императоре Ираклии (610–641 гг.) ставились надчеканки в виде хризм.[53] Поэтому только на основании нумизматических находок нельзя датировать круглые сооружения, раскопанные на Гераклейском полуострове, как, впрочем, и другие позднеантичные и раннесредневековые комплексы Херсонеса,[54] ибо монеты конца IV – середины V вв., строго говоря, дают для остатков построек лишь terminus post quem. Это хорошо согласуется с отнесением А. В. Сазановым и Л. А. Ковалевской керамического комплекса, обнаруженного в четырех круглых сооружениях, ко второй четверти VI–VII в. Учитывая, что массовый археологический материал, обнаруженный на таких памятниках, за редким исключением (усадьба земельного надела 227), не был должным образом обработан и опубликован, нельзя исключить того, что при раскопках и других круглых сооружений, наряду с керамикой, бытовавшей в первые века н.э., обнаружены фрагменты керами-

Рис. 8. Круглое сооружение на земельном участке 135 (53). Фото Г. М. Николаенко

ческих форм IV–VII вв., которые датировались не правильно или вовсе не датировались.

Всего на 15 земельных участках Гараклейскогоо полуострова в общей сложности зафиксировано 20 круглых в плане каменных сооружений. Две постройки (земельные участки 25, 135) располагались на размежеванной территории, а все остальные, насколько можно судить по имеющимся в публикациях данным, были либо пристроены к стенам более ранних усадеб, либо располагались внутри оборонительных башен или помещений усадеб, которые уже к тому времени перестали использоваться по прямому назначению. Следует подчеркнуть, что атрибуция остатков построек земельного участка 343 (15), как части усадьбы, вызывает сомнения. Исходя из опубликованного плана (рис. 13),[55] следует, что здесь были исследованы только две круглые постройки и зафиксирована часть стены, которая могла быть связана именно с этим комплексом, а не с усадьбой античной эпохи.

В 16 случаях остатки построек функционально могут быть объединены в одно группу на основании размеров, наличия входов и близкой техники кладки. Входы в эти постройки в подавляющем большинстве случаев расположены с южной стороны с отклонениями разной степени к востоку и западу. Их направление, очевидно, было обусловлено расположением на усадьбах остатков более ранних построек, которых в ряде случаев закрывали входы от ветра. Три постройки были возведены над углублениями в скале (9–1, 2; 11), а две – внутри перегорожены стенками (10; 14). В двух случаях можно уверенно говорить, что круглые сооружения были связаны с открытыми подпрямоугольными постройками (3; 5), которые могли использоваться для содержания скота. Таким же образом могла использоваться более крупная постройка на наделе 343 (15), которая была разделена на два помещения и впритык пристроенная к меньшей по размерам круглой постройке (II). Наличие слоя золы, зафиксированного в четырех случаях (1; 3; 9, 1; 14), видимо, позволяет предполагать жилое назначение большинства таких сооружений. Одно сооружение (9,*4*) превышает размерами остальные и, вероятно, может быть атрибутировано не как место для выездки лошадей,[56] в пользу чего нет никаких данных, а как загон для содержания скота или лошадей. Аналогичным образом могла использоваться и круглая постройкам большого диаметра (I) на земельном участке 343 (15). Следовательно, на основании всего имеющегося материала можно констатировать, что в своем подавляющем большинстве круглые в плане постройки, а исключением трех,

Рис. 9. Круглое сооружение пристроенное к стене усадьбы 152 (93).
Фото Г. М. Николаенко

являлись жилыми, были связаны с близлежащими хозяйственными сооружениями и могут быть объединены в одну группу.

По своей конструкции круглые постройки ближе всего к типу жилья многих народов, которые переходили от круглогодичного кочевания к устройству более или менее постоянных зимников, т.е. к полукочевому образу жизни и ведения хозяйства.[57] Именно на этой стадии развития в строительной практике кочевников появляются археологически засвидетельствованные наземные юртообразные сооружения, диаметром 2,5–4 м и более, углубленные у грунт, в том числе и в скальный,[58] на 0,2–0,8 м, иногда обложенные по периметру камнем, с каркасным или шалашеобразным верхом, без опорного столба и с очагом, расположенным в центре, что было обусловлено наличием отверстия в верхней части конструкции для выхода дыма.[59] Учитывая геологическое строение Гераклейского полуострова, где скала очень близко подходит к поверхности и отсутствие в целом ряде случаев ранее сделанных углублений в скале, каменная кладка, возведенная на поверхности, служила своеобразной заменой углубленной части таких примитивных жилищ. Это хорошо иллюстрируется кладкой ряда таких построек, которая имела наклон внутрь (рис. 14).

Иногда у носителей салтово-маяцкой культуры в углубление, над которым возводилось юртообразное сооружение, вели ступеньки.[60] Поэтому ступеньки, зафиксированные в круглом сооружении на месте усадьбы земельного участка 227, вполне объяснимы, если юртообразное сооружение здесь было возведено над более ран-

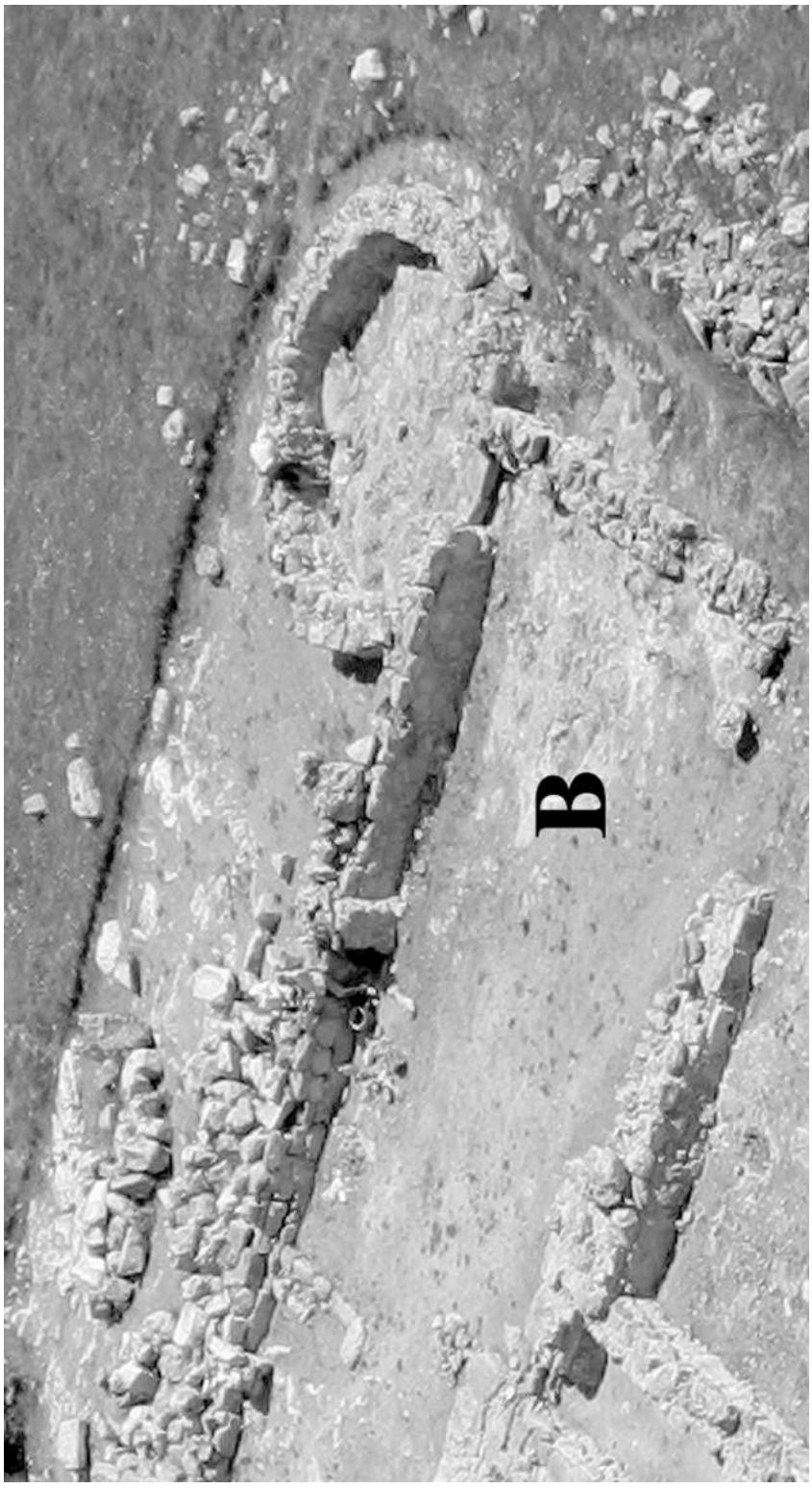

Рис. 10. Круглое сооружение, пристроенное к усадьбе участка 193 (132). Фото К. Вильямса и Г. М. Николаенко

ней водосборной цистерной, тщательно вырубленной в скале. На зимниках, помимо жилых конструкций, зафиксированы и хозяйственные помещения, однако их панировка изучена еще недостаточно.[61] Видимо, такие помещения, прямоугольные и круглые в плане, открыты рядом с остатками юртообразных построек и на Гераклейском полуострове (рис. 2, *2, 5, 9,13*; 7).

В связи со сказанным, следует обратить внимание на аналогичные круглые и подпрямоугольные углубленные в скалу сооружения, описанные и зарисованные П. Дюбрюксом еще в начале XIX в. в окрестностях Илурата.[62] Недавно З. В. Ханутина и В. А. Хршановский интерпретировали их как памятники погребально-поминальной обрядности и связали с некрополем Илурата первых веков н.э., хотя и не привели в пользу такого заключения сколько-нибудь убедительных и близких аналогий.[63] А Е. Ю. Кленина, в свою очередь, опираясь только на точку зрения этих исследователей, аналогичным образом интерпретировала и круглые постройки Гераклейского полуострова.[64]

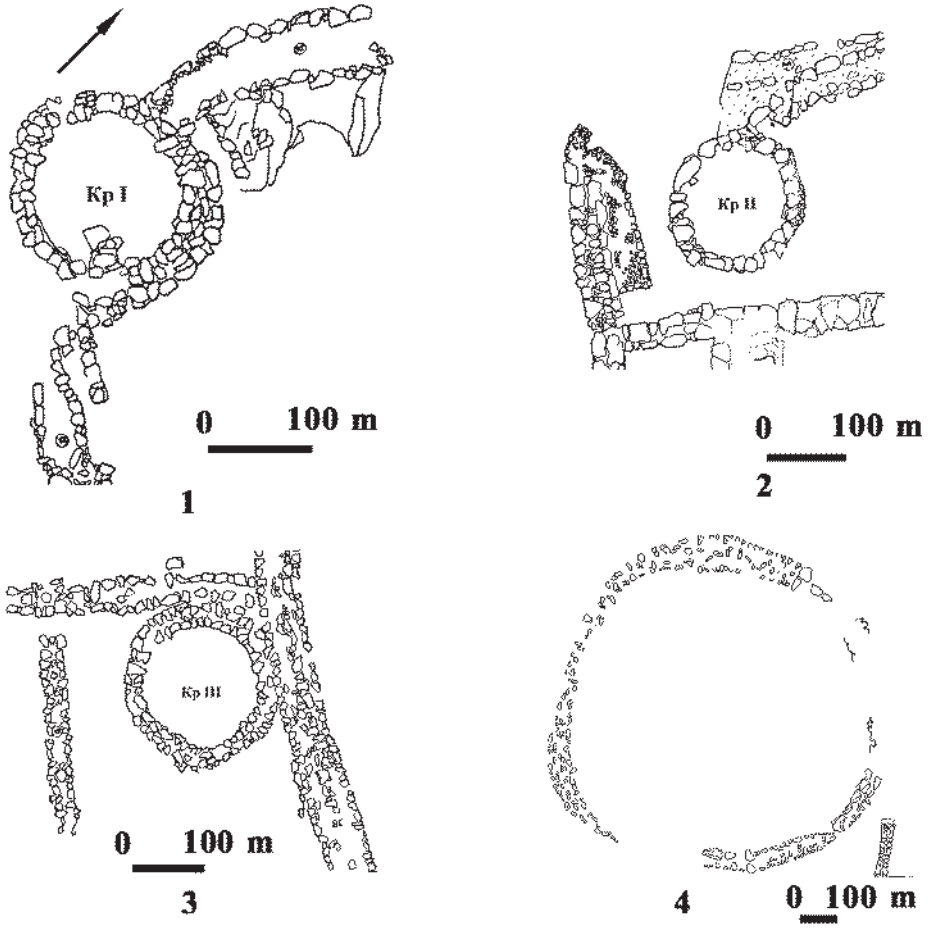

Рис. 11. Круглые сооружения на земельном участке 227 (150)
по В. И. Кузищину и А. И. Иванчику

Однако, учитывая тот хорошо известный факт, что кочевое и полукочевое население, как правило, не оставляло в местах своих сравнительно кратковременных зимников значительного культурного слоя, по незначительным фрагментам античной керамики не из закрытых комплексов нельзя уверенно датировать и атрибутировать сооружения, зафиксированные в окрестностях Илурата, тем более, что в них при раскопках встречен и более поздний материал.[65] Но вряд ли его можно считать случайным, если учесть, что в верхних слоях городища зафиксированы строительные остатки и керамический материал VIII–IX вв.[66] Поэтому, вероятно, пока нет достаточных оснований кардинально пересматривать точку зрения В. Ф. Гайдукевича, который в свое время писал, что «круги» в окрестностях этого античного городища «представляют собой остатки какого-то значительно более позднего кочевнического стойбища».[67]

Исходя из функционального назначения круглых в плане сооружений Гераклейского полуострова, их методически оправданно объединить в одну группу. А всю выделенную группу памятников следует рассматривать в качестве археологического свидетельства появления в окрестностях Херсона нового полукочевого населения, которое принесло с собой традицию возведения юртообразных сооружений с прилегающими постройками для содержания скота, что было совершенно не характерно для хозяйственной практики владельцев земельных наделов Гераклейского полуострова на протяжении всей античной эпохи. Судя по наличию в остатках таких построек монет и иного датирующего материала, их следует относить к достаточно широкому хронологическому диапазону, охватывающему конец IV–VII вв. Верхнюю дату их существования можно ограничить началом VII вв., когда на монетах более ранней чеканки в Херсоне появляются надчеканки в виде хризмы. Хотя имеющиеся данные, вероятно, позволяют все же несколько сузить хронологические рамки бытования таких построек и связать их с конкретной этнической группой населения, осевшей в окрестностях города.

В настоящее время можно достаточно уверенно говорить, что до конца IV–V в. н.э. в округе Херсонеса отсутствовало какое-либо кочевое или полукочевое население, а на Гераклейском полуострове функционировали хозяйства, центрами которых были усадьбы, которые достаточно активно функционировали, по крайней мере, до середины V в.[68] Около середины – третьей четверти V в. они покидаются хозяевами. Показательно, что усадьба на земельном участке 227 была не просто оставлена, а законсервирована, о чем свидетельствуют входы в усадьбу и ряд ее помещений аккуратно заложенные камнем.[69] Поэтому время прекращения использования усадьбы на земельном наделе 227, в верхнем горизонте которой зафиксированы три круглые постройки рассматриваемой группы, можно принять не только за terminus ante quem для прекращения функционирования античных хозяйств Гераклейского полуострова, но и за terminus post quem для функционирования рассматриваемого типа построек.[70]

Сейчас установлено, что после разгрома гуннов на Каталаунских полях, на р.Недао в Паннонии и смерти Аттилы (451–454 гг.), их раннеполитическое государственное образование распалось. Часть населения, входившего в него до этих событий, по сообщению Иордана, вернулась в Причерноморье, а в V в. н.э. здесь кочевало гуннское племя, которое античными авторами называлось акатцирами (Iord. Getica, 259–266).[71] В связи с этим весьма показательным является сообщение Прокопия из Кессарии, что во второй половине – конце V в. гунны занимали все пространство между Херсоном и Боспором (Proc. De bell. got. IV, 5, 23–30).[72] Следовательно, есть все основания связывать открытые на Гераклейском полуострове круглые постройки с появлением в окрестностях Херсона, если не какого-то гуннского племенного объединения, то, безусловно, родственного им кочевого населения, тяготевшего к оседлости.[73] С таким заключением хорошо согласуется упоминание в надписи времени правления императора Зинона (474–491 гг.), которая датируется

Рис. 12. Круглое сооружение на земельном участке 340. Фото Л. А. Ковалевской

488 г., об укреплении оборонительных стен города, а также других распоряжениях, направленных на закрепление позиций Византии в Херсоне – основном опорном пункте империи в Таврике.[74]

В круглых постройках в ходе раскопок обнаружены позднеримские монеты, которые на протяжении IV–VII в. н.э. находились в обращении на внутреннем рынке Херсона.[75] А это в свою очередь свидетельствует, что осевшее в окрестностях города новое население вступало в экономические контакты с херсонитами. Весьма примечательно и сообщение Иордана середины VI в. н.э., который писал, что альциагиры живут «около Херсоны, куда жадный купец ввозит богатства Азии; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю» (Iord. Getica, 37; пер. Е. Ч. Скржинской). А в «Аланском послании» епископа Феодора (XIII в.), который, видимо, использовал какие-то более ранние источники, сказано, что близ Херсона жили аланы «сколько по своей воле, сколько по желанию херсонцев, словно какое ограждение и охрана».[76]

Все это хорошо иллюстрируется целым рядом предметов ювелирного искусства второй половины V – первой половины VI в., обнаруженных в некрополе Херсонеса-Херсона, в которых довольно четко прослеживается придунайское влияние.[77] Погребальные комплексы некрополя города этого времени дошли до нас в потревоженном состоянии, но находки в них некоторых предметов, например, костяной подпружной пряжки в ограбленном склепе Западного некрополя,[78] близкой аналогичной находке в гуннском погребении на городище Беляус,[79] позволяют предполагать, что, по крайней мере, некоторые выходцы из этнического массива, обитавшего в это время в окрестностях Херсона, могли жить и умирать в городе.

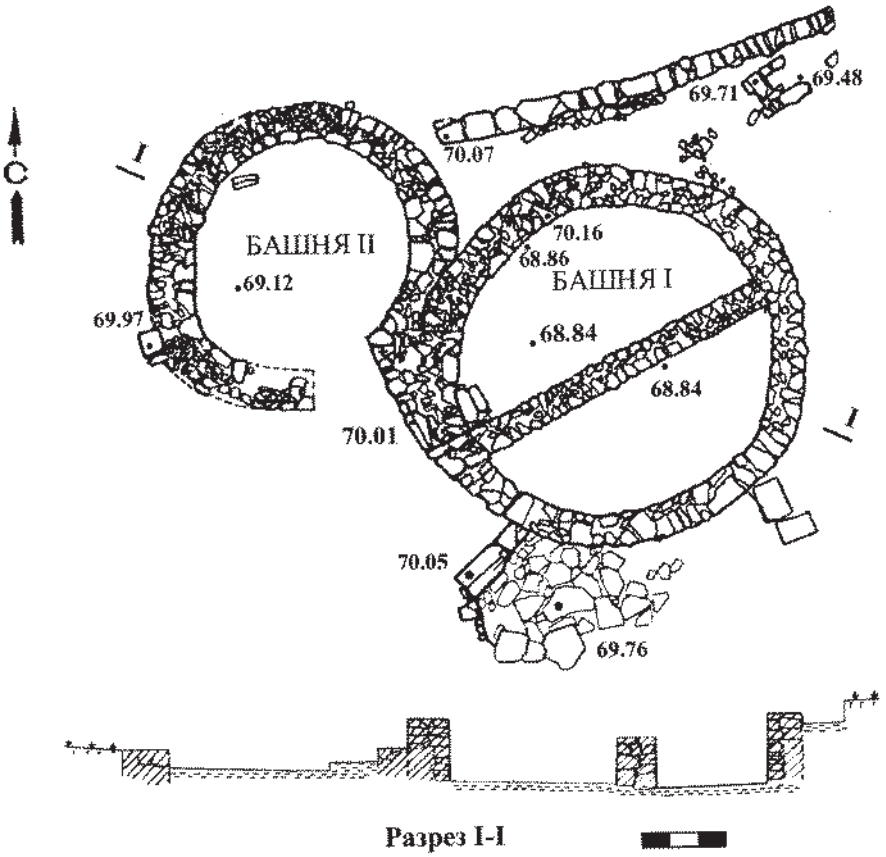

Рис. 13. План и разрез круглых сооружений на земельном участке 342 по Е. Ю. Клениной и В. В. Созник.

Но система взаимоотношений Херсона с кочевым населением округи, которую еще предстоит конкретизировать, вероятно, просуществовала сравнительно недолго. Скорее всего, положение изменилось в связи с продвижением в Таврику племен, входивших в состав Тюркского каганата, которые овладели Боспором, а к лету 581/582 г. достаточно близко приблизились к Херсону.[80] В такой ситуации или еще накануне обитатели Гераклейского полуострова должны были покинуть места своего проживания (зимовок) и уйти в более безопасные районы. Показателен в этом отношении монетный клад, спрятанный во второй половине VI в. в районе Стрелецкой бухты,[81] который мог принадлежать одному из обитателей окрестностей Херсона накануне тюркского вторжения. Впрочем находка на усадьбе земельного надела 340 еще одного клада монет, самые поздние монеты которого относятся к первой четверти VII в.,[82] не позволяет полностью исключить и более позднее прекращение функционирования, по крайней мере, части круглых юртообразных построек.

Таким образом, исходя из имеющегося археологического материала и приведенных соображений, terminus ante quem для круглых каменных сооружений Гераклейского полуострова, которые есть все основания атрибутировать в качестве юртооб-

Рис. 14. Круглая постройка на земельном наделе 342. Фото В. В. Созник

разного жилья и хозяйственных построек, связанного с ним, может быть отнесено ко второй половине VI в. или несколько более позднему времени. После того, как внешняя угроза миновала, на Гераклейском полуострове начало возрождаться сельскохозяйственное производство, о чем свидетельствует археологический материал. Но это происходило уже не в таких масштабах, как в античную эпоху.[83]

В заключение хотелось бы отметить, что выводы, сделанные на основе разрозненных и отрывочных археологических данных, естественно, носят предварительный и во многом гипотетический характер. Поэтому все сказанное нуждается в подкреплении массовым археологическим материалом, на основе которого могут быть подтверждены или опровергнуты сделанные заключения. Но, к сожалению, до сих пор в широкий научный оборот, за очень редким исключением, надлежащим образом не введены материалы не только из раскопок круглых сооружений, но и данные, полученные в результате многолетних работ на земельных наделах и усадьбах античной эпохи Гераклейского полуострова. Остается только надеяться, что материал из этих раскопок еще не погиб окончательно, а хранится в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический» и все еще ждет своего добросовестного исследователя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Николаенко Г. М.* Херсонесская округа в I в. до н.э. – IV в. н.э. (по материалам Гераклейского полуострова) //Античные древности Северного Причерноморья. К., 1988.С. 209–210, рис. 4.
2. *Пиоро И. С.* Крымская Готия. К., 1990. С. 45–47; *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). К., 1993. С. 36; *Зубарь В. М., Сорочан С. Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты //ХСб. 1998. Вып. 9. С. 548–549.
3. *Ковалевская Л. А.* Типы построек римского времени в округе Херсонеса //Swiatowit. 1999. T. I. Fasc. A. C. 52.
4. *Ковалевская Л. А.* Типы построек … С. 51–52.

5. Здесь и далее нумерация земельных участков на Гераклейском полуострове дана по *Николаенко Г. М.* Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадарст IV–III вв. до н.э. Севастополь, 2001. Часть 2.
6. *Кузищин В.И., Иванчик А.И.* «Усадьба Басилидов» в окрестностях Херсонеса Таврического (Результаты работ Херсонесской историко-археологической экспедиции исторического факультета МГУ в 1976–1987 гг.) //ВДИ.1998.№ 1.С. 227, 229.
7. *Ковалевская Л. А., Сарновский Т.* О хозяйственном укладе одной из херсонесских усадеб в позднеримское время //ВДИ. 2002. №3. С. 85–92
8. Ср.: *Созник В. В.* Круглая башня на усадьбе «Близнецы» на хоре Херсонеса Таврического //БИ. – 2005. Вып. 8. С. 238–262.
9. *Кленина Е. Ю.* Керамические сосуды II–III в. н.э. из усадьбы «Близнецы». Poznan, 2004. С. 83.
10. *Сапрыкин С. Ю.* Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М., 2005. С. 170–171, прим. 69.
11. *Николаенко Г. М.* Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадарст IV–III вв. до н.э. Севастополь, 1999. Часть 1; *Николаенко Г. М.* Хора … 2001.
12. См.: *Стржелецкий С.Ф.* Усадьбы клеров Херсонеса Таврического II в. до н.э. //СА.1958. № 4. С. 167; *Он же*. Клеры Херсонеса Таврического //ХСб. 1961. 6. С. 90, 111; *Кругликова И.Т.* Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове //КСИА. 1981. Вып. 168. С. 9–26; *Она же*. Херсонесская усадьба на наделе 10 //КСИА. 1983. Вып. 174. С. 43–51. С. 43–51; *Saprikin S.J.* Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike //Research in the Herakleian Peninsula 1974–1990. Amsterdam, 1994.P. 13–62; *Сапрыкин С. Ю*. О внутренней колонизации Херсонеса Таврического//ВДИ. 1994. №3. С. 126–144; *Кузищин В. И., Иванчик А. И.* Ук. соч. С. 205–232.
13. Ср.: *Ковалевская П. А., Сарновски Т.* Ук. соч. С. 85, прим. 2.
14. *Николаенко Г. М.* Хора. 1999, 2001.
15. *Сапрыкин С. Ю.* Денежное обращение… С. 138–139.
16. *Кругликова И. Т.* Земельные наделы… С. 18–22; *Она же.* Отчет о раскопках Гераклейской экспедиции ИА АН СССР в 1982 г. //НА ИА НАНУ. 1982. Д. 1982/77. С. 10; 1983, с. 278; *Она же.* Херсонесская усадьба на наделе 10. С. 44–45; *Saprykin S.J*. Op. cit. P. 25–26; *Николаенко Г. М.* Хора… 2001. С. 13–14.
17. *Saprykin S. J.* Op. cit. P. 21, fig. 10.
18. *Николаенко Г. М.* Хора… С. 16–17, фото.
19. *Стржелецкий С. Ф.* Клеры… С. 165; *Николаенко Г. М.* Хора… С. 17
20. *Николаенко Г. М., Николаева Е. В.* Исследования средневекового сооружения на наделе № 25 //Отчет о раскопках Гераклейской экспедиции Херсонесского историко-археологического заповедника. НА ИА НАНУ. – 1982. д. 1982/86. С. 7–9; *Николаенко Г. М.* Херсонесская округа… С. 209–210, рис. 4; *Она же*. Хора… 2001. С. 20–22.
21. *Голофаст Л. А.* Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища //МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 157.
22. *Сазанов А. В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени //МАИЭТ. 1994. Вып. 4. С. 427, рис. 5, *19–22.*
23. *Сапрыкин С. Ю*. О внутренней… С. 134–135, рис. 4; *Saprykin S. J.* Op. cit. P. 49–54, fig. 25; *Николаенко Г. М.* Хора… С. 38.
24. *Сапрыкин С. Ю*. О внутренней… С. 134–135, рис. 4; *Saprykin S. J.* Op. cit. P. 49–54, fig. 24–25.
25. В скобках указан старый номер земельного надела. Соотношение нумерации Г.М.Николаенко с более ранней см. *Николаенко Г. М.* Хора… С. 158–160, приложения 1 и 2.
26. *Николаенко Г. М*. Херсонесская округа… С.. 209–210; *Она же.* Хора…С. 68–69
27. *Кобелев А. С., Шнайдер Г. Я., Туровский Е. Я., Глушков А. Б.* Раскопки надела

93//Отчет о работе Херсонесского заповедника об охранных комплексных исследованиях на хоре Херсонеса в 1983 г. НА ИА НАНУ. д. 1980/71. С. 68–69.

28. *Николаенко Г. М.* Хора… 2001. С. 73–74; *Nikolaenko G. M.* The Adjacent Chora of Tauric Chersonesus in the 4th Ctntury B.C. //North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies (Colloquia Pontica. T. 6). Leiden, Boston, Koln, 2001. P. 196, fig. 17.
29. *Николаенко Г. М.* Хора… 2001. С. 79.
30. *Кобелев С. А., Ковалевская Л. А.* Усадьба надела 106 //Отчет о раскопках Гераклейской экспедиции Херсонесского историко-археологического заповедника. НА ИА НАНУ. 1983. д. 1983/135. С. 178.
31. *Николаенко Г. М.* Хора… 2001. С. 85.
32. *Nikolaenko G. M.* Excavation at Site 132 //The Study of Ancient Territories. 2001 Annual Report Institute of Classical Archeology. Austin, 2001. P. 56–59, Fig.2.49
33. *Кузищин В. И., Иванчик А. И.* Ук. соч. С. 228, 229.
34. Ср.: *Ковалевская Л. А., Сарновский Т.* Ук. соч. С. 91.
35. *Сапрыкин С. Ю.* Денежное обращение… С. 139.
36. *Кузищин В. И., Иванчик А. И.* Ук. соч. С. 220–221; 225–229; *Николаенко Г. М.* Хора…, 2001. С. 229.
37. *Кузищин В. И., Иванчик А. И.* Ук. соч. С. 210–211, рис. 4.
38. Ср. *Сазанов А. В.* Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор //МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 19.
39. Ср. *Кузищин В. И., Иванчик А. И.* Ук. соч. С. 205–233.
40. *Николаенко Г. М.* Хора… 2001. С. 118.
41. *Бороздин Н. И.* Новые археологические открытия в Крыму. М., 1925. С. 16–17.
42. *Николаенко Г. М.* Хора… 2001. С. 119.
43. *Бороздин Н. И.* Ук. соч. С. 19–20; *Николаенко Г. М.* Хора… 2001. С. 121–122.
44. *Николаенко Г. М.* Хора… 2001. С. 124–125.
45. *Николаенко Г. М., Туровский Е. Я., Созник В. В., Глушков А. Б.* Раскопки многослойного комплекса в Хомутовой балке //Отчет о раскопках Гераклейской экспедиции Херсонесского государственного историко-археологического заповедника в 1983 г. НА ИА НАНУ. д. 1983/135. С. 93–100.
46. *Ковалевская Л. А.* Усадьба надела 341 //Отчет Гераклейской экспедиции Херсонесского историко-археологического заповедника в 1984 г. НА ИА НАНУ. д. 1984/88. С. 46–47; *Она же.* Усадьба надела 341 //Отчет Гераклейской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 г. НА ИА НАНУ. д.1991/204. С. 9–11; *Она же.* Работы на земельном наделе 341 и линии водопровода в Сарандинакиной балке //Археологические исследования в Крыму. 1993 г. Симферополь, 1994. С. 138. Выражаю сердечную признательность Л. А. Ковалевской за любезно предоставленную информацию о круглом сооружении, открытом ею в ходе работ на усадьбе земельного участка 340 Гераклейского полуострова.
47. *Ковалевская Л. А.* Типы построек… С. 51.
48. *Николаенко Г. М.* Хора… 2001. С. 128; *Кленина Е. Ю.* Ук. соч. С. 17–18, 84.
49. *Кленина Е. Ю.* Ук. соч.
50. *Николаенко Г. М.* Херсонесская округа… С. 22, 69.
51. Подр. о смена названия города см.: *Храпунов Н. И.* Политическая история, государственное и административное устройство Херсонеса в конце IV– VI в. //Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 538–544.
52. Подр. см.: *Коршенко А. Н.* Херсонесский выпуск монет Федосия II и Валентиниана III //МАИЭТ. 2000. 7. С. 222–246.
53. Подр. см.: *Гилевич А. М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса //НС. 1968. Вып. 3. С. 32–33; *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). К., 1977. С. 97, 106–107; *Алексеенко Н. А., Ковалевская Л. А.* Клад позд-

неантичных и раннесредневековых монет из округи Херсонеса //Тез. докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988. Ч. 3. С. 231–232; *Алексеенко Н. А*. Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. //Третья Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докладов. М., 1995. С. 25–26; *Зубарь В. М*. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса //Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1988. С. 3–4; *Он же*. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). К., 1993. С. 120; *Зубарь В. М., Сорочан С. Б.* Историческое развитие Херсонеса в конце III – начале V вв. //Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 518; *Сапрыкин С. Ю.* Денежное обращение… С. 169–170.

54. Ср.: *Зубарь В. М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом //Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 17–18.
55. *Кленина Е. Ю.* Ук. соч. Рис. 2 а; ср.: *Николаенко Г. М.* Хора… С. 128.
56. Ср.: *Ковалевская Л. А., Сарновски Т.* Ук. соч. С. 91.
57. *Плетнева С. А.* Кочевники Южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века. Воронеж, 2003. С. 13–16.
58. *Баранов И. А*. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990. С. 44, рис. 15.
59. См.: *Харузин Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896. С. 74–75; *Белецкий В. Д*. Жилища Саркела-Белой Вежи //МИА. 1959. Вып. 75. С. 41–42; *Плетнева С. А*. О построении кочевого лагеря – вежи //СА. 1964. №. С. 135–136; *Она же.* От кочевий к городам //МИА. 1967. Вып. 142. С. 53, 57–58; *Она же.* Кочевники Южнорусских … С. 31; *Вайнштейн С. И*. Проблемы истории жилищ степных кочевников Евразии //СЭ. 1976. №4 С. 59, рис. 6,*5,6; Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. С. 13; *Баранов И. А*. Ук. соч. С. 45; *Гаврилюк Н. А*. История экономики Степной Скифии. К., 1999. С. 200–236.
60. *Плетнева С. А*. От кочевий… С. 57.
61. *Там же*. С. 65–68.
62. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорский город Илурат //СА. 1950. Т. 13. С.174–188; *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. Р. 54.
63. *Ханутина З. В., Хршановский В. А*. Ритуальные сооружения на некрополе Илурата //БИ. 2003. Вып. 3. С. 315–328.
64. *Кленина Е. Ю.* Ук. соч. С. 83.
65. *Ханутина З. В., Хршановский В. А*. Ук. соч. С. 318.
66. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорские города. II. – Илурат. //МИА. 1958. Т. 85. С. 134–136, 138.
67. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорский город Илурат . С. 188.
68. Родр. см.: *Зубарь В. М*. Херсонес Таврический… С. 35, прим. 2.
69. Кузищин В. И., Иванчик А. И. Ук. соч. С. 210–212.
70. Ср.: *Зубарь В. М*. Херсонес Таврический… С. 36.
71. *Засецкая И. П.* Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв. до н.э.). СПб., 1994. С. 148–151; *Айбабин А. И.* Этническая история Крыма. Симферополь, 1999. С. 77; *Комар А. В.* Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье //ССб. С. 169–200.
72. Ср.: *Пиоро И. С.* Ук. соч. С. 47; *Айбабин А. И.* Этническая история… С. 77.
73. Ср.: *Пиоро И. С.* Ук. соч. С. 47; *Приднюк О. М.* Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. Н. е.). Київ-Чернівці, 2001. С. 13–16.
74. Подр. см. *Зубарь В. М., Сорочан С. Б.* О положении Херсона… С. 118–120; *Айбабин А. И.* Этническая история… С. 89.
75. В связи с этим интересно, что на более поздних салтовских памятниках наиболее

ранние монеты относятся только к VII –VIII вв. (подр. см.: Баранов И. А. Ук. соч. С. 21.

76. *Кулаковский Ю.* Епископа Феодора «Аланское послание» //ЗООИД. 1898. Т. 21. С. 17.
77. Подр. см.: *Айбабин А. И.* Погребения второй половины V – первой половины VI в. в Крыму //КСИА. 1979. Вып. 158 С. 22–32.
78. *Зубарь В. М., Рыжов С. Г., Шевченко А. В.* Новый погребальный комплекс Западного некрополя Херсонеса //Античные древности Северного Причерноморья. К., 1988. С. 160–161, рис. 9, *6.*
79. *Айбабин А. И.* Погребения… С. 75, рис. 28, *7.*
80. *Айбабин А. И.* Этническая история… С. 137–141; *Сорочан С. Б.* Око и щит империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках //БИ. 2004. Вып.5. С. 320–235.
81. *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР //САИ. Вып. Г 4-4. М., 1961. С. 65, № 627; *Сапрыкин С. Ю.* Денежное обращение… С.169.
82. *Алексеенко Н. А., Ковалевская Л. А.* Ук. соч. С. 231–232.
83. См.: Зубарь В. М. Херсонес Таврический… С. 36.

V.M. ZUBAR (Kyiv)

INTERPRETATION OF ROUND BUILDINGS REMAINS FOUND ON THE HERAKLEIAN PENINSULA

The round remains of plan view stone structures were more than once discovered on the Herakleian Peninsula in the course of excavations of the monuments on the agricultural territories of Chersonesos. Nevertheless, there is no agreement as to their interpretation. For this reason the article analyses all currently known remains of such structures. Relying on the available data the author comes to a conclusion that these remains should be regarded as *jurt*-like buildings, similar to the dwellings typical of many ancient peoples who turned from year-round roaming to semi-nomadic way of life. In the neighborhood of Chersonesos-Kherson they should be associated with the appearance of some Huns tribal union or nomadic population allied to them, but attracted by the settled way of life. The monuments proper should be dated back to the second half-early 5th – second half of the 6th centuries.

Г.В. ТРЕБЕЛЕВА (Москва)

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ ТАМАНИ ВО II – СЕРЕДИНЕ III ВВ. Н.Э.: ИСТОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ

Началу применения такого высокотехнологичного направления, как ГИС-технологии в археологии предшествовали десятилетия адаптации теорий и методов пространственного анализа, заимствованных археологами (Hodder, Orton, 1976; Clarke, 1977) у географов (Хаггет, 1986), которые в свою очередь очень многое взяли из физики, экономики, биологии, и собственно геометрии.

Основную задачу пространственного анализа археологи видели в рассмотрении системы распределения поселенческих структур, используя различные теоретические подходы, в том числе и такие основополагающие, как теория гравитации (Hodder, Orton, 1976, P. 187–195), и эколого-ресурсная теория (Butzer, 1982). Одним из примеров применения пространственного анализа в античной археологии является совместная работа Т. Рихлла и А. Вильсона по анализу поселенческой структуры античной Греции (Rihll, Wilson, 1991, P. 59–93). В своей работе исследователи на основе математического метода энтропии и теории гравитации попытались воссоздать историческую структуру поселений, этапы ее развития и систему формирования и развития полисов для позднегомеровского и раннего архаического периодов. В отечественной науке методы пространственного анализа успешно применялись В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1984) и Г.Е. Афанасьевым (Афанасьев, 1993) при анализе системы расселения алан, и Я.М. Паромовым при анализе системы расселения на Таманском полуострове (Паромов, 1987; Паромов, 1993; Паромов, 1994 и др.).

Геоинформационные системы (ГИС) – это компьютерные системы для сбора, проверки, интеграции и анализа информации, относящейся к земной поверхности. (Rhind, 1988, P. 23-28). Иногда географическую информационную систему путают с компьютерным картографированием. Однако принципиальным отличием ГИС от электронных карт, сопровождаемых описательными атрибутами, являются интерактивность и наличие аналитического инструмента у первых, и отсутствие их у вторых. Любая электронная карта является, по существу конечным продуктом. ГИС же конечным продуктом не является, она всегда доступна для подключения новых данных. Любая геоинформационная система быстро, почти немедленно, реагирует на любые запросы пользователя и на любые изменения и дополнения, вводимые в базы данных, ее составляющие.

Использование геоинформационных методов в археологии началось сравнительно недавно. Наиболее активно это направление развивается на протяжении последних 10-15 лет. Современные достижения западных ученых в области применения ГИС в археологических исследованиях обобщены в монографии Д. Вэтли и М. Гиллингс (Wheatley, Gillings, 2001). В ней же представлен основной библиографический и справочный материал.

Предлагаемая статья посвящена одному из вопросов пространственной организации оборонительных сооружений Таманского полуострова в первые века нашей эры, в частности вопросу взаимосвязи укреплений с неукрепленными поселениями.

Методика археологического исследования с помощью ГИС-технологий предполагает два основных этапа:

создание ГИС, т.е. картографирование памятников, ландшафта, разработка и заполнение баз данных;

анализ, состоящий из классификации данных и пространственной обработки результатов картографирования.

В данной работе для анализа использовались модули пространственного анализа программы Arc Map 8.3: Spatial Analyst, Geostatistical Analyst.

Для картографирования памятников использовалась база данных, созданная в 1998-2000 гг. в рамках совместного российско-французского Таманского регионального археологического проекта (ТРАП) (Требелева, Горлов, 2004. С. 437). Не все археологические памятники имеют равную степень сохранности и изученности. Часть памятников достаточно хорошо исследована в ходе раскопок, но многие из известных объектов не раскапывалась вовсе. Поэтому для анализа были применены только те параметры, которые можно определить для всех памятников, вне зависимости от их степени изученности (тип, площадь и датировка – данные, которые определяются при проведении разведок).

Для картографирования и создания модели ландшафта использовались современные топографические карты масштаба 1:25 000 и 1:10 000, которые геокодировались в программе ArcMap 8.3. Далее, с уже геокодированных карт в качестве отдельной точечной темы вносились данные о высотах. Всего для территории Таманского полуострова было сделано 3337 определений, сравнительно равномерно распределенных по всей территории. Затем, на основе полученных высотных данных, с помощью модуля Geostatistical Analyst, создавалась модель ландшафта Таманского полуострова.

Важным моментом исследования является классификация данных, которая проводилась на основе следующих критериев и их взаимосвязей: тип укрепления, площадь укрепления, хронология.

На сегодняшний день на территории Таманского полуострова выявлено около 300 поселений античного времени, из которых рубежом II в. н.э. – серединой III вв. н.э. датируются около 100 памятников и 12 из них имеют те или иные укрепления.

Система расположения укреплений зависит от того, какова была цель их возведения. И здесь можно выделить две основные цели, которые могут преследоваться при возведении укреплений. Первая цель – это преимущественно непосредственная защита населения от грозящей опасности, т.е. чтобы население могло укрыться за стенами укрепления, в случае нападения врага. В этом случае укрепления будут распределены относительно равномерно, т.е. примерно равное число неукрепленных пунктов на одно укрепление, при чем, как правило, такое укрепление должно располагаться на равноудаленном расстоянии от всех неукрепленных поселений, т.е. примерно в центре подконтрольной ему территории. Кроме того, площадь укрепления должна соответствовать количеству населения всей подконтрольной территории. Вторая цель – преимущественно обеспечение стратегической безопасности всей территории, для чего укрепления должны обеспечивать безопасность границ и коммуникаций. В таком случае их расположение по отношению к неукрепленным поселениям может быть неравномерно.

Для определения «подконтрольной территории» каждого конкретного укрепления, т.е. той территории, которая является ближайшей к каждой крепости, и, соответственно, население которой будет искать в ней убежище, использовался метод построения полигонов Тиссена.

Полигоны Тиссена, т.е. математическая модель, которая определяет все точки плоскости, находящиеся ближе всего к заданной. Метод построения полигонов Тиссена в археологию был введен Д. Кларком (Clarke, 1968). Как правило, с помощью данного метода, определялись границы экономических зон, между поселениями. До появления компьютеризированных методов расчетов, полигоны Тиссена строились вручную с использованием циркуля. Одним из примеров использования этого метода, еще до появления ГИС-технологий, в зарубежной археологии могут служить работы Б. Кинлифа (Cunliffe, 1971) и Е. Гранта (Grant, 1986) по характеристике крупных укрепленных поселений, расположенных на холмах (hillforts) в Британии, а так же исследование И. Ходдера (Hodder, 1972) по анализу римско-британской системы расселения. В отечественной археологии данным методом успешно пользовался Афанасьев Г.Е.(Афанасьев, 1993)

С появлением ГИС-технологий методика построения полигонов Тиссена значительно упростилась, так как расчеты стали производиться программой. Внешние границы территории, для которой производится расчет, устанавливаются в опциях в виде «маски», т.е. площадной (полигональной) темы представляющей интересующую территорию. Однако подобное применение данной функции является несколько упрощенным. Связано это с тем, что внутренние границы, представляющие собой ландшафтные преграды, к примеру, озера, лиманы, широкие реки и т.д., программой не учитываются, что может привести к искажению результатов. К примеру, может возникнуть ситуация, что «подконтрольная» территория укрепления распространяется на оба берега лимана, даже в том случае, когда на другом берегу есть свое укрепление. В таком случае, вводится ручная корректировка. Для этого, первоначально строятся полигоны для всех памятников (рис.1а). А далее, исходя из логики, что естественной границей между территориями тех или иных укреплений будут берега лиманов, корректируются границы полигонов по их берегам. В том случае, когда не совсем ясно, к какому из центров по другую сторону берега территория будет прилегать*, строятся дополнительные полигоны для двух спорных центров (рис.1б) и проводятся границы на основе этих новых полигонов. Таким образом, получаются новые полигоны, более гармонично вписанные в ландшафтные особенности региона (рис. 1в). А чтобы было проще рассчитывать расстояния, на которые простирается «подконтрольная» крепости территория, с помощью инструмента буфер откладывается расстояние вокруг каждого центра, с разбивкой на определенные значимые пошаговые дистанции.

Еще одной функцией, применяемой для характеристики системы расположения укреплений, является *«анализ видимости»*, проведенный с помощью модуля 3D Analyst, программы ArcMap 8.3.

Наличие или отсутствие хорошего обзора с объекта и его непосредственные визуальные взаимосвязи всегда признавалось важным фактором при характеристике месторасположения данного объекта. Тем более это важно для характеристики объекта, имеющего военное назначение. Однако долгое время считалось, что, несмотря на несомненную важность визуальных свойств, они остаются фактически недоступными для характеристики методами традиционного анализа (Wheatley, Gillings, 2001, P. 201). В связи с этим, в большинстве работ, связанных с пространственной археологией, анализ видимости не применялся (Wheatley, Gillings, 2001, P. 202). Тем не менее, ряд исследователей, все же попытались выработать методы анализа визуальных характеристик изучаемых объектов. Здесь, в первую очередь, следует упомянуть работы К. Ренфрю, который использовал анализ видимости при характеристике археологических памятников каменного века в Ортни и ввел понятия: видимость как зона, а также линия взгляда, как непосредственная визуальная связь. Суть метода, предложенного К. Ренфрю, заключалась в соотношении опорных точек на местности с картой и выделении на карте зон по мере уменьшения или увеличения качества видимости. Получившиеся модели непосредственных визуальных связей в дальнейшем, наряду с другими (наклон местности, расстояние от берега и т.д.), использовались в качестве переменных для характеристики местоположения памятника. (Renfrew, 1979, P. 13- 20). Далее, этот метод был усовершенствован Д. Фрэзером, который классифицировал зоны видимости, в зависимости от расстояния: ограниченная видимость (видимость до 500 м), средняя видимость (от 500 м до 5 км), дальняя видимость (свыше 5 км) (Fraser, 1983, P. 298–303). Позднее этот метод использовал Р. Брэдли при характеристике мест расположения наскальных рисунков, расположенных в отдалении от сельской местности (Bradley, 1991, P. 77–101; Bradley, 1995, P. 8).

С появлением ГИС-технологий использование функций анализа видимости ста-

* Например, территория, теоретически прилегающая к памятнику Веселовка 1, фактически может прилегать либо к Гермонассе, либо к Фанагории, находящимся по одну сторону берега).

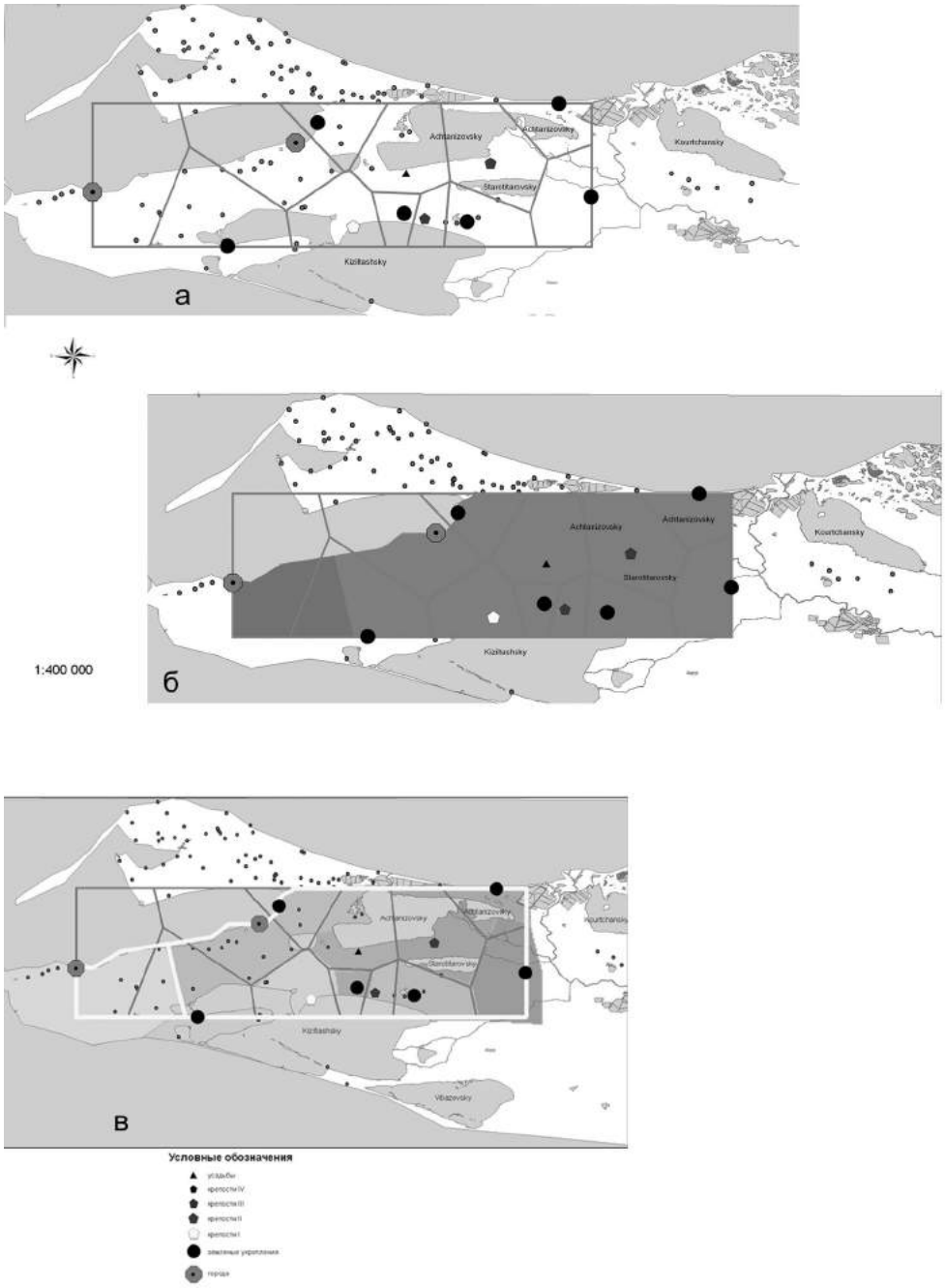

Рис. 1. Определение «подконтрольных территорий» – построение полигонов Тиссена

ло применяться в археологии несколько шире. Как пример наиболее типичного исследования в данной области можно назвать работу Г. Локка и Т. Харриса посвященную характеристике укрепленных поселений (hillforts) раннего железного века в Южной Англии. Исследователи на основе выделения зон видимости попытались определить границы территорий относящихся к конкретным памятникам, совместив их с границами полигонов Тиссена, полученных для этих же памятников (Lock, Harris, 1996, P. 223-225).

В сущности, как еще в свое время определил К. Ренфрю, «анализ видимости» с помощью ГИС-технологий состоит из двух компонент: видимость как зона, а также линия взгляда, как непосредственная визуальная связь. Провести зональный анализ видимости можно с помощью модулей 3D Analyst или Spatial Analyst. Программой рассчитывается на основе входной поверхности (модель ландшафта) и точек наблюдения (в данном случае фортификационные укрепления, с реконструируемой высотой стен, заложенной в таблице атрибутов) растровая поверхность, отображающая видимые и невидимые зоны. При этом функция видимости учитывает также и кривизну земной поверхности, и распределение лучей света при прохождении сквозь атмосферу (МакКой Дж., Джонстон К., 2002, с. 160). В итоге получается наглядная картина того, что попадает в зону видимости укреплений, а что нет. Кроме того, на основе полученной таблицы атрибутов новой поверхности можно рассчитать и представить в виде диаграммы процентное соотношение «видимых» и «невидимых» зон.

Следующим компонентом анализа видимости является реконструкция непосредственной визуальной связи между укреплениями, которая позволяет проследить наличие или отсутствие возможности в случае опасности подать немедленно сигнал с одного укрепления другому. Для этого, с помощью модуля 3D Analyst программы Arc Map 8.3, создавалась «линия взгляда», т.е. линия, показывающая какие части поверхности вдоль нее видны или скрыты от наблюдателя. Наблюдателем являлся «часовой» на стене интересующего нас укрепления, а целью – другие укрепления, т.е. была проведена линия взгляда от каждого укрепления ко всем другим. Видимые участки на линии взгляда выделяются зеленым цветом, а скрытые – красным. При этом обязательно учитывается:

1) рельеф местности;

2) высота, на которой расположен наблюдатель (с учетом высоты основания укрепления над уровнем моря, реконструируемой высоты стен (?7-9 м) и высоты человеческого роста (?1.5 м);

3) высота цели (с учетом высоты основания укрепления над уровнем моря и реконструируемой высоты стен (?7-9 м)).

Следует, отметить, что результаты анализа видимости имеют несколько спорный характер. Связано это с тем, что, во-первых, модель поверхности рельефа, не является точной аналогией того рельефа, который в действительности присутствовал (или присутствует) на местности, так как она не учитывает микрорельеф. Теоретически, существует возможность создания модели рельефа с учетом микрорельефных характеристик местностей. Но практически, проведение подобной топографической съёмки на столь масштабных территориях слишком дорогостоящее, как в финансовом, так и во временном понятии, мероприятие. Поэтому, приходится делать определенные допущения, и использовать более упрощенную модель рельефа, что, возможно, может привести к некоторому несовпадению результатов данной функции с реальными показателями. Однако, отказ от применения данного анализа, все-таки не совсем целесообразен. Во-первых, лучше получить не совсем точный результат, и при первой возможности, проверкой на местности подтвердить или опровергнуть его, чем не получить ничего. Кроме того, данный анализ позволяет все же наметить общую картину визуального контроля над территорией, осуществляемого древним населением.

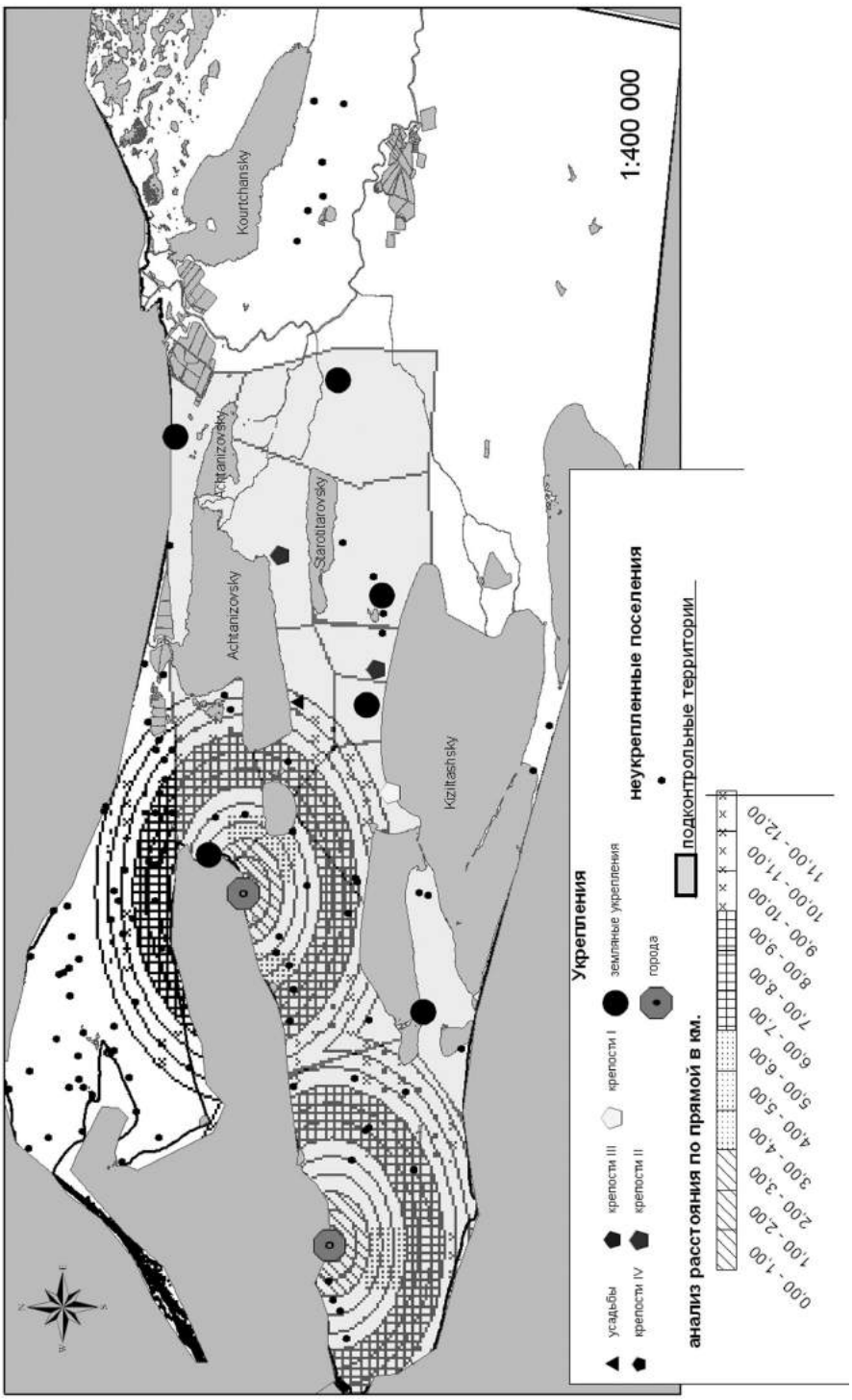

Рис. 2. Анализ «подконтрольных территорий» для укреплений Тамани во II – середине III вв. н.э.

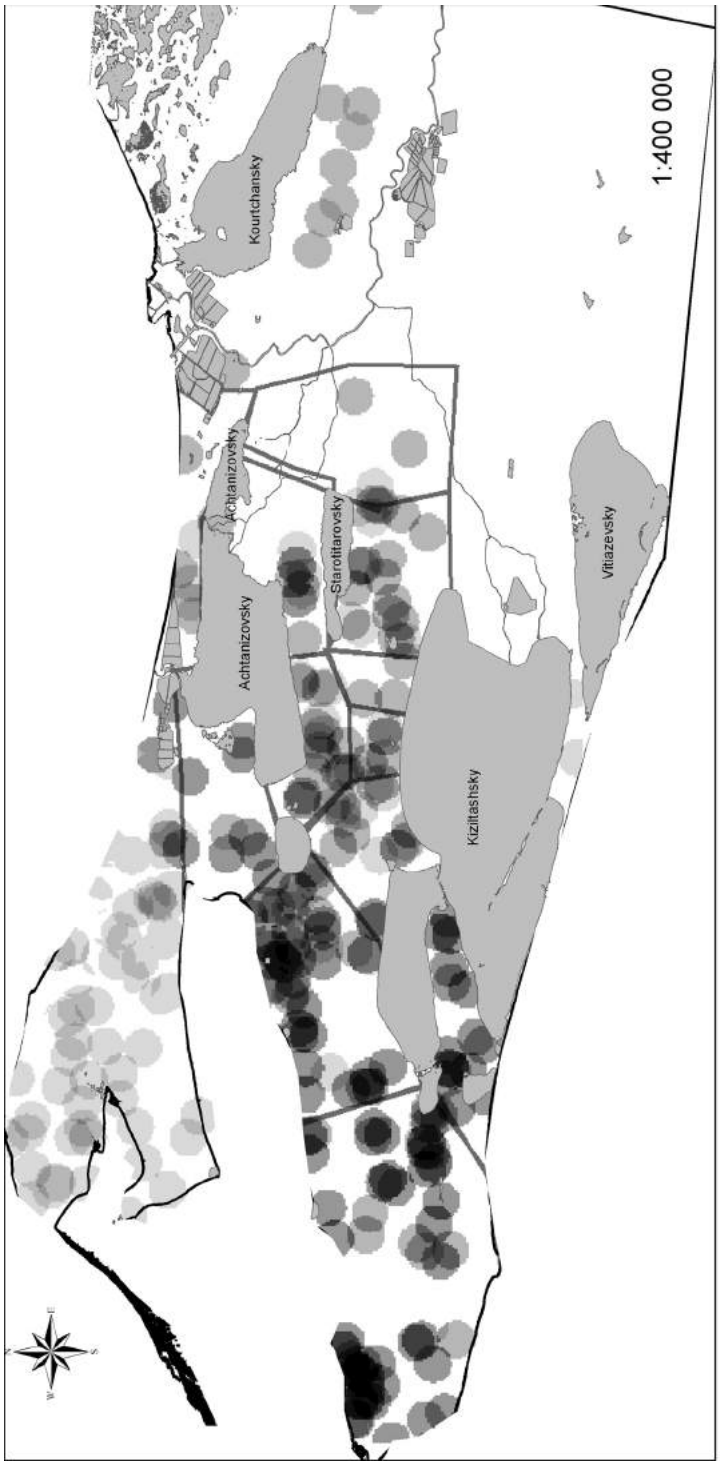

Рис. 3. Карта плотности поселений Тамани II – середины III вв. н.э.

В конце I – начале II в. н.э. Боспорскому царству пришлось столкнуться с внешней экспансией, в результате которой было уничтожено или разрушено значительное количество населенных пунктов и укреплений. В результате в системе обороны Таманского полуострова происходят резкие изменения. Значительно сокращается общее число укреплений – 12, вместо 23. Полностью исчезают укрепления в северо-западной части полуострова (Фонталовский район). Таким образом, абсолютное большинство укреплений (9 укреплений или 75%) оказывается сосредоточенным в районе Синдики (юго-восточная часть полуострова). Восстанавливаются оборонительные сооружения полисов – Фанагории (Блаватская, 1976, С. 92-97) и Гермонассы (КБН, 1052).

Если рассмотреть типологию оборонительных сооружений, то обращает на себя внимание сокращение количества крепостей, которые можно рассматривать как места дислокации войск. Из ранее существовавших 14 крепостей, продолжают свое функционирование только три: Вышестиблиевская 11, Старотиторовская 14 и Старотиторовская 15. Таким образом, такой тип укреплений, как поселения с земляными укреплениями, который ранее играл явно второстепенную роль в системе обороны, теперь становиться самым массовым типом укреплений (50%).

Интересную картину в этом случае нам дает построение полигонов Тиссена и анализ подконтрольных территорий. Получается, что подконтрольным тем или иным укреплениям становиться почти вся Тамань (до реки Кубань), за исключением Фонталовского полуострова, т.е. той территории, на которой на рубеже веков укрепления были уничтожены и более не восстановлены.

Большая часть неукрепленных поселений (за исключением Фонталовского полуострова) – почти 57% (20 поселения из 35) оказывается в зоне влияния боспорских городов: Гермонассы и Фанагории, причем распределены они почти равномерно – 11 поселений оказываются на подконтрольной территории Гермонассы и 9 – Фанагории. При чем, коэффициент отношения площади подконтрольной территории Гермонассы к подконтрольной территории Фанагории равен 1.3, а коэффициент отношения плотности подконтрольной территории Гермонассы к подконтрольной территории Фанагории равен 1.2, т.е. можно говорить о равномерности расположения неукрепленных поселений к укреплениям. Если мы проверим расстояние, на котором отстоят от городов неукрепленные поселения, то оказывается, что оно не превышает 12 км, т.е. в случае опасности население могло в течение 2-3 часов успеть укрыться за стенами города. Это хорошо видно на основании карты, представленной на рисунке 2. Буферные зоны проведены через 1 км и сгруппированы по 3 км.

Что касается остальных неукрепленных поселений (за исключением Фонталовского полуострова), то они оказываются распределенными так же более ли менее равномерно: количество неукрепленных поселений от 0 до 4 (табл. 1). Расположены неукрепленные поселения на расстоянии не более 9 км от укрепления, т.е. также на расстоянии 2 часов пешего хода. При этом количество неукрепленных поселений на одно укрепление падает по мере продвижения на восток, т.е. находится в прямой зависимости от общей плотности населения (рис.3). Таким образом, можно говорить, что укрепления и неукрепленные поселения коррелируются друг с другом, а, следовательно, в системе обороны Тамани присутствует принцип непосредственной защиты населения.

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ НЕУКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ С УКРЕПЛЕНИЯМИ

Укрепление	Количество неукрепленных поселений (количество)	Количество неукрепленных поселений (%)
Ахтанизовская разрушенная	1	3
Веселовка 1	3	8
Вышестиблиевская 11	2	6

Укрепление	Количество неукрепленных поселений (количество)	Количество неукрепленных поселений (%)
Гермонасса	11	31
Голубицкая 1	1	3
Кепы	4	11
Старотиторовская 14	0	0
Старотиторовская 15	1	3
Старотиторовская 17	0	0
Старотиторовская 5	3	9
Стрелка 2	0	0
Фанагория	9	26

Анализ видимости с укреплений показывает, что, во-первых, площадь территории, оказавшейся вне зоны видимости с укреплений составляет более половины всей территории – 52%. Это позволяет говорить о том, что, вероятнее всего, в функции укреплений не входил визуальный контроль над территорией. Во-вторых, как показывает модель реконструкции непосредственных визуальных связей, единой сети, позволяющей передавать сигнал об опасности от одного укрепления к другому, не существовало.

Таким образом, исходя из полученной модели, можно говорить, что организация обороны Тамани во II – середине III вв. н.э. была основана на принципе преимущественно непосредственной защиты населения от грозящей опасности, т.е. позволяла населению укрыться за стенами укрепления, в случае нападения врага. Такая система организации является одной из самых простых форм. Но, по всей видимости, именно такая форма наиболее соответствовала насущным задачам и экономическим возможностям государства во II – середине III вв. н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев Г. Е., 1993. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., С. 118 – 122

Блаватская Т.В., 1976. Фанагорийская надпись Савромата I //КСИА. Вып. 145.

Ковалевская В. Б., 1984. Кавказ и аланы: Века и народы. М.

Корпус Боспорских Надписей., 1965. М.

МакКой Дж., Джонстон К., 2002. ArcGis Spatial Analyst. Руководство пользователя. М.

Паромов Я. М., 1987. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984-1987 гг. //КСИА. Вып. 196. С. 72 – 77.

Паромов Я. М., 1993. Принципы выявления эволюции системы расселения (на примере Таманского полуострова) //КСИА. Вып. 210. С. 25 – 34

Паромов Я. М., 1994. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Паромов Я.М., 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. М.

Требелева Г.В., Горлов Ю.В., Применение ГИС-технологий в комплексных палеогеографических и археологических исследованиях на Тамани и Абхазском побережье.) //ПИФК. 2004. Вып. XIV.

Хаггет П., 1968.Пространственный анализ в экономической географии. М.

Bradley R., 1991. Rock art and the perception of landscape //Cambridge Archaeological Journal. 1.

Bradley R., 1995. Making sense of prehistoric rock art //British Archaeology. Nov.

Butzer K.W., 1982. Archaeology as human ecology. Cambridge.

Clarke D.L., 1968. Analytical archaeology. London.

Clarke D.L., 1977. Spatial archaeology. London.

Cunliffe B., 1971. Some aspects of Hillforts and their regional environments //The Iron

Age and its Hillforts /Ed. Jesson D, H.a.M., Southampton. P. 53-69.

Fraser D., 1983. Land and society in neolitic Orkney. Oxf.

Grant E., 1986. Hill-forts, central places and territories //Central places, archaeology and history /Ed. Grant E. Sheffield, P. 13-26.

Hodder I., 1972. Location models and the study of Romano-British Settlement //Models in archaeology /Ed. Clarke D.L L. P.887-909

Hodder I., Orton C., 1976. Spatial analysis in archaeology. Cambridge

Lock G. R., Harris T. M. 1996. Danebury revisited an English Iron Age hillfort in a digital landscape //Antropology, space and geographic information system /Ed. Aldenderfer M., Maschner H.D.G. Spatial Information Series. N-Y.

Renfrew C. 1979. Investigation in Orkney. London.

Rhind D. W., 1988. A GIS Research Agenda //International Journal of Geographical Informational Systems. 2. P. 23-28

Rihll T.E., Wilson A.G. 1991. Modelling settlement structures in Ancient Greece: new approaches to the polis //City and country in the ancient world /Ed. by J. Rich and A. Wallace-Hadrill. L.-N-Y. P. 59–93.

Wheatley D., Gillings M., 2001. Spatial Technology and Archaeology: The archaeological applications of GIS. L.; N.-Y.

G.V. TREBELEVA

ORGANISATION OF DEFENSE IN TAMAN IN 2nd – THE MIDDLE OF 3rd CENTURIES A.D.: HISTORICAL MODELLING (ARCHAELOGICAL RESEARCH) BASED ON GIS-TECHNOLOGY

To the beginning of application of such hi-tech direction as GIS-TECHNOLOGIES in archeology preceded decades of adaptation of theories and the methods of the spatial analysis borrowed by archeologists from geographers which in turn has taken much from physics, economy, biology, and actually geometry.

Method of archaeological research with the GIS-technology help has two main stages:

– Creation of GIS, i.e. map-making of sites, landscape, database development and infill;

– Analysis, which lies in data classification and spatial analysis of map-making.

The disposition of the fortification system and its strength itself depend on the aim of their construction. So, we can mark out two main purposes, which can be pursued during the erection of the strength fortification. The first purpose is an inhabitant's defense from an imminent danger, i.e. to give to the inhabitants a possibility to cover over the fortification walls. The second purpose is a guarantee of strategic safety for the whole territory, where the fortifications must secure the safety of the frontiers and of the communications. For determination of every concrete fortification of the «territory under control», i.e. the territory which is the nearest to each fortification, and accordingly the population of which will seek sanctuary in it, was used a method of Tissen's range formation. The next method, which is used for the description of the system of fortifications disposition, is «visibility analysis».

Thus, it is possible to say, that the organization of defense in Taman in 2nd – the middle of 3rd centuries AD, proceeding from the received model, was based mainly on a principle of the direct protection of the population from the imminent danger, i.e. enabled the population to be covered behind the strengthened walls, in case of any attacks from the enemy. Such system of the organization is one of the simplest forms. But, very likely, such form most corresponded to essential problems and economic opportunities of the state from the 2nd – to the middle of 3rd centuries A.D.

Ю.В. ГОРЛОВ (Москва)

ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ АЗОВСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Колебания относительного уровня моря, береговая абразия, тектонические и аллювиальные процессы значительно изменили очертания азовского побережья Таманского полуострова за последние тысячелетия. При реконструкции его облика большинство антиковедов, как правило, пытаются экстраполировать сегодняшнюю географическую ситуацию в древность или, наоборот, информация античных авторов проецируется на современную карту. Это имеет место, например, при перенесении таких географических понятий, как «Боспор Киммерийский» или «устье Меотиды», а также производных от них на современный облик Керченского пролива. Возникает вопрос о том, насколько наши современные географические представления соответствуют античным, который, если и поднимается, то, как правило, остается без внятных комментариев.

Предпринимаемые попытки палеореконструкции облика Таманского полуострова пока находятся на уровне «поиска новых критериев» локализации древних поселений или уже традиционного восстановления очертаний побережья по 4–6-ти метровым изобатам. Подобный подход к реконструкции древней береговой линии представляется недостаточно обоснованным хотя бы потому, что существующие геологические данные показывают, что на этих глубинах с некоторым сдвигом относительно друг друга располагаются реликты не одной, а сразу нескольких древних береговых линий. Проведение любых реконструкций также сопряжено с рядом сложностей, обусловленных в первую очередь плохой сохранностью древних береговых линий этого периода, связанной с почти полным их размывом в ходе последующей трансгрессии, охватывающей последнее тысячелетие. Небольшие аккумулятивные образования античной эпохи сохранились лишь в относительно изолированных заливах и лиманах с пониженными гидрологическими условиями, например, в Таманском заливе и Керченском проливе. На одних участках черноморского побережья активное нарастание берега в последующий период привело к захоронению реликтов «фанагорийской» регрессии под толщей более молодых прибрежно-морских отложений, на других – подобные реликты оказались размыты.

Еще одной ошибкой при локализации античных топонимов в этом районе побережья представляется использование недостаточно обоснованной, а порой и просто произвольной идентификации современных проток Кубани с палеогидронимами азовской дельты, известными из письменной традиции. Наиболее яркий пример, «правомерное», «твердо установленное» или «общепринятое сопоставление» античного Антикита Страбона с Пересыпным гирлом реки, которое так и не привело к приемлемым результатам в локализации или идентификации античных топонимов с известными археологическими памятниками.[1] Следует заметить, что подобная идентификация противоречит естественному развитию азовской дельты Кубани, в соответствии с которым Пересыпное гирло является самой молодой протокой реки.

Современное азовское побережье Таманского полуострова на протяжении около 30 км представляет собой сильно абрадированный берег высотой до 90 м с активными оползнями, которые разрушают берег со скоростью до 1,0 м/год. Западный участок берега между мысами Ахиллеон и Пеклы является оконечностью антиклинальной гряды, ориентированной с северо-запада на юго-восток. Морфологически этот участок состоит из двух неглубоких бухт, разделенных мысом Каменный, который сложен устойчивыми к абразии песчаниками и известняками. От мыса Ахиллеон на протяжении 11 км на восток подводный береговой склон представляет собой отмель шириной около 0,9 км. Далее от мыса Пеклы до мыса

Ачуевский, расстояние между которыми составляет около 59 км, в побережье вдается Темрюкский залив. Восточнее мыса Пеклы берег на протяжении 11 км понижается, а затем в районе Синей балки вновь повышается. Далее, на участке между Пересыпным гирлом Кубани и ст. Голубицкая на побережье выходит другая, Темрюкско-Курчанская антиклиналь. Ее остатками в виде коренного выступа в рельефе современного подводного берегового склона считается Темрюкская банка, расположенная в 5,0 км к северо-востоку от Пересыпного гирла на глубине около 2,5 м. Далее коренные породы отходят от современного берега, уступая место пересыпи, отделяющей Ахтанизовский лиман от Азовского моря, и Голубицкой террасе. Восточнее современной Темрюкской дельты тянется ракушечный бар, за которым располагаются приазовские плавни. Современная пятиметровая изобата проходит примерно в 2,2 км от берега.[2]

Ю.А.Павлидис, основываясь на собственных исследованиях азовского побережья и прилегающего шельфа рассматривал многочисленные подводные выступы коренных пород, сохранившиеся в прибрежной зоне, как свидетельства того, что участок побережья между мысами Ахиллеон и Пеклы в древности был значительно изрезан и выдвинут дальше в море.[3] Линза илов, обнаруженная среди прибрежных осадков западнее мыса Каменный, позволила ему сделать предположение о существовании в этой части побережья небольшой бухты, частично закрытой от Азовского моря. Второй крупный выступ берега – «Темрюкский древний мыс» мог находиться в районе современной Темрюкской банки. Он представлял собой восточную оконечность обширной бухты, которая с запада была ограничена упомянутым выше выступом коренных пород в районе мысов Каменный и Пеклы. В профиле коренных пород по линии геологического разреза в районе пос. Кучугуры, на глубине 4,5 м ниже современного уровня моря был выявлен уступ высотой около 1,0 м, который, по мнению Ю.А.Павлидиса, мог сформироваться только в период стабилизации относительного уровня моря между отдельными этапами голоценовой трансгрессии. К сожалению, возрастная оценка слоев прибрежных слоев производилась методом сравнения их «гипсометрического положения с уже известными возрастными уровнями». Исходя из современных представлений о динамике голоценовой трансгрессии, можно лишь предполагать, что период стабилизации относительного уровня моря вполне мог соответствовать одному из этапов «фанагорийской» регрессии между «джеметинским» и «нимфейским» этапами голоценовой трансгрессии. Дальнейший подъем относительного уровня моря, и береговая абразия привели к разрушению этих мысов и выравниванию побережья. Если эта реконструкция развития побережья имеет право на существование, оба эти разрушенных береговых выступа могут претендовать на роль Киммерийского мыса, упоминаемого Птолемеем (Ptol., V, 8,5).

При немногочисленности геоморфологических индикаторов положения относительного уровня моря в античный период на этом участке побережья существенная роль в его реконструкции могла бы принадлежать археологическим памятникам, но ожидаемые результаты, например, в отличие от Таманского залива и Керченского пролива оказались ограниченными из-за небольшого количества сохранившихся археологических объектов и степени их изученности. Речь может идти о нескольких поселениях, одним из которых является поселение Кучугуры 1. Оно находится на морской террасе, сложенной внизу бурыми делювиальными суглинками и супесями, а в верхней – слоистыми песками, затопленная часть поселения пока неизвестна. От другого поселения, расположенного у пос. Пересыпь сохранилась незначительная часть, расположенная на краю морской террасы, которая сложена прибрежными суглинками и подвергается интенсивной абразии и оползанию. Третий памятник, городище эллинистического – позднесредневекого времени, расположен в центре ст. Голубицкой, на двух холмах высотой до 15-20 м. Севернее находится плоское понижение, которое в прошлом могло быть частью Темрюкского залива,

отделенной от моря косой, куда когда-то, вероятно, впадала одна из дельтовых Кубани. Сейчас дно этого понижения приподнято над уровнем моря на высоту около 1,0 метра.

Таким образом, на археологических памятниках азовского побережья Таманского полуострова следов «фанагорийской» регрессии не было обнаружено. Уровень моря в античную эпоху, по крайней мере, в районе ст. Голубицкой, по мнению специалистов, мог даже чуть превышать современный. Этот участок побережья, вероятно, испытал позднеголоценовое тектоническое поднятие на 3-4 м относительно побережья Таманского залива и Керченского пролива. В качестве подтверждения такого вздымания рассматривается останец аккумулятивной террасы высотой до 4,0 м у северного подножья г. Тиздарь, сложенный слоистыми песками, аналогичными современному пляжу, и перекрытый оползнем сарматских глин. Эти обстоятельства позволяют его рассматривать в качестве пляжных отложений, сформировавшихся во время максимума новочерноморской голоценовой трансгрессии. Севернее в Азовском море древние береговые валы, условно сопоставляемые с этой эпохой, находятся на глубинах 5-9 м.[4] Это относительное смещение может быть результатом движений в зоне Южно-Азовского разлома – понятия его южного и опускания северного крыла суммарной амплитудой до 10 м.[5] Подобная тенденция к подъему береговой линии времени фанагорийской регрессии отмечена на азовском побережье Керченского полуострова.[6]

Предложенная реконструкция побережья, в основе которой – существование двух бухт на азовском побережье Таманского полуострова, позволяет иначе взглянуть на проблему локализации античных топонимов в этом районе. Существующие версии, как мы уже отмечали, строятся на произвольной идентификации Антикита с Пересыпным гирлом, которое случит точкой отсчета для измерений расстояний между античными населенными пунктами и их последующей локализации. Причина этого заключается в том, что казалась бы определенные указания на расположение, например, Киммерика – Киммериды при «выходе из Боспора Киммерийского» или «у самого устья Меотиды» и т.п. нельзя признать достаточными для точной локализации по причинам, о которых шла речь в начале работы. Меньшего внимания удостаивается другая характеристика Киммерийского селения. Оно служило «отправным пунктом» для плавания по Меотиде (Strabo, XI, 2,4-8). Это определение предполагает наличие удобной гавани или якорной стоянки для кораблей, защищенных от опасных ветров и течений.

Существование приемлемых условий в северной части пролива или в бухте, располагавшейся между современными мысами Литвинова и Каменный, проблематично или даже невозможно, но отрицать потенциальную возможность существования гавани, может быть искусственной мы не можем. В таком случае на роль Киммерика могло бы претендовать практически полностью разрушенное оползнями поселение «Приазовский 1». Однако серьезными основаниями для подобной идентификации мы пока не располагаем.

Более благоприятным местом для расположения гавани или якорной стоянки для кораблей, скорее могла быть вторая бухта, расположенная восточнее, в западной части современного Темрюкского залива. Если быть точнее, это побережье в районе пос. Кучугуры, где расположено значительное античное поселение, которое предлагал идентифицировать с Киммериком Ю.М. Десятчиков.[7] Стратиграфия этого памятника не противоречит хронологическим рамкам литературного Киммерика. Что же касается географического несоответствия его расположения с информацией нарративных источников, то уместно напомнить еще раз о том, что сегодня в своих рассуждениях о географических соответствиях мы оперируем характеристиками не Боспора Киммерийского, а современного Керченского пролива. Географические представления древних об устье Меотиды в отличие от современных формировались не на основе инструментальной съемки, крупномасштабных карт или аэ-

ро- или космоснимков, а в лучшем случае на базе непосредственных наблюдений с кораблей или с возвышенностей на побережье. Это обстоятельство вместе с произошедшими изменениями предполагают существенные различия во взглядах на облик побережья. Нельзя забывать о возможных ошибках в описании региона и относительной точности расстояний между пунктами на побережье. Например, в описании Страбона фигурируют цифры, кратные 10 стадиям. Вероятно, мы должны учитывать эту погрешность или приблизительность его расчетов. Подобных географических несовпадений можно найти значительно больше. Общепринятая идентификация большинства античных центров на азиатской стороне Боспора не соответствует античным географическим данным. Одно из объяснений подобной ситуации сводится к констатации ошибок у античных авторов, и отчасти, это соответствует действительности.

К востоку от «Темрюкского древнего мыса» эволюция побережья носила несколько иной характер. Строение толщи лиманных илов в азовской дельте Кубани свидетельствует о существовании древней аккумулятивной формы, отделявшей дельту Кубани от моря. Она меняла свою форму и местоположение в зависимости от изменений относительного уровня моря, интенсивности береговой абразии и аккумулятивных процессов, смещаясь вслед за отступавшим на юго-восток «Темрюкским древним мысом». Ю.А. Павлидис предложил несколько этапов в развитии этого участка побережья.[8] По его мнению, повышение уровня моря привело к быстрому смещению косы на юг и общему отступанию берега, которые привели к образованию открытого морского залива.

Позднее, благодаря дешифрированию крупномасштабных аэрофотоснимков, маршрутному обследованию территории, бурению опорных скважин, изучению фауны моллюсков и радиоуглеродному датированию образцов из морских и лиманных осадков эти представления были существенно расширены. По общему мнению, современный вид азовской дельты сформировался во второй половине голоцена в ходе северных миграций части кубанских проток. Структура дельтовых отложений свидетельствует о нескольких глубоких (до нескольких десятков километров) морских ингрессиях в пределы современной дельтовой равнины. В мористой части дельты были выделены наиболее молодые генерации береговых валов, абсолютный возраст наиболее ранних из которых составил 2,2–1,9 тыс. лет назад.[9] В ходе наших работ на Таманском полуострове были обследованы древнебереговые валы в Темрюкской дельте Кубани и в районе Ясенской косы. Их некалиброванный радиоуглеродный возраст составил 1,5-1,3 тыс. лет назад. Калиброванные радиоуглеродные даты, полученные по раковинному материалу, слагающему различные генерации береговых валов азовской дельты Кубани, приведены в табл. 1. Для калибрации использовалась программа CALIB 3,0.[10] При этом в качестве поправки на резервуарный эффект принималась величина в 400 лет, полученная в ходе сопоставления датировок раковинного и древесного материала, совместно залегающих в позднеголоценовых отложениях Черного моря[11], которая может быть постоянной для последних 6 тыс. лет.[12] Существование крупного ингрессионного залива в этот период подтверждается сохранившимися картографическими материалами, как итальянскими портоланами, собранными когда-то Е.Д. Фелициным, так и менее известными греческими портоланами и картами XV-XVII вв., опубликованными относительно недавно.[13] Подводя итоги, хотелось бы отметить следующие обстоятельства. В процессе формирования современного облика азовского побережья полуострова принимали участие несколько природных процессов. Это так называемая «нимфейская» трансгрессией моря, вызвавшая не только подъем относительного уровня моря, но и ингрессии в пределы Кубанской дельты, береговая абразия, оползни, неотектонические движения, повлиявшие на современное геоморфологическое положение археологических памятников, а также выдвижение дельтовой равнины Кубани. Особенности эволюции отдельных участков азовской

Таблица 1

РАДИОУГЛЕРОДНЫЙ ВОЗРАСТ ДРЕВНИХ БЕРЕГОВЫХ ВАЛОВ В АЗОВСКОЙ ДЕЛЬТЕ КУБАНИ

Район**	Индекс	Радиоуглеродный возраст, л.н.	Калиброванные даты Интервал в 2-сигмы
коса Долгая	МГУ-1422	1317+/-74	cal AD 1317{1438}1530 cal BP 633{512}420
Темрюкское устье Кубани	МГУ-1423	1365+/-95	cal AD 1269{1412}1526 cal BP 681{538}424
Казачья гряда	ЛУ-1884*	1740+/-50	cal AD 987{1055}1195 cal BP 963{895}755
Казачья гряда	ЛУ-1882*	1935+/-40	cal AD 782{883}981 cal BP 1168{1067}969

дельты Кубани определялись миграциями дельтовых проток, которые могли быть обусловлены как естественными процессами, так и деятельностью человека (Strabo. XI, 2, 11). Поэтому идентифицировать имеющиеся сегодня и существовавшие в древности многочисленные гирла Кубани на азовском побережье с античными гидронимами практически невозможно, хотя бы потому, что они формировались и существовали в разной обстановке, в одном случае в условиях регрессии, в другом – трансгрессии и т.д.

Результаты наших исследований показывают, что дельта Кубани, ее черноморская и азовская части достигли своего современного местоположения довольно поздно. В античную эпоху ее западная граница едва ли достигала Семибратнего городища.[14] В таком случае, ближайшее к Керченскому проливу азовское «устье» Кубани следует искать восточнее Пересыпного гирла. Причем речь должна идти о судоходном устье, другие вряд ли привлекли к себе серьезное внимание. Хорошо известно, что до XVIII в подобное устье существовало западнее ст. Голубицкой. Оно позволяло судам помимо Керченского пролива достигать Черного моря, а по реке проникать в Прикубанье. Для охраны этих коммуникаций турками была специально построена крепость.[15] Какой ситуация была в период «фанагорийской» регрессии определенно сказать трудно. Мы должны принять во внимание последствия всех вышеупомянутых природных явлений. Возможно, что изменения, вызванные «нимфейской» трансгрессией, были каким-то образом компенсированы тектоническим поднятием побережья, и ситуация была похожей. Если принять схему эволюции азовского побережья, предложенную Ю.А. Павлидисом, то «самым западным устьем» Кубани могла быть протока, впадавшая в Азовское море восточнее «древнего Темрюкского мыса», т.е. в районе ст. Голубицкой, где сохранились ее следы. Однако для подобной реконструкции у нас пока нет достаточного геохронологического обоснования.

Как показали результаты многолетних работ в области исторической географии Северного Причерноморья,[16] уровень наших сегодняшних представлений о палеогеографии и степень археологической изученности азовского побережья пока недостаточны для однозначной локализации не только античных топонимов и гидронимов, но и более поздних, известных из нарративных источников. В связи с этим, мы призываем коллег к аккуратности в попытках окончательно решить существующие спорные вопросы палеогеографии Таманского полуострова и локализации его памятников, известных из античной письменной традиции. Вероятно, время для этого еще не настало, требуются дополнительные исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Сударев Н.И.* К вопросу о Тирамбе Страбона и Птолемея //ДБ. Вып.1, 1998; *Завойкин А.А*. Проблема локализации Киммериды //ДГ. 1996-1997. Северное Причерноморье в античности. М., 1999; *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005.
2. Лоция Черного моря. Л., 1954. С. 114-118.
3. *Павлидис Ю.А.* Новейшая история развития Темрюкского побережья Азовского моря //Труды Института океанологии АН СССР. Т.XLVIII. 1961. С. 103-113.
4. *Щербаков Ф.А.* Отражение изменений уровня моря в разрезах позднечетвертичных морских отложений //Колебания уровня морей и океанов за 15000 лет. М., 1982. С.112-120.
5. *Трифонов В.Г., Караханян А.С.* Геодинамика и история цивилизаций. М., 2004. С.462.
6. *Никонов А.А.* Признаки молодой тектонической активности в зонах южно-азовского и керченского разломов //Геотектоника. 1995. №5; *Он же.* Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря) //РА.1998. № 3.
7. *Десятчиков Ю.М., Чернов Ю.В.* Раскопки городища Кучугуры //АО-1976. М., 1977; *Десятчиков Ю.М*. Азиатский Киммерик //Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тез. докл. Баку, 1985; *Он же*. К истории Азиатского Киммерика //I Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1989; *Он же.* Некоторые аспекты внутрибоспорской колонизации //II Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1993.
8. *Павлидис Ю.А.* Новейшая история развития Темрюкского побережья Азовского моря //Труды Института океанологии АН СССР. Т. XLVIII. 1961. Рис.3.
9. *Измайлов Я.А., Арсланов Х.А., Тертычная Т.В., Чернов С.Б.* Реконструкция и датирование голоценовых береговых линий моря в дельте Кубани (Восточное Азово-Черноморье) //Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 7. Вып. 3.
10. *Stuiver M., Reimer P.J, Braziunas T.F.* High-precision radiocarbon age calibration for terrestrial and marine siples //Radiocarbon. 1998. V. 40. № 3.
11. *Stuiver M., Reimer P.J.* Expended ^{14}C Date Base and Revised CALIB 3,0 ^{14}C Age Calibration Program //Radiocarbon. 1993. V. 35. № 1.
12. *Фирсов Л.В.* Опыт радиоуглеродного датирования античных и средневековых образцов из Херсонеса //СА. 1973. № 2.
13. Τολίας Γ. ΟΙ ΕΛΛΗΝΙΚΟΙ ΝΑΥΤΙΚΟΙ ΧΑΡΤΕΣ ΠΟΡΤΟΛΑΝΟΙ 15ος 17 ος αιώνας Αθήνα. 1999.
14. *Fouache E., Porotov A., Muller K., Gorlov Y, Gaibov V., Abramzon M.* Peninsule de Taman (Russie meridionale) //BCH. 1999. 123.2.
15. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. 1979. С.46-48; *Тунманн.* Крымское ханство. Симферополь, 1991. С. 67-68).
16. *Зубарев В.Г.* Ук. соч.

YU.V.GORLOV

PROBLEMS OF THE PALEOGRAPHIC RECONSTRUCTION FOR THE AZOV SEASHORE IN TAMAN PENINSULA DURING THE ANTIQUE EPOCH

The present article offers the paleographic reconstruction of the Azov seashore evolution during the antique epoch, based upon the results of the latest geo-archeological studies.

И.Н. ХРАПУНОВ (Симферополь)

СКЛЕП III В. Н.Э. ИЗ МОГИЛЬНИКА НЕЙЗАЦ

Могильник Нейзац, первые раскопки которого были произведены в 1927 г., а планомерные исследования начаты в 1996 г., расположен в центре крымских предгорий, в долине реки Зуя, приблизительно в 25 км к юго-востоку от Симферополя. В ходе регулярных раскопок изучено 299 погребальных сооружений III–IV вв. н.э., в том числе склепы, подбойные и грунтовые могилы.

Склеп № 222, о котором пойдет речь в данной статье, разграблен, однако в его заполнении сохранился весьма представительный набор вещей, характеризующих позднесарматскую археологическую культуру и, в частности, ее крымский вариант.

Трапециевидная в плане входная яма склепа ориентирована с запада на восток (рис. 1). Ко входу в дромос она расширяется. Западная стена полого спускается ко дну. Размеры входной ямы по верхнему краю 2,0×1,1 м, глубина от уровня материка 0,75 м.

Дромос сделан в восточной стене входной ямы. Его размеры 0,3×1,0 (ширина) м. Длинные оси входной ямы и погребальной камеры расположены под тупым углом друг к другу.

Погребальная камера почти квадратная в плане. Ее размеры 2,7×2,6 м. Пол погребальной камеры располагался на 0,15 м ниже пола дромоса, переход оформлен в виде ступеньки. Для устройства погребальной камеры был использован естественный скальный навес, который служил ей сводом. Его высота 1,1-1,4 м над полом.

Склеп был ограблен, возможно, в древности и, безусловно, в недавнее время, в заполнении погребальной камеры до самого пола встречался современный мусор. В то же время, обнаружены многочисленные древние вещи. Среди них серебряная монета императора Комода (рис. 3, 23), бронзовая лунница (рис. 3, 21), подвески, состоящие из серебряных и бронзовых пластин (рис. 3, 11, 12, 14-16), бронзовые (рис. 2, 2-5, 7-9, 11, 12) и серебряная (рис. 2, 10) пряжки, бронзовые кольца (рис. 3, 9, 18, 24; 49, 12), бронзовое (рис. 2, 17) и серебряное (рис. 3, 13) кольца с зажимами, бронзовые кольца со щитками (рис. 2, 13-15, 18, 19), бронзовое кольцо с навитым на него прутом (рис. 2, 16), наконечники ремней бронзовые (рис. 4, 8, 9) и состоящие из бронзовых и серебряных пластин (рис. 4, 1-3), серебряные обоймы (рис. 4, 4, 19-23) и накладки (рис. 4, 5, 15-18), бронзовые обоймы (рис. 3, 5; 4, 13), пластины (рис. 4, 6, 10, 11) и бляшки (рис. 3, 4; 4, 7), серебряные бляшки (рис. 3, 1-3). Из бронзы изготовлены также скрепы (рис. 3, 6, 7), пронизи (рис. 3, 10, 22), кольцо с «шишечками» (рис. 3, 8), браслет (рис. 3, 20), фибула (рис. 4, 14), ригель (рис. 3, 19), гвозди от замка шкатулки (рис. 3, 17). Из железа сделаны пряжка (рис. 2, 21), кольца (рис. 2, 20, 22), ножи (рис. 5, 1-7). В заполнении склепа обнаружено несколько бус (рис. 2, 1, 6, 23-25), стеклянный предмет неправильной формы (рис. 5, 8), стеклянный кубок (рис. 5, 10) и верхняя часть еще одного стеклянного сосуда (рис. 5, 9), а также мелкие обломки керамических сосудов.

Многие вещи, обнаруженные в склепе, позволяют судить о его датировке и культурной принадлежности.

Монета серебряная (рис. 3, 23). Л.с. [M]KOMM ANT P FEL AVG BRIT. Голова императора Коммода в лавровом венке вправо. Об.с. C. LIBERT AVG P M TRP XI IMP VIII COSS VII. Фигура Свободы в рост, обращенная влево, держащая в правой руке жезл (?), а левой опирающаяся на копье (?). Римская империя. Коммод (180–192 гг.). Динарий. Чекан Рима. Выпуск 184–189 гг.[1]

Кубок из тонкого прозрачного стекла со слабым зеленоватым оттенком (рис.5, 10). Такие кубки найдены в могилах III в. н.э. №№ 34 и 35 некрополя Ай-Тодор на южном берегу Крыма[2], а также в склепе № 21 могильника Дружное с материалами второй половины III–IV вв. н.э.[3]

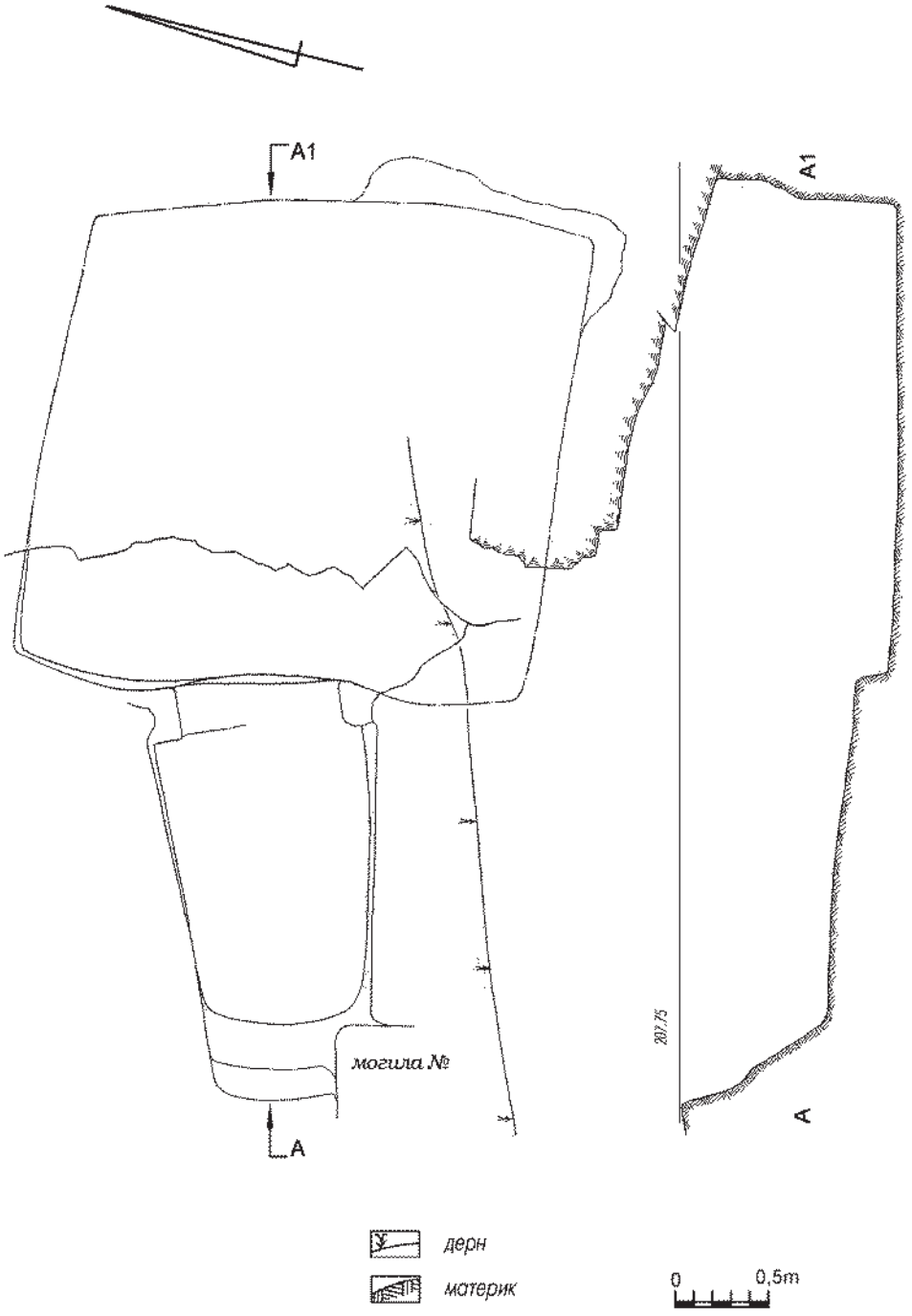

Рис. 1. Склеп № 222. План и разрез

Пряжки из серебра (рис. 2, 10) и бронзы (рис. 2, 7–9, 12) обладают признаками, характерными для III в. н.э. Это овальные, утолщенные в передней части, обычно граненые рамки; прогнутые фасетированные, украшенные насечками язычки, концы которых немного выступают за рамку; прямоугольные щитки, один из которых украшен насечками (рис. 2, 9), другой – фасетирован (рис. 2, 10). Типична для этого времени и плакировка бронзовых изделий драгоценными металлами, как у одной из наших пряжек (рис. 2, 12), щиток которой плакирован тонкой серебряной пластинкой. Признаки IV в. н.э.: загнутость язычка за рамку, наличие в его тыльной части прямоугольной, часто орнаментированной площадки и ступенчатого среза, на пряжках из склепа №222 отсутствуют.[4] Заметным своеобразием отличаются бесщитковые пряжки с круглыми рамками большого диаметра (рис. 2, 2–5). Похожая круглая пряжка с гравированными линиями на язычке найдена в могиле № 14 первой половины III в. н.э. крымского некрополя Курское.[5] Впрочем, такие стилистические особенности, как гравированные рамки, насечки на фасетированных язычках сближают их с остальными пряжками, найденными в склепе.

В том же стиле, что и пряжки, с гранением и фасетировкой, сделаны кольца со щитками (рис. 2, 13–15) и кольца с зажимами (рис. 2, 17; 3, 13). Аналогичные по форме нейзацким кольца со щитками найдены во всадническом погребении конца II – первой половины III в. н.э. в кургане 16 могильника Центральный VI на Нижнем Дону. Но там щитки серебряные, а в кольца был вставлен железный прут, скорее всего, они крепились к поводу коня.[6] Похожие изделия найдены в склепе №17 могильника Нейзац с захоронениями первой половины III в. н.э.[7] Кольца с зажимами, подобные публикуемым, встречаются практически во всех позднесарматских погребениях. Здесь отметим только, что такие изделия, правда гладкие, не граненые найдены и в достаточно поздних памятниках, например, во многих погребениях IV в. н.э. могильника Дружное[8] и даже в некоторых крымских погребениях гуннского времени.[9]

Кольца бронзовые, концы которых раскованы и заведены друг за друга, образуя щиток, соединяющийся с ремнем с помощью заклепки. Одно из них гладкое (рис. 2, 18), другое – граненое (рис. 2, 19). Публикуя пару таких же «пряжек без язычков» из кургана 12 в могильнике Высочино VI, С. И. Безуглов приводит аналогии из Танаиса и Визешдпусте, найденные с монетами конца II – начала III в. н.э., а также из Ульского кургана 1909 г.[10] По классификации В. Ю. Малашева такие вещи относятся к типу 8 предметов конской сбруи (С8) и датируются первой половиной III в. н.э.[11] Добавим к опубликованным в упомянутых выше работах находки аналогичных вещей из погребения в кургане 3 позднесарматского Лебедевского могильника в западном Казахстане[12], из могилы 5 Суворовского могильника в Крыму вместе с монетой 233/4 г. н.э. боспорского царя Рескупорида IV[13], а также из склепа 17 могильника Нейзац вместе с материалами первой половины III в. н.э.[14]

Наконечник ремня бронзовый (рис. 4, 9). Его лицевая сторона украшена фасетками, тыльный конец пропилен. По классификации В. Ю. Малашева такие наконечники относятся к типу Н3А, который входит в группу вещей IIА. Эта группа характеризуется, в первую очередь, распространением фасетировки и датируется первой половиной III в. н.э.[15] К примерам, приведенным В. Ю. Малашевым, добавим еще два крымских. В позднесарматском погребении, раскопанном близ с. Мичурино, найдены четыре наконечника с такой же лицевой поверхностью, как у публикуемого в данной статье, но они серебряные и состоят из двух пластин каждый.[16] В склепе № 17 из могильника Нейзац, датируемого первой половиной III в. н.э., обнаружены наконечники того же типа, но они более массивные, состояли из двух пластин, их тыльные концы украшены насечками.[17]

Наконечник ремня, состоящий из лицевой подпрямоугольной с расширяющимся нижним концом серебряной пластины и тыльной бронзовой, повторяющей форму лицевой (рис. 4, 3). Такой же наконечник найден в сарматском воинском погребе-

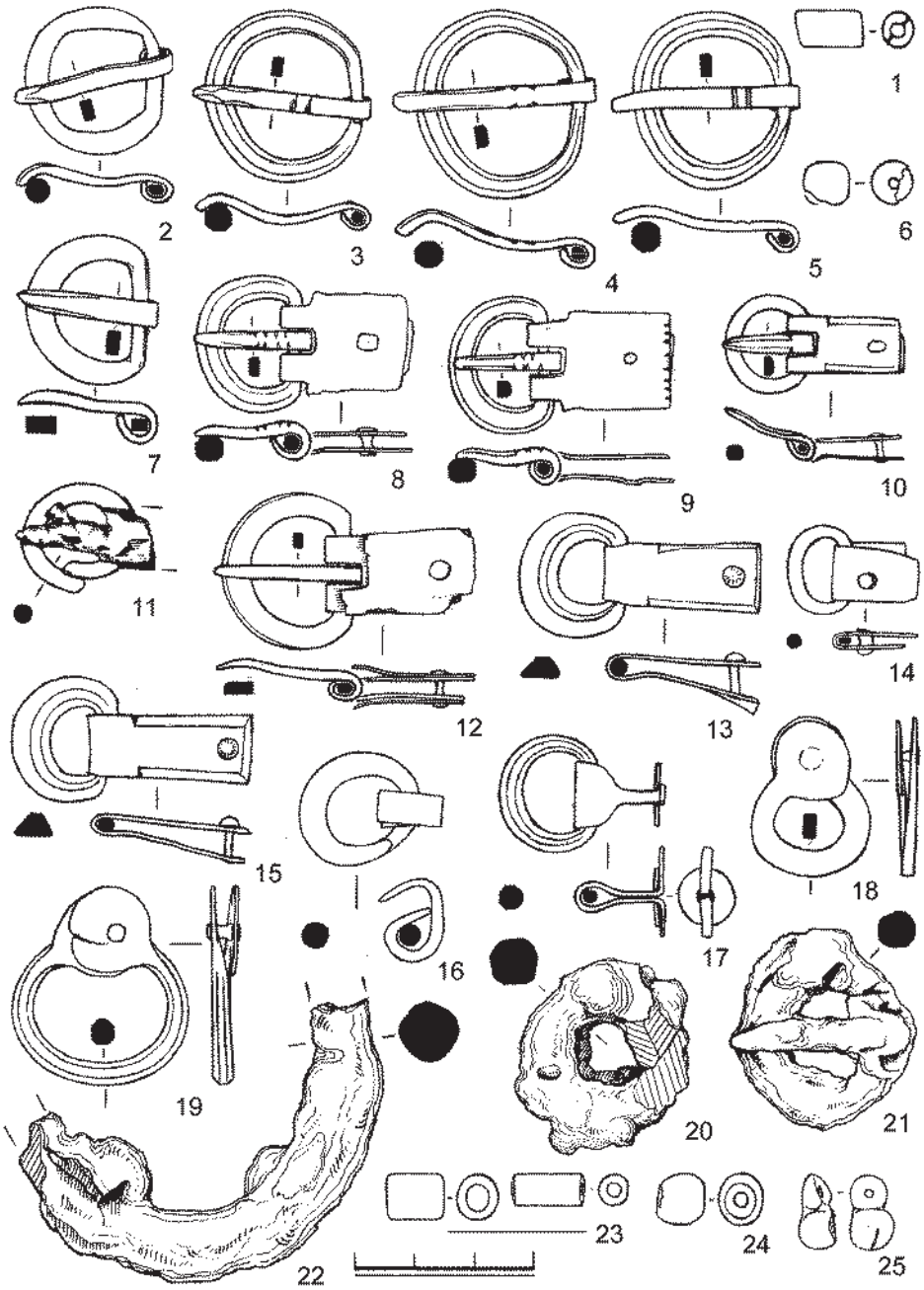

Рис. 2. Склеп № 222. Погребальный инвентарь:
1, 6, 23, 25 – бусы стеклянные; 2, 3-5, 7-9, 12 – пряжки бронзовые; 10 – пряжка серебряная; 11 – пряжка бронзовая с железным язычком; 13-15 – кольца бронзовые со щитками; 16 – кольцо бронзовое с навитым на него прутом;17 – кольцо бронзовое с зажимом; 18, 19 – кольца бронзовые с раскованными концами; 20 – кольцо железное; 21 – пряжка железная; 22 – кольца железного фрагмент; 24 – бусина янтарная

нии конца II – первой половины III в. н.э. близ г. Азова. В этом погребении, кстати говоря, обнаружены и многие другие соответствия вещам из склепа № 222.[18] Очень похожий наконечник ремня находился в одном из погребений конца II – первой половины III в. н.э. некрополя Танаиса.[19] Подобные, но меньших размеров, наконечники обувных ремней входили в комплексы вещей V и VI вв. н.э. из могильников юго-западного Крыма. Иногда они состоят из двух пластин, иногда – из одной, расщепленной в тыльной части.[20]

Наконечники ремней, состоящие из лицевых подпрямоугольных, расширяющихся книзу с заостренными нижними концами серебряных пластин и тыльных бронзовых, повторяющих форму лицевых (рис. 4, 1, 2). Такие же наконечники ремней найдены в погребении первой половины III в. н.э. из могилы № 152 могильника Нейзац.[21] Маленькие бронзовые двупластинчатые наконечники обнаружены в склепе №23/11 некрополя Сиреневая бухта в крымском Приазовье с материалами III–V вв. н.э. Формой они несколько отличаются от публикуемых в данной статье.[22]

Обойма серебряная из согнутой прямоугольной пластины, имеющая валик в месте сгиба, украшенная с лицевой стороны фасетками, крепившаяся к ремню с помощью двух заклепок (рис. 4, 4). Такая же обойма найдена в погребении второй половины III в. н.э. в Буденновской слободе г. Кисловодска.[23] Очень похожая обойма обнаружена в подкурганной катакомбе III в. н.э. у с. Братское в Ингушетии. Единственное отличие заключается в том, что на рисунке не видна фасетировка.[24] Близкие изделия найдены в погребениях второй половины III в. н.э. в Градешках[25] и в Дружном[26], а также в кургане 9 могильника Нагорное в Северо-Западном Причерноморье.[27] Следует иметь в виду, что находки из Градешки, Нагорного и Дружного сделаны из двух пластин, а не из одной согнутой, отличаются они и деталями оформления. Однако они, несомненно, изготовлены в одном стиле с нейзацкой и кавказскими находками. Развитием этого типа обойм в гуннскую эпоху являются более узкие и длинные экземпляры с одной заклепкой, сохранившие такой ранний признак, как фасетировка.[28]

Накладка прямоугольной формы, состоящая из двух пластин, скрепленных двумя скрепами, лицевая пластина – серебряная, тыльная – бронзовая (рис.4, 5). Похожая, но с тремя заклепками, серебряная накладка найдена в катакомбе IV в. н.э. кургана 2 Утамышского могильника в Прикаспийском Дагестане.[29]

Пластины бронзовые прямоугольные с заклепкой на одном из концов (рис. 4, 6, 10, 11). Похожая серебряная пластина – накладка на ремень найдена в позднесарматской подбойной могиле близ г. Азова.[30]

Подвески, каждая из которых состоит из лицевой серебряной пластины круглой формы с прямоугольным выступом в верхней части и тыльной бронзовой пластины, повторяющей форму лицевой. С тыльной стороны прямоугольного выступа подложена бронзовая пластина, служившая для соединения подвески с ремнем, крепившимся с помощью заклепки (рис. 3, 14–16). Еще две подвески не имели дополнительной пластины под прямоугольным выступом, ремень крепился с помощью заклепок между серебряной и бронзовой пластинами (рис. 3, 11, 12). Круглые или листовидные подвески, служившие деталями конской сбруи, найдены во многих позднесарматских погребениях. Нефасетированные подвески круглой формы относятся В. Ю. Малашевым к типу С1 и входят в группу I, которая датируется второй половиной II в. н.э., с некоторым захождением в первую половину III в. н.э.[31] В нашем случае подвески найдены со многими фасетированными вещами. Очевидно, что фасетированные и нефасетированные изделия из склепа №222 использовались одновременно. Круглые подвески из Мичурино отличаются от публикуемых различными деталями, но края двух из них украшены насечками, также как и у одной из наших подвесок (рис.3, 15).[32] Отметим находки подвесок листовидной формы из раскопок могильника Нейзац. Одна из них серебряная, украшенная изображением сарматского знака многократно публиковалась.[33] Еще четыре найдены в погребе-

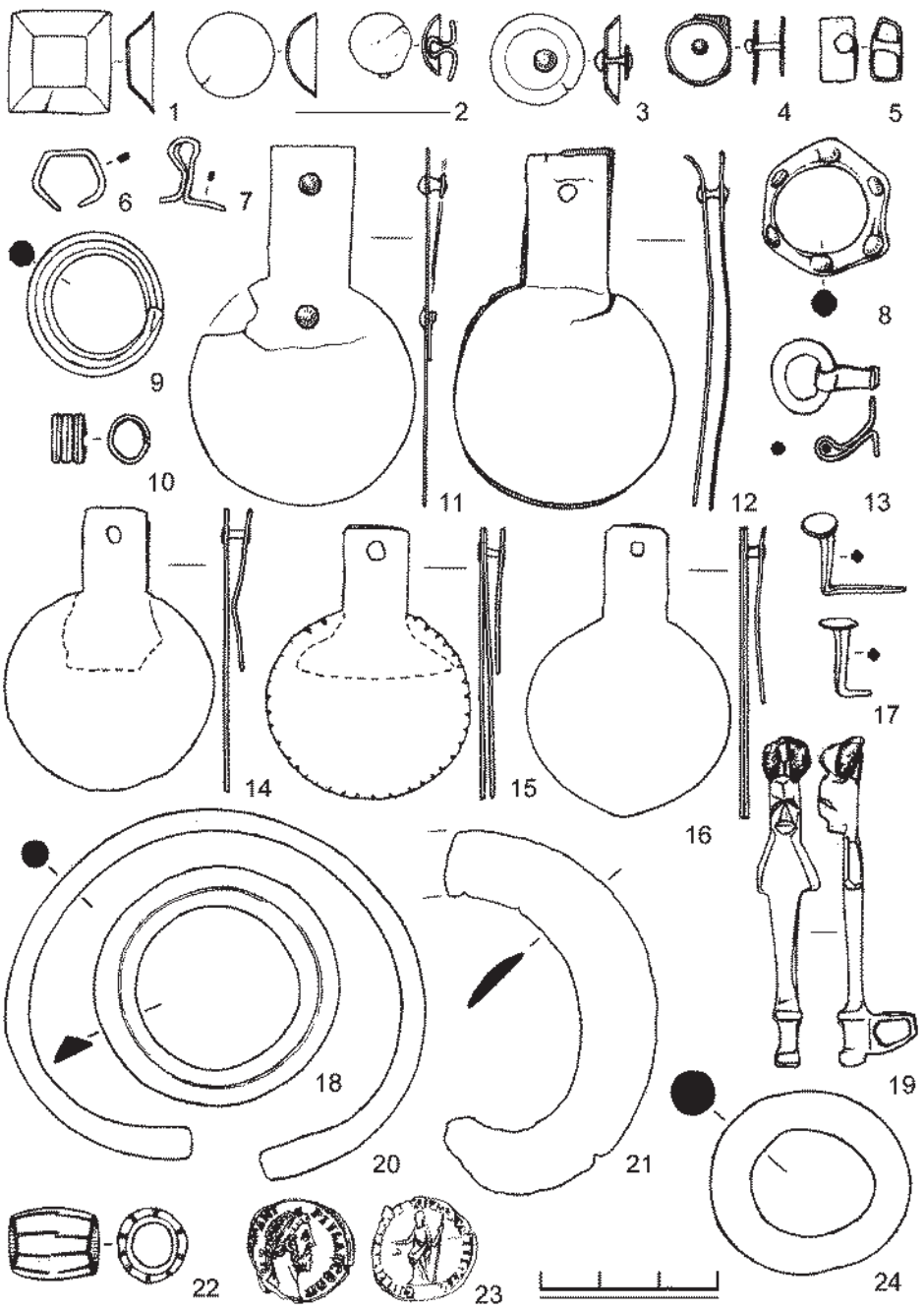

Рис. 3. Склеп № 222. Погребальный инвентарь:
1-3 – бляшки серебряные; 4 – бляшка бронзовая; 5 – обойма бронзовая; 6,7 – скрепы бронзовые; 8, 9, 18, 24 – кольца бронзовые; 10, 22 – пронизи бронзовые; 11, 12, 14-16 – подвески, состоящие из лицевых серебряных и тыльных бронзовых пластин; 13 – кольцо с зажимом серебряное; 17 – гвозди бронзовые; 19 – ригель бронзовый; 20 – браслет бронзовый; 21 – лунница бронзовая; 23 – монета серебряная

нии первой половины III в. н.э. могилы № 152.[34]

Кольца бронзовые, два из них граненые, одно – гладкое (рис. 3, 9, 18, 24). Бронзовые кольца, как правило, по одному в комплексе, входили в состав многих сарматских сбруйных наборов второй половины II – первой половины III в. н.э.[35] Они не однократно встречались и в могильнике Нейзац.[36]

Серебряные или бронзовые обоймы от нагаек, подобные публикуемой (рис.3, 5), являются почти непременным атрибутом позднесарматских всадниических погребений.[37]

То же можно сказать и о бронзовой обойме (рис. 4, 13). Такие изделия служили и наконечниками ремней, и накладками на края деревянных чаш.[38]

Лунница бронзовая с плоской тыльной и двухгранной лицевой сторонами. С тыльной стороны сохранились следы припоя петли для подвешивания (рис. 3, 21). В позднеримское время подобные подвески известны в Поволжье,[39] в Днепровской лесостепи[40], в нескольких пшеворских могильниках восточной Польши.[41] У пшеворских и верхнеднепровских лунниц петля для подвешивания, как правило, не припаивалась, а крепилась с помощью заклепки. Крупная «двурогая» бронзовая лунница найдена в кургане 41 у станицы Усть-Лабинская. Этот курган относится к группе самых поздних в «Золотом кладбище» и датируется концом II – первой половиной III в. н.э. Лунница отличается рядом особенностей, в частности, каплевидным выступом на конце (второй конец отломан).[42] Восемь экземпляров лунниц, снабженных пластинчатыми зажимами, найдены в Кишпеке, где они, по-видимому, служили подвесками к уздечным ремням.[43] Двурогая лунница оказалась в одном из погребений Дербента албанского периода, синхронного позднесарматским памятникам степи.[44] В Крыму лунницы аналогичные публикуемой найдены в одновременных склепу № 222 погребениях Чернореченского[45] и Курского[46] могильников. Кроме того, крупная двурогая лунница обнаружена в самом могильнике Нейзац, в могиле № 29 с женским инвентарем конца II – начала III в. н.э.[47]

Семь серебряных бляшек усеченно-конической формы, крепившихся к органической основе с помощью заклепки (рис.3, 3). По классификации В. Ю.Малашева такие бляшки относятся к типу 9 предметов конской сбруи (С9). Они появляются среди вещей группы IIб и широко распространяются в период использования вещей групп IIIа и IIIб. Иными словами, их дата – вторая половина III–IV вв. н.э., но до гуннского времени не доживают.[48]

Серебряные бляшки полусферической формы, крепившиеся к органической основе с помощью припаянных скреп (11 целых экземпляров и 2 фрагмента) (рис. 3, 2). На Дону в могильнике Центральный VI, курган 16, погребение 8 такими бляшками были украшены ножны меча.[49] В могильнике «Четыре брата» в междуречье Сала и Маныча в кургане 3, погребении 6 десять полусферических бляшек были укреплены на уздечке коня.[50] В междуречье Дона и Северского Донца в Сладковском курганном могильнике, в кургане 19, погребении 1 позднесарматского времени обнаружена узкая железная пластина покрытая золотой фольгой, возможно, служившая конским налобником. К органической основе она крепилась с помощью полусферических бляшек.[51] В кургане I, погребении 3 у с. Харьковки Волгоградской области полусферические бляшки найдены вместе с другими деталями конской сбруи первой половины III в. н.э.[52] Полусферические бляшки обнаружены во впускном сарматском погребении в кургане у с. Каланчак.[53] В Крыму найдена, пожалуй, самая ранняя, из известных к настоящему времени, полусферическая бляшка. Она обнаружена в заполнении разграбленного, но сохранившего разнообразный инвентарь I в. до н. э. – I в. н.э. склепа № 20 могильника Левадки.[54] В другом крымском памятнике – кургане у с. Мичурино около 80 полусферических бляшек найдены в сарматском погребении первой половины III в. н.э. Некоторые из них украшали деревянное, обтянутое кожей изделие.[55] 15 бронзовых обтянутых серебряной фольгой полусферических бляшек обнаружены в Дружном, в склепе № 3, который датируется IV в. н.э.[56]

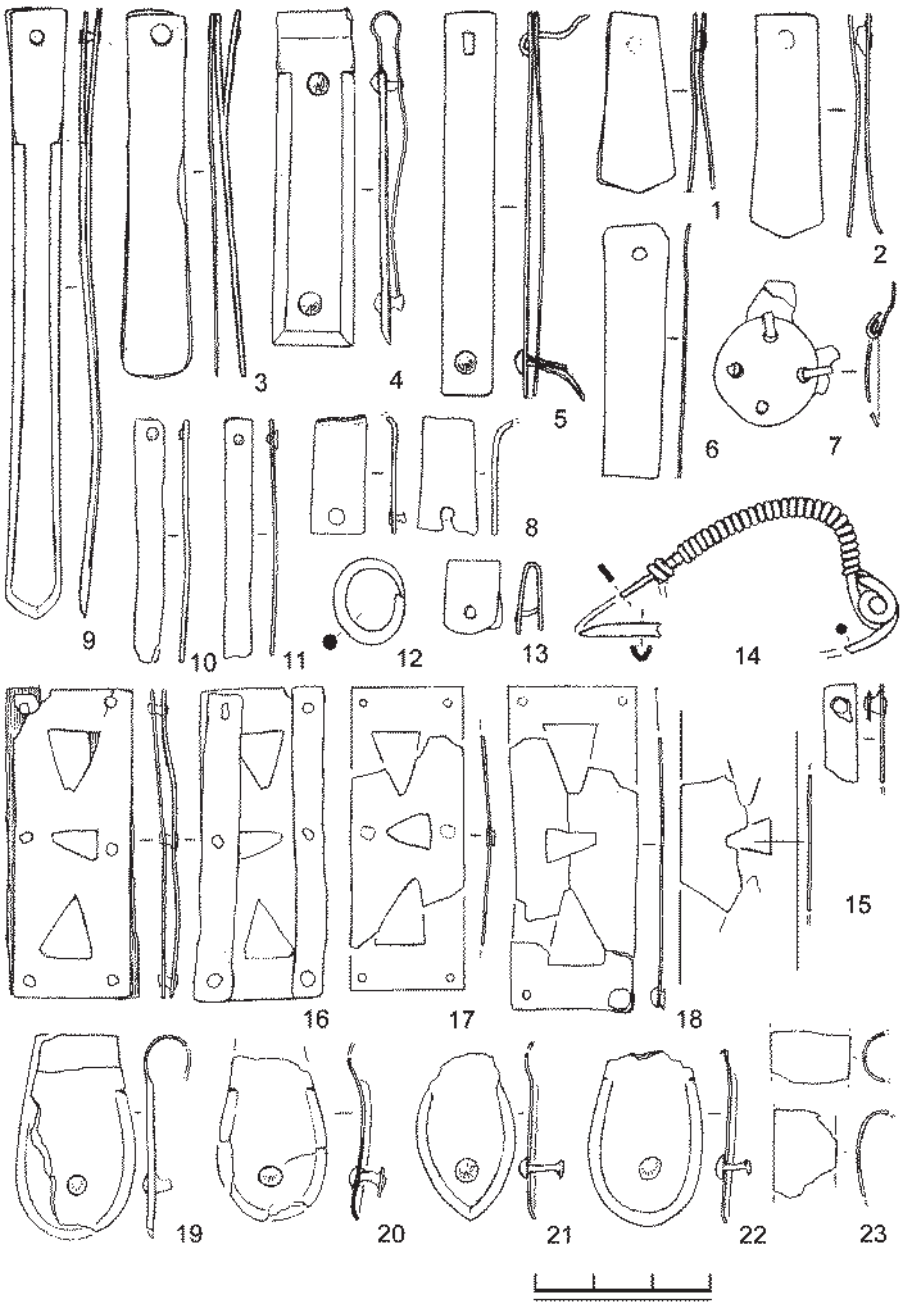

Рис. 4. Склеп № 222. Погребальный инвентарь:
1–3 – наконечники ремней, состоящие из лицевых серебряных и тыльных бронзовых пластин; 4 – обойма из лицевой серебряной и тыльной бронзовой пластин; 5 – накладка из лицевой серебряной и тыльной бронзовой пластин; 6, 10, 11 – пластины бронзовые; 7 – бляшка бронзовая; 8 – наконечника ремня бронзового фрагменты; 9 – наконечник ремня бронзовый; 12 – кольцо бронзовое; 13 – обойма бронзовая; 14 – фибула бронзовая; 15-18 – накладки серебряные с подложенными с тыльной стороны бронзовыми пластинами; 19-23 – обоймы серебряные

Серебряные бляшки усеченно-пирамидальной формы, крепившиеся к органической основе с помощью припаянных с внутренней стороны бронзовых скреп (18 целых экземпляров и 11 фрагментов) (рис. 3, 1). В подкурганном погребении у станции Дзинилор в Северо-Западном Причерноморье пирамидальные бляшки сочетались с полусферическими. Сделаны они, кстати, так же, как и нейзацкие экземпляры: из серебра с бронзовыми скрепами. Вероятно, они украшали одежду.[57] Такое же сочетание пирамидальных и полусферической бляшек отмечено в погребении первой половины III в. н.э. могилы № 152 в Нейзаце.[58]

Бляшка бронзовая полусферическая с четырьмя отверстиями по краям, в которые продеты пластинчатые обоймы (4, 7). Похожая, но не идентичная бляшка найдена в погребении первой половины III в. н.э. в могиле № 152 могильника Нейзац. Она сделана из серебра и позолочена, в отверстия вставлены не обоймы, а заклепки.[59]

Описанные выше изделия, вероятно, по крайней мере, в большинстве своем, являлись деталями конской сбруи. Во всяком случае, вещи всех описанных выше типов из сарматских комплексов использовались именно в этом качестве. Конечно, некоторые пряжки и наконечники ремней могли быть элементами костюма, «двурогие» лунницы украшали в древности не только уздечки, но и входили в состав женских ожерелий, бляшками орнаментировали самые разнообразные изделия. Круглые подвески зафиксированы пока только в качестве украшений оголовья коня. Наблюдения за неразграбленными погребениями могильника Нейзац показывают, что количество пряжек и наконечников ремней в склепе № 222 слишком велико, чтобы использоваться только в качестве деталей одежды.

Еще два типа изделий из могилы № 222 не имеют аналогий среди сделанных ранее находок.

Серебряные обоймы, изготовленные из согнутой пластины, концы которой соединялись заклепкой. Края пластин были отогнуты, имитируя фасетки (рис.4, 19–23).

Одна целая и шесть в разной степени фрагментированных серебряных пластинчатых накладок. Каждая из них украшена тремя треугольными вырезами, с тыльной стороны вдоль длинных краев подложены бронзовые узкие пластины, крепившиеся к органической основе шестью заклепками (рис. 4, 15–18).

Следующие вещи принадлежали, вероятно, одному или нескольким женским или детским погребениям.

Фибула бронзовая лучковая подвязная одночленная с длинной обмоткой спинки (рис. 4, 14). Она относится к варианту 4 серии I лучковых подвязных фибул по классификации А. К. Амброза.[60] Предложенная А. К. Амброзом дата – вторая половина II в. н.э., возможно начало III в. н.э. – по современным данным нуждается в некоторой корректировке. Такие фибулы обычны для комплексов первой половины III в. н.э. Фибулы варианта 4 по прогибу спинки, служившим основным критерием разделения вариантов для А. К. Амброза, не всегда возможно отличить от варианта 5: есть много экземпляров, занимающих промежуточную позицию.[61]

Кольцо бронзовое с тройными выступами в виде «шишечек» по периметру (рис. 3, 8). Такие изделия представляют собой массовый материал в памятниках римского времени Северного Причерноморья. В качестве точных аналогий укажем на находку, сделанную в культурном слое, который накопился в течение I – первой половины III в. н.э. на территории могильника Молога II в Северо-Западном Причерноморье[62], а также на кольцо из склепа IV в. н.э. № 58 могильника Дружное.[63]

Ригель бронзовый в виде гермы (рис. 3, 19). Такие детали шкатулок находят при раскопках многих северопричерноморских памятников римского времени. Во второй половине III в. н.э. их становится значительно меньше, но полностью они не исчезают.[64]

Браслет бронзовый округлый в сечении, с незамкнутыми расширяющимися концами (рис. 3, 20).

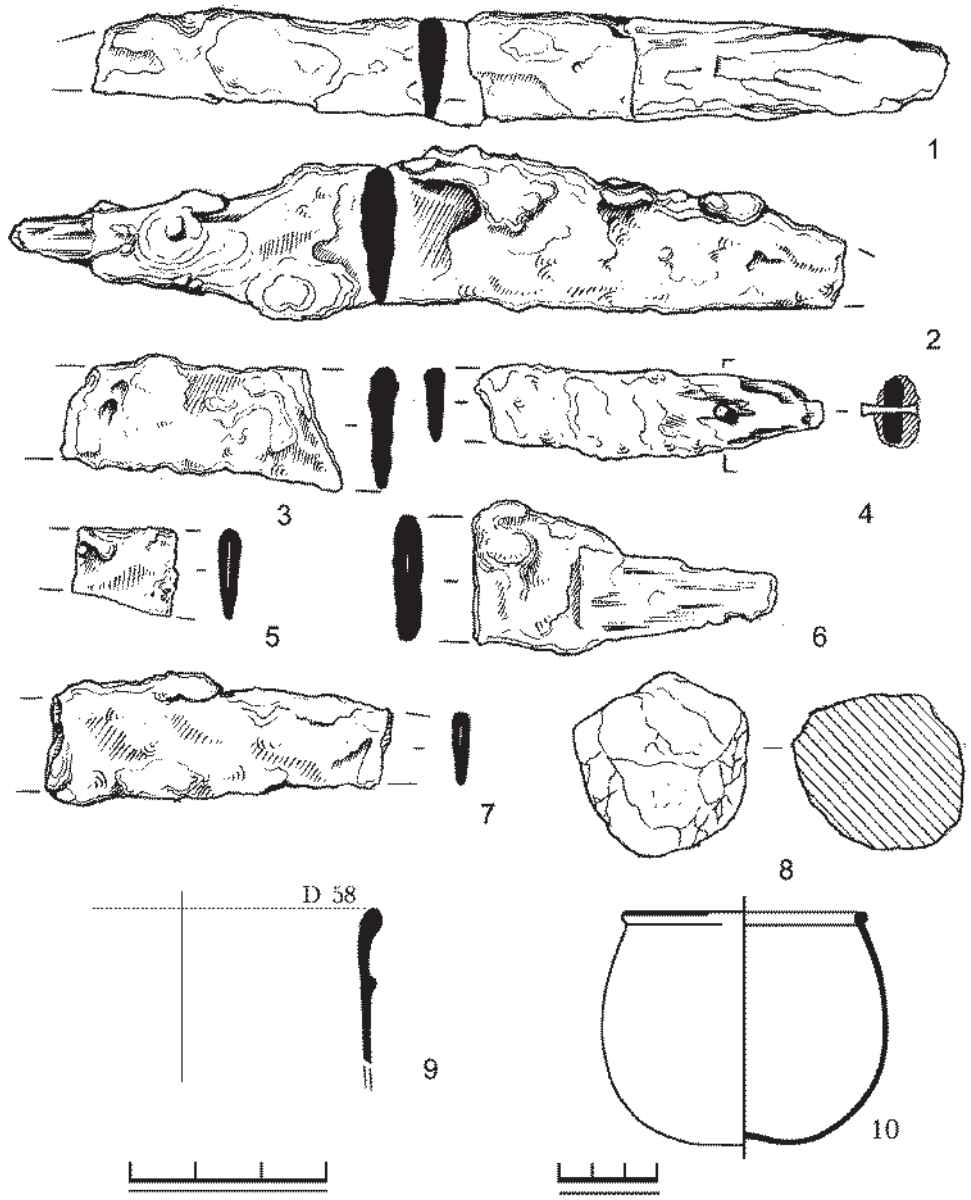

Рис. 5. Склеп № 222. Погребальный инвентарь:
1-7 – ножи железные; 8 – предмет стеклянный; 9 – сосуда стеклянного фрагмент; 10 – сосуд стеклянный

Пронизь бронзовая бочковидная, украшенная продольными врезными линиями (рис. 3, 22). Такие изделия Е. М. Алексеева объединила в тип 12 и датировала их II–III вв. н.э.[65]

Бусы цилиндрические из глухого белого стекла (2 экземпляра) (рис. 2, 1). Соответствуют типу 55 по Е. М. Алексеевой, которая датировала его второй половиной I–III в. н.э.[66] Представляют собой один из самых распространенных типов бус нейзацкого могильника.[67]

Бусы цилиндрические из глухого красного стекла (рис. 2, 23). Соответствуют типу 57 по Е. М. Алексеевой, датируются ей I–IV вв. н.э.[68] При раскопках могильника Нейзац найдено значительно больше тысячи бус такого типа.[69]

Бусина грушевидной формы из прозрачного синего стекла (рис. 2, 25). Она близка типу 162 Е. М. Алексеевой, датировавшей такие бусы II–III вв. н.э.[70]

Бусы бочковидные из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (2 экземпляра) (рис. 2, 6). Соответствуют распространенному в течение всего римского времени типу 2б по Е.М.Алексеевой.[71] Согласно наблюдениям А. А. Стояновой, количество бочковидных бус с металлической прокладкой в позднеримское время значительно сокращается и в погребениях они встречаются единичными экземплярами. Во время раскопок нейзацкого могильника найдено более сотни бус такого типа.[72]

Бусина бочковидная янтарная (рис. 2, 24). Е. М. Алексеева отнесла такие бусы к типу 5, датировав его, в основном, I–III вв. н.э.[73] В могильнике Нейзац несколько янтарных бочковидных бусин найдены в погребениях первой половины III в. н.э.[74]

Обломок бусины неправильной формы в виде искривленного четырнадцатигранника из полупрозрачного синего стекла. Соответствует типу 137 Е. М. Алексеевой, датированному II–III вв. н.э.[75]

Хронологические позиции вещей, а также их стилистические особенности со всей очевидностью указывают на то, что склеп использовался в первой половине III в. н.э. Возможно, захоронения в нем совершались и во второй половине столетия.

Многочисленные аналогии в подкурганных сарматских памятниках, так же как и стилистические особенности вещей из склепа № 222 свидетельствуют о постоянных контактах жителей крымских предгорий с населением степных районов Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Можно утверждать, что сбруя верхового коня на огромных территориях от Казахстана на востоке до Подунавья на западе, включая Предкавказье и предгорный Крым, в позднесарматское время была практически одинакова. В то же время, уже довольно давно подмечено, что снаряжение, которое подбирал своему коню едва ли не каждый всадник, отличалось незначительными индивидуальными особенностями.[76] Они выражались: а) в различных сочетаниях общих для всей культуры элементов сбруи; б) в использовании редких или даже уникальных вещей; в) в конструктивных или орнаментальных отличиях одинаковых, в принципе, артефактов (например, петли к лунницам могли припаиваться или прикрепляться заклепками, пряжки могли иметь граненые или гладкие рамки, наконечники ремней одинаковой формы могли фасетироваться или оставаться гладкими и т.д.). Со стороны эти отличия были, вероятно, не особенно заметны и в глазах окружающих все кони выглядели снаряженными примерно одинаково.

Склепы, состоящие из прямоугольных входных ям, коротких дромосов и прямоугольных или трапециевидных погребальных камер, составляли в IV в. н.э. большую часть погребальных сооружений крымских предгорий. Благодаря раскопкам могильника Нейзац удалось выяснить, что первые погребальные сооружения такой конструкции появились в Крыму еще в первой половине III в. н.э.[77] В ту пору единичные склепы располагались среди сотен подбойных и грунтовых могил. Публикуемый склеп также принадлежал к числу редких погребальных сооружений этого

типа. Накопление фактов о распространении склепов подобной конструкции в предгорном Крыму имеет важное значение для исторических реконструкций.

За последние годы была довольно подробно обоснована гипотеза о том, что в склепах с короткими дромосами хоронили мигранты с Северного Кавказа, чьи, оставшиеся на прежних местах соплеменники стали предками средневековых кавказских алан.[78] Открытие ранних склепов позволяет развить эту гипотезу, добавить к ней существенный нюанс. Первые, немногочисленные группы кавказских мигрантов стали прибывать в Крым еще в первой половине III в. н.э. Они селились среди численно преобладавших сарматов. Когда, в конце III – начале IV в. н.э., началось массовое переселение кавказских алан, они застали в крымских предгорьях своих соплеменников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Определил и описал монету Н. А. Алексеенко, за что приношу ему глубокую благодарность.
2. *Орлов К. К.* Ай-Тодорский некрополь //Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 112–119. Рис. 6,3.
3. *Храпунов И. Н.* Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin, 2002. С. 56. Рис. 99, 8.
4. Об эволюции пряжек позднеримского времени см.: *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени //МАИЭТ. Вып. I. Симферополь, 1990. С. 27, 28; *Амброз А. К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей //Боспорский сборник. 1. М., 1992. С. 12; *Абрамова М.П.* Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков нашей эры //МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998. С. 216; *Малашев В. Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени //Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 195, 196, 209; *Васильев А. А., Дзиговский А. Н.* Еще раз к хронологии позднейших сарматских древностей Буджака //Stratum plus. 2001-2002. №4. С. 318, 319; *Храпунов И. Н.* Ук. соч. С. 50.
5. *Труфанов А. А.* Подбойные могилы III в. н.э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) //ССб. С. 502. Рис. 4, 1.
6. *Безуглов С. И.* Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье //СА. 1988. №4. С. 107. Рис. 3, 20, 21.
7. *Храпунов И.Н., Мульд С. А.* Склепы с погребениями III в. н.э. из могильника Нейзац //Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь, Керчь, 2004. С. 302. Рис. 5, 9–11.
8. *Храпунов И. Н.* Ук. соч. Рис. 73, 5; 75, 15; 80, 4, 7; 143, 5; 170, 5; 177, 2; 182, 2.
9. *Высотская Т. Н.* Склепы могильника Совхоз №10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии //МАИЭТ. Вып.VI. Симферополь, 1998. Рис. 5, 14.
10. *Безуглов С. И.* Воинское позднесарматское погребение близ Азова //Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 14. Азов, 1997. С. 137. Рис. 2, 11, 12.
11. *Малашев В. Ю.* Ук. соч. С. 198.
12. *Мошкова М. Г.* Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан) //Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001. С. 238. Рис. 3, 3.
13. *Зайцев Ю. П.* Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах //Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 102. Рис. 58, 5.
14. *Храпунов И. Н., Мульд С. А.* Ук. соч. С. 302. Рис. 6, 4.
15. *Малашев В. Ю.* Ук. соч. С. 197, 199, 200, 207-209.
16. *Мульд С. А.* Позднесарматское погребение в центральном Крыму //МАИЭТ. Вып.

VIII. Симферополь, 2001. С. 54. Рис. 3, 2.
17. *Храпунов И. Н., Мульд С.А*. Ук. соч. С. 302. Рис. 5, 1–4.
18. *Безуглов С. И.* Воинское позднесарматское погребение … . С. 134. Рис. 2, 17.
19. *Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В.* Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001. С. 19, 103. Табл. 15, 234.
20. *Хайрединова Э. А.* Обувные наборы V–VII вв. из юго-западного Крыма //МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003. Рис. 2, 3; 6, 12–14; 9, 2, 4, 7, 9.
21. *Храпунов И. Н.* Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) //Боспорские исследования. Вып.III. Симферополь, 2003. С. 331. Рис. 3, 7, 8.
22. *Масленников А. А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 36. Рис. 52, 23, 24.
23. *Кузнецов В. А*. Погребения III в. из Кисловодска //СА. 1990. № 2. С. 253. Рис. 1, 3; *Абрамова М. П.* Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М., 1997. С. 27. Рис. 15, 17.
24. *Мунчаев Р. М*. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии //СА. 1965. № 2. С. 182. Рис. 3, 7, 8; Абрамова М. П. Ранние аланы … . С. 9. Рис. 2, 9.
25. Г*удкова А. В., Редина Е. Ф.* О сарматском могильнике Градешка в низовьях Дуная //Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. VII. Запоріжжя, 1999. С. 184. Рис. 5, 15, 16, 25, 26.
26. *Храпунов И. Н.* Могильник Дружное … . С. 44. Рис. 95, 11.
27. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н.э. Киев, 1984. Рис. 14, 9.
28. *Безуглов С. И., Ильяшенко С. М.* Богатое погребение гуннской эпохи близ Танаиса //*Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В.* Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001. С. 78–80. Табл. 86, 1084, 1085.
29. *Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М*. Утамышские курганы //Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 57. Рис. 10, 8.
30. *Беспалый Е. И.* Погребения позднесарматского времени у г. Азова //СА. 1990. №1. С. 217. Рис.2,9.
31. *Малашев В. Ю.* Ук. соч. С. 197, 198.
32. *Мульд С. А.* Ук. соч. С. 54. Рис. 3, 4. Там же см. аналогии из различных позднесарматских комплексов.
33. См. напр. *Шульц П. Н.* Исследования Неаполя скифского (1945–1950) //История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. Рис. 14е.
34. *Храпунов И. Н.* Новые данные … С. 331. Рис. 3, 1–3, 6.
35. *Флеров В. С., Малашев В. Ю.* Сбруйный набор III в. из могильника Клин-Яр III (Кисловодск) //Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 Донецк, 2000. С. 13.
36. *Храпунов И. Н., Мульд С. А*. Ук. соч. Рис. 3, 12; 9, 21.
37. Некоторые аналогии см. *Храпунов И. Н.* Новые данные… С. 331.
38. *Храпунов И. Н.* Могильник Дружное … С. 44.
39. *Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 52. Рис. 14, 62.
40. *Максимов Е. В., Терпиловский Р. В.* Киевская культура //Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993. С. 113. Табл. XLIII; *Обломский А. М.* Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М., 2003. С. 13. Рис. 12, 8–10.
41. *Andrzejowski A.* Hryniewicze Wielkie – cmentarzysko z pogranicza dwych światyw //COMHLAN. Warsawa, 1999. P. 40.
42. *Гущина И. И., Засецкая И. П.* "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. С. 37, 70. Кат. № 433.
43. *Бетрозов Р.Ж.* Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабарди-

но-Балкарии //Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 116. Рис. 3, 5.
44. *Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С.* Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV) //Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991. С. 93. Рис. 6, 15.
45. *Бабенчиков В.П.* Чорноріченський могильник //Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 106. Рис. XIV, 7.
46. *Труфанов А.А.* Ук. соч. С. 497, 510. Рис. 2, 4; 9, 7.
47. *Храпунов И.Н., Мульд С.А.* Новые исследования могильников позднеримского времени в Крыму //Die spätrömishe Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungzeit in Mittel- und Osteuropa. Lódź, 2000. С. 507. Fig. 14, 28.
48. *Малашев В.Ю.* Ук. соч. С. 198, 200.
49. *Безуглов С.И.* Позднесарматское погребение …С. 103. Рис. 2, 14.
50. Мошкова М.Г. Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону //Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 76. Рис. 3.
51. *Максименко В.Е., Безуглов С.И.* Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой //СА. 1987. № 1. С. 183. Рис. 2, 6.
52. *Гущина И.И., Мошкова М.Г.* Курганы у с. Харьковка в Заволжье (раскопки Б. Н. Гракова и П. С. Рыкова в 1925, 1926 гг.) //Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 31. Рис. 4, 13, 14.
53. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Ук. соч. С. 52. Рис. 16, 12.
54. *Мульд С. А., Масякин В. В.* Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки //МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 12. Рис. 4, 8.
55. *Мульд С. А.* Ук. соч. С. 54, 55. Рис. 2, 10, 11.
56. *Храпунов И. Н.* Могильник Дружное … С. 16. Рис. 73, 16.
57. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Ук. соч. С. 36. Рис. 10, 7, 8.
58. *Храпунов И. Н.* Новые данные … С. 330. Рис. 3, 11–13.
59. *Храпунов И. Н.* Там же. С. 330. Рис. 3, 16.
60. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР //САИ. Вып. Д. 1–30. М., 1966. С.5.
61. *Скрипкин А. С.* Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) //СА. 1977. №2. С.107; *Абрамова М.* П. Фибулы Хумаринского могильника (II–III вв. н.э.) //Историко-археологический альманах. 2. Армавир; М., 1996. С. 102, 103; *Труфанов А. А., Колтухов С. Г.* Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в юго-восточном Крыму //Stratum plus. 2001–2002. № 4. С. 292.
62. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Поселение и могильник римского времени Молога II //Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982. Рис. 8, 7.
63. *Храпунов И. Н.* Могильник Дружное… С. 42. Рис. 143, 27.
64. См., например, в Кишпеке: *Казанский М. М.* Могилы алано-сарматских вождей IVв. в Понтийских степях //МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994. Рис. 7, 10.
65. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья //САИ Г1-12. М., 1982. С. 24.
66. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья //САИ Г1-12. М., 1978. С. 67.
67. *Стоянова А. А.* Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) //Боспорские исследования. Вып. V. Симферополь; Керчь, 2004. С. 268.
68. *Алексеева Е. М.* Античные бусы…, 1978. С. 67.
69. *Стоянова А. А.* Ук. соч. С. 268.
70. *Алексеева Е. М.* Античные бусы…, 1978. С. 72.
71. Там же. С. 30.
72. *Стоянова А. А.* Ук. соч. С. 286, 287.

73. *Алексеева Е. М.* Античные бусы…, 1978. С. 24.
74. *Стоянова А. А.* Ук. соч. С. 292, 293.
75. *Алексеева Е. М.* Античные бусы…, 1978. С. 70.
76. *Мошкова М. Г.* Два позднесерматских погребения … С. 76; *Безуглов С. И.* Позднесарматское погребение … С. 110.
77. *Храпунов И. Н., Мульд С. А.* Склепы с погребениями… .
78. *Айбабин А. И.* Ук. соч. С. 66; *Пиоро И. С.* Крымская Готия. Киев, 1990. С. 139; *Храпунов И. Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке. //Боспорские исследования. Вып. VI. Симферополь, Керчь, 2004. С. 138, 139.

I.N. KHRAPUNOV

CRYPT OF THE 3RD CENTURY AD FROM NEIZATS BURIAL GROUND

The entry submits the publication upon the crypt of 3rd century A.D. from Neizats burial ground. The first excavations of this burial ground had been made in 1927. The systematic researches began in 1996. The monument is located in the center of the Crimean foothills, 25 km. far to the southeast from Simpheropol. The recorded data of the research for the crypt characterize late Sarmat archeological culture in its Crimean variant.

И.И. ВДОВИЧЕНКО (Симферополь)

РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК К. К. КОСЦЮШКО-ВАЛЮЖИНИЧА В СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАПОВЕДНИКА ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ

Имя Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича (1847-1907), основателя Херсонесского музея, навечно вписано в историю изучения Херсонеса Таврического. Инженер по образованию, «начитанный в области крымской археологии, влюбленный в Херсонес и преданный этой любви до конца своих дней»[1], он руководил раскопками с 1888 г., когда раскопки в Херсонесе были переданы в ведение императорской Археологической комиссии, и до самой смерти своей в 1907 г. Им были открыты известные археологические памятники античного Херсонеса – оборонительные стены, монетный двор IV в. до н.э., жилые дома, производственные мастерские, некрополь. Собранные за 19 лет плодотворных исследований богатые коллекции предметов древности до сих пор не введены в научный оборот. Это связано как с депаспортизацией материалов после смерти К. К. Косцюшко-Валюжинича, так и с огромным объемом материала.

Частично некоторые яркие находки привлекались исследователями для исследования отдельных аспектов изучения истории и культуры древнего города. Так, материалы из раскопок некрополя и городища были проанализированы В. Д. Блаватским в рецензии на книгу Г. Д. Белова «Херсонес Таврический»[3]. Его внимание привлекли фрагменты керамики и целые сосуды, датирующиеся третьей четвертью VI в. до н.э. – первой половиной V в. до н.э. В. Д. Блаватский связывал такие на-

ходки с существованием здесь стоянки кораблей и эмпория греческих купцов. Большую роль в привлечении внимания научной общественности к находкам расписной керамики из Херсонеса сыграли работы А. А. Зедгенидзе[4], которая опубликовала группу наиболее ярких фрагментов, в том числе и из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, дополнив перечень В. Д. Блаватского, и дала общую классификацию херсонесской расписной посуды. Кроме этого, она предприняла попытку топографического анализа этих находок и сделала на этом основании выводы об изменении границ древнего города[5]. М. И. Золотарев, положивший начало тщательному и детальному изучению ранних групп привозной керамики Херсонесского городища и, в особенности, ионийской, также привлекал материалы К. К. Косцюшко-Валюжинича[6]. Недавно в работе Р. В. Стоянова[7] была проанализирована керамика из некрополя, в том числе и из раскопок основателя херсонесского музея. И. В. Шталь включила в многотомный свод мифо-эпических сюжетов на вазах «керченского стиля» 35 обломков сосудов из этой коллекции[8]. Однако полного представления об этой коллекции не было. Необходимость создания каталога и детального анализа всего материала созрела уже давно, тем более, что среди находок есть редкие и очень важные для истории города экземпляры – фрагменты чернофигурной посуды начиная с середины VI в. до н.э., фрагменты панафинейских амфор, скифосов с совой и других вотивных и культовых сосудов, проливающих свет на вопросы религиозной и культурной жизни города, времени возникновения первых поселений или поселения на его территории. Эта статья представляет собой краткий очерк работы по созданию каталога расписной керамики из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, проведенной совместно с сотрудниками фондов и архива заповедника* в течение 2004-2005 гг. Всего было каталогизировано более 1000 фрагментов и несколько целых сосудов. В архиве были найдены негативы с изображениями утерянных в годы войны вещей. Каталогизация позволила сразу определить, как распределятся фрагменты сосудов по типам: амфоры – 6; кратеры – 515; пелики – 77; аски -102; леканы – 80; лекифы – 38; скифо-килики – 119; скифосы – 137; скифосы коринфского типа – 20; рыбные блюда – 18; гуттусы-фидеры – 2; канфар – 2; килики – 7; ойнохойи – 7; гидрии – 2. Некоторые фрагменты не удалось определить из-за их маленького размера. Очевидно, что наиболее многочисленны в этой выборке кратеры и сосуды для питья. Много сосудов для масла – асков, лекифов, пелик.

Локализация находок по отдельным районам древнего города проблематична, но не бесперспективна. На протяжении 19 лет К. К. Косцюшко-Валюжинич исследовал многие участки территории городища и некрополя, но упоминания в его отчетах о находках расписных и даже чернолаковых сосудов единичны. Так, в 1888 году были предприняты систематические исследования участков к востоку и западу от центральной части древнего города: в частности в западной части городища у морского берега по направлении от большой приморской базилики к Херсонесской бухте (рис. 1, 1) была обнаружена чернолаковая посуда[9]. В следующем, 1889 году – во время раскопок в западной части города по направлению древней улицы, под средневековым слоем были найдены стены и цистерны античного времени, также были найдены фрагменты чернолаковой керамики (рис. 1, 2)[10]. В 1892 году во время раскопок между южной монастырской стеной и берегом Херсонесской бухты (рис. 1, 3) найдены остатки стен античного времени, среди других находок отмечены фрагменты чернолаковой посуды[11]. В этом же году на северном берегу доследовался небольшой средневековый храм, смежный с Уваровской базиликой (рис. 1, 4). На береговой полосе, занятой храмом, был обнаружен культурный слой древнего Херсонеса, найдены монеты Керкинитиды, Амиса, Пантикапея, Херсонеса и три фрагмента расписных сосудов[13]. В 1895 году на северном берегу, между морем и монастырским садом (рис. 1, 6), по соседству с купальней обнаружен античный слой, ко-

* Благодарю Г. И. Жесткову и Т. Дианову за помощь и поддержку.

Рис. 1. Места обнаружения расписной керамики в раскопах К.К.Косцюшко-Валюжинича

торый К. К. Косцюшко датировал IV в. до н.э., среди находок – чернолаковая посуда с рисунками и без них, тарелка со свинцовыми скрепками[14]. В 1901 г. при доследовании главных и боковых нефов Уваровской базилики (рис. 1, 7) были найдены многочисленные фрагменты керамики роскошного стиля[15], очевидно, здесь были жилые кварталы античного города. Многочисленные материалы конца V–IV вв. до н.э. в том числе и расписная керамика происходят из раскопок агоры в 1903 г.[16] (рис. 1, 8). В 1904 г. при раскопках внутри монастырской усадьбы (рис. 1, 5) были найдены обломки краснофигурных сосудов[17].

Открытый в 1891 г. на северном берегу у южной стены некрополь (рис . 1, 9) дал значительное количество находок, в том числе и расписной керамики – типичные для некрополя сосуды, которые традиционно использовались в погребальном обряде: лекифы, кратеры, гуттусы-поилки из детских погребений. В 1899 г. раскопки велись по ту и другую сторону стены между монастырскими воротами и проломом для сообщения с Карантинной бухтой.

Раскопки некрополя у Карантинной бухты (рис. 1, 10) также дали чернолаковую и расписную керамику.

Некрополь у монастырских ворот который действовал с конца V в. до н.э. (рис. 1, 11) дал несколько находок, в том числе фрагмент великолепного кратера с изображением состязания Аполлона и Марсия, расписанный мастером Лондон F64[18] и датирующийся началом IV в. до н.э. Из какого именно погребения 1904 года (№1524-1553) он происходит, к сожалению, неясно[19]. Знаменитый краснофигурный кратер своеобразной формы (типа Фалаев) с дионисийской сценой[20], происходит из раскопок некрополя к югу от крестообразного храма (рис. 1, 12), склеп в скале, урна №1517. Сейчас сосуд хранится в Эрмитаже. Внутри монастырской ограды, на древнем акрополе в 1903 г. были обнаружены гуттус с дырочками на щитке с изображением лебедя и пантеры (поздний V в. до н.э.) и рыбное блюдо класса В (Мастер рыбного блюда из Упсалы инв. №КВ 206), датирующееся началом IV в. до н.э.[21] Таким образом, расписная керамика из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича происходит главным образом из центральной и северо-восточной части городища, а также из исследованных им некрополей.

Примечательно, что значительную часть выборки представляют ранние группы керамики – чернофигурной и краснофигурной раннеклассического, классического стиля, при численном преобладании керамики «керченского стиля».

Уже В. Д. Блаватский обратил внимание на 5 чернофигурных лекифов которые происходят из раскопок некрополя проведенных К. К. Косцюшко-Валюжиничем[22]. Эти сосуды хранятся сейчас в разных коллекциях: в Киеве (Исторический музей, №7090) и в Национальном заповеднике «Херсонес Таврический». Лекиф из Киевского Государственного музея с изображением гоплита, стоящего между двумя фигурами в гиматиях В. Д. Блаватский датировал последней третью VI в. до н.э.

Два сосуда (инв. 3207 и 3208 (рис. 2, 1), украшающих экспозицию античного отдела, опубликованы А. Зедгенидзе[23]. Эти и остальные сосуды – маленькие цилиндрические лекифы, декорированные гирляндами плюща, которые относятся к группе Белдем и датируются 2 четвертью V в. до н.э. Также датируется фрагмент цилиндрического лекифа инв. 35372/198, с туловом, украшенном полосками (рис. 2, 2).[24]

Опубликованный В. Д. Блаватским, а затем А. А. Зедгенидзе[25], фрагмент килика (инв. КВ-208) из раскопок Косцюшко-Валюжинича с изображением пантеры относится к числу работ мастера Тлесона и датируется третьей четвертью VI в. до н.э. Фрагменты стенок двух мелкофигурных киликов также опубликованы А. А. Зедгенидзе. Один с орнаментальным декором – пальметты и бутоны лотоса (инв. 35272), датируется первой половиной V в. до н.э.[26] Другой декорированный геометризованным орнаментом в виде ветки плюща с точками(№3208/9), принадлежит к группе Друп (The Droop Group) (рис. 2, 3). Аналогичный сосуд (инв. М-89 С 138/13 №120), хранящийся в ГМИИ, датируется 540-520 гг. до н.э.[27] Интересен фрагмент ойнохои инв. КВ-180 (рис. 2, 4), на который уже обратила внимание А. А. Зедгенидзе[28]. На лицевой стороне сосуда с выделенными плечиками было, очевидно, изображение воина со щитом в руках, стоящего в храме (часть распространенной композиции: один персонаж, сидит или возлежит на клине, с двух сторон его фланкируют двое воинов). Перед щитом слева – капитель колонны(?) и помещенная на стенке храма гирлянда. К сожалению, фрагментарность изображения не дает возможности подыскать ему точную аналогию. Однако декор на горлышке, обрамление рисунка шашечным орнаментом из точек и параллельных линий очень близки орнаментации ойнохои из Национального музея Неаполя №86357. Роспись сосуда относится к кругу мастера Афины и датируется второй четвертью V в. до н.э.[29]

При внимательном изучении коллекции удалось выявить и другие сосуды, относящиеся к архаической эпохе. Среди них венчик кратера инв. 35272/34 (рис. 2, 5). Орнамент на венчике – зигзагообразные косые линии – характерен для поздней группы коринфской керамики и для аттических сосудов середины VI в. до н.э. Точ-

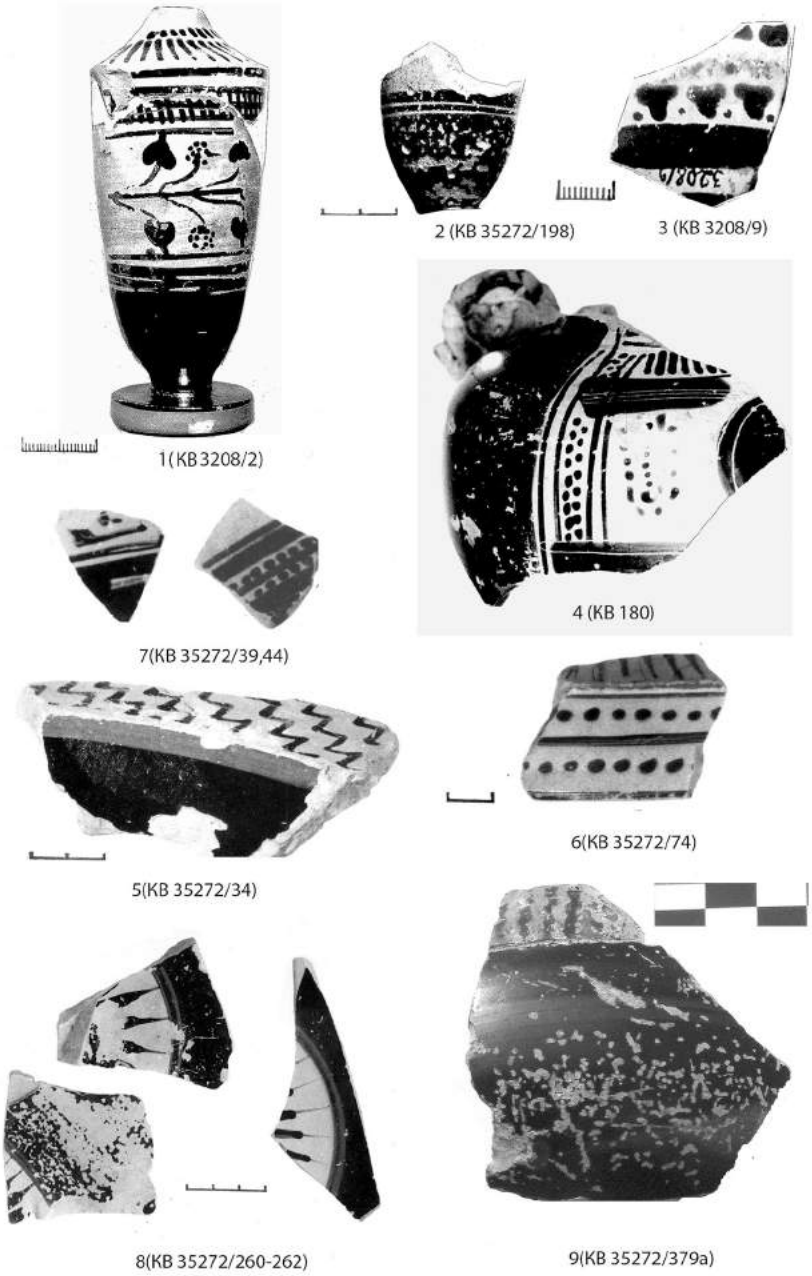

1(КВ 3208/2)
2 (КВ 35272/198)
3 (КВ 3208/9)
4 (КВ 180)
7(КВ 35272/39,44)
6(КВ 35272/74)
5(КВ 35272/34)
8(КВ 35272/260-262)
9(КВ 35272/379a)

Рис. 2

ная аналогия – кратер из ГМИИ М-640, который датируется серединой VI в. до н.э.[30] Другой венчик кратера (инв. 35272/74) с двумя рядами точек на боковой стороне и плетенкой из лотоса вверху (рис. 2, 6) имеет многочисленные аналогии, которые датируются 510-500 гг. до н.э.[31] К этому же времени относятся небольшие фрагменты кратера инв. 35272/39 и килика инв. 35372/44 (рис. 2, 7, 8)

К раннему V в. до н.э. относятся леканы с лучевым орнаментом вокруг ручки, опоясанным кругами, нанесенными пурпуром. В коллекции есть несколько фрагментов крышек таких леканы. Один из них – инв. 3199 был опубликован А. А. Зедгенидзе[32]. Обнаружены и другие фрагменты таких сосудов – крышек (инв. 35272/ 260-262) (рис. 2, 8) и фрагмент тулова с зигзагообразными линиями по краю (инв. 35272/ 379а) (рис. 2, 9).

Среди чернофигурной керамики из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича особняком стоят фрагменты чернофигурных панафинейских амфор позднеклассического времени*. В архиве музея сохранился негатив (№609) (рис. 3, 1-3) с изображением 4 фрагментов оборотной стороны по меньшей мере 3 амфор. На двух были изображены состязания по бегу: на первой (слева) – атлет, бегущий вправо, на второй (в центре) видны ноги двух атлетов, бегущих влево, на третьей – спокойно стоящий атлет с диском в правой руке (2 склеенных фрагмента). Стилистически роспись этих амфор близка и может быть отнесена к поздней серии подписных амфор IV в. до н.э. – серии Никомаха, архонтство Кефисодота II (323-322 гг. до н.э.)[33]. Однако фрагмент с двумя бегунами может быть сопоставлен и с амфорами серии Никократа (333-322 гг. до н.э.), особенно с амфорой из Лондона (Британский музей), на которой также изображен длинный бег[34]. Бегуны движутся более спокойно, наступая всей ступней на землю. Мускулатура показана длинными линями с завитком на конце. Эти фрагменты, к сожалению, утеряны. Но среди материалов Косцюшко-Валюжинича удалось найти еще несколько обломков стенок, принадлежащих нескольким амфорам, в том числе возможно и тем, изображения которых сохранились на архивном снимке. Эти фрагменты (их 10, некоторые склеились) имеют №35372/247 (рис. 3, 4-9). Изображения сохранились лишь на некоторых : а)фрагменты стенки на которой видна часть ноги стоящего атлета – от уровня ниже колена до стопы (рис. 3, 9). В таком ракурсе изображают атлетов – борцов[35]. Характерной особенностью этих фрагментов является то, что край рисунка оконтурен полоской жидкого лака, а не врезной линией, как на большинстве остальных б) фрагменты с изображением одежды судьи (рис. 3, 4) к нему близки по цвету лака и глины другие фрагменты с краем очерченным врезной линией, в том числе и утраченные фрагменты с изображением бегунов в) фрагменты с изображением столбика около которого поворачивали бегуны во время двойного бега (рис. 3, 6).

Сам факт находки фрагментов панафинейских амфор конца IV в. до н.э. в Херсонесе очень важен. Он свидетельствует об участии херсонеситов в панэллинских Панафинейских состязаниях, высоком уровне физической культуры в городе.

К краснофигурной керамике позднеархаического времени можно отнести только обломок стенки краснофигурного кратера (инв. 35272/35) (рис. 4, 1) с чернофигурным орнаментом в виде гирлянды плюща, которая обрамляет поле рисунка сбоку. На основании аналогий[36] его можно датировать его 490-470 гг., поскольку в более позднее время орнаментальные мотивы выполнятся уже в краснофигурной технике. Зато раннеклассический период (вторая четверть V в. до н.э.) представлен уже несколькими типами сосудов. Это обломок амфоры с выделенными плечиками, на которых изображены торсы двух юношей. Над рисунком – поясоков (инв. 3211). Он опубликован А.А.Зедгенидзе[37], отметившей архаические черты в росписи вазы. Со своей стороны замечу, что ее роспись близка рисунку на амфоре с Афинской агоры (P 21289), которая датируется 460-450 гг. до н.э. и считается близкой кругу

* Приношу свою благодарность Томасу Меннеку сотруднику Архива Бизли (Оксфорд) за ценные советы и помощь в определении этих фрагментов.

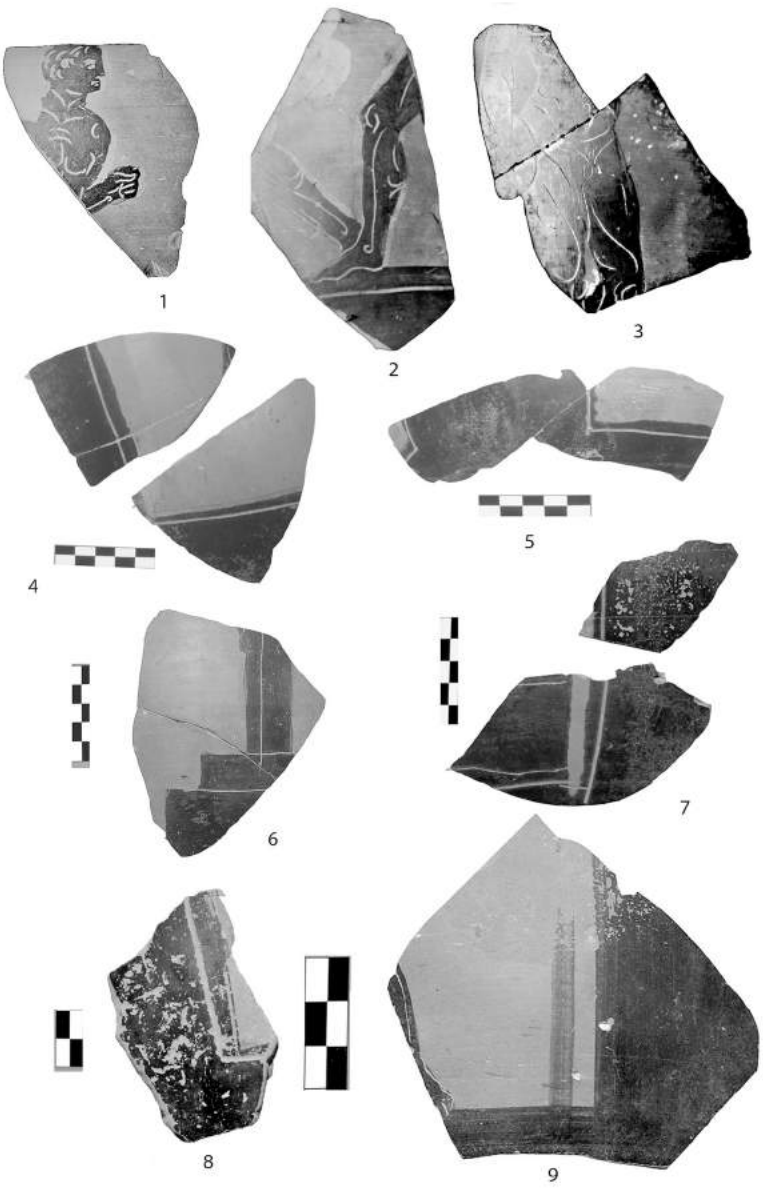

Рис. 3. 1-3 - архивный снимок (нег.№ 609); 4 - 9 - КВ 35272/247

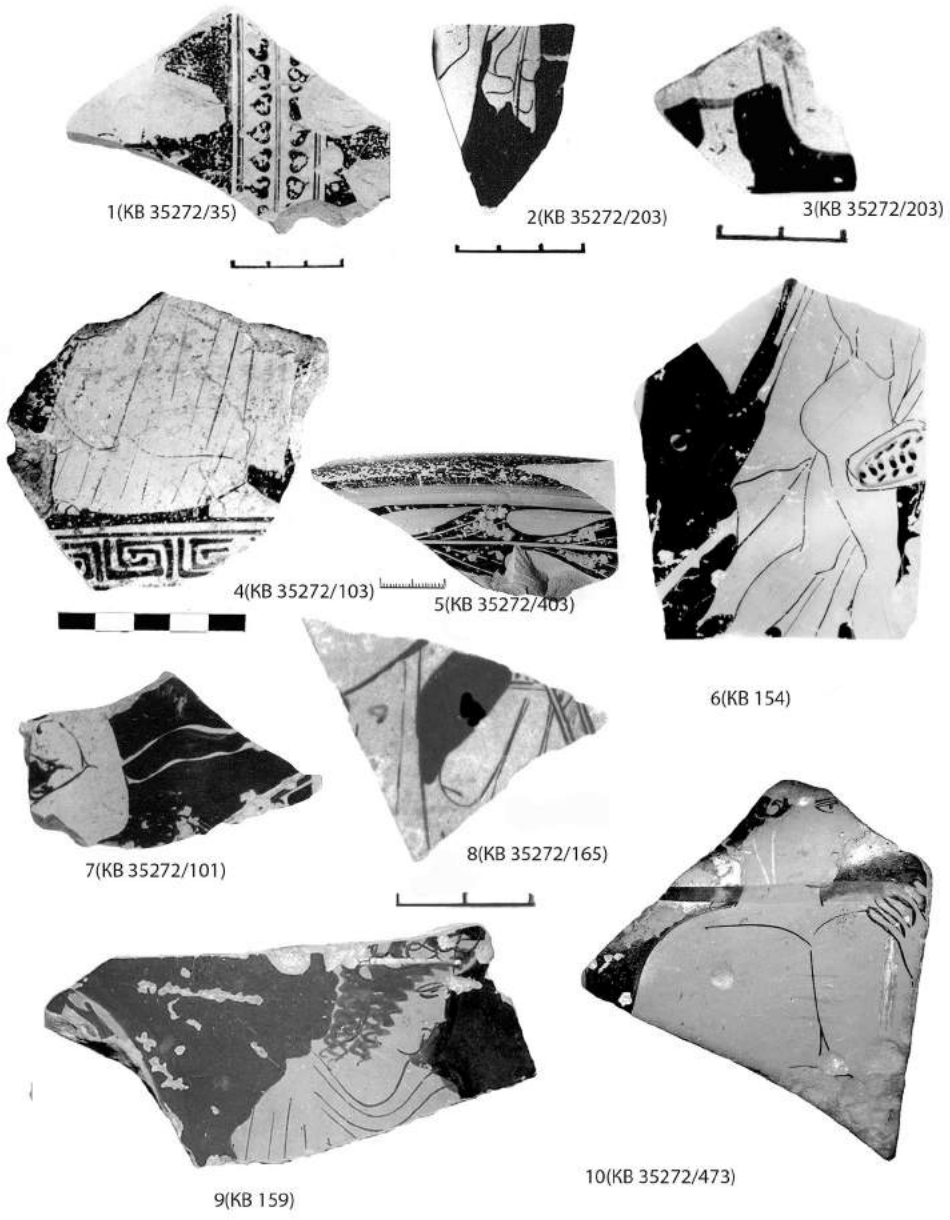

1(KB 35272/35)
2(KB 35272/203)
3(KB 35272/203)
4(KB 35272/103)
5(KB 35272/403)
6(KB 154)
7(KB 35272/101)
8(KB 35272/165)
9(KB 159)
10(KB 35272/473)

Рис. 4

Мастера Флоренс[38]. Фрагмент такой же амфоры (участок перехода от горла к тулову) с фризами ов обнаружен в фондах заповедника (инв. 35272/50). На фрагменте стенки амфоры (инв. КВ 35272/203) изображены ноги стоящего обнаженного мужчины в коротком плаще – хламиде (рис. 4, 2). Манера изображения складок близка работам мастера Алкимаха[39] и может быть датирована 460-450 гг. до н.э. На стенках кратеров инв. 35372/219 (рис. 4, 3) и 35372/103а (рис. 4, 4) изображены ноги и нижняя часть гиматия стоящего и движущегося вправо персонажей, судя по аналогиям, сосуды могут быть датированы 470-460 гг. [40]

К середине V в. до н.э. можно отнести обломки еще двух кратеров – фрагмент венчика с ветвью оливы (инв. 35372/403) (рис. 4, 5) и фрагмент (инв. 35272/165), на котором сохранилась часть изображения пластинчатой юбки-панциря (края панцирных пластинок – округлые, пояс украшен точечным орнаментом к нему приторочен меч) (рис. 4, 8). Аналогичное защитное снаряжение изображено на чаше мастера Пентесилеи[41]. Кроме больших краснофигурных ваз, расписанных популярными мастерами вазописи, широко использовались в быту и более дешевые сосуды с простой росписью, например скифосы с совой, в Афинах они нередко служили вотивами и приносились в дар Афине Полиаде. В коллекции имеется 3 фрагмента таких сосудов. Самый крупный фрагмент верхней части сосуда инв. № 35272/95 (рис. 6, 5) датируется третьей четвертью V в. до н.э. и относится к группе III[42] два остальных (35272/318 и 369) представляют собой фрагменты нижней части стенок с изображением оливковой ветви. Есть два фрагмента канфаров группы St-Valentin, украшенных растительным и геометрическим орнаментом выполненным в краснофигурной технике и накладными красками – в основном желтой и белой. Более крупный обломок верхней части сосуда КВ-3316/7. (рис. 6, 6) имеет аналогию в Эрмитаже (инв. Б. 1728) и относится к VII группе по С. Ховарду и Ф. Джонсону[43], датирующейся третьей-четвертой четвертью V в. до н.э., а фрагмент стенки инв. 35272/334 (рис. 6, 7) с сохранившейся частью орнамента в виде ромбов, относится к I группе[44], которая датируется второй четвертью V в. до н.э. Лекифы второй половины V в. до н.э. единичны. Этот фрагмент верхней части тулова и горловины арибаллического лекифа инв. КВ-172 (рис. 10, 2). Довольно беглый рисунок с изображением женщины, которая идет вправо со шкатулкой в руке находит аналогии на сосудах с афинской Агоры, которые относят к числу работ мастера Вэл (the Well Painter), датирующихся 430-420 гг. до н.э.[45]

Еще более простой по декору лекиф с «гуськами» – полосой зигзагообразного орнамента в средней части тулова (рис. 10, 3) имеет широкий круг аналогий и датируется около 425 г. до н.э.[46]

Многочисленна и представительна группа сосудов свободного стиля. Хорошо представлена группа Полигнота. На фрагменте кратера (размеры 12,0×7,9 см) инв. КВ-154 (рис. 4, 6) изображен обнаженный юноша (комаст?), который идет вправо с посохом в левой и лирой в правой руках. На плечо наброшен гиматий. За спиной – нижняя часть изображения амфоры, которую несет следующий за ним персонаж. Возможно, что это работа самого Полигнота. Сюжет – комасты, которые возвращаются домой, обычен для него. Наиболее близки изображения на кратере из Агриенте и амфоре из Тель-Авива, которые относятся к раннему периоду творчества вазописца и датируются временем около середины V в. до н.э.[47] Кстати на обоих этих сосудах мы видим точно такую же остродонную амфору как и на фрагменте сосуда из Херсонеса – т. е. это тот же редкий вариант сюжета, в котором присутствует юноша, несущий амфору – οινοφόρος.

К группе Полигнота можно отнести и фрагмент стенки кратера инв. 35372/101 (рис. 4, 7) с изображением Сатира, бегущего влево. То, как изображен торс Сатира и его черный хвост похожи на рисунок на фрагменте чашевидного кратера с афинской Агоры (P 7282a), который М. Мур относит к группе Полигнота и датирует 440-430 гг. до н.э.[48] Очень красив торс юноши на фрагменте кратера с волютовид-

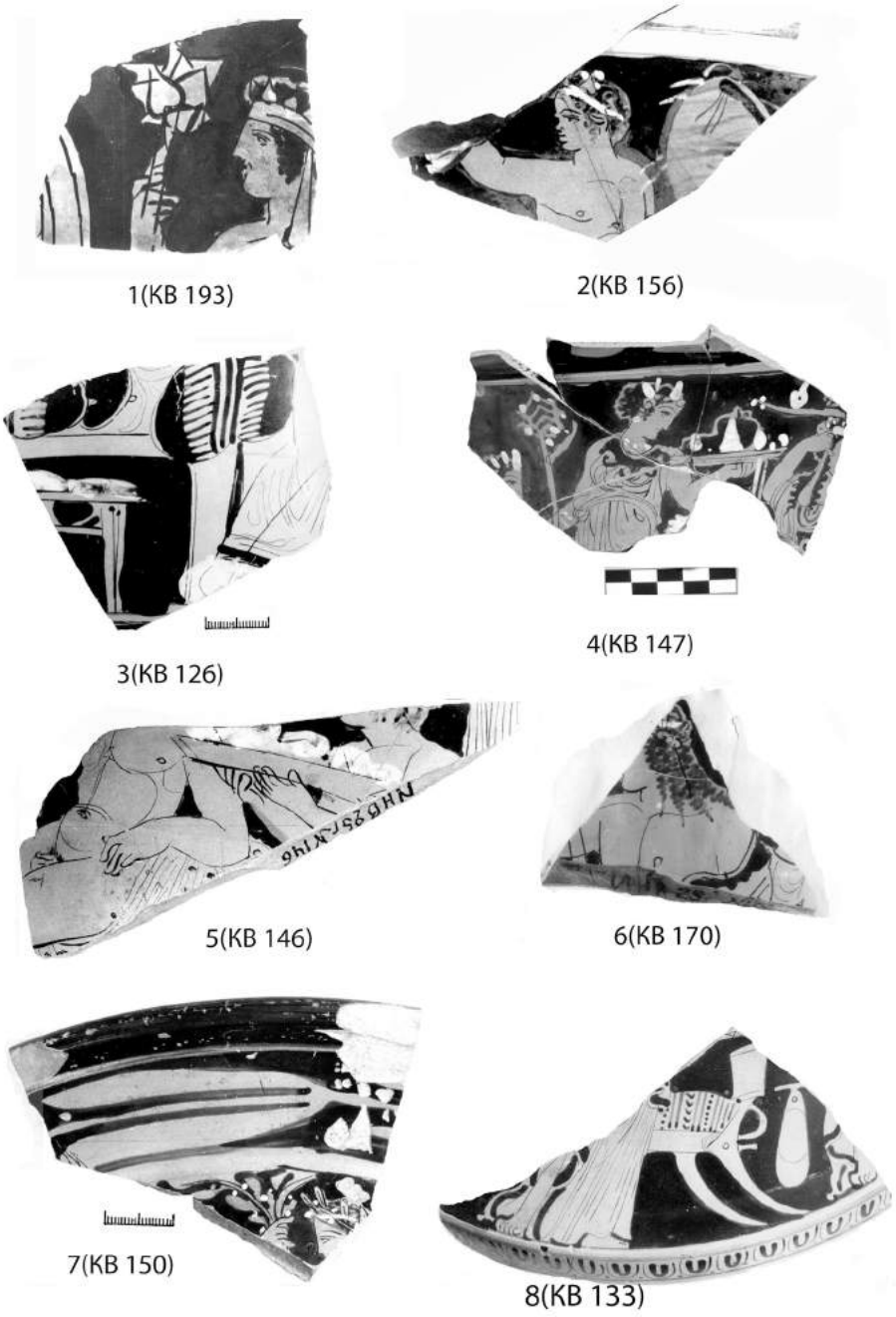

Рис. 5

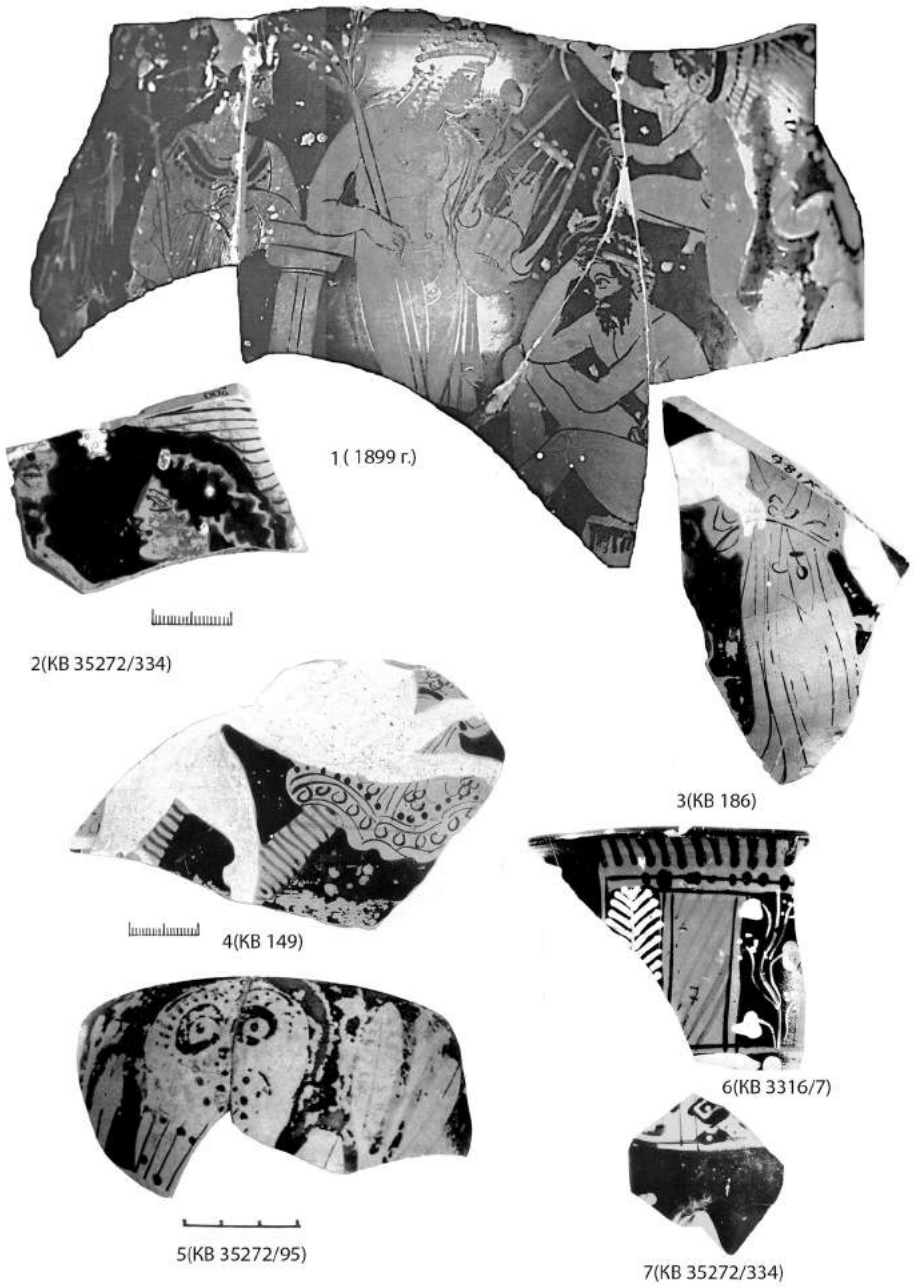

1 (1899 г.)
2(КВ 35272/334)
3(КВ 186)
4(КВ 149)
5(КВ 35272/95)
6(КВ 3316/7)
7(КВ 35272/334)

Рис. 6

ными ручками № 35272/473 (рис. 4, 10). Роспись относится к группе Полигнота, и ближе всего по стилю росписям Мастера Пантоксены, датируется около 440 г. до н.э.[49]

К началу последней четверти V в. до н.э. можно отнести фрагмент стенки кратера (инв. КВ-159, размеры 6,6×3,6 см), на котором изображен юноша в плющевом венке (голова в профильном повороте вправо, торс показан фронтально) (рис. 4, 9). Стилистически близко рисунку на кратере с афинской Агоры P 27303[50].

Весьма представительна группа расписных ваз последней четверти V в. до н.э. Выделяются работы мастера Диноса, принадлежавшего к младшему поколению учеников Полигнота. Возможно его рукой был расписан кратер, фрагмент стенки которого хранится в музее (инв. КВ-156, размеры 12,1×5,3 см) – молодой Силен с тимпаном в руках (рис. 5. 2). Изображение близко рисунку как на диносе из Берлина 2402[51], так и на колоколовидном кратере с афинской Агоры[52]. Эти сосуды датируются временем около 420 г. до н.э. К этому времени относится и фрагмент кратера инв. КВ-193 (размеры 5, 8×6,5 см) с изображением Диониса в профильном повороте влево (рис. 5, 1), которое весьма близко рисунку на диносе из Берлина[53]. Возможно, к кругу мастера относится и фрагмент кратера инв. КВ-126, размеры 11,0×8,1 см, (рис. 5, 3) с изображением ложа с подушками, столика с хлебцами перед ним, видны также нога и часть одеяния идущей вправо женщины (флейтистка?)[54]. К кругу другого известного вазописца конца 5 в. до н.э., мастера Прономоса можно отнести фрагмент кратера инв. КВ 150 (рис. 5, 7). На нем изображен Аполлон в венке и с ветвью лавра руке. Датировать этот рисунок можно около 420-410 г. до н.э. [55]

Другие сосуды конца V в. до н.э. – это фрагменты стенок кратеров: 1) инв. КВ-170 (рис. 5, 6) с изображением юноши в плаще с темной каймой по краю, стоящего в профильном развороте влево, 2) инв. КВ-147 (размеры 14,0×7,3 см) на котором сохранилась часть рисунка – Дионис на ложе, менада с фруктами и тирсом, сатир или другая менада (рис. 5, 4), 3) инв. КВ-153 (размеры 11,6×8,9 см) – менада держит в руке блюдо с фруктами, 4) инв. КВ-146 (размеры 13,0×4,0 см) – симпосиаст (или Дионис) и юноша с блюдом на котором – круглые белые хлебцы (рис. 5, 5)[56].

Леканы конца V в. до н.э. представлены фрагментом крышки инв. КВ 133 (рис. 5, 8). Женщина, стоящая в 3/4 вправо, справа от нее – стул – клисмос с точеными ножками, еще далее вправо – часть фигурки бегущей женщины[57].

Начало 4 в. – это время перехода к «керченскому стилю». Две основные линии сочетаются в вазописи этого времени – беглый стиль, для которого характерен простой схематичный рисунок и другой, продолжающий традиции роскошного стиля, с характерной для него полихромией, декоративностью, любовью к деталям, украшениям.

К числу таких работ можно отнести фрагмент кратера инв. КВ-200 (рис. 6, 2), на котором сохранилась часть изображения головы сатиры и менады, а справа – распахнутых крыльев Эрота[58]. Возможно к кругу мастера Оксфордской грифономахии относится фрагмент кратера инв. КВ-149 (рис. 6, 4): пешая амазонка сражается с грифоном[59].

Другой вазописец раннего IV в. до н.э. – мастер Лондон F 64 представлен фрагментами еще двух кратеров. Один из них, о котором уже говорилось выше, был найден в некрополе у монастырских ворот[60]. Состязание Аполлона и Марсия изображено на вазовом рисунке (рис. 6, 1). В центре композиции – Аполлон с четырехструнной лирой в левой руке и ветвью лавра в правой. Он стоит, опершись локтем о полуколонну(алтарь?). Удрученный поражением Марсий сидит перед ним на некоем условном возвышении, украшенном язычковым орнаментом. И Аполлон, и Марсий в венках. К победителю летит Эрот с лентой. Композицию обрамляют с двух сторон женские фигуры, одна из них держит в правой руке тирс, а левым локтем опирается на ту же полуколонну, что и Аполлон. Слева от нее видна рука еще одной женщины, держащая тении. Стилистически этот рисунок близок росписи

1 (КВ 3316)

2 (КВ 192)

3(КВ 197)

4(КВ 173)

5(КВ 145)

6(КВ 135)

7(КВ 157)

8(КВ 139)

Рис.7

кратера из Британского музея[61]. Другой фрагмент, инв. КВ-186 (размеры – 10,6×6,6 см), с изображением танцующей менады (рис. 6, 4) также можно отнести к кругу мастера Лондон F 64[62].

Роспись киликов и скифосов позднего V – раннего IV в. до н.э. часто представляют собой изощренные миниатюры. А. А. Зедгенидзе опубликовала килик инв. 35272/481[63]. На дне сосуда – медальон, окруженный орнаментом – правосторонний меандр, перемежаемый шашечным орнаментом. Сохранилась часть изображения плаща юноши-атлета, которое на основании аналогий можно отнести к 410-400 гг. до н.э. [64] На фрагменте придонной части другого килика, инв. КВ-192, размеры – 8,3×3,3 см – изображение юноши-атлета. Он стоит, опершись на столбик-мету[65]. Судя по орнаментированной ткани его хитона – это конец V в. до н.э. (рис. 6, 2). К этому же времени можно отнести и пропавший фрагмент скифо-килика инв. КВ 3316 с изображением Эрота (рис. 6, 1).

Скифосы IV в. до н.э. представлены в коллекции большим количеством измельченных обломков, рисунок их становится грубым и беглым. Скифосы аттического типа наиболее разнообразны, на них обычно изображены атлеты – палестриты. Так, на фрагменте инв. КВ 197(размеры – 6,5×5,9 см) изображен юноша в 3/4 развороте влево. Нога его стоит на возвышении, на голове – венок, на левую руку наброшен плащ, правая – на бедре, видно, что правая нога его стоит на возвышении. Перед ним руки женщины (Ники?). Ближайшая аналогия – Гермес на скифосе из афинской Агоры[66]. Во второй четверти IV в. были распространены скифосы F. B. Group, на которых бегло были нарисованы двое юношей – одетый в гиматий и обнаженный атлет. В коллекции представлены мелкие фрагменты в основном с изображением пальметт под ручками. Роспись ойнохой также так же часто относится к этой группе (рис. 9, 2). Есть небольшое количество скифосов коринфского типа с сетчатым орнаментом в нижней части тулова[67]

Скифо-киликов начало IV в. до н.э. в этой коллекции очень много, среди наиболее крупных и выразительных – фрагменты, расписанные мастером Милин и Иены 1) инв. КВ 173 – женщина в хитоне и гиматии, атлет, на стенке висит арибалл со свисающими с него тениями, нанесенный белой краской (рис. 7, 4). Мастер Миллин[68] 2)инв. КВ-145. Обнаженный атлет (в волосах – белая повязка) стоит у алтаря, протянув к нему руку (рис . 7, 5). За его спиной – пальметка. Мастер Иены[69].

Во второй четверти – середине IV в. до н.э. относятся многочисленные скифо – килики, расписанные мастером Q[70]. Рисунки его беглые и схематичные, но сюжеты достаточно разнообразны – Эрот и женщина (рис. 7, 6), менада и сатир (рис. 7, 7), юноши в гиматиях и атлеты (рис. 7, 8).

Расписные рыбные блюда были более всего популярны в IV в. до н.э. Не удивительно, что в таком городе, как Херсонес, где различные рыбные промыслы были очень развиты, найдено множество обломков рыбных блюд.

В коллекции К. К. Косцюшко-Валюжинича найдены блюда класса В, датирующиеся началом IV в. до н.э., с простым, но порой виртуозным рисунком и класса С, датирующиеся второй четвертью века, для росписи которых характерны живописные приемы – использование разбавленного лака, применение кисти. Удалось выявить работы нескольких мастеров, относящихся к этим двум классам. К классу В относятся работы Мастера рыбного блюда из Ларисы: 1. КВ 35372/184. Рыба(часть туловища с плавником и нижняя часть жабер) . 390-370 гг. до н.э.[71] 2. КВ 35372/321. Рыбного блюда фрагменты(2). Каракатица(?)и плавник рыбы. 3. КВ 35372/322. Рыбного блюда фрагмент стенки. Часть туловища рыбы с верхним и боковым плавниками. Сверху – волютообразный завиток. 4. КВ 35372/325. Рыбного блюда фрагмент стенки. Часть туловища и хвост рыбы. **Мастер рыбного блюда из Упсалы:** 1. 35372/323. Рыбного блюда фрагменты(2). Туловище рыбы с плавником. Начало IV в. до н.э.[72] 2. 35372/324. Рыбного блюда фрагмент. Две рыбы (часть туловища одной и плавника другой). Мастер Алькасер до Сал: рыбного блюда фрагмент Инв.

Рис. 8

№195, размеры 9, 8×6, 9 см. (рис. 11, 2). 5 небольших рыбок и часть изображения какого-то морского существа. Такое же целое блюдо инв. КВ-206 из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича опубликовано А. А. Зедгенидзе[73]. Остальные фрагменты с простым рисунком 35372/319, 35372/320, 310 из-за фрагментарности не поддаются более точной атрибуции.

Среди рыбных блюд класса С удалось выявить работы Мастера Рыбы скорпион. 1. Инв. КВ-142. Две рыбы и осьминог. Размеры – 9,5×6,1 см. Вторая четверть IV в. до н.э.[74] (рис. 11, 1). 2. КВ 187. Размеры – 12,5×9,0 см. Часть изображения 2-х рыб и еще одного неизвестного морского существа (рис. 11, 2). К числу работ Мастера рыбного блюда из Олинфа можно отнести фрагмент инв. 35372/182. Рыба (часть туловища с плавником). Вторая четверть 4 в. до н.э.[75]

Остальные фрагменты рыбных блюд представляют собой фрагменты бортиков или доньев и не идентифицируются.

Аски и лекифы из херсонесской коллекции, как и рыбные блюда в большинстве своем расписывались мастерами, которые работали в традициях беглого стиля и влияние нового, керченского стиля можно проследить лишь на отдельных экземплярах. В то же самое время самый красивый аск из этого собрания выполнен еще под влиянием роскошного стиля, таким утонченным миниатюристом, как мастер Иены[76]. На этом фрагментированном сосуде – инв. № КВ-184 (размеры3,2×2,9 см) сохранилось изображение Эрота с алабастром в руке и длинношерстой собаки (рис. 12, 1). Датируется аск концом V в. до н.э. Другие фрагменты, который можно отнести к этому же времени[77] – инв. КВ-138 (размеры 5,4×2,8 см) с сохранившимся изображением мальчика, ползущего вправо, перед ним – растительный завиток (рис. 12, 2) и фрагмент с веткой оливы инв. КВ 35272/136 (рис. 12, 6).

Очень много асков начала IV в. с изображением пантер и собак – инв. КВ 210—211 (рис. 12, 3-4), они широко распространены во всех районах античной ойкумены[78]. Аски середины – третьей четверти IV в. до н.э. относятся к группе Кембриджских асков[79], на них обычно рисовали головы амазонок – инв. КВ 35272/129 (рис. 12, 8), веточки – инв. КВ 35272/139 (рис. 12, 5). К третьей четверти века относятся аски с высоким туловом, украшенным умбоном в центре, вокруг которого – язычковый орнамент – инв. КВ 35272/137 (рис. 12, 7)[80].

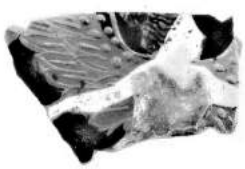
Лекифы, в массе своей происходящие с территории некрополя, делятся на три категории: лекифы с веерными пальметтами, как инв. КВ 3226 (рис. 10, 5), которые датируются от начала до третьей четверти включительно IV в. до н.э.[81], сетчатые лекифы группы Булас, как инв. КВ 3230 (рис. 10, 4) с такой же датировкой[82], лекифы керченского стиля, выполненные с применением полихромии, рельефа и позолоты, такие как инв. №КВ-3317 (рис. 10, 1). На нем изображена летящая Ника в 3/4 развороте вправо, головка в профиль. Руки разведены в стороны, крылья распахнуты. Тело покрыто белой накладной краской, хитон фиолетовый, крылья выполнены в низком рельефе (жидкая глина) и позолочены. Роспись можно отнести к числу работ мастера Аполлонии, датирующихся 360-350 гг. до н.э.[83] В коллекции есть два гуттуса-фидера с отбитой ручкой: КВ-3351 и КВ-3250 высота – 5,6 см (рис. 10, 6) на щитке – лаком нанесен примитивный орнамент в виде звезды с 7 и 4 лучами. Аналогичные сосуды – в некрополе Ольвии датируются первой половиной IV в. до н.э. [84]

Однако наиболее яркое свое воплощение керченский стиль получил в росписи кратеров, пелик и лекан. К раннему керченскому стилю к числу работ мастера Ипполита можно отнести фрагменты пелики с изображением Аполлона Гиперборейского и Гермеса Психомомпа, препровождающих душу умершей женщины в Аид – инв. КВ-3214 (рис. 9, 4). Эта яркая ваза неоднократно привлекала внимание исследователей[85].

Остальные фрагменты относятся к кругу мастера Амазонок – КВ-151 (протома грифона, влево, 330–320 гг. до н.э.)[86] или к кругу мастера Грифонов. Самый крупный фрагмент – инв. КВ 35272/248 (рис. 9, 5). На лицевой стороне сохранилось изо-

1(КВ 163)
2(КВ 181)
3(КВ 35272/253)
4(КВ 3214)
5(КВ 35272/248)
6(КВ 35272/250)

Рис.9

1(КВ 3199)

2(КВ 172)

4(КВ 3230)

3(КВ 35272/210)

6(КВ 3250)

5(КВ 3226)

Рис.10

бражение амазономахии, на оборотной – двое юношей в гиматиях[87]. На двух других обломках (КВ 35272/250 и 253) сохранились изображения юношей на оборотной стороне сосудов и овы над рисунком (рис. 9, 6, 3). Несколько подобных обломков были опубликованы И. В. Шталь[88]. Большая часть фрагментов пелик из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича представляет собой обломки стенок, ручек, венчиков с элементами орнамента. Судя по их измельченности, они происходят с городища.

Кратеры расписывали те же мастера, что и пелики. Так роспись фрагмента с изображением парящей Ники инв. КВ 129 (рис. 8, 6) близка манере мастера Геракла и датируется первой четверть. IV в. до н.э.[89]

Фрагмент инв. КВ-163 (размеры – 10,3×7,0 см) с изображением пешего аримаспа (амазонки?), сражающегося с грифоном относится к кругу мастера Грифона и датируется началом четвертой четверти IV в. до н.э. (рис. 9, 1)[90]. Близка кругу этого мастера и роспись на фрагменте КВ 183585, сюжет которой можно реконструировать как Эос на квадриге (рис. 8, 2). Судя по аналогиям[91], этот сосуд относится к ранней группе, может быть к числу работ самого мастера и датируется около середины IV в. до н.э.

Фрагмент КВ-169, размеры – 6,5×8,2 см (рис. 8, 7) с изображением сатира, держащего в руках лиру (Марсий?), можно отнести к кругу мастера Телоса и датировать второй четвертью IV в. до н.э.[92] Очень интересен сюжет росписи, сохранившейся на обломке другого кратера – инв. КВ 162, размеры – 10,3×7,1 см (рис. 8, 1). На треножнике, покрытом белой накладной краской, поверх которой разбавленным лаком нарисован растительный орнамент, восседает Аполлон с ветвью лавра в руках. Многочисленные аналогии в вазописи V-IV вв. до н.э. показывают точно такой же тип треножника с орнаментом в виде точек на кружках, ограничивающих сиденье и растительный побег на боковой поверхности сиденья[93]. Манера изображения складок одежды напоминает леканы группы «Отчет» и пиксид раннекерченского времени (360-350 гг. до н.э.)[94].

Два фрагмента – КВ 190 и 191 (рис. 8, 4) похоже принадлежат одному сосуду. Это лицевая сторона сосуда, сохранилась часть изображения – сатир, преследующий менаду, и другой сатир с тениями в руке. Судя по аналогиям, их можно датировать первой четвертью IV в. до н.э.[95]

К группе Поздних кратеров LC Group принадлежит фрагмент инв. КВ-168 (рис. 8, 5). На нем изображен частично сохранившийся рисунок лицевой стороны – юноша в хламиде с посохом или может быть с жезлом, стоит у алтаря рядом с женщиной, одетой в хитон, которая держит руку над алтарем. И стилистически и композиционно близок кратеру из Афин 1376[96]. Середина – третья четв. IV в. до н.э.

Возможно к числу работ мастера Марсия можно отнести рисунок на фрагменте КВ 164 (рис. 8, 3), изображающий сидящую женщину, с живописно драпированными на ногах складками гиматия[97]. Около 330 г. до н.э.

Многочисленные фрагменты лекан IV в. до н.э. принадлежат в основном к Группе «Отчет», датирующейся второй четвертью века. Обычно на них изображены сцены в гинекее, приготовления к свадьбе[98]. Так на фрагменте КВ 144 (рис. 11, 6) изображены жених и невеста, другой обломок – инв. КВ 175 изображает Эрота с зеркалом и женщину, несущих дары невесте (рис. 11, 5). Более упрощенный сюжет и грубый рисунок – на фрагменте инв. КВ 199 – парящий Эрот вручает зеркало женщине (рис. 11, 4).

Коллекция расписной керамики, собранная К. К. Косцюшко-Валюжиничем за 19 лет раскопок в Херсонесе дает основание говорить о том, что с середины VI в. до н.э. здесь появляются отдельные экземпляры аттической расписной керамики, стабильное поступление этого вида товара начинается со второй четверти V в. до н.э. Сюжеты на вазах, выбранных херсонеситами для того, чтобы украшать их стол и жилище, служить в качестве сакральных сосудов во время проведения похорон, свадеб, других ритуалов, в том числе жертвоприношений, позволят сделать

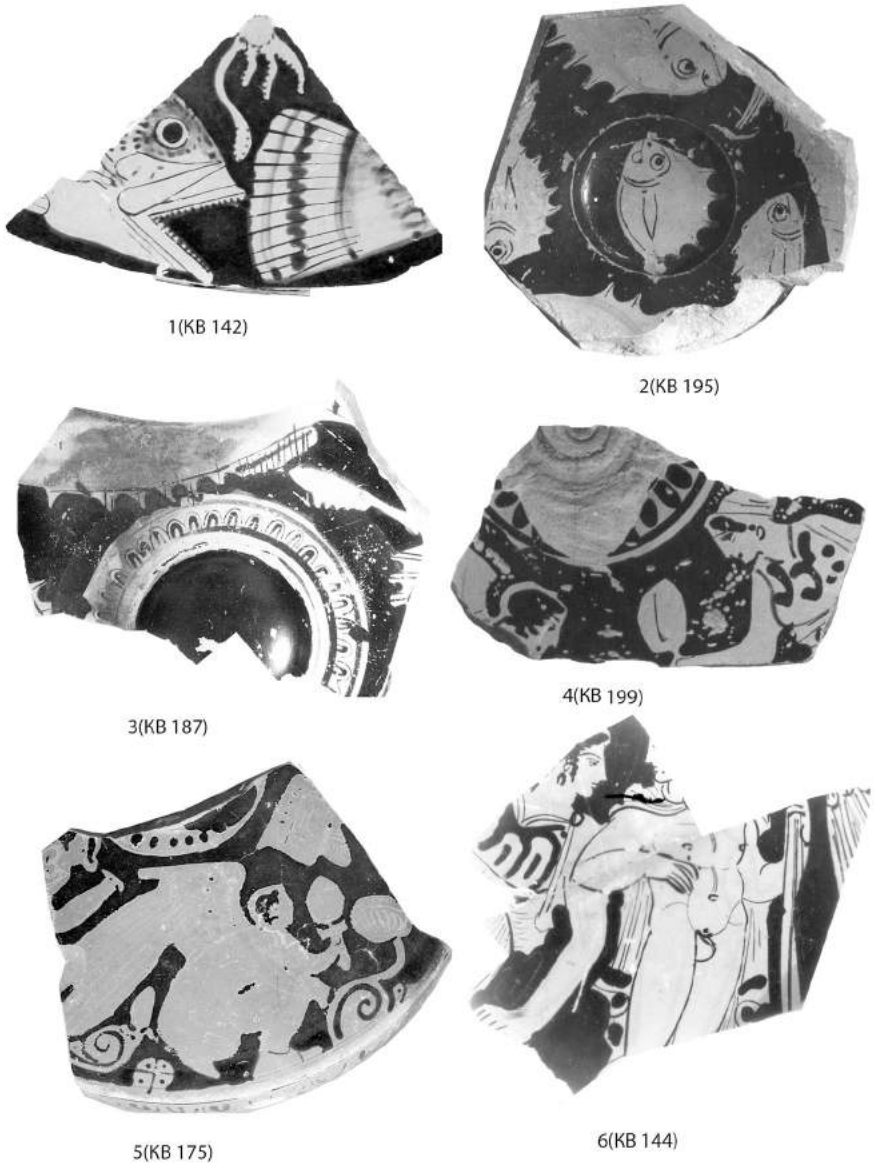

Рис. 11

некоторые наблюдения об особенностях культурной и религиозной жизни города. Сразу бросается в глаза обилие сюжетов, связанных со спортом, палестрой, наличие призовых панафинейских амфор (рис. 4, 1; 7, 2, 3, 4; 3). Это подтверждает мнение исследователей, подкрепленное и эпиграфическими источниками о большой роли физической культуры в жизни города[99]. Археологические находки также свидетельствуют об особой роли спорта на протяжении всей истории древнего Херсонеса. На мужских надгробиях IV–III вв. до н.э. изображались принадлежности палестрита – стригиль и сосуд для масла, эти же предметы находили во время раскопок[100]. Бронзовая урна – приз, полученный победителем атлетических состязаний, проводившихся в Афинах при храме Диоскуров – Анакии была найдена в 1899 году в гробнице рядом с городскими воротами[101]. Сосуд датируется концом IV в. до н.э., как и фрагменты панафинейских амфор (рис. 3), обнаруженные среди депаспортизированных материалов. Судя по остаткам росписи, это были призы за победу в соревнованиях в беге, метании диска, борьбе. Участие херсонеситов в Панафинейских играх не является чем-то необычным. Известно, что в праздновании Панафиней принимали участие не только жители Афин, но и всех городов-союзников, которые посылали в дар жертвенных животных и оружие. Состязания, за исключением соревнований апобатов и военных игр, были открыты для всех участников. Это поддерживало репутацию Афин, как открытого города, панэллинского центра и поднимало уровень и престиж этих игр[102]. Жители Северного Причерноморья принимали участие в состязаниях с конца VI в. до н.э. и вплоть до эллинистического времени[103]. В нашем регионе обнаружено несколько категорий сосудов, связанных с Панафинеями – 11 призовых амфор, 3 псевдопанафинейских и 8 панафинейских амфорисков. Теперь можно присоединить к этому числу и херсонесские фрагменты. Находка панафинейских амфор в Херсонесе не только подтверждает тесные культурные и экономические связи города с Афинами в последней четверти IV в. до н.э., но и свидетельствует о почитания Афины жителями Херсонеса. Э. И. Соломоник проанализировала данные, свидетельствующие о существовании культа Афины в Херсонесе. По ее мнениию здесь была воздвигнута статуя богини на берегу моря (Афина Сотейра) и, возможно, существовал ее храм[104]. В городских отложениях обнаружены скифосы с изображением совы и оливковой ветви, связанные с культом Афины (рис. 6, 5). Г. Гофман считает, что эти сосуды использовалась в ритуальных целях – они приносились в жертву богине Афине во время праздника Анфестерий[105]. Изображение совы, теоморфного воплощения богини найдено в Херсонесе не только на расписных сосудах – в 1895 году на юго-восточной оконечности города у старого блиндажа был обнаружен камень с изображением совы[106].

Несомненно, что в городе, игравшем значительную роль в региональном производстве и торговле вином, почитали Диониса, в городе возможно был его храм[107]. Популярностью пользовалась посуда, украшенная вакхическими сюжетами. Среди находок – большое количество кратеров и сосудов для питья вина – киликов, скифосов, скифо-киликов (рис. 8, 4; 5, 2, 5, 6, 3; 4, 6, 9).

Хотя культ Аполлона не был главным, по мнению исследователей, он почитался в основном, как целитель – Аполлон Ятрос[108], но учитывая любовь жителей города к музыке (известно, что здесь сохранилась надпись, содержащая каталог мусических состязаний, найдены костяные флейты)[109], можно предположить, что ему поклонялись и как Аполлону Мусагету – покровителю певцов и музыкантов. В этой своей ипостаси бог изображен на сосудах с изображением состязания Аполлона с Марсием (рис. 6, 1;8, 7). Аполлона восседающего на треножнике мы видим на фрагменте кратера (рис. 8, 1), с ветвью лавра в руке и в венке он изображен на другом фрагменте кратера (рис. 5, 7), а в виде Аполлона Гиперборейского верхом на грифоне, преследующего женщину – на фрагменте пелики (рис. 9, 4). Эрот изображен на леканах, которые дарили невестам на свадьбу (рис. 11, 4, 5), на скифо-киликах (рис. 7, 1, 6), на асках (рис. 12, 1, 2). Есть изображения Ники (рис. 10, 1), а также

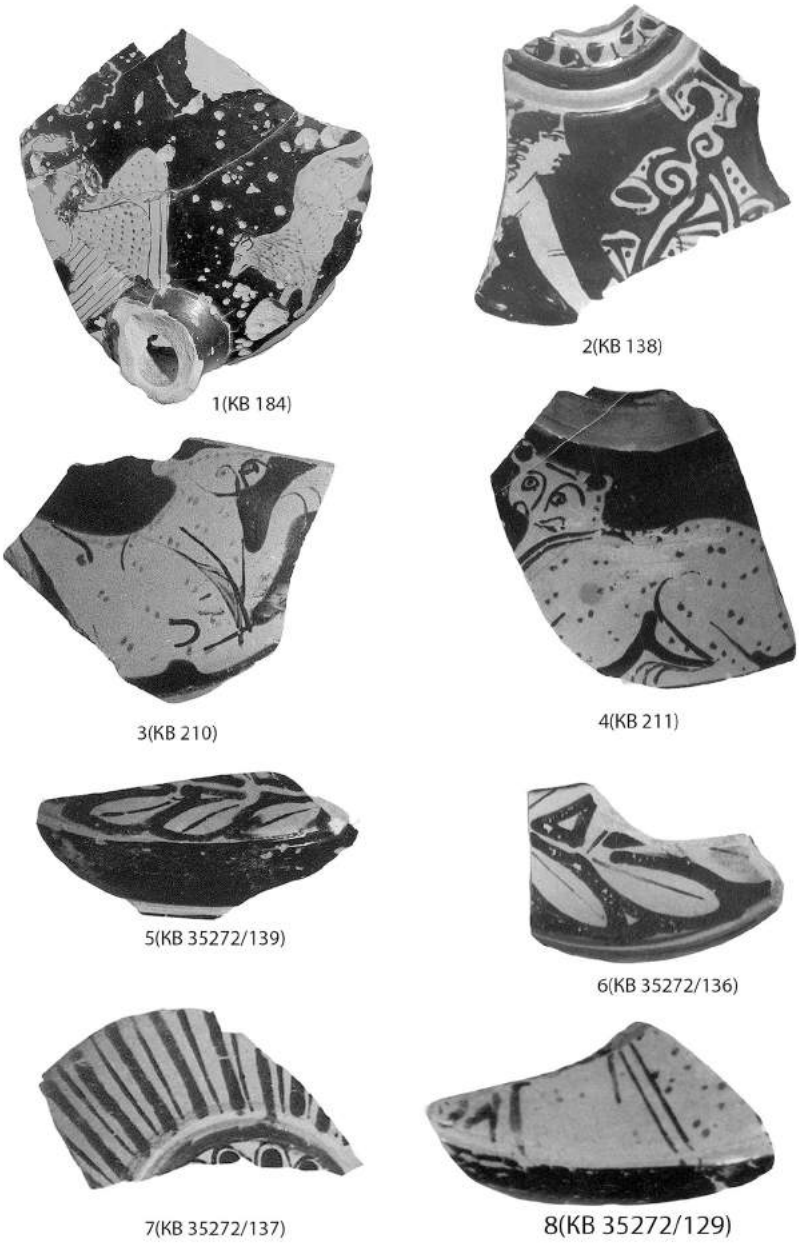

1(KB 184)
2(KB 138)
3(KB 210)
4(KB 211)
5(KB 35272/139)
6(KB 35272/136)
7(KB 35272/137)
8(KB 35272/129)

Рис.12

Эос, управляющей четверкой лошадей (рис. 8, 2, 6). В IV в. до н.э. особенно популярны становятся мифо-эпические варварские сюжеты – изображаются грифоны, амазонки, аримаспы (рис. 6, 4; рис. 9, 1, 5). Очень популярны были в это время рыбные блюда – в коллекции множество стенок, бортиков, доньев этих ваз, что свидетельствуют об особенностях рациона и промыслах херсонеситов. Итак, нужно признать, что коллекция, считавшаяся малоинформативной имеет определенный научный потенциал и обогащает наши представление о жизни древнего города.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Костромичева Т. И., Шевченко А. В.* Коллекция античной краснофигурной керамики из раскопок Херсонеса. К истории комплектования //Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М., 1994. С. 35.
2. *Золотарев М. И.* Херсонесская архаика. Севастополь, 1993. С. 4-6; *Vinogradov Ju.* et *Zolotarev M.* La Chersonese de la fin de l'archaisme. Le Pont-Euxin va par les Grecs. Paris, 1990. P. 85-86.
3. *Гайдукевич В. Ф., Блаватский В. Д., Белов Г. Д.* Херсонес Таврический //ВДИ. 1949. №3. С . 145-148.
4. *Зедгенидзе А. А.* О времени основания Херсонеса Таврического //КСИА. 1979. №159. С. 26-34.
5. *Зедгенидзе А. А.* Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса// КСИА. 1978. № 156. С. 76 -77.
6. *Золотарев М. И.* Херсонесская архаика. Севастополь, 1993. С. 28-29.
7. *Стоянов Р. В.* Расписная и чернолаковая столовая керамика из некрополя Херсонеса Таврического V-I вв. до н.э //Боспорские исследования. Симферополь-Керчь. 2005. Вып. VIII. С. 39-47.
8. *Шталь И. В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Пелики. IV в. до н.э., керченский стиль. М., 2000. С. 102-111. №1; *Шталь И. В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Леканы, аски, лекифы и ойнохойи. IV в. до н.э., керченский стиль. М., 2004. С. 10, 12, 13, 15, 16, 18-21, 24, 30, 86.
9. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Раскопки Херсонеса //ОАК за 1882-1888. С. CCIX.
10. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Раскопки Херсонеса //ОАК за 1889. С. 13-14.
11. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Раскопки Херсонеса //ОАК за 1892. С. 17.
12. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Раскопки Херсонеса //ОАК за 1892. С. 18.
13. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Раскопки Херсонеса //ОАК за 1895. С. 101.
14. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Раскопки Херсонеса //ОАК за 1901. С. 35-36. Рис. 69.
15. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Раскопки Херсонеса //ОАК за 1903. С. 32. Рис. 33-34.
16. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Раскопки Херсонеса //ОАК за 1904. С. 59.
17. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Раскопки Херсонеса //ОАК за 1901. С. 43, 48. Рис. 81.
18. Роспись кратера стилистически весьма близко работам мастера Лондон F64 (ARV^2 1420), в частности кратеру из Британского музея, см.: *Metzger H.* Les represenlation dans la ceramique attigue du IV siecle. Paris, 1951. Pl. XXIII. Также в числе близких аналогий кратер из Лондона №1924. 7–16. 1, см.: *Boardman J.* Athenian Red Figure vases. The Classical Period. London, 1989. Fig. 355.
19. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Раскопки Херсонеса //ОАК за 1904. Рис. 104.
20. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Раскопки Херсонеса //ОАК за 1903. С. 38. По мнению Д. Бизли он близок по времени к группе «G»(середина – третья четверть IV в. до н.э.), однако стилистически своеобразен – см.: ARV^2. P. 1469.
21. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Раскопки Херсонеса //ОАК за 1903. Рис. 33, 34. С. 32. Аналогия – рыбное блюдо из Феррары 4922 – см.: *McPhee I.* and *Trendall A. D.* Greek Red-figured Fish-plates. Basel, 1987. P. 36. Pl. 5.

22. *Гайдукевич В. Ф, Блаватский В. Д., Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. С. 146.
23. *Зедгенидзе А. А.* О времени основания Херсонеса Таврического. С. 27. Рис. 2, 4-5.
24. CVA Russia, 1, Pl. 44, 4-6; CVA Italia, LXIX. Tav. 65, 2. P. 47. Назарена Валенза Меле относит такие лекифы к числу работ Del Pittore della Megera. Аналогию лекифу с полосками – см. CVA Italia, LXIX. Tav. 69, 6, 7.
25. *Гайдукевич В. Ф, Блаватский В. Д., Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. С. 146; Зедгенидзе А. А. О времени основания Херсонеса Таврического. С. 27. Рис. 1, 2.
26. *Зедгенидзе А. А.* О времени основания Херсонеса Таврического. С. 27. Рис. 1, 1; Аналогия – килик из ГМИИ (№ М-86 С 83-101/13 №257), см.: CVA Russia, 1. Pl. 66, 1. P. 60.
27. *Зедгенидзе А. А.* О времени основания Херсонеса Таврического. С. 27. Рис. 1, 5; CVA Russia, 1. Pl. 58, 7.
28. *Зедгенидзе А. А*. О времени основания Херсонеса Таврического. С. 27. Рис. 1, 6.
29. Аналогичный декор имеет ойнохойя из Неаполя см.: CVA Italia, LXIX. Tav. 49, 3, 4. P. 36.
30. CVA Russia, 1. Pl. 21, 1. P. 20.
31. *Горбунова К. С.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. №79. С. 108-110; CVA Italia, LXIX. Tav. 14. P. 19.
32. *Зедгенидзе А. А.* О времени основания Херсонеса Таврического… С. 27. Рис. 1, 3; *Сидорова Н. А*. Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1945-1958 //Археология и искусство Боспора. Сообщения Государственного музея имени А.С.Пушкина. Вып. 10. М., 1992. С. С. 212-213. Рис. 7.
33. *Boardman J.* Athenian Black Figure Vases. London, 1974. №306; *Bentz M*. Panathenaische Preisamphoren, Eine athenishen Vasengattung und ihre Funktion vom 6-4. Jahrhundert v. Chr. 18. Beihz. AntK. Basel, 1998. Pl. 131.
34. Οι Ολυμπιακοί Αγόνες στην Αρχαία Ελλάδα. Αθήνα, 1982. Πιν. 75.
35. Βαλαβάνης Π.Δ. Παναθηναικοί Αμφορεις απο την Ερετρία. Αθήνα, 1991. Πιν. 16.
36. Athenian Agora, XXX. № 170. Pl. 26. P. 159.
37. *Зедгенидзе А. А*. О времени основания Херсонеса Таврического. С. 27. Рис. 2, 9.
38. Athenian Agora, XXX. № 5. Pl. 3. P. 134.
39. *Boardman J.* Athenian Red Figure Vases. The Classical Period. London, 1989. №47. P.37.
40. *Boardman J.* Athenian Red Figure Vases. The Classical Period. №41; Athenian Agora. XXX. № 261.
41. *Boardman J.* Athenian Red Figure vases. The Classical Period. Fig. 80, 1.
42. *Johnson F. R.* A note on Owl Skyphoi //AJA 59, 1955. P. 119-124. Pl. 35-38.
43. *Горбунова К. С.* Аттические вазы группы St.-Valentin //ТГЭ. Т. XIII. Рис. 11. С. 70. Опубликован Зедгенидзе – см.: *Зедгенидзе А. А.* О времени основания Херсонеса Таврического. Рис. 2, 5.
44. Athenian Agora. XXX. №1230. P. 1297.
45. Athenian Agora. XXX. №921-22. P. 265.
46. Athenian Agora. XII. №1124. P. 315.
47. *Matheson S. B.* Polygnotos and Vase Painting in Classical Athens. Wisconsin. 1995. Pl. 10, 11. Pl. 29.
48. Athenian Agora. XXX. № 287. Pl. 38. P. 182-183; *Matheson S. B.* Polygnotos and Vase Painting in Classical Athens. Pl. 68a.
49. *Matheson S. B.* Polygnotos and Vase Painting in Classical Athens. Pl. 102.
50. Athenian Agora. XXX. №336. Pl. 44. P. 192.
51. *Matheson S. B.* Polygnotos and Vase Painting in Classical Athens. Pl. 135.
52. Athenian Agora. XXX. № 361. Pl. 46.
53. *Matheson S. B.* Polygnotos and Vase Painting in Classical Athens. Pl. 135.
54. *Matheson S. B.* Polygnotos and Vase Painting in Classical Athens. Pl. 135-136.

55. *Boardman J.* Athenian Red Figure vases. The Classical Period. №323.
56. Athenian Agora. XXX. № 361. Pl. 46 . №386.
57. Athenian Agora. XXX. № 361. Pl. 46. №1075; Boardman J. Athenian Red Figure vases. The Classical Period. №312.
58. Athenian Agora. XXX. № 462-464.
59. *Boardman J.* Athenian Red Figure vases. The Classical Period. № 342.
60. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Раскопки Херсонеса //ОАК за 1904. Рис. 104.
61. *Metzger H.* Les represenlation dans la ceramique attigue du IV siecle. Paris, 1951. Pl. XXIII.
62. *Boardman J.* Athenian Red Figure vases. The Classical Period. № 355.
63. *Зедгенидзе А. А.* Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса. Рис. 2, 8.
64. Athenian Agora. XXX. №1488.
65. Такой же столбик на киликах из Берлина с близким сюжетом – см: CVA DDR. 3, Berlin. 1. Taf. 25, 6; 26, 1-2.
66. Athenian Agora. XXX. №1271.
67. *Зедгенидзе А. А.* Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса. Рис. 3, 2, 3.
68. Athenian Agora. XXX. №1350;.
69. *Ure A. D.* Red-figure cups with incised and stamped decorations – II //JHS, LXIV. London, 1944. Fig 8-9.
70. *Ure A. D.* Red-figure cups with incised and stamped decorations – II. Fig. 10.
71. *Mc-Phee I., Trendale A. D.* Greek Red-figured fish-plates. Basel, 1987. №36. P. 41.
72. *Mc-Phee I., Trendale A. D.* Greek Red-figured fish-plates. №38. P. 36.
73. *Mc-Phee I., Trendale A. D.* Greek Red-figured fish-plates. №65. P. 38-39. Опубликовано: *Зедгенидзе А. А.* Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса. Рис. 2, 1; Crimean Chersonesos. City, Chora, Museum, and Environs. Texas. 2003. P. 138.
74. *Mc-Phee I., Trendale A. D.* Greek Red-figured fish-plates. №№137. P. 148.
75. *Mc-Phee I., Trendale A. D.* Greek Red-figured fish-plates. №122. P. 46.
76. Athenian Agora. XXX. №1089. P. 282; CVA DDR . 3. Berlin. 1. Taf. 27. Z. 45.
77. Аналогии к КВ – 138 – аски с Эротами – см.: Athenian Agora. XXX. №1161. P. 280.
78. Athenian Agora. XXX. №1169-71. P. 290.
79. *Boardman J.* Athenian Red Figure vases. The Classical Period. № 426.
80. Θεμελησ Π.Γ., Τουτατσογλου Γ.Π. Οι ταφοι του δερωενιου Αθηνα. 1997 Α34–Πιν. 46; Δ66–Πιν.118/
81. *Morgan C., Arafat K.* Fine Pottery of the Archaic – Early Hellenistic Periods //North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies. Colloquia Pontica 6. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001. P. 377-378.
82. *Beazley J. D.* Miniature Panathenaics //BSA. 41. 1946. P. 17-20. Pl. 4, 16, 17.
83. *Лазаров М.* Древногръцката рисувана керамика от България. Варна. 2003. С. 163-164.
84. *Козуб Ю. І.* Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. е. К., 1974. Рис . 18, 2. С. 57.
85. *Зедгенидзе А. А.* Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса. Рис. 2, 3; *Шталь И. В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Пелики. IV в. до н.э., керченский стиль. №1, с. 19, 115.
86. *Шталь И. В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Пелики. IV в. до н.э., керченский стиль. №160. С. 84.
87. И. В. Шталь опубликовала рисунок только оборотной стороны фрагмента – *Шталь И. В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Пелики. IV в. до н.э., керченский стиль №95, с. 60, 174.
88. *Шталь И. В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Пелики. IV в. до н.э., керченский стиль. №51,

52. С. 147; №70, с. 158.
89. Athenian Agora. XXX. №460. P. 209; *Boardman J.* Athenian Red Figure vases. The Classical Period. №376.
90. *Boardman J.* Athenian Red Figure vases. The Classical Period. №408.
91. Аналогия – роспись пелики из Феодосии – см.: *Вдовиченко И. И.* Античные расписные вазы из крымских музеев. Симферополь, 2003. С. 49. Рис. 16.
92. Athenian Agora. XXX. №473. P. 210; *Boardman J.* Athenian Red Figure vases. The Classical Period. №341.
93. Аналогии по сюжету: амфора из Лондона Е-318(мастер Алкимаха), см.: *Boardman J.* Athenian Red Figure vases. The Classical Period. №45. А также кратер мастера Клеофана из Феррары Е57, см.: *Boardman J.* Athenian Red Figure vases. The Classical Period. №№171.
94. CVA DDR 3, Berlin. 1. Taf. 48-50.
95. Аналогия – фрагмент кратера с афинской Агоры – см.: Athenian Agora. XXX. №451.
96. *Boardman J.* Athenian Red Figure vases. The Classical Period. №422.
97. Athenian Agora. XXX. №1307; *Boardman J.* Athenian Red Figure vases. The Classical Period. №378.
98. *Шталь И. В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Леканы, аски, лекифы и ойнохойи. IV в. до н.э., керченский стиль. №13. С. 12-14; Athenian Agora. XXX. №1047, 1084.
99. *Колесникова Л. Г.* Спорт в античном Херсонесе. Л. 1964; *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1973. С. 95-99, 103-104.
100. ИАК. Вып. 4. 1902. С. 113. Рис. 62.
101. *Колесникова Л. Г.* Спорт в античном Херсонесе. С. 10. Рис. 3.
102. *Kyle D. G.* The Panathenaic Games: Sacred and Civic Athletics //Goddess and Polis. The Panathenaic Festival in Ancient Athens. Princeton, 1992. P. 77.
103. *Скржинская М. В.* Сведения греков Северного Причерноморья о Панафинейских празднествах VI-IV вв. до н.э //Записки історико-філологичного товариства Андрія Білецького. К. 1998. С. 99-116; *Вдовиченко И. И.* ΠΑΝΑΘΗΝΑΙΚΑ ΠΑΝΤΙΚΑ–ΠΑΙΟΝ //Археология и история Боспора. Т. III. Симферополь, 1999. С. 227-265.
104. *Соломоник Э. И.* О культе Афины в Херсонесе в IV-III вв. до н.э. //Античная и средневековая идеология. Свердловск. 1984. С. 7-12.
105. *Hoffmann H.* Dulce et decorum est pro patria mori: the imagery of heroic immortality on Athenian painted vases//Art and Text in Ancient Greek Culture (edited by Simon Goldhill and Robin Osborne), Cambridge, 1995, P. 50.
106. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Раскопки Херсонеса //ОАК за 1895. С. 100.
107. *Щеглов А. Н., Бабинов Ю. А.* Эллинистические домашние алтари //Херсонес Таврический. Ремесло и культура. К., 1974. С. 20.
108. *Соломоник Э. И.* Древние надписи Крыма. К., 1978. С. 52.
109. *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. С. 99, 103.

I.I.VDOVICHENKO

PAINTED CERAMICS FROM K.K.KOSTJUSHKO-VALJUZHINICH'S EXCAVATIONS IN COLLECTION OF CHERSONESUS TAURIAN NATIONAL RESERT

The article presents the published data upon the painted ceramics. These subjects are from the excavation of the founder the Chersonesus Museum – Charl Kazimirovich Kostsjushko-Valjuzhinich (1847-1907) who supervised over excavation in Chersonese

from 1888 till his death. He discovered defensive walls, the mint of 4th century A.D., apartment houses, industrial workshops, and the necropolis. The wealthy collections of subjects composed for 19 years of the researches have not yet been introduced into historic practice till now.

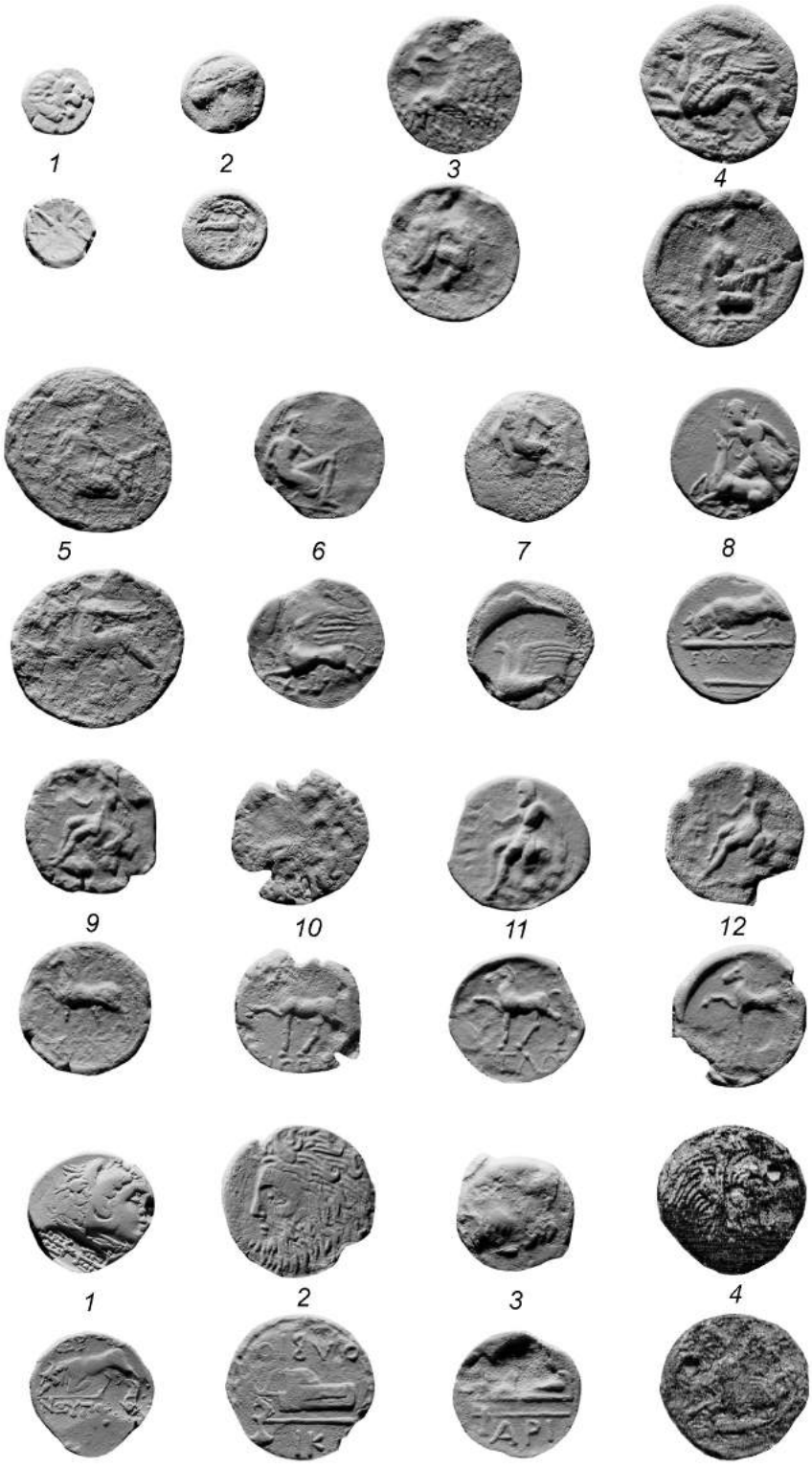
С.А. КОВАЛЕНКО (Москва)

НАХОДКИ МОНЕТ С ГОРОДИЩА ЧАЙКА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ (1959–2001 гг.)

Греческое поселение Чайка, расположенное в семи километрах к западу от античной Керкинитиды (современная Евпатория), исследуется Крымской археологической экспедицией Исторического факультета МГУ (начальник Е.А.Попова) на протяжении 40 лет. Это один из наиболее известных и интересных памятников дальней херсонесской хоры. Чайкинская крепость вместе с другими укрепленными поселениями Северо-Западного Крыма относилась к т.н. TEICH — системе обороны херсонесской хоры, упоминаемой в херсонесской присяге конца IV в. до н.э.[1] Работы последних десяти лет, проводившиеся на Чайкинском городище, позволили получить новые важные материалы по истории памятника, уточнить хронологические рамки основных этапов его существования. Необходимо подчеркнуть, что вплоть до настоящего времени здесь не обнаружено слоев и помещений, которые могут датироваться V в. до н.э. Гипотеза о возникновении этого поселения в конце V в. до н.э., выдвинутая первым исследователем Чайки А.Н. Карасевым только на основании анализа особенностей архитектурной техники, использованной при строительстве некоторых зданий, и поддержанная рядом ученых[2], до сих пор не нашла подтверждения в археологических материалах памятника. Данный факт чрезвычайно важен как для истории освоения ближней хоры Керкинитиды, так и для исследования процесса колонизации Херсонесом территории Северо-Западного Крыма.[3] С самого начала своего существования греческое поселение здесь демонстрирует черты, характерные для всех херсонесских поселений региона. Это проявляется как в особенностях планировки и строительной техники, так и в наборе обнаруженных здесь разнообразных предметов материальной культуры.

Чайкинское городище возникает как государственная крепость, возведенная на средства Херсонесского государства, по заранее разработанному архитектурному плану.[4] Оно имело прямоугольную форму, четыре угловые оборонительные башни. Еще одна башня находилась в центре восточной оборонительной стены, башня и боевая платформа фланкировали въезд на поселение, располагавшийся в западной стене.[5] Размеры крепости составляли 100х50 м. Вдоль восточной крепостной стены находились большие полуподвальные помещения. Самые ранние археологические находки представлены несколькими фрагментами краснофигурной керамики, клеймами на синопской черепице и херсонесскими бронзовыми монетами второй четверти IV в. до н.э. Этот материал позволяет датировать основание поселения второй четвертью — серединой IV в. до н.э., то есть временем самого начала освоения Херсонесом Северо-Западного Крыма.

Чайкинское городище имело не только военные, но административные и экономические функции. В момент военной опасности оно выполняло роль убежища для херсонесских колонистов, проживавших в расположенных поблизости неукрепленных сельскохозяйственных усадьбах. В настоящее время раскопаны остатки по

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
1
2
3
4

крайней мере четырех таких усадеб.[6] Здесь же, под защитой крепостных стен, перед отправкой в Херсонес, хранилось свозимое с прилегающей сельскохозяйственной округи зерно.[7]

Изменение внешнего облика и характера Чайкинского поселения знаменует начало следующего этапа его существования. Конец IV в. до н.э. отмечен в херсонесской истории политической борьбой между аристократами и демократическими слоями населения.[8] Впечатляющим памятником этого времени стала знаменитая херсонесская присяга, принятие которой отразило напряженную политическую ситуацию, сложившуюся в это время в Херсонесе. Северо-Западный Крым вполне мог стать тем местом, куда бежали разбитые противники демократического строя. Эта территория могла быть и непосредственной ареной борьбы между аристократами и демократами, о чем, возможно, свидетельствуют материалы Чайкинского поселения.

Именно конец IV в. до н.э. отмечен рядом пожаров и разрушений, имевших место на Чайкинском городище. Примечательно, что сразу после этого крепостные сооружения здесь разбираются и над остатками бывшей крепости возводится несколько усадебных комплексов. К настоящему времени исследовано три таких усадьбы.[9] Как свидетельствуют происходящие с этих усадеб находки керамических клейм и чернолаковой посуды, данные комплексы существовали до конца первой трети III в. до н.э. Их разрушение связано с военными набегами скифов, которые вторгаются в это время на территорию Херсонесского государства.[10] После гибели чайкинских усадеб жизнь на поселении больше не возобновляется в прежних масштабах. Немногочисленные находки греческой столовой и чернолаковой керамики, датируемые второй половиной III — началом II вв. до н.э., свидетельствуют о присутствии здесь в это время греческого населения. Однако вплоть до настоящего момента не открыто каких-либо строительных остатков, которые могут быть надежно связаны с этим периодом. Около середины II в. до н.э. здесь возникает скифское поселение, сооружения которого почти полностью перекрывают греческие строительные остатки.

Находки монет с античных поселений Северо-Западного Крыма вплоть до настоящего времени являются малоизученной категорией археологического материала. За исключением статьи А.Б. Колесникова, посвященной монетам, обнаруженным на усадьбах близ Евпаторийского маяка[11], в специальной литературе отсутствуют обобщающие публикации такого рода находок. Их характеристика ограничивается лишь упоминаниями о находках монет на том или ином памятнике или публикацией отдельных, наиболее интересных экземпляров.[12] Между тем рассмотрение всего комплекса монетных находок с античного поселения может дать важные сведения о его экономических связях, которые не прослеживаются по другим категориям археологического материала. Кроме того, монеты могут быть использованы в качестве хронологического критерия, для проверки тех датировок, которые получены, например, с помощью данных керамических клейм и лаковой столовой посуды. Наконец, регулярные монетные находки свидетельствуют о степени вовлеченности жителей поселения в товарно-денежный обмен и являются важным индикатором экономического развития дальней хоры Херсонесского государства.

В ходе многолетних археологических исследований Чайкинского поселения обнаружено 86 монет, из которых 72 поддается определению. Эти находки сделаны в самых различных слоях и комплексах и все они являются отдельными находками — на поселении не обнаружено ни одного клада. Случайный характер таких находок позволяет предполагать, что они в достаточной степени отражают особенности монетного обращения на поселении. Представлены монеты четырех центров — Херсонеса, Керкинитиды, Ольвии и Пантикапея. Херсонесские монеты составляют половину всех находок — 36 экземпляров. 33 монеты принадлежат чеканке Керкини-

тиды, две монеты были биты в Ольвии и одна — в Пантикапее. Все монеты (за одним исключением) бронзовые, единственная серебряная монета была чеканена в Херсонесе.

Монетные находки свидетельствуют о том, что с самого начала своего существования поселение поддерживало активные связи с Херсонесом. Наиболее ранние монеты принадлежат херсонесской чеканке и представлены двумя экземплярами серии «голова льва — звезда» (Рис. 1, №1, кат. №1-2). Обильный выпуск этих маленьких бронзовых монет предположительно имел место в 80-е годы IV в. до н.э.,[13] но в обращении они оставались, по крайней мере, до конца столетия[14], так как Херсонес больше не чеканил монет этого номинала в подобных объемах. Примечательна и находка двух монет серии «голова Девы в лавровом венке — палица в венке» (Рис. 1, 2, кат. №3-4). Выпуск монет этой серии, включавшей два номинала, осуществлялся в начале второй четверти IV в. до н.э. и, вероятно, был связан с военными успехами Херсонеса в борьбе против тавров.[15] Монеты обеих упомянутых серий принадлежат к начальному этапу херсонесской чеканки, на котором монетные выпуски еще не помечались именами магистратов или монограммами. Находки таких монет на поселениях дальней херсонесской хоры чрезвычайно редки.

Первая серия херсонесских монет с именами магистратов состояла из двух номиналов. На л.с. монет старшего номинала было помещено изображение управляющей квадригой Девы с факелом в одной руке, на о.с. — изображение воина со щитом и копьем. 14 монет этого типа обнаружено на Чайкинском поселении (Рис. 1, №3, кат. №5-18). Они датируются третьей четвертью IV в. до н.э.[16] Можно, таким образом, констатировать нарастание поступления херсонесских монет на поселение. Этот факт, несомненно, свидетельствует о его успешном экономическом развитии и существовании интенсивных торговых контактах с метрополией. То обстоятельство, что среди ранних находок представлены исключительно херсонесские монеты, вполне отвечает изначальному характеру Чайкинского поселения как одного из важнейших форпостов Херсонеса в данном регионе.

Ситуация существенно меняется в последней четверти IV — начале III в. до н.э. Этим временем датируются 54 монеты. Прежде всего бросается в глаза почти двойное количественное преобладание монет Керкинитиды над херсонесскими. Херсонесские монеты представлены десятью экземплярами с изображениями коленопреклоненной Девы и бегущего грифона, которые поочередно выполняют роль типов л. и о.с. монет этой серии (Рис. 1, №4-7, кат. №19-28). Их общепринятая дата — последняя четверть IV в. до н.э.[17] Немного позднее, самым концом столетия датируются семь монет выпуска «Дева, убивающая лань — бодающий бык» (№, Рис.1, 8, кат. №29-35).[18]

К тому же времени относятся монеты Керкинитиды типов «сидящий скиф — лошадь» и «голова Артемиды — лань».[19] 32 монеты принадлежит первому типу (Рис.1, 9-12, кат. №37-68) и одна — второму (кат. №69).

Налицо, таким образом, заметное сокращение поступления херсонесских монет на Чайкинское городище в это время. Данный факт можно понять в свете тех событий в херсонесской истории рубежа IV–III вв. до н.э., о которых упоминалось выше. В последнее десятилетие IV в. до н.э. осуществляется разборка части фортификационных сооружений Чайкинской крепости и возведение на ее месте частновладельческих усадеб. Нестабильность внутриполитической ситуации в Херсонесе, вероятно, облегчила Керкинитиде борьбу за собственную независимость. Возрождение полисной чеканки в это время может свидетельствовать о том, что эта борьба завершилась успешно.[20] Нумизматические материалы из самой Керкинитиды также указывают на заметное сокращение числа поступавших в это время в город херсонесских монет.[21] В отличие от более ранних выпусков, монеты типа «Дева — грифон» и «Дева, убивающая лань — бык», представлены в Керкинитиде, как и на Чайкинском городище, единичными экземплярами.

Необходимо, однако, отметить, что ранние херсонесские монеты по-прежнему находились в это время в обращении, наряду с поздними выпусками и монетами Керкинитиды. Об этом свидетельствует совместная находка херсонесской монеты типа «квадрига — воин» (кат. №10) и двух керкинитидских монет (кат. №58-59) на полу одного из усадебных помещений. Этот же факт подтверждает наблюдение А.М.Гилевич о длительном периоде обращения ранних херсонесских монет на греческих поселениях Северо-Западного Крыма.[22]

Отмеченное количественное преобладание керкинитидских монет над одновременными им херсонесскими выпусками могло отражать преимущественную ориентацию владельцев чайкинских усадеб на рынок Керкинитиды. Эти усадьбы, как свидетельствуют результаты раскопок, не были обычными сельскохозяйственными усадьбами, но представляли собой производственные комплексы, специализировавшиеся на изготовлении товаров на продажу. В одной из них существовала мастерская по производству сырцовых кирпичей, в другой было налажено изготовление вина.[23] Объемы выпускавшейся на этих усадьбах продукции превышали собственные нужды поселения. Важным фактором также была близость к Керкинитиде.

Примечательно отсутствие аналогий подобному феномену на других усадьбах, исследовавшихся в округе Керкинитиды. Нумизматические материалы из раскопок двух сельскохозяйственных усадеб близ Евпаторийского маяка демонстрируют полное преобладание херсонесских монет над керкинитидскими выпусками. Из 40 монетных находок 27 экземпляров принадлежат херсонесским сериям последней четверти — конца IV в. до н.э., описанным выше, и напротив, известно только две монеты Керкинитиды этого времени.[24]

С интенсивной производственной и коммерческой активностью владельцев чайкинских усадеб должна быть связана и находка единственной серебряной херсонесской монеты (Рис.2, 1, кат. №36). Это серебряная драхма типа «голова Геракла — бодающий бык» является на сегодняшний день второй известной находкой херсонесского серебра в Северо-Западном Крыму.[25] Такие монеты встречаются в кладах, сокрытых в конце первой четверти III в. до н.э.,[26] и соответственно, могут быть датированы первой четвертью этого столетия, т.е. временем существования чайкинских усадеб.

Особый интерес вызывает находка на Чайкинском поселении двух ольвийских монет последней четверти IV — первой четверти III в. до н.э., одна из которых была обнаружена при раскопках некрополя (Рис.2, 2–3, кат. №70–71). Эти монеты относятся к хорошо известному типу ольвийских борисфенов. Примечательно, что одна из них принадлежит к ранней, другая — к поздней группе этой серии, согласно классификации П.О.Карышковского.[27] Тесные экономические, политические и культурные связи, установившиеся между Ольвией и Херсонесом с самого начала существования последнего, находят яркое подтверждение в археологических материалах[28] и, прежде всего, в находках ольвийских монет в Херсонесе и на поселениях херсонесской хоры.[29] Основная часть таких находок датируется последней четвертью IV — первой половиной III в. до н.э.[30] Отдельные экземпляры ольвийских монет второй половины IV в. до н.э. происходят из Керкинитиды.[31] Морской путь из Херсонеса в Ольвию проходил вдоль побережья Северо-Западного Крыма и можно предполагать существование прямых контактов между ольвийскими купцами и херсонесскими колонистами в этом районе.[32] Помимо Чайкинского поселения, бронзовая ольвийская монета была найдена на Кульчукском поселении, фрагменты ольвийской черепицы обнаружены на усадьбе близ бухты Ветреной.[33] Происходящее с Чайкинского поселения посвящение моряков может свидетельствовать о наличии у него собственной гавани и рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу прямых торговых контактов между Чайкой и Ольвией[34]. Тот факт, что обнаруженные на Чайке борисфены разделены значительным временным промежутком указывает на долговременный и стабильный характер таких контактов.

Еще одним свидетельством существования дальних контактов Чайкинского поселения является находка здесь пантикапейского тетрахалка (Рис.2, 4, кат. №72), датируемого последним десятилетием IV в. до н.э.[35] Интересно, что пантикапейская монета аналогичного типа была обнаружена и на усадьбах близ Евпаторийского маяка.[36]

Примечательно, что на Чайкинском поселении не найдено монет, которые могут быть датированы позднее первой четверти III в. до н.э. Самые поздние монетные находки представлены ольвийским борисфеном (Рис.2, 3, кат. №71) и серебряной херсонесской драхмой с именем Невполиса (Рис.2, 1, кат. №36).[37] Нужно заметить, что происходящие с Чайкинского поселения херсонесские монеты типа «коленопреклоненная Дева — грифон» и «Дева, поражающая лань — бык», чеканенные в конце IV в. до н.э., еще не имеют (за одним исключением – кат. №28) надчеканок, которые ставились на все находившиеся в обращении монеты во второй четверти III в. до н.э.[38] Подобные монеты обычно встречаются также в кладах, сокрытых в конце первой четверти III в. до н.э.[39]

Таким образом, наряду с керамическими клеймами и лаковой посудой, характер нумизматического материала позволяет предполагать отсутствие какой-либо регулярной жизни на поселении после разрушения усадебных комплексов в 70-х годах III в. до н.э. Как свидетельствуют находки отдельных фрагментов столовой и лаковой греческой керамики второй половины III — начала II в. до н.э. поселение было обитаемо и в это время, однако, больше никогда не достигло уровня развития, характерного для первых этапов своего существования.

ОПИСАНИЕ МОНЕТ

№ п/п	№ по описи	Определение	Место находки	Дата	Металл	Вес (г)	Д-р (мм)	Литература
ХЕРСОНЕС								
1.	Ч-66/1056	Голова льва — Звезда		80-е гг. IV в.	AE	0,82	11	*Анохин*, 27-30 (Рис. I, 1)
2.	Ч-71/2671	-//-	к югу от стены здания V в. до н.э. (?), гл. 1,51	-//-	-//-	0,47	11	-//-
3.	Ч-59/249	Голова Девы в венке — Палица в венке	к северу от стенки 2, под вымосткой	нач. 2-ой четв. IV в.	-//-	2,26	12	*Анохин*, 13-14
4.	Ч-87/3266	-//-	пом. 74, гл.3,60	-//-	-//-	1,40	13	-//- (Рис. I, 2)
5.	Ч-66/398	Квадрига — Гоплит		3-я четв. IV в.	-//-	3,92	19	*Анохин*, 36-56
6.	ЧН-69/195	-//-	курган 8	-//-	-//-	3,23	20	-//-
7.	Ч-78/615	-//-		-//-	-//-	2,88	20	-//- (Рис. I, 3)
8.	Н-2370	-//-		-//-	-//-	3,94	19	-//-
9.	Ч-85/201	-//-, за спиной гоплита — О		-//-	-//-	4,27	21	*Анохин*, 53
10.	Ч-85/4103	Квадрига — Гоплит	пом. 63, на полу 2-го периода	-//-	-//-	3,98	19	*Анохин*, 36-56
11.	Ч-87/237	-//-	кв. 309, гл. 0,97-1,07	-//-	-//-	4,78	20	-//-
12.	Ч-87/1023	-//-	кв. 310, гл. 2,43	-//-	-//-	3,25	21	-//-
13.	Ч-87/3271	-//-		-//-	-//-	3,35	20	-//-
14.	Ч-87/3593	-//-	к западу от пом. 73, гл. 3,51	-//-	-//-	3,70	21	-//-
15.	Ч-89/1915	-//-		-//-	-//-	-	-	-//-
16.	Ч-93/610	-//-	пом. 97	-//-	-//-	6,91	20	-//-

№ п/п	№ по описи	Определение	Место находки	Дата	Металл	Вес (г)	Д-р (мм)	Литература
17.	Ч-98/680	-//-	пом. 111, гл. 2,90-3,50	-//-	-//-	-	-	-//-
18.	Ч-00/697	-//-	пом. 115, гл. 2,37	-//-	-//-	3,99	20	-//-
19.	Ч-69/1382	Грифон — Дева	кв. 159, гл. 0,30-0,35	4-я четв. IV в.	AE	6,54	23	*Анохин*, 60-62
20.	Ч-93/220	-//-	кв. 159, возле зап. стены	-//-	-//-	9,57	24	-//- (Рис. I, 4)
21.	Ч-87/3592	Дева — Грифон		-//-	-//-	-	-	*Анохин*, 64-65
22.	Ч-89/1499	-//-	кв. 11, гл. 3,28	-//-	-//-	7,82	25	-//- (Рис. I, 5)
23.	Ч-78/3014	-//-	кв. 280, гл. 2,00	-//-	-//-	4,33	21	*Анохин*, 70-74
24.	Ч-80/2939	-//-	пом. А5, гл. 2,40-2,60	-//-	-//-	2,93	20	-//- (Рис. I, 6)
25.	Ч-86/1343	-//-	кв. 43, 2,50-2,70	-//-	-//-	3,39	21	-//- (Рис. I, 7)
26.	Ч-63/395	-//-, над спиной грифона — ΒΑΘΥΛΛΟΥ	пом. П, гл. 0,35-0,55	-//-	-//-	5,23	20	*Анохин*, 72
27.	Ч-77/2409	Грифон — Дева, в обрезе — ΕΥΔΡΟΜΟΥ		-//-	-//-	-	-	*Анохин*, 76
28.	Ч-63/220	Дева — Грифон, надч. «дельфин»		1-я четв. III в.	-//-	5,57	21	*Анохин*, 70-74
29.	Ч-76/2191	Дева, убив. лань — Бык, обрез — ΕΥΔΡΟΜΟΥ		рубеж IV-III вв.	-//-	5,68	19	*Анохин*, 77 (Рис. I, 8)
30.	Н-2368	-//-, ΔΙΑΓΟ[ΡΑ		-//-	-//-	5,11	21	*Анохин*, 78
31.	Ч-79/1993	-//-, ΣΥΡΙΣΚΟΥ	кв. 106-107, гл. 1,80-2,00	-//-	-//-	5,65	22	*Анохин*, 79
32.	Ч-00/1488	-//-, ΣΥ]ΡΙΣΚ[ΟΥ	кв. 108, материк	-//-	-//-	5,68	20	-//-
33.	Ч-77/1083	-//-, ΚΛΕΜΥΤΑΔ[Α	кв. 275, гл. 1,80	-//-	-//-	5,73	20	*Анохин*, 80
34.	Н-3423	-//-, ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ		-//-	-//-	6,37	21	-//-
35.	Ч-77/1166	Дева, убив. лань — Бык		-//-	-//-	-	-	*Анохин*, 77-81
36.	Ч-89/1158	Голова Геракла, надч. «молния» — Бык, ΝΕΥΠΟ[ΛΕΟΣ, надч. «дельфин»	кв. 307, гл. 2,95	1-я четв. III в.	AR	3,92	18	*Анохин*, 114 (Рис. II, 1)
КЕРКИНИТИДА								
37.	Ч-63/127	Сидящий скиф — Лошадь, обрез -ΚΑΛΛΙ…		4-я четв. IV в.	AE	5,26	21	*Анохин (б)*, 413-414 (Рис. I, 9)
38.	Ч-69/1101	-//-	кв. 94, гл. 0,25-0,30	-//-	-//-	3,81	20	-//-
39.	Ч-63/345	-//-, ΙΠΠΟ (обломана)		-//-	-//-	4,62	20	*Анохин (б)*, 416 (Рис. I, 10)
40.	Ч-63/396	-//-, ΚΑΛΛΙΑ (обломана)		-//-	-//-	2,85	21	*Анохин (б)*, 414
41.	Н-2371	-//-		-//-	-//-	8,14	22	-//-
42.	Ч-86/597	-//-	пом. 76, гл. 2,73	-//-	-//-	5,11	20	-//-
43.	Ч-87/1022	-//-	кв. 310, гл. 2,25	-//-	-//-	3,60	20	-//-
44.	Ч-83/29	-//-, ΚΑ]ΛΛΙ[Α	пом. 61а, гл. 2,18-2,38	-//-	-//-	2,92	20	-//- (Рис. I, 12)
45.	Ч-87/2503	-//-, ΚΑΛΛ[Ι Α	зап. борт раскопа	-//-	-//-	2,60	21	-//-
46.	Ч-00/703	-//-	кв. 156, гл. 2,36	-//-	-//-	3,99	21	-//-

№ п/п	№ по описи	Определение	Место находки	Дата	Металл	Вес (г)	Д-р (мм)	Литература
47.	Ч-00/1227	-//-, КАΛ]Λ[I A	кв. 180/105, гл. 2,45	-//-	-//-	4,80	20	-//-
48.	Ч-79/3201	-//-, EPMA		-//-	-//-	3,21	18	*Анохин (б),* 415
49.	Ч-92/25	-//-		-//-	-//-	-	-	-//-
50.	Ч-83/1071	-//-, EPM[A (обломана)	кв. 151, гл. 0,81-1,02	-//-	-//-	3,37	20	-//-
51.	Ч-83/1714	-//-,E[P]MA (обломана)		-//-	-//-	4,36	20	-//-
52.	Н-2372	-//-, ΓΕΛΩ (обломана)		-//-	-//-	4,75	21	*Анохин (б),* 417 (Рис. I, 11)
53.	Ч-87/549	-//- (обломана)	кв. 309, гл. 2,22	-//-	-//-	2,9,	19	-//-
54.	Ч-63/143	Сидящий скиф — Лошадь		-//-	-//-	3,93	20	*Анохин (б),* 413-418
55.	Ч-63/418	-//-		-//-	-//-	4,87	21	-//-
56.	Н-373	-//- (обломана)		-//-	-//-	2,33	17	-//-
57.	Ч-80/2454	-//- (обломана)	пом. $Б_2$, гл. 1,10-1,20	-//-	-//-	2,73	20	-//-
58.	Ч-85/4102	-//- (обломана)	пом. 63, на полу 2-ого периода	-//-	-//-	2,08	20	-//-
59.	Ч-85/4104	-//-	пом. 63, на полу 2-ого периода	-//-	-//-	4,00	19	-//-
60.	Ч-86/496	-//- (обломана)		-//-	-//-	3,25	19	-//-
61.	Ч-86/2112	-//-	пом. 74, гл. 2,60-2,70	-//-	-//-	3,19	20	-//-
62	Н-3244	-//- (обломана)		-//-	-//-	1,76	18	-//-
63.	Ч-87/3270	-//-	гл. 2,59	-//-	-//-	4,44	20	-//-
64.	Ч-89/796	-//-	кв. 64, гл. 3,25	-//-	-//-	3,92	19	-//-
65.	Ч-89/1210	-//-		-//-	-//-	-	-	-//-
66.	Ч-89/1241	-//-		-//-	-//-	-	-	-//-
67.	Ч-98/257	-//-	пом. 110, гл. 2,73-3,04	-//-	-//-	-	-	-//-
68.	Ч-00/905	-//-	пом. 115, гл. 2,53	-//-	-//-	2,24	18	-//-
69.	Н-3245	Голова Артемиды — Лань (обломана)		-//-	-//-	0,82	15	*Анохин (б),* 420-421
ОЛЬВИЯ								
70.	ЧН-80/198	Голова Борисфена — Оружие, IK	курган 30	4-я четв. IV в.	AE	9,51	23	*Карышковский,* Т. II, 6-7 (Рис. II, 2)
71.	Ч-63/144	-//-, API		1-я четв. III в.	-//-	6,61	19	*Карышковский,* Т.X, 7 (Рис. II, 3)
ПАНТИКАПЕЙ								
72.	Ч-01/649	Голова бородатого Сатира — Протома грифона, ΠAN (пробита)		4-я четв. IV в.	-//-	4,00	22	*Анохин (а),* 111 (Рис.. II, 4)
НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МОНЕТЫ								
73.	Ч-76/3217	-	сл. нах.	-	-//-	4,41	23	
74.	Ч-83/332	-	пом. 62, пол	-	-//-	2,21	17	
75.	Ч-84/59	-		-	-//-	-	-	
76.	Ч-84/106	-		-	-//-	-	-	
77.	Ч-84/107	-		-	-//-	-	-	
78.	Ч-84/124	-		-	-//-	-	-	
79.	Ч-84/141	-		-	-//-	-	-	
80.	Ч-85/2222	-	шурф 3, гл. 3,20-3,50	-	-//-	2,70	15	

№ п/п	№ по описи	Определение	Место находки	Дата	Металл	Вес (г)	Д-р (мм)	Литература
81.	Ч-86/1331	- (обломана)	кв. 43, гл. 2,70-2,90	-	-//-	2,22	21	
82.	Ч-88/686	-	кв. 11, гл. 2,68	-	-//-	0,86	14	
83.	Ч-89/1770	-		-	-//-	-	-	
84.	Ч-89/1771	-		-	-//-	-	-	
85.	Ч-90/342	-	кв.318, гл.1,95	-	-//-	5,24	21	
86.	Ч-95/215	-	сл. нах.	-	-//-	-	-	

Примечание: в каталоге даются ссылки на следующие издания — *Анохин* (*Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса Таврического. Киев, 1977); *Анохин (а)* (*Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев,1986); *Анохин (б)* (*Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989); *Карышковский* (*Карышковский П.О.* Ольвийские борисфены //НиСф. Вып.3. Киев, 1968)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. IOSPE I², 401.
2. *Карасев А.Н.* Раскопки городища Чайка в Евпатории //АО 1966 г. М., 1967. С. 215; *Столба В.Ф.* Монетная чеканка Керкинитиды и некоторые вопросы херсонесско-керкинитидских отношений в IV-III вв. до н.э. //Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 153; *Saprykin S.J.* Heracleia Pontica and Tauris Chersonesus before Roman Domination (VI-I centuries B.C.). Amsterdam, 1997. P. 120.
3. *Кутайсов В.А*. Античный город Керкинитида. Киев, 1990. С. 150-151.
4. *Яценко И.В., Турина Т.Н.* Здание III в. до н.э. на городище Чайка в Евпатории (вариант реконструкции) //Памятники раннего железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С. 133.
5. Там же. Рис.1; *Popova E.A., Kovalenko S.A.* Notes on the New Farmhousecomplexes and the Entrance to the Chaika Settlement //North Pontic Arcaeology. Recent Discoveries and Studies. Leiden, 2001. Fig. 14-17.
6. *Колесников А.Б.* Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе Евпатории. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985; *Коваленко С.А.* Античное сельскохозяйственное поселение близ села Песчаное //Памятники раннего железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991.
7. *Яценко И.В., Турина Т.Н.* Здание III в. до н.э… С. 134-135; *Карасев А.Н.* Раскопки городища у санатория Чайка близ Евпатории в 1963 г. //КСИА. Вып. 103. 1965. С. 139.
8. *Saprykin S.J.* Ancient farms and land-plots on the khora of Khersonesos Taurike. Research in the Herakleian Peninsula 1974-1990. Amsterdam, 1994. P. 75-76.
9. *Яценко И.В., Турина Т.Н*. Здание III в. до н.э…; *Popova E.A., Kovalenko S.A.* Notes on the New Farmhousecomplexes…P. 205-221.
10. *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 128.
11. *Колесников А.Б.* Монеты из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка //Памятники раннего железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991.
12. *Дашевская О.Д.* Работы Донузлавской экспедиции //АО 1967 г. М., 1968. С. 215; *Она же.* Античная башня на городище Беляус //КСИА. Вып. 116, 1969. С. 91; *Высотская Т.Н.* Древнегреческое поселение в пос. Межводное //АО 1968 г. М., 1969. С. 296; *Голенко К.В., Щеглов А.Н.* Три позднеэллинистические тетрадрахмы из Северо-Западного Крыма //ВДИ. 1971. №1. С. 42; *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым… С. 123; *Колесников А.Б.* Греческие сельскохозяйственные усадьбы… С. 14; *Гилевич А.М.* Монета Лариссы с поселения Панское I //Древнее Причерноморье. Одесса, 1989. С.19-20; *Кутайсов В.А*. Античный город Керкинитида. С. 106; *Гилевич А.М., Столба В.Ф., Щеглов А.Н.* Находка монеты Истрии в Северо-Западном Крыму //Древнее Причерноморье. Одесса, 1991. С. 22-23; *Ланцов С.Б.* Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры //Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 73; *Гилевич А.М., Щеглов А.Н.* Материалы к нумизматической карте Северо-Западного Крыма //Пятая Все-

российская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. М., 1997. С. 21-22; *Столба В.Ф., Голенцов А.С.* Монеты из раскопок и случайных находок на Южно-Донузлавском городище //Syssitia. Спб., 2000. С. 274-280.
13. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса Таврического. Киев, 1977. №27-32; *Коваленко С.А.* О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху //НЭ. XVI. М., 1999. С. 122-123.
14. *Туровский Е.Я.* Усадьба надела 46 на Гераклейском полуострове //Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988 гг. Севастополь, 1988. С. 117.
15. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса Таврического. №13-15; *Коваленко С.А.* О монетном деле Херсонеса Таврического… С. 127.
16. *Зограф А.Н.* Античные монеты. М; Л., 1951. С. 148; *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса Таврического. С. 25, №36-56; *Туровский Е.Я.* Монеты независимого Херсонеса. Севастополь, 1997. С. 14.
17. *Зограф А.Н.* Античные монеты. С. 148; *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса Таврического. С. 138, №60-76; *Туровский Е.Я.* Монеты независимого Херсонеса. С. 15.
18. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса Таврического. С. 139, №77-81; *Туровский Е.Я.* Монеты независимого Херсонеса. С. 16.
19. *Анохин В.А.* Монетное дело и денежное обращение Керкинитиды (по материалам раскопок 1980-1982 гг) //Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 138; *Он же.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. №413-421; *Столба В.Ф.* Еще раз о керкинитидских монетах IV-III вв. до н.э. //Древнее Причерноморье. Одесса, 1989. С. 149.
20. *Анохин В.А.* Монетное дело и денежное обращение Керкинитиды. С. 138-139; *Столба В.Ф.* Еще раз о керкинитидских монетах… С.50.
21. *Анохин В.А.* Монетное дело и денежное обращение Керкинитиды. С. 138.
22. *Гилевич А.М.* Херсонес и Северо-Западный Крым по нумизматическим данным //Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении. Тезисы докладов. Л., 1987. С. 55.
23. *Popova E.A., Kovalenko S.A.* Notes on the New Farmhousecomplexes… P. 217-220.
24. *Колесников А.Б.* Монеты из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка. С. 186-187.
25. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса Таврического. №114; *Столба В.Ф., Голенцов А.С.* Монеты из раскопок и случайных находок… С. 275, 277. Рис. 1.
26. *Туровский Е.Я.* О хронологии серебряных монет Херсонеса конца IV-III вв. до н.э. //Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1990. С. 39; *Он же.* Монеты независимого Херсонеса. С. 26.
27. *Карышковский П.О.* Ольвийские борисфены //НиСф. Вып.3. Киев, 1968. Табл. II, 6-7. Табл. X, 7.
28. *Русяева А.С.* Экономические и культурно-политические связи Ольвии и Херсонеса //Археологія. 44. 1983. С. 8-9; *Золотарев М.И.* Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в IV-II вв. до н.э. (по материалам херсонесских керамических клейм из Ольвии) //Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 124-125.
29. *Карышковский П.О.* Ольвия и Херсонес по нумизматическим данным //Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского археологического музея за 1963 г. Одесса, 1965. С. 160, 164; *Золотарев М.И.* Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в V-II вв. до н.э. по нумизматическим данным //Древнее Причерноморье. Одесса, 1989. С. 30.
30. Там же.
31. *Анохин В.А.* Монетное дело и денежное обращение Керкинитиды. С. 140, №7-10.
32. *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым… С. 123.
33. *Карышковский П.О.* Ольвия и Херсонес по нумизматическим данным. С. 164; *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым… С. 123.

34. *Яценко И.В., Турина Т.Н.* Здание III в. до н.э… С. 134.
35. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. №111.
36. *Колесников А.Б.* Монеты из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка. №40.
37. *Карышковский П.О.* Ольвийские борисфены. С. 76. Табл. 4, группа IX; *Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. С. 108, №213; *Туровский Е.Я.* О хронологии серебряных монет Херсонеса… С. 39.
38. *Столба В.Ф.* К вопросу о кризисе денежного обращения в III в. до н.э. //Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1990. С. 41; *Туровский Е.Я.* Монеты независимого Херсонеса. С. 24-25.
39. *Костромичева Т.И., Алексеенко Н.А.* Клад херсонесских монет IV-III вв. до н.э. //КСИА. Вып. 174. 1983. С. 43; *Туровский Е.Я.* Монеты независимого Херсонеса. С. 26.

S.A. KOVALENKO

COIN FINDS FROM THE SETTLEMENT CHAIKA IN THE NORTH-WESTERN CRIMEA (1959-2001)

The article deals with publication of the coins found during archaeological excavations of the Chaika settlement. Analysis of the numismatic material including mostly Chersonesian coins confirms as well as that of the other archaelogical finds Chersonesian origin of the settlement. Coin finds in question play an important role for the definition of the general chronological frames of the monument and help to specify the dates of separate periods in its existence. Apart from Chersonesian coins those of Cercinitis, Olbia and Panticapaeum have been discovered on the site. Coin finds testify in favour of the active trade connections of the settlement with the other regions of the Northern Black Sea Littoral.

А.В. ЗАМОРЯХИН (Пермь)

КРЫМСКИЕ ГОТЫ В ЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИДЫ В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

События 1917 г. и последующая гражданская война стали рубежными для всей отечественной исторической науки и для изучения истории крымских готов в частности. Сменился состав исследователей. Наряду со специалистами старой школы всё больше работ выходит из-под пера молодых учёных, гораздо более восприимчивых как к общественным, так и идеологическим изменениям. Между тем перемены в стране серьёзно отразились на содержании исторических работ. Многие из них, особенно исследования, посвящённые событиям конца XIX – начала XX вв., подвергаются тщательной фильтрации на предмет лояльности к новой власти. Даже изучение более далёких эпох должно было теперь строго соответствовать формационной методологии. Это приводило к тому, что порой результаты изысканий учёных в угоду политической конъюнктуре и в ущерб собственно исследовательскому моменту подгонялись под единую схему. При этом методология, а следовательно, и итоги изучения какой-либо проблемы в дореволюционное время объявлялись полностью или в отдельных моментах, зачастую ключевых, неверными.

Изменившаяся ситуация позволила, с одной стороны, по-новому взглянуть на уже устоявшиеся решения, выявить их слабые места, больше внимания обращать на социально-экономическую сторону вопроса. В то же время схематизация новых исследований, их практически абсолютное существование в рамках теории общественно-экономических формаций не могло не способствовать формированию достаточно однобокого взгляда на историю, в котором одни проблемы (к примеру, история классовой борьбы) явно превалировали за счёт умаления значения других (в частности, истории церкви). Всё это в той или иной степени коснулось и изучения истории крымских готов.

Одним из важнейших вопросов, к которым обращались учёные постреволюционной эпохи была проблема этнической идентификации готов на территории Крыма. Н. Я. Марр отмечал, что готский вопрос, состояние которого он считал много худшим, нежели русского, является одним из основных в истории Восточной Европы, и без его разрешения трудно будет сдвинуть с места «этногоническую проблему европейского Востока»[1].

До 1917 г. традиционно крымские памятники связывались с готами[2]. В ряде работ 1920-1930-х гг. специалисты продолжали пользоваться наработками дореволюционной школы по этому вопросу. Так, анонимный автор статьи «Южный Крым и его прошлое» признавал, что «по количеству чисто готских памятников Крым стоит на первом месте во всей Европе»[3]. Именно с готами он связывал историю крымских пещерных городов. Несомненные остатки готского стиля V-VI вв. он находил в некрополе Мангупа. Деформацию черепов, как и представители дореволюционной науки[4] , аноним считал характерной чертой готской культуры. В то же время этот обычай, по мнению автора, служил для классового различия, и был распространён только среди знати[5].

Наиболее значительной среди отражающих точку зрения представителей «дореволюционного» направления следует считать посвящённую данному вопросу часть монографии Ю. В. Готье «Железный век в Восточной Европе». По его мнению, готы, как самостоятельное племя, сохранившее к тому же родной германский язык, просуществовали в Крыму не менее чем до XVI в[6].

Как писал Ю. В. Готье, готы, в III веке проникнув в Крым, заняли горные долины, южный берег, а также степь. В горах ими были подчинены немногочисленные остатки племён тавров и скифов, которые постепенно стали ассимилироваться с новыми пришельцами. Также готами было покорено Боспорское царство. Оружие и украшения, находимые в районе Керчи и её окрестностей, одинаковы по типу с теми, которые встречаются в готских могилах южного берега Крыма[7].

Ю. В. Готье попытался определить то значение, которое имело для всей Восточной Европы готское господство в III-IV вв. Они, по мнению автора, стали играть ту же роль, которую в политическом и культурном отношении прежде в этом регионе играли скифы, в то же время предвосхищая позднейшее образование древнерусской державы. Войдя в контакт с иранским миром, готы обогатили его культурой области вплоть до среднего Днепра и Карпат, играя роль своеобразных посредников. Позднее, в массе своей уйдя на запад, они распространили черты смешанной с восточными влияниями культуры, которую они освоили в соприкосновении с Боспорским царством, по всей Европе. Этот стиль в инвентаре и предметах прикладного искусства получил название готского[8], хотя, на самом деле, он, по мнению учёного, уже существовал к тому времени в Боспорском царстве и вокруг него. Готы же, оставшиеся в Крыму, также сохранили, как показывают готские могильники, все основные черты материальной культуры, заимствованной прежде у восточных соседей[9].

Ю. В. Готье был одним из немногих авторов послереволюционного времени, обращавшимся к истории готов-тетракситов[10]. Правда, по вопросу их сроков их пребывания на кавказском побережье Чёрного моря он высказывался достаточно неопределённо – «до VI в., а вероятно и позднее»[11]. Одновременно учёный принимал

гипотезу А. А. Васильева[12] о более правильном наименовании этой части готского племени «трапезиты» по имени горы Чатыр-Даг (Трапезус у Страбона) или неизвестного нам города Трапезунта в Крыму (о его существовании сообщает Иордан). По мнению Ю. В. Готье прежде название «трапезиты» прилагалось ко всем таврическим готам, а позднее его сохранила только переселившаяся на восточное побережье Керченского пролива часть племени[13].

Гораздо больше внимания учёный уделял готам, оставшимся в Крыму. Территория Крымской Готии (менявшей с течением времени своё наименование от Дори до Готских Климатов) охватывала, на взгляд Ю. В. Готье, как морское побережье от Балаклавы до Судака, так одновременно и горные районы Крыма. На побережье важнейшие пункты, по его мнению, были в руках Византии (в частности, Горзувиты и Алустон он считал городами, занятыми византийцами), но в то же время и у готов была своя область сосредоточения – между Ялтой и Аю-Дагом, где находились «торжища» Партениты и Курасаиты. Именно эта местность особенно богата готскими могильниками. Но главный центр крымских готов, «их укреплённая твердыня» по словам Ю. В. Готье, располагался в горах. Этим центром он видел Мангуп, в котором готы проживали вплоть до последних времён существования себя как нации[14].

Исследователь пытался разобраться и во внутренней организации крымских готов. На его взгляд, «судя по тому, что монархическое начало было развито у готов ещё тогда, когда они всем народом явились в степи восточной Европы, а также по тем готским князьям, которые существовали в Крыму в последние века готской самостоятельности, можно думать, что у крымских готов с самого начала были свои племенные, потом феодальные вожди, вокруг которых собирался весь...народ»[15]. В качестве примера он приводил сообщение Жития Иоанна Готского, в котором говорилось о «господине Готии» и другом «господине» города Фуллы[16], в котором Ю. В. Готье видел вассала первого. Отношения готов с Византией он называл союзными, но такими, при которых, оказывая покровительство, принимают некоторые меры предосторожности[17].

В целом, исходя из всей совокупности данных археологических и нарративных источников, говорящих о крымских готах, Ю. В. Готье представлял их как небогатый земледельческий народ, который, вероятно, как видно из своеобразного стиля предметов, находимых в могильниках, своей одеждой, внешним видом и обычаями отличался от соседей. О военной силе готов учёный высказывался весьма неопределённо, находя подтверждение ей в той роли, которую они сыграли в судьбах Восточной Европы и в прямом свидетельстве Прокопия, но в то же время констатируя наличие в готских могилах только небольших кинжалов и ножей.

У готов, по мнению Ю. В. Готье, существовало уже довольно глубокое социальное расслоение, что подтверждается характером могил. При этом торговой аристократии на южном берегу Крыма, а тем более, в крымских горах, у готов, на взгляд специалиста, образоваться не могло, хотя причин этого он не объясняет, а социальная дифференциация была вызвана наличием феодальной аристократии, которая образовалась ещё в период до ухода основной массы готов на запад и просуществовала вплоть до самого конца существования Готии, если судить по сообщениям о готских князьях XV в.[18]

Жили готы в небольших деревнях, занимались преимущественно земледелием. Были в Готии и города, причём наличие в маленькой области готов такой прекрасной базилики как партенитская, указывает, по мнению Ю. В. Готье, на наличие определённого уровня благосостояния этого региона в VIII-IX вв.[19] Национальное самосознание и свой язык готы продолжали сохранять вплоть до XVI в.[20]

В целом Ю. В. Готье предпринял одну из самых серьёзных попыток на протяжении всего советского периода выявления как готского влияния на европейскую культуру, так и синтетического осмысления готского пребывания в Крыму.

В. Н. Дьяков, занимаясь проблемой проникновения готов в Крым, писал о том, что готы овладели Таврикой достаточно мирным путём, так как на укреплениях римского лимеса и на территории римских крепостей в Крыму нет следов их насильственного взятия. В качестве предположения он высказывал версию о том, что Боспорское царство, чтобы спасти своё существование, было готово пойти на любые уступки, вплоть до добровольной сдачи Тавриды и предоставления в распоряжение готов своего флота. Мирное проникновение готов в Крым привело, на взгляд учёного, к сравнительно быстрой ассимиляции новых пришельцев с местным романизированным и эллинизированным населением. В археологических памятниках IV-V вв. содержится немало предметов, свидетельствующих о римском влиянии, в частности в погребениях в Алуште типично римские сосуды находятся рядом с готскими вещами. Теми же самыми причинами В. Н. Дьяков объяснял быстрый переход готов к оседлости и земледелию.[21]

Также несомненно признавал значение готов в культуре Причерноморья Н. Я. Марр. Он провёл филологический анализ сохранившихся слов готского языка. Однако его попытка связать на этом материале готов родством с «архаическими насельниками Кавказа», а именно с грузинами, мегрелами и чанами[22], не нашла в историографии своего дальнейшего продолжения.

В то же время наряду с продолжателями дореволюционной традиции в изучении крымских готов появляется новая тенденция. Ряд специалистов начинает отрицать хоть сколько бы то ни было значительное готское влияние на территории Северного Причерноморья. Довольно быстро эта точка зрения стала господствующей. Несомненную роль в этом сыграло отрицание в СССР (особенно в 1930-1940-е гг.), за редким исключением, достижений дореволюционной, то бишь «буржуазной» науки, использовавшей историю исходя из своих классовых интересов, в основном якобы с целью переврать, извратить прошлое. Чуть позднее, весьма вероятно, на наш взгляд, негативную роль сыграло то обстоятельство, что немцы в период фашистской оккупации Крыма активно разыскивали следы пребывания готов в этом регионе, стремясь подчеркнуть значение германцев и германской нации для истории Восточной Европы, и возможно, обосновать свои притязания на эти территории.

Пионером подобной антиготской тенденции в советской историографии выступил В. И. Равдоникас в своём обширном исследовании «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья», ставшем одной из важнейших частей «Готского сборника», появившегося в 1932 г. под эгидой Государственной Академии Истории материальной культуры.

В. И. Равдоникас обрушился с критикой на бытовавшее в то время состояние готского вопроса и методы его разрешения предыдущими поколениями учёных. По его мнению, прежде специалисты занимались в основном подтверждением данными археологии сомнительных высказываний Иордана, которые практически не подвергались сомнению, несмотря на то, что целый ряд сведений, содержащихся в его сочинении, не соответствует действительности. Да и археология изучала в основном предметы, носящие характер прикладного искусства и освещающие быт и вкусы высших слоёв общества, массовая же культура оставлялась без внимания[23].

Анализируя итоги предшествующего изучения крымских готов, В. И. Равдоникас выделил наиболее характерные черты стиля, приписываемого готам, при этом практически во всех случаях он обнаруживал уже существовавший аналог этого стиля. Так некрополь на Госпитальной улице в Керчи содержит, по его мнению, гото-сарматскую культуру раннего времени пребывания готов в Крыму. Земляные склепы горного Крыма с захоронением глубоко под землёй учёный называл уже бесспорно готскими. Но подобные земляные склепы, пишет В. И. Равдоникас, находятся практически везде, где известна сарматская культура – на Нижней Волге, под Оренбургом, на Кубани и т. д.[24] Таким образом, сооружение подобных склепов учёный приписывал несомненному сарматскому влиянию.

Такую же преемственность исследователь обнаруживал и в различных вещественных памятниках из инвентаря некрополей Суук-Су, Узень-Баша и Эски-Кермена и Госпитальной улицы в Керчи (фибулы, пряжки, серьги, бусы, керамика). По его мнению, все существенные черты этого комплекса, который обычно приписывали готам, сложились в Причерноморье, и в нём нет ничего, что можно было бы считать принесённым готами извне[25]. Характернейшие предметы готского стиля – лучевые фибулы и фибулы с полукруглым щитком – встреченные в большом количестве в Суук-Су и Керчи, а в дальнейшем по всей Западной Европе, куда проникали готы, формируются, по убеждению В. И. Равдоникаса, не на севере Германии, а в Причерноморье. Исходными формами, на взгляд учёного, были ранние полуримские фибулы, позднее широко распространившиеся в сарматской среде. Результаты этой сарматской переработки и встречаются в готских памятниках. Семантика звериной орнаментации этих фибул имеет, по В. И. Равдоникасу, также причерноморские корни.

В Причерноморье, по мнению учёного, впервые появляются и другие характерные элементы готского стиля – пряжки с птичьими головами, популярный орнаментальный мотив парных фантастических животных с разинутой пастью, полихромный стиль, заключающийся в манере украшать металлические предметы инкрустациями из разноцветных камней, стёкол и кусков специального сплава. Всё это, как отмечал В. И. Равдоникас, было уже в сарматской среде. Другие «готские» элементы – длинные мечи и характерные кинжалы с круглыми инкрустированными рукоятками, принадлежности конской сбруи, нашивные золотые бляшки геометрических форм и с такой же орнаментацией, обычай хоронить с конской уздой, специально изготовленной для погребального обряда – также имели место быть уже у сарматов. У сарматов же, по мнению исследователя, бытовал обычай деформации черепов, ранее приписываемый готам. Получается, что к IV-V вв. произошла не «готизация», а «сарматизация» Крыма[26].

Из всего этого В. И. Равдоникас сделал вывод, что «для готов, вторгшихся как сложившаяся германская народность откуда-то с севера, нет места в культурной истории Причерноморья»[27]. Таким образом, он встал на путь отрицания готской миграции к Чёрному морю. По его рассуждениям, народ со сложившейся культурой не мог оставить всю её на прежнем месте пребывания, а на новом пассивно и механически в стопроцентном объёме заимствовать культуру, сложившуюся в чуждой этносоциальной среде и природных условиях. Даже наличие янтарных бус в Суук-Су, которое ранее было одним из весомых доказательств переселения готов с Балтики, учёный отвергал, относя его за результат римского импорта, «снабжавшего всю Европу однородным, фабрикуемым для массового сбыта товаром»[28]. К тому же янтарные бусы присутствовали и в сарматских могильниках доготской эпохи.

Откуда же в таком случае появились готы? В. И. Равдоникас уверенно заявлял, что к образованию готской народности привели не миграции, а автохтонный процесс непосредственно в Причерноморье. При этом готская культура для него неотделима от сарматской[29]. Исследователь писал: «Для нас готская эпоха в Причерноморье есть прежде всего время возникновения феодализма, а готская проблема есть в первую очередь проблема феодализации»[30]. Согласно его теории в период феодализации на этой территории «путём оседания, скрещения и сплочения более ранних родовых группировок» развёртывается этногенетический процесс, приводящий к новым этническим образованиям. Иначе говоря, готы появились в Причерноморье в период возникновения феодализма автохтонно из ранее бывших здесь племён[31]. При этом мысль В. И. Равдоникаса о тесной связи «протоготской» общности со своими соседями очень схожа с указанными выше построениями Н. Я. Марра, хотя и не является дальнейшим развитием концепции последнего.

Само наименование «готы», по мнению В. И. Равдоникаса, было лишь собирательным и весьма условным термином, под которым скрывались различные этнические группировки: «готы как однородный народ-массив... – конечно, миф...»[32]. Так

как в византийских источниках, говорящих о готских набегах обычно отмечалась разноплемённость готских отрядов, то учёный полагал, что понятие «готы» было таким же собирательным термином, каким прежде были «скифы», «сарматы», «аланы» и т. д. Сами же французские и испанские вестготы, итальянские остготы, крымские готы, по мысли В. И. Равдоникаса, сильно отличались друг от друга составом входящих в них этнических элементов[33].

Крымских готов учёный считал безусловной исторической реальностью, но в каком они отношении состояли к готам-германцам, давать заключение затруднялся, однако, оговариваясь при этом, что этнического тождества между ними не было. Даже лингвистические данные о сходстве языка крымских готов с немецким не могут, по мнению В. И. Равдоникаса, приниматься во внимание, так как язык постепенно подвергался трансформации, к тому же местные языки, а язык готов некоторые источники называли «таврским», имеют сходство с немецким[34].

Из каких же элементов сложились в таком случае крымские готы? Среди них В. И. Равдоникас называл тавров («местный тавро-скифский элемент прощупывается в близости терминов Дорос и Taurus»[35]), сарматов («не сомневаемся, что сармато-готское образование восточной боспорской части Крыма имело отношение к народности позднейшей Крымской Готии»[36]), кимеров (шумеров) («кимерский вклад в готскую народность уже сейчас данными языка и, по-видимому, вещественных памятников сигнализируется достаточно выразительно»[37]).

Некоторые положения теории В. И. Равдоникаса на долгое время стали определяющими в советской историографии. Не всеми специалистами восторженно была принята идея автохтонного возникновения готов в Причерноморье, но мысль о ничтожном вкладе в историческое развитие региона готов-германцев стала основополагающей для советской исторической науки на несколько десятилетий.

Так, А. Д. Удальцов отмечал, что готы пришли в Причерноморье, будучи ещё на сравнительно низкой ступени культурного развития, здесь они встретились с культурой более высокого порядка, сармато-аланской, которая в свою очередь была преемницей греко-скифской, восприняли эту культуру и в дальнейшем перенесли её на запад. Готы не представляли собой какого-либо политического единства и не основали в Причерноморье обширного государства. Их усиление при Германарихе, шедшее параллельно с образованием таких же крупных военноплеменных союзов – антского и аланского, было временным и быстро распалось под ударами гуннов и тех же антов[38].

С. Ф. Стржелецкий определял крымские памятники раннего средневековья как местные, имевшие к тому времени длительное развитие. Также имеющим длительную историю и не относящимся к готам он полагал обычай деформации черепов[39]. Привлекая некоторые письменные свидетельства, в частности сообщение автора «Жития Иоанна Готского», который называл юго-западный Крым землёй тавро-скифов, принадлежащей стране готов, С. Ф. Стржелецкий делал вывод, что «готские» могильники, «готские» вещи и «готская» культура юго-западного Крыма в действительности представляют собой памятники местной материальной культуры, которая складывалась в результате синтеза двух компонентов: местного, таврского, а затем тавро-скифского, с одной стороны, и греко-римского, с другой.

С. Ф. Стржелецкий не отрицал пребывания готов в Крыму, однако, по его мнению, если они и оказали влияние на местный характер материальной культуры и автохтонно развивающееся общество юго-западного Крыма, то весьма второстепенное[40]. На этой концепции было основано его достаточно произвольное толкование нарративных источников. Так, по его мнению, «Житие Иоанна Готского» говорит о тавро-скифской основной массе населения и готской господствующей верхушке. В сообщении Гильома Рубрука, в 1253 г. нашедшего в 40 замках между Судаком и Балаклавой «много готов, язык которых немецкий»[41], слово «много», по мнению учёного, свидетельствует об их меньшинстве (!) по сравнению с основной

массой населения. Приходится признать, что научная основа подобных предположений была невелика.

Исследователь соглашался с В. И. Равдоникасом в том, что крымские готы являются, скорее, собирательным и весьма условным термином. Поэтому готы, жившие на Боспоре и попавшие под мощное влияние сарматской культуры являлись, по его мнению, по сути разными народами с готами юго-западного Крыма, на которых определяющее влияние оказали тавро-скифы[42]. В своей основе взгляды С. Ф. Стржелецкого полностью совпадали с положениями В. И. Равдоникаса о местном характере феодализации Причерноморья, а данные раскопок, которые он проводил в Инкермане, являлись конкретным прослеживанием этого процесса для юго-западного Крыма[43].

В другой более поздней статье С. Ф. Стржелецкий совместно с Е. В. Веймарном подробно рассматривает материал раннесредневековых крымских могильников. Обычай деформации черепов вновь назван сарматским, причём на его основе сарматское влияние исследователи распространяют не только на территорию Боспорского царства, но и на горный Крым[44].

Другие материалы древних могильников, в частности трупосожжение, распространение бронзовых «пальчатых» фибул, имеющие такое несомненное сходство с находками в Среднем Поднепровье, что исследователи даже говорили о наличии постоянного древнего пути от Днепра по Чёрному морю к устьям Дона и Кубани вдоль крымского побережья, соавторы называют славянскими. При этом С. Ф. Стржелецкий и Е. В. Веймарн постоянно ссылались на данные раскопок дореволюционных учёных, которые в своих интерпретациях приписывали все эти материалы готам. Однако соавторы об этом не сообщают и вообще слово «готы» в их статье не упоминается. Начало распространения этих материалов в Крыму привело их к выводу о расселении славян в Тавриде уже в III веке нашей эры и о дальнейшем упрочении влияния славянского элемента на полуострове[45].

Построения В. И. Равдоникаса и С. Ф. Стржелецкого показались убедительными антропологу Г. Ф. Дебецу, выразившему с ними своё полное согласие. Отрицая вслед за ними концепцию германского происхождения населения средневекового горного Крыма, он писал о том, что «никаких указаний на специфически скандинавские или прибалтийские элементы археологические данные не дают»[46]. Проводя собственно антропологические изыскания, Г. Ф. Дебец попытался выяснить насколько антропологический тип захоронений в Эски-Кермене, Мангупе, Кыз-Куле и Челтере мог быть характерен для настоящих готов. Черепа северопричерноморских раскопок – в Николаевке близ Ольвии и полей погребальных урн, приписываемые иногда готам, имеют, по мнению исследователя определённое сходство со скандинавскими, но совершенно непохожи на крымские. Из этого учёный сделал вывод, что предположение о германском происхождении крымских готов следует отбросить[47].

Разбирая одновременно очень скудный доготский материал могильников Крыма, Г. Ф. Дебец обнаружил в нём гораздо большее сходство с типом «крымских готов». Поэтому, на его взгляд, основной тип населения «готских» городов, имел наибольшее сходство с сарматами волжской дельты и крымскими таврами. Германский элемент в крымских захоронениях Г. Ф. Дебец не отрицал окончательно, отмечая только, что если германская примесь и была, то сводилась к весьма незначительному проценту, не оказавшему заметного влияния на антропологический состав населения. Тем не менее, учёный признавал, что палеоантропологическое исследование «готской» проблемы ещё далеко нельзя считать законченным[48].

А. Л. Якобсон обращался к содержанию термина «Готия», который в дореволюционный период и в работе А. А. Васильева применительно ко всему средневековью рассматривался как «страна готов», населённая прежде всего готами. Поэтому, критикуя исследования предшественников, А. Л. Якобсон не соглашался с тем, что

любой факт истории, относящийся к юго-западному горному Крыму, немедленно объявлялся имеющим отношение к готам. Учёный обращал внимание на этническую пестроту и многоплемённость этого региона, где жили греки, хазары, евреи, аланы, татары и т. д. Термин же «Готия», присоединяясь к давней точке зрения В. Н. Юргевича[49], А. Л. Якобсон объявлял церковно-топографическим, появившимся с возникновением готской епархии и просуществовавшим в этом значении вплоть до присоединения Крыма к России. Церковно-топографическое значение обусловило перенос термина и в географическую плоскость, в которой значение понятия «Готия» было лишь условным[50].

«Антиготизм» проявился и в докладе А. Л. Якобсона на объединённом заседании московской и ленинградской групп по истории Византии при институте истории АН СССР в 1948 г. По мнению докладчика археологические исследования Херсонеса полностью разрушают миф о готской державе в Крыму и свидетельствуют о полном отсутствии на полуострове каких-либо следов готского влияния[51].

Антиготская парадигма была характерна и для научно-популярной литературы конца 1930-х – первой половины 1950-х гг. В качестве иллюстрации можно привести высказывания П. Н. Надинского, клеймящего «немецких буржуазных историков и их подпевал» за то, что маленькую группу крымских готов они «...пытались, грубо фальсифицируя историю, изобразить «народом», якобы «оплодотворившим» своей готской культурой население Крыма. Больше того, они приписывали этой группке готов создание в Крыму самостоятельного государства, которое будто бы просуществовало здесь вплоть до XIV-XV веков и даже далее»[52]. Сам автор считал готов полностью растворившимися среди местного населения.

Со второй половины 1950-х гг. отношение к готам и готской проблеме претерпевает некоторые изменения. Полного отказа от «антиготизма» не произошло, но он существенно смягчается.

Весьма характерной для этого этапа разрешения готской проблемы является статья А. П. Смирнова «К вопросу об истоках Приазовской Руси», появившаяся в 1958 г. Констатируя сложность этнического определения черняховской культуры, учёный отмечал пагубную роль В. И. Равдоникаса, который «наперекор историческим фактам» утверждал отсутствие каких бы то ни было германских племён на территории Восточной Европы в III-IV вв. Это, по мнению А. П. Смирнова, завело готскую проблему в тупик.

В качестве предварительных соображений по этому поводу, исследователь попытался отделить славянские погребальные памятники черняховской культуры от готских. И для первых, и для вторых, по мнению учёного, присущ обряд трупосожжения. Однако славянские погребения представлены простыми захоронениями пепла сожжённых трупов в ямках или в урнах (это характерно как для более ранней лужицкой культуры, так и для более поздних средневековых славянских захоронений под курганами), а готские памятники, как и их аналоги в Повисленье представляют из себя каменные ящики, вмещающие урны с пеплом, без следов курганных насыпей. Подобные могилы в виде комплексов помимо Польши известны и на Карпатах, и на территории Украины[53].

Встречаются подобные могилы и в Крыму, например, в захоронениях, открытых С. Ф. Стржелецким близ совхоза №10, а также в Херсонесе. Однако таких погребений немного. Это, по мнению А. П. Смирнова говорит о том, что готы растворились в местной этнической среде. «Отсутствие комплекса вещей, который можно было бы приписать готам, свидетельствует о том. что эти племена, давшие имя крупному племенному союзу, сыгравшему большую роль в политической жизни Причерноморья, не оказали сколько-нибудь значительного влияния на культурное развитие последнего»[54]. А. П. Смирнов объяснял это обстоятельство тем, что по уровню своей культуры готы не могли соперничать с существовавшими здесь высокой римской и достаточно высокой сарматской культурами. Поэтому они сами по-

пали под влияние более культурного местного населения, не оказав на местную культуру никакого или почти никакого влияния. Тем не менее в горной части Крыма им удалось сохранить родной язык вплоть до XVI в., о чём свидетельствуют нарративные памятники того времени[55]. А. П. Смирнов присоединялся к точке зрения Веймарна и Стржелецкого о проникновении славян в Крым в III в., поэтому вслед за ними часть памятников, которые прежде приписывались готам, относил к славянам[56]. Однако он констатировал, что готская проблема ещё далека от своего разрешения[57].

Переводчик и комментатор ряда важнейших нарративных источников, имеющих отношение к крымским готам, Е. Ч. Скржинская отмечала условность термина «Готия». Территорию, которую он понимала под этим названием – прибрежную полосу от Балаклавы до Судака – занимало, на её взгляд, местное население[58]. Однако, крымские готы сохранились в горах, где образовали княжество Феодоро[59] и долгое время сохраняли родной язык[60]. Употребление непосредственно бывавшим в Крыму крупным венецианским дипломатом Иосафатом Барбаро, этнического названия «готаланы» (точнее самоназвания – «chiamose Gothalani»)[61], по мнению Е. Ч. Скржинской даёт основания предполагать, что в XV в. было в употреблении такое этническое название, причём исходившее, по-видимому, от самих носителей[62].

Позиция некоторых исследователей, прежде активно протестовавших против готского присутствия в Крыму, в конце 1950-х – 1970-е гг. несколько смягчается. Так, Е. В. Веймарн, прежде не находивший места готам в Крыму, в 1960-е гг. отмечал, что готы-германцы в ходе своего переселения всё же проникли в Крым. Однако за время длительных передвижений произошла их этническая, а ещё в большей степени культурная ассимиляция многочисленными аборигенами, носителями более высокой культуры. С приходом готов в Крым он связывал значительные разрушения городов и земледельческих поселений полуострова[63], в том числе гибель ряда городов Боспорского царства – Илурата, Мирмекия, Киммерика[64].

Ассимиляцией местным населением готов объяснялось им противоречие между упоминанием готов в нарративных источниках на протяжении всего средневековья и отсутствием в археологических и антропологических памятниках следов германцев. Сам этноним «готы», на взгляд учёного, носит весьма расплывчатый характер. Греческие авторы, пишет он, называли одни и те же варварские племена то готами, то гетами, то скифами, позднее появляется термин «готаланы». Поэтому, по мнению самого Е. В. Веймарна, «так называемые готы на юге Восточной Европы представляли собой конгломерат этнически различных племён, в котором лишь поначалу главенствовали готы...»[65]. Тем не менее и он объявлял дальнейшее всестороннее исследование готского вопроса, а именно указанного выше противоречия, одной из актуальных задач исторической науки[66].

Похожую эволюцию претерпели взгляды А. Л. Якобсона. В начале 1970-х гг. он уже называл готов в качестве одного из компонентов таврического племенного мира. Готы, по его мнению, жили в юго-западном Крыму, куда были оттеснены в начале средневековья гуннами[67]. Этнический мир средневекового Крыма, на взгляд учёного, невозможно назвать однозначно греческим, аланским, праболгарским или готским. «Различные народности края, долгое время находившиеся в постоянном общении и тесном взаимодействии, образовали единый этнический сплав. (VIII-IX вв. – А. З.)... – это время формирования в стране единой средневековой народности, в которой растворялись различные этнические элементы...»[68].

Предтечей постепенного возврата к дореволюционной концепции представлений о крымских готах являются взгляды О. И. Домбровского. Он вновь возвращался к рассмотрению памятников «готского стиля», который на разных фазах его развития можно проследить в разных местах Крыма, а в наиболее зрелом виде он представлен на южном берегу, причём не в восточной его части, наиболее близкой к

одному из очагов формирования «готского стиля» – Боспору, а в его центре – между Симеизом и Аю-Дагом, в основном возле Гурзуфа (Суук-Су, Артек). В зрелом виде эти памятники представлены также в некоторых могильниках юго-западного предгорья (Бакла, Чуфут-Кале и др.).

О. И. Домбровский отмечал характерные черты этого стиля – золотые, серебряные с позолотой или бронзовые фибулы и пряжки с изображением хищных птиц и змей. Эти вещи украшены разноцветными вставками из драгоценных камней, силикатной паста или пластинками стекла. Также для этих мест характерны плитовые могильники и захоронения в колодах. Появление подобных вещей и обрядов исследователем связывалось с готами, которые, по мнению учёного, в дальнейшем под натиском гуннов частично были вынуждены спуститься с предгорий на южное побережье.

В отличие от многих отечественных специалистов советской эпохи О. И. Домбровский признавал, что художественный стиль и другие элементы культуры были занесены в Крым потоком пришельцев и в дальнейшем стали здесь преобладающими. Таким образом, взгляды О. И. Домбровского практически полностью повторяют преобладающую в дореволюционный период точку зрения. Однако учёный всё же полагал, что население горного Крыма и его южного берега было смешанным, что нашло отражение в употреблении им термина «псевдоготский стиль», а также заключении слова «готы» в кавычки при характеристике их как основного элемента населения указанных областей средневекового Крыма[69]. Также О. И. Домбровский присоединялся к ранее высказанной точке зрения, что термин «Готия» не обрёл реального политического содержания, не стал названием государства, а употреблялся лишь в церковно-топографическом смысле как обозначение самой крупной в средневековом Крыму епархии, территориальные границы которой были условными и не раз изменялись[70].

Таким образом, для исследований второй половины 1950-х – 1970-х гг. характерно постепенное смягчение «антиготизма» предыдущего периода.

И только в последние годы маятник разработки вопроса об этнической сущности готов и об их вкладе в культуру Северного Причерноморья ощутимо качнулся в обратную сторону.

Так И. Н. Храпунов, исследуя переход от античности к средневековью в Крыму, отмечает серьёзные этнические трансформации, произошедшие в Крыму в середине III в. н.э. Именно в это время гибнут многочисленные прежде позднескифские поселения, а также появляются две новые группы могильников – с трупосожжениями и трупоположениями. Эти метаморфозы И. Н. Храпунов, а также другие современные исследователи объясняют проникновением в Крым готского племенного союза, включавшего помимо германцев также аланов. При этом трупоположения считают характерными для аланов, а кремацию покойников – для готов-германцев. По мнению И. Н. Храпунова территориальное расположение памятников говорит о том, что южный берег Крыма во второй половине III в. принадлежал германцам, а в предгорьях жили уцелевшие после готских походов сарматы[71].

Также исследователь отмечает, что готская экспансия на Боспорское царство, апофеозом которой стали их морские походы второй половины III в., настолько способствовала ослаблению этого государства, что через его территорию после этого беспрепятственно прошли северокавказские аланы, которые в IV в. составили основное население крымских предгорий[72].

Схожую точку зрения на проникновение германцев в Крым высказывают О. А. Гей и И. А. Бажан. Обращаясь к материалам двух могильников южного побережья Крыма – на склоне Чатыр-Дага и на мысу Ай-Тодор, возле римской крепости Харакс, они систематизировали имеющиеся сведения о погребальных обрядах этих могильников. При этом и в характере погребений, и в инвентаре исследователями были обнаружены аналогии с материалами цебельдинской культуры, принадлежав-

шей германцам, а также черняховской культуры. Ранние погребения исследованных могильников относились к периоду от второй четверти до конца III в., а большая часть захоронений – к первой половине IV в. О. А. Гей и И. А. Бажан пришли к выводу о том, что без сомнения, население, оставившее некрополи в Хараксе и Чатыр-Даге, появилось в Крыму в результате готских походов III в. и в дальнейшем выполняло функцию римских федератов[73].

Н. И. Бармина, отмечая бесспорное присутствие готов в Крыму, видит в них один из этносов, одну из составляющих, стимулировавших образование крымских «пещерных городов»[74].

А. Г. Герцен в жителях страны Дори видит готов-федератов, а позднесредневековое Мангупское княжество определяет по этническому составу как «греко-готское»[75].

Значительное влияние готов на жизнь средневекового Крыма является одной из основных идей главного современного труда, посвящённого крымским готам – монографии Х.-Ф. Байера «История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро»[76].

Таким образом, в изучении значения готов в этническом сообществе и культуре средневекового Крыма после 1917 г. можно выделить несколько этапов.

Первый из них – середина 1920-х – начало 1930-х гг. В этот период после определённой лакуны в изучении крымского средневековья, связанной с революционными событиями и гражданской войной, вновь возвращается интерес к истории крымских готов. Разработка «готской проблемы» этого периода связана с деятельностью специалистов старой школы, имевших, как правило, дореволюционный стаж работы. Соответственно и ориентировались они в основном на достижения дореволюционной науки. Среди исследований этого периода необходимо выделить работу Ю. В. Готье, который направил усилия не только на обобщение уже имеющихся фактов, но предпринявший попытку показать то влияние, которое оказали готы и их культура как на всю Европу, так и конкретно на Тавриду.

Второй период хронологически соответствует середине 1930-х – середине 1950-х гг. Он характеризуется наибольшим «антиготизмом», то есть отрицанием хоть какого-либо мало-мальски значимого готского влияния как в Северном Причерноморье в целом, так и в Крыму в частности. Крайняя точка зрения была высказана В. И. Равдоникасом, не отрицавшим пребывания готов в Причерноморье, однако, полагавшего готов за этнос, сформировавшийся в Крыму автохтонно в результате синтеза местных элементов и не имеющий никакого отношения к германцам. Вслед за В. И. Равдоникасам большинство исследователей этого периода не замечали ни малейшего готского влияния на этническую или культурную составляющую средневековой Тавриды, отдавая приоритет в этих вопросах сарматам или славянам. Связан «антиготизм» был как с отрицанием достижений в разработке данного вопроса дореволюционных и зарубежных учёных, объявляемых в массе своей «фальсификаторами истории», так и с политическим заказом, направленным на возвышение роли славянского, и отрицание роли германского элементов в истории территории, принадлежащей в это время Советскому Союзу, находившемуся большую часть данного периода в состоянии конфронтации с Германией.

Третий период – от второй половины 1950-х до 1970-х гг. – отличается смягчением «антиготизма» предыдущего двадцатилетия. Присутствие готов-германцев в Крыму на протяжении всего или части средневековья большинством специалистов уже не отрицается, однако, вклад готов в культуру этого региона, согласно воззрениям специалистов этого времени, был минимален ввиду их быстрой ассимиляции носителями более высокой местной культуры.

Начиная с 1980-х гг. на материале многочисленных исследований и анализа прежде всего археологических данных наблюдается возвращение на новом витке к мнению о готах как одном из ведущих этнических компонентов крымского средневеко-

вья. Их присутствие в Тавриде, а также влияние на этнический и культурный фон средневекового Крыма современными учёными не отрицается. Однако и результаты наработок советского периода также обогатили современные представления о крымском средневековье. Готы теперь представляются хотя и важным, но не единственным ведущим этническим компонентом средневековой Таврики. Тем не менее окончательно вопрос о крымских готах и их роли в истории Крыма пока не разрешён.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Марр Н. Я.* Готское слово GUMA «муж» //Известия Академии Наук СССР. 1930. №6. С. 447.
2. Данное утверждение применимо и к ряду работ 1920-х гг., в частности, обобщающему достижения дореволюционной историографии по проблемам истории крымских готов труду А. А. Васильева. См.: *Васильев А. А.* Готы в Крыму //ИГАИМК. Т. 1. Пг., 1921. С. 1-80; Т. 5. Л., 1927. С. 179-282. Более полное американское издание: *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. Cambridge-Mass., 1936.
3. Южный Крым и его прошлое //Наука и техника. Л., 1930. № 3. С. 15.
4. См., напр.: *Харузин А. Н.* Древние могилы Гурзуфа и Гугуша //Известия Общества любителей естествознания и археологии. Т. 64. 1889. С. 5; ОАК за 1903 год. СПб., 1906. С. 55; ОАК за 1904 год. СПб., 1907. С. 84; *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов. Ч. 1. //ИАК. Вып. 19. СПб., 1906. С. 32-33; *Шкорпил В. В.* Отчёт о раскопках в г. Керчи в 1905 году //ИАК. Вып. 30. СПб., 1909. С. 6; *Шкорпил В. В.* Отчёт о раскопках, произведённых в 1906 году в г. Керчи и его окрестностях //ИАК. Вып. 30. СПб., 1909. С. 67-68.
5. См.: Там же. С. 15-16.
6. См.: *Готье Ю. В.* Железный век в Восточной Европе. М.-Л., 1930. С. 45.
7. См.: Там же. С. 45-46. Об известных к тому времени готских могильниках южного берега Крыма см.: *Репников Н. И.* Ук. соч. С. 1-80; *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов. Ч. 2. //ЗООИД. Т. 27. Одесса, 1907. С. 102-148; *Репников Н. И.* Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году //ИАК. Вып. 30. СПб., 1909. С. 99-126.
8. См., напр.: *фон Штерн Э. Р.* К вопросу о происхождении готского стиля предметов ювелирного искусства //ЗООИД. Т. 20. Одесса, 1897. С. 1-15 и др.
9. См.: *Готье Ю. В.* Ук. соч. С. 50-52.
10. Более подробно о состоянии этого вопроса к тому времени см.: *Заморяхин А. В.* Готы-тетракситы в дореволюционной отечественной историографии //Новый Гиперборей. Пермь, 2004. С. 71-73.
11. *Готье Ю. В.* Ук. соч. С. 46.
12. См.: *Vasiliev A. A.* Ibid. P. 30, 65-69.
13. См.: *Готье Ю. В.* Ук. соч. С. 46.
14. См.: Там же. С. 47-48.
15. Там же. С. 48.
16. См.: *Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки.VII. Житие Иоанна Готского //Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Ч. 195, январь. С. 127, 129.
17. См.: Там же. С. 48.
18. См.: Там же. С. 49.
19. См.: Там же. С. 50.
20. См.: Там же. С. 48.
21. См.: *Дьяков В. Н.* Таврика в эпоху риской оккупации //Учёные записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Т. 28. Вып. 1. М., 1942. С. 91-92.
22. См.: *Марр Н. Я.* Ук. соч. С. 450, 453-454, 460-464.

23. См.: *Равдоникас В. И.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья //ИГАИМК. Т. 12. Вып. 1-8. 1932 . С. 39.
24. См.: Там же. С. 40-41.
25. См.: Там же. С. 40-42. Единственным исключением, правда, с долей сомнения, В. И. Равдоникас полагал умбоны. Он отмечал, что данное обстоятельство могло быть следствием развитых торговых контактов германской Прибалтики, в частности острова Готланд, с Византией, особенно с её причерноморскими владениями.
26. См.: Там же. С. 42-44.
27. Там же. С. 44.
28. Там же. С. 45.
29. См.: Там же. С. 45, 86.
30. Там же. С. 86.
31. См.: Там же. С. 86-87.
32. Там же. С. 87.
33. См.: Там же. С. 87, 92.
34. См.: Там же. С. 91-92.
35. Там же. С. 93.
36. Там же. С. 93.
37. Там же. С. 93.
38. См.: *Удальцов А. Д.* Начальный период восточнославянского этногенеза //Исторический журнал. 1943. № 11-12. С. 72.
39. См.: *Стржелецкий С. Ф.* Раскопки Инкермана в 1940 г. //СА. Т. 9. М.-Л., 1947.С. 299.
40. См.: Там же. С. 300.
41. Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето благости 1253 //Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 90.
42. См.: *Стржелецкий С. Ф.* Ук. соч. С. 300.
43. См.: Там же. С. 300. Прим. 2.
44. См.: *Веймарн Е. В., Стржелецкий С. Ф.* К вопросу о славянах в Крыму //ВИ. 1952. №4. С. 97.
45. См.: Там же. С. 98.
46. *Дебец Г. Ф.* Антропологический состав населения средневековых городов Крыма //Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 12. М.-Л., 1949. С. 334.
47. См.: Там же. С. 343-344.
48. См.: Там же. С. 346, 386.
49. См.: *Юргевич В. Н.* Две печати, найденные в византийском Херсонесе в 1884 г. //ЗООИД. Т. 14. Одесса, 1886. С. 5.
50. См.: *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) //МИА СССР. Вып. 17. М.-Л., 1950. С. 18.
51. См.: М. З. (*Заборов М. А.*). Группа по истории Византии при институте истории АН СССР в 1948-1949 гг. //ВВ. Т. 4. М., 1951. С. 267.
52. *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. Т. 1. Симферополь, 1951. С. 43.
53. См.: *Смирнов А. П.* К вопросу об истоках Приазовской Руси //СА. 1958. №2. С. 274.
54. Там же. С. 274-275.
55. См.: Там же. С. 275.
56. См.: Там же. С. 276-277.
57. См.: Там же. С. 274.
58. См.: *Скржинская Е. Ч.* Примечания //Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб, 1997. С. 240-241.
59. См.: *Скржинская Е. Ч.* Вступительная статья //Барбаро Иосафат, Контарини Амброджо. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 27.

60. См.: *Скржинская Е. Ч.* Комментарии //Барбаро Иосафат, Контарини Амброджо. Барбаро и Контарини о России. С. 180-181.
61. См.: *Барбаро И., Контарини А.* Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 157.
62. См.: *Скржинская Е. Ч.* Комментарии. С. 181.
63. См.: *Веймарн Е. В., Высотская Т. Н.* В эпоху великого переселения //Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. Симферополь, 1966. С. 10-11.
64. См.: Там же. С. 13.
65. Там же. С. 13. См. также: Там же. С. 11.
66. См.: Там же. С. 12.
67. См.: *Якобсон А. Л.* Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики //Античная древность и средние века. Вып. 10. Свердловск, 1973. С. 137.
68. Там же. С. 138.
69. См.: *Домбровский О. И.* Средневековая Таврика – Крымская «Готия» //Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. Симферополь, 1966. С. 52-53.
70. См.: Там же. С. 72.
71. См: *Храпунов И. Н.* Об этнических процессах в Крыму в римское время //ПИФК. 2001. Вып. 10. С. 165-167.
72. См.: Там же. С. 167-168.
73. См.: *Гей О. А., Бажан И. А.* Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997. С. 31, 33-34.
74. См.: *Бармина Н. И.* Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья //Античная древность и средние века. Вып. 27. Симферополь, 1995. С. 79.
75. См.: *Герцен А. Г.* Дорос-Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу //Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 17.
76. См.: *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.

A.V. ZAMORJAKHIN

CRIMEAN GOTHS IN ETHNIC AREA OF MEDIEVAL TAURIS IN SOVIET AND MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The present article is about the problem of the Crimean Goths' ethnic history in Russian historical studies in the 20th – 21st cc., including issues of the ethnic identification for Goths in the Crimean territories, Gothic expansion on Bosporan Kingdom and their influence on life of the medieval Crimea. The author singles out three stages of studies as to the significance of Goths in the ethnic community and culture of Crimea: 1) the middle of 1920-s – the beginning of 1930-s; 2) the middle of 1930-s – the middle of 1950-s; 2) the second half of 1950-s till 1970-s

А.В. ГОРАЙКО (Симферополь)

ПРОБЛЕМА НИЩЕТЫ И БЕДНОСТИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА ЗЛАТОУСТА (398-403 гг.)

Попытки разрешить такие насущные вопросы внутренней жизни ранневизантийского полиса, как повышение уровня жизни граждан и предоставление им элементарной социальной защищенности особенно приковывают внимание в силу злободневности этих вопросов. С такого рода трудностями пришлось столкнуться в своей деятельности и архиепископу Константинополя – святителю Иоанну Златоусту. Обстоятельства, в которых пришлось действовать свт. Иоанну, имели специфический характер, ибо город представлял собой мегаполис и имел статус столицы. Для того, чтобы понять, насколько была актуальна для ранневизантийского мегаполиса конца IV в., а значит, всего византийского социума проблема присутствия бедности и нищеты, а также чтобы рассмотреть новые, открывшиеся в это время возможности Церкви в области социальной деятельности, для нас очень важно обратиться к историческому анализу опыта деятельности архиепископа Константинопольского, свт. Иоанна Златоуста.

В историографии этот вопрос специально почти не рассматривался[1]. Как правило, и отечественные,[2] и зарубежные[3] исследователи определенно говорили о присутствии в столице Византийской империи целой прослойки неимущих людей и только косвенно касались обозначенного аспекта деятельности свт. Иоанна. В таком ключе особенно следует выделить исследование известной французской византинистки Эвелин Патлажан (E. Patlagean)[4].

Как столица Византийской империи Константинополь был освящен 11 мая 330 г., то есть активно развивался уже больше полувека[5] В пределах оборонительной стены Феодосия площадь Константинополя вскоре достигнет 1430 га[6], из них 375 га приходилось на первые десять регионов столицы, в которой жило 80 % населения города, тогда как окраинный XIV регион, появившийся позже остальных, займет 700 га[7].

Уже со второй половины IV в. столица Восточно-Римской империи переживает бурный подъем. Она становится главнейшим в державе ромеев пунктом обмена, «огромным торговым рынком» Средиземноморья, на котором встречались изделия Востока и Запада, сосредотачивались лучшие товары самой Византии.[8] Сюда поступали наиболее ценное сырье и отборные ремесленные изделия со всей империи, здесь сталкивались и взаимно обогащались вкусы, стили, высокое мастерство[9].

С середины IV в. в полис стали стекаться торговцы и ремесленники, привлеченные не только его столичным значением, но и действительно исключительно выгодным положением. К концу столетия Константинополь превращается в крупный торгово-ремесленный центр, в котором развивается не только государственное, дворцовое производство, но и не менее бурно частное.[10] Привлеченные спросом двора, знати, в него переселяются ремесленники, торговцы, предприниматели из Александрии, городов Сирии, приморские участки интенсивно застраиваются гаванями, пристанями, складами. В прибрежной части города, где земли не хватало и она была особенно дорога, дома уже строили на сваях.[11] Город растет не только как потребляющий, но и как важный торговый и ремесленный центр.[12] Именно в этот период появилась необходимость обнести мощными стенами всю расширившуюся территорию города и в годы царствования императора Феодосия II (408–450 гг.) они были сооружены.[13]

К концу IV в. Константинополь стал городом с массой торгово-ремесленного населения и сложными социально-религиозными проблемами. В V в. число жителей Константинополя, по расчетам исследователей, колебалось в пределах от 100 до 700

тыс.: скорее всего, реальная цифра приближалась к полумиллиону[14].

Социальная структура Константинополя в ранневизантийское время отражала как типичные отношения позднеантичного общества, так и особое положение города.[15] В Константинополе проживали и представители военно-чиновной бюрократии, торгово-ростовщической верхушки, огромный двор, а также многочисленный, подкармливаемый государством и знатью, плебс.[16] Рабов было, по-видимому, немного, так как не было значительных поставок извне.[17] К тому же экономика латифундий, основанная на труде рабов, приходила уже в упадок, а на смену рабам пришло новое поколение свободных граждан, которые вытеснили прежнюю форму хозяйствования. Намного выразительней в этот период истории было различие между богатыми и бедными свободными гражданами. Если раб являлся собственностью, за которой так или иначе присматривали хозяева, то многие свободные горожане оказались брошенными на произвол судьбы и находились в нищете[18].

Константинополь чрезвычайно изобиловал всякого рода нищими, без которых было уже трудно представить улицы столицы.[19] Что же касается окраинных районов столицы, то грязные и почти не мощеные улицы тех мест, застроенные, как правило, доходными домами – инсулами в несколько, а то и в девять этажей, служили как раз местом пристанища для простого народа. Тысячи мелких ремесленников и торговцев, моряков и наемных работников коротали свои дни в жалких клетушках, которые отапливались зимой жаровнями, где готовилась и подогревалась пища, в неимоверной грязи и скученности[20]. Число бедных в империи возросло до ужасающих размеров: в одном лишь Константинополе, по словам Иоанна Златоуста, их было до 50 000 человек![21] «Очень мало богатых и десятая часть бедных, – говорит Златоуст, – тех, у кого есть все и тех, у кого ничего нет, остальные находятся посередине… и хотя тех, кто может накормить голодных, очень много повсюду много голодных, не потому, что им не смогли помочь имущие, а из-за огромной жестокости и бесчеловечности».[22]

Среди этих несчастных особое место по сложности своего положения в обществе занимали прокаженные и все те, кто страдал инфекционными, хроническими болезнями. Их положение было очень бедственным в городе: оставаясь без присмотра, отовсюду гонимые, лишенные всякой помощи и участия, эти страдальцы были предоставлены всем ужасам неизлечимой болезни и своего беззащитного положения. Так, свт. Григорий Богослов (379–381 гг.),[23] в своем слове о любви к бедным, сказанном в богадельне – птохионе, устроенном свт. Василием Великим (330–379 гг.),[24] яркими чертами описывал отверженных обществом, у которых нет ни имущества, ни родства, ни друзей, ни, образно говоря, даже тела. Вот его слова, которые не нуждаются в комментариях: «Их гонят из городов, гонят из домов, с площади, с дорог, от народных собраний и – о, горькая участь! – их отгоняют и от самой воды… потому-то они и скитаются день и ночь – обнищавшие, нагие, бесприютные, показывая пораженное недугом тело, пересказывая старую жизнь свою, призывая с воплем Создателя, слагая жалобные песни, чтобы выпросить кусок хлеба, или часть чего-нибудь вареного, какое-нибудь разодранное рубище для прикрытия себя из стыда и от боли. В отношении их считался человеколюбивым не тот, кто подавал им все нужное, но тот, кто с угрозами не отгонял их от себя прочь».[25]

Чувствовалась необходимость особых мер для решения вопроса нищеты и бедности в социуме ранневизантийского города. Несомненно, особое значение здесь сыграла деятельность Церкви, которая имела для этого уже и некоторую материальную базу.[26]

Архиепископ Константинопольский Нектарий умер 26 сентября 397 г.,[27] а 15 декабря 397 года был рукоположен свт. Иоанн Златоуст, согласно синаксарию Константинополя,[28] или 26 февраля 398 года.[29] По-видимому, при выборе в кандидаты на столичную кафедру не остались не замеченными организаторские способности Златоуста, который имел многолетний опыт завоевания популярности и симпатий

населения, а также успешной борьбы с арианством в Антиохии[30].

Свт. Иоанн Златоуст был человеком идей и проводил их неуклонно, не останавливаясь ни перед чем[31]. Многие находили, что он говорит чрезвычайно резко, в его обличениях видели намеки довольно ясные, чтобы знать, на кого они направлены[32]. Борьба за христианизацию общества требовала от Константинопольского архиепископа огромного мужества и самоотвержения. Те, кто попадал в поле критики епископа столицы, были недовольны.[33] Страстные обличения неправды и пороков сильных мира сего неизбежно вели святителя к конфликту. Даже всесильный евнух Евтропий, призвавший Иоанна из Антиохии, не ожидал такого поворота и был недоволен из-за обличений.[34] Златоуст знал об этом, но не боялся и продолжал свои гневные инвективы против богатых, которые не замечали страдания нищих и больных, пребывавших в нужде[35].

Радикализм взглядов Златоуста в этот период был заметно усилен еще и той общей обстановкой острого социально-политического кризиса, который охватил империю в последней четверти IV в. Поэтому Златоуст с особенной силой направлял свое слово против имущих горожан, стремящихся исключительно к расширению своего имущества.[36] Отсюда и тема милосердия и милостыни, которая присутствует в проповедях свт. Иоанна в этот период его Константинопольского служения.[37] Причем с амвона была озвучена необычная идея преодоления социального кризиса путем привлечения всего имущества городской христианской общины.[38] Если бы, уверяет святитель, снова ввести теперь этот порядок, то всем бы жилось лучше, не только бедным, но и богатым. Но, так как современники Златоуста не проявляли действительного желания осуществить этот план, то свт. Иоанн ограничивался изложением преимуществ такой жизни и доказывал, что, продавая свое имущество на общую пользу, «богатые не станут бедными, но бедные станут богатыми».[39] При этом он предупреждает, что богатым нет оснований беспокоиться, а бедным волноваться – ведь пока это только слова, он дает лишь описание такого положения дел[40].

В связи с этим исследователи разных направлений говорили о Златоусте как о «радикальном христианском проповеднике», «истинном защитнике интересов бедных и угнетенных», «народном трибуне» и даже социальном реформаторе, идеи которого содержат «социальный социализм».[41] По мнению видного английского византиниста Джозефа Бьюри (J. B. Bury), теория Иоанна Златоуста, «если бы она получила распространение, должна была неизбежно привести к политической революции и низвержению империи»[42].

На наш взгляд, это чрезмерно радикальная попытка продолжить линию мысли свт. Иоанна Златоуста.[43] Не следует забывать, что архиепископ Константинопольский никогда не претендовал на роль социального реформатора, а был, прежде всего, проповедником – моралистом.[44]

Осмысливая с христианской точки зрения деятельность людей в этом мире, Златоуст не отвергает достижения цивилизации как заведомое зло. Сами по себе собственность и богатство, по его словам, не являются злом.[45] Вместе с тем Иоанн Златоуст уверен, что богатый не должен смотреть на свое имущество как на личную собственность, с которой он может поступать исключительно по своему усмотрению. Богатый должен сознавать себя только лишь хранителем и распределителем денег, вверенных ему Богом для того, чтобы он тратил ее не на свое удовольствие.[46] Жители столицы сами также должны идти в специальные приюты для больных и обездоленных и оказывать им помощь,[47] поскольку добродетель состоит не только из преданного служения Церкви и аскезы, но также и из практического милосердия.[48]

Чтобы поддержать большое количество бедных в столице и хотя бы несколько смягчить неописуемые их бедствия, Церковь нуждалась в достаточных материальных средствах. Против такой массовой нищеты нельзя было бороться лишь возможностями Церкви прежнего времени. Теперь необходимо было иметь хорошую

материальную поддержку, чтобы в период кризисных явлений, когда частная благотворительность уменьшалась в своих размерах, можно было бы восполнить ее отсутствие.

Став в 398 г. главой Константинопольской церкви, свт. Иоанн получил хорошую возможность осуществить евангельское учение о предназначении материальных ценностей. Хозяйственный механизм архиепископии во время его предшественника Нектария (381–397 гг.)[49], любившего великолепие и пышность в убранстве храмов, отчасти утратил евангельскую простоту.[50] Новый епископ переориентировал его исключительно на благотворительную деятельность и сообщил ему отчетливую социальную направленность.

Главным распорядителем церковных доходов в каждой Церкви был ее глава – епископ. По-видимому, в ранней Византии на епископов еще смотрели как на вариант городского магистрата, общественную должность. Соответственно на них и возлагалась своего рода обязанность – литургия заботиться о благах горожан и нуждах города.[51] Интересно, что в это же время 4 Карфагенский собор 23 правилом обязал епископа при разделении церковных доходов наблюдать тот общий порядок, чтобы беднякам и старцам и вообще немощным людям, служащим при храме, предоставлялась сумма материального пособия выше, чем молодым и здоровым служителям.[52] При этом, если церковных доходов для содержания клира не хватало, а других средств не было, то правилами Африканских соборов было разрешено епископу известной Церкви продавать и часть церковного имущества, чтобы через это доставить клиру необходимое пособие для удовлетворения жизненных потребностей.[53]

Но необходимо отметить, что многие архиереи этого периода истории Византии обращали внимание на благотворительность и в жизни города.[54] Так, чрезвычайно широкую экономическую деятельность проявил в начале V в. блаженный Феодорит в сане епископа Киррского. Сам «не приобретший ничего, кроме рубищ, в которые был одет»,[55] «не имевший ни дома, ни поля, ни гробницы»,[56] он был постоянно занят бесчисленными заботами городскими и сельскими, военными и гражданскими, церковными и общественными.[57] Примером может также послужить и деятельность другого современника Иоанна Златоуста, свт. Василия Великого, который основал около 370 г.[58] знаменитый госпиталь, названный по его имени «Василиадой»[59], – первую организованную благотворительную систему на христианском Востоке,[60] которая пользовался большим вниманием со стороны архиепископа Кесарии. Кроме больницы в «Василиаде» были организованы комнаты для путешественников, врачей, поваров и других людей.[61] Это был целый город, с храмом в центре и находящимся неподалеку домом епископа, где улицы образовывали жилища духовных лиц. Следы подобных комплексов обнаружены в разных местах восточной половины Византийской империи, в том числе в Сирии[62].

В Эдессе в начале 70-х гг. IV в. такого рода благотворительных учреждений, по-видимому, еще не было, потому что, когда преп. Ефрем Сирин прибыл в этот город в период голода и увидел существовавшую там нищету, умиравших от истощения и больных жителей города, то ему пришлось сделать укор местным христианам за столь великое жестокосердие.[63] Они же в свою очередь находили повод для извинения в том, что в действительности хотели бы подавать, но не знали, кому вручать свои средства. Тогда преп. Ефрем Сирин сам взялся за организацию благотворительности в Эдессе. В одном из городских портиков он приказал поставить триста кроватей для больных. Преп. Ефрем заботился также о голодных и даже о чужестранцах, толпами стекавшихся в город[64].

Нам известен пример и св. Кирилла Иерусалимского, который в середине IV в. использовал имущество Церкви в благотворительных целях, чтобы помочь страдающим от голода местным горожанам.[65]

Вспомним также эпизод из Жития св. Порфирия Газского, где императрица Ев-

доксия, поручая денежные средства Порфирию, упоминает и о необходимости построить странноприимный дом – ксенодохион в его городе[66].

Таким образом, организация благотворительных учреждений и больниц со стороны Церкви становится почти обычным явлением для более-менее крупного полиса империи в конце IV – начале V вв. Не был здесь исключением и Константинополь.

Новый епископ Константинополя – Златоуст начал свою деятельность с того, что осуществил мобилизацию церковных имуществ и доходов столичной Церкви, резко сократив расходы на нужды клира, видимо, с его точки зрения, вполне достаточные[67].

Одним из важных помощников епископа в деле распределения средств для неимущих жителей города был его архидиакон, который распоряжался церковным имуществом по воле самого епископа и делал это с помощью подчиненных ему диаконов,[68] а также пресвитер – эконом. В его обязанности входило ведение бухгалтерских документов различных учреждений, зависящих от Константинопольской церкви.[69] Церковное имущество, управляемое епископом с помощью эконома, теперь составляло главный запас материальных средств в помощь неимущим.

Часть средств, которые были пущены епископом столицы на благотворительность, были выручены от продаж лишнего, по мнению Златоуста, церковного имущества и драгоценностей.[70] Этот факт служит хорошим подтверждением того, насколько остро стоял вопрос об организации социальной деятельности в мегаполисе на тот момент. Показательно также, что подобным образом вели себя и современники свт. Иоанна Златоуста, – св. Амвросий Медиоланский (339–397 гг.),[71] и блаженный Августин (354–430 гг.)[72].

Итак, на благотворительную деятельность были брошены чуть ли не большая часть средств и доходов Константинопольской церкви. Была значительно расширена деятельность и в области строительства и поддержания странноприимных, нищеприимных домов для обездоленных жителей столицы.[73] Так, уже в 399 г. Константинопольская церковь поддерживала на свои средства около 50 000 человек,[74] построила две больницы на 7 700 человек и много других благотворительных учреждений.[75]

Для сравнения, примерно такое же количество людей охватывала харитарной социальной деятельностью Церковь в Александрии и Риме. Так, в Александрии благотворительная деятельность Церкви была доступна 7500 человекам, а в Риме список бедных уже представлял собой книгу с внушительным количеством страниц.[76]

С ростом земельных имуществ Церкви, с развитием сети церковных учреждений в городе и необходимостью их снабжения Церковь активно строила в городе свои хранилища. Уже в V в. известны случаи, когда епископы часто поддерживали голодающих, раздавая продукты из городских церковных хранилищ.[77]

Приюты для больных иногда размещались и при монастырях,[78] где могла находиться и странноприимница – ксенотафион, то есть место для погребений, кладбище или небольшая часовня-усыпальница для паломников, иноземцев, любых чужаков, смерть которых случилась в пути или на постое.[79]

В VI в. порядок для благотворительных учреждений был таким, что служащий персонал набирался из духовенства и состоял при нем, вероятно, пожизненно.[80] По-видимому, такой порядок уже имел место и при Иоанне Златоусте, т. к. биограф Златоуста – Палладий, епископ Еленопольский, говорит нам о том, что архиепископ учредил многие больницы – ятрины в Константинополе, во главе которых поставил двух священников и которые снабдил штатом врачей, поваров и других слуг.[81] Врачи же, обслуживающие благотворительное учреждение могли при нем и не жить, а являться только на дежурство. Процесс приема в богадельню в целом был очень прост, и если была очевидна в этом необходимость, то он происходил немедленно.[82] Значение лечебных заведений, учредителем которых являлась Церковь,

по понятным причинам быстро росло. Это привело к тому, что контроль за здравоохранением и санитарным состоянием города в V в. постепенно переходит в руки самой Церкви,[83] за счет сокращения соответствующих функций муниципальной организации. Функции христианской «полиции нравов» также давали ей право контроля над деятельностью многих лиц и учреждений, что в целом облегчало для Церкви решение поставленных ею задач в области улучшения положения самых низких слоев полисной общины[84]. К Церкви перешел надзор и за осуществлением погребения, содержанием тюрем и др.[85]

Сам Иоанн Златоуст желал, чтобы весь Константинополь был одним большим странноприимным домом, и чтобы каждый имел в своем доме комнату, предназначенную для странников и нищих.[86] Заведомая утопия, которой грезил этот необычный человек.

Строительство Златоустом на побережье недалеко от самого города новой больницы для обездоленных вызвало массу недовольств со стороны владельцев крупных домов, расположенных рядом.[87] За такую деятельность он терпел всевозможные неприятности и нажил непримиримых врагов,[88] которые перед тем как, например, поставить свои подписи под актом осуждения епископа столицы, сначала поспешили конфисковать собранные для больницы денежные средства и приостановить ее строительство.[89]

С другой стороны, эта же деятельность породила, разумеется, и массу симпатий со стороны тех, на благо кого она была направлена. Не мудрено, что бедняки Константинополя, сильные своей численностью, были самыми ревностными сторонниками Иоанна. Именно к ним была обращена социальная и моральная философия епископа. Он возвышал бедняка нравственно, ободрял его, давал ему почувствовать, что тот ничем не уступает по своему человеческому достоинству богачу, окруженному блеском, но может бесконечно превосходить его близостью к Богу. Внимание Златоуста к нуждам бедных, осуждение богатых и желание противостоять сильным мира сего обеспечили ему их горячую поддержку и привязанность.[90]

Что касается императорской власти, то последнюю не очень радовала активная деятельность Церкви по сбору материальных средств жителей столицы. Император был не против умножения имуществ Церкви. Но прежде имуществом богатых владелиц распоряжалась императорская власть, а богатые вдовы с огромными имуществами, традиционно патронировавшиеся императорским домом, привязывали к нему узами преданности малоимущих, но перспективных военачальников.[91] Теперь же императорская власть была существенно ограничена в столь важной сфере.

После неполных четырех лет активной социальной деятельности Иоанна Златоуста противникам архиепископа Константинопольского удалось в 403 г. собрать так называемый собор «При Дубе»,[92] осудить святителя и низложить.[93] Приговор был утвержден императором Аркадием и Златоуст должен был отправиться в ссылку.[94]

Жители столицы вышли на поддержку своего любимого проповедника, пастыря и отца.[95] Златоуст в скором времени был возвращен.[96] Среди участников уличных волнений, вызванных ссылкой архиепископа Иоанна, мы найдем немало средних и крупных ремесленников, а также торговцев, мелких чиновников, военных Константинополя,[97] которых, видимо, заставили выйти на улицы столицы очевидные бесчинства монашества и духовенства, прибывшего с архиепископом Феофилом из Александрии,[98] руками которых был смещен столь любимый населением столицы епископ Церкви.[99] Социальный аспект происходящего подчеркивается тем очевидным обстоятельством, что среди сторонников Златоуста были не только христиане, но и язычники, которых в свое время не обошел своим вниманием Златоуст. Об этом свидетельствует одно из обвинений, выставленных против него на соборе «При Дубе» в 403 г., где Иоанн осуждался за то, что он оказывал свое покровительство некоторым из язычников, более того, игнорировал при этом интересы самих христиан[100].

Такая широкая поддержка столичного архиепископа со стороны местного населения, в том числе и низших слоев общества, была обусловлена отчасти и положительным результатом его социальной деятельности.

Попытки его личной дискредитации лишь обращали внимание на облик самих его противников. Недовольные очень четко обозначили, кого и в чем они считают виноватым.[101] Поддержка Златоуста была столь сильна, что оппозиционная партия не решилась созывать синод по делу Златоуста в окрестностях Константинополя. Его устроили только с другой стороны пролива – недалеко от Халкидона[102].

Социальный состав иоаннитов – сторонников Златоуста был довольно пестрым. Среди них были и рабы,[103] и простые горожане,[104] и члены клира,[105] и епископат,[106] и государственные служащие,[107] и ремесленники,[108] и состоятельные горожане.[109] Общее количество иоаннитов также было внушительным и по числу собравшихся. Вспомним хотя бы события возвращения Златоуста из первой ссылки в Константинополь, когда «все устье Пропонтиды» было покрыто судами ликующих горожан.[110]

Притязания энергичного епископа на право критиковать нравы и порядки двора, стремление всевластно распоряжаться делами своего диоцеза привели его к столкновению с императорским двором и значительной частью клира. Закономерно, сколь быстро он утрачивал поддержку господствующей верхушки империи, все более благосклонно относившейся к происках его врагов.

Таким образом, следует отметить, что для Константинополя конца IV в. очень остро стоял вопрос материальной поддержки и обеспечения всем необходимым неимущего населения столицы, численность которых была достаточно весомой и составляла не менее десятой части всех жителей мегаполиса. Особую актуальность этот вопрос приобретал в Константинополе, как столице Византийской империи, где присутствие значительного количества недовольных общим положением дел, могло быть легко использовано как инструмент в политической игре. В случае со свт. Иоанном Златоустом такая категория горожан выступает в поддержку своего горячо любимого епископа как независимая политическая сила, имеющая, правда, неорганизованный характер.

В этот период ранневизантийская Церковь как новый общественный институт империи берет на себя инициативу активной социальной деятельности, что в очередной раз подчеркивает злободневность и насущность вопроса присутствия в ранневизантийском мегаполисе бедности, нищеты и неустроенности. Для Церкви конца IV в. нашлось достаточно поводов для проявления усиленного внимания к бедным, нищим, увечным, больным, причем это касалось не только Константинопольской церкви. Подобные процессы происходят во многих крупных полисах Византийской империи. Развитие широкой деятельности в области устройства благотворительности в конце IV – начале V вв. епископа Константинополя как главы местной Церкви являлось удачной попыткой разрешения этой актуальной «проблемы дня». В ранневизантийском обществе, таким образом, существовали общественные силы, которые могли повлиять на положительное решение этого вопроса, что особенно заметно на примере задуманного и реально осуществленного Иоанном Златоустом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К сожалению, для нас остаются недоступными некоторые современные материалы исследований западноевропейских историков. См. к примеру: Giovanni Crisostomo: oriente e occidente tra IV e V secolo //Programma Augustianum Istituto Patristico. XXXII incontro di studiosi dell antichita cristiana 6–8 maggio 2004. Roma, 2004. 4 s.
2. См.: *Ульгорн Г.* Христианская благотворительность в Древней Церкви. СПб., 1899. 350 с.; *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиогра-

фии. 2-е изд. СПб., 1997. 295 с.; *Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989. 293 с.; *Курбатов Г. Л.* Христианская церковь в Византии //Очерки истории христианской церкви в Европе (Античность, Средние века, Реформация) /Под ред. проф. Ю. Е. Ивонина. Смоленск, 1999. С. 45-67.; *Сомин Н. В.* О мнимых противоречиях в социально-этических воззрениях свт. Иоанна Златоуста //Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. М., 2000. С. 93-97. и др.

3. См.: *Ommeslaeghe F.* Jean Chrysostom et le people de Constantinople //Analecta Bollandiana. 1979. T. 99. F. 3-4. P. 131-159.; *Thummel H. G.* Die Kirche des Osten im 3. und 4. Jahrhundert: In 2 Aufl. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1988. Aufl. 1. 135 s.; *Constantelos D. J.* Byzantine Philantropy & Social Welfare. 2 ed. Rev. New Rochelle; N.Y., 1991. 282 p. и др.
4. *Patlagean E.* Pauvrete economique et pauvrute sociale a Byzance IV–VII siecles //Civilisation et Societes. №48. Paris; La Haye: Mouton, cop. 1977. XII, 483 p. Этой работе предшествовало другое двухтомное исследование: *Patlagean E.* Recherches sur les pauvrete et la pauvrete dans l Empire Romain d Orient (IV–VII-e siecles). Paris., 1974. T. 1-2.
5. Constantinople //The Oxford Dictionary of the Christian Church. 2 ed. Oxford, 1974. P. 339.
6. *Сорочан С. Б.* Византия IV-IX вв.: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 323.
7. Notitia Dignitatum accedunt Notitia Urbis Constantinopolitanae et laterculi provinciarum, ed. O. Seeck. Berolini, 1876. P. 29. См. также об этом: *Сорочан С. Б.* Византия IV-IX вв… С. 323.
8. *Курбатов Г. Л.* Города, ремесло и торговля в Византии IV-VI вв. Константинополь и провинции //История Византии: В 3 т. / Под ред. С. Д. Сказкина и др. М., 1967. Т. 1. С. 110.
9. *Петросян Ю. А., Юсупов А. Р.* Город на двух континентах: Византия, Константинополь, Стамбул. М., 1981. С. 38.
10. К*урбатов Г. Л.* История Византии: От античности к феодализму. М., 1984. С. 34.
11. *Петросян Ю. А., Юсупов А. Р.* Город на двух континентах… С. 39.
12. *Курбатов Г. Л.* История Византии… С. 34.
13. Theodosius II //The Oxford Dictionary of the Christian Church. 2 ed. Oxford, 1974. P. 1361; *Петросян Ю. А., Юсупов А. Р.* Город на двух континентах… С. 39.
14. *Petit P.* Libanius et la vie municipale a Antiochean IV siecle après. J. C. Paris, 1955. P. 310.
15. *Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Византия: быт и нравы. Свердловск, 1987. С. 17.
16. *Курбатов Г. Л.* Города, ремесло и торговля… С. 110.
17. *Thummel H. G.* Die Kirche des Osten im 3. und 4. Jahrhundert: In 2 Aufl. Berlin, 1988. Aufl. 1. S. 112.
18. Ibidem. S.112
19. *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры… С. 136.
20. *Курбатов Г. Л.* Города, ремесло и торговля… С. 108.
21. См.: Ioannis Chrysostomi. Archiepiscopi Constantinopolitani. Opera omnia //*Migne J. P.* Patrologiae cursus completus. Omnium Ss. Patrum. Doctorum Scriptorumque Ecclesiasticorum. Series graeca. P., Turnholti, 1977. T. 60. Col. 97 (Далее: PG. T. Col.); Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Деяния апостольские. Беседа одиннадцатая //Полное собрание творений. СПб., 1903. Т. 9. Кн. 1. С. 113. См. об этом также: Барсов Н. И., проф. Иоанн Златоуст //Энциклопедический словарь /Под ред. К. К. Арсеньева и др. СПб., 1894. Т. 26. С. 670.
22. PG. T. 60. Col. 97.; Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Деяния апостольские. Беседа одиннадцатая… С. 113
23. Gregory of Nazianzus, st. //The Oxford Dictionary of the Christian Church. 2 ed. Oxford, 1974. P. 599.

24. Basil, St., «the Great» //The Oxford Dictionary of the Christian Church. 2 ed.Oxford., 1974. P. 139.
25. Григорий Богослов, свт. Слово 14. О любви к бедным //Творения. М., 1844. Т. 2. С. 10-11.
26. *Thummel H. G.* Die Kirche des Osten… S. 113.
27. Nectarius, St. //The Oxford Dictionary of the Christian Church. 2 ed. Oxford., 1974. P. 958.
28. *Балаховская А. С.* Комментарии //Диалог Палладия, епископа Еленопольского, с Феодором, римским диаконом, повествующий о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста. М., 2002. С. 169.
29. Socratis Scholastici. Historia ecclesiastica //*Migne J. P.* Patrologiae cursus completus. Omnium Ss. Patrum. Doctorum Scriptorumque Ecclesiasticorum. Series graeca. P., Turnholti, 1864. T. 67. Col. 518. (Далее: PG. T. Col.); Сократ Схоластик. Церковная История: Пер. с греч. М., 1996. С. 241. VI. 2.
30. Sozomenos. Historia ecclesia //*Migne J. P.* Patrologiae cursus completus. Omnium Ss. Partum. Doctorum Scriptorumque Ecclesiasticorum. Series graeca. P., Turnholti, 1968. T. 67. Col. 1398. (Далее: PG. T. Col.); Созомен Эрмий. Церковная История: Пер. с греч. СПб., 1851. С. 549. VIII. 2.
31. PG. T. 52. Col. 427.; Иоанн Златоуст, свт. Беседа перед отправлением в ссылку //Полное собрание творений. СПб., 1898. Т. 3. Кн. 2. С. 444.
32. Ср.: Ibidem. Col.427; Там же. С. 453.
33. Житие святого Порфирия, епископа Газийского //Житие святого Порфирия, епископа Газийского. Нила монашествующего повесть об убиении монахов на горе Синайской и о пленении Феодула, сына его: Пер. с греч. / Составит. Д. Е. Афиногенов М., 2002. С. 32. § 37.
34. PG. T. 52. Col. 392.; Иоанн Златоуст, свт. Беседа на Евтропия евнуха, патриция и консула //Полное собрание творений. СПб., 1898. Т. 3. Кн. 2. С. 404.
35. PG. T. 52. Col. 399; Иоанн Златоуст, свт. Беседа, когда Евтропий, найденный вне церкви, был схвачен, и о саде и писаниях, и на слова: предста царица одесную тебе (Псал. XLIV, 10) //Полное собрание творений. СПб., 1898. Т. 3. Кн. 2. С. 412.
36. PG. T. 52. Col. 399; Иоанн Златоуст, свт. Беседа, когда Евтропий… С. 412.
37. PG. T. 63. Col. 218; Иоанн Златоуст, свт. Толкование на послание к Евреям. Беседа тридцать первая //Полное собрание творений. СПб., 1906. Т. 12. Кн. 1. С. 259.
38. PG. T. 60. Col. 66-67; Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Деяния апостольские. Беседа седьмая //Полное собрание творений. СПб., 1903. Т. 9. Кн. 1. С. 73-74.
39. PG. T. 60. Col. 96-98; Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Деяния апостольские. Беседа девятая //Полное собрание творений. СПб., 1903. Т. 9. Кн. 1. С. 113-114.
40. PG. T. 60. Col. 96-98; Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Деяния апостольские. Беседа девятая… С. 113-114. См. об этом также: Ульгорн Г. Христианская благотворительность… С. 270-271.
41. См.: *Курбатов Г. Л.* Иоанн Златоуст //Ранневизантийские портреты. Л., 1991. С. 100.
42. *Bury J. B.* A History of the Later Roman Empire: In 2 v. L., 1889. Vol. 1. P. 95.
43. См. подобную точку зрения: *Roth C. P.* Introduction //St. John Chrysostom. On wealth and poverty. N. Y., 1984. P. 13.
44. Ibidem. S.13.
45. *Дронов М.*, прот. Святитель Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский //Альфа и Омега. 1995. № 4(7). С. 91.
46. PG. T. 60. Col. 97; Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Деяния апостольские. Беседа одиннадцатая… С. 113.
47. *Roth C. P.* Introduction… P. 13.
48. PG. T. 63. Col. 224; Иоанн Златоуст, свт. Толкование на послание к Евреям. Беседа тридцать вторая //Полное собрание творений. СПб., 1906. Т. 12. Кн. 1. С. 266. См.

подробнее об этом: Campenhausen H. The fathers of the Greek Church. N. Y.: Panteon, 1959. P. 134.
49. Nectarius, St. //The Oxford Dictionary of the Christian Church. 2 ed. Oxford, 1974. P. 958.
50. *Дронов М.*, прот. Святитель Иоанн Златоуст… С. 92-93.
51. См.: *Курбатов Г. Л.* Судьбы ранневизантийского города и кризис VII в. в Византии: Ч. 1. //Вестник СПбГУ. СПб., 1993. Сер. 2. Вып. 4. С. 10.
52. *Извеков Н.* Иерархия Северо-Африканский Церкви. Вильна, 1884. С. 228.
53. Там же. С. 228-229.
54. *Thummel H. G.* Die Kirche des Osten… S. 112.
55. Theodoreti, Cyrensis episcopi. Epistolae //*Migne J. P.* Patrologiae cursus completus. Omnium Ss. Partum. Doctorum Scriptorumque Ecclesiasticorum. Series graeca. P., Turnholti, 1979. PG. T. 83. Col. 1261 (Далее см.: PG. T. Col.); Блаженный Феодорит. Консулу Ному //Феодорит Киррский, блж. Творения: В 8 ч.: Пер. с греч. Сергиев Посад, 1907. Ч. 7-8. С. 83.
56. PG. T. 83. Col. 1317; Феодорит Киррский, блж. Епископу Римскому Льву //Феодорит Киррский, блж. Творения: В 8 ч.: Пер. с греч. Сергиев Посад, 1907. Ч. 7-8. С. 136.
57. PG. T. 83. Col. 1315-1317; Феодорит Киррский, блж. Феодорит Киррский, блж. Творения: В 8 ч. Пер. с греч. Сергиев Посад, 1907. Ч. 7-8. С. 135-136.
58. *Ульгорн Г.* Христианская благотворительность… С. 290.
59. Василий Великий, свт. Илии или Правителю области //Василий Великий, свт. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския. М., 1892. Ч. 5. С. 203-204.
60. *Constantelos D. J.* Byzantine Philantropy… P. 119.
61. *Constantelos D. J.* Byzantine Philantropy… P. 119.
62. *Greenslade S. L.* Church and State from Constantine to Theodosius. London, 1954. P. 240.
63. *Constantelos D. J.* Byzantine Philantropy… P. 156.
64. PG. T. 67. Col. 1398; Созомен Эрмий. Церковная История… С. 549-550. VIII. 16
65. *Thummel H. G.* Die Kirche des Osten… S. 113.
66. Житие святого Порфирия, епископа Газийского //Житие святого Порфирия, епископа Газийского. Нила монашествующего повесть об убиении монахов на горе Синайской и о пленении Феодула, сына его: Пер. с греч. /Составит. Д. Е. Афиногенов М., 2002. С. 41. § 52.
67. Палладий, епископ Еленопольский. Диалог с Феодором, римским диаконом, повествующий о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста: Пер. с греч. /Вступит. статья А. С. Балаховской. М., 2002. С. 83.
68. Павел (Лебедев), иером. О должностях и учреждениях по церковному управлению в Древне-Восточной церкви. СПб., 1858. С. 18-19.
69. Палладий, епископ Еленопольский. Диалог с Феодором… С. 83. Ср.: PG. T. 67. Col. 1386; Созомен Эрмий. Церковная История… С. 537. VII. 27.
70. Photius. Bibliotheca. Synodus (ad Quercum (11)) illegitima, contra B. Joannem Chrysostomum //*Migne J. P.* Patrologiae cursus completus. Omnium Ss. Patrum. Doctorum Scriptorumque Ecclesiasticorum. Series graeca. P., Turnholti, 1860. T. 103. Col. 110. Акты собора под Дубом: Пер с греч. //Диалог Палладия, епископа Еленопольского, с Феодором, римским диаконом, повествующий о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста. М., 2002. С. 245.
71. Ambrose, St. //The Oxford Dictionary of the Christian Church. 2 ed. Oxford., 1974. P. 42-43.
72. Augustine, St., of Hippo //The Oxford Dictionary of the Christian Church. 2 ed. Oxford, 1974. P. 108-110.
73. Augustine, St., of Hippo //The Oxford Dictionary of the Christian Church. 2 ed. Oxford,

1974. P. 108-110; Палладий, епископ Еленопольский. Диалог с Феодором… С. 58. I. V.

74. PG. T. 60. Col. 97; Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Деяния апостольские. Беседа одиннадцатая… С. 113.
75. *Курбатов Г. Л.* Классовая сущность учения Иоанна Златоуста //Ежегодник музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1958. С. 101.
76. *Троицкий С. В.* Духовенство Древней Церкви в борьбе с народным горем и нуждой. Петроград, 1915. С. 116.
77. *Курбатов Г. Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV-VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971. С.185.
78. *Thummel H. G.* Die Kirche des Osten… S. 113.
79. *Сорочан С. Б.* Византия IV-IX вв. Этюды рынка… С. 279.
80. *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры… С. 108.
81. Палладий, епископ Еленопольский. Диалог с Феодором… С. 58. I. V.
82. *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры… С. 107.
83. См.: Палладий, епископ Еленопольский. Диалог с Феодором… С. 58. I. V.
84. Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes, 2 ed. Berlin; Weidemann, 1954. XV. 7. 1.
85. Theodosiani libri… XVI. 2. 42-43. См. об этом подробнее: *Danielou J., Marrou H.* A new history of the Catholic Church: The Christian centuries. L., 1964. Vol. 1.: The first six hundred years. P. 323.
86. См. об этом: *Constantelos D. J.* Byzantine Philantropy… P. 156. *Говядовский И.* Учение св. Иоанна Златоуста о собственности. М., 1907. С. 15.
87. *Ommeslaeghe F.* Jean Chrysostom… P. 348.
88. *Ommeslaeghe F.* Le temoignage de Pallade sur le proces de Chrysostome //Analecta Bollandiana, t. 93, fasc. 3-4, Bruxelles, 1977. P. 396.
89. *Ommeslaeghe F.* Jean Chrysostom… P. 348.
90. Ср.: *Timoty E.* Gregory. The Episcopacy of John Chrysostom. Vox Populi: popular opinion a violence in the religions. Ohio, 1979. Ch. III. P. 67.
91. *Курбатов Г. Л.* Иоанн Златоуст… С. 130.
92. Chrysostom, st. John //The Oxford Dictionary of the Christian Church. 2 ed. Oxford, 1974. P. 286.
93. См.: PG. T. 103. Col. 111; Акты собора под Дубом… С. 247.
94. PG. T. 67. Col. 526.; Сократ Схоластик. Церковная История… С. 258. VI. 15.
95. Ibidem. Col.526; Там же. С. 259. VI. 16. Ср.: PG. T. 50. Col. 517; Иоанн Златоуст, свт. Похвальная беседа о святом отце нашем Мелетие //Полное собрание творений. СПб., 1898. Т. 2. Кн. 2. С. 560.
96. PG. T. 67. Col. 1478; Созомен Эрмий. Церковная История… С. 585-586. VIII. 19.
97. Палладий, епископ Еленопольский. Диалог с Феодором… С. 80.
98. PG. T. 67. Col. 1471; Созомен Эрмий. Церковная История… С. 579. VIII. 16.
99. Harkins P. W. Chrysostom, saint John //Encyclopaedie Britannica: In 23 vol. Chicago etc., 1962. Vol. 5. P. 665.
100. PG. T. 103. Col. 111; Акты собора под Дубом… С. 247.
101. Палладий, епископ Еленопольский. Диалог с Феодором… С. 71.
102. *Bury J. B.* A History of… P. 99.
103. Ср.: *Сюзюмов М. Я.* Внутренняя и внешняя политика Византии и народные движения в первой половине V в. //История Византии: В 3 т. /Под ред. С. Д. Сказкина и др. М., 1967. Т. 1. С. 184.
104. PG. T. 67. Col. 526.; Сократ Схоластик. Церковная История… С. 259-260. VI. 27.
105. PG. T. 52. Col. 542; Иоанн Златоуст, свт. Письма к разным лицам. Иннокентию, епископу римскому //Полное собрание творений. СПб., 1898. Т. 3. Кн. 2. С. 554.
106. Theodoreti, Cyrensis episcopi. Historia ecclesiastica //Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Omnium Ss. Partum. Doctorum Scriptorumque Ecclesiasticorum. Series

graeca. P., Turnholti, 1977. T. 82. Col. 1012. (Далее: PG. T. Col.) Феодорит Киррский, блж. Церковная история: Пер. с греч. М., 1993. С. 208-209. V. 34.
107. Палладий, епископ Еленопольский. Диалог с Феодором… С. 80.
108. Там же. С. 80.
109. Там же. С. 76.
110. PG. T. 82. Col. 1012. Феодорит Киррский, блж. Церковная история… С. 208. V. 34; Ср.: Палладий, епископ Еленопольский. Диалог с Феодором… С. 75.

A.V.GORAIKO

POVERTY AND MISERY OF CONSTANTINOPLE IN THE CONTEXT OF ST.JOHN THE CHRYSOSTOM'S ACTIVITY

St. John the Chrysostom as the archbishop of Constantinople endeavoured to solve the most urgent issue of his time, the problem of poverty and destitution among the population of the empire`s biggest city – Constantinople. By the end of the 4-th century Constantinople was a city of wide retailing and trading population and of complex social and religious problems. In the 5-th century the number of Constantinople inhabitants according to research calculations, ranged from about 100 000 to 700 000. The Byzantine capital abounded with paupers of any kind whose presence on the streets had already become a mark of the capital city. The situation of those contaminated with various diseases was even harder. The Church was to play a significant role at that time. With special vigour Chrysostom directs his speech against the well-off citizens looking only to multiplying their property. St. John saw an issue of improving life of the poor citizens as his own task and calling. Many other bishops of the Church also took their part in organizing charitable work over the entire polis. Chrysostom succeeded greatly in mobilizing and directing property and income of the capital Church for the needs of charity. Such actions evoked enormous sympathy on the side of those who had benefited from it. The political significance of the St. John`s personality for the capital increased. His social activity however ran across the interests of those in powers and the emperor`s court was among them. In the end, a positive solution to the issue of poverty and destitution in Constantinople was not realized due to hindrances from the Chrysostom`s enemies.

А.В. САЗАНОВ (Москва), Ю.М. МОГАРИЧЕВ (Симферополь)

КРЫМ И ХАЗАРИЯ В КОНЦЕ VII – СЕРЕДИНЕ VIII ВВ.

В последнее время все большее внимание исследователей привлекают проблемы истории Крыма так называемого «хазарского периода»[1]. Основные вопросы, по которым разворачиваются дискуссии, сводятся к следующим позициям: 1. Время прихода хазар на полуостров; 2. Кто доминировал в Крыму в «хазарский период» – хазары, Византия (в каком регионе и в какое время) или был установлен кондоминимум; 3. Основные этапы хазарской экспансии в Крым; 4. Проблема салтово-маяцкой культуры на полуострове; 5. Время прекращения здесь хазарского господства.

Учитывая, что большинство письменных источников, освещающих указанные проблемы, фрагментарны или часто могут трактоваться неоднозначно, крайне важная роль принадлежит анализу археологических материалов, полученных при ис-

следовании крымских поселений и могильников конца VII–X вв. Особый интерес представляют десятки появившихся в Восточном, Центральном и Северо-Западном Крыму поселений, небезосновательно связываемые исследователями с пришлым населением Хазарского каганата. Важным кажется определение их хронологии и отношений пришельцев с населением уже существовавших населенных пунктов, в частности городов Боспора, Сугдеи и Херсона.

Напомним основные точки зрения по данной проблеме[2].

М. И. Артамонов полагал, что ещё в середине VII в. хазары проникли в Крым и заселили не только степную, но и южную, горную часть полуострова, изолировав Херсон от сельскохозяйственной периферии. Ко времени хазарского завоевания относится прекращение жизни на ряде поселений и следы разрушений на других[3]. Появление новых сельских поселений, датируемых VIII в., необходимо связывать с развитием оседлости среди населения Хазарии, составной частью которой являлся и Крым[4].

По мнению А.Л. Якобсона, хазары к концу VII в. подчинили себе уже большую часть полуострова, за исключением Херсона и ближайшей округи. Во второй половине VIII в хазарское господство начинает слабеть, к этому времени они сохраняли за собой только Восточную Таврику. Рассматриваемые памятники принадлежали болгарам, мигрировавшим из Приазовья. В конце VIII-IX в Крым становится практически независимым как от Византии, так и от хазар. Это привело к экономическому подъему, стали оживать земледельческие поселки. Как следствие, сначала в восточный, а затем и в западный Крым из Приазовья потянулось новое население[5].

Д.Л. Талис отмечал, что хазары появились на полуострове не раннее середины VII в., а последствия их вторжения были не столь разрушительными[6]. В степной и предгорной частях сельские поселения возникают в большинстве своем в VII в. и погибают на рубеже IX–X вв. Анализ археологического материала позволяет говорить об общности их жителей с «алано-болгарским миром Подонья и Приазовья»[7].

Согласно А.В. Гадло: «В Хазарском каганате, включавшем теперь в свой состав и Таврику, на рубеже VII–VIII вв. начался процесс оседания кочевых и полукочевых групп… В начале VIII в появляется оседлость на территории Керченского полуострова … появляются стабильные поселения вдоль Крымских предгорий и кое-где между старыми городками-эмпориями по побережью». В начале VIII в. сугды, переселившиеся с Кавказа основывают Сугдею[8].

И.А. Баранов считал, что появление салтово-маяцкой культуры в Крыму связано с миграцией ранних тюрок, которые поселились в его центральной части в середине VII в. Хазары, захватив крупные города по берегам Керченского пролива, долгое время не предпринимали здесь активных действий. Но уже в середине VIII в. они аннексируют Восточную Таврику, с центром в Судаке, и Готию. Именно тогда салтовцы «второй миграционной волны» (в основном «кутригуры Волжской Болгарии») разгромили византийские крепости и поселения, а также «оногурские аилы первого периода» и основали свои поселения практически на всей территории полуострова», Сугдея стала их главным политическим центром.[9]

С. А. Плетнева отмечает, что пребывание хазар, или, вернее, следы хазарского владычества в Крыму по археологическим данным прослеживаются слабо, а на многих памятниках и совсем незаметны. Это касается и погребальных комплексов, где также не удалось обнаружить хазарское присутствие. Конечный ее вывод состоит в том, что в Восточном Крыму очень выразительно выявляются памятники времени появления и освоения этой территории подданными хазарского каганата, но не самими хазарами. Это – крымские владения каганата. Сельские поселения она, в основном, датирует концом VIII–IX вв.[10]

Согласно А. И. Айбабину, в последней четверти VII в. часть болгар мигрировали в принадлежавший хазарам Крым и создали в Восточном, Центральном и Северо-западном регионах не менее 18 неукрепленных поселений. При этом выходцы с

Кавказа (вслед за мнением А.В. Гадло) в конце VII в. основали Сугдею[11]. Хазары захватили Боспор, разместили там свой гарнизон, а в Сугдее образовали таможню. Десятки поселений середины VIII в. возникают в связи с «миграцией булгарских племен в контролируемый хазарами Крым». Эта миграция «была вызвана разгромом, учиненным арабами во время второй арабо-хазарской войны (722-737 гг.) на территории Хазарского каганата в Предкавказье в 730-е гг.». Появление новых поселений не связано с разрушениями и пожарами на уже существующих, а пришельцы мирно осели на свободных землях.[12]

По мнению В.В. Майко, салтово-маяцкая культура Крыма объединяет ряд памятников второй половины VII – середины X вв., оставленных праболгарским населением полуострова, входившего в состав Хазарского каганата.[13]

Салтовским памятникам Керченского полуострова посвящен ряд работ Л. Ю. Пономарева[14]. Он, вслед за А.В. Гадло, И.А. Барановым и А.И. Айбабиным, выделяет несколько поселений конца VII – начала VIII в. и «сотни» второй половины VIII–IX вв.[15]

В рамках гипотезы о кондоминимуме рассматривают крымские поселения «хазарского периода» С.Б. Сорочан и В. Е. Науменко[16]. Города Боспор и Сугдея сохраняли византийский облик, а их округа «пополнялись… булгарами, потом салтовцами»[17]. Салтовцы в основном располагались в Восточном Крыму, частично в Центральном и Северо-Западном. В Южной Таврике их присутствие фиксируется слабо[18].

В ряде предыдущих исследований авторы настоящей работы попытались показать, что в начале VIII в. Боспор, Херсон и крымские архонтии (впоследствии климаты) оставались частью империи как в представлении самих жителей, так и по мнению византийских летописцев. Хазары здесь не претендовали на политическое господство. Вся политика каганата, по отношению к Крыму, сводилась, в основном, к возможности получения дани. Если же хазары, не по своей воле, оказывались втянутыми во внутривизантийские конфликты на территории полуострова, то и здесь претензии хазар были, в большей степени, материальными, а не территориальными или политическими[19].

Как отмечалось, рассматриваемые памятники, согласно времени их возникновения, обычно разделяются на две группы – конца VII –начала VIII вв. и середины VIII–IX вв. Свой анализ начнем с поселений первой.

Рассмотрим поселения и могильники, оставленные, по мнению ряда исследователей пришлым салтово-маяцким или праболгарским населением Крыма.

I. ПОСЕЛЕНИЯ.

1. Пташкино.

А. В. Гадло выделил строительные периоды, которые датировал концом VII – началом VIII в., VIII в., концом VIII – началом IX в. и рубежом IX–X вв.[20] Однако при рассмотрении оснований для этих дат оказывается, что единственную более или менее надежную дату имеет слой со складом амфор в нефе предполагаемого храма. Находка в комплексе с амфорами под слоем завала стен фрагмента кувшина с плоскими ручками позволяет относить время прекращения существования этого комплекса не ранее чем к середине – второй половине IX в. Учитывая отсутствие материала X в., следующий за ним строительный период, по всей видимости, можно датировать в пределах второй половины – конца IX в. Все остальные хронологические выкладки А. В. Гадло, носят весьма приближенный характер. Так, стратиграфически самые ранние землянка и яма 4 были отнесены к концу VII – началу VIII в. на основании обломков рифленых горшков, северопричерноморских бороздчатых амфор (землянка), а также обломков рифленых горшков, чернолощеного кувшина в виде кружки, амфоры с перехватом (яма 4). Причем именно обломки одной амфоры с перехватом позволили датировать ранний период концом VII – началом VIII в.[21] К сожалению, ни один из этих фрагментов не был приведен в статье,

поэтому судить о них можно лишь очень предположительно. Однако акцент на амфоре с перехватом, безусловно, не случаен. Все остальные перечисленные материалы имеют широкую хронологию. Получается, что «держат» нижнюю дату одни лишь фрагменты амфоры с перехватом, верхняя дата которых, по мнению автора, приходится на конец VII – начало VIII в.

На сегодняшний день самые поздние экземпляры этих амфор действительно происходят из комплексов 650-670 гг., и последней четверти VII в.[22] Однако это конец их цикла. Неоднократные находки фрагментов данных амфор в слоях и комплексах вплоть до середины IX в. породили представление об их существовании вплоть до этого времени, когда их сменяют кувшины с плоскими ручками, производившиеся в тех же центрах. Проведенный нами анализ комплексов Керчи, на основании которых был сформулирован этот вывод, показал, что в более поздних, чем конец VII в. слоях амфоры с перехватом являются обычной «примесью снизу» – материала из более ранних слоев.[23]

Краткая сводка находок амфор с перехватом в других поздних комплексах была составлена Л. Ю. Пономаревым[24], который пришел к взвешенному выводу о том, что хотя за омоложение коричневоглиняных амфор с перехватом исследователи высказывались неоднократно, приводимые в пользу этого аргументы являлись не только малочисленными, но зачастую и спорными. Тем не менее, считает исследователь, полностью отказываться от такой перспективы пока еще рано. В тех же случаях, когда «амфора с перехватом» выявлена в несвойственном для нее хронологическом контексте, всегда следует допускать возможность ее присутствия в более позднем комплексе как обычной «примеси снизу».[25]

Обратимся к рассмотрению этих материалов, особо акцентируя сохранность сосудов. С точки зрения «теории примеси», крайне важным является следующее обстоятельство – найдены ли отдельные фрагменты или же целые амфоры. На сегодняшний день, исключая Пташкино, амфоры с перехватом зафиксированы в комплексах VIII–IX вв. в Сугдее, Малом Садовом, Керчи, Херсонесе.

В Сугдее два донца амфор происходят из комплекса помещения Б дома-пятистенки, датирующимся концом VII/началом VIII – первой половиной VIII в.[26]

Кроме того, целая амфора была найдена в топочной части гончарной печи в портовой части крепости. С ней были обнаружены деформированный бракованный тонкостенный сероглиняный горшок и небольшой красноглиняный сосуд с широким горлом и рифленым туловом. Комплекс печи был датирован И. А. Барановым VII в. и трактован как первая в Крыму гончарная печь по производству керамической тары VII в.[27] Однако сопутствующие материалы просто не дают никаких оснований для датировки амфоры, и соответственно печи. Датировка комплекса VII в. произвольна. Также спорно и утверждение И. А. Баранова о том, что данная амфора является продукцией этой печи, равно как и трактовка самого комплекса как гончарной печи. По мнению В.В. Майко, никаких остатков печи зафиксировано не было, речь может идти лишь о слое пожара и фрагментах печины. К тому же амфора найдена не в обжигательной камере, а в топочной части. Следовательно, в Сугдее в первом случае речь может идти о «примеси снизу» (только два донца, а не целые амфоры), а во втором о недатированной находке.

Вместе с тем необходимо учесть, что все достаточно многочисленные фрагменты данных амфор в Сугдее (они обнаружены и на территории раскопа III М.А. Фронджуло в 1994 г. – доследование В.В.Майко) происходят из первоначального слоя городища, расположенного на материке, датировка которого, пока не может быть хорошо аргументирована из-за отсутствия полных публикаций. Отметим, однако, что, по мнению В.В.Майко, примесью «снизу» их все-таки считать нельзя, поскольку материалов ранее слоя с амфорами с перехватом в портовой части нет.[28]

Так или иначе, настоятельно необходима полная публикация раннего слоя со статистикой материала.

В Керчи самые поздние находки амфор с перехватом представлены комплексом из слоя серого суглинка заполнения помещения 12, формирование которого относится к концу VII в. – началу VIII в. Оттуда происходит горло амфоры, скорее всего связанное именно с этим слоем.[29]

В Херсонесе амфоры рассматриваемого типа были обнаружены в комплексе колодца Портового квартала 1[30], засыпанного в первой половине IX в.[31] Они, безусловно, представляют собой примесь раннего материала. Так называемый комплекс печи у западного берега Карантинной бухты как таковой рассматривать нельзя, поскольку он содержит ярко выраженный разновременный материал.[32]

Наконец, пожалуй единственным выразительным комплексом первой половины VIII в., по информации содержащим 6 амфор «с перехватом», является одно из помещений усадьбы на окраине села Малое Садовое.[33] Однако до сегодняшнего дня комплекс не издан. Настораживает также наличие в нем нескольких амфор типа Зеест 100, ошибочно трактованных как амфоры с перехватом. Как известно, эти амфоры едва заходят в VI в., не говоря уже о последующем столетии.

В результате верхняя граница амфор с перехватом может быть определена на рубеже VII и VIII вв., возможно их захождение в первую половину VIII в. Однако в любом случае – это «хвост» типа, когда амфоры оседают в комплексах уже после прекращения их выпуска. Следовательно, землянка из нижнего слоя Пташкино может датироваться в пределах конца VII – первой половины VIII в. при условии, что фрагменты амфоры с перехватом не являются примесью раннего материала. В противном случае комплекс не имеет надежной датировки.

Вышележащие строительные остатки второго строительного периода связаны с т.н. храмом, который был явно недостроен, на что обратил внимание А. В. Гадло.[34]

Наблюдения над стратиграфией дают возможность косвенно уточнить хронологию периодов. Обращает на себя внимание, что все 3 периода связаны с одним слоем, который в подрисуночной подписи атрибутирован как «культурный слой, содержащий остатки второго строительного периода».[35] Таким образом, речь идет не о трех слоях, а об одном и строительных периодах в пределах этого слоя, что принципиально. В таком случае между строительными периодами не могло быть большого промежутка времени. Обратим внимание на отсутствие стерильной прослойки между жилищем первого периода и храмом. Такая прослойка обязательно бы была зафиксирована в случае значительного временного промежутка между этими комплексами. Правда автор раскопок подчеркивает тщательную нивелировку поверхности перед строительством храма. Можно допустить, что во время нивелировки стерильный слой был удален и оставлен только уровень нижележащего слоя первого строительного периода. Вместе с тем наличие только одного слоя все равно заставляет рассматривать все три периода как хронологически близкие друг другу.

Та же стратиграфическая ситуация зафиксирована Л. Я. Пономаревым на поселениях Героевка 2, Героевка 3, Героевка 6 и Челядиново, где единый слой 2 делится на три периода, определенные автором раскопок как уровни. По справедливому заключению автора раскопок, нижний уровень, на котором лежат фундаменты стен, отражает время формирования поселений, средний фиксирует время существования жилищных комплексов, а верхний – запустение жилищ.[36]

Поскольку материалы из слоя нивелировки в тексте статьи А. В. Гадло не упомянуты (скорее всего, их не было), то у нас нет оснований для точной датировки времени сооружения храма. О нем мы можем судить лишь по амфорному комплексу из склада в его северной части. Ясно, что практически сразу часть недостроенного храма была приспособлена под склад. Однако, и это стоит подчеркнуть, опять же мы имеем лишь время прекращения функционирования этого склада во второй половине IX в. Скорее всего, судя по единичной находке фрагментов кувшина с плоскими ручками, этот комплекс следует относить к тому времени, когда эти сосуды только начинают входить в обращение, т.е. примерно к середине IX в. Как долго

функционировал этот склад сказать трудно, по крайне мере, не больше 50 лет. Это в общей сложности указывает на начало –первые десятилетия IX в. как время сооружения т.н. храма. Отсюда, учитывая небольшой хронологический период между жилищем первого строительного периода и храмом, а также наличием «амфоры с перехватом» в жилище первого строительного периода, самой поздней датой которой может быть первая половина VIII в. наиболее вероятной датой возникновения поселения представляется середина VIII в.

Учет всех этих факторов позволяет предложить следующую гипотетическую хронологию поселения. Первый период относится к середине VIII в., второй (храм и склад) – первой половине – середине IX в., третий – второй половине IX в.

Отметим, что предложенная схема условна в силу малой репрезентативности датирующих материалов. В принципе она не намного сдвигает хронологию поселения, предложенную А. В. Гадло.

2. Героевка.

Впервые раннесредневековые комплексы Героевки были опубликованы А.В.Гадло[37]. По его мнению, селище у дер. Героевки, как и другие подобные памятники Крыма, возникло в конце VII в. Период же наиболее интенсивной жизни в этом регионе приходится на конец VIII и IX в. На рубеже IX–X вв. большая часть населения была вынуждена покинуть свои дома, вероятнее всего, под угрозой вражеского нашествия. Большинство открытых жилищ было оставлено одновременно. Возможно, какая-то часть обитателей впоследствии вернулась на пепелище. Во всяком случае, как считает А. В. Гадло, есть основания полагать, что жизнь на территории этих селищ еще теплилась до конца X – начала XI в.[38]

Раскопки, давшие выразительные раннесредневековые комплексы, велись в 1963-1964 гг. В 1963 г. Было исследовано три раскопа I, II–IV и III, в 1964 г. Раскопы V, VII, VIII.

2.1. Раскоп I.

На раскопе I были открыты остатки прямоугольной наземной постройки, имевший два строительных периода. Какие-либо датирующие материалы в статье не приводятся. Отмечены лишь аналогии с домами-пятистенками Тепсеня, Илурата и Алексеевки. Судя по ним, комплекс может относиться к первой половине IX в. Однако в целом надежные основания датировки отсутствуют.

2.2. Раскоп III.

На этом раскопе была открыта полуземлянка, имеющая два строительных периода. Она была сооружена в материке и перекрыта перепаханным гумусным слоем. В жилище были обнаружены амфора, горшок и пифосообразный сосуд. Единственно датирующим фрагментом было горло амфоры.[39] О ее датировке можно судить лишь по фотографии, соответственно профилировка венчика неясна. Близкие амфоры происходят из комплекса склада в Пташкино середины-второй половины IX в.,[40] что позволяет относить комплекс скорее всего к этому времени.

Принципиально важен комплекс помещения, обнаруженный на раскопе II–IV.

2.3.Раскоп II–IV.

На этом участке удалось проследить три последовательных периода строительства. К первому относится землянка, которая была заброшена. На протяжении второго и третьего периода она служила местом свалки, выраженным зольником. На полу землянки найдены обломки гончарного горшка, с отогнутым венчиком, украшенным волнистой врезной линией, костяные спицы для вязания сетей, стеклянная трехцветная бусина и половина обгоревшей трехцветной бусины. Около устья печи лежал лепной квадратный светильник с четырьмя ушками для подвешивания. Все эти материалы не приведены в статье А. В. Гадло, что делает невозможным более или менее точную датировку комплекса.[41] Отметим лишь то, что квадратные плоские светильники в Саркеле были найдены на 1 метре хазарского слоя и в слое русского периода (2 метр), что дает их хронологию на этом памятнике от последней

трети X до конца XI – начала XII в.[42] В любом случае они там не раньше второй половины IX в.

Косвенно на время прекращения функционирования землянки указывают находки из нижнего слоя перекрывшего ее зольника. Оттуда происходит лепной котел и обломок лепного кувшина. Датирующим является лепной котел.[43] Однако и он имеет широкую хронологию. В Тмутаракани такие котлы были обнаружены в слое VIII – первой половины X в.[44]Аналогичный сосуд был найден в Кордон-Обе в комплексе X в.[45] В Саркеле котлы с внутренними ушками были обнаружены на 1 метре хазарского слоя, датирующегося периодом разгрома Саркела Святословом в 965 г. В любом случае образование этого слоя Саркела не может быть ранее второй половины IX в.[46] На Среднем Донце котлы с внутренними ушками существовали во второй половине VIII – первой четверти IX в.,[47] на Северном Кавказе – в VIII–IX вв.[48]

Из сказанного ясно, что землянка на этом участке не может быть сколько-нибудь точно датирована.

2.4. Раскоп VIII.

2.4.1. Жилище VIII.

Заполнение жилища отражает время прекращения его функционирования. Оттуда происходят рифленый горшок, сероглиняный эйнохоевидный кувшин, железный кинжал, обломки стеклянных сосудов, и причерноморских амфор.[49] Все эти предметы не воспроизведены в публикации, соответственно, они не дают оснований для сколько-нибудь уверенной датировки комплекса.

Однако на вымостке, к западу и югу от жилища, отражающей время его функционирования были найдены обломки рифленого горшка с насечками по венчику, обломки крышки с вырезом для выхода пара и обломки двух по А.В. Гадло импортных амфор. Последние позволяют датировать время функционирования жилища.

Белоглиняная импортная амфора, приведенная на рис. 4, а, в статье А. В. Гадло близка к белоглиняной амфоре из склада амфор в Пташкино середины IX в.,[50] вторая амфора, по мнению самого автора раскопок, абсолютно аналогична другой амфоре из того же пташкинского комплекса.[51] Учитывая отсутствие кувшинов с плоскими ручками, время функционирования жилища VIII может быть определено до середины IX в., скорее всего речь идет о первой половине этого столетия. Время сооружения жилища выяснить невозможно.

2.4.2.Жилище IX.

Открыто на том же раскопе 1964 г., к югу от жилища VIII. В заполнении жилища обнаружены фрагменты той же импортной белоглиняной амфоры, бракованная борозчатая амфора без ручек и горла, донце крупного серолощеного пифосообразного сосуда, обломки пифосообразного горшка с витым венчиком, железная мотыга.[52] Бороздчатая амфора имеет датировку VIII–IX вв., о дате импортной белоглиняной уже говорилось выше. Соответственно время прекращения существования жилища IX то же, что и жилища VIII, то есть, скорее всего, первая половина IX в.

Особо отметим, что неоднократно фигурирующая в литературе монета 641-668 гг. была найдена вне жилища на уровне древней дневной поверхности и использовалась как амулет, о чем свидетельствует дырочка для подвешивания.[53] Следовательно, она не имеет датирующего значения, и попала в слой много позже своего выхода из обращения.

Оба жилища связаны с одним и тем же гумусным слоем, под которым залегал материковый суглинок. Они относятся к одному комплексу и, следовательно, датируются одним и тем же временем, скорее всего первой половиной IX в.

2.5. Раскоп V.

На раскопе V были открыты остатки дома-пятистенки, состоящего из двух помещений. В помещение 1 был обнаружен желтоглиняный гончарный горшок и бронзовое кольцо. Из помещения 2 происходят обломки тонкостенной реберчатой красноглиняной амфоры. Кроме того, при расчистке завала в северо-восточной

части помещения обнаружен красноглиняный «бальзамарий» со следами зеленой глазури, который А.В.Гадло отнес к X в.[54] Скорее всего, имеется ввиду красноглиняный горшок покрытый зеленой поливой, соответствующий Coarse Glazed Ware по современной типологии.[55] В Константинополе такие сосуды происходят из комплексов середины-конца VIII в. и начала IX в.,[56] что и датирует время прекращения существования началом – первой половиной IX в.

К востоку от дома находился мощеный дворик с ямами. В них, по определению автора раскопок, среди керамики, обычной для VIII–X вв. были найдены фрагменты амфор VII–VIII вв.[57] Проверить эту атрибуцию, к сожалению, невозможно. Скорее всего, речь идет об амфорах VIII–IX в.

Все вместе это позволяет относить рассматриваемый комплекс, по всей видимости, к началу – первой половине IX в.

2.6. Раскоп VII.

В зольнике, за пределами жилища, отражающем время функционирования постройки, были обнаружены обломки горшков, фрагменты амфор с зональным рифлением причерноморского типа и обломок глиняной статуэтки животного. Амфоры с зональным рифлением причерноморского типа по комплексам датируются VIII – первой половиной IX в.[58] Уточнить дату фрагмента невозможно. Скорее всего можно говорить о все той же первой половине IX в.

Подведем итог по материалам Героевки. Как мы видим ни один из комплексов не может быть аргументировано датирован в пределах конца VII – первой половины VIII в. Из исследованных А. В. Гадло в общей сложности 7 комплексов один датировать невозможно, а все остальные относятся к IX в.

3. Поселение Эльтиген Западное.

Краткие сведения об этом поселении были даны в статье Л. Ю. Пономарева. В 1995 г. на поселении была обнаружена землянка. Л. Ю. Пономарев, считает, что, судя по небольшому количеству обнаруженной в ней лепной керамики, можно говорить о том, что это поселение возникло раньше, чем многие другие, где-то в конце VII – первой половине VIII в.[59] «Небольшое» – скорее всего, досадная опечатка, поскольку в публикационной статье, на которую ссылается Л. Ю. Пономарев, говорится о численном преобладании фрагментов весьма разнообразных лепных сосудов, составлявших 68% всех находок.[60]

Однако приведенная в статье С.Л. Соловьева и Е. В. Власовой таблица с керамикой из заполнения землянки не дает столь однозначной для датировки картины. Первые два амфорных профиля производят впечатление фрагментов позднеримских и ранневизантийских амфор. Первый – либо АДСВ тип 5 либо светлолглиняная с рифлением типа «набегающей волны», второй – узкогорлой светлоглиняной «Е».[61] К сожалению, отсутствие описания не дает возможности для более или менее уверенного отождествления сосудов с соответствующими типами. К тому же, по мнению авторов публикации, датировка этих материалов, по всей видимости, не выходит за пределы IV–VI в. Вместе с тем отметим стенку с волнистым орнаментом, которая может свидетельствовать о принадлежности комплекса к VIII-IX вв., но не более того.[62] Датировать комплекс на основании этой публикации, к сожалению, невозможно.

4. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове.

Говоря о последствии событий последней четверти VII в., связанных с разгромом хазарами булгар Батбаяна, А.И. Айбабин пишет, что победившие хазары захватили их (булгар – авт.) степные пастбища, некоторые орды Булгар мигрировали с территории Великой Булгарии в донские степи, а другие в Крым. Они обосновались в Восточном и Центральном Крыму на незаселенных землях. Булгарские куреня лишились главной кормовой базы – степных пастбищ. Поэтому булгары были вынуждены перейти к пастушеско-земледельческому хозяйству. По мнению С. А. Плетневой, в процессе его освоения из общин-куреней выделялись большие се-

мьи-аилы, владевшие многочисленным скотом. Как полагает А.И.Айбабин, принадлежавшие аилам неукрепленные поселения выявлены на Тарханкутском полуострове в Ойрате и Лазурном, на Керченском полуострове в Пташкино, Калиновке, Бранном поле, Ерофеево и Фронтовом, в Илурате, Героевке, Тиритаке, в Юго-восточном Крыму в Кировском и, вероятно, на холме Тепсень, в Центральном Крыму в Курортном, Ароматном, Цветочном, Меловом, на Ак-Кае, в верховьях реки Зуя в урочище Тау-Кипчак и др.[63]

При этом А.И.Айбабин ссылается на работы А.В.Гадло, карту И.А.Баранова и статью А.Н.Щеглова. Начнем с последней.

4.1.Поселение на м. Ойрат.

Поселение на мысе Ойрат расположено на месте античного селища. Наряду с позднеантичной керамикой на поверхности встречались незначительные обломки раннесредневековых бороздчатых амфор обычного для сельских поселений юго-западного Крыма типа. «Однако, пишет исследовавший это поселение А.Н.Щеглов, в размыве берега мы не обнаружили строительных остатков, которые можно было бы с уверенностью отнести к раннему средневековью*. Поселение было, вероятно, открытым. Никаких следов оборонительных сооружений на нем не обнаружено».[64] Из приведенного текста статьи А.Н. Щеглова видно, что постулируемое А. И. Айбабиным существование на мысе Ойрат неукрепленного поселения, принадлежавшего булгарскому аилу в VIII в. является не более чем умозрительной конструкцией автора[65].

4.2. Поселение в Лазурном.

Поселение находится на месте более раннего, античного. Керамика, поднятая на поверхности и в зоне размыва берега морем, относится к тем же типам, что и с поселения на мысе Ойрат. Судя по иллюстрации в статье А.Н.Щеглова, речь идет о стенках красноглияных амфор с воронковидным горлом и т.н. глубоким и частым рифлением второй четверти VI–VII вв. и светлоглиняных с рифлением типа набегающей волны V-VII вв.[66]

Окончательный вывод сформулирован А.Н.Щегловым достаточно определенно: «Строительные остатки, видимые в береговом обрыве и размывах на плато поселения, вряд ли можно связать со средневековым периодом существования селища. Судя по материалам, связанным с этими стенами, все они относятся к позднеантичной эпохе и, по-видимому, могут быть датированы временем не позднее III в…Селище в селе Лазурном …не имеет следов оборонительных сооружений».[67] Соответственно, трактовка А.И. Айбабина вновь оказывается безосновательной.

Информация о поселениях в Калиновке, Бранном поле, Ерофеево, Кировском почерпнута А.И. Айбабиным из карты в статье А.В. Гадло.[68] Однако в подрисуночной подписи к этой карте сказано: «Южное Приазовье в эпоху хазарского каганата (VII – начало X в.)», что свидетельствует о широких хронологических границах нанесенных на нее памятников и не позволяет считать их поселениями узкого периода VII–VIII вв.

Данные о поселениях Ак-Кая, Тау-Кипчак, Курортное, Ароматное взяты А.И. Айбабиным из карты И. А. Баранова и сведений в его книге. Важнейшим из них, безусловно, является частично опубликованное поселение Тау-Кипчак.

5. Тау-Кипчак.

На корреляционной таблице в книге И.А.Баранова насчитывается 9 комплексов этого поселениях, отнесенных им к середине – второй половине VII в. К ним относятся яма 1, яма 5, яма 6, яма 14, жилище 1, жилище 3, жилище 14, жилище 22, жилище 23.[69] При этом базовыми комплексами рассматриваются ямы 5 и 6.

5.1. Яма 5.

Яма 5 была отнесена И.А. Барановым ко второй половине VII в. на основании

* При размыве берега мы не обнаружили строительных остатков, которые можно было бы с уверенностью отнести к раннему средневековью.

датировок амфор, с чем не согласился А.И. Айбабин, утверждающий, что хронологию многих типов И.А.Баранов обосновал по неверно подобранным аналогиям.[70] Как считает А.И.Айбабин, сосуды из ямы 5 и жилища вместе могли использовать на рубеже VII–VIII вв., когда и возникло поселение Тау-Кипчак.

Упрек А.И. Айбабина верен, но лишь отчасти, поскольку сам А.И.Айбабин в ряде случаев атрибутирует амфоры из рассматриваемого комплекса столь же ошибочно.

Обратимся к этим материалам.

1. Красноглиняная амфора типа 5 по АДСВ=Баранов 1990. Рис. 9, 1=Айбабин 1999. Рис. 81, 3.Аналогия И.А.Баранова с амфорой типа Зеест 99 а из Херсонеса ошибочна[71], поскольку последняя имеет иную морфологию и иную глину. К тому же амфоры Зеест 99 а никогда не бывают реберчатыми. Однако предложенная А.И. Айбабиным аналогия еще дальше от действительности. Приводимые им параллели из книг Каролин Вильямс и Дж. Хэйса являются светло-глиняными амфорами типа «набегающей волны», в нашем же случае речь идет об амфоре из красной глины с включениями известняка.[72] Наиболее близки рассматриваемой амфоре из Тау-Кипчака амфоры типа Hayes 41 из комплекса 35 Константинополя, который относится к концу VIII – началу IX в.[73] Отметим, однако, что сам тип 41 Хэйс помещает в группу амфор VIII в.[74] Хронологически прослеживается эволюционная линия этих амфор от второй четверти VI до первой половины IX в.[75]

2. Красноглиняная амфора типа 5 по АДСВ=Айбабин 1999. Рис. 81,1=Баранов 1990. Рис. 9, 2. А.И.Айбабин отмечает, что аналогичная амфора была обнаружена при его раскопках в Керчи в слое последней четверти VI – третьей четверти VII в.[76] Эволюционная линия этих амфор представлена сосудами из комплексов второй четверти VI в. – середины-второй половины IX в.[77] Отметим, однако, что предложенная А.И. Айбабиным аналогия с амфорой из Пташкино 7 а, абсолютно произвольна.

3. Красноглиняная амфора типа 5 по АДСВ=Баранов 1990. Рис. 9, 3=Айбабин 1999.Рис. 81, 8. Эволюционный ряд этих амфор охватывает период от второй четверти VI до середины-второй половины IX в.[78]

4. Красноглиняная типа 5 по АДСВ с отогнутым венчиком=Баранов 1990.Рис. 9, 4. Тип 2=Айбабин 1999. Рис. 81,2. Эволюционный ряд этих амфор, соответствующих нашему типу 28 представлен амфорами из комплексов от 570-580 гг. до X – начала XI вв. Эти амфоры существуют, по крайней мере, до второй половины IX в.[79]

5. Красноглиняная типа 5 по АДСВ=Баранов 1990.Рис. 9,6.Соответствует нашему типу 24.[80] Ближайшая параллель происходит из комплекса первой половины IX в.[81] Однако этот экземпляр, видимо, показывает дальнейшее развитие типа. Нижняя граница ряда неясна.

6. Светлоглиняная с рифлением типа набегающей волны=Баранов 1990. Рис. 9,8=Айбабин 1999. Рис. 81,5. Верхняя часть светлоглиняной амфоры с рифлением типа набегающей волны. А.И .Айбабин указал правильные аналогии с амфорами из комплекса Константинополя 650-670 гг. и Язи-Ада середины VII в.[82]

7. Красноглиняная амфора типа 5 по АДСВ=Баранов 1990.Рис. 9,9=Айбабин 1999.Рис. 81, 6. И.А.Баранов указал на правильную аналогию в комплексе Агойского могильника второй половины VII в.[83] Напротив, предложенная А.И.Айбабиным аналогия из Пташкино ошибочна, одна амфора почти в два раза больше другой. Рассматриваемая амфора из Тау-Кипчака соответствует нашему типу 30, датирующемуся второй четвертью VI–VII вв.[84]

Суммируя все приведенные выше хронологические выкладки, отметим, что в данном комплексе встречены амфоры, имеющие циклы бытования в пределах VI – первой половины IX в., второй четверти VI–VII вв., 570/580 – второй половины IX в. Попасть в комплекс все они могли только где-то во второй половине – конце VII в., что подтверждает как дату И.А.Баранова, так и А.И.Айбабина.

5.2. Яма 6.

И.А.Баранов относил яму 6, как и яму 5 к середине-второй половине VII в.[85] По мнению же А.И. Айбабина, дата образования комплекса из ямы 6, состоящего из ранних амфор типов 2 и 6 второй половины VII – начала VIII в. и поздних второй половины VIII–IX вв. (типы 7, 8) определяется по поздним. Иными словами, А.И.Айбабин относит комплекс ямы 6 ко второй половине VIII–IX вв.[86] Рассмотрим подробно эти материалы.

1. Амфора типа 5 по АДСВ =Баранов 1990. Рис. 10,11.

Данная амфора имеет аналогии в херсонесском комплексе 14, датирующимся не ранее конца VI – начала VII в.[87]

2. Амфора типа 5 по АДСВ=Баранов 1990. Рис. 30, 1.

Такие амфоры генетически связаны с экземплярами из Ильичевки 570-580 гг. и Цибиллиума второй четверти VI в.[88] Встречаются в комплексах конца VI – середины VII в.,[89] конца VII в.[90] Поздний вариант известен в комплексе Пташкино середины-второй половины IX в.[91]

3. Зеест 95 =Баранов 1990. Рис. 10,8.

Из ямы 6 происходит горло этого сосуда. Напомним, что верхняя дата этих амфор не выходит за пределы 650-670 гг.[92]

4. Широкогорлая амфора с вогнутым дном=Баранов 1990. Рис. 10, 5.

Красноглиняная широкогорлая амфора с вогнутым дном. И.А.Баранов отмечал, что близкие по форме донца встречены в византийском горизонте Кордон-Обы, датирующимся не позднее середины VIII в.[93]

Глина амфоры похожа на глину причерноморских амфор. Ближайшей аналогией является амфора из Судакского комплекса второй половины IX–X вв., где она обнаружена вместе с кувшином с плоскими ручками.[94] Соответственно, в этом случае она не может датироваться ранее середины – второй половины IX в. В таком случае данные амфоры могут датироваться временем от середины VIII до второй половины IX в.

5. Красноглиняная типа Баранов 1990. Рис. 10,7.

Амфора является звеном в эволюционном ряду нашего типа 42. Ближайшие аналогии происходят из комплексов второй половины VIII – первой половины IX в.[95]

Приведенный анализ амфор показывает, что, судя по циклам самых поздних типов, комплекс ямы 6 мог образоваться во второй половине VIII – первой половине IX в., скорее всего речь может идти о рубеже VIII и IX в. Это, в принципе, подтверждает дату А.И. Айбабина.

Поскольку амфоры типа Баранов Рис.10,5 входят в состав комплексов ямы 14, жилища 1, жилища 2, жилища 14 и жилища 22, то все они относятся не ранее, чем ко второй половине VIII в.[96]

Следовательно, из 9 комплексов Тау-Кипчака, отнесенных И.А.Барановым ко второй половине VII в., концом VII в. могут быть датированы лишь 3: яма 5, жилище 23 и жилище 3. Отметим, однако, что жилище 3 находилось на левом берегу реки Зуи, который, по данным того же И.А.Баранова, заселялся несколько позже правобережной части поселения. Как считал И.А. Баранов, формирование единого поселка завершилось к концу VII в., когда в результате большого пожара, связанного с каким-то военным нападением, были сожжены, а потом восстановлены полуземлянки обоих больших кустов.[97]

Все это вместе взятое позволяет предположить следующую гипотетическую картину заселения урочища Тау-Кипчак. Во второй половине VII в. здесь появляются два жилища (№№ 3, 23) и одна яма (№ 5), которые прекращают свое существование в начале VIII в. Основной пик заселения приходится на середину-вторую половину VIII в., когда появляются жилища 14, 22, яма 6, землянка 1, яма 1.В начале IX в. возникают жилища 2 и 19.

Если на основании материалов поселения Тау-Кипчак оценивать масштаб при-

хода кочевников на территорию Крыма, то малоутешительная картина для сторонников «тюркской» или «салтовской» концпепции очевидна: три комплекса второй половины VII в., пять второй половины VIII в. и два первой половины IX в. При этом надо учитывать, что на роль кочевнических жилищ могут претендовать лишь землянки и полуземлянки. В этом случае статистика еще более красноречива. Из 24 полуземлянок поселения на правом берегу обнаружено 11. Из них только одна может датироваться второй половиной VII в.

К следующему периоду-середине VIII – началу IX в. относится две полуземлянки (№№ 1, 22) и два дома византийского типа (№№ 2, 14).

Вывод представляется очевидным. Материалы Тау-Кипчака не дают никаких оснований для утверждения о массовом проникновении кочевников в Крым и оседании их на землю во второй половине VII – начале VIII в.

6. Донское.

И.А. Баранов пишет о кочевнических стойбищах VII в. в районе села **Донское**, в Битаке и Кордон-Обе. Однако поселение на окраине Донского сильно распахано, автор пользуется лишь данными магниторазведки. Сам керамический комплекс не приводится, дается лишь словесное описание керамики из шурфов и подъемного материала, что не дает возможности сколько-нибудь обоснованной датировки.

7. Битак.

На поселении в **Битаке** не удалось проследить даже планировку, так как памятник почти полностью разрушен при земляных работах в 1974 г.[98]

8.Кордон-Оба.

На вершине холма **Кордон-Оба** по сведениям И.А.Баранова было зачищено основание круглой в плане юрты, перекрытой культурными отложениями византийского укрепления первой половины VIII в. Материал в жилище незначителен и представлен несколькими обломками амфор и лепной керамики. Датировка обосновывается И.А. Барановым тем, что в культурном слое рядом с этой постройкой встречены фрагменты тонкостенных амфор, по фактуре близких расписной амфоре, обнаруженной на этом же поселении в слое, подстилавшем салтовский горизонт.[99] Все эти материалы нигде не приведены, равно как и стратиграфия участка. Соответственно нет никаких серьезных оснований для предложенной датировки, равно как и интерпретации памятника как кочевнического стойбища.

9. «Протоболгарские аилы» на карте И.А.Баранова.

На корреляционной таблице в книге И.А.Баранова среди протоболгарских кочевнических поселений второй половины VII – начала VIII в. фигурируют Меловое, Фронтовое, Ак-Кая, Маре.[100] Кроме того, на карте как поселения-аилы этапа формирования салтово-маяцкой культуры (вторая половина VII – первая половина VIII в.) отмечены Марьяновка, Ак-Кая, Вишневое, Новокленовка, Богатое, урочище Казанлы, Межгорье, Меловое, Цветочное, Ароматное, Курортное, Тау-Кипчак, Барановка (близ пещеры Ени-Сала III), Мраморное (северо-восточный склон Чатыр-Дага), пещера «Партизанская» на нижнем плато Чатырдага, Красноселье, Почтовое, Фонтаны, балка Холодная близ Симферополя, Лозовое, Хмелевое, гора Базман, Глубокий Яр, Трудолюбовка, Заветное.[101] Из этого весьма впечатляющего списка, как уже отмечалось выше, в корреляционную таблицу автор внес лишь 7: Меловое, Фронтовое, Ак-Кая, Маре, Пташкино, нижний слой Героевки и Тау-Кипчак. Остается предположить, что хронология и атрибуция всех остальных памятников являются, по всей видимости, чистыми предположениями И.А. Баранова, основания для которых неведомы.

Итак, из нерассмотренных нами памятников остаются Меловое, Фронтовое, Ак-Кая и Маре. Судя по корреляционной таблице И.А.Баранова, в Меловом и Фронтовом в комплексах с ойнохойями баклинского типа были обнаружены амфоры с вогнутым дном, аналогичные Тау-Кипчакской и Судакской, что автоматически датирует комплексы не ранее середины VIII–IX вв.[102] В Ак-Кая такая же амфора об-

наружена в контексте с двуручным кувшином типа Чуфут-Кале, что опять же, датирует комплекс не ранее середины VIII в. Наконец, в Маре в комплексе встречена только датирующая ойнохойя баклинского типа, имеющая широкую датировку.[103]

В результате от внушительного списка протоболгарских поселений остаются рассмотренные выше три комплекса в Тау-Кипчаке.

Теперь необходимо остановиться на проблеме салтовских комплексов Судака.

10. Судак.

На протяжении последнего десятилетия в литературе появилась и развивается точка зрения о Судаке как о центре пресловутой Крымской Хазарии, где по мнению И.А.Баранова и В.В. Майко существовало тюркское святилище (бога Тенгри?), фиксируются как многочисленные салтовские комплексы, так и хазарская фортификация.

К несомненным достоинствам работ В.В. Майко относятся полные и подробные публикации комплексов, которые он атрибутирует как салтовские. Анализ этих материалов, однако, приводит к диаметрально противоположным выводам.

Принципиальными для решения проблемы «салтовского» Судака рассматриваемого времени, на наш взгляд, являются: а) интерпретация т.н. тюркского святилища, б) комплекс нижнего горизонта помещения Б дома 1994 г., в) существование в городе византийской таможни.

10.1. Комплекс «святилища».

По справедливому замечанию авторов публикации реконструкция первоначального объекта, возникающего во второй половине VII в. чрезвычайно трудна, неоднозначна и достаточно субъективна, что связано с его плохой сохранностью и неполной изученностью.[104]

По их мнению, строительные остатки и комплекс находок позволяют говорить о существовании в этом месте тюркского капища (бога Тенгри по И.А.Баранову) и культового зольника. Причем, как пишут авторы «интересной особенностью этих святилищ является отсутствие или незначительное количество в археологическом материале каких-либо ритуальных предметов».[105] С последним фактом по отношению к данному комплексу нельзя не согласиться.

По трактовке И.А.Баранова каменное святилище представляло собой круглое в плане сооружение башенного типа высотой около двух метров и диаметром не менее 5 м, стоявшее на краю крутого обрыва. В конце IX – начале X в. башня была перекрыта оборонительной стеной (хазарской по И.А.Баранову), из-под которой выступает лишь незначительная часть циркульной кладки. С южной стороны к башне подводила мощеная дорожка, сланцевые плиты которой опирались на крепиду. В результате землетрясения дорожка и крепида сползли по склону, образовав завал.

К культовым предметам авторы отнесли стилизованную бронзовую фигурку лошади, клыки, зубы и небольшой известняковый «идол» с отбитым в древности лицом. Как считает И.А.Баранов, небольшой идол из белого известняка, обнаруженный в зольнике, аналогичен идолу в бурке из Саркела.[106] При этом И.А.Баранов ссылается на известную популярную книгу С.А.Плетневой, посвященную хазарам.[107] Заметим, что этот идол в бурке, приведенный в ряде работ С.А.Плетневой, происходит не из Саркела, а из Дмитриевского могильника и относится к IX в.[108] Кроме того, и это более важно, судакская и дмитриевские фигурки совершенно различны по иконографии, размерам и технике изготовления, в чем при сравнении нетрудно убедиться. Крайне важен и контекст дмитриевской находки, косвенно указывающий на предназначение статуэтки. Как пишет С.А.Плетнева, в катакомбе 65 рядом с одним из разрушенных погребений были обнаружены остатки двух небольших идольчиков, вырезанных из местного мягкого мела. Одна из них изображает мужчину в шапке с плоской тульей и трапециевидным туловом, мужчина как бы закутан в бурку. Черты лица передают некоторую его монголоидность, глаза узкие, немного раскосые. От второго идола сохранилась только головка, по-видимому,

женская. Лицо у нее круглое, с прямым носиком, большими глазами под дугами бровей и глубоко прорезанным ртом. Верх головы плоский. Вероятно, на головку одевалась матерчатая шапочка. Не исключено, заключает С.А.Плетнева, что оба идола были просто куклами умершего ребенка: провести грань между обычной игрушкой и магической фигуркой-оберегом не представляется возможным.[109]

Таким образом, фигурка из Дмитриевского могильника не совпадает с судакской ни по размерам, ни по иконографии, ни даже по хронологии. К тому же нет доказательств, которые позволили бы считать и дмитриевские фигурки идолами.

Бронзовая фигурка коня из судакского комплекса также сильно отличается от салтовских амулетов типа 4: у судакского амулета, опять же, иная иконография и отсутствует ушко для подвешивания, что не позволяет считать ее амулетом.[110]

Столь же призрачна и атрибуция вторично использованного византийского надгробия как антропоморфного изваяния.

В результате приходится признать, что для трактовки рассматриваемого судакского комплекса как тюркского святилища нет веских оснований. На это же указывает и находка при расчистке завала крупных профилированных блоков портала, украшенного простым рельефным веревочным орнаментом, а также обломки ступенчатого известнякового карниза. По заключению того же И.А.Баранова портал стоял в месте стыка дорожки с башней.[111]

10.2.Нижний горизонт помещения Б дома 1994 г.

Нижний слой дома-пятистенки содержал комплекс, включающий византийские амфоры, стеклянную рюмку, лепную, гончарную посуду и изделия из металла. Амфоры относятся к типам Hayes 37 и Hayes 41, которые обнаружены в Константинополе в контексте конца VIII – начала IX в.[112] Оба эти типа Дж.Хэйс поместил в группу амфор VIII в.[113] Остальной материал подтверждает дату образования комплекса в пределах первой половины VIII в.Таким образом, перед нами действительно комплекс первой половины VIII в., представляющий собой типичный провинциально-византийский дом – пятистенку. Керамический комплекс не содержит салтовских предметов и также является типично провинциально-византийским. Следует также особо подчеркнуть наличие хорошо выраженного кочевнического компонента в лепной керамике комплекса. На наш взгляд, его существование, аналогичное комплексу постройки 12 в Кооперативном переулке Керчи не противоречит точке зрения о византийской принадлежности обоих городов. Варварские или «местные» этнические элементы всегда были частью культуры византийских поселений. Напомним, что главным элементом любого этноса является наличие этнического самосознания. В этом плане ситуация с «хазарскими» территориями в Крыму рассматриваемого периода однозначна – византийцы считали эти земли своими.

Близкий пример дают материалы комплексов 570-580 гг. из Ильичевки. Эта несомненно типичная византийская крепостца, построенная по принципам византийской фортификации, содержала в своем керамическом комплексе подавляющее количество лепной керамики, истоки которой указывают на варварское население Кавказа и Тамани.

На наш взгляд, корректнее под термином «провинциально-византийский» понимать как раз наличие сильного варварского компонента при безусловной принадлежности того или иного населенного пункта Византии.

Наконец, окончательную точку в вопросе о «салтовской Сугдее» ставит находка комплекса, связанного с функционированием византийской таможни. Идея о создании ее хазарами является откровенным нонсенсом.[114]

Как мы видим, существующие на сегодняшний день материалы не подтверждают точку зрения о Сугдее как центре Крымской Хазарии, этого виртуального или, пользуясь удачным выражением С.Б.Сорочана, фантомного создания ряда исследователей. Какие-либо выраженные салтовские комплексы в Сугдее конца VII – первой половины VIII в. отсутствуют, материальная культура носит типичный провин-

циально-византийский характер, в городе активно функционирует византийская таможня[115]. Один набор этих признаков позволяет однозначно считать Сугдею этого времени провинциальным византийским городом. Это полностью подтверждают и нумизматические материалы[116]. Мнение же И.А. Баранова о том, что в VIII в. подчиненный хазарам тюркский отряд занял стратегически важную часть судакской крепости – ее порт и цитадель[117] не подтверждается никакими материалами.

11. Поселение на холме Тепсень. В.В. Майко, в недавно опубликованной монографии «Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму», проанализировав все известные на данный момент археологические материалы, полученные при раскопках поселения, убедительно показал, что оно возникает не ранее середины VIII в.[118] Таким образом, датировать Тепсеньское городище более ранним периодом нет никаких оснований.

II.МОГИЛЬНИКИ.

Выделение погребений второй половины VII – первой половины VIII в. было проведено И.А. Барановым[119] и А.И.Айбабиным.[120] Суммируя оба списка, мы получаем следующие погребения второй половины VII – первой половины VIII вв.: Айвазовское, Сары-Булат, Мамай, Рисовое 1/1, Рисовое 13/12, Богачевка 8/12, Богачевка 9/5, Источное 1/5, Наташино 17/1, «Тепсеньский всадник», Сахарная головка, погребения в Тау-Кипчаке, «салтовское погребение в Херсонесе», Скалистое 260, 279, 293, 329, 767, 354, 325, 381, 288, 340, Лучистое 10, Чуфут-Кале 118, Эски-Кермен 193, Лучистое 10-1, Эски-Кермен 181, 240, 290, Скалистое 625, 331, Эски-Кермен 153-1, Лучистое 54-7, Скалистое 400, Скалистое 321, 291, 164-4, Эски-Кермен 273-4, Суук-Су 55, Эски-Кермен 257-6, Скалистое 166. К этому прибавим порядка 12 склепов могильника Малое Садовое[121].

Из всего этого списка погребения в Эски-Кермене, Скалистинском могильнике, Лучистом, Чуфут-Кале не имеют отношения к кочевникам. По аргументированному заключению А.И. Айбабина несмотря на то, что в ряде из этих могил были найдены кочевнические вещи уральского круга, почти все эти вещи найдены в склепах или могилах с каменной обкладкой. Это означает, что владельцами уральских поясов из перечисленных выше погребений были коренные жители юго-западного и южного Крыма раннесредневекового времени: сармато-аланы ассимилированные ими готы, хоронившие в земляных склепах и могилах с каменной обкладкой.[122] Склепы могильника у с. Малое Садовое по конструкции, способам захоронения умерших, ассортименту вещей и их типам принадлежат тому же этническому кругу, что и Скалистинские, Эски-Керменские и Чуфут-Кальские.[123]

За их вычетом из порядка 60 погребений рассматриваемого периода, на долю кочевников остается 16, что однозначно снимает вопрос о преобладании в Крыму в этот период кочевнического населения. Однако и с остальными 16 дело обстоит не столь уж однозначно.

Итак, на роль кочевнических погребений могут претендовать Айвазовское, Сары-Булат, Мамай, Рисовое 1/1, Рисовое 13/2, Богачевка 8/12, Богачевка 9/5, Источное 1/5, Наташино 17/1, Сахарная головка (Инкерман), «салтовское погребение в Херсонесе», Тепсеньский всадник 1929 г., несколько (четыре по И.А.Баранову) разрушенных погребения в Тау-Кипчаке.

По мнению А.И.Айбабина, поясные и сбруйные наборы из **тепсеньской могилы** принадлежали праболгарскому воину, погребенному в первой половине VIII в.[124] С этими выводами согласился и И.А. Баранов[125]. Однако А.В. Комар найденные в погребении вещи вполне обосновано датирует временем не ранее третьей четверти VIII в.[126] Этот вывод, полностью соответствующий стратиграфии хронологии Тепсеньского городища, поддержал и В.В. Майко[127].

Дата и принадлежность погребения из Айвазовского требуют специального рассмотрения.

Погребение у с. Айвазовское.

Погребение было обнаружено И.Т.Кругликовой при раскопках поселения эллинистического времени. Погребение было совершено в простой могиле, выдолбленной в скале на глубину 0.80 м. Погребенный лежал в вытянутом положении, головой на северо-восток. В головах стоял лепной горшок, у левой ключицы найдена реберчатая бусина, у пояса – бронзовый антропоморфный амулет. Кроме того, в засыпи могилы (подчеркнуто нами – авт.) обнаружена массивная костяная пряжка.[128] Последнее обстоятельство весьма существенно, поскольку на то, что пряжка найдена собственно не в самом погребении, а в засыпи могилы, исследователи не обращали внимание. Следствием этого является ставшее хрестоматийным рассмотрение пряжки как относящейся к комплексу погребения наряду с бусиной, лепным горшком и амулетом. Соответственно пряжка могла и не иметь отношения к погребению, а просто попасть в засыпь. Однако в силу отсутствия на самом поселении каких-либо позднеримских и раннесредневековых комплексов будем исходить из традиционной трактовки всех трех вещей как единого комплекса.

И. Т. Кругликова полагала, что погребение относится к концу IV или началу V в.н.э., что отражает уровень разработки материала того времени, когда писалась статья.

И. А. Баранов достаточно уверенно считал, что весь комплекс вещей в погребении у с. Айвазовского можно датировать второй половиной VII в., также как и погребение с аналогичной, по И.А.Баранову, пряжкой у пос. Мамай.[129] Основанием для предложенной даты послужили костяная пряжка и антропоморфная фигурка, имеющие, согласно И.А.Баранову, аналогии в комплексах второй половины VII в.

Костяная пряжка из Айвазовского была сопоставлена И.А. Барановым с костяными пряжками алтайского могильника Кудыргэ, происходящими из погребальных комплексов второй половины VII в. Однако предложенная аналогия весьма приблизительна. У них иная нижняя часть, иное расстояние между прорезями. Близка лишь верхняя половинка пряжки.[130] Несколько более близкая аналогия происходит из Егиз-Койтас, где датируется концом VI–VII вв.[131]

Аналогия Баранова с пряжкой из Богачевки 9/5 также приблизительна. Пряжка из Богачевки массивнее, имеет совершенно иные пропорции и прорези.[132]

В целом феномен костяных подпружных пряжек в Причерноморье безусловно связан с приходом тюркоязычного населения. Как справедливо замечает Б. И. Маршак, история седла до VII почти не документирована. Ранние костяные пряжки мы знаем плохо, но эта вещь, функционально обусловленная плетеной шерстяной подпругой, едва ли была внезапно изобретена тюрками в VII в.[133]

За десятилетия, прошедшие после сказанного Б.И. Маршаком на симпозиуме, ситуация несколько изменилась. На Ильичевском городище костяная пряжка была найдена в слое тюркского разгрома 586 г.[134] В Виминациуме (Югославия) костяная пряжка происходит из слоя, перекрывающего комплекс здания, сожженного при нашествии аваров в 584 г. [135] В могильнике Кыдэргэ костяные пряжки зафиксированы в погребениях конца VI–VII вв.[136] Дату появления этих пряжек в конце VI в. Подтверждают и находки в склепе 4 западного некрополя Херсонеса. В античном склепе костяная пряжка была обнаружена с самым поздним материалом второй половины – конца VI в.[137] Основанием для столь ранней датировки являются орлиноголовая пряжка второй половины VI в., [138] треугольнорамчатая пряжка первого варианта, также относящаяся ко второй половине VI в.,[139] серебряная пряжка второй половины VI[140]. Данные находки позволяют относить костяные подпружные пряжки к периоду от конца VI до X в.,[141] при этом, наиболее близкие параллели пряжке из Айвазовского происходят из комплексов конца VI–VII вв.

Антропоморфная фигурка также имеет иную хронологию. Такие фигурки относятся к первой группе по типологии Д.Б.Шелова и появляются в IV–V вв., о чем свидетельствует находка в сююрташском погребении с надписью на ткани, содержащей дату 305 г. н.э. По заключению Д.Б.Шелова можно считать установленным,

что амулеты первой группы появились еще в первой половине IV в. на Керченском полуострове и продолжали бытовать на довольно обширной территории в течение нескольких столетий, до VII в.[142]

Следовательно, погребение из Айвазовского нельзя относить исключительно ко второй половине VII в. Оно имеет широкие хронологические рамки и может датироваться в пределах конца VI–VII вв.

Т.н. «салтовское» погребение в Херсонесе совершено в подбое византийского склепа. Находка в нем горшка с клеймом на дне в виде четырехлепестковой розетки, вписанной в круг, позволяет датировать его не ранее чем серединой VIII в. Аналогичное клеймо на таких сосудах было обнаружено в нижнем слое землянки 1 Тау-Кипчака, датирующейся, как уже было сказано выше, серединой-второй половиной VIII в.[143]

Раскопанные четыре могилы Тау-Кипчака датируются ойнохойями баклинского (скалистинского) типа, имеющими широкую датировку. Связать их с какими-либо комплексами городища невозможно.

Таким образом, на долю кочевого тюрко-протоболгарского или салтовского населения приходится примерно 9-10 могил: Сары-Булат, Мамай, Рисовое 1/1, Рисовое 13/2, Богачевка 8/12, Богачевка 9/5, Источное 1/5, Наташино 17/1, Сахарная головка (Инкерман),? Это окончательно снимает вопрос о «тюркском», «протоболгарском» или «салтовском» Крыме во второй половине VII – первой половине VIII в.

Подведем некоторые итоги.

Анализ комплексов второй половины VII – первой половины VIII в. не подтверждает точку зрения о заселении пришлыми кочевниками (протоболагарами или салтовцами-хазарами) территории Крыма. Выявленные кочевнические комплексы, даже при отнесении к ним всех спорных, в лучшем случае составляют порядка 17% от всех комплексов этого периода. Погребения же, которые хоть как-то могут быть связаны с хазарами, вообще единичны и при этом спорны. Картографирование памятников и элементарный статистический подсчет показывают абсолютное преобладание в Крыму рассматриваемого времени традиционного местного населения, состав которого, по сравнению с VI – первой половиной VII в. существенно не изменился. Города-архонтии Боспор, Судак и Херсон контролировала Византия.

Крымские же степи были местом перекочевок кочевников из Поднепровья и Таманского полуострова. В античное время, и, видимо, вплоть до конца VI в. существование боспорских крепостей на Таманском полуострове и сложной оборонительной системы на Керченском полуострове закрывали проход кочевникам с территории Прикубанья и пограничных с азиатским Боспором территорий. Теперь, когда пролив место Боспорского царства заняла архонтия Боспор, пролив контролировала лишь одна одноименная крепость. Это давало возможность для беспрепятственного прохода кочевников с Таманского полуострова по переправе в районе Нимфея и дальнейшего беспрепятственного продвижения по керченским степям. Видимо, следами этих передвижений являются кочевнические погребения в Наташино. В ряде случаев, видимо в результате взаимодействия с местным населением появляются оседлые комплексы (Тау-Кипчак). Однако, еще раз подчеркнем, что речь идет о единичных случаях, не определяющих общую ситуацию. Границей между традиционным местным населением и кочевниками были крымские предгорья.

Абсолютное преобладание традиционного местного населения в предгорье и на побережье, наличие здесь городов и крепостей, находившихся под властью или под контролем Византии, подтверждают сделанный нами на материалах Боспора вывод, что политическое влияние и непосредственное присутствие здесь Хазарского каганата до сер. VIII в. было минимальным и, возможно, не выходило за пределы получения дани. Таким образом, выделять Крымскую Хазарию, или Крымскую Болгарию[144], конца VII первой половины VIII в. вряд ли будет правильным.

Теперь обратимся к более многочисленной группе памятников, а именно поселениям, возникновение которых обоснованно датировано различными исследователями серединой – второй половиной VIII[145].

Географически рассматриваемые памятники расположены не равномерно по всему Крыму, а группируются в четырех местах: Керченский полуостров (большая часть), Юго-восточное побережье, Центральный Крым, Северо-Западное побережье.

Керченский полуостров. На археологических картах, опубликованных в монографиях И.А. Баранова[146] и А.И. Айбабина[147], и основанных, в основном, на разведках Д.Л. Талиса[148] и А.В. Гадло[149] упоминается более 50-ти поселений. В.В. Веселов в 50-х – 60-х гг. XX в обнаружил 170 «салтовских» памятников (однако, не опубликованных)[150]. Еще порядка 50 поселений этого времени были выявлены работами Т. Шоля и В.Н. Зинько[151]. Таким образом, даже учитывая, что некоторые памятники могли быть отнесены к данному кругу ошибочно, поселений второй половины VIII–IX вв. на Керченском полуострове известно, вероятно, не менее 200. На данный момент не на одном из них не обнаружено следов каких либо фортификационных сооружений. Все поселения основаны на «чистом» месте или на территории заброшенных античных поселений. Правда, недавно Л.Ю. Пономарев попытался выделить одно «салтовское» укрепление, расположенное у с. Заветное.[152] Однако, на наш взгляд, данные выводы представляются преждевременными: материалы экспедиции 1936 г. утрачены, а сам автор раскопок, Ю.Ю. Марти, интерпретировал укрепление как ранневизантийское; Л.Ю Пономарев проводил здесь только разведки, в результате которых был собран подъемный материал как эллинистического времени, так и VIII–X вв.; при этом он справедливо отметил, что «не только типологически близких, но и каких либо других раннесредневековых фортификационных памятников на Керченском полуострове пока еще не выявлено»[153]. Таким образом, для датировки данного укрепления второй половиной VIII в. нет никаких оснований. Поэтому нет оснований и пересматривать сказанное выше.

Юго-восточное побережье. И.А. Баранов и А.И. Айбабин помещают здесь порядка 10 памятников хазарского времени[154], из которых по устному сообщению В.В. Майко, исследованиям подвергались только 5. И.А. Баранов выделял в этом районе два «хазарских» укрепления. – Тепсень и Кордон-оба[155]. По данным В.В. Майко, основанным на результатах новейших исследований, оборонительные сооружения там отсутствуют (на Тепсене стены, интерпретированные И.А. Барановым как оборонительные, на самом деле являются пристройками к северной и южной сторонам апсиды «большого» храма[156], а оборонительные сооружения Кордон-обы принадлежат генуэзскому замку), все поселения основаны не раннее середины VIII в. на свободных землях[157].

Центральный Крым. На упоминавшейся археологической карте А.И. Айбабина здесь, вместе с районом современного Симферополя показано 8 поселений хазарского времени[158]. У И.А. Баранова их порядка 13[159]. По данным В. В. Майко таких памятников не более 5-6. Фортификационные сооружения там не выявлены, хотя И.А. Баранов и «находил» салтовские оборонительные стены на Баксанском городище[160] (по сообщению В.В. Майко оборонительные стены там принадлежат позднескифскому городищу). Все поселения возникли на незаселенных местах.

Северо-западное побережье. А.Н. Щеглов опубликовал шесть подобных памятников.[161] На карте И.А. Баранова отмечено 13 поселений[162], А.И. Айбабина – 9[163]. По данным С.В. Кутайсова, материалы салтово-маяцкой эпохи присутствуют практически на всех античных памятниках Северо-западного Крыма. Им выделены 4 поселения, в том числе, одно укрепление – Аблямитское, 5 мест погребений и более 10 мест находок материала салтовского времени[164]. И.А. Баранов определял здесь одно городище – «Чайка»[165]. Однако, по устному замечанию В.А. Кутайсова, укрепления данного памятника, как и всех остальных, за исключением, возможно, Аб-

лямитского, относятся к эпохе античности. В.И. Павленкову в данном регионе известны три хазарские крепости – Аблямитское городище, Хмелевское городище и Беляусское[166]. Однако, как пишет сам автор, на Хмелевском городище проводились лишь визуальные разведки, а к настоящему времени следы поселения потеряны. Что касается Аблямитского городища, то оно так же практически не исследовалось. Поэтому присутствие на нем материалов салтовского времени вовсе не означает, что есть и укрепления этого периода. Даже если и допустить, что на ряде салтовских (салтовских ли?) поселений имелись фортификационные сооружения, на настоящий момент, ввиду слабой изученности памятников, невозможно определить когда они там появились – одновременно с основанием, или в связи с появлением венгерской или печенежской угрозы. На Беляусском городище так же нет никаких следов укрепления хазарского времени.[167]

Все указанные поселения возникли на месте заброшенных античных. Это, по замечанию В.А. Кутайсова, связано с присутствием в данных местах источников воды или колодцев.

Необходимо учитывать, что, в основном, все памятники Северо-западного Крыма изучались археологами – античниками, поэтому средневековым слоям уделялось меньше внимания. Очевидно, не анализировался средневековый материал на предмет определения узкой хронологии и отнесения его к конкретному культурному кругу. В данном регионе, кроме поселений принадлежавших салтовскому населению, вероятно, должны были находиться и византийские (херсонские). Как известно из сообщений Константина Багрянородного, херсониты добывали в данном районе соль[168], причем данный промысел существовал с античного времени[169]. Соответственно там должны были находиться и поселения соледобытчиков. Отметим, в недавно вышедшей монографии С.Б. Ланцова, посвященной античным памятникам Сакской пересыпи, детально проанализирован и средневековый материал. Автор пришел к убедительному выводу, что средневековые находки здесь представляют комплекс IX–X вв., и, вероятно принадлежали поселению херсонских солеваров[170]. Напомним, остатки постройки на юго-восточной части современного села Окуневка Черноморского района А.Н. Щеглов убедительно интерпретировал как маяк[171]. А если это так, то он, скорее всего, принадлежал херсонитам, нуждавшимся в бесперебойном функционировании каботажного плавания в данном районе, а не пришлым салтовцам.

Общее количество памятников, которые с определенной долей вероятности можно связать с прибывшим населением Хазарского каганата, в Северо-западном, Центральном и Юго-восточном Крыму составляет не более 15–20% от числа подобных объектов на Керченском полуострове. Мы осознаем, что, вероятно, выявлены далеко не все поселения, что степень археологической изученности различных регионов Крымского полуострова неодинакова, что впоследствии возможны уточнения в хронологии, однако, учитывая вышеназванные особенности, вряд ли общая картина распределения салтовских памятников по территории Крыма в значительной степени может измениться.

Таким образом, в середине – второй половине VIII в. в Крыму (кроме Юго-западного и Южного о которых ниже) появляется порядка 250 новых поселений, причем приблизительно 85% из них на Керченском полуострове. Остальные 15–20% относительно равномерно «разбросаны» по Северо-Западному, Центральному, и Юго-Восточному регионам. Все они возникают на свободных землях, по крайней мере, не зафиксировано не одного случая, когда пришельцы селились на уже существующих поселениях, и кого – либо изгоняли с обжитых мест. Новые населенные пункты не имели фортификационных сооружений (по крайней мере, на Керченском полуострове Юго-восточном и Центральном Крыму. Что же касается Северо-западного, то, как отмечалось, наличие оборонительных стен хазарского времени с некоторой долей вероятности предполагается только на Аблямитском городище.

Однако, и в данном случае, до выяснения хронологии самого поселения, хронологии его фортификации его культурно-исторической принадлежности, это не более чем предположение). Они отсутствуют даже на Тепсене, который трудно интерпретировать как сельское поселение. Археологические материалы не отмечают и изменений в жизни уже существующих населенных пунктов, в частности городов Боспора и Сугдеи[172], окруженных новым, пришлым населением.

На ряде рассматриваемых памятников, а большая часть их археологически не изучалась, были выявлены христианские культовые сооружения. Крупные храмы исследованы на Тепсене, что дало возможность ряду авторов локализовать здесь центр Фульской епархии[173], небольшая церковь открыта на Кордон-обе[174], известны христианские памятники на поселениях Героевка и Пташкино[175].

И.А. Баранов определяет количество жителей Тау-кипчака не менее 120 человек[176]. Даже если предположить, что в среднем число обитателей на каждом поселении составляло половину от этой цифры (не все постройки могли существовать одновременно, некоторые поселки имели меньшие размеры чем Тау-Кипчак и другое), число людей мигрировавших в Крым во второй половине VIII в. можно определить как не менее 12-15 тыс. человек, хотя мы понимаем всю условность настоящих подсчетов.

Возникает вопрос о причинах такой массовой миграции, обстоятельствах и условиях расселения вновь прибывших по территории полуострова.

Скорее всего, данное перемещение населения с территории Хазарии в Крым не было уникальным явлением.

Возможно, оно происходило параллельно с другими миграционными процессами на территории каганата, в частности, с переселением алан и болгар из центрального и западного Предкавказья в области Северского Донца и Дона[177]. Эти события традиционно связывают с поражением хазар во второй арабо-хазарской войне (722-737)[178] (напомним, эту же причину называл А.И. Айбабин для объяснения появления новых поселений в Крыму). Хотя по данной проблеме существуют и другие гипотезы, однако, практически все исследователи не сомневаются, что такая крупномасштабная акция проходила не без участия со стороны правителей Хазарии[179]. В. Б. Ковалевская, уточнив хронологию памятников и сведения письменных источников, пришла к выводу, что миграцию населения каганата следует относить к 50 – началу 60 гг. VIII в., когда хазары переносят центр тяжести своих владений на северо-запад и укрепляют позиции на Кубани[180].

Вероятнее всего, близко к этому времени, учитывая известные на сегодняшний момент материалы, следует датировать и появление рассматриваемых крымских салтовских памятников.

Учитывая обстоятельства появления новых поселений (а именно: подавляющее большинство из них основывается на Керченском полуострове; пришельцы селятся исключительно на «чистом» месте; они не ограждаются оборонительными стенами; население «старых» городов остается неизменным; господствует христианская религия), можно с большой степенью вероятности предположить неконфликтное проникновение новых жителей Крыма. В связи с этим напомним замечание С.А. Плетневой: «В настоящее время мы практически не располагаем на территории Крыма погребениями второй половины VIII–IX вв., которые можно было бы связать с пришедшими из Хазарии воинами».[181]

Если бы пришельцы мигрировали, как это предполагалось, в подвластный хазарам Крым, то вряд ли в такой ситуации можно было обойтись без серьезных конфликтов со «старым» населением. Но, они заселяют исключительно свободные земли, в основном степи Керченского полуострова, и в очень небольших количествах появляются в более благоприятных для жизни юго-восточном и центральном Крыму.

Следует учитывать и политическую обстановку того времени. Как известно, в

VIII в. между Хазарией и Византией установились дружеские, союзнические, отношения, подкрепленные в 732 г. междинастическим браком между сыном Льва III, будущим императором Константином У и дочерью хазарского кагана по имени Чичак, после крещения – Ирина[182]. И лишь в 80-х гг. наблюдается их определенное охлаждение[183], что подтверждается и данными нумизматики[184].

Готия с Херсоном, с чем согласны большинство современных авторов, до 80-х гг. подчинялась Византии. Как показала Е.В. Степанова, по данным сфрагистики, в Сугдее в VIII–IX вв. не только не наблюдается спада византийской активности, но наоборот, отмечается ее подъем[185]. Вероятно, зависимость даже Боспора от хазар в это время не выходила за пределы выплаты дани[186].

Можно, конечно, дискутировать о степени хазарского влияния в Крыму, которое мы отнюдь не пытаемся оспорить, о степени зависимости от Византии. Но весь круг источников указывает на то, что Константинополь, несомненно, считал данные территории своими. Поэтому, учитывая перечисленные факты, вряд ли со стороны Хазарии была возможна односторонняя акция по переселению такого числа людей в Крым. Можно предположить, что данный процесс проходил с согласия и под контролем византийских властей, которые выделили вновь прибывшим земли Керченского полуострова, и лишь крайне ограниченному числу людей позволили селиться за его пределами (если вообще появление нового населения за пределами Керченского полуострова не произошло несколько позднее. Однако современная степень изученности памятников и уровень знания археологического материала не позволяет сделать более конкретные выводы.

Широко известна политика Константинополя, позволявшая варварам селиться на границах империи с целью использования их в качестве пограничников и приобщения к христианству[187]. По крайней мере, подобные примеры для Крыма византийского периода известны. По Прокопию, готы страны Дори добровольно остались в Крыму, были союзниками византийцев и «отправлялись … в поход, когда римляне шли на своих врагов»[188]. Согласно «Аланскому посланию епископа Феодора» в XIII в. аланы жили близ Херсона «столь же по своей воле, сколько и по желанию Херсонцев, словно некое ограждение и охрана».[189]

Учитывая союзнический уровень взаимоотношений Византии и Хазарии в данное время, нет ничего удивительного, что части христианского, или согласившегося принять христианство населения, из подвергшихся арабскому разгрому хазарских земель, позволили поселиться в Крыму на пустующих землях.

Таким образом, появление в 50–60-х гг. VIII в. на Керченском полуострове, Юго-восточном, Центральном и Северо-западном Крыму новых поселений не связано, вероятно, с подчинением этих регионов хазарам, и не отражало каких-либо кардинальных изменений в византийско-хазарских отношениях на полуострове.

Новые черты в политике хазар по отношению к византийским территориям, в том числе и в Крыму появляются только в 80-х гг. VIII в. Однако это тема отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мы понимаем условность данного термина. Однако, для облегчения терминологии при рассмотрении проблем связанных с взаимоотношениями Хазарии и Крыма все же решили его использовать.
2. В настоящей работе мы не акцентируем внимание на историографии истории Боспора конца VII – начала VIII в. Это было сделано нами в отдельной статье. См. *Сазанов А. В., Могаричев Ю. М.* Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. I. Проблема «хазарских слоев» Керчи //ПИФК. 2002. Вып. XII. С. 469–472.
3. *Артамонов М.И.* История хазар. Спб., 2001. С.272 –280.
4. Там же. С. 326-330.

5. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма //МИА. 1958. №85. С. 497-500; Раннесредневековые сельские поселения Юго-западного Крыма. МИА. 1970. №168. С.29, 187-195.
6. *Талис Д.Л.* Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет //ВВ. 1961. Т. XIX. С. 256–257.
7. *Талис Д.Л.* Росы в Крыму //СА. 1974. №3. С. 92–98.
8. *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-восточного Причерноморья //Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 100–101. См. также *Гадло А.В.* Раннесредневековые селища на берегу Керченского пролива //КСИА. 1968. №113; Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г. //СА. 1969. №1; Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и Предгорий VIII-IX вв.) //Этнография народов СССР. Л., 1971. С. 61-75; К истории Восточной Таврики VIII-IXвв. //Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980.
9. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. С. 148–151.
10. *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М.: Иерусалим, 2000. С. 151–170.
11. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 190–194; Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи //Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. М., 2003. С. 55-57.
12. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С.200-205; Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи. С. 57–59.
13. *Майко В.В.* О локализации Фулл и фулльской епархии в раннесредневековой Таврике //Православные древности Таврики. Киев, 2002. С. 134; Некоторые аспекты христианизации тюрок Таврики в эпоху средневековья //Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 148; и др.
14. *Зинько В. Н, Пономарев Л.Ю.* Гончарная керамика VIII–IX веков с сельской округи Боспора //Археология и история Боспора. Керчь, 1999; Исследования раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское //Боспорские исследования. Симферополь, 2001. Вып. 1; Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи //МАИЭТ. Симферополь, 2000. Т. VII; Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова //Боспорские исследования. Симферополь, 2002. Вып. 2; К изучению салтово-маяцких памятников Керченского полуострова //Боспор Киммерийский. На перекрестке греческого и варварского миров. Керчь, 2000; Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное //Боспорские исследования. Симферополь, 2003. Вып. 111.
15. К изучению салтово-маяцких памятников Керченского полуострова. С. 117–120.
16. *Сорочан С.Б.* Боспор как византийско-хазарский кондоминимум //Боспор Киммерийский и Понт. Керчь, 2001. С. 145-148; Византия и Хазары в Таврике: господство или кондоминимум? //ПИФК. 2002. Вып.12; Сугдея в «темные века» //Сугдея, Сурож, Солдайа в истории и культуре Руси-Украины. Киев: Судак, 2002.; Сугдея в «темные века» //ССб.; *Науменко В.Е.* Боспор в системе византийско-хазарских отношений //Боспор Киммерийский. На перекрестке греческого и варварского миров. Керчь, 2000. С. 99–101. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. //ПИФК. 2002. Вып.12; Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений //Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. С. 349-350 и др.
17. *Сорочан С.Б.* Византия и Хазары в Таврике: господство или кондоминимум. С. 532.
18. *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв.. С 546.

19. *Сазанов А. В., Могаричев Ю. М.* Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. I. Проблема «хазарских слоев Керчи»; *Сазанов А. В., Могаричев Ю. М.* Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. 2. Боспор и Хазария по данным письменных источников. (в печати); Крым и Хазарский каганат в первой половине – середине VIII в. //Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004; *Сазанов А.В.* Боспор и Хазария в конце VII – начале VIII вв. //Сугдея, Сурож, Солдайа в истории и культуре Руси-Украины. Киев: Судак, 2002.
20. *Гадло А. В.* К истории восточной Таврики VIII–X вв. //АДСВ. 1980. Вып. 17. Античные традиции и византийские реалии.
21. Там же. С. 135.
22. *Голофаст Л. А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса //МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.С. 117, 118. Комплексы 22, 24 и 25;.
23. *Сазанов А. В., Могаричев Ю. М.* Боспор и хазарский каганат.
24. *Пономарев Л. Ю.* Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное //Боспорские исследования. Симф., 1993. Т. III. С. 269, 270.
25. Там же. С. 269.
26. *Баранов И. А., Майко В. А.* Пастирско-Пенковская культура и проблемът за разселването на прабългарските племена от средното Поднепровие и Таврика //Българите в Северното Причерноморие. Исследвания и материали. Велико Търново, 1995. Том IV. Рис. 4 . С. 76; *Баранов И. А., Майко В. А.* Праболгарские горизонты судакского городища VIII – первой половины X в. //Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново, 2000. Том VII. С.84.
27. *Баранов И. А.* Археологическое изучение Сугдеи-Солдайи //Археологические исследования в Крыму. 1993 гю Симф., 1994. С. 41, 42.
28. Авторы выражают глубокую благодарность В.В.Майко за предоставленные сведения.
29. *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симф., 1999.Рис. 79,1; *Айбабин А. И.* Хазарский слой в Керчи //МАИЭТ. 2000. Вып. VII. Рис. 5, 26.
30. *Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.* Средневековые амфоры Херсонеса //АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 99. Сноска 31.
31. *Седикова Л. В.* Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. Автореф. Дисс. Канд. Истор. Наук. М.: ИА РАН, 1997. С. 10.
32. *Пономарев Л. Ю.* Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное. С. 269, 270.
33. Там же. С. 269.
34. *Гадло А. В.* К истории восточной Таврики… С. 140.
35. Там же. Рис. 3.
36. *Зинько В. Н., Пономарев Л. Я.* Гончарная керамика с сельской округи Боспора //Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Вып. III. С. 187.
37. *Гадло А. В.* Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) //КСИА. 1968. Вып. 113.
38. Там же. С. 79.
39. Там же. С. 80. Рис. 19, б, д, е.
40. *Гадло А. В.* К истории восточной Таврики VIII–X вв. Рис.7, Б.
41. *Гадло А. В.* Расснесредневековое селище на берегу Керченского пролива… С. 83.
42. *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища //Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. Рис. 52, 5, 14, 20.
43. Там же. С. 253. Рис. 38, 4, 5. Рис. 22, а.
44. *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища //Керамика и стекло древней Тмутаракани. Рис. 39. С. 16.
45. *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. С. 96.
46. *Плетнева С.А.* Керамика Саркела-Белой Вежи //МИА. 1958. №62. Рис. 47, 35-37.
47. *Krasil'nikov K.* Die Keramik der Saltovo-Najaki – Kultur am Nordlichen Mittellauf des Donec //Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer varianten. Bud., 1990. S.

217. Taf. 25, Taf.26, 1-4.
48. *Kuznecov V.* Nordkaukasishe Tonkessel //Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer varianten. Bud., 1990. S. 262.
49. *Гадло А. В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. //СА. 1969. №1. С. 161, 162.
50. *Гадло А. В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. Рис. 4, а; *Гадло А. В.* К истории восточной Таврики… Рис. 7, г.
51. *Гадло А. В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. Рис. 4, б. С. 163; *Гадло А. В.* К истории восточной Таврики… Рис. 7, в.
52. *Гадло А. В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. Рис. 4, в, г. С. 163, 164.
53. Там же. С. 164.
54. Там же. С. 165.
55. *Hayes J. W.* Excavations at Sarachane in Istabul. Princeton, 1992. Vol. II. The pottery. P. 41.
56. Там же. P.41. dep. 33, 5, dep. 35,10,11.
57. *Гадло А. В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. С. 165.
58. *Сазанов А. В., Романчук А. И., Седикова Л. В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. Ек., 1995. Табл. 20, 21. С. 50-52. Класс 24.; *Баранов И. А., Майко В. А.* Праболгарские горизонты судакского городища середины VIII – первой половины X вв. С. 85. Рис. 4, 12.
59. *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи //МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 189.
60. Там же.
61. *Власова Е. В., Соловьев С. Л.* Новые исследования некрополя Нимфея: 1991-1992 //Археологические вести. Спб., 1998. Вып. 5. Рис. 13,1,2.
62. Там же. Рис. 13, 5.
63. *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симф., 1999. С. 190.
64. *Щеглов А.Н.*Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма //СА. 1970. №1. С. 256.
65. Отсутствие здесь следов строительных остатков отмечает и С.В. Кутайсов (Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-западного Крыма //ХСб. 2003. Вып. XII. С. 280.
66. Там же. Рис. 2, 4, 5. С. 257.
67. Там же. С. 257.
68. *Гадло А. В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. //Вестник ЛГУ. 1968. Т. 14. Вып. 3. С. 60.
69. *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. К., 1990. Рис. 11.
70. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 192.
71. *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 28; *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л. П., Кадеев В.И. Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса //АДСВ. 1971. Вып. 7. Рис. 7.
72. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 27. *Williams C.* Anemurium. The Roman and early Byzantine pottery. Wetteren, 1989. Fig. 56, 561; *Hayes J. W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. The Pottery. Princeton, 1992. P.64,Fig. 47, 156, 157.
73. *Hayes J. W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. The Pottery. Fig. 57, 27.
74. Op. cit. P. 71, 72.
75. *Sazanov A.* Les amphores de l'Antiquite tardive et du Moyen Age: continuite ou rupture? Le cas de la Mer Noire //La ceramique medievale en Mediterranne. Actes du VI e. congres de l'AIECM 2 Aix-en-Provence 13-18 novembre 1995. Aix-en Provence.

1997. P.94. Type 29. Fig. 3, 29.
76. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 192.
77. *Sazanov A.* Les amphores de l'Antiquite tardive et du Moyen Age: continuite ou rupture? Fig. 2, 25, 1-3.Type 25. P. 94.
78. Op.cit. Fig. 2, 23.
79. *Сазанов А.В.* Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса (Амфоры, пифосы и простая гончарная керамика) //Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2001. Вып. 2. Рис. 11. С. 240, 241.
80. *Sazanov A.* Les amphores de l'Antiquite tardive et du Moyen Age: continuite ou rupture? Fig. 2, 24.
81. Op.cit. Fig.2,24,2.
82. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С.193; *Hayes J. W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. The Pottery. Fig. 49, deposit 30, 194.
83. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 30.
84. *Sazanov A.* Les amphores de l'Antiquite tardive et du Moyen Age: continuite ou rupture? Fig. 3,30. P. 94; *Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л.* Квартал XVIII //МИА. 1953. №34. Рис. 63.
85. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 30.
86. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С.194.
87. *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса //МАИЭТ. Симф., 2001. Вып. VIII. Рис. 44, 2.
88. *Sazanov A.* Les amphores de l'Antiquite tardive et du Moyen Age: continuite ou rupture? P.94. Fig.3, 2.Type 28.
89. *Hayes J. W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. The Pottery. Fig. 51, 35, dep. 31.Type 11.
90. *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса //МАИЭТ. Симф., 2001. Вып. VIII. Рис. 75, 4.
91. *Sazanov A.* Les amphores de l'Antiquite tardive et du Moyen Age: continuite ou rupture?. Fig.3, 28, 5.
92. *Hayes J. W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. The Pottery. Fig. 48, 176, 178, dep. 30. Type 11; *Сазанов А. В.* Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б.Зеест: типология и хронология //Петербургский археологический вестник. 1992. Вып. 2.
93. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 33.
94. *Баранов И.А., Майко В.В.* Комплексът салтовски съоръжения в Садакската крепост //Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Велико Търново, 1996. Том 5. Рис. 2,5.
95. *Сазанов А.В.* Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса. С. 243. Рис. 12, 1, 2.
96. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 32. Рис. 11.
97. Там же. С. 39.
98. Там же. С. 35.
99. Там же . С. 36.
100. Там же. С.22, 23.
101. Там же. С.8, 9.
102. Там же. Рис. 7,26; Рис. 10,7.
103. *Сазанов А.В.* Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса (Амфоры, пифосы и простая гончарная керамика). С.247.
104. *Баранов И.А., Майко В.В.* Тюркское святилище Сугдеи //РА. 2001. №3. С. 98.
105. Там же. С. 100.
106. *Баранов И.А.* Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи //Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1991. Вып. 2. С. 149.
107. *Плетнева С.А.* Хазары. М., 1976. С. 63.
108. *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический

комплекс. М., 1989. С. 100. Рис. 50.
109. Там же. С. 100.
110. Там же. Рис. 48 тип 4.
111. *Баранов И.А.* Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи. С. 149.
112. *Hayes J. W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. The Pottery. Fig. 57, 26,27.
113. Op. cit. P.71, 72.
114. *Сорочан С.Б.* Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? //ПИФК. 2002. Вып. XII.С. 516, 535.
115. *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предвари тельные выводы //Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2001. Вып. 32; Новые находки из судакского архива печатей //Сугдея, Сурож, Солдайа в истории и культуре Руси-Украины. Киев:Судак, 2002; *Шандровская В.С.* Таможенная служба в Сугдее VII–X вв. //Византия и Средневековый Крым. АДСВ. №27. Симферополь, 1995.
116. *Гурулева В.В.* Золотые монеты Константина V (741-775), найденные в Судаке //Сугдейсктй сборник. Киев: Судак, 2004.
117. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 55.
118. *Майко В.В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004. С. 284.
119. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 105-115.
120. *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднери мского и раннесредневекового времени //Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симф., 1990. Вып. 1.С. 179-181; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 171-201; 280-284.; *Айбабин А.И.* Могильники VIII – начала X вв. в Крыму //МАИЭТ. Симф., 1994/1995. Вып. IV.
121. *Омелькова Л.А.* Раннесредневековый могильник в Бельбекской долине //АДСВ. Св., 1990. Византия и сопредельный мир.
122. *Айбабин А.И.* Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму //Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 184.
123. *Омелькова Л.А.* Раннесредневековый могильник в Бельбекской долине. С. 90.
124. *Айбабин А.И.* Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму. С. 184.
125. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 123.
126. *Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) //Vita Antigua. №2. Киев, 1999. С. 129–132.
127. *Майко В.В.* Средневековое городище на плато Тепсень … С. 156.
128. *Кругликова И. Т.* Погребение IV–V вв. в дер. Айвазовское //СА. 1957. №2.С.253, 254.
129. *Баранов И. А*. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 19.
130. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. Рис. 20, 74.
131. Там же. Рис. 20, 11.
132. *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 21. Рис. 6, 13, 14. Попутно заметим, что ссылки в тексте книги на номера в этой таблице не всегда соответствуют действительности. Так, пряжка из Богачевки – рис. 6, 14 (а не 15), Айвазовского – рис. 6, 13 (а не 14), антропоморфная фигурка – рис. 6, 12 (а не 13) и т.д.
133. *Засецкая И. П., Маршак Б. И., Щукин М. Б.* Обзор дискуссии на симпозиуме //КСИА. 1979. Вып. 158. С. 122.
134. *Николаева Э. Я.* Рис. 1,7. Обоснование даты см. *Сазанов А.В.* Керамические комплексы Боспора 570-580 гг. //Древности Боспора. М., 2000. Вып. 2.
135. *Попович М.* Светинья б нови подаци о ранновизантијском Виминацијуму //Старинар. 1988. Кн.XXXVIII/1987. Сл. 20, 1.
136. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. Рис. 19, 25, 26, 73, 74.
137. *Зубарь В. М., Рыжов С. Г., Шевченко А.В.* Новый погребальный комплекс западного некрополя Херсонеса //Античные древности Северного Причерноморья. К.,

1988. Рис. 9, 6.
138. *Зубарь В. М., Рыжов С. Г., Шевченко А.В.* Новый погребальный комплекс … Рис. 8,2; Рис. 9,9; *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симф., 1999. Табл. XXVIII, 10.
139. *Зубарь В. М., Рыжов С. Г., Шевченко А.В.* Новый погребальный комплекс … Рис. 8, 4; Рис. 9,5; *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Табл. XXX, 2.
140. *Зубарь В. М., Рыжов С. Г., Шевченко А.В.* Новый погребальный комплекс … Рис. 8,6; *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Табл. XXX, 4.
141. *Попович М.* Светиньяб нови подаци о ранновизантијском Виминацијуму //Старинар. 1988. Кн. XXXVIII/1987. С. 25.
142. *Шелов Д. Б.* Антропоморфный амулет из Танаиса //Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.С. 242-244.
143. *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. К., 1990. Рис. 32, 1,3.
144. *Моця А.П.* Население Хазарского каганата в Юго-восточном Крыму //ССб.
145. См. подр. *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. //ХСб. 2004. Вып. XIII.
146. Таврика в эпоху … С. 8. Рис. 1.
147. Этническая история… С. 184. рис. 78.
148. *Талис Д.Л.* Росы в Крыму С. 93-96.
149. *Гадло А.В.* Раннесредневековые селища на берегу Керченского пролива; Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г.; Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и Предгорий VIII-IX вв.); К истории Восточной Таврики VIII–IXвв.
150. *Пономарев Л.Ю.* К изучению салтово-маяцких памятников Керченского полуострова. С. 119-120.
151. *School T., Zin'ko V.* Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsaw , 1999. См. также *Зинько В. Н, Пономарев Л.Ю.* Гончарная керамика VIII–IX веков с сельской округи Боспора; Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи; *Пономарев Л. Ю.* Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское; Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова //Боспорские исследования. Симферополь, 2002. Вып. 2; и др.
152. *Пономарев Л.Ю.* Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное. С.264–266.
153. Там же.
154. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху … С. 8. Рис. 1; *Айбабин А.И.* Этническая история. С. 184. Рис. 78.
155. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху… С. 64.
156. *Майко ВВ.* Памятник на плато Тепсень в свете основных проблем истории Крыма VIII-X вв. (в печати).
157. Там же.
158. Этническая история… С. 184. рис. 78.
159. Таврика в эпоху … С. 8. Рис. 1.
160. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху… .С. 64-65.
161. *Щеглов А.Н.* Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма.
162. *Баранов И.А.*Таврика в эпоху … С. 8. Рис. 1.
163. *Айбабин А.И.* Этническая история… С. 184. рис. 78.
164. *Кутайсов С.В.* Салтовские памятники Северо-западного Крыма //Сугдея, Сурож, Солдайа в истории и культуре Руси-Украины. Киев-Судак, 2002; Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-западного Крыма //ХСб. 2003. Вып. 12.
165. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху… . С. 65.
166. *Павленков В.И.* Крепости Донузлава //Пилигримы Крыма. Симферополь, 2000. Т. 2. С.47-48.

167. *Кутайсов С.В.* Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-западного Крыма. С. 278 –279.
168. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1989. С.175; *Богданова Н.М*. Херсон в X-XV вв. Проблема истории византийского города //Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 53-54; *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 86–88.
169. *Кадеев В. І.* Соляний промисел в піздньоантичному Херсонесі //Археологія. 1961. Т. XIII; *Кутайсов В.А.* Соляной промысел в Северо-западном Крыму //Сугдея, Сурож, Солдайа в истории и культуре Руси-Украины. Киев: Судак, 2002.
170. *Ланцов С.Б.* Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев, 2003. С. 22–23.
171. *Щеглов А.Н.* Ук. соч. С.257-259.
172. *Айбабин А.И.* Этническая история … С. 189, 205; Хазарский слой в Керчи; *Науменко В.Е*. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений; *Сазанов А. В., Могаричев Ю. М*. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв . I. Проблема «хазарских слоев» Керчи; *Сорочан С.Б.* Сугдея в «Темные века»; *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы. С. 100–104 и др.
173. Подробнее см. *Майко В.В.* О локализации Фулл и Фуллъской епархии в раннесредневековой Таврике //Православные древности Таврики. Киев 2002; Памятник на плато Тепсень в свете основных проблем истории Крыма VIII–X вв.
174. *Баранов И.А*. Таврика в эпоху … С.133–137.
175. *Гадло А.В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г.; К истории Восточной Таврики … С. 136–139; *Айбабин А.И.* Этническая история… С. 207–208;.
176. *Баранов И.А*. Таврика в эпоху … С. 37.
177. *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. М., 1989. С. 268. Несколько другая интерпретация см. *Гадло А.В.* Кавказ в IV–X вв. (проблемы этнической истории) Автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 1984. С.25-26; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и срелневековье. М., 1998. С. 201. и др.
178. *Плетнева С.А.* Хазары. М., 1986. С 41. и др.
179. См. подр. *Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования хазарского государства? //РА. 2001. №2. С. 52.
180. *Ковалевская В.Б.* Связи Восточной Европы в эпоху Хазарского Каганата (на основании анализа массового археологического материала) //Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т.1. С.66–67.
181. *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. С. 168.
182. *Артамонов М.И.* История хазар. С. 323.
183. *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 151, 190-191. *Герцен А.Г. Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. //АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 114; *Науменко В.Е.* Место Боспора … С.341-343.
184. *Круглов Е.В.* Некоторые проблемы анализа обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях //Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т.1. С.91.
185. *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей… С.101.
186. *Науменко В.Е.* Место Боспора… С.350.
187. См напр. *Иванов С.А.* Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов //Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. С. 18-19; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей… С. 137, 141. и др.
188. *Прокопий Кесарийский*. О постройках //ВДИ. 1939. №4. С. 349-350.
189. *Кулаковский Ю.А.* Епископа Феодора «Аланское послание» //ЗООИД. 1898. Т. 21. С. 17.

A.V. SAZANOV, YU. M. MOGARICHEV

CRIMEA AND KHAZARIA IN THE END OF THE 7th – THE MIDDLE OF THE 8th CENTURIES A.D.

The problem under consideration is the beginning of the Khazarian penetration into Crimea and placing a considerable part of the peninsula under the authority of the Khazarians. The analysis of the complexes for the second half of the 7th and the first half of the 8th centuries of the Crimean territories does not confirm the fact of their colonization by the strange nomads (Protobulgarians or Saltovians-Khazarians). The revealed nomadic complexes (including even the disputable ones) all in all come to 17% at best from the whole stock for the period. As for the khazarian burials, in general they are proved to be isolated and controversial instances. The statistics and map-making for the period show the absolute predominant of the traditional local population; besides, there were not any vital, fundamental changes in its composition, in comparison with the 6th - the first half of the 7th centuries. The cities-archontias Sudak and Cherson were under Byzantium control. The new settlements that appeared during the 50-60-s of the 8th century in the Kerch peninsula, in the south-eastern, central, north-western Crimea had nothing to do with the Khazarian influence in those lands. In fact, it did not have any effect on the relations between Byzantium and Khazaria in the peninsula.

С.Б. СОРОЧАН, К.Д. СМЫЧКОВ (Харьков)

КИРЫ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА: ПРОБЛЕМЫ СТАТУСА И ДАТИРОВКИ

Вопрос определения статуса правящих властей византийского Херсона остается одним из наиболее дискуссионных, а значит, и нерешенных. В историографии давно прослеживается тенденция подчеркивать значительное проявление их самостоятельности, наличие элементов самоуправления, «городских свобод», хотя оснований для таких заключений явно недостаточно[1]. Даже новые сфрагистические находки, в корне меняющие представления о составе администрации города в период архонтата и в фемную эпоху, не в силах поколебать сложившийся научный стереотип представлений о стремлении горожан к «полисным свободам». Так, Н.А. Алексеенко, активный публикатор и талантливый интерпретатор многих византийских моливдулов, не мог не заметить, что фемные печати «отцов города», экдиков и протевонов принадлежали государственным чиновникам отнюдь не античной эпохи, и тем не менее за ними ему продолжает грезиться возрождение «позднеримских институтов внутригородского самоуправления». По его мнению, несмотря на то что εκδεκοσ и πατερ τεσ πολεοσ Херсона представляли муниципальные власти, они, вместе с тем, исполняли обязанности государственных служащих в структуре фемной администрации[2]. Между тем, правильнее было бы сказать наоборот: именно потому, что эти должностные лица были государственными служащими сети провинциальной гражданской администрации, подчиненной имперскому стратигу, они одновременно представляли власти раннесредневекового византийского города, лишь внешне сохраняя континуитет с былой полисной администрацией, античным самоуправлением[3]. В конечном итоге реорганизация структуры управления в Херсоне после создания фемы привела к тому, что традиционно существовавшие здесь местные муниципалы – «отцы города», «первенствующие» – оказались наделены

полномочиями государственных чиновников, а позже, к концу X в., в связи с исчезновением коммеркиариев, олицетворявших гражданскую власть в феме, к херсонским экдикам или протевонам могли перейти их функции[4]. Поэтому едва ли могли уцелеть «определенные черты внутреннего муниципального управления городским хозяйством при полном контроле со стороны имперских властей»[5].

В связи с этим особый интерес представляют находки печатей киров Херсона. Вопрос об их положении и времени бытования мог бы прояснить проблему, поскольку повелось утверждать, что это были не столько имперские чиновники, сколько муниципальные функционеры, к тому же действовавшие в весьма короткий промежуток времени, на рубеже VIII–IX вв., вызванные к жизни необходимостью улаживать дела с хазарами и исчезнувшие к моменту образования фемы Климата[6]. По заключению Н.А. Алексеенко, «мы должны отнести их к официальным имперским властям еще дофемного периода»[7]. Так ли это, или сменявшие один другого киры Херсона могут быть увязаны с прочими функционерами, такими как протевоны, экдики, «отцы города», обнаруживаемыми в составе фемной администрации? Действовали ли они только при архонте Херсона или со временем, в сответствии с императорским распоряжением, тоже перешли под подчинение стратига?

В свое время один из авторов статьи уже выступал с утверждением, что это была именно имперская, «штатная» должность, существовавшая в городе в VIII–IX вв.[8], хотя аналогичный титул kyrios (или domnus)–«господин» фигурировал среди высшего класса ранневизантийских чиновных званий, таких как illustres, magnifici, gloriosi, и отсутствовал в Тактиконах IX–X вв.[9] Примечательно его использование Никифором в «Бревиарии» применительно к патриарху, вероятно, наместнику Александрии времен Ираклия I (610–641) (возможно, уже позднейшие переписчики превратили этот термин в имя собственное). Александрийский кир с ведома императора решал вопрос о введении сбора пошлины с торговли (empolaiou eismoras), распоряжался прочими имперскими доходами, поступавшими в результате прямого налогообложения населения Египта, вел переговоры о заключении мира с «филархом» сарацин, но во всех своих действиях был строго подконтролен и подотчетен василевсу, перед которым он был вынужден «оправдываться» в неудачах[10].

Точно так же назывался киром Исаак, херсонский моливдул которого с характерной крестообразной инвокативной монограммой, по типу относящейся к VIII – первой половине IX вв., сообщает о том, что его обладатель носил имперский титул ипата и, важно подчеркнуть, судя по следам грубой ткани на одной из сторон буллы, занимался опечатыванием неких грузов, отправляемых из Херсона[11]. К настоящему моменту этот характерный отпечаток ткани единственная путеводная нить, выводящая на представления о возможном круге обязанностей владельца моливдула. Эту печать, а также еще две недавно найденные печати с такой же крестообразной монограммой, принадлежавшие царскому ипату Льву, как и две печати царского ипата Зоила, Н.А. Алексеенко, учитывая их стилистическую близость, общие иконографические и палеографические особенности, относит к концу VIII – первым десятилетиям IX вв. (не позднее первой четверти)[12], ко времени, когда, судя по данным Жития Иоанна Готского, в Юго-Западной Таврике, «в земле Тавроскифов, в стране Готфов» (τον Ταυροσκψτηον γεσ, τεσ υπο τον χηοραν τον Γοττηον τελουσεσ), действовали также «кир Готфии и его архонты» (το κψρο Γοττηιασ και τοισ αρχηου–σι αυτου), к которым примыкал, очевидно, и «кир Фул» (ο κψριοσ τον αυτον Τηουλον)[13]. Однако датировка печатей этого сфрагистического типа неустойчива. В нашем случае она может укладываться в несколько больший предел, по крайней мере, в первую половину IX в. Все названные выше печати киров выполнены прекрасным шрифтом именно этого времени. Марицы их были явно изготовлены в Константинополе. Узкие литеры прямоугольной формы, одной высоты, ровные строчки, омега с вертикальными линиями одной длины, ро с заострением в левом углу, в том числе на печати Исаака, которую А.Ф. Вишнякова относила к VIII в., на деле

свидетельствуют о периоде 805–840-х гг. Еще раз подчеркнем, что элементов VIII в. в надписях нет. Знак сокращения на них тоже той формы, которая распространилась в первой половине IX в. Уже поэтому безосновательно заявлять, что крымские киры появились в результате некоего изменения административного устройства в 80-х гг. VIII в. и исчезли, «...когда к 30-м гг. IX в. хазарская угроза спала»[14].

Если такие официальные должностные лица и были порождены византийско-хазарскими отношениями, то не протекторатом хазар на территории Готфии, как можно понять Н.А. Алексеенко[15], а специфическим состоянием кондоминатного статуса Таврики, представляли интересы Византии и учитывали интересы хазар[16]. Н.А. Храпунов тоже относит их к чиновникам, которые могли существовать во всех приграничных районах Империи и отвечать за взаимоотношения с варварами, в данном случае с хазарами[17]. Эти обтекаемые определения, видимо, гораздо ближе к истине, нежели заявление Ж.-К. Шене, который без каких-либо оснований считает возможным подразумевать под киром Херсона «представителя, которого направлял в город хазарский каган»[18]. Будь оно так, у этого «представителя кагана» с византийской печатью и с типичным во всех случаях греческим именем была бы довольно странная, ничем не объяснимая функция – пересчитывать тюки с чужими грузами, прибывавшими и уходившими в чужую страну. Разве что за эти «труды» византийцы и почтили его, как и остальных аналогичных функционеров, имперским саном ипата.

В.Е Науменко преуменьшает значение наличия у местного правителя византийского сана и моливдула и сводит их появление к «традиционному дипломатическому приему Византии в приобщении варварских народов и независимых политических образований на гарницах империи к «византийскому содружеству наций»[19]. Однако в отношении византийского архонтата Херсона, давно и прочно привязанного к Романии, это едва ли было необходимо: скорее, такой прием подходил бы для политики в отношении киров Готфии, но они как раз оставлены без титулов и печатей. По крайней мере, отсутствие соответствующих сигиллографических материалов говорит, что для них это было куда большей редкостью, нежели для аналогичных по названию должностных лиц ромейского города. Очевидно, киры Херсона получили свое название не «от привычного титула соседствовавших с ними варварских владык», а наоборот, эти правители «в силу все той же традиции» заимствовали его из ромейской практики, причем не только как сан, но как чиновную должность, если вспомнить византийского кира Александрии[20].

Еще более голословно считать херсонских киров руководителями «городского самоуправления», которые якобы были упразднены после (читай – вследствие) учреждения фемы[21]. Будь так, они дублировали бы полномочия имперского архонта, имевшего всю полноту власти на вверенной ему территории архонтата, по сути дела, замещали его[22]. По той же причине киры не могли быть некими византийскими наместниками в области Херсона. Самое большее, в них можно видеть преемников херсонских господ, «первенствующих» – протополитов, первых горожан, но опять-таки как представителей местной знати и имперской администрации, действующих под присмотром византийского архонта, может быть, как заместители последнего, прежде всего, по вопросам контроля за прохождением товаров и сбора на логов, податей. Подробнее о функциях киров Херсона при современном состоянии источников нам вряд ли удастся узнать, хотя можно согласиться с предположением об их близости к полномочиям провинциальных городских эпархов[23].

Об исчезновении этих чиновников в начале IX в. вследствие обострения хазарско-византийских отношений и прежде можно было говорить лишь предположительно, а в свете новых сфрагистических материалов эту точку зрения следует кардинально пересмотреть. В Тактиконах 842-843 гг. и 899 г. они действительно отсутствуют, но ведь в них отсутствуют и «отцы города», протевоны, что не помешало им появиться в сфрагистическом материале Херсона фемного периода[24].

В этой связи следует обратить внимание на недавно приобретенную в Севастополе свинцовую печать диаметром 24 мм. Она сильно повреждена вертикальной трещиной по линии канала, имеет место выпадение металла в верхней части, оттиск смещен вверх, но вполне читаем (рис. 1-2).

Аверс. Шестиконечный патриарший крест на ступенях. Между двух ободков из слившихся в одну линию точек круговая надпись, начинающаяся слева внизу:

[+]KЄ[BOHOЄITWC]ODOV/\O

K(yri)e boethei to so doulo

Реверс. Надпись из шести строк, видно пять:

[+MIX]	[+Mich]
AH/\[B/CП]	ael [b(asiliko) sp]
AO/ Є[П]HT[O]	aph(ario) (kai) e[p]e t[o]
NVKI[A]K/ K	n yk(e)i[a]k(on) (kai) k
VPW XЄP	yr(i)o Cher
C[WNI]	s[on(os)]

Михаилу (?) императорскому спафарию и επι τον οικειακον и киру Херсона.

Особенности надписи состоят в том, что пропущенный союз «и» (και) передан знаком, похожим на зеркальное изображение латинской буквы S, что аналогично начертанию в надписи печати царского спафарокандидата и коммеркиария Херсона Сергия, изданной Н. Икономидесом с хронологическим определением – X в.[25] Н.А. Алексеенко датирует ее концом IX в.[26] В слове κψριοσ пропущена йота, термин επι τον οικειακον передан в форме аналогичной по начертанию в надписи печати Ставракия, царского спафария и главы ведомства «варваров», которая датируется X в.[27]. Чтение личного имени «Михаил» предположительно: сохранившиеся элементы стоящей перед H литеры позволяют реконструировать ее как «альфу».

Относительная хронологическая приуроченность печати кира может быть определена временем распространения сфрагистического типа и индивидуальных эпиграфических особенностей надписей. Так, моливдулы с изображением непроцветшего шестиконечного креста на ступенях, в окружении внутреннего ободка («нимбированного» креста, по терминологии В. Зайбта), исследователи в каждом отдельном случае, на основании эпиграфических ос обенностей шрифта датируют в пределах второй половины IX – первой четверти X вв.[28]

Уточняет датировку херсонской печати характер исполнения надписи, выполненной строгим прямоугольным шрифтом второй пол. IX в.[29] Кроме того, следует отметить, что начертание отдельных литер (узкие дельта и фита, отчеркнутые поперечными черточками концы букв) характерны для прекрасного шрифта первой половины IX в.[30] Сочетание перечисленных признаков позволяет датировать печать последней третью IX в. Подтверждают эту дату и форма аббревиатур, а именно «привязанная» к фите изогнутая линия во всю строку и укороченная возле каппы. Согласно наблюдениям И.В. Соколовой, знак сокращения укороченной формы получил развитие в последней трети IX в.[31]

На то, что в период существованния стратигиды в Херсоне такие лица, бесспорно, были чиновной знатью, начальниками, имперскими функционерами, по рангу соотносимыми с фемными главами, недвусмысленно указывает наличие печатей еще одного царского спафария в должности επι τον οικειακον – чиновника, имевшего отношение к надзору за имуществами фиска, имениями, императорскими доменами в провинции, управлению ими, и одновременно протевона Михаила, какие к X в. могло иметь только официальное должностное лицо из состава столичных, более того, дворцовых, придворных служащих, далекое от давно забытых традиций куриальных выборов и античного полисного самоуправления[32]. По мнению А.Л. Якобсона, его деятельность могла быть связана с начальством над окрестными климата и контролем над сельскими старостами этих областей – протами, простатевонтами[33].

Все эти лица были православные правители (rex[34]), игемоны (τον επαρχηιον εγεμονεσ[35]), в ситуации кондоминатного византийско-хазарского владения в Крыму радевшие все же больше об интересах ромейской стороны, нежели каганата, и не желавшие, чтобы хазары «подчинили страну их» (με κατακψριευσαι τεσ χηορασ αυτον), то есть «страну Готфов»[36]. Беспочвенно видеть в указании на обычный хороним проявление административной власти готов, которая якобы противопоставлялась власти Византии и Хазарии и выливалась в существование «маленькой самостоятельной христианской державы» в Готфии, а значит, и в Боспоре[37]. Херсониты тоже имели свою администрацию, что не мешало им находиться под контролем Империи. К тому же в действиях этих местных киров и архонтов то и дело проглядывает ориентировка на указания Константинополя, стремление сохранять личину верноподданных василевса ромеев. Во всяком случае, именно так обстояло дело тогда, когда 24-летний Константин VI отправил в монастырь свою законную жену Марию, навязанную ему матерью, и вопреки воле патриарха, обручился со своей любовницей (причем, возможно, даже дальней родственницей), кувикуларией Феодотой, одной из дворцовых служительниц при опочивальне императрицы Ирины, а вскоре венчал бывшую придворную на царство. В обоих версиях Жития Феодора Студита, составленных в последней трети IX в. и в X в., скорее всего, со слов игуменов – преемников Феодора Студита, содержится любопытная и многозначительная подробность: около 795 г. правители (egemones или rex) Лонгивардии, Готфии и игемон или топарх Боспора (Vita A – ουτοσ ο Βοσπορου, ουτοσ ο Γοττηοσ, ουτοσ οι λοιποι τον επαρχηιον εγεμονεσ; Vita B – ουτο γαρ Λονγιβαρδιασ ρεξ ουτοσ ο τεσ Γοτηιασ ουτοσ ο τεσ Βοσπορου τοπαρχηεσ) последовали за беззаконным «прелюбодеем» Константином VI, то есть по его нечестивому примеру взяли себе новых жен, отчего от общения с ними отказались якобы все епископы (οι επισκοποι), пресвитеры (οι πρεσβψτεροι) и «благочестивые первые из монахов» (τε και οσοι προτοι τον μοναχηον) в окружающих местностях (και τουσ περιξ τοπουσ) – климата Херсона (εν τοισ κλιμασι τεσ κατα Χηερσονα) и «боспорские соседи» (και Βοσπορον παροικιασ)[38]. Об этом зле, совершенном «отдаленными властителями и начальниками» (τοισ πορρο κρατουσιν και αρχηουσιν) «в Лонгивардии и Готфии и ее климата» (εν τε Λονγιβαρδια και Γοττηια και τοισ κλιμασιν αυτεσ), долго помнили, о чем Феодор вспоминал сам в письме от 808 г. к саккудийским братьям[39].

Видимо, синонимом кира – «игемоном инородцев (народа, племени)» (του ετηνουσ εγεμονιαν) называл правителя «одной из климата Таврики» (κατήεν τον Ταυρικον κλιματον) Игнатий Диакон – младший современник агиографа Иоанна Готского[40]. По его словам, этот игемон «старался развестись со своей женой, чтобы на место ее привести какую-то распутницу», однако патриарх Никифор, пришедший к власти в 806 г., действуя «пером и чернилом», «поставил себе задачей очистить его от предосудительного греха, представил письменными наставлениями и угрозами согрешение перед его лицом, и что он, если не захочет воздержаться от него (согрешения), этим по справедливости будет подвергнут». Следовательно, и в этом случае речь шла о православном правителе, вполне управляемом, по крайней мере, послушном воле высшего должностного лица византийской Церкви, который мог его подвергать соответствующему наказанию. Следует учесть, что византийская элита порой сознательно давала местным этническим формированиям возможность политического роста, чтобы осуществлять управление через них и их глав[41].

Впрочем, статус этих окрестных по отношению к Херсону киров или игемонов – «господ», «государей, «владык» – глав местных «архонтий» остается не до конца ясным и в них лишь можно подозревать наместников, чиновников приграничных областей Византии. В любом случае следует учесть, что существование неких провинциальных областей, архонтатов с некими игемонами, кирами и архонтами в Крыму не обязательно должно было означать полного административного или правового

уравнения их населения с остальным населением Империи, однако нельзя отрицать значимость этого политического средства для интеграции «туземцев» в состав Византии, как видно на примере славянских архонтатов, чьи главы занимали соответствующее место в византийской иерархии, утверждались в должности императором и постепенно переходили в подчинение стратига фемы или вообще заменялись византийским чиновником[42]. Уже до образования полуавтономных архонтатов их население могло пройти ряд промежуточных форм зависимости от Романии, которая началась с превращения алано-готов в имперских энспондов, затем вылилась в требование военной помощи для дуката, в сбор дани – пакта или налогов, в выполнение различных работ, особенно по строительству укреплений и церквей, в необходимость поставки сельскохозяйственной продукции в Херсон. Эти повинности, обязательства в свою очередь начинали действовать как экономический механизм интеграции местного ваврварского населения в византийскую систему, тогда как постепенное и длительное культурное, идеологическое воздействие христианства, его распространение среди сельского населения Таврики вели к овладению им элементами ромейской культуры, особенно греческим языком и письменностью.

Но собственно городские киры не формально, а по существу вполне находят место на имперской сановной лестнице, в провинциальном имперском чиновном аппарате как дофемного, так и, что особенно важно отметить, фемного периода. Нет оснований видеть в этой должности некую «особую форму правления», кратковременно возникшую в Херсоне лишь на рубеже VIII–IX вв. в силу «сложной политической ситуации» и необходимости учитывать как интересы города, так и Византии и хазар, поскольку состояние кондоминатного сосуществования сложилось в Таврике гораздо раньше, следовательно, условия для деятельности такого должностного лица были не новыми, да и потребность в нем, напротив, должна была вырасти в связи со все более и более растущей конфронтацией с хазарами, еще более сложной политической ситуацией в Таврике и после образования фемы Климата[43]. Был ли этот кир в первой половине IX в. главой местных властей или существовал одновременно с другим главой, византийским чиновником-архонтом либо с первым протевоном – протополитом Херсона, тоже остается неясным, хотя отпечаток упаковочной ткани на моливдуле Исаака может служить указанием, что контроль за прохождением товаров, грузов через город, а значит, сбор налогов, пошлин, доходов мог быть изъят из ведения главы архонтата и сосредоточен в руках кира, поскольку до образования фемы в городе не было собственных коммеркиариев, контролировавших торговлю, внешний обмен и имевших функции налоговых инспекторов, тогда как для отчетности перед логофессией геникона требовались местные функционеры. Название именно этих провинциальных имперских чиновников, существовавших отнюдь не эпизодично и, судя по редкому имени Зоил, рекрутируемых из местной среды, могло быть перенесено на глав Готфии, Фул и закрепится за ними по традиции. Видимо, не случайно государей Феодоро греки тоже продолжали называть «архонт» (αρχηον) или «кир» (κψρ)[44].

Вместе с тем, предоставление василевсом соответствующего имперского сана кирам Херсона, тем более фемного периода, наиболее убедительно указывает на то, что это не были независимые, самоуправляемые элементы, только и мечтавшие о вольностях[45]. Интересно сопоставить печать кира Михаила (?) с уже упомянутым выше моливдулом 82. 8 «Каталога» Н. Икономидеса, – коммеркиария Херсона, Сергия, в звании царского спафарокандидата, и буллой стратига Херсона, царского спафарокандидата Никифора, затем повышенного до сана протоспафария[46]. Их объединяет сфрагистический тип лицевой стороны печатей и эпиграфические особенности надписей, что, при близкой датировке, позволяет предполагать если не единовременное функционирование этих государственных чиновников, то последовательное (стратиг Никифор – кир Михаил (?) – коммеркиарий Сергий)[47]. Кроме того, моливдул царского спафария Михаила (?) указывает, что при фемном страти-

ге кир Херсона, царский придворный и одновременно εκ προσοπου стратига[48], мог, как и его предшественники, выполнять некие финансовые обязанности, но уже теперь связанные с контролем за императорскими частными имуществами, отчего и имел должность επι τον οικεακον, шедшую на моливдуле перед должностью кира. К слову, последнее особенно наглядно подчеркивает, что это была именно должность, а не сан, тем более свидетельствующий о некой полисной свободе или хотя бы ее пережитках. На деле к IX в. все это давно было в области смутных воспоминаний, а не действительно реализуемых возможностей. Вообще, надо учесть, что свобода в тех условиях была бы слишком тяжкой ношей, лишала бы покровительства и с этой точки зрения оказывалась совершенно не желанна, во всяком случае, в былом «демократическом», полисном понимании. В Византии и вообще в средневековом обществе она понималась как гарантированный статус и могла реализовываться только в состоянии зависимости.

Херсон не имел условий для политической самостоятельности, для антиимперских центробежных тенденций, ибо общественные отношения средневекового общества в VII–VIII вв. в нем только зарождались, а общая политическая ситуация, – вначале поддержание системы византийско-хазарского кондоминиума в Таврике, а затем фемный строй, – тоже не располагали к сепаратизму или автономии. Следует принять во внимание также политическое и экономическое значение привилегий и льгот, которыми Империя привлекала на свою сторону местные господствующие слои. Лишиться их – означало потерять полученные преимущества и саны. Даже тяга к державному престижу ромеев должна была толкать херсонитов к распространению «чувтва единой родины» на саму «светоносную Империю»[49]. Наконец, наличие административного центра византийской власти на полуострове не давало возможность местным лидерам из числа архонтов, простатевонтов, киров мелких округов, если таковые лидеры имелись, стать полностью независимыми от Романии. Источники свидетель ствуют, что они, напротив, стремились повысить свой имперский статус.

В этой связи примечательно, что имперские киры Херсона могли оставлять свою должность и переходить на иную. К примеру, кир Зоил, очевидно, был имперским архонтом Херсона и, вероятно, дослужился даже до стратига, на что указывают моливдулы с этим именем[50]. Если предполагаемая реконструкция имени «Михаил» на печати кира верна, возникает сходное предположение – не являлся ли Михаил, кир Херсона последней трети IX в., и Михаил протевон начала X в., оба επι τον οικεακον, одним и тем же лицом? Полное совпадение титула царского спафария, высокого имперского чина управителя царскими имуществами, тип лицевой стороны печатей, их хронологическая близость в несколько десятилетий – все наводит на соответствующие размышления. В таком случае это были лица из штата (секрета) архонтата, по повелению василевса попавшие в подчинение стратига после создания фемы около 840–841 г. Поэтому еще раз подчеркнем, что применительно к византийскому Херсону перед нами, скорее всего, не особая, кратковременная форма правления, вызванная изменчивой политической ситуацией, а постоянные сановные должностные лица, гражданские правители вполне имперского облика, которые существовали, по крайней мере, на протяжении IX в., а не только в его начале. Их присутствие ни в коей мере не может свидетельствоать в пользу некоего самоуправления города. Рудиментарные, формальные «элементы городских свобод» наличествовали здесь не более, чем в любом другом типичном провинциальном ромейском центре.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подр. см.: *Сорочан С.Б.* Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» //ВВ. 2003. Т. 62 (87). С. 21–46; *Сорочан С.Б.* Ви-

зантийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры /Отв. ред. Г.Ю. Ивакин. Харьков, 2005. Ч.1. С. 582-677.

2. *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей представителей городского управления Херсона //МАИЭТ. 1996. Вып.5. С. 162-163; *Алексеенко Н.А.* Defensor civitatis (ekdikos) и его роль в управленческом аппарате Херсона //Россия-Крым-Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 100. Ж.-К. Шене без аргументации тоже причисляет экдика, как и πατερ πολεοσ, и протевонов, к «античным институтам» *Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона //МАИЭТ. 2000. Вып.7. С. 310.
3. Ср.: *Успенский Ф.И.* Военное устройство Византийской империи //ИРАИК. София, 1900. Т. 6. С. 155; Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры /Отв. ред. В.М. Зубарь. Харьков, 2004. С. 535-536
4. *Алексеенко Н.А.* Коммеркия и коммеркиарии Херсона в IX–X вв. //Сфрагистика и история культуры. Сборник научных трудов, посвященных юбилею В.С. Шандровской. СПб., 2004. С. 98
5. *Алексеенко Н.А.* Defensor civitatis (ekdikos)... С. 101
6. Подр. см.: *Алексеенко Н.А.* Херсон на хазарско-византийском пограничье в начале IX в.: печати киров //БИ. 2005. Вып.9. С. 212-220.
7. *Алексеенко Н.А.* Ук. соч. С. 217.
8. *Сорочан С.Б.* Государственное устройство... С. 28.
9. *Koch P.* Die Byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700. Inaugural-Dissertation. Jena, 1903. S. 82-83.
10. Никифора патриарха Константинопольского Краткая история со времен после правления Маврикия /Пер. Е.Э. Липшиц //ВВ. 1950. Т. 3. С. 359–360.
11. *Вишнякова А.Ф.* Свинцовые печати византийского Херсона //ВДИ. 1939. №1. С. 123, №1; *Соколова И.В.* Администрация Херсона в IX–XI вв. по данныи сфрагистики //АДСВ. Свердловск, 1973. Сб. 10. С. 208; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983 С. 114, 146, №4.
12. *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... С. 160-161, №8-9; *Алексеенко Н.А.* Херсон на византийско-хазарском пограничье в начале IX в. //Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. К.; Судак, 2002. С. 21; *Алексеенко Н.А.* Херсон на хазарско-византийском пограничье в начале IX в. Печати киров. С. 212-214, рис.1, 1-5.
13. Житие Иоанна Готского //Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1912. Т.2. Вып.2. С. 401, 404, гл.1; с.416-417, гл.5; с.424-425, гл.9.
14. *Алексеенко Н.А.* Херсон на византийско-хазарском пограничье... С. 21; *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. //Х. сб. 2004. Вып.13. С. 169-170.
15. *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... С. 160-161; *Алексеенко Н.А.* Херсон на византийско-хазарском пограничье... С. 21-23; *Алексеенко Н.А.* Имперская администрация на хазарско-византийском пограничье в Таврике: печати киров Херсона //Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 14.
16. Ср.: *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Ч.1. С. 322-395, 489-581.
17. *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона в VIII – начале IX вв. //ПИФК. 2002. Вып.12. С. 574.
18. *Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона. С. 311.
19. *Науменко В.Е.* Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: политико-административный аспект: Дисс. ... канд. ист. наук /Таврический нац. ун-т им. В.И. Вернадского. Сиимферополь, 2004 (рукопись). С. 130.
20. Ср.: *Алексеенко Н.А.* Имперская администрация... С. 14.
21. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 215, 216.
22. Ср.: *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики

//МАИЭТ. 2002. Вып.9. С. 475, 487.
23. *Алексеенко Н.А.* Херсон на хазарско-византийском пограничье... С. 216-217.
24. Ср.: *Алексеенко Н.А*. Имперская администрация... С. 14
25. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Arts /Ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, 1991. Vol.1. №82. 8.
26. *Алексеенко Н.А.* Таможня и коммеркиарии Херсона //*Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки историии и культуры. Харьков, 2005. Ч.2. С. 1621. Прил. 1, №16-19.
27. *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока. М., 1991. С. 280-286. Табл. LXXX, 9, 10.
28. *Соколова И.В.* О так называемой печати протевона Михаила //Вспомогательные исторические дисциплины. 1991. Т. 23. С. 99; *Seist W.* Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 1978. S.122-123, 147-149, 185-188, 193, 194, 324, 329; *Йорданов И.* Печати на коммеркиата Девелт. София, 1992. С. 39, 48, 50-51, 53, 55-57.
29. *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 93-94.
30. *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока. С. 74; *Соколова И.В.* Монеты и печати... С. 75-76.
31. *Соколова И.В.* Знак сокращения на византийских печатях VIII – первой половины X вв. //ВВ. 1986. Т. 47. С. 160; *Соколова И.В*. О так называемой печати протевона Михаила. С. 99.
32. *Толстой И.И.* О византийских печатях херсонской фемы //Записки Русского археологического общества. 1887. Т. 2. С. 39-40, №13; *Соколова И.В.* Монеты и печати... С. 159, №43; *Степанова Е.В.* О конференции памяти А.В. Банк //ВВ. 1988. Т.49. С. 258; *Соколова И.В.* О так называемой печати протевона Михаила. С. 94-102; Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. P.186, №82. 10; ср.: *Kazdan A.A*. Oikeiakos //The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol.2. P.1515; *Oikonomides N.* Fiscalite et exemption fiscale a Byzance (IXe – Xe s.). Athenes, 1996. P.276, Append. II; *Алексеенко Н.А.* Протевоны Херсона в системе городских структур власти X в. //АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 158, 159, 161.
33. *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) //МИА. 1950. Вып. 17. С. 20.
34. Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasteriii Studii (version II) //PG. Tunhout, 1976. T.99. Col. 252.
35. Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum (version I) //PG. Tunhout, 1976. T. 99. Col.137.
36. Житие Иоанна Готского. С. 416. Подр. см.: *Сорочан С.Б.* «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византийско-хазарских отношений в Таврике //Хазарский альманах. Киев; Харьков, М., 2003. Т. 2. С. 77-98.
37. См.: *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 47, 143.
38. Michailus Monachus Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii (vers. II) //PG. Turnhout, 1976. T.99. Col.252; ср. Michailus Monachus Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum (vers. I) //PG. Turnhout, 1976. T.99. Col.137; *Латышев В.* Житие преп. Феодора Студита в мюнхенской рукописи № 467 //ВВ. 1915 (1914). Т. 21. Вып.3-4. С. 268, sec.18; с.269, sec.29; *Vasiliev A*. The Goths in Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. P.105, note 3; *Sevcenco I.* Hagiography of the Iconoclast Period //Iconoclazm. Birmingham, 1977. P.116; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... С. 68-69. По мнению А.И. Айбабина, термин «топарх» отсутствовал в официальной византийской чиновной иерархии в IX–X вв. и был вставлен в текст жития позднейшим переписчиком не ранее XI в. (см. *Айбабин А.И.* Этническая история ... С. 188, 210). Однако эта поправка, даже будучи принята, не меняет суть наших рассуждений.

39. Theodori Stiditae Epistola /Ed. G. Fatouras. Berlin; New York, 1992. Vol.1. Ep. 31, 92-97; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... С. 69-70.
40. Ignatii Diaconi Vita Nicephori patriarchae Constantinopolitani //Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica /Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1880. P.160. 20-30; Житие святого отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви святой Софии //Творения святого отца нашего Никифора архиепископа Константинопольского. Минск, 2001. С. 21, гл.28; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... С. 72.
41. Ср.: *Stephenson P.* Byzantium's Balkan Frontier. A Political Study of the Northern Balkans, 900-1204. Cambridge, 2000. P.38-45, 80-114.
42. *Иванова О.В.* О путях интеграции иноплеменников Византийской империи в VII–X вв. //Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С. 73-74.
43. Ср.: *Алексеенко Н.А.* Херсон на византийско-хазарском пограничье... С. 21-23; подр. см.: *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Ч.2. С. 1096-1182.
44. *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... С. 144.
45. Отнесение А.И. Романчук упоминания в источниках ромейского чина ипата к доказательству существования самоуправления в Херсоне нельзя воспринимать иначе, как курьез или следствие описки (см.: *Романчук А.И.* Очерки по истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 206).
46. *Алексеенко Н.А., Смычков К.Д.* Несколько новых печатей византийского Херсона //Х. сб. 1999. Вып. 10. С. 363-364.
47. См.: *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Ч.2. С. 1459, коммент. 1081–1982.
48. В Херсоне зафиксированы находки пяти печатей εκ προσοπου, по датировке Н.А. Алексеенко, рубежа IX–X вв. Им являлся уже упомянутый спафарокандидат Сергий, который, видимо, выступал как εκ προσοπου фемы, а не «от лица» стратига, хотя был возможен и такой вариант (*Алексеенко Н.А.* Должность εκ προσοπου Херсона в структуре византийской администрации Таврики //Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международ. науч. конф. К.; Судак, 2004. Ч.2. С. 4-5; ср.: *Oikonomides N.* Les listes de preseance byzantines de IXe et Xe sicles /Introd., texte, traduct et comment. Paris, 1972. P. 342).
49. Ср.: *Шевченко І.* Релігийни місії очима Візантії //Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1991. Т. 222: Праці історико-філософської секції. С. 19.
50. См.: *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики //МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 475-481, прил.1, №1-36; *Алексеенко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. //МАИЭТ. 1998. Вып.6. С. 702-733. №1-34.

S.B.SOROCHAN, K.D. SMYCHKOV

A KYROI OF BYZANTIAN CHERSON: PROBLEMS OF THE STATUS AND DATING

The article represents the attempt of revision of the usual submissions about kyroi of Cherson as local independent rulers, which existed for a short period of time, at the end of 8th – beginning of 9th centuries. The analysis of seales allows to express some doubt as to the such a narrow dating. Five known molybduloi offered reduced the final to first half of IX centuries, epoch of the existence of the archontat. The edition of new seal specifies, that the officer with such name, title of imperial spathary and imperial post επι τον οικειακον continued to act in Cherson in a period of the theme, at the last third of 9th century. Under the status, it was the imperial official from the staff of the local civil management by byzantian city connected with the administration of the archontat and then – thema. Probably, he attended tax, financial and property questions, in which was interested the imperial treasury and basyleos, giving to the officer high imperial titles.

В.В. МАЙКО (Симферополь)

ВИЗАНТИЙСКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КРЫМУ В XI В.

История юго-восточного Крыма после исчезновения салтово-маяцкой культуры полуострова изучена крайне слабо. Это объясняется, прежде всего, тем, что археологические памятники второй половины X–XI вв. в этой части полуострова, как и в восточном Крыму пока практически неизвестны[1], а данные письменных источников скупы и малоинформативны. Интересующие же нас горизонты обнаружены только в стратиграфии средневековой Сугдеи и Боспора. Согласно выдвинутой концепции, во второй половине X – начале XI вв. в этой части Крыма проживало смешанное городское население, оставившее своеобразную материальную культуру[2]. Она не тождественна провинциально византийской и имеет закономерные отличия от памятников южного и юго-западного Крыма. Основные события, происходившие в это время в рассматриваемой части Таврики неоднократно анализировались в литературе. Совершенно очевидно, что после распада Хазарского каганата во второй половине 60 – начале 70-х гг. X в. юго-восточная Таврика переходит под протекторат Византии. Однако археологические реалии не позволяют говорить о заселении ее греческими переселенцами и полном вхождении в состав империи.

Тем не менее, подчинение, хоть и номинальное, юго-восточной Таврики Византийской империи в правление Иоанна Цимисхия, выразилось в создании в этой части полуострова двух новых фем. Во второй половине X в. возникновение множества мелких фем было типичным для Византии. Так, согласно данным «Эскуриального Тактикона» 971/975 гг., в империи наблюдается резкое увеличение численности стратигов, притом преимущественно небольших фем и городов[3]. Но иногда, как в случае с Георгием Цуло, даже стратиги их, не говоря о более мелких руководящих должностях византийской администрации, были представителями местной тюрко-хазарской знати. До второй половины X в. в Крыму существовала лишь одна византийская военно-административная единица – фема Херсона и Климатов или просто Херсона. В Тактиконе, опубликованном Н. Икономидисом и относящемся к 80-м гг. X в. упоминается еще одна фема Таврики – фема Боспора[4]. Реальное ее су-

ществование подтверждается находками печатей уже упоминавшегося Георгия Цуло. Согласно Скилице, его деятельность на Боспоре относится к началу XI в.[5] В этом же Тактиконе упоминается еще одна новая фема, основанная в то же время – морская фема Понта Эвксинского. Некоторые исследователи склонны локализовать центр ее в Сугдее[6]. Некоторые авторы считают, что это произошло в период правления Иоанна Цимисхия и связано было с восстановлением византийского контроля над городом[7]. Н. Икономидис, напротив, предложил искать центр этой фемы на юго-западном побережье Черного моря. При этом исследователь указывает, что византийские военно-морские силы в IX–X вв. были организованы в особую фему Эгейского моря с центром в Абидосе. Этот флот призван был защищать столицу империи от возможных нападений арабов из регионов Восточного Средиземноморья. Флот же, размещенный на Эвксинском понте, в середине 80-х гг. X в., судя по дате Тактикона Эскуриальной рукописи, был предназначен для прикрытия византийской столицы с севера. В качестве этой морской фемы Понта Эвксинского Н. Икономидис склонен был видеть Боспор Фракийский, как наиболее подходящий порт в этой части побережья Черного моря.

В решении вопроса о существовании фемы в Сугдее в последней трети X – начале XI вв., решающее значение имеют сфрагистические материалы. В последние годы при проведении подводных исследований в портовой части Сугдеи были обнаружены три одинаковые печати протоспафария и стратига земли Сугдеи Георгия[8]. Однако, как отмечают исследователи, это был скорее военный чиновник, нежели представитель гражданской власти[9].

Таким образом, вполне вероятно, что после подчинения Византией юго-восточной Таврики во второй половине X в. на этой территории возникают две новые фемы, Боспора и Понта Эвксинского. Пока трудно с полной уверенностью констатировать, что центр последней находился в Сугдее. Не исключено, что существовала и третья Сугдейская морская фема. Данное явление, как уже отмечалось, было типичным для Византийского государства в последней трети X в. Еще раз подчеркнем, что население, проживавшее на территории этих фем, особенно фемы Сугдеи, было этнически неоднородно. Подчинение этих территорий Византии было номинальным, в состав местной администрации входили представители тюрко-хазарского происхождения. Это косвенно подчеркивает тот факт, что во второй половине X в. Сугдея переходит под власть печенегов, что вытекает из известной Приписки 59[10], датированной 977 г., в которой речь идет о том, что Иосиф, учитель иудаизма и переписчик Библии из Сугдеи, закончил переписывать одну из них в Сугдее под «владычеством печенегов, которые покорили (это место) наших братьев кадариев (хазар)"[11]. Скорее всего, эта зависимость была кратковременной и тем более номинальной, не связанной с изменениями этнического состава населения. По единодушному мнению исследователей основная масса печенегов располагалась к северу от Крымского полуострова[12]. В пользу этого свидетельствует и отмеченное отсутствие археологических материалов, связываемых с печенегами в юго-восточной Таврике второй половины X в.[13]

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно отметить, что юго-восточный Крым, со своеобразной материальной культурой, отличной от салтово-маяцкой, представлял во второй половине X в. своеобразный реликт хазарского каганата. После его возникновения в связи с походом Песаха 941 г. и до падения Хазарии в 965 г. местное население подчинялось ставленнику каганата. При этом разгром Святославом хазарского войска, взятие ряда городов, поход «на ясы и косоги» мало коснулся крымского полуострова и лишь только оборвал и без того не особо прочные связи местного населения с верхушкой Хазарского каганата. При этом, присутствие русских дружин на Боспоре, захват и разгром ими города представляется маловероятным, во всяком случае это не нашло отражения ни в Повести Временных Лет, ни в Византийских, ни в арабских источниках. В начале 70-х гг. X в.

юго-восточная Таврика переходит под власть Византийской империи, использовавшей гибель Святослава и временное ослабление активности в Причерноморье и на Балканах молодого Древнерусского государства. После похода Владимира «на козары» 986/87 гг., т.е. против Тмутараканского княжества, и последующего взятия Херсонеса, ситуация для юго-восточного Крыма, в отличие от Тмутаракани, меняется незначительно. Этнической смены населения, как и в предшествующее время не происходит. Однако, естественно влияние Руси на юго-восточный Крым, номинально подчиненный Византии, особенно через Тмутараканское княжество усиливается. Вероятно, между Русью и Византией был заключен своеобразный кондоминиум. Местное население обязывалось не поддерживать ни одно из государств в случае военного противостояния. Это, то активное, то пассивное противостояние двух крупнейших государств, занятых многочисленными внутренними и внешними проблемами, и позволяло местному населению балансировать между двумя силами, поддерживая видимость существования своеобразного реликта каганата – Крымской Хазарии. Вероятнее всего в этой политике активную моральную и экономическую поддержку, не без ведома Руси, оказывало и этнически близкое Тмутараканское княжество. Эта поддержка, как уже указывалось, на первых порах существования реликта каганата в юго-восточном Крыму была еще более ощутима, поскольку, согласно косвенным упоминаниям Константина Багрянородного, Тмутаракань в 40-50-е и, очевидно, до 80-х гг. X в. представляется самостоятельным политическим образованием[14], балансировавшим в разные периоды между Русью, Хазарией и Византией[15]. В этой связи интересен обоснованный А.П. Новосельцевым на основании данных письменных источников тезис о существовании хазарской государственности и в 80-90 е гг. X в., связанной с территорией Поволжья[16].

Уже не раз отмечавшаяся номинальная зависимость юго-восточной Таврики, от Византии во второй половине X в. не устраивала империю. Поводом для ликвидации сложившейся ситуации, с которой Византийское государство в силу целого ряда субъективных и объективных причин вынуждено было мириться, послужило упомянутое византийским хронистом Иоанном Скилицей и соответственно Кедриным восстание 1015 г. под предводительством Георгия Цуло и ответная экспедиция византийского флота в Крым в 1016 г.[17]

Это одно из немногих политических событий в истории юго-восточного Крыма начала XI в., отмеченное письменными источниками, заслуживает более пристального внимания. Для начала процитируем еще раз это сообщение: «Император вернулся в Константинополь, в месяце январе 6524 года направил флот в Хазарию, экзархом его был Монг, сын Андроника, дуки Лидии. При содействии Сфенга, брата Владимира, (который был зятем императора), он подчинил страну, пленив (захватив) архонта ее Георгия Цулу в первом столкновении».

В историографии этой проблемы, уже коротко рассмотренной в литературе[18], традиционно выделяются две основные точки зрения.

Сразу оговоримся, что, во-первых, относительно места восстания большинство специалистов в настоящее время согласно с выдвинутым предположением о том, что византийский флот застал мятежников не в Херсонесе, а на Боспоре[19]. В пользу этого свидетельствуют неоднократно использованные данные сфрагистики и упоминание в тексте Хазарии, локализация которой в византийском Херсонесе в начале XI в. невозможна, но реальна, с чем полностью согласен и я, в юго-восточной части полуострова. Развивая это предположение, М.Н. Богданова отмечает, что херсониты в лице Георгия Цулы испугались хазарского засилья[20]. На основании уникальной находки печати турмарха Готии Н.А. Алексеенко поддерживает вывод о сложной военной обстановке, сложившейся в Таврике к началу XI в.[21]

Во-вторых, так же уже достаточно давно нет споров об этническом происхождении руководителя восстания Георгия Цуло. Это историческое лицо известно нам, помимо данного письменного источника, так же по находкам печатей, на которых

он назван в одном случае – стратигом Херсона в ранге спафария, затем протоспафария, а, затем, в том же ранге стратигом Боспора[22]. Большинство исследователей со времени М.И. Артамонова поддерживает его местное тюркское, возможно праболгарское происхождение[23]. Длительность нахождения представителей рода Цул среди высших византийских сановников подтверждается целым рядом находок моливдовулов, как второй половины X в., так и начала XI в. Хронологическое членение моливдовулов, предложенное И.В. Соколовой и уточненное Н.А. Алексеенко, является ярким подтверждением этому[24].

Относительно сущности восстания ряд авторов, как раньше, так и сейчас считает, что это был разгром остатков Хазарского каганата в Крыму[25]. Эта точка зрения, основанная на указанном недвусмысленном упоминании в тексте источника Хазарии и хазарского военачальника Георгия Цуло, поддерживается не только специалистами, но преобладает и в научно-популярной и этнографической литературе[26]. Наиболее обстоятельно она изложена в работах А.В. Гадло. По мнению авторитетного автора, мир, установленный между Русью и Византией после похода на Корсунь Владимира, был нарушен в 1015 г. именно этим восстанием. Действия Цулы являлись реакцией на кризис на Руси, в связи со смертью Владимира[27]. При этом отметим, что Византийский император Василий II был занят войной в Болгарии. Однако восставшие просчитались, мятеж сильно обеспокоил имперскую администрацию. По верному замечанию М.Н. Богдановой, флот был направлен в Черное море в то время, когда навигация там очень опасна, и должны были быть чрезвычайные обстоятельства, которые могли бы заставить императора снарядить экспедицию в разгар зимы[28]. Важность происшедших событий подчеркивает и незамедлительная реакция Древнерусского государства. По справедливому мнению А.В. Гадло, легендарный поход Мстислава Тмутараканского на касогов является не чем иным, как ответной реакцией на окончательное подчинение империей юго-восточного Крыма[29]. Исходя из этого, автор убедительно датирует его не 1022 г., а 1016 или 1017 гг.

Представители второй точки зрения видят в мятеже Г. Цулы обычное восстание в византийской провинции, возможно с целью увеличения самостоятельности в управлении Херсоном. Наиболее полно эта концепция изложена в ряде работ В.П. Степаненко. По мнению автора, Византия владела Крымом, в том числе и юго-восточным задолго до договора 989 г. События 1016 г., по мнению В.П. Степаненко, это восстановление позиций империи в регионе, владения которой граничили с Тмутараканским княжеством задолго до 1016 г. О завоевании империей Крыма в связи с подавлением восстания, говорить не приходится[30]. В духе русско-византийских договоров 944 и 971 гг. киевские князья были обязаны «воевать» Корсунскую землю, если она перестанет быть покорной империи. В то же время киевский князь был обязан защищать Херсон и Крымские владения империи. Отношения Византии с пограничными владениями определялось характером отношений с Киевом[31], что естественно и логично для северной окраины империи.

Однако если придерживаться этой точки зрения, то необходимо указывать причину восстания именно в это время и именно в Крыму. Нельзя не отметить, что представители и первой и второй точек зрения совершенно не используют в своих построениях данные археологии, уделяя главное внимание сфрагистическим материалам[32].

Собственно говоря, две эти полярные точки зрения на сущность восстания, на мой взгляд, отражают происходившие события односторонне. Безусловно, нельзя прямо говорить о военном походе против Хазарского каганата, к этому времени уже не существовавшего. С другой стороны, юго-восточная Таврика, населенная жителями, исторически связанными с Тмутараканскими козарами и управляемая местной тюркской администрацией, не была обычной провинцией византийской империи. Повторю, что, скорее всего, речь идет о представившейся возможности ликвидировать крепнущий и набирающий все большую самостоятельность реликт

хазарского каганата в юго-восточной части полуострова, все менее зависимый от имперских чиновников. Очевидно, с открытым противостоянием империи Византия смириться уже не могла.

Для подавления мятежа помимо византийского отряда были привлечены русские воины, возглавлял которых Сфенг, названный в источнике братом киевского князя Владимира. По мнению специалистов последний являлся либо варяжским воеводой в дружине Мстислава Тмутараканского, либо, что более вероятно, независимым варяжским воеводой на византийской службе[33], возможно и посланным Владимиром по договору с Империей, как это было в случае с подавлением известного мятежа Варды Фоки. О подробностях военных действий источник умалчивает, известно лишь, что поход оказался удачным для императора Василия II (976-1025 гг.). Византийская власть на полуострове была восстановлена. Вполне возможно, что именно с этими событиями связано исчезновение археологических комплексов юго-восточной Таврики и своеобразной материальной культуры, бывшей археологическим эквивалентом Крымской Хазарии второй половины X – начала XI вв. Последняя, как мы попытались показать выше, была оригинальным реликтом каганата в юго-восточной части Таврики, номинально подчиненной Византийской империи. Видимо, часть местного населения вынуждена была, так же, как в свое время и праболгары, в спешке бежать, часть осталась на полуострове, послужив одной из составляющих при формировании этнически сложного населения средневековой византийской Таврики XI-XIII вв.

Выше уже отмечалось, что в решении вопроса о сущности и исторических последствиях восстания Георгия Цуло в Крыму совершенно не используются данные археологии. Как уже указывалось выше, на мой взгляд, эта проблема напрямую связана с вопросом о верхней хронологической дате существования упоминавшейся материальной культуры, сменяющей в юго-восточном Крыму салтово-маяцкую.

Как уже отмечалось, археологического материала пока недостаточно. Однако в жилых комплексах Сугдеи обнаружено несколько византийских монет второй половины X в. Это, например, анонимный фоллис класса A-II времени правления Иоанна Цимисхия[34]. Подобные монеты обнаружены и в закрытых комплексах Партенит[35]. К сожалению, данный нумизматический материал позволяет констатировать лишь то, что памятники функционировали во второй половине X в. Уточнить верхнюю хронологическую границу позволяют данные стратиграфических наблюдений, проведенных во время раскопок в портовой части Сугдеи на территории раннесредневекового городища (раскоп III М.А. Фронджуло). Стратиграфические разрезы показывают, что византийские объекты второй половины XI-XII вв. и связанные с ними культурные горизонты перекрывают слои, содержащие археологический материал без стерильной прослойки. Особо необходимо подчеркнуть, что иногда они разделены слоем пожара толщиной 5-10 см[36]. В этой связи отметим, что в византийских керамических комплексах Сугдеи середины XI-XII вв., содержащих амфоры с венчиком в виде «отложного воротничка» самого позднего варианта, керамика, типичная для этой культуры, представлена единичными фрагментами. Таким образом, верхней хронологической границей существования анализируемой культуры может быть первая половина, а точнее – первая четверть XI в.

Кроме этого, интересную информацию содержат материалы раскопок Т.И. Макаровой на территории Боспора-Керчи. Напомним, что исследованный на этом участке квартал интересующего нас времени состоит из пяти домов, расчлененных улицами. Не вдаваясь в излишние проблемы датировки конкретного археологического материала, я считаю, что время гибели квартала датирует как археологический материал (в том числе и амфорный), так и данные нумизматики и стратиграфии. Сама исследовательница отмечает, что объекты гибнут в слое пожара с монетами, самая поздняя из которых может быть отнесена к началу XI в.[37] На мой взгляд, это разрушение также связано с подавлением византийско-русскими войска-

ми восстания Г. Цулы на Боспоре в 1015 г.

Подавление восстания было удобным поводом для Византийской империи наконец ликвидировать сложившуюся ситуацию и покончить с иллюзиями местного населения о возможности какой-либо реставрации Хазарского каганата в юго-восточной части полуострова. Вероятно, вскоре была ликвидирована и фема в Сугдее, в ней отпала необходимость, и она была просто соединена с фемой Херсона[38]. Об этом свидетельствует известная надпись 1059 г. патрикия Льва Алиата, именуемого в ней стратигом Херсона и Сугдеи одновременно[39].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Пономарев Л.Ю.* О населении Керченского полуострова во второй половине X–XIII вв. //Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев-Судак, 2004. С. 164-169.
2. *Герцен А.Г., Майко В.В.* Хазары //Крым сквозь тысячелетия. Симферополь, 2004. С. 165-166; *Майко В.В.* Сугдея во второй половине X – начале XI вв. //ССб. С. 201-244.
3. *Степанова Е.В.* К вопросу о Судакском архиве печатей //Византия и Крым. Проблемы городской культуры. Екатеринбург, 1995. С. 14; *Бибиков М.В.* Новые данные Тактикона Икономидиса о Северном Причерноморье и русско-византийских отношениях //Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976. С. 88.
4. *Oikonomides N.* Les listes de preseance Byzantines des IX et X siecles. Paris 1972. P. 268-269.
5. *Georgius Cedrinus.* Joannis Scylitzae ope ab J.Bekkero suppletus et emendatus. I, II. Bonnae, 1838. P. 232.
6. *Баранов И.А.* Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости //Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989. С. 54; *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990. С. 154; *Степаненко В.П.* К истории средневековой Таврики //Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992. С. 128-129.
7. *Степаненко В.П.* К статусу Тмутаракани в 80-90-е гг. XI в. //МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993. С. 254.
8. *Степанова Е.В.* Ук. соч. С. 13-15; *Баранов И.А., Степанова Е.В.* Церковная и военная администрация византийской Сугдеи //Археология Крыма. № 1. Симферополь, 1997. С. 83-87; *Stepanova E.* New seals from Sudak //Studies in Byzantine sigillography. 6. Washington, 1999. P. 49-50.
9. *Glykatzi-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin aux IX-XI siecles. Athenes-Paris, 1960. P. 50; *Баранов И.А., Степанова Е.В.* Ук. соч. С. 86-87.
10. *Хвольсон Д.А.* Восемнадцать еврейских надгробных надписей из Крыма... . СПб., 1866. С.66-67. В данной работе речь не идет о доказательстве подлинности или фальсифицированного характера этого огромного пласта источников. Как уже отмечалось, нельзя огульно все документы, собранные А.С. Фирковичем, считать фальсификацией либо абсолютно подлинными источниками. Необходимо ориентироваться и на археологическую ситуацию. Подробнее см.: *Майко В.В.* Приписки на полях Крымских Библий как источник по истории юго-восточной Таврики второй половины X в. (Археологический аспект проблемы) //Пилигримы Крыма. «Осень 98». Симферополь, 1999. С. 176-181.
11. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья… С. 152-153.
12. *Айбабин А.И.* Степь и юго-западный Крым. Крым в X – первой половине XIII вв. //Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII века. Отв. Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 74-81.
13. Археологические материалы, исследованные в портовой чсти Сугдеи и связывае-

мые с печенегами, датируются не ранее первой четверти XI в.: *Джанов А.В., Майко В.В.* Византия и кочевники в юго-восточной Таврике в XI-XII вв. //ХСб. Вып. IX. 1998. С. 160-181. Исключение составляет только уникальный лепной сосуд обнаруженный в 1994 г. в портовой части Сугдеи: *Майко В.В.* Керамічний комплекс населення південно-східного Криму другої половини X ст. //Українське гончарство. Т.4. Опішне, 1999. С.40-63. Но его уверенное отнесение к печенежскому кругу древностей не бесспорно.

14. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 170-171.
15. *Гадло А.В.* Тмутороканские этюды III //Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып. 2. 1990. С. 21; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С.133.
16. *Новосельцев А.П.* Ук. соч. С. 230.
17. *Joannis Scylitzae.* Synopsis Historiarum //Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol.5.1973. P. 354; *Georgius Cedrinus*, 1838. P. 464. Вероятно, Георгий Кедрин был хорошо знаком с ситуацией, сложившейся в это время в юго-восточном Крыму. При проведении подводных археологических разведок в Судакской бухте была обнаружена его печать: *Stepanova E.* New finds from Sudak //Studies in Byzantine sigillography. 7. Washington, 2003. P. 127.
18. *Соколова И.В.* Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне //Палестинский сборник. Византия и Восток. Вып. 23 (86).1971. С. 68; *Степаненко В.П.* К истории средневековой Таврики… С. 125-126.
19. *Степаненко В.П.* К истории средневековой Таврики… С. 125-133.
20. *Богданова Н.М.* Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города //Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 118.
21. *Алексеенко Н.А.* Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X в. //ХСб. Вып. IX. 1998. С. 233.
22. *Соколова И.В.* Ук. соч. С. 68-74; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 164; *Степаненко В.П.* К истории средневековой Таврики… С. 126-127; *Алексеенко Н.А.* Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса //Древности. Т.2. Харьков, 1995. С. 85.
23. *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 436.
24. *Соколова И.В.* Печати Георгия Цулы… С. 68-74; *Алексеенко Н.А.* Новые находки моливдовулов рода Цулы… С. 85.
25. Более подробно эта точка зрения рассмотрена у В.П. Степаненко: *Степаненко В.П.* К истории средневековой Таврики…С. 125-126.
26. *Андреев А.Р.* История Крыма. М., 1997. С. 85; Караимская народная энциклопедия. Т. 1. М., 1995. С. 61-62; *Герцен А.Г.* Хазары //От киммерийцев до крымчаков. Изд. 2-е. Симферополь, 2004. С. 160-161; *Герцен А.Г., Майко В.В.* Ук. соч. С. 166.
27. *Гадло А.В.* Тмутороканские этюды III //Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып. 2. 1990. С. 26.
28. *Богданова Н.М.* Херсон в X-XV вв… С. 156.
29. *Гадло А.В.* Тмутороканские этюды III… С. 26.
30. *Степаненко В.П.* К статусу Тмутаракани… С. 255.
31. Там же. С. 258-259.
32. *Алексеенко Н.А.* Готия в структуре византийской административной системы в Таврике… С. 701-743.
33. *Гадло А.В.* Восточный поход Святослава. К вопросу о начале Тмутороканского княжества //Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 26; *Степаненко В.П.* К статусу Тмутаракани… С. 258.
34. *Толстой И.И.* Византийские монеты. Вып. 10. Вступ. статья и примечания В.В. Гурулевой. Барнаул, 1991. С. 139. Табл. 79, 7/1.
35. *Паршина Е.А.* Торжище в Партенитах //Византийская Таврика. К., 1991. С. 88.
36. *Джанов А.В., Майко В.В.* Ук. соч. С. 160-181.

37. *Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи //МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998. С. 363.
38. По мнению И.А. Баранова и Е.В. Степановой речь может идти не о соединении, а о объединении двух фем под командованием одного стратига, что принципиально не меняет сущности дела: *Баранов И.А., Степанова Е.В.* Ук. соч. С. 86.
39. *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 16-18.

V.V. MAJKO

BYZANTINE-RUSSIAN RELATIONS IN SOUTHEAST CRIMEA IN 11th CENTURY

The work opens the subject of the political aspects of Byzantine-Russian relations in 11 century. The issue of George Tzulo revolt in 1015 is considered in details. The author notes: the resolution as to the question of the essence and historical consequences for George Tzulo revolt in Crimea does not use archeological data at all. So, the conclusion is – this problem is connected with the question of an upper chronological date, and even with the existence of the material culture replacing Saltovo-mayatskaya one in the southeast Crimea.

ЗАПАДНОЕ И ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. КАВКАЗ

С.М. КРЫКИН (Москва)

ПРОТОГОРОД, ПРОТОГОСУДАРСТВО, ПРОТОЦИВИЛИЗАЦИЯ?

В августе 1968 г. на симпозиуме в Фессалонике знаменитый болгарский антиковед Г. Михайлов позволил себе фразу относительно реалий первой половины I тыс. до н.э.: «Фракия, как и Македония, являлись странами довольно примитивной культуры и могли изменить понемногу свой облик под влиянием греческих колоний…».[1] Столь «кощунственное» утверждение было возможно до официального рождения особого направления в балканистике – фракологии в 1972 г., учреждения соответствующего академического института в Болгарской академии наук и организации изучения фракологии как особой дисциплины на исторических факультетах в болгарских вузах. Именно тогда появилась целая серия фундаментальных исследований о формировании у древних южных фракийцев ранней государственности – наиболее существенны работы Хр. Данова,[2] А. Фола,[3] Т. Д. Златковской.[4] Любопытно, что Г. Михайлов ограничился тогда популярно-описательной книгой, несмотря на отменную фундированность даже не снабженной списком использованной литературы.[5] Естественно, именно советская монография (докторская разработка) выделяется жестким марксистским схематизмом: базис – производственные отношения – надстройка. При этом недостатки подлинно научной информации[6] подменялись логикой стереотипной схемы, при соблюдении которой Фракия рассматривалась как страна с ретроградным, недоразвитым по сравнению с античным полисным миром обществом, сохранявшим древнейшие родовые начала. При этом советский этнолог, наряду с болгарскими фракологами, приходит к нелогичному выводу о высоком уровне земледелия у южных фракийцев, даже якобы высокотоварного. Чем же тогда объяснять явную экономическую слабость фракийских племен по сравнению с полисным обществом греков?

Утверждения руководителя болгарских фракологов А. Фола в последнем издании учебного пособия по фракологии просто вызывают недоумение. Сформировавшееся еще в начале неолита (Караново I) фракийское земледелие в энеолите якобы достигло высокого уровня благодаря использованию водохранилищ и разливов полноводных рек, производя в достатке для населения пшеницу, ячмень, вику, бобовые растения и виноград.[7] А в эпохи средней и поздней бронзы будто бы благодаря успехам бронзолитейщиков наметились подвижки к интенсивному земледелию при возделывании тех же культур, а именно полбы одно- (в болгарском оригинале стоит едро-, т.е. «крупно» – явная невнимательность или опечатка) и двузернянки, ячменя, вики, бобовых и винограда.[8] Последователь А. Фола, Калин Порожанов уделил некоторое внимание вопросу об уровне развития древнефракий-

ского земледелия.[9] Он замечает, что в энеолите кое-где в будущей Фракии земледелие рано возобладало над прочими способами добычи пищи (объект у с. Голямо Делчево, Камчийска Стара планина[10]), однако иногда еще уступало скотоводству и охоте (селище у с.Виница, Шуменско[11]). Раскопки раннебронзового селища у с. Эзеро, Новозагорско, якобы продемонстрировали, по утверждению К. Порожанова, примерную равноценность земледелия и скотоводства,[12] тогда как Р. Георгиева осталась убеждена в превалировании там земледелия над скотоводством с этого раннего времени и позднее.[13] Опытнейший полевой археолог Б. Д. Борисов, проанализировав материалы с разновременных памятников в центральной части Верхнефракийской низменности, пришел к выводу о непременном превалировании скотоводства в полустепной части района в отличие от местностей с близостью воды, где аналогично с раннебронзовой эпохи возобладало земледелие – обе тенденции работали даже в римское время.[14] Что касается разновидностей преобладавших злаковых на полях Фракии в неолите и энеолите, то подтверждаются приоритеты пленчатых пшениц-полб (одно- и двузернянки-эммера – Triticum monococcum и Triticum dicoccum) и ячменей, при этом голозерные пшеницы представлены, но предельно скромно.[15]

О фракийцах эпох поздней бронзы и раннего железного века опорной является информация Гомера о возделывании пшеницы и ячменя,[16] не упуская принципиальной оговорки, впрочем, что гарантией урожайности являлись дожди.[17] Таким образом, еще Гомеру было ясно, что фракийское земледелие было богарным. Кстати, К. Порожанов также справедливо замечает, что античные авторы информируют почти однозначно о южной части Фракии, то есть о северном побережье Эгеиды. Среди злаковых у фракийцев болгарский историк выделяет полбу, пшеницу и ячмень,[18] объявляя их при этом экстенсивными культурами (на контрасте со странами так называемого «Древнего Востока») в отличие от якобы интенсивных винограда,[19] овощей и бобовых. К. Порожанов осторожно считает земледелие ранних фракийцев сравнительно низкотоварным и, таким образом, по причине слабой доходно сти оно весьма слабо могло влиять на процесс социально-экономического расслоения общества.

Однако это лишь первая робкая попытка расстаться с заблуждением о весьма высокой продуктивности фракийской агрикультуры. Т. Д. Златковская была близка к правильному осознанию сведений античных авторов, но ей, к сожалению, явно не хватило знаний о зерновых культурах. Демосфен в своей речи о положении дел на Херсонесе Фракийском (Chers. VIII, 45) прямо говорит о фракийских зимних ямах-погребах с полбой и просом. Фракийское зерно упоминалось Псевдо-Аристотелем (Oekonom., II, 1351 A), Фронтином (III, 15, 5) и Теофрастом (De caus. plant., IV, 2, 5), причем последний, один из основоположников научной ботаники, заметил характерные особенности условий вегетации: «Фракийское зерно имеет много шелухи и поздно прорастает. Причина того и другого – холода. И поэтому фракийское зерно, даже посеянное рано в другом месте, прорастает и вызревает позднее и наоборот: зерно, принесенное из другого места и там посеянное, поздно прорастает». Речь будто бы шла о фракийской пшенице, однако, французский исследователь О. Жарде, акцентируя на использовании Теофрастом определения ρολυχίτων, предположил, что речь шла не о пшенице (голозерной, как обыкновенно воспринимают это слово), а о зерновых культурах с твердой оболочкой типа проса или полбы.[20] Плиний Старший (Nat. Hist., XVIII, 69) конкретно называл, возможно в традиции Теофраста, фракийские злаки со многими оболочками (plurimis tunicis vestitur) пшеницей. Бесспорно, речь шла о пленчатых пшеницах-полбах. Замечу также, что фракологи без обиняков отбрасывают информацию Помпония Мелы (Pomp. Mela. De chronograph., II, 2) о суровости климата глубинной Фракии по сравнению с ее приморской частью (Северная Эгеида), холодах и слабом плодородии почв, что вело к затрудненной и поздней вегетации, и даже плодовых деревьев было мало.[21] Надол-

го установились давние выводы Хр. Данова, смысл которых сводился к доказательствам высокой товарности фракийского земледелия.[22] Маститый балканист призывал не доверять сведениям Демосфена, склонного к информационным спекуляциям в политических целях. Извинить его может тот важнейший момент, что ко времени выхода сборника «Античное общество» (М., 1967) палеоботаника еще не подтвердила наблюдений Теофраста, Псевдо-Аристотеля и Плиния Старшего. Хр. Данов отринул утверждения о возделывании фракийцами лишь низших видов пшеницы.[23] Собранная им информация о плодородии фракийских земель касается исключительно приэгейских территорий, где землю обычно возделывало вовсе не реликтовое население. Нелишне вспомнить информацию Аппиана (Bel. civ., 426-427) о ситуации на мысе Серион близ устья Хеброса (нын. Марица): «даже при наличии плодородной почвы в древнее время не был населен, поскольку фракийцы не были мореплавателями и не спускались на побережье, опасаясь вторжения со стороны моря. Халкидяне и другие эллины, которые были мореплавателями, его заняли и привели к расцвету с помощью торговли и земледелия. Фракийцы были довольны совершавшимся там обменом сезонных продуктов, пока в конце концов Филипп, сын Аминты, изгнал халкидян и прочих греков и там уже больше ничего не оставалось кроме руин храмов».

Следует подчеркнуть, что картина палеоботанических исследований на древних фракийских землях доныне выглядит более чем странно. К глубокому сожалению, анализ палеоботанических материалов, конкретнее по культурным растениям и, прежде всего, зерновым, по южнофракийским территориям выглядит весьма своеобразно: для основных этапов праистории южной и центральной части Балканского полуострова наглядно формируется карта динамики распространения культурных растений, но данные по территории Болгарии дают реальные представления только до рубежа II-I тыс. до н.э. и затем лишь в средние века.[24] Таким образом, для земледелия исторических фракийцев оконтурилась ситуация ante quem – post quem.

На будущих фракийских землях еще в неолите распространились полба-двузернянка и шестирядный голозерный ячмень (в Крыму, например, возделывали пленчатый), в примеси с ними изредка представлены полба-однозернянка и голозерная мягкая пшеница. В энеолите – те же пленчатые пшеницы и многорядный голозерный ячмень, а мягкая пшеница специально не культивировалась. В эпоху бронзы картина существенно не изменилась, давно известное просо еще не вошло в систему. Стала известна конопля (свидетельствуют отпечатки ткани). Исследуемое уже много лет раннефракийское поселение (рубеж эпох поздней бронзы – раннего железа) на холме Небет-тепе в центре Пловдива демонстрирует доминирование полб – одно- и двузернянки над какими-то иными пшеницами и ячменем.

Скупая сводка по памятникам раннего средневековья убеждает, что иногда полба-однозернянка опережала по распространению мягкую пшеницу, но более частое и обыкновенно более позднее преобладание мягкой пшеницы сопровождалось посевами ячменя, ржи, овса.[25] В раннесредневековой Фракии возделывались известные еще с праисторических времен просо, чечевица и горох, выявлен наконец-то лен. Особо следует коснуться вопроса о распространении на южнофракийских землях гексаплоидных Triticum aestivo-compactum Schiem. и Triticum compactum Host., а также тетраплоида Triticum durum Desf., то есть сочетаний мягкой и карликовой, карликовой и твердой пшениц. Они были сравнительно редки, возделывались в неолите, изредка в эпоху бронзы и затем только в средние века. В нынешней Болгарии мягкая пшеница представлена 13 разновидностями для разных условий и почв. В старину мягкая пшеница встречалась там реже полбы, причем нередко попадалась в смеси с ячменем. Тем не менее, она засвидетельствована на 5 памятниках эпохи неолита, 8 – энеолита, 5 – бронзы и на средневековых тоже на пяти.[26]

Необходимо заметить, что зерно составляло необходимую часть пищевого ра-

циона даже у кочевников: например, завтрак многих номадов являл собой кашу или похлебку из толченого зерна. Так, у степных скифов возделывались ячмень и просо, которые активно применялись, помимо их собственного питания, и в качестве твердых кормов для скота.[27] В античном Крыму пленчатые одно- и двузернянка лишь в небольшой степени дополняли посевы голозерных пшениц, однако позднее и при решительном превалировании популяций голозерной пшеницы пленчатые полбы дожили на полуострове даже до 1920-х гг. Очень похоже, что полбу откровенно предпочитали скифы левобережья Днепра и именно они внедрили двузернянку в северной части Крыма.[28] Представляются интересными результаты анализа палеоботанических материалов с ряда меотских памятников Прикубанья.[29] Среди прочих злаковых решительно доминировало сочетание мягкой и карликовой пшениц – Triticum aestivo-compactum Schiem,часто попадалось просо, изредка Triticum dicoccum и Secale cereale (рожь, обычно считавшаяся у древних греков сорняком), на удивление редко попадается ячмень и единично – чечевица. Предположительно меоты выращивали мягкую пшеницу для перепродажи через Боспор в Грецию, а просо для себя и своего скота.

Весьма убедительна картина многовековой хозяйственной деятельности в пограничье древнегреческого и фракийского миров, исследованная раскопками в 1975-79 гг. под руководством Б. Хензеля на эталонном памятнике Кастанас в греческой Македонии в устье Вардара. Там на многослойном селище обнаружились 28 слоев и 9 горизонтов от времени ранней бронзы до II в. до н.э. Древнейшие жители Кастанаса выращивали ячмень и оба вида полбы (Triticum monococcum и Triticum dicoccum), что дополнялось местной триадой: просо – виноград – инжир. В позднебронзовую эпоху констатировано превалирование пшеницы над ячменем, что якобы обусловливалось возможностями торговли с микенским югом, однако при переходе к раннему железному веку в посевах решительно доминировал ячмень, за ним шли однозернянка и просо.[30]

Фракологи традиционно преувеличивали возможности древнего земледелия вследствие затянувшегося невнимания к сведениям палеоклиматологии, даже вполне доступная болгарским ученым книга В. Д. Блаватского[31] поначалу не вызвала заинтересованной реакции. Климат, между тем, со временем менялся и весьма значительно. Так, в течение VIII-IV вв. до н.э. в Средиземноморье было существенно прохладнее (в среднем круглогодично температура на три градуса ниже в течение всего субатлантического периода во второй половине или даже в последних трех четвертях I в. до н.э.) и влажнее, чем сейчас. Античная традиция повествует о сравнительно суровых зимах в VI-IV вв. до н.э., впечатливших греков. В период с конца IV до начала II вв. до н.э. температура постепенно поднялась, не достигнув, впрочем, нынешних показателей, а влажность при этом упала до уровня ниже сегодняшнего времени. Сухое жаркое лето в I в. до н.э. сопровождалось зимними холодами, что вызывало серьезные затруднения в ведении сельского хозяйства и прежде всего земледелия.[32] Упоминавшееся сообщение Помпония Мелы (II, 2, 2) о неблагоприятности для земледелия условий глубинной Фракии относится как раз к середине этого столетия. Если вести речь об условиях Фракии более раннего времени, то вспоминается рассказ о походе туда на рубеже V-IV вв. до н.э. греческой армии под руководством Ксенофонта (Anab. VII, 4, 3), когда при попытках снабдиться на зимнем марше вином у окрестных финов было замечено, что оно замерзало прямо в сосудах.

Болгарские фракологи определились, наконец, что в древности лишь южные оконечности Фракии располагались в зоне субтропиков, все прочие ее части обладали умеренно континентальным климатом. После похолодания к концу II тыс. до н.э. в XII-IX вв. до н.э. наступил сухой и теплый период, после чего в середине IX-VIII вв. до н.э. снова пришли холод и влага. В VII-VI вв. до н.э. опять пришло потепление, но с начала V и до I вв. до н.э. участились дожди и холод.[33] Климат

при этом признается суровее нынешнего с преобладанием в году холодных месяцев. Действительно, флора и фауна мало изменились со времени голоцена,[34] однако колебания климата не могли не отразиться на ассортименте базовых культур земледелия. В VII-III тысячелетиях до н.э. на землях будущей Фракии возделывались более всего пшеницы и ячмень, а кроме них рожь, просо и овес. С эпохи неолита до бронзы доминировали полба (одно- и двузернянка) и ячмень в нескольких разновидностях. Лишь с эпохи бронзы появился овес, подобно ржи еще очень редкий. Просо распространяется с III тыс. до н.э., сразу потеснив редкие овес и рожь.[35] На рубеже II-I тыс. до н.э. находки на Небеттепе и с.Разкопаница, Пловдивско; с.Стырмен, Русенско; с.Есеница, Варненско, и др. убеждают в превалировании голозерного и многорядного пленчатого ячменя, а также обеих разновидностей полбы.[36] Теофраст (De caus. plant. IV, 11, 5) описал многочешуйную пшеницу, которая из-за холода никла и зрела поздно. Плиний Старший (Nat. Hist. XVIII, 7, 70) упомянул о раннезреющей пшенице, возделывавшейся вдоль русла реки Хеброс (нын. Марица), однако тяжелой и отделяющей много отрубей.[37] Аристотель (De mirab. auscult. 116) писал об особом ячмене на землях племен медов и синтов в Юго-Западной Фракии, пригодном для людей, но не для животных.

Обстоятельные наблюдения Ю.А. Краснова[38] убеждают, что полбы менее прихотливы, нежели голозерные пшеницы, ячмень же от всходов до колошения обладает коротким вегетационным периодом (38-45 дней), выдерживая самый суровый климат, но требуя при этом плодородной и хорошо возделанной почвы.[39] Даже черноземная Добруджа, ныне хлебородная житница Болгарии, в древности была населена знаменитыми конеборцами гетами, которых греки были склонны воспринимать, во всяком случае значительную их часть, как подвижных скотоводов. Кстати, возделывались в Добрудже те же полбы[40]для обеспечения гетов привычными для них кашами. Замечу, кстати, что декларированная земледельческая специализация гетов к северу от Дуная[41] не представляется вполне доказанной. Превалирование ячменя и полб у исторических фракийцев в традиции возделывания зерновых с раннего неолита может рассматриваться как важный аргумент в пользу глобального заключения об отсутствии в доримской Фракии высокотоварного земледелия в частности и даже элементов рыночной экономики вообще. Недавнее открытие независимого эллинского эмпория Пистирос в глубине южнофракийских территорий значимо и констатацией ситуации, когда эмпоритам в пользование предоставлялись клеры для возделывания и пастбища.[42]

Конечно, фракийцы как соседи греков наблюдали пристальный интерес тех к производству и поставкам зерна. Сохранились скудные сведения о попытках одрисских царей участвовать в хлеботорговле. Известно любопытное сведение Псевдо-Аристотеля (Oeconom. 1351 A 18-32), согласно которому по совету своего зятя Ификрата Котис I для сбора средств на наемников якобы приказал подвластным ему засеять для него сверх обычного по три медимна зерна, дабы собранное с этих делянок затем продать. По утверждению Н. Неделчева[43], три медимна зерна (один медимн являлся основной эллинской мерой сыпучих тел – порядка 52,5 литра, такое количество зерна весило до 40 кг) высевалось на трех декарах земли и это даже при низкой урожайности давало будто бы урожай в полтора центнера. Единственный исследователь, который прежде решился определить урожайность фракийских полей, был Ив. Венедиков, назвавший у финов на юго-востоке Фракии без всяких расчетов и аргументов 10 центнеров с гектара.[44] Однако пассаж Страбона (Geogr. VII, 4, 6) о приличной урожайности плодородных равнин Таврики (Крыма) допускает сбор порядка одной тысячи литров зерна (менее восьми центнеров) с гектара пашни.[45] О нормах количества зерна для посева все-таки следует ориентироваться на указание Плиния Старшего (Nat. Hist. XVIII, 198-199), рекомендовавшего готовить по 5 модиев пшеницы или 6 модиев ячменя на один югер земли, то есть на один гектар высевались 3-3,5 медимна пшеницы или 4 медимна ячменя (норма по Цицерону

близ Леонтин). У северопонтийских земледельцев урожайность не превышала сам-6 или 7, а ячменя – сам-5 (то и другое приблизительно по 10 ц с га). Согласно Колумелле (De re rust. III, 3, 4) обычная урожайность в Италии не превосходила сам-4, в то время как на плодороднейшей Сицилии могла равняться сам-12 и даже 15! В. Д. Блаватский вычислил примерную норму участка на одного пахаря на Боспоре в 6,3 га по раскладке свидетельства Колумеллы (De re rust. II, 12, 7).[46] В. И. Кузищин[47] заключил, что римский раб благодаря кооперации мог обрабатывать до 14-17 югеров (от 3,5 до 6 га) под зерновое поле, тогда как семья свободного крестьянина возделывала от 4 до 14 югеров (1- 3,5 га). Таким образом, свободной фракийской общине предписывалось возделать для своего верховного правителя дополнительно как минимум по 1 га пашни.

В качестве возможных этнографических параллелей возможно привлечение материалов о коренном населении Кузбасса.[48] Телеуты составляли только два хозяйственно-культурных типа – кочевые скотоводы горно-степной зоны и пешие охотники притаежной зоны. В 1912-14 гг. царское правительство принуждало на каждого из их мужчин обрабатывать обязательный надел в 1,5 га для гарантированного пропитания и насаждения навыков культурного земледелия.[49] Если взять для сравнения с древними фракийцами цифры урожайности зерновых, то вполне подходит статистика Тоштагольского района: с 1 га в 1940 г. – 10,7 ц, в 1950 г. – 6,7 ц, в 1955 г. – 5,6 ц, в 1959 г. – 7,9 ц. Любопытно, что при включении в орбиту экономики Российской империи аборигены Кузбасса расстались с ремесленным производством железа, придомное скотоводство сокращалось, а мотыжное земледелие сменилось огородничеством. Оставались лишь охота и лесные промыслы, рыболовство и ткачество из конопли – кроме меда и кедровых орехов практически все лишь для собственного пользования, вне обмена и рынка. Аналогично включение фракийских территорий в систему сформировавшегося в античном мире рынка потребовало посильного усвоения важнейших греческих и позднее римских технологий, вынуждая при этом древнее коренное население утратить в значительной степени свой самобытный этнокультурный облик.

Следует добавить, что Н. Неделчев считает факт из одной из «стратегем» Полиена (VII, 32) дублетом информации Псевдо-Аристотеля, только лишь вместо трех медимнов предполагалось засеять пять. Между тем еще Хр. Данов[50] четко расчленил свидетельства Псевдо-Аристотеля и Полиена: соответственно Ификрат посоветовал Котису засевать по три медимна, а юпарх (ὑπαρχος) Севт предложил одному из преемников Котиса – Керсоблепту приказать всем крестьянам сеять дополнительно уже по пять медимнов. Вероятно, у Одрисов наметилась было традиция включения в рыночную систему классического античного мира, пресеченная, однако, вторжениями войск Филиппа II.

И все же при этом не следовало бы преувеличивать мнимые потенции фракийского земледелия. Прибрежная Фракия была, конечно, плодородной. Живший в III в. до н.э. Аполлоний Родосский в своей поэме «Аргонавтика» (I, 580-630, 793-826) устами царицы Хипсипилы в рассказе Ясону помянул «заснеженную пахотную землю Фракии». Подтверждались давние утверждения Гомера, для которого Фракия была толстопочвенной и матерью овец. Во Фракии Одиссей со спутниками сошли на берег, пили много вина, заклали много овец и быков (Hom. Il. XI, 22), после захватили много женщин и добычи. Гомеру и будущая македонская Пиерия показалась прекрасной, а Пеония – толстопочвенной. Похоже, что в его представлении квалифицированное земледелие могло успешно дополнять хорошо развитое скотоводство.[51] К тому же вспоминается сакраментальное заключение Геродота (V, 6) будто у фракийцев «возделывать землю было самым позорным делом». Платон (De leg. 885) заметил, что фракийцы по образцу многих варварских племен применяли своих многочисленных жен при обработке земли, для охраны и надзора за скотом, а также в качестве прислуги – почти как эллины использовали рабов. Мужским де-

лом было воевать и грабить в традиции отсталых и скотоводческих обществ, как то заметили для фракийцев все трое великих классических греческих историков. Явно неразвитые ремесла и сельское хозяйство приводили к эксплуатации в производственной деятельности женщин и младших членов семей.[52]

Интересная ситуация складывалась близ классического Византия. Еще Полибий (IV, 45) заметил о жителях полиса: «Они владеют очень богатой землей и, когда обрабатывают ее, она дает им изобильные и богатые урожаи». Позднее Цицерон в своей речи против Пизона (In Pis.. 35) невольно засвидетельствовал высокую хлебородность Эгейской Фракии вообще и земель близ Византия в частности. Именно в Византии спартанский наварх Анаксибий заявил представлявшему наемное войско Ксенофонту (Anab. VII, 1, 13): «Еду найдете во фракийских селах. Там много ячменя, пшеницы и других припасов». То же самое наемникам обещал авантюрист Койратад, посуливший им выгодный рейд во фракийскую Дельту близ Византия (Xen. Anab. VII, 1, 33-41) ради той же « большой добычи». Ксенофонт неоднократно обсуждал с нанявшим его Севтом возможность снабдиться продовольствием во фракийских селах (Xen. Anab. VII, 3, 5 et 9). Ив. Венедиков[53] подсчитал, что 6 тысяч греков в 10,5 км и еще 12 часах пешего марша от проливов в селах финов за более чем месяц съели порядка 180 т. зерна в качестве хлебного довольствия, причем прежде всего ячменя. Помимо пшеницы-полбы и ячменя фракийцы возделывали и другие, менее значимые злаковые культуры. Так, в северной части Фракии производилась βριζα – это местное название донес знаменитый римский медик Гален (De alim. facult. I, 113) и оно могло означать считавшуюся у греков сорняком рожь.[54] Упомянутое в сердцах Демосфеном фракийское просо местами оказывалось базовой культурой – Ксенофонт (Anab. VII, 5) писал о «просоедах»-мелинофагах в горах Странджи, причем наемники презрели это сомнительное с их точки зрения угощение даже в сравнении с ячменем. Атеней (IV, 131a) донес ироническое замечание комика Анаксандрида о женитьбе афинского стратега Ификрата на дочери Котиса I – при этом приданое фракийской принцессы якобы составили «два табуна буланых[55] лошадей, стадо коз, подземное хранилище с луком и пифос проса». Действительно, просо – Panicum miliaceum L. распространилось у фракийцев с эпохи бронзы. Еще палеоботаники заметили окультивированный когда-то в эпоху бронзы прежний засоритель посевов полбы-двузернянки овес – Avena sativa. В разряде технических культур во Фракии возделывались лен и конопля. Лен (Linum) изредка был представлен на Балканах в отличие от стран Ближнего Востока, где он наряду с пшеницей и ячменем составлял классическую земледельческую триаду (на Балканах в аналогичной триаде его замещали бобовые культуры).[56] Среди дикорастущих травянистых растений во Фракии замечены и коноплевые (Cannabaceae). Для греков сбор конопли казался делом довольно странным – так, Геродот (IV, 74) в своем описании Скифии заметил интерес скифов и фракийцев к использованию конопли (Cannabis sativa): «В скифской земле растет конопля, которая очень похожа на лен не только по высоте, но и по толщине стебля. В этом отношении конопля далеко превосходит лен. Она растет как дикое растение, хотя ее можно и сеять. Из нее фракийцы делают одежду, которая очень похожа на льняную, так что тот, кто не распознает их, с трудом распознает изо льна материя или из конопли. Кто никогда не видел коноплю, принимает материю за льняную».

В Эгейской Фракии имелись прекрасные условия для развития виноградарства и еще Гомер (Il. IX, 65-75; Od. IX, 196-211) отмечал наличие совершенного виноделия на южнофракийском побережье, называя вино киконов черным, сладким и благоуханным. Позднее Фукидид (IV, 84-88) отметил ужас населения полиса Аканфа перед лицом вероятной потери урожая винограда, аналогично и жителей Стагиры. О сладких видах вина писал Атеней (I, 31 a), уточняя при этом, что знаменитое библинское вино производилось в районе Ойсиме в Юго-Западной Фракии. Правда, описываемые им же способы приготовления и ароматизации вин типа добавок мор-

ской воды, или мучной смеси на меду, либо незрелых ягод вызывают сейчас некоторые сомнения.[57] Отряд Ксенофонта (Anab. VII, 4, 3) во время зимнего похода снабжался вином у финов, причем оно даже замерзало в таре. Позднейший лексикограф Гесихий привел фракийское слово ζειλα для обозначения вина, все фракийцы, кроме немногих горцев[58] пить вино любили,[59] не смешивая его с водой на эллинский лад, и пьянство их было пословичным, однако, как правило, не от собственной продукции. Ксенофонт (Anab. VII, 3) и Платон (De leg., 637) описали колоритный фракийский обычай выливать на себя капли вина, оставшиеся после возлияния. Помимо чествования гостей и хозяина по случаю приема, обряда братания, поминок и погребения пили еще за плодородие, отчасти воспринимая капли вина как кровь.[60] Кроме увлечения винопитием фракийцы практиковали знакомство со злаковыми напитками: βρυτον и παραβιη. Приготовленный из ячменя британ именовался еще ячменным вином, тогда как парабия производилась из проса с добавками ароматических трав.[61] Разновидность пива британ потреблялась фракийцами из сосудов, в которых оно зрело.[62] Если в соседней Иллирии приготовляли напитки из меда (Arist. De mirab. auscult., 22), то во Фракии это тоже было естественно. Возможно, фракийцы применяли кикеон (κυκεον) – применявшееся мистами во время религиозных празднеств галлюциногенное питье.[63] Для изготовления его использовали ячмень, свежую мяту и растворенный в воде мед.

Кстати о меде – единственном в древности сладком продукте. По утверждению Полибия (IV, 38) земли близ уже упоминавшегося Византия славились своими медом и воском. Согласно Страбону (VII, 3, 3), некоторые придунайские мезы питались из благочестия сугубо медом, молоком и сыром. Аристотель (De mirab. auscult., 19) различал фракийский мед от лидийского по плотности и виду. О способах добычи и его применении данные отсутствуют, однако бортничество до недавнего времени наблюдалось в Родопах.

Казалось бы, во Фракии имелись условия и для садоводства[64] – по Теофрасту там произрастали в диком состоянии: инжир, грецкий орех, каштан, кизил, черешня, яблоня, груша. Теофраст (Hist. plant. III, 3, 1-2) заметил при этом: «Все растения, которые общие для гор и равнин, на равнинах бывают больше размером и более привлекательные внешне, однако горные разновидности более качественны при использовании их стволов и плодов. В подобном сравнении исключение составляют лишь груша и яблоня. На равнине они имеют не только качественные плоды, но и хорошо развитый ствол, тогда как в горах они мелки, терпкие на вкус и покрыты колючками». По поводу дикого кизила Теофраст пишет о его реальном потреблении.[65] Еще он (Theophr. Hist. plant. IV, 5, 1-2) упомянул каштан, однако речь явно шла о несъедобном конском каштане. Наконец-таки среди съедобных растений преемник Аристотеля (Hist. plant. IV, 9, 1) назвал водный орех,[66] столь популярный в наших среднерусских лесах в эпоху неолита. Похоже, что специальных садов у фракийцев не было: Помпоний Мела (II, 2, 16-18) – «Плодоносные деревья редки»; Овидий (Ep. 3, 10) – «Страна не ведает плодов…», но речь, правда, идет о районе Том; он же (Ep. 1, 3, 54-56), – «Здесь почва не рождает ни фруктов, ни сладкого винограда» и «Куда не посмотришь, всюду простираются поля, нетронутые человеческой рукой, и пустая земля, которой никто не ищет» – хотя Овидий и явно преувеличивал.

Посевы ячменя и полб дополнялись у фракийцев бобовыми культурами, причем прежде всего черными бобами, которые нынешние болгары называют «бакла». Теофраст (Hist. plant. VIII, 9, 1) писал о бакле в Филиппах, иссушенной на тамошнем ветру и потому неподатливой при варке. Если Котис I действительно дал за дочерью в приданое кроме прочего склад с луком длиной 12 локтей, то есть примерно 5,5 м (Athen. IV, 131a), то репчатый лук потреблялся фракийцами в изрядном количестве (Demost. VIII, 43-45). Видимо, имелся в достатке и чеснок, если уж Аристофан (Acharn. 160-172) помянул вонявших чесноком одомантов. Палеоботаники до-

бавляют горох (Pisum sativum L.) и чечевицу (Lens esculenta).[67]

В древности вдоль всего Эгейского побережья от Халкидики до Босфора бытовала маслина. Теофраст (Hist. plant. IV, 14. 12) замечал: «Иногда маслиновые деревья, хотя и с выгоревшими и иссохшими листьями, снова прорастали, прежде чем их удалят. Это часто случается в некоторых местах, как и в Филиппах». Трудно понять, что имел в виду Павсаний (X, 13. 1-3) при описании охоты на зубров у западных фракийцев-медов и пеонов с помощью смазанных «древесным маслом» перед ямами-ловушками. Так или иначе, во внутреннюю Фракию оливковое масло могло поступать только с более южных территорий, где произрастали маслины.[68] Даже соль поступала в долину Струмы (др. Стримон) экспортом из Эллады (Tit. Liv., 45, 29). Распространенный в античности уксус, прямо связанный своим происхождением с винопроизводством, мог поступать к фракийцам параллельно с вином.

Как оказалось, не только Родос славился своими розами, и фракийцы, задолго до освоения розопроизводства в Казанлыкской долине в Болгарии поры османского владычества могли на Эгейском побережье ими пользоваться. Теофраст (Hist. plant. VI, 6, 4) конкретизировал: «Говорят, что есть розы, которые называются столистными. Этих роз особенно много возле Филипп. Жители этого города берут их у Пангея и потом высаживают. Внутренние их листочки очень мелкие. Этот вид розы не благоуханный и не крупный».

Наряду с Македонией Фракия славилась в древности лесами,[69] что позволяло заниматься лесными промыслами. Следует выделить информацию Теофраста (Hist. plant. III, 3, 1-2 и 9, 2 – о Македонии; V , 4, 5, 1-2 – севернее, на фракийских землях). Геродот (VII, 111) писал о лесном святилище сатров в Родопах. Фукидид (II, 98) помянул леса в горах Керкине где-то возле Струмы. Аппиан (Bel. civ. IV, 431-432) описал проникновение войск Кассия и Брута через лесистые Сапейские горы с помощью одного из фракийских царевичей – это было где-то от гор Пеперуда до гор Арда. Тит Ливий (XXX, 40) писал о лесах между Кипселой и низовьями Марицы (др. Хеброс).

И все-таки главным в хозяйственной деятельности фракийцев было иное дело, причем явно не земледелие, как то в магистральной традиции фракологии утверждает украинский балканист А. П. Мартемьянов.[70]

В качестве добычи после удачных для себя столкновений с финами наемники заполучили 1 тысячу рабов, 2 тысячи быков и 10 тысяч овец (Xen. Anab. VII, 3, 48), а позднее в качестве расчета Севт предоставил им вместо обещанных за месяц 30 талантов металлом всего один талант, но еще 600 быков, 4 тысячи овец и 120 рабов (Xen. Anab. VII, 7, 53).[71] Скот и являлся основным богатством фракийцев, тогда как зерно – лишь весомой добавкой в пищевой рацион. Вместе с тем нельзя не согласиться с авторами «Этнологии фракийцев», что у древних балканцев, как даже и у классических номадов – степных скифов растительная пища решительно преобладала над мясной.[72] Как и скифы, фракийцы могли выбраковывать свои стада и активно питаться мясом главным образом осенью и зимой. А греческое войско пришло на помощь Севту именно зимой. Между тем, традиционные для фракийских земель эпох энеолита и бронзы ямы-зернохранилища в жилищах и возле них в I тыс. до н.э. встречаются гораздо реже. Вместо вероятных очень древних корзин, обмазанных глиной и потому не сохраняющихся, использовали пифосы (долии). Специальные амбары, как и тайные скальные погреба-сиросы типа упомянутого Анаксандридом,[73] пока археологически не выявлены.[74] И все же при явном отсутствии высокотоварного земледелия признаком материального благополучия было обладание большим количеством скота, а престижно значимых материальных ценностей у рядовых фракийцев-общинников было очень мало – вот почему Севт не имел шансов рассчитаться с наемниками обещанными металлическими деньгами и обман предполагался с самих обещаний, Ксенофонт это осознал вполне, но было уже поздно. На его глазах одрисский парадинаст практиковал заменявшее элементар-

ное для любой государственности налогообложение полюдье, причем пир с участием Ксенофонта и группы избранных командиров являлся проявлением примитивного «кормления» – *догосударственной* формы эксплуатации подвластного населения. Странно, что бывалый и наблюдательный греческий военачальник так просто поверил посулам варварского вождя, сам наблюдая специфику образа жизни южных фракийцев.

Болгарские фракологи упорно склонны видеть у своих древних предков свои самобытные города, государственность и даже цивилизацию. Так, Д. Николов, ранее призывавший близ курганных групп фракийцев искать остатки резиденций местной аристократии в центре принадлежавших ей латифундий, недавно попытался максимально «удревнить» фракийские «города», воспринимая как города древнейшие открытые археологами городища.[75] О фракийских протогородах и о подобии государственности автор этих строк уже высказывался,[76] продолженный поиск приводит к еще более скептичным выводам.

Система «престижной» экономики предполагала массовые пиры и раздачи (Ксенофонт участвовал в таком «перераспределении» на пиру). В отличие от земледельческих цивилизаций источниками обогащения фракийской элиты являлись не редистрибуция и налогообложение. Ментальность и система ценностей древних балканцев соответствовали представлениям обычных скотоводов, таких как скифы или хунну.[77] Изначально концентрация богатств скотом была лимитирована экологией. Скотоводы были склонны добывать себе продукты земледелия и ремесел оружием, для чего сплачивались и были ориентированы на внешние доходы. Именно это объясняет постоянные наскоки и прессинг на соседние фракийцам греческие колонии по берегам морей, открытый в центре южнофракийских территорий эмпорий Пистирос охранял свою целостность официальным договором с местной элитой под патронатом одрисского царя.[78] Добыча являлась доходом для обычного скотовода, будучи более желанной, нежели представителю племенной верхушки. По этой причине греки апеллировали к фракийской элите в моменты осложнений. А сама элита довольствовалась особым способом эксплуатации колонистов – данничеством.

В то время как у оседло-земледельческих прото- и ранних государств были очень важными управленческо-редистрибутивные функции, скотоводческая элита себя этим не утруждала. Исключения составили рассмотренные эпизоды с Котисом I и его преемником о посеве для них каждой фракийской общиной лишних 3 или 5 медимнов зерна, что в идеале вынуждало дополнительно засевать лишний гектар пашни. Для отдельной семьи это было бы слишком много, а для общины, сохранявшейся у южных фракийцев даже в провинциях Римской империи, вполне посильно. Геродот (V, 6) воспроизвел характерную черту ментальности фракийских племен – грабить, но не мирно трудиться.[79] Н. Н. Крадин заметил, что седентаризация и занятие земледелием являлись для истинных скотоводов следствием бедности. Скотоводство и рабство слабо совмещались у истинных скотоводов в отличие от ситуации у древних греков и римлян (так, легендарный Спартак активно использовал в своей армии пастухов, многие из которых до этого являлись рабами). Компактная масса скотоводов (степных скифов, например, чьи курганы исследованы тысячами) содержала весьма скромный процент бедноты – 6-8%. Отношения между верхушкой и рядовыми общинниками у скотоводов были особо ритуализированными. Вообще экономика ранних «государств» была не столько «политической», сколько «моральной» – поэтому были важны ритуальные церемонии и сакральная деятельность правителя (фракологи находят это и у Одрисов, хотя, похоже, чрезмерно превозносятся религиозные установки и полномочия фракийской знати[80]).

Основой доходов Одрисов, как и шанъюев хунну, были поступления извне. Одрисская держава являлась имперской конфедерацией, слабейшей частью политического механизма которой являлась связь между племенной верхушкой и наместниками из центра (наемники Ксенофонта оказались вовлечены в процесс насильствен-

ного восстановления такой связи и сам бывалый эллин оказался обескуражен превращением разбитых и подчиненных финов в «друзей» Одриса Севта). Институт «престижной» экономики предполагал наделение подарками племенных вождей, эта церемония и означала наделение также частью харизмы. Так, правители гетов и трибаллов получали часть сакральных сокровищ Одрисов, и те в результате попали в гробницы этих правителей. Взаимообмен подарками, с трудом воспринимавшийся Ксенофонтом на пиру у Севта, являл собой и средство надлокальной коммуникации. Сам вождь при этом олицетворял себя центром социума.

Как это убедительно продемонстрировал Ксенофонт, в «престижной» экономике у одрисов вместо товарно-денежных отношений действовали отношения личные. Манипулирование «дарами» больше напоминало у них реципрокцию, нежели редистрибуцию.

Если рассматривать основные предпосылки формирования ранней государственности – экологию, демографический оптимизм, рост прибавочного продукта, развитие ремесел, то экстенсивная экономика, как и у кочевников, не предусматривала сколько-нибудь легитимизированной иерархии. Емкость экологической зоны ограничивала сферу простого воспроизводства, и, если номады образца хунну или степных скифов приближались к опасности экологического стресса, то и фракийцы (трибаллы, например, упомянутые Диодором (Diod. XV. 36, 1-4) при описании их «голодного» похода массой до 30 тысяч человек на Абдеры в 376 г до н.э.) ощущали его в неменьшей степени. Античные эллины с некоторым удивлением информируют о склонности южных фракийцев и их соседей пеонов к полигамии, а также о любопытном обычае продавать в рабство[81] (надо полагать, своим южным соседям – грекам) своих детей. Кстати, семьи фракийцев бывали, все-таки, достаточно многолюдными, что доказывают данные археологии. Так, на месте цитадели Шумена в раннем железном веке (гальштате) располагалось фракийское поселение.[82] Эти фракийцы обитали в более чем скромных прямоугольных жилищах, в различной степени заглубленных в землю (полуземлянки решительно преобладали над землянками и постройками на поверхности). Утлые хижины плетнево-столбовой конструкции были обмазаны глиной и перекрыты соломой, на глинобитных полах выявлены глинобитные же печи или очаги. Из 14 исследованных жилищ с полностью зафиксированными размерами (площади полов и контуры стен со следами забитых колов) девять имели от 20 до 30 кв. м, а прочие пять приближались от 30 до 40 кв. м. И, таким образом, семьи гальштатских фракийцев достигали 6-7, а то и порядка 8 своих членов, при этом семьи располагались в солидном удалении одна от другой. При наличии в семьях пяти и более выживавших вскоре после рождения детей принято фиксировать демографический взрыв с последующими последствиями для окружающей среды. Прокормить такие семьи было непросто и при сравнительно малой производительности сельского хозяйства северных соседей эллинов, и те уже в свой одрисский период, практически параллельный классической эпохе греческой античности, значительно уступали им демографически.

Если довериться заключению А. Фола о вероятности утроения численности населения Фракии в римский период, идя условно от 800 тысяч – 1 миллиона фракийцев времени Ситалка, то это можно связывать только с внедрением навыков принципиально новой, товарной экономики по сравнению с более жестко лимитированной экологией «престижной» (по образцу усредненного расчета оптимума по Н. Н. Крадину для номадов – 36 голов мелкого рогатого скота на одного человека при минимуме 19 голов). Урбанизм для такой экономики вообще практически невозможен. Археологами выявлены пока только два «царских» фракийских города Одрисов – Севтополь и Кабиле, причем в полностью раскопанном Севтополе при царской резиденции жили не более 40 семей – надо полагать это была и дружина-охрана, и подобие государственного аппарата. Для примера – молодому Чингису в его ставке поначалу хватало всего 26 человек. Палаточно-шатровую «ставку» гуннов

можно примерно представить, вспоминая чингисову «Ясу». Царскую же ставку Одрисов середины IV в. до н.э. описал Атеней (XII, 531-532), имея в виду Котиса I: «Он объезжал свою страну и там, где замечал места, тенистые и снабженные водой, сооружал постройки для пиров. И всякий раз, когда он вновь до них добирался, то приносил жертвы богам, общался со своими приближенными и чувствовал себя счастливым и довольным». Налицо система полюдья.

Только благоприятная экология позволяла скотоводам добиваться роста прибавочного продукта, определенного развития ремесел и ощутимого демографического роста, однако экстенсивная экономика не порождала «сколько-нибудь легитимизированной иерархии» и не способствовала созданию собственной государственности без импульсов извне. Вспоминается интересное наблюдение Тацита (Ann. III, 38) о руководстве ополчением горных фракийцев выборными полководцами, причем не отличавшимися знатностью. Другой пассаж Тацита (Ann. IV, 46) еще важнее для характеристики конфедеративного устройства южнофракийской «государственности»: будто фракийцы гор подчинялись царям лишь по желанию и посылали отряды со своими вождями лишь против своих соседей, римлян они пугали сопротивлением в неприступных горных крепостях.

И опять о похожести политического устройства обществ хунну и фракийцев: очень интересен тезис дальневосточного этнолога: «степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации», что вело к их системной позиции в качестве «полупериферии» для практики дистанционной эксплуатации. Военно-политическая мощь государств во главе со скотоводами зависела от таланта их лидеров, причем «общение» кочевников с земледельцами неизменно чередовало набеги и обмен. Базовая территория «варварской империи» являлась «метрополией» раннегосударственного объединения лишь по причине своего военного превосходства. При этом все необходимые «центру» и особо нескотоводческие ресурсы добывались посредством грабежей, войн и контрибуций, вымогания «подарков», неэквивалентной торговли, данничества и т. п. Именно это наблюдал Ксенофонт у одрисов по отношению к финам и другим подчиненным приморским племенам к востоку от базовой одрисской территории в бассейне о. Хеброс (нын. Марица). Среди признаков «кочевых» империй выделяется также система наследования власти ханским родом-кланом с институтом соправительства и участием совета знати-курултая. Интересно, что Одрисы во главе своего эфемерного «государства» являлись именно выросшим из своего племени правящим кланом. Это заметил Ксенофонт, как и то, что ведомое им 6-тысячное греческое войско два месяца служило будущему одрисскому правителю Севту II пока еще в бытность им парадинастом – первым эту «должность» заметил Фукидид (II, 97, 3).[83] Болгарский историк Н. Неделчев подметил, что Одрисское царство получило признание только благодаря военному дарованию правителя Тереса и завоеванию им сопредельных территорий, что и обозначило его как бы первым царем Одрисской династии и предположительную дату учрежденной им «государственности».[84] Позднейшая независимая «Одрисская» Фракия явно отличалась от ранней: любопытно, что среди трех восставших племен именно одрисы попытались уничтожить одного из последних «Одрисов», союзного римлянам (Tac. Ann. IV, 46-51).

Вымогание «подарков» напрямую было связано с угрозой набегов. Даже рядовые фракийские общинники были склонны грабить эллинских земледельцев и торговцев, которые были вынуждены обращаться за гарантиями безопасности к фракийской элите. Кратко описанный Фукидидом (II, 97-101) грандиозный (якобы участвовали до 150 тысяч фракийских воинов!) поход Одриса Ситалка через Пеонию в Македонию в 429 г. до н.э., совершившийся всего за месяц, более всего похож на набег с целью устрашения и уж никак не завоевание. Кроме захвата сравнительно скромных зимних запасов пеонов и македонян после восьмидневного пребывания на Халкидике Ситалк и его союзники не могли претендовать на большее с эко-

номической точки зрения, однако масштаб нашествия запомнился современникам. Спустя несколько лет акция Ситалка против фракийцев же трибаллов завершилась для него гибелью. Присоединить или подчинить Одрисам столь удаленные от их базовой территории области оказалось невозможным, собственная племенная верхушка пеонов, македонян и трибаллов возглавила сопротивление и пресекла честолюбивые политические амбиции Ситалка. Позже македонские Темениды Филипп II и Александр III сумели решительно превзойти Одрисов, создав первичный экономический потенциал разраставшейся Македонской державы захватом золотоносного Пангея и ежегодным выкачиванием оттуда до тысячи талантов золота вместо прежде добывавшихся былыми хозяевами эдонами восьмидесяти.[85]

Помимо военной добычи плюс к собственной хозяйственной деятельности доходы «ранних варваров» могли множиться и за счет налаженной торговли. В 1990 г. на третий год раскопок у с. Ветрен Пловдивской области Болгарии была найдена стела с текстом договора середины IV в. до н.э. на греческом языке. Жители располагавшегося там эмпория Пистирос оказались вынуждены документально узаконить условия своих отношений с верхушкой одрисской Фракии в лице одного из трех поделивших ее преемников (Аматока[86]) убитого в 359 г. до н.э. Котиса I. Начатый клятвой именем Диониса декрет сохранил ряд интересных положений.

«Если один из эмпоритов обвинит другого, то судиться им друг с другом у своих родственников, и если что-то задолжали эмпориты у фракийцев (παρά τοις κραιξ[ί]ν), то отмене этих долгов не бывать».

«Земля и пастбища, которые принадлежат эмпоритам (γην καί βοσκήν όσην έχουσιν έμποριται) – это не подлежит отнятию».

«Эпаулистов (έπαυλιστάς) не посылать к эмпоритам».

«Не назначать никакой гарнизон в Пистирос».

«Клеры пистиренцев не обменивать и не поручать другому лицу».

«Собственность эмпоритов не отнимать ни самому (правителю), ни его людям».

«Не взимать пошлины на дорогах, которые ведут к Маронее от Пистироса и от эмпориев или из Маронеи к Пистиросу и в Беланские эмпории прасенов».

«Эмпоритам открывать и закрывать повозки».

«Одновременно и как при Котисе: мужа маронейского (ни одного) ни повяжу, ни убью, ни лишу имущества, причем ни при жизни, ни после его смерти, и ни я сам и никто из моих людей» – это касается и аполлонийцев, и фасосцев.

Текст договора преемника Котиса I с жителями Пистироса прочтен и разобран болгарскими антиковедами,[87] при этом даже их предварительные комментарии содержат немало интересного. Может быть, действительно эмпорий Пистирос был основан в глубине фракийских земель в последней четверти V в. до н.э. И весьма важным является признание того факта, что в 336 г. до н.э. во время карательного похода армии Александра против трибаллов в одном из ущелий Хемуса македонян попытались задержать «множество эмпоритов и независимых фракийцев», как о том писал спустя века Флавий Арриан (Anab. I, 1, 6). Издатели переводов Арриана сошлись было в см., έμποριων являлось corruptela от έγχωρίων – «туземцев».[88] Арриан повествует, что горцы намеревались неожиданно спустить с круч на проходивших воинов Александра свои многочисленные повозки и безуспешно осуществили свою затею. Может, среди них были и упомянутые в тексте договора упряжки (acc . – τάς αμαξ[ας]) эмпоритов?

Слово «эпаулисты» без истолкования Г. Михайлов просто характеризовал как hapax,[89] а В. Велков и Л. Домарадска[90] сочли его производным от έπαυλος – «хлев, кошара, жилище» и ситуацию трактуют весьма своеобразно. Эсхил наблюдал фракийские села, оказавшись под командованием Кимона в 475 г. до н.э. в низовьях Струмы. В трагедии «Персы» (Aisch. Pers. 869) он так называет, возможно, неукрепленные селища фракийцев, состоявших из дворищ – с домами хозяев и хлевами для скота. И таким образом преемник Котиса якобы обязался эпаулистов к эмпоритам

не подселять, а просто «не посылать». Почему-то забылся выделенный Д. П. Димитровым ἐπαύλιος.[91] В раннеэллинистическую эпоху укрепленные поселения (κωμαι ἡ ἐπαύλια) отмечены в малоазийской Ионии, по данным Полибия (IV, 4, 1) эпаулион близ Мессены на Пелопоннесе был взят штурмом с применением лестниц. В общем, термин явно обозначал укрепленную виллу, служившую, при необходимости, и резиденцией. У одрисских царей резиденции долгое время замещали подобия малоазийских «башен» (πύργος или же τύρσις),[92] наблюдавшиеся Ксенофонтом и его товарищами. Полагаю, что в тексте договора эпаулистами названы обитатели царской «ставки», служившие и охраной, и функционерами примитивного одрисского «государственного аппарата». Среди гарантий полнейшей автономии эмпория Пистирос оговаривался и важнейший момент – невмешательство царской администрации во внутренние дела колонистов.

…Достаточно проблемным остается вопрос, когда же именно Одрисское «сложное вождество» уподобилось ранней государственности, граница между этими социально-политическими состояниями является зыбкой и не воспринимается однозначно. Так, в соответствии с инновационными теоретическими заключениями этнолога-востоковеда Н. Н. Крадина, Одрисская государственность вопреки утверждениям фракологов никак не может претендовать на такой статус – не более признания «высшего вождества», однажды оформившегося из нескольких «простых» (сохранявшихся конфедеративно внутри – даже при подчинении Одрисам племенные союзы трибаллов и гетов сохраняли собственную институцию «царской» власти). Аналогично номадам хунну южнофракийское племя одрисов сумело на месте эфемерной европейской сатрапии Ахеменидов Скудра возвыситься как своеобразный класс-этнос и оформить экзополитарную (ориентированную сугубо вовне) политию. Как то заметил, в частности, Ксенофонт, одрисская элита сама составила военный и гражданский аппарат, а рядовые одрисы – костяк войска. Аналогично гуннам и скифам у фракийцев наблюдалась нежесткая административная централизация, доминирование политики над экономикой, причем в порядке вещей редистрибуция затрагивала прежде всего внешние источники доходов – военную добычу, дань, торговые пошлины и подарки. Будучи слабо развитым экономически, такое общество являлось «спутником» классической античной цивилизации. Ранняя Одрисская держава в наибольшей степени походила не на раннюю государственность, а на суперсложное вождество по образцу ксенократического общества номадов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Mihailov G.* La Thrace et la Macedoine jusqu'a l'invasion des Celtes //Αρχαια Μακεδονια Ανακοινωσεις κατα το Πρωτον διεθνες συμποσιον εν Θεσσαλονικη 26–29 Αυγουστου 1968 Θεσσαλονικη, 1970. P. 76: "la Thrace que la Macédoine étaient des pays d'une culture primitive et devaient changer peu a peu leur physionome sous l'influence des colonies grecques…".
2. *Данов Хр*. Древна Тракия. София, 1969.
3. *Фол А.* Демографска и социална структура на древна Тракия. София, 1970; *Фол А*. Политическа история на траките. София, 1972.
4. З*латковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев. М., 1971.
5. *Михайлов Г*. Траките. София, 1972.
6. Основой экономической деятельности южных фракийцев Т. Д. Златковская (Возникновение государства у фракийцев. М., 1971. С. 30-31) сразу же определяет земледелие, при этом уже начальный пассаж выглядит предельно неуверенно: «Основу фракийской экономики интересующей нас эпохи составляло сельское хозяйство. К сожалению, эта отрасль хозяйства плохо освещена источниками, как письменными, так и археологическими. Поэтому многие стороны сельскохозяйственной дея-

тельности древних фракийцев либо остаются совсем нам неизвестными, либо могут быть реконструированы весьма предположительно на основании косвенных свидетельств».

7. *Фол А.* История на българските земи в древността до края на III в. пр. н. е. 2-е изд. София, 1997. С. 63-64.
8. Там же. С. 73.
9. *Порожанов К.* Общество и държавност у траките: средата на II – нач. на I хил. пр. Хр. София, 1998. С. 149-152; Тракийска древност: кратка енциклопедия. София, 1993. С. 113.
10. Селищната могила при Голямо Делчево (Разкопки и проучвания. Кн. 5). София, 1975. С. 74-75.
11. Виница. Енеолитно селище и некропол (Разкопки и проучвания. Кн. 6). София, 1976. С. 107.
12. Езеро. Раннобронзовото селище. София, 1979. С. 481.
13. *Георгиева Р.* Проучвания на желязната епоха в района на «Марица-Изток» //«Марица-Изток». Археологически проучвания. Т. 1.София, 1991. С. 92.
14. Б*орисов Б.* Състояние, проблеми и перспективи на археологическите проучвания в района на комплекса «Марица-Изток» //«Марица-Изток». Археологически проучвания. Т.1, София, 1991. С. 13.
15. *Попова Цв.* Палеоетноботанични изследвания от археологически обекти в Североизточна България //Археология. София, 1991. № 2. С. 49-53.
16. *Hom. Il.* XIV, 122-124; XX, 495; Hom. Od. IV, 761; V, 126, 488-489; VI, 7-10; VIII, 378, 560; XIII, 282-284; XIX, 111-112; XX, 105-109.
17. *Hom.* Od. IX, 357-358; XIII, 282-284.
18. Т. Д. Златковская (Возникновение государства у фракийцев. М., 1971. С. 34-35) при недостатке в то время подлинно научных данных о древнем земледелии допускала невероятные для нынешнего понимания утверждения: «Несмотря на отсутствие пока анализов древнего зерна из раннефракийских археологических комплексов, несомненно возделывание мягкой пшеницы (Triticum vulgare Vill.): вероятно, именно ее имеют в виду античные авторы, упоминая о пшенице. Эта культура была известна племенам, населявшим Фракию еще в эпоху энеолита и в бронзовом веке. Но, ве роятно, большее значение имела твердая пшеница – двузернянка, или эммер (Triticum dicoccum), более распространенная в древности на Балканском полуострове вообще и резко преобладающая в ранних археологических памятниках Болгарии. Пшеница-однозернянка (Triticum monococcum L.) – это полба, о которой с пренебрежением упоминал Демосфен».
19. Поскольку автору публикации довелось частично исследовать выявленную доныне крупнейшую в римской Фракии винодельню (см., *Винокуров Н. И., Крыкин С. М.* К вопросу о фракийском виноделии в первые века нашей эры //Этнографическое обозрение. 1999. № 6. С. 57-68), то следует признать новаторами в товарном производстве винограда и вина обосновавшихся там римлян. О виноградарстве и виноделии в доримский период у фракийцев неоспоримых археологических свидетельств пока, похоже, просто не имеется.
20. *Jardé A.* Les céréales dans l'antiquité grecque. Paris, 1925. P. 13, not. 10.
21. «Эта земля не благодатна ни своим климатом, ни почвами, которые за исключением приморских частей неплодородны и холодны. Посеянные растения здесь всходят весьма плохо. Фруктовые деревья редки, гораздо чаще попадаются виноградники, однако их ягоды дозревают и доходят только тогда, когда виноградари покрывают ее листвой, чтобы спасти от холодов». – *Златковская Т.Д.* Возникновение государства у фракийцев… С. 40: «…этот отзыв, несомненно, слишком суров и не отвечает действительному положению». Между тем, указана характерная традиция прикапывать лозу на зиму в традиции италийского виноградарства, в отличие от навыков эллинских крестьян. Информация Помпония Мелы без особых возраже-

ний принята лишь Ив. Венедиковым (Развитие на земеделието по българските земи /Съст. Ив. Венедиков. София, 1981. С. 66).

22. *Данов Хр*. К вопросу об экономике Фракии и ее черноморского и эгейского побережий в позднеклассическую и эллинистическую эпохи //Античное общество. М., 1967. С. 131-139.
23. Хотя практически тогда же для специалистов по истории сельского хозяйства это было очевидно – см., *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. С. 15-16.
24. См., *Лисицына Г. Н., Филипович Л. А.* Палеоботанические находки на Балканском полуострове //Studia Praehistorica 4. София, 1980. С. 5-90.
25. Там же. С. 49-52.
26. Там же. С. 11, 71.
27. *Гаврилюк Н. А.* Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989. С. 35-36.
28. *Николаенко Г. М., Марченко Л. В.* Антропогенное воздействие на природу в регионе Юго-Западного Крыма в IV-III вв. до н.э. //Северо-Западный Крым в античную эпоху Киев, 1994. С. 32.
29. *Лебедева Е. Ю.* Результаты исследований палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья //Боспорский сборник 5. М., 1994. С. 108-112.
30. В*аси Р.* Рец.: Helmut Kroll. Die Pflanzenfunde. Kastanas //Старинар. XXXVI. 1985. Београд, 1985. С. 242.
31. *Блаватский В. Д.* Природа и античное общество. М., 1976.
32. *Подгородецкий П. Д.* Природа Западного Крыма в античную эпоху //Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 17 и сл.
33. *Георгиева Р.* Храна и хранене (края на II-I хил. пр. н. е.) //*Георгиева Р., Спиридонов Т., Рехо М*. Етнология на траките. София, 1999. С. 72; *Ее же.* Тъкани и местно облекло (края на II-I хил. пр. н. е.) //Там же. С. 113; *Блаватский В. Д.* Природа и античное общество. М., 1976. С. 4; *Hughes J. D.* Land and Sea //Civilization of the Ancient Mediterranean Greece and Rome. Vol. 1. New York, 1988. P. 111.
34. Л*исицына Г. Н., Филипович Л. А*. Палеоботанические находки… С. 7.
35. Там же. С. 8-15.
36. Там же. С. 49-50; *Георгиева Р.* Храна и хранене… С. 73.
37. Ив. Венедиков (Развитието на земеделието по българските земи. София, 1981. С. 63) считал это сведение результатом селекции зерновых во Фракии от времени Теофраста.
38. См., *Краснов Ю.А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. С. 17-18 и сл.
39. *Лисицына Г. Н., Филипович Л. А.* Ук. соч., с. 14: «Ячмень в целом очень неприхотлив к почвенным и климатическим условиям, он выдерживает достаточно высокий процент засоления (средняя степень солевыносливости), но на хорошо дренируемых, плодородных, аллювиальных почвах, при достаточном увлажнении дает очень высокие урожаи». Поэтому ячмень часто превалировал над пшеницами, особенно гексаплоидными.
40. История на Добруджа. Т. I. София, 1984. С. 29.
41. См., *Никулицэ И. Т.* Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. Кишинев, 1987. С. 184 и сл.
42. См., *Велков В., Домарадска Л.* Котис I (383/2 –359) и емпорион Пистирос в Тракия. Приложение к кн.: Домарадски М. Трако-гръцки отношения (Емпорион Пистирос. Т. 1). Пазарджик, 1995. С. 75-87.
43. *Неделчев Н.* Към въпроса за аграрните отношения в предримска Тракия //Thracia Antiqua 8. София, 1982. С. 26; *Неделчев Н.* Thracia libera. Велико Търново, 1996. С. 46-47.
44. Развитие на земеделието по българските земи. София, 1981. С. 54.

45. См., *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 158-160.
46. Там же. С. 174 и сл.
47. *Кузищин В. И.* Нормы и степень эксплуатации труда сельскохозяйственных рабов в Италии II в. до н.э. – I в. н. э. (Проблема производительности рабского труда и ее эволюции) //Античное общество. М., 1967. С. 43.
48. См., Аборигены Кузбасса. Кемерово, 1997. С. 25-51.
49. Любопытно, что еще в XIII в. властители империи монголо-татар пытались привить аборигенам Алтая достижения китайской агрикультуры в результате спонтанно происходившего культурного взаимообмена между Востоком и Западом – см., *Кызласов Л. Р.* Клад земледельческих орудий с надписями XIII в. на Верхнем Енисее //Древности Алтая. № 8. Горно-Алтайск, 2002. С. 73-88.
50. *Данов Хр.* К вопросу об экономике Фракии… С. 136.
51. См., Развитие на земеделието… С. 31-32.
52. Там же. С. 50.
53. Там же. С. 52-54.
54. Там же. С. 63. Наблюдения палеоботаников (*Лисицына Г. Н., Филипович Л. А.* Палеоботанические находки на Балканском полуострове… С. 14) показывают пока, что традиционная для средневековья Secale cereale L. единично отмечена во Фракии в эпохи неолита и бронзы. Сейчас на Балканах ее высевают на высоте не ниже 1200-1250 м.
55. У Ив. Венедикова в его сводке о древнем фракийском земледелии обозначены почему-то «два табуна белых коней», тогда как в оригинале стоит обнипт – то есть речь явно шла о буланых (или гнедых) лошадях – см., *Мартемьянов А. П.* Скотоводство в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н.э. //Вестник Харьковского университета. № 374. История. Вып. 27. Харьков, 1993. С. 25.
56. *Лисицына Г. Н., Филипович Л. А.* Ук. соч., с. 15-20.
57. Сомневаются, например, Ив. Венедиков (Развитие на земеделието… С. 100) и Р. Георгиева (Етнология на траките… С. 84), однако их скепсис не разделяет отечественный специалист по античному виноделию Н. И. Винокуров (Виноделие античного Боспора. М., 1999. С. 164-165), ссылаясь на информацию знаменитого агрария Катона (Cato, 23) и античного же комментатора Дидима (Geop. VII, 24). Античные виноделы для придания своей продукции большей устойчивости действительно применяли изощренные добавки.
58. Diod. 30, fr. 3.
59. Развитие на земеделието… С. 64-66. Элиан (Var. hist.3, 15) и Атеней (X, 442 e-f, XII, 531 e-532 a) акцентировали на этом.
60. *Георгиева Р.* Поминальная практика во Фракии (конец II-I тыс. до н.э.) //Terra antiqua balcanica VI. София, 1991. С. 25-31; Ее же, Храна и хранене… С. 84-85.
61. Athen. X, 447 b-d.
62. Развитие на земеделието… С. 93-94; *Георгиева Р.* Храна и хранене… С. 85.
63. Георгиева Р. Храна и хранене… С. 85.
64. Там же. С. 66-67.
65. «Жители Македонии говорят, что растут два подвида кизила – мужской и женский, однако на женском плоды не съедобны».
66. «Водный орешек не растет во всех реках и не всюду, а в болотистых местах рек, к тому же на большой глубине, пять и немногим более локтей, каков случай со Стримоном (нын. Струма). На поверхности воды не видно ничего кроме его листов, которые словно бы плывут наверху и закрывают сам орешек».
67. *Лисицына Г. Н., Филипович Л. А.* Ук. соч., с. 15, 51.
68. *Георгиева Р.* Храна и хранене… С. 86.
69. Развитие на земеделието… С. 69-70.
70. См., *Мартемьянов А. П.* О роли земледелия в экономике фракийских земель в

античную эпоху //Вестник Харьковского университета. №343. История. Вып. 23. Харьков, 1989. С. 65-70.

71. Ив. Венедиков (Развитие на земеделието… С. 71) предположил, что это сравнительно небольшое количество рабов и голов скота греки получили из беднейшей области мелинофагов-просоедов (Xen. Anab. VII, 5, 12).
72. *Георгиева Р.* Храна и хранене (края на II-I хил. пр. н. е.) //Етнология на траките. София, 1999. С. 80-81.
73. Athen. IV, 131A.
74. *Георгиева Р.* Храна и хранене… С. 87.
75. *Николов Д.* Поява и развитие на градовете на Балканския полуостров //«Марица – Изток». Археологически проучвания. Т. I, София, 1991. С. 83-89.
76. *Крыкин С. М.* Проблемы возникновения государственности у южных фракийцев //ПИФК. 2002. Вып. XII. С. 101-113.
77. Особую значимость обретает последняя крупная публикация Н. Н. Крадина (Империя Хунну. 2-е изд. М., 2002), в которой содержится богатейшая информация о скотоводах древних и вообще, предложены принципиально новые для отечественной историографии теоретические подходы. Вызывают удивление броские параллели во многих сторонах жизни хунну и южных фракийцев, хотя последние номадами в большинстве не являлись.
78. *Велков В., Домарадска Л.* Котис I (383/2-359) и емпорион Пистирос в Тракия //Домарадски М. Трако-гръцки търговски отношения (Емпорион Пистирос. Т. I) Пазарджик, 1995. С. 75-87; *Mihailov G.* Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae (IGBR). Vol. V. София, 1997., № 5557ter – c. XLIII-XLIV, 244.
79. «Человек, проводящий время в праздности, пользуется у них большим почетом. Напротив, к земледельцу они относятся с величайшим презрением. Наиболее почетной они считают жизнь воина и разбойника».
80. Критике явных заблуждений и преувеличений в болгарской фракологии посвящено собрание статей Н. Неделчева (Thracia libera. Велико-Търново, 1996). К сожалению, эти рецензионно-деструктивные статьи почти не содержат обоснованных альтернативных ответов на поставленные вопросы. Однако в том же городе издано глубоко фундированное исследование Ив. Христова (Планинска Тракия: Население, култура и религия в древността, Велико-Търново, 1999), идущего от источников к обобщениям без предварительно заготовленных схем.
81. Сразу несколько свидетельств об этом собрал Ив. Венедиков (Развитие на земеделието по българските земи. София, 1981. С. 45-52), ссылаясь на пассажи у Геродота, Платона, Аристотеля, Страбона, Помпония Мелы и Солина. Правда, как эта полигамия реально осуществлялась в условиях однокамерных, лишенных внутренних перегородок фракийских жилищах – вопрос курьезный и это само по себе является прямым намеком на замеченную проницательным Г. Михайловым «фабулярность» античных источников о фракийцах и Фракии.
82. См., *Антонова В., Попов Н.* Нови данни за ранния халщат в Североизточна България (археологически разкопки на Шуменската крепост) //Thracia VI. София, 1984. С. 160-184.
83. М. Тачева (Тракийска древност: кратка енциклопедия. София, 1993. С. 207) предложила почти альтернативное истолкование этой государственной институции. Возможно, это были члены царского клана, назначенные наследственными наместниками на подчиненные территории с правом почти самостоятельного правления вплоть до собственной эмиссии. Иначе же это могли быть сторонние династы, входившие в царский совет и исполнявшие военно-административные функции по образцу более поздних стратегов и в традиции ахеменидских сатрапов.
84. *Неделчев Н.* Създаването на държавата на Одрисите //Античный мир. Византия (сб. к 70-летию проф. В. И. Кадеева). Харьков, 1997. С. 147-154.
85. См., *Марфунин А. С.* История золота. М., 1987. С. 31

86. *Mihailov G.* Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae (IGBR). Vol. V. София, 1997. №5557ter. P.XLIII-XLIV, 244.
87. *Велков В., Домарадска Л.* Котис I (383/2-359) и емпорион Пистирос в Тракия //Трако-гръцки търговски отношения (Емпорион Пистирос. Т. I). Пазарджик, 1995. С. 75-87.
88. Например, в русском переводе М.Е.Сергеенко (Арриан. Поход Александра. М., «Миф», 1993. С. 50) содержится близкое по контексту – «горцев».
89. *Mihailov G.* IGBR. Vol. V. P. XLIV.
90. См., *Домарадски М.* Трако-гръцки търговски отношения… С. 81-82.
91. *Димитров Д. П.* За укрепените вили и резиденции у траките в предримската епоха //Изследвания в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958. С. 690.
92. Там же. С. 683-702. Мне представляется, что у самих фракийцев являлось значимым понятие бхлз – с греч. «двор, зал», возможно, и «дворец». Болгарские преемники горных фракийских скотоводов кое-где сохранили это греческое по происхождению слово для обозначения своих хлевов – см., *Вакарелски Хр.* Етнография на България. София, 1974. С. 299-303. Открытие договора из Пистироса предполагает обозначение царской резиденции термином «эпаулион»?

S.M.KRYKIN

PROTOTOWN, PROTOSTATE, PROTOCIVILIZATION

The present entry is devoted to the determination of the historical place for the ancient community of the southern Thracians, who were the neighbours of the ancient Greeks. Odrysaen«power» united a considerable part of the inhabitants from the East Balkan Mountains falling under the influence of the historical examples of Achaemenid state (European satrapia Skudra) and Athenian Naval League. Yet, in contrast to agricultural civilizations under the high commodity production system (that is – placing emphasis on farming) the Thracians decided on the activities of the «prestige» economics. Their elite lived on at the expense of ordinary people, the headquarters of their rulers bore little resemblance to the city states. Greeks thought the Thracians to be the barbarians and it did not mean their language only. The comparison of the southern-Thracian state system with the Scythian and Huns' communities makes it obvious that all those tribes formed their own systems of the «complicated leadership» with the characteristic moral code. The Thracian community did not compete with the city state Greeks in economic development, but lived according to their own system of laws and rules.

М.С. ГАДЖИЕВ (Махачкала)

К ИЗУЧЕНИЮ ПРАВА КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Право Кавказской Албании – древнейшего государственного образования на территории современных Азербайджана и Дагестана – не являлось еще предметом специального и всестороннего исследования. Хотя следует отметить, что определенное внимание этой проблеме было уделено известным албанистом Ф.Дж. Мамедовой, которая в своей монографии, посвященной характеристике общественного строя раннесредневековой Албании, отвела специальную главу Агуэнским кано-

нам конца V в. – единственному дошедшему до нас памятнику албанского права[1]. Однако в письменных источниках содержатся немалочисленные данные, как непосредственно, так и косвенно связанные с обозначенной темой и которые дополняют и освещают в той или иной степени различные аспекты правовой жизни Кавказской Албании. В особенности это касается (учитывая неразрывную связь права и государства) материалов по административно-политическому устройству, социальной структуре, формам собственности, исследование которых в аспекте отраженных в них правовых норм, может внести немало нового в данную малоисследованную тему. Настоящая статья представляет собой опыт изучения права Кавказской Албании и автор надеется, что эта тема привлечет внимание специалистов – историков права, юристов.

Возникновение Кавказской Албании явилось результатом внутреннего социально-экономического развития и протекало под активным влиянием внешних факторов. В числе последних следует назвать активное развитие торгово-экономических контактов центров и периферии античного мира в эллинистический период, многовекторное влияние зоны цивилизации на сопредельные территории, крушение империи Ахеменидов, а затем державы Александра Македонского, повлекшие за собой возникновение многочисленных государственных образований. Помимо целого ряда историко-археологических показателей и признаков процесса политогенеза, сложения раннеклассового общества на Восточном Кавказе, бесспорным доказательством возникновения Албанского государства является чеканка собственной монеты – подражаний драхмам Александра Македонского[2].

Как известно, одновременно с государством возникает и такая важнейшая категория классового общества, как право – система общеобязательных норм, устанавливаемых государством, и на ранних этапах существования классового общества и государства распространенной формой права являлось обычное право, т.е. обычаи, правила общественного поведения, санкционированные государством. Конкретные сведения о праве Кавказской Албании античного периода (III в. до н.э. – III в. н.э.) в письменных источниках отсутствуют. И характеризуя эту сторону общественной жизни Албании в данный период исследователь вынужден оперировать лишь косвенными материалами, предоставляемыми нарративными и археологическими источниками с заключающимися в них данными по общественному устройству. При этом возможно и привлечение соответствующих синхронных данных с сопредельных территорий, ретроспективное использование материалов по раннесредневековой Албании, архаических норм обычного права, реликтовых этнографических данных.

Наряду с известными сведениями письменных источников о Кавказской Албании античного времени, ценным источником по характеристике не только духовной и материальной культуры, но и социальной структуры общества выступают данные археологии. Вместе с тем, в них содержатся и некоторые косвенные сведения, проливающие свет на существовавшие в Албании общественно-правовые нормы, сословно-правовое положение тех или иных групп населения. Исследователями разработана, апробирована и совершенствуется методика таких социальных реконструкций на основе археологических материалов[3], выделены объективные археологические критерии определения социального статуса погребенного, принадлежности его к той или иной общественной группе, основными из которых являются количество труда, затраченного на совершение погребального обряда, и количество и качество сопроводительного погребального инвентаря. Известно также, что в строго стратифицированных обществах представители определенных слоев-сословий имеют внешние отличительные, социально маркирующие признаки (знаки различий, символы власти и общественного положения) в украшениях, одежде, вооружении и т.п. Таким образом, социальная стратификация общества находила отражение и выражение в духовной и материальной культуре, фиксируемой в погребаль-

ных памятниках. Например, анализ погребальных памятников Дагестана последних веков до н.э. – первых веков н.э. позволил выделить четыре основные группы захоронений, которые принадлежали представителям различных социальных слоев, занимавших при жизни, очевидно, соответствующее сословно-правовое положение. Это в порядке возрастающей общественной иерархии: 1) погребения социально зависимых членов общества; 2) погребения рядовых членов общества (которые стратифицируются по имущественной градации на три категории); 3) погребения знати, в том числе военно-служилой; 4) погребения высшей знати или «княжеские»[4].

Судя по исследованным погребальным памятникам Кавказской Албании, в материалах которых получили отражение прижизненный статус погребенных и, следовательно, выделяемые различные социально дифференцированные группы, существовавшие в данном социуме, можно полагать, что полной и непременной правоспособностью обладал только свободный член гражданской общины, достигший совершеннолетия. Вместе с тем, в ряде памятников, и в частности в материалах Дербентского могильника III-IV вв., наблюдается изменение общественного положения несовершеннолетнего, статус которого начинает определяться сословно-правовым рангом его родителей, очевидно, передававшимся по наследству[5].

Фиксируемые письменными источниками и археологически выделяемые социальные группы населения (высшая знать, военная и гражданская аристократия, дифференцированные по материальному положению общинники, зависимое население), находившиеся на различных ступенях общественной лестницы, очевидно, имели и различное правовое положение: принадлежность того или иного лица через семью и агнатическую группу к одному из гражданских сословий определяла и тот или иной публично-правовой статус. Высшие иерархические ступени занимали упоминаемые античными авторами (Плутарх, Страбон, Кассий Дион, Оросий и др.) *басилевсы, рексы, гегемоны, префекты* Албании, которые, несомненно, пользовались особыми правами.

Низшие ступени общественной лестницы занимало социально зависимое население (рабы, военнопленные, иноплеменники) и достаточно уверенно можно говорить, что оно могло быть субъектом права только в ограниченных пределах, оставаясь при этом объектом права, которого могли по надобности лишить жизни – например, при выполнении похоронного обряда, что нашло отражение в археологических материалах[6], или религиозного ритуала человеческого жертвоприношения, описанного Страбоном и осуществлявшегося, как он замечает, «по обычаю»[7].

Как известно, каждый обряд имеет определенный социальный смысл, служит обозначением-символом определенного существующего социального отношения и порядка. И в погребальном обряде с человеческими жертвоприношениями «ярко отразилось социальное расслоение общества, с намечающимся противостоянием входящих в его состав социальных групп»[8]. Обряд этот имел четкую социальную функцию: он подчеркивал исключительность особы погребенного, утверждал безраздельную собственность погребенного на умерщвленных, новые отношения господства и подчинения.

Археологически фиксируемое высокое общественное положение мужчины, являвшегося главой рода, семьи (малой или большой, сосуществовавших в этот период), по всей видимости, находило выражение и в полноте объема его право- и дееспособности как физического лица. В этот период на территории Албании (и сопредельных областей) отмечены случаи сопровождающих захоронений женщины при погребении мужчины (т. наз. обычай *camu*), т.е. добровольное или насильственное умерщвление супруги или наложницы на похоронах мужа или господина. Реминисценцией этого обычая является зафиксированный этнографами у лезгин, аварцев, осетин обычай, когда жена на похоронах мужа отрезает свои косы и кладет их на

грудь покойнику (рационально-магическая формула pars pro toto).

Письменные источники отмечают на территории античной Албании значительное число сел и городов, этнополитические и храмовую области. И можно полагать, что здесь, как и на территории Малой Азии, Ирана, важнейшим фактором, определявшим объем правоспособности человека, была принадлежность к общине – сельской, городской, религиозной, и «членство в общине давало право на владение землей в общине и пользование всеми общинными сервитутами, право, передававшееся по наследству всем личным преемникам члена общины»[9].

В аспекте изучения обычно-правовых норм Албании весьма интересна и информация Страбона о том, что «старость у албанцев в чрезвычайном почете и не только родителей, но и прочих людей. Заботы о покойниках или даже воспоминание о них считается нечестием. Вместе с покойниками погребают и все *их имущество*, и потому живут в бедности, лишенные *отцовского достояния* (выделено мной – М.Г.)»[10].

Становление и развитие государственности на Восточном Кавказе сопровождалось качественным сдвигом в общественном развитии, который, как известно, сопровождается коренной трансформацией идеологии, проявляющейся либо в реформе старого культа, либо в восприятии идеологической доктрины соседней цивилизации[11]. В этой связи заслуживает внимания информация Страбона[12] о наиболее почитаемых в Кавказской Албании божествах, называемых им греческими именами Гелиос, Зевс, Селена и соответствующих древнеиранским Митре, Ахура Мазде, Анахите, высокочтимых и в соседних Армении и Иберии. Это сообщение Страбона следует расценивать как свидетельство сильного проникновения (в русле тесных политических, культурных, торгово-экономических контактов) иранских религиозно-идеологических представлений и утверждения их в Кавказской Албании в качестве ведущей идеологической концепции. Очевидно, этот процесс сопровождался и рецепцией определенных норм иранского религиозного права.

Развитие товарных отношений, частной собственности (в том числе на землю), социально-имущественной дифференциации на территории Албании в этот период позволяет говорить и о развитии имущественного права, о том, что вещь (конкретный предмет, земельный участок, скот, дом и т.п. как объекты обмена, купли-продажи, наследования) выступает объектом права, лично-правовых и вещно-правовых отношений. В частности, это получило отражение в погребальном обряде, когда с умершим в могилу укладывалось его личное имущество (украшения, оружие, конь и т.д.), в обнаруженных кладах монет и других дорогостоящих изделий.

Образование Албанского государства обусловило вступление его в международные политические и правовые сношения. Так, зимой 66-65 гг. до н.э. албанский царь Ород вел переговоры и переписку с римским полководцем Гнеем Помпеем, который заключил с ним мирный договор от имени Рима[13]. Оба руководителя обменялись дарами, а Ород представил и знатных заложников (*гегемон*ов), которые позже участвовали в триумфальном шествии «любимца Фортуны» в Риме. Это первое известное свидетельство официальных международных контактов Кавказской Албании. Судя по сообщениям античных авторов (Тит Ливий, Флор, Евтропий, Оросий), заключенное соглашение являлось «договором о дружбе» – распространенной акцией римской дипломатии. Согласно таким договорам, то или иное государство или лицо объявлялось дружественным и наделялось званием *amicus populi Romani* – «друг римского народа» и его имя заносилось в Риме в специальные списки – *amicurum formula*. Этот титул являлся первой ступенью в отношениях Рима с другим государством или лицом. Следующие, более тесные отношения определялись понятием *socius populi Romani* – «союзник римлян». «Дружба» (*amicitia*) была наиболее слабым видом союза и обеспечивала, главным образом, частноправовую защиту союзников на чужой территории; зачастую звание «друга римлян» не включало обязанности вассалитета, не имело конкретного значения и содержания, не давало его владельцу никаких прав и не связывало обязательствами. Судя по имеющимся

данным, Албания и Рим периодически подтверждали и возобновляли эти союзные отношения. Так, по сообщению Анкирской надписи (31, 2), албанский царь обратился к императору Гаю Юлию Цезарю Октавиану (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.) о заключении такого договора о дружбе. «Самые дружественные отношения» с албанами имел и император Адриан (117-138), который продолжил политику своего предшественника Траяна (98-117), посадившего на албанский трон римского ставленника[14]. Эти свидетельства позволяют говорить о включении Албании в качестве субъекта в орбиту римского международного права.

В дальнейшем сообщения нарративных источников о дипломатических связях Албании, международной переписке албанских царей встречаются значительно чаще. Например, в 260 г. шаханшах Ирана Шапур I (242-272) разослал в соседние страны послания о своей победе в битве при Эдессе над римлянами и пленении императора Валериана. Албаны же, в числе других, «не приняли писем Шапура» и обратились с посланиями к римскому сенату, обещая помощь в освобождении Валериана из плена (*Capit*., 6-7). Раннесредневековые источники сообщают о договорах, договорных обязательствах Албании с соседними странами и народами – с Ираном, Арменией, Иберией (Картли), гуннами, хазарами.

Значительно больше сведений содержится в письменных источниках и в целом о праве Кавказской Албании в раннесредневековое время (IV-VIII вв.). Основными источниками права Албании в раннесредневековый период, как можно судить по имеющимся данным, служили обычное право, нормативные акты албанских царей, сасанидских шаханшахов, церковное (каноническое) право, заимствованные нормы иностранного права.

Обычное право являлось, как представляется, основным источником права и его нормами регулировались многие стороны общественной жизни населения Албании. Мы почти не имеем конкретных установлений албанского обычного права и можем судить о нем по косвенным данным. Очевидно, что в обычном праве были закреплены иерархическая структура общества, институт местничества и вассалитета, взаимоотношения между различными социально-правовыми, сословными категориями населения: между царем и его подданными (феодалами-*азат*ами, простонародьем – *шинакан*ами и *рамик*ами), между феодалами и крепостными и свободными крестьянами-общинниками. Некоторые из этих норм обычного права в дальнейшем были санкционированы в постановлениях-канонах церковно-светских Соборов. Нормами обычного права, можно думать, были узаконены права и привилегии главы семьи, рода по отношению к своим родственникам, в вопросах распоряжения фамильным имуществом и наследования.

По всей видимости, обычное право регулировало гражданские отношения и уголовные дела, т.к. в дошедшем до нас письменном памятнике права Албании – в Агуэнских канонах гражданское право и уголовное право получили очень слабое отражение, при значительно большем внимании к семейно-брачным отношениям[15]. Подобная «закономерность» в разграничении сфер действия «канонического» (религиозного) и обычного права наблюдается и значительно позднее: в Дагестане за *шариат*ом (мусульманское право) было закреплено семейное и брачное право, тогда как по *адат*у (обычному праву) рассматривались гражданские и уголовные дела. Это было обусловлено существенными различиями между традиционными обычно-правовыми нормами и инновационными каноническими установлениями в такой «деликатной» и показательной сфере общественных отношений и правил, как семейно-брачная.

В письменных источниках есть указания и на нормативные акты албанских царей и сасанидских шахов, которые действовали на территории Албании и, естественно, приобретали силу закона. Так, например, в начале V в. в связи с разработкой и принятием албанского алфавита и письма царь Асваген и католикос Иеремия «написали указ» об организации школ и обучении новой письменности; в конце V

в. царь Вачаган «пишет распоряжения» в различные области Албании об утверждении епископов, иереев, дьяконов. В источниках приводятся и другие сведения о приказах, указах албанских царей, очевидно, как устных, так и письменных. В данной связи укажем на недавно атрибутированную гемму-печать албанского царя Асвагена[16], которой, очевидно, скреплялись царские документы – грамоты, постановления и т.п.

Достаточно сложная и развитая административная система и социальная структура раннесредневековой Албании[17] предполагает не только производившиеся царями соответствующими указами назначения на те или иные должности, но и существование каких-то нормативных, законодательных актов, регулировавших должностные права, обязанности, отношения, т.е. указывает на существование разработанного административного права. Есть все основания налагать, что в Албании, как и в соседних странах, существовала «Разрядная грамота», юридически оформлявшая местнический институт и иерархию знати-*азат*ов[18] – различного ранга владетелей-*нахарар*ов («великие нахарары», «старшие нахарары», «нахарары»; от ср.-перс. *нахвадар* – букв. «перводержащий», «первоначальник») и князей-*ишхан*ов («великий ишхан», «старший ишхан», «ишхан»), иных представителей азатского сословия, их наследственные права и положение.

Учитывая ряд данных и, прежде всего, ставшие традиционными близкородственные связи иранских Сасанидов и албанских Аршакидов, можно считать, что цари Албании числились и в «Гахнамак» – сасанидской «табели о рангах». Можно напомнить и о сложившейся уже в III в. традиции числить в составе двора сасанидских монархов вассальных государей и союзных владык[19]. В этой связи особый интерес вызывает информация Аммиана Марцеллина, который, рассказывая об осаде войсками Шапура II (309-379) г. Амиды в 359 г., как непосредственный очевидец событий, сообщает: «Подле него (Шапура II – М.Г.) с левой стороны ехал Грумбат, новый царь Хионитов… *С правой стороны* ехал царь Албанов, равный с первым *по месту и по почету* (выделено мной – М.Г.), позади – различные командиры, выдававшиеся авторитетом и властью…» (*Amm. Marc*. Hist., XVIII, 6).

Царь албан, о котором идет речь в данном пассаже, это царь Урнайр – супруг сестры Шапура II, при котором Албания в начале IV в. приняла христианство. Место (ср.-перс. *gah*) и почет (ср.-перс. *patiw*), о которых говорит Марцеллин и на которые мог претендовать приближенный к шаханшаху, а также такие символы высокого положения, как «подушка» (ср.-перс. *barj*) и «повязка» (ср.-перс. *patiw*), зависели от порядкового места, ранга, которые занимал тот или иной род, тот или иной сановник по «Разрядной грамоте» (*Гахнамак*), устанавливавшей и особые права и обязанности должностного лица.

Ярким нормативным актом и памятником законотворчества Албании являются Агуэнские каноны – государственные постановления, имевшие силу закона и которые «скрепили печатями» царь Вачаган и албанская светская и церковная аристократия[20]. Этот единственный сохранившийся – правда, не в оригинале, а в составе «Истории албан» Мовсеса Каланкатваци[21] и «Канонагирк» (Армянская книга канонов. 1914) – юридический документ Албанского государства выступает и основным памятником церковного (канонического) права Албании, т.к. полностью пронизан постановлениями, касающимися церкви, разрабатывавшимися и утвержденными не только царем и светской знатью, но и представителями духовенства во главе с архиепископом Шупхалишаем.

Эти каноны были приняты в 488 г. на соборе, созванном царем Вачаганом III (ок.485-510) и состоявшемся в летней царской резиденции в Агуэне[22]. Созыв собора был вызван острой политической и религиозной ситуацией в стране. Это время характеризуется ослаблением власти сасанидского Ирана в Закавказье, фактическим (временным) выходом Албании из его состава, восстановлением ок.485 г. царской власти (после отречения Ваче II от короны в 462 г.), проводимой Вачаганом III Бла-

гочестивым ярко выраженной антисасанидской, антизороастрийской внутренней политики. Во введении к принятым собором решениям говорится, что в стране «произошли разногласия между мирянами и епископами, хорепископами и священниками, между знатными (*азат*ами) и простолюдинами (*рамик*ами). И тогда царь решил созвать в Агуэне многочисленный собор в 13-й день месяца Марери». Как видно, причинами организации собора явились противоречия, как религиозные, так и социальные, между духовенством и паствой, внутри духовенства, между знатью и простонародьем. Принятые на соборе постановления приобрели силу закона, на что указывает терминология памятника. Текст начинается словами: «Я, Вачаган, царь албанский (далее следует перечисление духовной и светской знати – М.Г.)…, мы так постановили...». Но обращает внимание, что председательствовал на соборе не царь, а по его повелению князь Гардмана Вардан Храбрый из рода Михранакан[23]. Целью собора было не только устранение разногласий среди населения страны, но и укрепление власти царя, знати, церкви, утверждение христианства и его правовых норм.

Агуэнские каноны, включающие 21 статью, представляют правовой документ, санкционированный государством и церковью. Они содержат правила, регулирующие внутрицерковные дела (ст. 1-3,6,7,9,15,16), взаимоотношения духовной и светской знати (ст. 17,18,20,21), клира и паствы (ст. 3-5,16,18), отражают нормы гражданского, семейного, уголовного права (ст. 8,10-16).

Деликты, зафиксированные в канонах, представляют, прежде всего, религиозно-этические преступления и проступки, а также преступления против личности (клевета и лжесвидетельство, избиение, пролитие крови, убийство), должностные проступки, правонарушения, связанные с обязательственными соглашениями. Наказания, фигурирующие в канонах, предусматривают лишение церковного сана, имущества, епитимью, изгнание из церкви, монастыря, села (общины), штрафы, смертную казнь.

Статьи канонов при оценке наказуемости правонарушений нередко апеллируют (без конкретизации) к иным «канонам» (т.е. церковному законодательству) и однажды предусматривают «наказание по закону» (ст.8), т.е. по государственному (обычному) праву. Это указывает на существование и иных (письменных или устных) памятников албанского права, очевидно, носящих казуистический характер и имевших разработанную систему наказаний за те или иные деликты. Так, канон 8 гласит: «Христианина, если он поссорится и прольет кровь, привести к епископу и наказать согласно законам». Статья эта не называет меру наказания, но можно полагать, опираясь на известные архаичные адатные нормы, что она была обусловлена характером нанесенных повреждений, ран и т.п. Вместе с тем, статья эта, как явствует, устанавливает суд епископа, осуществлявшего юридические функции и в сфере гражданского и уголовного права и судившего не только по церковному, но и по государственному законодательству.

Статьи 12-14 направлены против языческих представлений, широко распространенных среди населения (о чем ярко свидетельствуют археологические данные), и на утверждение христианских норм. Они предусматривали запреты на оплакивание умершего главы дома (ст.13), на употребление мяса в великий пост – Пасху (ст.13,14), на работу в воскресенье (ст.13). При этом нарушителей должны «привести к царскому двору и подвергнуть наказанию» (ст.12), судить «иерей перед народом», т.е. общиной (ст.13), оштрафовать старшину села («взять у человека вола и отдать иерею» – ст.14). Таким образом, в этих канонах фиксируется царский суд, суд иерея и общины, судебные исполнители. Причем, царь – верховный судья и представитель светской власти – рассматривал не только светские (гражданские, уголовные и др.) дела, но и религиозные преступления.

Право албанской церкви основывалось как на нормах, совместно разработанных и установленных духовной и светской властью Албании, так и на заимствован-

ных общехристианских канонах. К последним относятся библейские нормы (главным образом, законы, изложенные в книгах пророка Моисея) – «божественный закон», являвшийся основой церковного законодательства, так называемые «апостольские» каноны (Постановления святых апостолов, кн.8, гл. 47), постановления первых трех Вселенских Соборов христианской церкви (Никейского 325 г, Константинопольского 381 г., Эфесского 431 г.) и др.[24] Необходимо отметить, что уже в нач. V в., вслед за разработкой оригинального албанского алфавита и письма при царе Асвагене и епископе Иеремии, в Албании получает распространение христианская литература – об этом свидетельствуют не только сообщения письменных источников (Корюн, Егишэ, Каланкатваци, Гевонд), но и недавнее открытие в монастыре Св. Екатерины на Синае албанских рукописей-палимсестов начала V в., включающих отрывки Евангелий от Матвея, Луки и Иоанна, посланий апостолов Петра, Якова, Иоанна, Павла, Ветхого завета и представляющих собой Лекционарий – книгу годичных литургических чтений.[25]

Источником рецепций в албанском церковном праве были и нормы, принятые ранее армянской церковью. Например, Агуэнские каноны 488 г. находят отдельные параллели и аналогии в канонах Шаапиванского собора Армении, состоявшегося в 444 г.[26]

Тесные и разносторонние связи, вхождение Албании в состав Ирана, очевидно, сопровождались распространением на эту составную административную территорию определенных норм иранского права, их рецепций в албанское право. Этому способствовали крепкие династические, родственные узы Сасанидов Ирана и Аршакидов Албании, близость религиозных (нехристианских) воззрений населения, нахождение в Албании представителей сасанидской администрации, значительного числа иранских военных контингентов, служителей зороастризма. О введении в Албании правовых норм Ирана есть и конкретные свидетельства письменных источников. Так, например, по сообщению Егишэ (V в.) в связи с укреплением в нач.V в. позиций христианства в Закавказье и в самом Иране шаханшах Йездигерд II (439-457) начал гонения на христиан и, в частности, предписал закавказским странам «законы, относящиеся к супружеству по уставу христианскому, отменить», «отцам жениться на дочерях, братьям на сестрах»[27]. При этом добровольное принятие «закона Заратуштры» предполагало подарки, почести, освобождение от налогов; отказ же от маздаяснийской веры карался смертью для мужчин, изгнанием и рабством для женщин и детей: «Если кто воспротивится, тот будет предан смерти, и его жена и дети будут изгнаны»[28]. Сын Йездигерда – шаханшах Пероз (459-484) продолжил политику отца и, по свидетельству источника, после отречения от престола в 462 г. албанского царя Вече II в стране «исчезли христианские законы», утвердилось «неистовое беззаконие»[29].

Очевидно, что острая борьба происходила между иранским правом и албанским церковным правом особенно в семейно-брачной сфере, так как именно в этой правовой области существовали кардинальные различия двух юридических систем. Эта борьба нашла яркое отражение в каноне 10 Агуэнского Собора: «Никто не смеет взять в жены родственницу в третьем колене или жену брата». Этот канон полностью восходит к Ветхому Завету (Левит, XVIII, 6-18; XX, 17) и узаконивает брак только с четвертой степени родства, запрещая кровнородственные браки[30]. Вместе с тем, в нем нашло отражение существование в Албании названных форм брака, а именно инцестного (брак близких родственников) и левирата (брак вдовы с братом покойного мужа). И именно эти формы брака имели широкое распространение в Иране.

Выше упоминавшийся Вече II, бывший племянником шаханшаха Пероза (сыном его сестры), был женат на племяннице Пероза, т.е. на родной или двоюродной сестре. Подобные браки (брата с сестрой, отца с дочерью, матери с сыном), являвшиеся крайней формой выражения принципа эндогамии, были обычны в среде высшей

знати Ирана и, очевидно, Закавказья и расценивались, согласно зороастрийским нормам, как акт высшего благочестия, искупающий смертный грех и ведущий в рай[31]. Древнеармянский историк Мовсес Хоренаци (V в.) объяснял приверженность закавказской знати этим бракам «алчностью в отношении наследственных долей в отцовском наследстве»[32]. Замечу, что в недавнем прошлом, как свидетельствуют данные этнографии, левират и ортокузенный брак были распространены в Дагестане и предусматривали определенные имущественно-правовые и наследственно-правовые нормы.

Естественно, церковь вела борьбу с такими практиковавшимися формами брака. Так, на Партавском соборе (май 704 г.) при католикосе Симеоне запрет на кровнородственные браки был усилен и доведен до четвертой степени родства[33]. Вскоре после этого албанское духовенство во главе с католикосом Микаэлом (705-742) прокляло род албанского князя-ишхана Варазо, женившегося на двоюродной сестре, а иберийского католикоса Талилу, благословившего этот брак, предало анафеме. В своих действиях при этом албанское духовенство ссылалось не на соответствующие каноны Агуэнского и Партавского соборов, а на церковных авторитетов IV в. – Св. Афанасия Великого, епископа Александрийского и Василия Великого, епископа Кесарийского, – подчеркивая тем самым нарушение не местного, национального, а общехристианского канона[34].

Нормы семейно-брачного, а также уголовного и судебного (исполнение приговора) права содержит статья 11 Агуэнских канонов: «Того, кто бросает жену без причины и берет [другую] жену без венчания, или того, кто обращается к волхвам, а также убийцу и беззаконника, следует связать и привести к царскому двору и осудить на смерть через пытки». Данный весьма суровый закон, приравнивая к убийству человека немотивированный развод, незаконной брак (без обряда венчания в церкви), обращение к языческим служителям, был направлен на насаждение и укрепление христианских правовых норм и моральных принципов, и в нем получили воплощение библейские установления касательно человекоубийства и волхвования (Исход, XX, 13; Левит, XX, 27; XXIV, 17; Числа, XXXV, 16-21, 31)[35].

Борьба с зороастризмом и язычеством нашла отражение и в других законодательных актах, приведенных в письменных источниках. В частности, тому же царю Вачагану принадлежит указ – назначать «строгие наказания и штрафы тем, кто воздвигал капище или изготавливал идола, или поклонялся скверным божествам, кто не хранил в целости и незыблемости порядки христианские… Если кто-либо из них (служителей зороастризма и языческих культов – М.Г.) совершит упомянутое зло, то они будут приведены к царскому двору и подвергнуты наказанию мучительными цепями (оковами) и плетями»[36]. Обращает внимание, что в этом царском постановлении, как и в выше приведенном каноне, устанавливается «приведение к царскому двору», т.е. вынесение приговора высшей судебной инстанцией. Далее из текста источника становится ясным, что приверженность зороастризму, язычеству каралась также изгнанием, обращением в рабство, смертной казнью. Таким образом, в числе мер наказания за данный деликт мы видим те же кары, которые предусматривал и указ Йездигерда II при насаждении зороастризма в странах Закавказья.

Здесь следует заметить, что данные, жестокие и взаимосоразмерные, меры наказания за религиозные преступления, очевидно, не являлись постоянно действующими и приобретали силу закона при обострении албано-иранских, христианско-зороастрийских отношений, как это и наблюдалось в начале правления Вачагана III Благочестивого. Основная же тенденция во взаимоотношениях христианства и зороастризма на Восточном Кавказе характеризовалась относительной веротерпимостью, что было обусловлено важным геополитическим положением региона, проводимой Ираном внутренней политикой с учетом внешнеполитической ситуации и другими факторами. И это доминирующее положение должно было получить отражение в соответствующих законодательных актах, будь то царские указы или по-

становления глав обоих концессий – верховного жреца Ирана (*магупатан магупат*) и католикоса Албании. В этом аспекте весьма показательна гемма-печать главы Албанской церкви, приблизительно датируемая VI в. и, возможно, принадлежавшая католикосу Панту[37]. Надпись на ней среднеперсидская, а центральное изображение креста по бокам окаймляют основные зороастрийские символы – звезда и полумесяц. Вместе с тем, включение Албании в административно-политическую структуру державы Сасанидов подразумевало и ее вхождение в правовое поле Ирана. И нормы права Ирана, тщательно исследованного А.Г. Периханян (1983), могут быть в определенной степени приложимы и использованы при изучении права Кавказской Албании.

Цель установления христианства и его правовых норм преследовало узаконенное постановлениями Агуэнского собора право церкви на судопроизводство и передачу под ее юрисдикцию ряда бытовых, гражданских вопросов.

Албанская церковь вела борьбу не только с язычеством и зороастризмом, но и с христианскими ересями. Например, в 552 г. в связи с распространением в Албании манихейства и несторианства католикос Абас, «строго расследовав ересь, вместе со своими епископами … прогнал из Албании скверных проповедников той ереси – лицемерного Товмаса, псалмопевца Елиа, Бнота, Ибаса и других. Всех сторонников их он изгнал в отдаленные места»[38]. В этом сообщении обращает внимание прямое указание на церковно-судебное расследование, разбирательство.

Позднее, в начале VIII в., за еретические взгляды духовенство предало анафеме бывшего албанского католикоса, последователя халкидонства Нерсеса-Бакура и его сподвижников. В связи с тем, что Нерсес-Бакур скрывался, были схвачены его приближенные с целью, чтобы они выдали бывшего католикоса. В источниках сохранилось и краткое описание судебного процесса над ним. В 704 г. на Партавском соборе его поместили «в центре переполненного суда… Так как он не был в состоянии отвечать [на обвинения], они (т.е. судебные обвинители, но, очевидно, судебные исполнители – М.Г.) нанесли ему тяжелые раны согласно царскому повелению, после чего он был прикован нога к ноге к той женщине (княжна Албании Спрам, последовательница Нерсеса-Бакура – М.Г.)»; через несколько дней Нерсес-Бакур скончался[39].

Здесь мы опять-таки наблюдаем юридическое взаимодействие государственной (светской) и церковной структур власти: суд над вероотступником проходит на церковном соборе, избравшем нового католикоса Симеона и принявшем ряд важных религиозно-правовых актов, договорных грамот (с армянской церковью и халифом Абд ал-Маликом), но судебная мера наказания еретику вынесена албанским царем Шероэ (699-705). Хотя с огласно письму халифа армянскому католикосу Елие, оба вероотступника должны были быть приведены «в оковах с позором» к царскому двору и на выставление в назидание мятежникам[40].

Ход высшего (царского) судебного разбирательства нашел отражение в статье 17 Агуэнских канонов: царь рассматривает жалобу духовенства на действия *азат*ов-знати; последние излагают перед царем свои доводы и условия, и затем все стороны приходят к единому решению – «и царю, и епископам, и *азат*ам было угодно решить так...». По всей видимости, здесь мы имеем принципом судопроизводства состязательность сторон и нахождение компромиссного решения.

В 16-м агуэнском каноне получила освещение процедура низшей судебной инстанции с участием обвиняемого, обвинителей и прихожан церкви. Причем, по данному канону обвиняемым предстает сам иерей – настоятель церкви, который по другим статьям является местным судьей и судебным исполнителем. В описанном случае же судебной властью выступают прихожане, т.е. община, которые на основе разбирательства и выносят свой вердикт: «Если иерея обвинят его же товарищи или ученики, люди благочестивые, иерей должен стать перед алтарем, а обвинители – перед народом. [Если обвинения подтвердятся], вывести [иерея] из [судилища] и из-

гнать из села. Если же [выяснится], что его товарищи и ученики руководствовались местью, и народ знал, что прежде они были в ссоре с ним, то иерей пусть отслужит обедню, а народ пусть прогонит их [клеветников] с проклятиями. Но если они признаются в том, что оклеветали [иерея], то в таком случае на них возложить покаяние, а из монастыря не прогонять. А если после того, они нанесут какой-нибудь вред, судить их согласно канонам».

Из статьи видно также, что лжесвидетельство при очевидно добровольном признании в нем наказывалось относительно не строго; но, по всей видимости, характер епитимьи за это правонарушение определялся в каждом отдельном, конкретном случае и зависел от характера судебного дела и предъявляемого обвинения.

Совершение проступков низшими представителями церковной иерархии регулировалось также канонами 6 и 15, которые предусматривали лишение сана, имущества (в пользу церкви) и изгнание. Вместе с тем статья 15 предусматривает обжалование населением действий иерея или дьякона перед более высокой инстанцией – епископом: признававшего свою вину священника епископ отправлял в отдаленное, уединенное место на покаяние, а не признавшего – судили по канонам и изгоняли из села. Таким образом, как и в каноне 16, здесь чистосердечное признание, как видно, значительно смягчало меру наказания, а срок затворничества, вероятно, также определялся характером частного случая. По всей видимости, в обеих статьях, речь идет о поступках, не составлявших (используя современную терминологию) уголовно-наказуемое деяние, а имевших в виду нарушения церковного устава. В статье же 6 – «Если иерей монастыря или инок что-либо унесет из монастыря и если это обнаружится, следует осудить его и прогнать [из монастыря], а земельный надел (*хостак*) его взять в церковь» – подразумевается более тяжкое правонарушение – преступление, влекущее за собой несравненно более суровое наказание.

Как видно, изгнание из общины, монастыря, села было распространенной и, очевидно, действенной мерой наказания. По всей видимости, она, представляет собой рецепцию из обычного права Албании, т.к. эта обычно-правовая норма широко практиковалась у многих народов и, в частности, характерна для адатов Дагестана. Действенность этой меры наказания определялась тем, что изгнанный из общины (гражданской или религиозной) лишался права участия в общественной и религиозной жизни, защиты и т.д., т.е. лишался правоспособности и, таким образом, приговаривался к гражданской, правовой смерти. Обращает внимание и участие по канону 16 в судопроизводстве общины, что также находит параллели в обычном праве и восходит к догосударственной эпохе, когда судебная власть принадлежала народным собраниям (народу).

Многие каноны Агуэнского собора отразили нормы обязательственного права. Так, пять статей (ст. 3-5,18,19) обязывали население вносить различные церковные подати – подушную, десятину, «за упокой души», продуктовую (плодовую), причем размер и характер последней определялся в зависимости от социально-имущественного состояния и характера хозяйственной деятельности верующих-прихожан. Статья 2 обязывает иереев и дьяконов оплачивать свое посвящение в сан (соответственно в размере 4 и 2 драхмы); по статьям 17, 20 и 21 светская и духовная знать принимают на себя взаимные обязательства, регулирующие деятельность азатских церквей, под которыми понимаются церкви, возведенные на средства азатов-знати на территории их уделов-*дастакерт*ов. Здесь следует отметить, что постановления Агуэнского собора, как гласит заключительная часть этого документа, «приняли епископы, иереи, и священники, и азаты перед царем», и статьи, касающиеся взаимоотношений духовенства и светской знати-*азат*ов, фактически выступают статьями письменно закрепленного договора, устанавливающего права и обязанности обеих сторон. Свидетелем этого договора выступает верховный законодатель и судья страны – царь Вачаган III.

В постановлениях Партавского собора 704 г. была узаконена земельная доля

церкви при купле-продаже деревень: «Если кто-либо будет продавать собственные (наследственные) деревни (*гевлк сепхакан*), то он должен написать завещание (договор), какая земля остается церкви». Эта информация – не только свидетельство одного из путей роста землевладений и обогащения церкви, но и указание на факт купли-продажи недвижимости (деревень и земли). Под деревнями (*гевлк*) здесь понимаются не только строения, населенные пункты, но и земли, на которых они расположены, относящаяся к этим деревням сельскохозяйственная округа. Термином же *сепхакан* обозначена в тексте частная собственность – наследственная доля в семейном имуществе[41]. В данной статье речь идет, таким образом, о доставшейся по наследству частной феодальной собственности, включавшей земли и деревни с зависимым населением, с правом безусловного пользования этой собственностью владельцем, который мог не только ее завещать, но и продавать. Особо важно указание в тексте на письменное оформление этого юридического акта. И письменная фиксация контракта является характерной чертой развитого обязательственного права.

Существовавшие в Кавказской Албании формы собственности (в особенности на недвижимость и, прежде всего, на землю) – государственная, царский домен, агнатическая (родовая), частная феодальная, крестьянско-общинная, церковная, формы владения и пользования ею (безусловная и условная) позволяют говорить о достаточно разработанном имущественном праве. В основе его лежало обобщенное понятие «вещи» (перс. *хвастак*, арм. *хостак* – «вещь, имущество, достояние, собственность»), как любого материального предмета, имеющего стоимость, доступного для оборота и являющегося объектом правовых отношений[42].

Право субъекта на вещь, т.е. вещное право, различало право собственности и право владения и пользования. Как можно судить по имеющимся данным, отношение субъекта к имуществу (вещи), объем его владельческих прав варьировали в зависимости от характера его владельческого права и разновидности владения. Право собственности на вещь (имущество) давало ее обладателю абсолютное господство над ней – он мог подарить имущество, пожаловать (в условное или безусловное владение), продать. В числе такого недвижимого частнособственнического (наследственного и, очевидно, приобретенного по тому или иному основанию) имущества следует видеть *дастакерт*ы («владение, имение, поместье») – феодальные хозяйства (вотчины), включавшие земельные угодья и расположенные на них поселения, строения и т.д. По данным письменных источников, владельцами дастакертов являлись царь, его семья, феодальная знать. Так, Мовсес Каланкатваци сообщает о возведении царем Вачаганом III поместья (*дастакерт*) для своей дочери и принадлежности ему сел Дютакан и Рустак, о пожаловании правителями Албании деревень церкви, об азатских владениях и поселениях и т.д. В безусловной собственности царей Албании был царский домен, именовавшийся, как и в Иране, термином *остан* и на личную наследственную долю в котором имели право царские наследники. Свой домен (*марзбан-и остан*) имел в Албании и сасанидский наместник, который, правда, пользовался им, вероятно, на правах условного владения – на время пребывания здесь в этой должности. В Агуэнских канонах 4, 5, 15 сообщается о пашнях, виноградниках, скоте, которыми владели свободные общинники и с доходов которых они уплачивали церковный налог *птуг* (в пер. с арм. – «плод»).

Право владения и пользования вещью ограничивало власть субъекта над ней, т.к. она не принадлежала во всем объеме ему, будучи предоставленной во владение и пользование на каких-либо условиях, лично-обязательственных соглашениях и на какое-то время (вплоть до наследственной передачи). Так, например, шаханшах Йездигерд II, как верховный сюзерен, одарил закавказскую (в том числе албанскую) знать за принятие зороастризма царскими одеждами, деревнями и *агарак*ами[43], под которыми в данном контексте понимаются земельные участки (поля, пашни и т.д.) – царское земельное пожалование (арм. *паргеваканк*). В этом сообщении Егишэ речь идет, по всей видимости, об условной форме землевладения и

землепользования (типа западноевропейских феода, лена), т.е. о земельных наделах и деревнях, полученных вассалами при условии выполнения ими определенных обязательств (в данном случае, быть приверженцами зороастризма, а не христианства). Можно полагать, что в числе подобных обязательств закавказских феодалов было и участие в военных кампаниях Сасанидов, о чем неоднократно сообщают нарративные источники. Позднее, по информации Каланкатваци, шаханшах Йездигерд III (632-652) пожаловал албанскому полководцу-*спарапет*у Джеванширу (сыну царя Вараз-Григора) за военную службу не только дорогое оружие, драгоценности, символы власти, но и «деревни с жителями и реки с рыбой».

Формы собственности на имущество, формы владения и пользования им, существовавшие в Албании, позволяют говорить, что здесь, как и на территории сасанидского Ирана (в состав которого Албания в различные периоды входила на правах шахства, марзбанства, шахра), юридическое владение вещью приобреталось рядом оснований: а) по праву наследования; б) по публично-правовому основанию; в) по праву, возникшему из частно-правовых соглашений, особенно обязательственных[44].

Ряд данных свидетельствует и о развитом наследственном праве в Албании, тесно связанном с имущественным правом. Выше приводился пример об узаконенной доле церкви в наследованном имуществе при его купле-продаже. Другой пример: царь Ваче II еще в молодости получил от отца свою «сыновнюю наследственную долю» земельной собственности – владение с 1000 зависимыми крестьянскими хозяйствами-*ерд*ами в составе царского домена, и после отречения от престола он поселился в нем. Из текста ясно, что право сына стать наследопреемником своего отца было бесспорным.

Принцип старшинства в Албании, как и в Иране[45], вероятно, не играл роли в приобретении братьями наследства отца, который, будучи главой семьи, рода, выступает и правомочным наследственным владельцем семейной (агнатической) собственности. Например, князь Джеваншир – второй сын великого ишхана Албании Вараз-Григора, унаследовал от отца не только албанский престол, но и стал владыкой рода и родовой области Гардман, которая в источнике именуется «коренным округом» династии Михранидов.

Очевидно, существовала и дочерняя наследственная доля в имуществе отца. На это косвенно указывают сообщения источников о возведении царем Вачаганом III Благочестивым поместья-*дастакерт*а для своей дочери и о существовании инцестных, кровнородственных браков, преследовавших сохранение дочерних долей отцовского наследства в пределах семьи.

Подводя итоги, отметим, что письменные источники содержат ценные сведения о праве раннесредневековой Кавказской Албании, освещают нормы церковного (канонического), гражданского, семейно-брачного, уголовного, обязательственного, имущественного, наследственного права.

В ряде сфер церковное и государственное законодательство были тесно переплетены. Прочная связь церкви и государства в области права нашла яркое отражение в судоустройстве и судопроизводстве. Письменные источники и, прежде всего, Агуэнские каноны царя Вачагана, устанавливают три иерархических судебных инстанции: верховный царский суд, епископский суд[46] и иерейский (с участием общины), которые рассматривали как религиозные, так и гражданские дела, и выносили решения как по канону (церковному законодательству), так и «по закону» (государственному, обычному праву). По канону 16 существовала и четвертая инстанция – судебная власть по нему принадлежит общине (по канону 13 судебную власть осуществляют совместно иерей и община). Высшим законодательным и судебным органом, созываемым по мере необходимости, являлся Собор-суд (арм. *Жогов ате-ан*) во главе с царем и в составе светской и церковной знати. Судя по имеющимся сведениям, царю, как верховному судье, принадлежало право вынесения высшей

меры наказания – смертной казни. Можно предполагать, что существовала и юрисдикция феодалов, распространявшаяся на зависимое, подданное население, хотя никаких сообщений в источниках по этому поводу не содержится. В качестве судебных исполнителей на местах по Агуэнским канонам выступают иерей, сельский старшина, община (паства – прихожане).

Судопроизводство, осуществлявшееся представителями духовной и светской власти, еще не выделилось в самостоятельную сферу со специальным аппаратом. Параллелизм и взаимодействие в области юрисдикции двух (светской и духовной) ветвей власти, отчетливо проявляющееся в постановлениях Агуэнского собора, находят свое объяснение как в конкретной исторической ситуации, характеризовавшейся острой борьбой христианства с зороастризмом и язычеством, противостоянием их правовых норм, так и в природе самого права, выступавшего, с одной стороны, частью социальной этики, с другой, частью религиозной этики[47]. Вместе с тем, необходимо отметить, что наблюдаемое в Кавказской Албании переплетение судебных и религиозных функций, участие представителей религии в судебном разбирательстве, выполнение ими судебных функций в сфере как религиозного, так и гражданского и уголовного права, в той или иной степени свойственно практически всем древним обществам.

Некоторые отрывочные и косвенные данные позволяют полагать, что в периоды безцарствия в Албании (462 – ок.465 гг., ок.510-628 гг.) функции верховного судьи и законодателя выполняли, очевидно, персидские наместники (*марзбан, канаранг*) и глава албанской церкви. В VII в. верховная судебная власть восстанавливается: албанский историк сообщает о «праведном суде и неподкупном правосудии при дворе» великого князя Албании Джеваншира (642-681).

В заключении отметим, что анализ текста выявленных в Синайской обители албанских рукописей, после их введения в научный оборот, даст возможность осветить многие вопросы общественного устройства и неразрывно связанного с ним права Кавказской Албании. В особенности, это касается албанской социально-экономической и правовой терминологии, которая до последнего времени нам была неизвестна.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Мамедова Ф.Дж.* «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку. 1977. С.153-175.
2. См., напр.: *Пахомов Е.А.* Чеканка в Албании подражаний монетам македонским или селевкидским в I в. до н.э. //Тр. Музея истории Азербайджана. Т. V. Баку. 1962; *Бабаев И.А., Казиев С.М.* Кабалинский клад монет эллинистической эпохи //НЭ. Т. IX. 1971; *Дадашева С.А.* Основные черты денежного обращения Кавказской Албании //ВДИ. №4. 1977; *Она же.* Местный чекан в монетном обращении Кавказской Албании //ВДИ. №2. 1980; *Бабаев И.А.* Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку. 1990. С.155-163; *Раджабли А.М.* Нумизматика Азербайджана. Очерки истории монетного дела и денежного обращения Азербайджана. Баку. 1997. С.16-20.
3. См., напр.: *Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV-III вв. до н.э.). Киев, 1985; *Афанасьев Г.Е.* Большая семья у алан //СА. №3.1993. С.5-34, там же библиография; *Ольховский В.С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции //РА. №2. 1995. С.85-96.
4. *Гаджиев М.С.* Древний город Дагестана. Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М., 2002. С.212-235.
5. *Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С.* Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV) //Горы и равнины Северо-Восточного

Кавказа в древности и средние века. Махачкала. 1991. С.87-115; *Гаджиев М.С.* Древний город... С. 231-232.

6. См.: *Гаджиев М.С.* К социальной интерпретации некоторых погребений Дагестана албанского времени //Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала. 1985. С. 44-58.
7. *Strabo*. Geogr., XI, 4, 7.
8. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С.78-79.
9. *Периханян А.Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983. С.7.
10. *Strabo*. Geogr., XI, 4, 8.
11. *Павленко Ю.В.* Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев, 1989. С.71.
12. *Strabo*. Geogr., XI, 4, 7.
13. См.: *Appian*. Mitr., 103; *Plut.* Pomp., 45; *Eitrop.*, VI, 14; *Flor*, I, 40, 28; *Oros.*, VI, 4, 8.
14. *Fest*., XX; *Eutrop*., VIII, 3.
15. *Мамедова Ф.Дж.* «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку. 1977. С. 174.
16. *Гаджиев М.С.* Гемма-печать царя Албании Асвагена //ВДИ. № 1. 2003; первая публикация геммы: *Gignoux Ph.* 1975. Intailles sasanides de la collection Pirousan //Monumentum H.S. Nyberg. III. (Acta Iranica. 6. Deux Serie). Téhéran–Liège, 1975. P. 17, pl. I, fig. 2.2.
17. О сословно-классовой и административно-территориальной структуре Албании см.: *Мамедова Ф.Дж.* «История албан» Моисея Каланкатуйского... С. 70-138; *Она же.* Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986. С.89-115; *Новосельцев А.П.* Генезис феодализма в странах Закавказья. Опыт сравнительно-исторического исследования. М., 1980. С.173-207.
18. *Мамедова Ф.Дж.* «История албан» Моисея Каланкатуйского... С. 117-124.
19. *Луконин В.Г.* Завоевания Сасанидов на востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии //ВДИ. №2. 1969. С.25.
20. Кроме упомянутой геммы-печати албанского царя Асвагена известна также гемма-печать католикоса Албании и Баласакана, верно атрибутированная А.И. Колесниковым и С.Ю. Касумовой (*Колесников А.И.* Проблемы атрибуции административной топонимии на официальных сасанидских печатях //Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 1. М., 1989. С.249-250; *Kasumova S.Ju.* Le sceau du Catolicos d'Albanie et du Balâsagân //Studia Iranica. T. 20, fasc. 1. 1991. P. 23-24; публикация геммы см.: *Göbl R*. Der sâsânidische Siegelkanon. Braunschweig., taf. 33,102. 1973; *Lerner J.A*. Christian Seals of the Sasanian period. Leiden. 1977. P. 31, pl. I, 3; *Gignoux Ph.* Catalogue des sceaux, camées et bulles sasanides de la Bibliothèque Nationale et du Musée du Louvre. II. Les sceaux et bulles inscripts. Paris. 1978. P. 64, no. 7.5, pl. XXIII; *Idem*. 1980, pl. I, fig. 1; *Gyselen R*. 1993. P. 155, No. 60.13, pl. XLII, 60,13).
21. *Dasxuranci Movses.* The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci. Transl. by C.J.F. Dowsett. London, 1961. I, 26; *Каланкатуаци Мовсес.* История страны Алуанк. Пер. с древнеарм., предисл. и комментарии Ш.В. Смбатяна. Ереван. 1984. С.57-60.
22. Об Агуэнских канонах см.: *Мамедова Ф.Дж.* «История албан» Моисея Каланкатуйского... С.153-175. Там же см. библиографию.
23. *Каланкатуаци Мовсес.* Ук. соч. III, 10.
24. *Мамедова Ф.Дж.* «История албан» Моисея Каланкатуйского... С. 174.
25. *Алексидзе З.* Новые памятники письменности кавказской Албании //Христианский Восток. № 1. М., 1999; *Он же.* Предварительное сообщение об идентификации и дешифровке албанского текста, обнаруженного на Синайской горе //The History of the Caucasus. The Scientific-Public Almanac. No. 1. Baku, 2001.

26. *Мамедова Ф.Дж.* «История албан» Моисея Каланкатуйского... С. 161-172; см.: *Сукиасян А.Г.* Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма. Ереван, 1963. С. 410-420.
27. *Егишэ*. О Вардане и войне армянской. Пер. с древнеарм. И.А.Орбели. Ереван, 1971. III.
28. *Каланкатуаци Мовсес.* Ук. соч. II, 2.
29. Там же. I, 16; *Себеос*. III, 1.
30. *Мамедова Ф.Дж.* «История албан» Моисея Каланкатуйского... С. 169.
31. *Периханян А.Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983. С.65.
32. *Хоренаци Мовсес*. История Армении. Пер. с древнеарм. яз., введ. и примеч. Г.Саркисяна. Ереван, 1990. III, 20; см.: *Периханян А.Г.* Op.cit. С. 225.
33. *Сукиасян А.Г.* Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма. Ереван, 1963. С. 468; *Мамедова Ф.Дж.* «История албан» Моисея Каланкатуйского... С. 170.
34. *Мамедова Ф.Дж.* «История албан» Моисея Каланкатуйского... С. 170-171.
35. Там же. С. 171-172.
36. *Каланкатуаци Мовсес.* Ук. соч. I, 17.
37. *Гаджиев М.С.* Атрибуция геммы-печати Великого католикоса Албании и Баласакана и вопрос очередности патриаршества владык Албанской церкви //ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 472-473.
38. *Каланкатуаци Мовсес.* Ук. соч. II, 8.
39. Там же. III, 7.
40. Там же. III, 6.
41. О формах землевладения и землепользования в Албании см.: *Мамедова Ф.Дж.* «История албан» Моисея Каланкатуйского... С. 139-152; *Новосельцев А.П.* Ук. соч. С.208-247. О термине *сепхакан* см. также: *Периханян А.Г.* 1983. С.135.
42. *Периханян А.Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983. С.126.
43. *Егишэ*. О Вардане и войне армянской. Пер. с древнеарм. И.А.Орбели. Ереван, 1971, II, 50-51.
44. См.: *Периханян А.Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983. С. 137.
45. Там же. С. 206-208.
46. Для сравнения отметим, что в Византии епископский суд (episcopas audientia), как новый правовой институт, засвидетельствован в «Кодексе Феодосия» (*Cod. Theod.,* 16,2,12) во второй пол. IV в. (Codex Theodosiani).
47. *Периханян А.Г.* Ук. соч. С. 263-264.

M.S. GADZHIEV

STYDING THE RIGHT OF CAUCASIAN ALBANIA

The article puts the actual problem of studying the right of the Caucasian Albania. The author examines the sphere of sources which submit data on legal relations in the Caucasian Albania. The special attention is given to statutory acts of the Albanian tsars and in particular to Aguenian canons; as one of the greatest monuments of lawmaking in Albania.

Б.М. ГУНБА (Сухум)

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О СЕБАСТОПОЛЕ

Самое первое упоминание о городе принадлежит автору «Естественной истории» Плинию Секунду: «…племя апсилы, крепость Себастополь от Фасиса в 100 милях…»[1]. Далее он пишет так: «Остальные берега занимают дикие народы меланхлены (и) кораксы у города колхов Диоскуриады у реки Антемунт; теперь опустевшего, но некогда настолько славного, что, по словам Тимосфена, туда сходились 300 народов, говоривших на разных языках. И после того наши вели здесь свои дела при посредстве 130 толмачей»[2]. В этом сообщении, представляющем собой сложную компиляцию разновременных и разнохарактерных, но, несомненно, достоверных сведений, Себастополь и Диоскуриада представлены как два города, однако в обоих случаях эти названия локализованы в пределах Апсилии. Плиний обращает внимание и на экономическую важность Диоскуриады, подчеркивая определенное значение города для региона, который не погиб окончательно, а продолжал играть роль значительного торгового центра. Этой ситуации больше соответствовало положение Диоскуриады, о котором писал Страбон: «Эта же Диоскуриада является началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для живущих выше и соседних народностей. Во всяком случае, в этот город собирается 70 народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300). Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Большинство их – это сарматы, но все они кавказцы. Таковы мои сведения о Диоскуриаде»[3].Сравнение этих двух источников позволяет нам сделать вывод о том, что во времена Плиния началось серьезное возрождение города. Об этом свидетельствует замечание о том, что во времена Плиния римляне вели свои дела через 130 переводчиков, тогда как при жизни Страбона пользовались услугами всего лишь 70 толмачей.

Другим автором, который нам дает чрезвычайно интересные сведения о Себастополе, является Флавий Арриан. Он, как военный чиновник, по заданию римского императора Адриана в 137 г. н.э. совершил инспекционную поездку по восточному побережью Черного моря и сумел добраться до Себастополя. Им были описаны племена, обитавшие на побережье Восточного Причерноморья приблизительно до современного г. Туапсе, хотя сам он северо-западнее Себастополя не был. После описания политического положения в регионе Арриан добавляет: «Это все расстояние от Византия до Диоскурии, если плывешь направо»[4].

Для точной локализации Себастополя важное, хотя и противоречивое значение имеет все же информация Арриана. Он не указывает на границы политических образований, но в конце описания современного абхазского побережья пишет: «Рядом с абасками – саниги, в земле которых лежит Севастополь»[5]. Однако эти сведения вызывают сомнения, потому что, по его же словам, саниги жили после зихов, если двигаться вдоль побережья на северо-запад. Далее Арриан пишет: «Отсюда до реки Ахеунта – шестьдесят стадиев. Эта река разделяет зихов и санигов»[6]. Эта информация подтверждается Псевдо-Аррианом или периплом Анонимного автора, о характере и происхождении которого существуют разные точки зрения. Источник сообщает: «Эта река Ахеунт (называется Басисом) находится между зихами и санихами»[7]. Там же сказано и о том, что от реки Ахеунта до реки Абаска живут саниги. Таким образом, как нам представляется, саниги не могли жить южнее реки Абаска, которая отождествляется с современной рекой Псоу. И это обстоятельство не позволяет считать Себастополь городом санигов; между ними слишком большое расстояние (от современного г. Сухум до р. Псоу).

Следующий автор, который упоминает город Себастополь, историк III в. н.э. Ипполит Римский. Его сведения о городе скудны и неконкретны: «Сауны, так

называемые саниги, которые распространены до Понта до тех мест, где находится паремболе Апсарос (и Себастополь), причал Исос и река Фасис»[8]. Перечень географических пунктов выглядит непоследовательным. Получается, будто в III в. н.э. саниги занимали всю территорию современной Абхазии и Западную Грузию до реки Чорох. Что касается Себастополя, то он назван между прочим. Поэтому, нам представляется, что, ссылаясь на Ипполита Римского, делать какие-либо конкретные выводы весьма опрометчиво.

Упоминает Себастополь и Евсевий Кесарийский, живший во второй половине III – первой половине IV вв. н.э. Содержание его сообщения совпадает с информацией Ипполита Римского, но несколько в ином изложении: «За Каппадокией справа находятся армяне, иберы и бераны, а слева скифы, колхи и боспораны, также которых называют санигами и которые распространяются до Понта, где есть лагерь Апсарос, Себастополь (Каусилимин) и река Фасис. Эти племена распространяются до Трапезунта»[9]. В этом источнике не конкретизируется местонахождение Себастополя. Так же нет строгой последовательности названных пунктов, что указывает на плохое представление автора о Восточном Причерноморье в целом и о локализации Себастополя, в частности. Определенно лишь то, что Себастополь находится на восточном побережье Черного моря. Не ясным остается отождествление санигов с боспоранами (северянами). Распространение санигов с севера до Трапезунта, как нам кажется, не соответствует действительности.

Аммиан Марцелин, автор IV в. н.э., упоминает Себастополь под старым названием – Диоскурия: «Там среди других городов есть названные по имени реки Фазис и сейчас тоже хорошо известная Диоскурия»[9]. Не дается ни описание города, ни место его расположения. Однако на основании сообщения Плиния Секунда можно полагать, что этот город тождественен с названным им городом на территории Апсилии, недалеко от Коракса.

Важнейшей для нас является Нотиция дигнитатум – документ, составленный в конце IV – начале V вв. н.э. Этот источник интересен по многим вопросам, но мы хотели бы обратить внимание на то, что в нем упоминается Себастополь как место дислокации римского военного гарнизона[10]. Кроме того, в документе названы еще три населенных пункта в Абхазии: Пития (Пицунда), Зигана (Гудава) и Мохора. Наши коллеги, считающие Лазику этого времени мощной в военно-политическом отношении страной, отрицают наличие римских гарнизонов в Абхазии, поскольку таковых, по их мнению, не было в самой Лазике, а Абхазия того времени была ее составной частью. Поэтому вышеназванные пункты, включая Себастополь, были объявлены расположенными в Армении, поскольку там имелись аналогичные топонимы. Однако С. Каухчишвили убедительно показал, что упомянутый в Нотиции дигнитатум Себастополь представляет собой ничто иное, как городской центр на месте нынешнего Сухума. При этом он сослался на один из древнегрузинских источников, упоминающий о деятельности Андрея Исповедника: «Оттуда пошли и пришли в страну Абхазию и в город Себаста, который ныне называется Цхум»[11]. По мнению С. Каухчишвили, не только Себастополь, но и остальные три населенных пункта: Пития, Зигана и Мохора, перечисленные в Нотиции дигнитатум, располагались на территории современной Абхазии.

Таким образом, в IV веке Себастополь вместе с другими городами Абхазии являлся одним из опорных пунктов римлян на Кавказе. Если в это время империя не держала свои вооруженные силы на территории Эгриси, то Себастополь являлся не только крепостью римлян, но и важным экономическим и культурным центром Абхазии наряду с Питиунтом. Важность этого документа определяется не только тем, что он опровергает существующее мнение о нереальности пребывания римских войск на территории Абхазии в IV веке, а, наоборот, свидетельствует не только о наличии римских военных гарнизонов в стране, но и о существовании абхазских вооруженных отрядов в императорской армии. Например, командующему Тебайды вме-

сте с другими подчинялись так называемое «первое крыло» абазгов, Хибеос в Большом Оазисе и «первое крыло» абазгов в Большом Оазисе[12]. Абхазские военные отряды, находящиеся в римской армии, состояли из 500–1000 вооруженных людей и представляли собой значительную силу. С. Каухчишвили полагает, если эти отряды формировались из союзников римлян, то абазги во второй половине IV века тоже могли выступать в этой роли. Таким образом, упомянутый в Нотиции дигнитатум конный отряд, носивший имя Клавдия, мог быть вполне реальным римским гарнизоном на территории Себастополя. Кроме того, в городе находился и центр автокефальной епархии Абазгии, о чем сообщает коптский список церковных организаций, участников Никейского всемирного собора в 325 г.[12]

Некоторые сведения о Себастополе имеются в упоминавшемся нами перипле Анонимного автора, которые позволяют условно определить местнахождение города. Как выше мы уже отмечали, первое упоминание о Себастополе локализует его в земле санигов. Аноним располагает Диоскуриаду на границе римских владений: «крепость Диоскуриада является границей римских владений (с правой стороны) от входа в Понт»[13]. Однако и эта информация, как нам представляется, не соответствует действительности. Об этом пишет сам Аноним: «Царь зихов Стахемфак. Он тоже от тебя получил царство»[14]. Если Стахемфак получил свою власть от римского императора Адриана, а его подданные – зихи жили севернее реки Ахеунт, власть римских императоров заканчивалась не в Диоскуриаде-Себастополе, а распространялась на всю Зихию, т.е. значительно севернее по побережью.

Более достоверным следует считать другое сообщение Анонима: «Для идущего от Диоскуриады первая остановка будет в Питиунте, где есть стоянка для кораблей, 350 стадий или 46 и 2/3 мили». Реальность этого расстояния между Питиунтом и Себастополем признается большинством исследователей. Себастополь при этом назван значительным городом, здесь стоял римский гарнизон, о чем упоминали и Арриан, и Аноним. Последний также указывает на расстояние от реки Астелефа до города, которое, по его словам, равняется 95 стадиям или 18 милям[15].

Другие сведения о Себастополе принадлежат Стефану Византийскому и относятся, вероятно, к VI веку. Его информация, географическая сторона которой носит условный характер, часто содержит неточности, тем не менее, она представляет собой определенный интерес. Так, например, упоминая о Диоскурии на берегу Понта, Стефан Византийский отмечает, что он «…называется также Себастополем, а раньше (ее) называли Айей, как говорит Никанор»[16]. Разные названия города (Диоскурия и Себастополь), несомненно, указывают на его расположение на берегу Сухумской бухты.

Себастополь считается одним из тех мест, где проповедовали первые христианские апостолы: Андрей Первозванный и Симон Канонит (Хананит). Так, например, Никифор Ксантопулос, ссылаясь на Епифана Кипрского, пишет: «Но святой Епифан Кипрский говорит, по данным предания, что блаженный апостол Андрей просветил скифов, согидийцев и горсионов в большом Себастополе, где находятся лагерь Апсарос и причал Исос и река Фазис»[17]. Далее он же, рассказывая о деятельности апостола Андрея, подчеркивает его присутствие в Себастополе: «А Симон и Андрей пошли в Аланию и город Пуста. Они совершили множество чудес, многих просветили и пошли в Абазгию. Когда вступили в большой Себастополь, проповедовали божье слово»[18].

Прокопий Кесарийский также оставил сведения о распространения христианства в Абазгии: «Тогда же император Юстиниан воздвиг у абазгов храм Богородицы и, назначив к ним священников, добился того, чтобы они приняли весь христианский образ жизни»[19]. Себастополь в данном случае не упоминается, но есть мнение, что Юстиниан построил храм абазгам там, где его раньше не было. Таким местом мог быть Себастополис. В качестве аргумента в пользу этой гипотезы можно рассматривать обнаружение на территории Сухумской крепости остатков большого

храма, оригинального в своем архитектурном решении. Возможно, что именно после его сооружения Себастополис становится духовным центром Абхазии. Кроме того, Прокопий Кесарийский оставил некоторые детали этнополитического положения на побережье, основанного на информации Арриана: «За пределами абазгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абазгов и аланов. По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи. В древности этим зехам римский император назначал царя; теперь эти варвары ни в чем уже не повинуются римлянам. За ними живут сангины; приморской же частью их страны издревле владели римляне. Для устрашения они выстроили два приморских укрепления, Себастополь и Питиунт, находящиеся друг от друга на расстоянии двух дней пути, и с самого начала держали здесь военный гарнизон. В прежнее время, как я сказал, легионы римских войск занимали все местечки на побережье от Трапезунта до страны санигов; теперь же у них остались только два этих укрепления, в которых еще в мое время стояли гарнизоны»[20]. В данном случае Прокопий упоминает город в связи с изложением истории Абхазии. Как и в другом эпизоде, он подчеркивает то, что город был построен римлянами для устрашения санигов и с того времени до VI века в нем стояли римские гарнизоны. Это сообщение писателя подтверждается результатами археологических раскопок.

Характеризуя поселения лазов по обе стороны реки Фазис (совр. Риони), Прокопий далее пишет: «Но только правый берег до границ Иверии населен туземцами. Все селения лазов находятся здесь на этой стороне реки; и здесь построены ими разные древние города, в числе которых: Археополь, весьма крепкий, и Себастополь, и замок Питиунт»[21]. В данном случае Прокопий Кесарийский противоречит себе, заявляя о том, что Себастополь построен лазами.

Следует напомнить о том, что Себастополь – преемник более древнего города Диоскуриады, основателями которого лазы не могли быть по многим причинам. Когда город был возрожден под другим названием, и тогда лазы не могли построить город в стране абхазов. Видимо, эта оговорка Прокопия объясняется его стремлением в изложении исторических событий подчеркнуть военно-политическую мощь Лизики. Вероятно, политическими соображениями объясняется и тот факт, что Прокопий Кесарийский называет абазгов «друзьями» римлян: «Здесь обитают разные народы; между ними аланы и авазги, издревле христианам и римлянам дружественные…»[22].

Себастополь упоминается Прокопием Кесарийским, как город, восстановленный императором Юстинианом после того, как вместе с Питиунтом он был разрушен до основания под угрозой персидского вторжения: «А сейчас царь Юстиниан весь этот Себастополь возобновил с помощью ограды и других сооружений, сделал его неприступным и украсил его улицами и сооружениями, за что по красоте и величине самым замечательным»[23]. Некоторые исследователи полагают, что «в целях дальнейшего укрепления своих стратегических и политических позиций на Кавказе, в частности в Западной Грузии, византийское правительство…в VI веке начало возводить на территории современной южной Абхазии грандиозное оборонительное сооружение, известное под названием Келасурской или Великой Абхазской стены»[24]. По мнению, З.В.Анчабадзе, Юстиниан, построив Келасурскую стену, укрепил теснины, чтобы прикрыть доступ в Лазику. Однако за стеной оставались другие владения Византии – Абазгия и Санигия. Келасурская стена начинается у устья одноименной реки, т.е. поблизости от Себастополя. Это позволяет предполагать об ее оборонительном значении и для самого города. М.М.Иващенко полагал, что Келасурская стена могла каким-то образом смыкаться с укреплениями Себастополиса. Действительно, следы каких-то оборонительных сооружений прослеживаются на дне Сухумской бухты[25]. Если М.М.Иващенко прав, то возраст этого оборонительного сооружения определяется достаточно точно, опираясь на тот факт, что именно Юстиниан окружил Себастополь стенами и укреплениями, сделавшими го-

род неприступным[26]. Во-вторых, если единство оборонительных сооружений Себастополя с Келасурской стеной соответствует действительности, то фортификационные работы, связанные с именем Юстиниана, действительно носили грандиозный характер. Однако возникает вопрос, откуда могла исходить опасность византийским интересам в регионе. События VI века указывают на Иран, но во второй половине столетия с этой угрозой было покончено, в VII веке появляется новый противник – арабы. После готских нападений византийцы с северо-западной стороны практически чувствовали себя в безопасности.

Таким образом, Прокопий Кесарийский оставил чрезвычайно интересные сведения о Себастополе и регионе в целом. Однако они зачастую носят противоречивый характер или недостаточно точны. Прежде всего, это касается вопросов расселения племен и определения характера упоминаемых населенных пунктов. Поэтому очень ценным является описание города, оставленное самим Юстинианом: «Питиунт и Себастополь нужно причислить к крепостям, нежели к городам»[27]. Это определение привлекает к себе внимание тем, что оно сделано в 535 году, за семь лет до разрушения города самими римлянами.

В списках митрополитских и епископских кафедр, входивших в Константинопольское, Иерусалимское, Антиохийское и другие патриаршества, составленных Василием Софенским, неоднократно упоминается Абазгская епархия с центром в Себастополе[28]. Следует отметить, что Абазгская епархия с центром в Себастополе впервые названа как непосредственно подчиняющаяся столичной церкви. Позднее упоминается автокефальная церковь Абазгии, центр которой также находился в Себастополе. Эти списки составлены в первой четверти IX века, другая часть – в царствование Фоки (602-610 гг.). Обе епархии были включены в первую нотицию.

Дальнейшее упоминание Себастополя начинается с VII нотиции, в которой названа епархия Абазгии во главе с архиепископом с центром в Себастополе[29]. Эта нотиция считается составленной в VII веке. В VIII нотиции названа епархия Амасии во главе с архиепископом с центром в Себастополе[30]. Издатель этого источника, С.Каухчишвили считает, что здесь допущена ошибка и вместо Амасии следует читать Абазгия. В нотиции XA Себастополь упомянут, но не подчеркнуто его значение и неизвестно, кому он принадлежит[31]. Однако надо полагать, что город относится к митрополиту Себастии. Упоминается Себастополь и в нотиции XБ[32].

Первая группа ектезисов составлена до воцарения в Византии Леона VI (886-911 гг.). В эту группу входят ектезисы I, VI, VII, VIII и IX, в которых упомянуты автокефальные архиепископы Абхазии (Абазгии) с центром в Себастополе[33]. Таким образом, автокефальная епархия Абазгии в Себастополе упоминается начиная с VII века (VII нотиция), в IX (I, VI, VIII нотиции) и в начале X веков (нотиция XБ). В последней нотиции назван и архиепископ Себастополя[34].

Надо отметить, что, судя по материалам археологического изучения Сухумской крепости, городская жизнь в Себастополе в этот период вроде бы прекращается. Об этом свидетельствуют результаты раскопок М.М.Трапша, Л.Н.Соловьева, Л.А.Шервашидзе, А.М.Апакидзе и О.Д.Лордкипанидзе. Однако по данным письменных источников Себастополь продолжает существовать как важный религиозный центр вплоть до X века, о чем свидетельствует нотиция XБ[35]. Если в других нотициях (I, VI, VIII, IX) названы автокефальные епархии, то в этой нотиции назван архиепископ Себастополя, что, возможно, подчеркивает его особую роль в регионе. Как видно, Абхазия в начале X века остается в церковном отношении независимой. И это не удивительно, потому что Абазгия (Абхазия) является независимым царством и совершенно логично подразумевать существование независимого религиозного центра. Кроме того, в это время Абхазия способствует распространению христианства на Северном Кавказе, в частности в Алании.

П.Ингороква отсутствие упоминания в нотиции XБ «архиепископа Абхазии» объяснил тем, что до царствования Константина Порфирогенета архиепископ Аб-

хазии отпал от Константинопольского патриархата и связался с мцхетским каталикосатом[36]. Нет сомнения в том, что абхазский архиепископ не мог подчиняться мцхетскому каталикосу, поскольку в политическом отношении не Абхазское царство подчинялось Картли, а, наоборот, Картли повиновалась Абхазии. Суверенная Абхазия должна была сохранять и идеологическую независимость.

Возможную подчиненность абхазской церкви от Мцхеты С.Каухчишвили обосновывает тем, что в начале X века лазская епархия со своими четырьмя епископскими кафедрами также не упоминается среди подчиненных константинопольскому патриарху. По его мнению, она присоединилась к мцхетскому каталикосату. Затем ни в одной последующей нотиции (ХГ, ХА, X Д и др.), которые датируются десятым и последующими веками, древняя епархия Лазики не упоминается в списках церквей константинопольского патриархата[37]. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что, когда все кафедры Западной Грузии откололись от последнего, только архиепископ Себастополя остался в ведении Константинополя. Однако С. Каухчишвили признает это лишь как факт его формального отношения к Константинопольскому патриархату[38].

Существует точка зрения, что Себастополь имел еще одно название – Сотириуполь, однако это заключение весьма сомнительно. Константин Порфирогенет пишет: «После границ Зихии, т.е. начиная от реки Никопсис морской берег до Сотириуполя, на расстояние 300 миль занимает страна абазгов»[39]. С.Каухчишвили, исходя из этого сообщения, утверждает, что северная граница Абазгии проходила по реке Никопсис, а южная – по Сотириуполю, а затем устанавливает местонахождение этого города. Нам представляется, что при этом он несколько искажает информацию источника, в соответствии с которым «от Старой Ахеи до Старой Лазики и реки Ахеунты раньше жили племена, которые назывались гениохи, кораксы, колики, меланхлены, махелоны, колхи и лазы, в настоящее время живут зихи»[40]. С.Каухчишвили считает, что крепость Никопсис находилась на территории лазов, позднее стала зихской административной единицей. Однако в источнике об этой перемене не сказано ни слова. Речь идет о том, что примерно в I веке здесь жили лазские племена, а, согласно Анонимному периплу, там уже жили не лазы, а зихи. Тем не менее, опираясь на отсутствие Никопсисской кафедры в списках константинопольского патриархата, С. Каухчишвили делает вывод о ее подчинении Мцхете, и далее о том, что все кафедры, расположенные южнее Никопсиса, в обязательном порядке должны были находиться в ведении Мцхеты.

Ссылаясь на мнение Л.Меликсет-Бека[41], С.Каухчишвили попытался идентифицировать город с Питиунтом, полагая, что Сотириуполь стал новым названием старого города[42]. По его мнению, Константин Порфирогенет располагал таким описанием территории Абазгии, где она была показана в более узких границах, нежели в последующем времени. В данном случае он ссылается на Арриана и Анонима, хотя эти источники ничего конкретного об этом не говорят. При этом он обращает внимание на то, что абазги занимали побережье Понта длиной 300 миль. Эта информация никем не оспаривается, в том числе и С.Каухчишвили. Арриан и Аноним дают достаточно точные цифры дистанций между географическими пунктами на побережье от Фазиса до Старой Лазики. Расстояние в 300 миль от Никопсиса достигает устья реки Фазиса, а расстояние от Никопсиса до Питиунта составляет всего лишь 124 мили. Поэтому южная граница Абазгии никак не могла находиться в районе Питиунта. Следовательно, Сотириуполь не может быть тождественен Себастополю и тем более Питиунту.

С. Каухчишвили считает, что топоним Старая Лазика существовал уже в I в. н.э., полагая, что Арриан заимствовал информацию о нем у Мениппа. Однако из сохранившихся источников известно, что между реками Абаск и Ахеунт в это время лазы не проживали. Пребывание здесь лазов логически не оправдывается хотя бы потому, что не мог какой-то лазский анклав находиться так далеко от основного

места обитания этих племен, окрестностей реки Чорох. Следует обратить внимание и на то, что Себастополь очень редко упоминается в грузинских источниках. Одно такое сообщение имеется у грузинского историка XI века Джуаншера Джуаншериани. Оно связано с походом арабского полководца Мурвана ибн Мухаммеда в Абхазию. Как известно, этот военачальник хотел окончательно покорить Картли, однако ее правители Степаноз и его сыновья Мир и Арчил бежали в Эгриси. Степаноз там умер, а его сыновья ушли в Абхазию, под защиту Анакопийской крепости. Об этом Джуаншер пишет: «Узнав о том, что картлийские цари (Мир и Арчил) и все их родичи отправились в Эгриси, и оттуда же переместились в Абхазию, пошел (Мурван Кру) следом за ними и разорил все города и крепости страны Эгриси. Разрушил и ту трехградную крепость, что есть Цихе-Годжи, преодолел пограничную Клисуру. Во время его нашествия каталикосом был Табор. И когда Глухой (Мурван) вышел в Клисуру, которая в то время являлась границей между Грецией и Грузией, разорил город Апсилии Цхум. Затем подступил к Анакопийской крепости, в которой находится икона всесвятой богородицы, нерукотворное писание, ниспосланное свыше, о котором никому неизвестно, кто нашел его на верхушке той горы, омываемой с юга морем и окруженной болотистыми лесами. Там находились в то время картлийские цари Мир и Арчил; отец же их (к тому времени) уже был мертв и похоронен в Эгриси. А эристав Леон вошел в крепость Собги, которая находится на перевальном пути в Осетию»[43]. Это упоминание города Цхум (Себастополя) связано с важным событием в жизни абхазов и грузин. Судьба этих народов в дальнейшем была связана с исходом анакопийского сражения. В источнике сказано: «Никто не мог сражаться с Глухим, ибо его воинов было больше, чем (количество) деревьев в эгрисских лесах»[44]. Известно, что все свои кавказские походы Мурван завершал триумфально. Видимо поэтому картлийские цари не верили в удачный для них исход войны. Об этом Джуаншер прямо пишет: «Во время пребывания их в Анакопийской крепости туда пришел Мурван Глухой и начал воевать с этими царями. Тогда Арчил сказал своему брату: «Этот город – крепость обречен на разрушение»[45]. Однако последнему не удалось разрушить крепость и захватить картлийских правителей. Сражение с арабами у Анакопийской крепости имело место в 738 г. Известно, что владыки Картли не смогли подготовиться к войне, с ними было незначительное количество «царской дружины и людей из родов эриставов и питиахшей, всего около тысячи (человек), а из абхазских войск две тысячи воинов»[46].

В «Картлис Цховреба» в списке царицы Анны сказано, что Цхуми (Себастополь) принадлежал как Апсилии, так и Абхазии[47]. Вероятно, эта ситуация соответствует действительности. К этому времени Апсилия и Абазгия были объединены и потому апсилийский город Цхум был одновременно признан и как город Абазгии. Таким образом, название города Себастополь просуществовало до XI века, когда город уже начинает упоминаться в грузинских летописях как Цхум. Следовательно, Себастополь возникший в начале как римская крепость, позднее стал городом Абхазского княжества, а затем и Абхазского царства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе //ВДИ. XIX-XXX. 1947-1949. С. 856-860.
2. Там же.
3. *Страбон.* География. Л., 1964. С. 472.
4. *Арриан Флавий*. Путешествие по берегам Черного моря. Тбилиси, 1961. С. 43.
5. Там же.
6. Там же. С. 52.
7. Там же. С. 92.

8. Георгика. Тбилиси. 1961. С. 20.
9. Там же. С. 112.
10. Там же. С. 175.
11. Там же. С. 177.
12. Там же. С. 5.
13. *Арриан*. Ук. соч. С. 91.
14. Там же. С. 92.
15. Там же. С. 88.
16. Георгика. Тбилиси, 1936. С. 277.
17. Георгика. Тбилиси, 1967. С. 115.
18. Там же. С. 113.
19. *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. М., 1950. С. 383.
20. Там же.
21. *Прокопий Кесарийский*. Истории войн римлян с персами. Кн. II, СПб., 1861. С. 290-291.
22. Там же. С. 221.
23. Георгика. II. Тбилиси, 1965. С. 222.
24. *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). Сухуми, 1959. С. 53.
25. *Иващенко М.М.* Великая Абхазская стена //Известия АбНО. Вып. IV. Сухум, 1926. С. 63.
26. *Прокопий Кесарийский*. О постройках //ВДИ. 1939. №3. С. 245.
27. Георгика. II. С. 33.
28. Георгика. IV. Часть 2. С. 128-129
29. Там же. С. 140.
30. Там же. С. 141.
31. Там же. С. 155.
32. Там же. С. 175.
33. Там же. С. 181.
34. Там же. С. 192 (таблица).
35. Там же. С. 185.
36. Там же. С. 196.
37. Там же. С. 198.
38. Там же. С. 201.
39. Там же. С. 203.
40. Там же.
41. *Меликсет-Бек Л.* Древнейшая Пицунда у Понта Евксинского. Тбилиси. 1916. С. 63.
42. Георгика. IV. Часть 2. С. 34.
43. *Амичба Г.* Сведения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сухуми, 1986. С. 28.
44. Там же.
45. Там же.
46. *Амичба Г.* Ук. соч. С. 29.
47. «Картлис цховреба». Тбилиси, 1942. С. 149.

B.M.GUNBA

NARRATIVE SOURCES UPON SEBASTOPOLIS

The article suggested – is a kind of a wide review upon the biggest antique and medieval center in the Eastern Black Sea region - Sebastopolis. The author proposes his own interpretation of the information remained, which allowed to define more precisely some controversial issues as to the political, cultural and religious role of the city in life of the whole region.

А.А. ЛЯПИН (Ашхабад)

РАСКОПКИ А.А. МАРУЩЕНКО НА АК-ТЕПЕ*

Селище энеолита и ранней бронзы Ак-тепе близ Ашхабада – памятник парадоксальной судьбы. Получивший достаточную известность, в том числе и за рубежом (ограниченную, впрочем, беглыми упоминаниями), изучавшийся с 1926 г., раскопанный в двух верхних слоях и прошурфованный до материка, вошедший в БСЭ, – он остается мало известным науке. Краткие печатные сведения о нем несут немного информации[1]. Подробные результаты раскопок А.А. Марущенко в 1930-31 гг.[2] и 1955-57 гг.[3] не были опубликованы; большая статья, подготовленная им, так и не появилась в печати. Добытый керамический комплекс времени Намазга IV, яркий и выразительный, введен в действие и проанализирован лишь через 20 лет[4].

Тем временем памятник беспощадно разрушается разборкой культурного слоя экскаватором с вывозкой самосвалами на удобрение огородов. Уничтожена примерно половина былого объема холма времени ранней бронзы. Поэтому стали неотложной необходимостью как обнародование имеющихся данных[5], так и организация раскопок на сносе этого поселения, ставшего исходным для характеристики ранней бронзы Центрального Прикопетдага[6].

Холм известен с 1926 г.,[7] когда его обнаружили ашхабадские краеведы П.В. Арбеков, Никифоров и Рундау[8]. В 1927 г. под руководством сотрудника Ашхабадского музея В.Д. Городецкого они провели пробные раскопки: была заложена небольшая выработка в северной части плоской вершины и 2 шурфа на СЗ склоне. В одном из них обнаружено большое количество обгоревшего зерна[9]. Своеобразие культурного облика Ак-тепе, впервые заполнившего стратиграфический разрыв между северным и южным холмами Анау[10], вызывает большой интерес; сведения о нем достигают Ташкента и Ленинграда. В июне 1927 г. его посещают научные сотрудники Среднеазкометариса (Ташкент) профессора А.А.Семенов и А.Э. Шмидт[11], а в 1928 г. представители ГАИМК М.В. Воеводский и М.П. Грязнов собрали подъемную керамику[12]. В 1929 г. Д.Д. Букинич высказался за проведение раскопок Ак-тепе наряду с Анау и Намазга[13]. По результатам исследований 20-х гг. не состоялось никаких публикаций. В эти же годы Ак-тепе посетил шведский археолог Т. Арне[14].

По сохранившемся описаниям, раскопки А.А. Марущенко в апреле-мае 1930 г. велись с участием С. А. Ершова и других краеведов, а также двух рабочих. Вершина холма представляла собой площадку размерами 22,4х6,4 м. В южной части ее стоял

* Редколлегия продолжает публикацию материалов, посвященных 100-летию выдающегося отечественного археолога А.А.Марущенко, в честь которого был выпущен XV том журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» (2006).

Рис. 1. План Ак-тепе (оценка Г. Голубченко):
1 – верхний раскоп; 2 – ЮВ раскоп; 3 – раскоп; 4 – шурф Городецкого; 5 – шурф А; 6 – шурф В; 7 – шурф С; 8 – шурф Д; 9 – шурф Е; 10 – западная траншея; 11 – южная траншея; 12 – восточный шурф; 13 – СЗ траншея; 14 – СВ шурф; 15 – южный шурф; 16–полигонометрический пункт

тригонометрический пункт. Полуметровый по высоте срез южной половины верхней площадки обнажил 5 помещений «верхнего здания», а раскоп № I размерами 5х10 м и глубиной 4,3 м у верхнего края западного склона (глубокий раскол 1930 г.) вскрыл развалины 5 сменявших друг друга зданий. Все они были отнесены к 3-й культуре Анау. На прямой, соединяющей нижнюю треть западного склона с подножьем окружающей холм платформы, размещены 5 шурфов – A, B, C, D, E (рис. I) размерами от 1х1,5 до 2х3 м и глубиной 0,5-1,5 м. В них обнажились на склоне и у подножья холма намывные слои, на платформе – ее глинобитная и кирпично-сырцовая структура, а в качестве находок – разновременная керамика от 2-й культуры Анау до средневековья. В марте 1931 г. раскопки вел один А.А. Марущенко, он закончил вскрытие верхнего здания. Оно оказалось размещенным на платформе толщиной 1-2 штыка лопаты из кирпича-сырца 25х25х10 см вперевязку, на глиняном растворе. Размеры здания в плане – 28х10 м, ориентация ЮЮЗ-ССВ. Местами в основание внешнего края стен уложены крупные необделанные камни. Стены возведены из прямоугольного сырца, кладка вперевязку на глиняном растворе. Они несли глиняную штукатурку, а в некоторых комнатах облицованы понизу кусками крупных алебастровых сосудов. Южная стенка здания усилена массивным, полукруглым в плане контрфорсом. Полы глинобитные, иногда смазаны алебастром. Помещения обычно узкие, прямоугольные, «мегаронообразные», в более широких посредине устроена тонкая стенка, на которую опиралось перекрытие. В некоторых комнатах имеются неглубокие ниши. На пересечениях или в торцах стен найдено 4 погребения детей, лежавших на правом боку, в скорченном положении. Кровля зда-

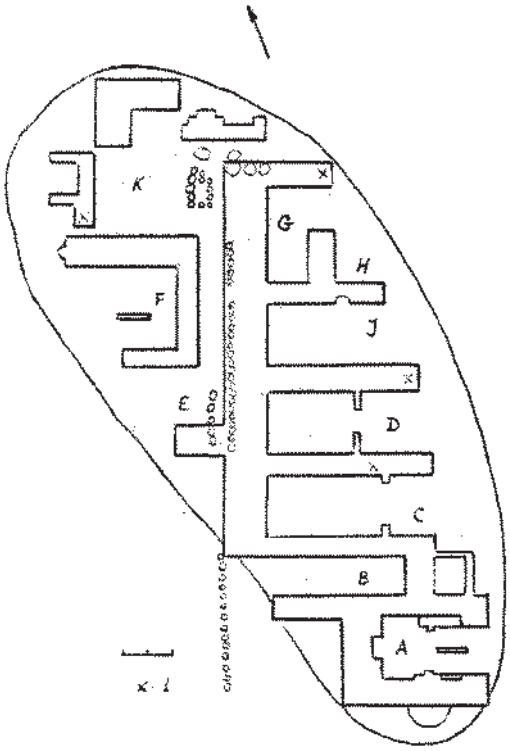

Рис. 2. План верхнего здания (1931г.)
1 – скелет ребенка

ния, видимо, плоская, с перекрытием, судя по обуг ленным остаткам из тонких жердей, покрытых камышом или соломой. Назначение и характер помещений (рис. 2):

1) святилище A – планировка обнаружилась на глубине 2-х штыков, пол – трех; передняя часть и склон против входа – обожженная земля; в передней части – несколько черепков; задняя площадка – сырцовая вымостка на «помойной» земле, I расписной сосуд;

2) комната B – план на глубине 2-3 штыка, пол сырцовый; кострище, уголь, зола, обожженная земля; 1-2 хума, преимущественно черноглиняная керамика; у внешнего конца продольной стены – вертлюжки на отметках 0, минус 90, минус 190 и минус 290 см;

3) комната C – пол на глубине 3 штыка; по низу правой стены – 30 сантиметровая панель из обломков алебастровых плиток; в западной части – сырцовая вымостка; 4 хума, черно-, красно- и светлоглиняная керамика, 2 бусины; помещение определено как мегарон;

4) комната D – план на глубине одного, пол – 2 штыков; заполнена углем, золой, обожженной глиной; то же и против входа; в западной части – сырцовая вымостка; у стыка поперечных стен – погребение ребенка; задняя стена – на каменном фундаменте; 2 хума, черно-, красно-, светлоглиняная и расписная керамика, зернотерка, ступка, «каменный блок», каменное пряслице, медное долотце, статуэтка; назначение – мегарон;

5) комната J – заполнена углем и обожженной землей; 3 хума, под двумя – кухонные сосуды, в нише – 1 расписной, 1 черноглиняный и 1 кухонный сосуд; в середине – обломки крупного красноглиняного сосуда; на конце одной продольной стены – плита и погребение ребенка, на конце другой – 2 камня;

6) площадка H – покрыта углем и обожженной землей; стена и пол оштукатурены алебастром; 2 нерасписных сосуда (светло- и красноглиняный);

7) комната G – заполнена углем и обожженной землей; сырцовый пол, смазанный алебастром; 5 кухонных сосудов; под концом стены – скелет ребенка;

8) комната F – кухня; очаг, стол, кострище, помойная земля, зола, редкие обломки черноглиняных сосудов, 1 черноглиняное пряслице и обломок хума;

9) комнатка K[15] – помойная земля; под концом стены – скелет ребенка;

10) Ш-образная комната – кострище, 1 черноглиняный сосуд;

11) комната E – купальня, вымощена черепками и сверху гравием; по низу стенок – панель из черепков; внутри комнаты – уголь и обожженная глина, много помойной земли; 1 черноглиняный сосуд[16].

Былая планировка здания сохранилась достаточно хорошо. По данным раскопа № 1, даже там, где стены выходили на склон и оказались частично смытыми, их основания уходили на глубину до 2 м, сохраняя тот же план[17].

По заключению руководителя работ, здание погибло от землетрясения. Крупные сосуды, стоявшие в жилых комнатах, были повалены в одну сторону – к западу. У выхода из южной комнаты частично сохранился костяк взрослого, придавленного завалом. Событие произошло, вероятно, в вечернее время, когда в комнатах горел огонь, вызвавший пожар рухнувшего перекрытия. Вместе с тем, катастрофа случилась, по-видимому, в теплое время года, так как обитатели поселения бросили пищу, приготовленную в наружной части комнаты E[18].

Помимо перечисленных находок, при раскопках обнаружены кости крупного и мелкого скота, а также диких животных – кулана, джейрана, зайца, лисицы. На основании различий в инвентаре отдельных частей строительного комплекса высказывалось предположение о наличии мужской и женской половины в доме[19].

Хотя руководитель работ не сделал каких-либо публикаций о раскопках, они получили известность. Подтвердилась самобытность культурного облика Ак-тепе, где черноглиняная керамика (точнее, сероглиняная с черным ангобом) преобладает над расписной. «Актепинское время» стало синонимом периода ранней бронзы для памятников в районе Ашхабада[20]. К недостаткам данного этапа изучения следует отнести невыявленность стратиграфии холма.

После раскопок изучение памятника надолго приостановилось. В последующие годы А.А. Марущенко провел детальную разведку ближних и дальних окрестностей. Между Ак-тепе и каменным мостом (существует и сейчас к востоку от холма), на берегах русла Ашхабадки обнаружена керамика 1-й и 2-й культур Анау[21]. Обширное селище мидо – ахеменидского времени, возможно, с гончарными горнами, тянущееся на 150-250 м, установлено к северу и СВ от Ак-тепе. Южнее и ЮВ последнего – места античных усадьб. Поселения 2-й культуры Анау зафиксированы у развалин крепости Мыдаван-кала в 1,5 км восточнее Ак-тепе и на одном из правобережных мысов Бикровинской долины, примерно в 0,5 км от ее начала. Еще дальше к северу и СЗ, за Кешининбаирской грядой холмов, выявлены следы селищ, синхронных 1-му зданию, в основании холма Кочкор-ата под Ашхабадом, на холме Шор-тепе у сел. Куртли, в крепости Новая Ниса и у Багира, на землях плодоовощной станции Института земледелия.

Подмечено, что трехчастная конфигурация Ак-тепе отражает его стратиграфию: плоская платформа прикрывает поверхность поселения Анау Ib, слабонаклонное основание внутреннего холма – это очертания селища AII, крутосклонная верхняя часть сложена напластованиями актепинского времени. Обращено внимание на отлогость западного и особенно СЗ склонов – признак отхода поселения к востоку. С запада располагался и подъем на поселение.

В 1950 г. С.А. Ершов провел на Ак-тепе сбор материалов[22], а в 1952 г. объект посетил проф. Б.А. Куфтин[23].

Раскопки А.А. Марущенко 1955-57 гг. освещаются далее в той мере, насколько

сведения о них отражены в дневниках. Периодически в раскопках участвовали А.Ф. Ганялин, Дж. Дурдыев, С.А. Ершов.

Работы 1955 г. имели целью уточнение стратиграфии холма и особенностей платформы. На ее СЗ, южном и западном краях пройдены траншеи шириной 1 м и глубиной до 1,4 м в сочетании с шурфами. Отдельный шурф устроен на восточном краю платформы.

Западная траншея длиной 21 м и северо-восточная – 29 м на всем протяжении вскрыли пахсово-сырцовое строение платформы, которая подходит как будто к подножью внутреннего холма. Она изрыта ямами жилищ XI-XII вв. Шурф в конце СВ траншеи доведен до глубины 4 м и от верха платформы; в нем на уровне минус 3,5 м пахсовая кладка сменилась погребенной почвой с прокладкой черепков античного времени и AIb.

Южная траншея дала в основании склона на длине около 5 м пахсовую кладку, затем выше на таком же протяжении – земляную нивелировочную засыпку с вырытыми в ней средневековыми ямами, образующими как бы верхний культурный слой. В засыпке изредка встречалась керамика – красноглиняная лощеная (преобладает), AIb, актепе, AIV. В южном шурфе размерами 1х3 м нивелировочная засыпка шла до уровня минус 2,65 м, где вскрыт горизонтальный углистый слой на полу античного здания. Шурф захватил внутренность одной из его комнат, ограниченной с севера и юга стенами из крупного сырцового кирпича. Под полом прорезана сырцовая кладка платформы здания. Шурф доведен до глубины 4,5 м и остановлен в чистом грунте, культурный слой с античной (в основном) керамикой закончился на предыдущем штыке.

Восточным шурфом 2х2 м, заложенным на месте средневекового колодца, с глубины 1,8 до 3,1 м пройдена сырцовая позднеантичная кладка с красноглиняной керамикой, несущей волнистый орнамент. Ниже залегал слой AIb до материка на глубине 6-6,25 м.

Шурф С 2х2, затем 2х1 м от 1,25 до 2,75 м обнажил сырцовую кладку с квадратным кирпичом 44^2х22 см. В сырце – фрагменты красноглиняной керамики, изредка – актепе и AIb. Ниже начался слой AIb, в котором шурф и остановлен на глубине 4 м.

Шурф D углублен в 1955 г. до 2,9 м. У его восточной торцевой стенки на 85 см вглубь шел пахсовый слой с примесью керамики от средневековой (в верхнем 25-см намывном слое) до AIb, затем 65 см – намыв с актепинской керамикой; еще ниже, в 110–см толще – слоистая земля средней плотности с редкими античными черепками, видимо, насыпная часть платформы; нижние 30 см – земля с известковыми включениями. Где-то здесь в торцевой стенке вскрылась сырцовая кладка. При углублении шурфа на 1 м в 1956 г. такая же структура продолжалась – в восточной части шел сырец, на остальной – платформа с керамикой позднеантичной, AII (красно- и черноглиняной), AIb. Шурф остановлен на каменной вымостке по всему дну.

Расчищен также шурф Е. Верхний 40-см слой – намыв, ниже – завал. На глубине 155 см – горизонтальный угольный слоек в восточной стенке; в 10 см ниже – второй такой же, на всей площади шурфа. В 25 см под нижним слоем, в южной стенке – булыжники один над другим. На глубине 2,25 м (по другой записи – 2,15) в СВ углу проступил завал сгоревшего здания времен AIIa с обгоревшими зернами пшеницы; слой вскрыт на глубину 2,9 м. В западной и южной частях шурфа продолжался средневековый колодец, южные стенки которого с отметки 1,8 м обложены булыжником[24].

Начата разработка шурфа Городецкого 4х2,5 м (рис. 3) на месте нижнего раскопа 1927 г. Под намывным слоем пройден завал, лежавший поверх тонкого алебастрового слойка. В СВ углу шурфа и в центре – ямы краеведов, в ЮВ – средневековой бадраб. Вдоль ЮЗ стенки вскрыт гончарный горн (?) удлиненной формы, с узким

дымоходом и опорным кирпичным столбом в центре. У СВ стенки – частично захваченные ямой краеведов раздавленные краснофонные (далее – КФ) сосуды с лощеной поверхностью времени AIIa, в них – обгоревшее зерно мелкой пшеницы. Оценке его возраста уделено особое внимание. Оказалось, что слой с сосудами датируется многочисленными фрагментами краснолощеной, иногда чернолощеной керамики; сверху он прикрыт намывом с керамикой AIIb-c[25]; полихромной посуды нет.

Работы в шурфе продолжались в 1956-57 гг. Выяснено, что восточная стена его – из сырца 55/54x?x10 см с примесью самана, кирпич положен «в лапу» на глиняном растворе с алебастром, покрыт чистой глиняной смазкой 1-2 см. Ориентация стены – почти С-Ю. ЮВ угол шурфа занят сырцовой кладкой из более мелких кирпичей 41x?x7 см, частично из помойной земли, швы толщиной 1-1,5 см; стенка сохранилась на высоту 0,7-0,75 м. Она более поздняя, чем сгоревшее здание. Шурф был несколько уширен веером по ее направлению. В южной части шурфа проступила кладка из сырца в 2-3 ряда, условно – суфа. Пол сгоревшего здания – толщиной в 2

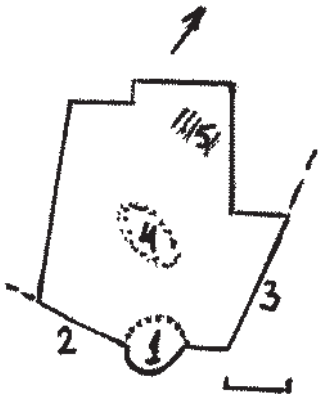

Рис. 3. Шурф Городецкого. План.
1 – средневековый колодец; 2 – верхняя стена; 3 – восточная стена; 4 – обгорелая земля с зерном; 5 – яма краеведов

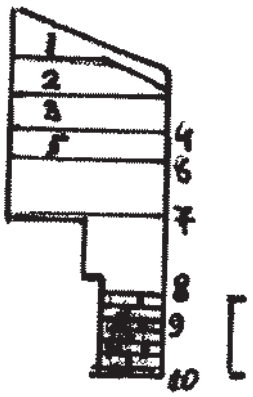

Рис. 4. Шурф Городецкого. Схема стратиграфии.
1 – намыв; 2 – завал; 3 – горелая комната с зерном; 4 – первый горелый пол; 5 – вторая горелая комната; 6 – второй горелый пол; 7 – пол с угли стой прослойкой; 8 – пол с галькой и камнем; 9 – сырцовая платформа; 10 – слой AIb

кирпича, под ним – слой уплотненной нивелировочной забутовки.

В 35 см ниже горелой комнаты вскрыт второй пол со сгоревшими жердями на нем и слоем прокаленной земли поверх. Восточный угол шурфа прорезал ранее вскрытую стену. В южной стене, у южного угла – трапецеидальный в сечении очаг с обожженными стенками и дном. Западный угол занят ямой с зольно-угольным заполнением; она наполовину захватила СЗ и ЮЗ стенки. Северный и южный углы заняты раскопом краеведов и средневековым колодцем с керамикой сельджукидского типа. Расчистка колодца дала 3 погребения, в том числе 2 женских. Одно из последних, на глубине 2,1 м, совершено под центральным надгробием. По характеру оно подобно двум предыдущим – головой на СЗ, в подбое, перекрытом сырцом. Череп сохранился с волосами, на руках и конце косы – бусы и перстень.

На глубине 0,7 м и ниже 2-го горелого пола – еще один пол с углистой 5-см прослойкой. На полу, в северной части шурфа – черепок от чаши с полихромной росписью типа AII Намазга-депе. Во врезе с этого уровня на глубину 95 см установлено, что яма краеведов заканчивается, средневековый колодец и колодец в середине шурфа продолжаются. В 105 см ниже 3-го пола вскрыт пол очередной комнаты, вымощенный галькой и камнем, ниже данного уровня попадалась только керамика AIb. Под полом пройдена кладка платформы мощностью 95 см из сырца 30х50х? см, положенного вперевязку; она заняла все дно шурфа, уменьшенного до 1х1,6м. Под платформой – культурный слой AIb с обильной и характерной керамикой, а также галькой (рис. 4).

Шурф Городецкого дал в находках наиболее многочисленную группу КФ керамики с горизонтальным лощением. Сосуды – горшечных форм с прямой, вертикально стоящей шейкой и то сильно, то слабо выраженными плечиками, кубки с характерно профилированным венчиком – широким желобком выпуклостью наружу, остроребериые сосуды. Дно уплощенное, бережки приострены, в изломе – черная глина с примесью мелкотолченого известняка, ангоб нанесен снаружи, часто и изнутри, цвет – красный, коричневый, шоколадный, с темными пятнами. Группа черной керамики включает кубки таких же форм, репчатые сосуды с отогнутым внутрь венчиком; донца и бережки аналогичны с красными сосудами; глина темно-серая, хорошо отмученная, ангоб темный, нанесен снаружи или также и изнутри.

При разработке намывных и пахсово-засыпных слоев траншей и шурфов извлечена керамика средневековая, античная, ахеменидская, актепе, AII, AIb.

Северо–западный раскоп, заложенный на месте верхнего раскопа краеведов, в основном закончен в 1955 г. и достиг глубины 3,9 м. Сверху до уровня минус 2,8 м он имел размеры 1,95х2,35 м, затем уменьшен до 1,45х? м, на уровне минус 3,38 м сечение сужено до 0,7х0,9 м. Раскопом пройден сверху слой намыва 90 см, ниже – плотный сырцовый завал. На уровне минус 1,5 м обнажен пол? в 1 ряд кирпича (толщиной 11 см); слой охарактеризован как внутренность ак-каратепинского дома из сырца размерами 43х?х13 см. Кладка стены – из сырца на ребро вперевязь. В слое – керамика переходного типа кара-ак: сероглиняная (далее – «с/г»), краснофонная, светлофонная расписная, кухонная. Второй пол залегает на уровне минус 2,8 м, толщина – 20 см. Между этими двумя ясными элементами выделены как будто еще 2 уровня полов на глубине 1,9 и 2,42 м; объем между ними состоит из завалов, причем над вторым полом встречены куски обожженного кирпича, угольки, зола. Посреди шурфа прошла средневековая яма на глубину 2,6 м с поливной керамикой саманидского типа. Третий отчетливый пол, толщиной 17 см, залегал на глубине 3,38 м. Он выстлан алебастровыми плитками, на нем – угольный 15-см слой. Под полом – культурный слой с КФ лощеной керамикой, насыщен мелким углем. Раскоп вошел в него на 38 см.

В 1956 г. к раскопу сделана прирезка по ЮВ стенке, которая не дала новых структурных элементов.

Вскрытая толща СЗ раскопа расчленена на слои (снизу вверх): Ак-тепе IIc с КФ

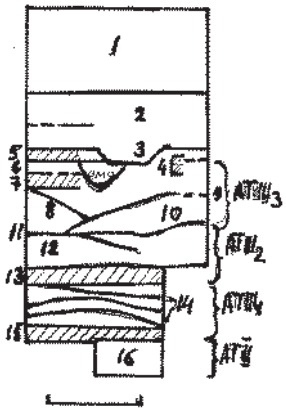

Рис. 5. СЗ раскоп. Разрез.
1 – намыв; 2 – завал; 3 – углубление со стенами, обмазанными алебастром; 4 – стена? пол? в 2 кирпича; 5 – пол толщиной 11 см; 6 – горизонтально-слоистая прослойка, сверху обожжена; 7, 13 – полы; 8 – зольный слоек; 9 – углистый слоек; 10 – строительный завал; 11 – пол?; 12 – строительный завал с кусками обожженного кирпича, угольками, золой; 14 – углистые слои; 15 – пол, вымощенный алебастровыми плитками; 16 – слой из КФ керамики

керамикой (АТ II, АТ III_1, АТ III_2, АТ III_3, рис. 5).

Юго-восточный раскоп, заложенный на месте «раскопа неизвестных», разрабатывался в 1955-57 гг. и стал наиболее важным в стратиграфическом отношении, вскрыв почти всю толщу актепинского времени. Вначале был сделан врез на склоне холма глубиной 4,85 м, шириной 2,79 м. Здесь обнаружены развалины пяти комнат (сверху вниз) – от 1-й до 5-й. Самая нижняя обживалась во время AII; слой содержал обильную КФ керамику, реже черноглиняную, иногда расписную дашлинского типа (AII) с мотивом пиловидных лент. Изредка, в пахсе или сырце, попадались черепки AIb с растительной примесью и росписью силуэтными треугольниками. Слой заканчивался каким-то полом. В 78 см выше располагался пол 4-й комнаты, с которой начинались развалины последовательно сменявших друг друга помещений кара-актепинского времени. Пол глиняный, двухслойный, общей толщиной до 20 см; поверхность нижнего обожжена. Помещение заполнено завалом, в котором найдена каменная плитка и керамика – с/г хорошей выделки, грубоглиняная от сосудов репчатой формы, расписная каратепинская и КФ лощеная. Возле (западной?) стены – куски обгорелых кирпичей, в середине стены – обломок алебастровой трубки. Мощность слоя – 108 см. Над ним возведена 3-я комната с глиняным 20-см полом, на котором лежал углистый слой такой же толщины. У западной стены, на полу – обломки толстенного красноглиняного светлоангобированного сосуда с росписью «пантерой» (т.е. точечный орнамент, имитирующий расцветку барса и пантеры), а также краснофонные расписные с мотивом пиловидной ленты. Слой этот, мощностью 92 см, явл яется завалом. В нем, на высоте 72-74 см над полом, – красноглиняные черепки каратепе с вертикальнозубчатой росписью, а в 60 см над полом – часть дверной пяты и лежащие на ней фрагменты актепинского с/г сосуда с дырчатыми стенками.

Вышележащая 2-я комната основывалась на 5-см глиняном полу, снизу будто бы обожженном, в восточной части – с алебастровой штукатуркой, которая переходит и на восточную стену. Из закладки извлечена с/г курильница, на полу находились алебастровый сосуд и светлофонные расписные черепки с растительной примесью. Толщина слоя – 84 см. Очередная, 1-я комната, имевшая в качестве пола глиняную

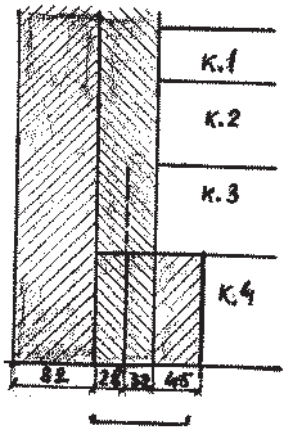

Рис. 6. ЮВ раскоп. Структура западной стены в комнатах 1-4

смазку, выходила верхом непосредственно на склон холма, поэтому сохранность ее – от 56 до 65 см, а западной стены – 1 м, выше лежал 20-см намыв. ЮЗ угол помещения смазан глиной и закопчен. Замерен сырец – 40х24х12 см. Восточная часть комнаты сохранила следы алебастровой штукатурки пола и стены. В слое найдена только с/г керамика с орнаментом волнистым и в виде бункеров с таким же заполнением и незаполненных.

В 1956 г. над первым помещением обнаружено «нулевое». Пол его – из одного ряда сырца, толщиной 15-20 см, стены смазаны глиной и закопчены. Западная стена сохранилась на высоту 81 см, верх ее выходил на склон холма. Находок не было.

До самого дна ЮВ раскопа попадались поливные саманидские черепки.

Западный торец раскопа вышел на мощную – 142 см[26] – стену, которая была общей для пяти верхних комнат. Точно так же 1-е и 2-е помещения имели одну и ту же южную стену. Комнаты расположены друг над другом, так что верхние стены служат как бы продолжением нижних. Установлена сложная структура стен. Западная состоит из двух самостоятельных слоев, выдержанных на уровне 4-0 помещений; западный из них, толщиной 82 см – с обожженной восточной поверхностью; второй элемент, 60 см, как будто на уровне 4-й комнаты делится, в свою очередь, на два: западный – 28 см и восточный – 32 см. К последнему пристроена с востока еще одна стенка – 45 см. Таким образом, западная стенка 4-й комнаты 4-слойная[27] (см. рис. 6). 45-см стенка в ЮЗ углу закругляется, доходя до стены 3-й комнаты.

Южная стена раскопа, она же стена помещений, по крайней мере, двухслойная: впритык к ней в 25 см с юга – другая стена.

Верхние комнаты раскопа, выходившие на склон холма, частично смыты: нулевая сохранилась в направлении запад-восток на 96 см, 1-я на 165 см, 2-я полностью (228 см). В последней восточная стена уцелела лишь изнутри.

Над ЮВ раскопом в 1956 г. сделана 1-я врезка на 2,4 м в высоту, внедренная вглубь холма на 1,5 м. Ширина ее по восточной стороне, (т.е. по западной стене ЮВ раскопа) – 301 см, по западной – 345 см. Южная стена врезки была продолжением той же стены ЮВ раскопа. На северной стороне прорезана метровой толщины стена, на южной обнаружено закругление – проход в какое-то южное помещение (рис. 7). Несколько позже врезка расширена к западу, найден ЮЗ угол комнаты и, по-видимому, нащупан весь южный проход. Дном врезки послужил пол помещения, лежащий в 68 см над полом нулевой комнаты. Внутренность занята «пустым» завалом, в СЗ углу – куча золы. Мощность слоя – 86 см. Он перекрыт помещением, на полу которого – кострище из прутьев и помета коз (далее «пол с кострищем»).

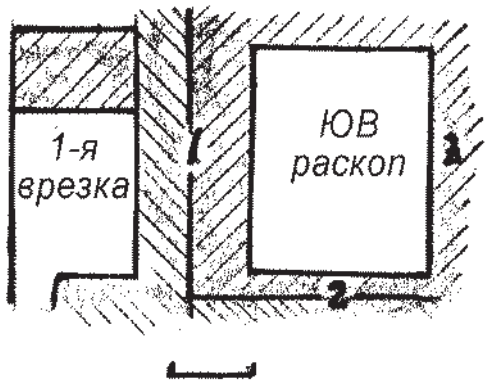

Рис. 7. ЮВ раскоп и 1-я врезка. План помещений 1955-56 гг.

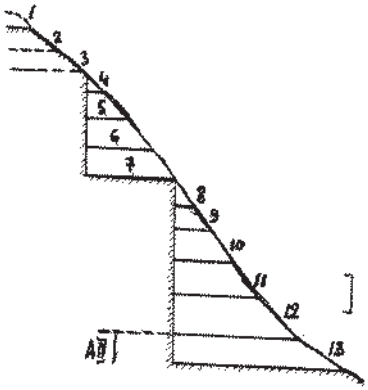

Рис. 8. ЮВ раскоп и 1-я врезка. Схема стратиграфии.
1 – первое здание; 2 – второе здание; 3 – комната над ЮВ раскопом; 4 – пол со ступкой; 5 – прокаленный пол; 6 – пол с кострищем; 7 – алебастровый пол; 8 – нулевая комната; 9 – комната 1; 10 – комната 2; 11 – комната 3; 12 – комната 4; 13 – комната 5

В нем – с/г керамика, редкие косточки винограда и зерна пшеницы. Слой кострища – 2 штыка, весь слой помещения – 74 см. В прочих находках – с/г керамика переходного типа от раннего к позднему актепе, 1 расписной черепок и с/г курильница, подобная поделке из 2-й комнаты ЮЗ раскопа. Еще выше, в ЮЗ углу врезки, расчищен пол?? с прокаленной поверхностью (далее – «прокаленный пол»). Наконец, последний, 4-й во врезке пол лежал выше предыдущего на 70 см; на нем найдена ступка (далее – «пол со ступкой») в СЗ углу, а в ЮЗ – хум и алебастровый обломок (рис. 8).

Южная часть здания заполнена завалом восточной стены и натеком более 2 м, возможно, античным. В верхних 4-й штыках врезки встречалась позднеактепинская серая керамика с «дождем» (косой штриховой орнамент). В целом 1-я врезка дала почти исключительно с/г черепки; кроме них есть красноглиняные и красноангобированные нерасписные, изредка поделки из обожженного алебастра.

В том же 1956 г. сделана 2-я врезка. Дно ее – сантиметров на 20 выше края западной торцевой стенки 1-й врезки. Южная стена – почти в створе с внутренней стороной той же стены 1-й врезки. Ширина по восточной стенке – 320 см, по западной – 290 см.

1-я врезка в 1957 г. расширена вдвое к северу и углублена до уровня 4-го помещения ЮВ раскопа. Вскрыты два стоящих почти друг на друге контрфорса, верхний из которых относится к цоколю 3-го сверху здания, а нижний, размещенный чуть южнее – к 4-му. Между ними – фрагментированный раздавленный сосуд типа Гиссара IIIb с отбитым носиком-сливником. В западной стенке раскопа – внешний край 3-го сверху здания. У южного края раскопа – контрфорс, являющийся продолжением стены, отходящей к востоку от цоколя 2-го здания на уровне 2-й врезки; контрфорс по протяжению трижды утолщается. Нулевая и 1-я комната здесь не разделены полом, вместо него в нижней из них пахса. На линии верхних контрфорсов – (еще один?) контрфорс, также с двойной или тройной обмазкой.

В слое 2-й комнаты отмечена высокая гладкая цилиндрическая ножка с/г сосуда, под полом – расписная каратепинская керамика.

На уровне 3-й комнаты – раннеактепинское кострище с обычной с/г керамикой, а также соломой и обугленными зернами хлебных злаков. Много места заняла обширная средневековая яма с поливной керамикой – по-видимому, жилище, наполовину впущенное в склон холма.

Слой 4-й комнаты включал позднекаратепинскую керамику со строгим геометрическим узором, с/г чашевидных и цилиндроконических форм с «волнами», много КФ лощеной AII. В северной стенке раскопа – обширная каверна, видимо, средневековая. Южнее ее – половина алебастровой корчаги баночной формы, диаметром более полуметра. Продолжалась средневековая яма. Характерно, что стена, делящая раскоп на северную и южную половины и пришедшая из раннеактепинского слоя, здесь резко закончилась[28].

С достигнутого уровня был опущен шурф длиной по линии З-В 2 м, ширина и глубина по 1,5 м. Пройден слой с КФ и черноглиняной керамикой AII. На глубине 5 см – смазанный алебастром пол. На него опиралась упавшая внешняя стена с направлением ВЮВ-ЗСЗ; ее отделяет южная стена в 70 см от восточной, она как будто связана с полом на глубине 1,5 м. Очевидно, в совокупности с фактом появления продольной стены во время обживания 4-й комнаты руководитель работ заключил, что вскрытая шурфом толща обнаруживает совершенно иную планировку построек, чем все вышележащие.

В пол на дне западной части шурфа, у северной стенки врыт грубоглиняный сосуд типа кухонного, без дна, уплощенной шаровидной формы, на трех «кинжаловидных» ножках (сохранились две), изнутри обмазан глиной, которая затем обожжена. Сосуд содержал золу и мелкие угольки от веточек. Сделан вывод, что здесь хранился неугасимый огонь. У северной стены – 3-ногий «жертвенник».

Стратиграфическое расчленение толщи ЮВ раскопа и 1-й врезки дано в таком виде: 5-я комната – AIIc; 4-я – раннее каратепе, 3-я – позднее; четыре верхних комнаты от 2-й до нулевой и вышележащая с алебастровым полом – раннее актепе.

В течение 1956-57 гг. верхним раскопом было полностью вскрыто второе сверху здание – 2-й строительный горизонт (СГ) поселения (рис. 9), оконтурены 3-е и 4-е («здание» следует понимать условно, на самом деле это поселок из нескольких домов). Остатки 2-го СГ сверху покрыты сильно размытым сырцово-глинобитным чехлом, под которым выявились хорошо сохранившиеся внешние стены помещений. На западном краю поселения срезана пахсовая платформа, но не сплошная, а с «карманами», заполненными зеленой помойной землей. Пахса спускалась и на склоны холма. Севернее СВ входа (о нем см. ниже) аналогичная вымостка состояла из вертикально чередующихся глинобитно-сырцовых выкладок и мусорной засыпки. СВ склон заложен камнем, сырцом и мусором. На СЗ части холма отмечены широкие пахсовые чехлы, маскирующие стены былых домов; на склоне – помойная земля, ниже – пахса, лежащая наклонно, под ней – горизонтальный слой помойной земли.

Оконтуривание верхних зданий выявило так называемые обходные дорожки – проходы между внешними стенами и склонами холма. На уровне 2-го здания на-

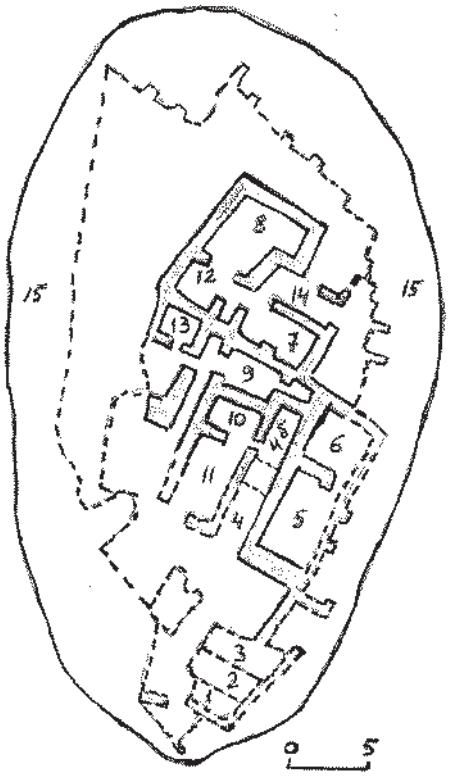

Рис. 9. План 2-го строительного горизонта.
1-13 комнаты; 14 – СВ вход; 15 – обходная дорожка

ружный край дорожки местами оказался отвесным, а кромка смытой. У северного края поселения ширина дорожки составила 1,4 м, смыв – 70 см по горизонтали и 50 по вертикали, у СЗ края соответственно 1 м, 35 и 25 см. Здесь расчищен отвес внешнего края дорожки 1,5-м высоты; снаружи – пахсовый завал, отошедший от края будто бы в результате землетрясения. Возле внешней стены комнаты 13 вскрыт обмазанный алебастром очаг глубиной 35 см полукруглых в плане очертаний, уходящий под стену. Он был прикрыт алебастровым «щитом» (крышкой). Руководитель работ допускал, что в свое время обходной дорожки здесь не существовало, отвес являлся наружной стороной внешней стены здания, очаг помещался внутри комнаты. Над ЮВ раскопом дорожки также не оказалось, на склон выходила непосредственно внешняя стена комнат (к. к.) 5 и 6. Высота ее обрыва – 2,3 м, с наклоном внутрь холма на 45 см[29].

Дорожку вокруг 2-го здания пересекают какие-то поперечные стены. Одна из них, на СЗ окраине, идет с востока на запад, продолжая направление стены между к. к. 12 и 13; выявлена в пахсовом чехле. Другая проходит по северному концу на одной линии с западной стеной к.8. К западу от себя она ограничивает площадку двора времени 3-го здания[30]. Около стены – раздавленный хум, лежащий на боку. Стена, спускающаяся по ЮВ склону, на уровне обходной дорожки обожжена, рядом с ней – раздавленный хум.

В 1957 г. выяснено, что все стены, идущие поперек дорожки, уходят вглубь. У стены возле к.8, ниже уровня дорожки, встречен кремневый двусторонне обработанный наконечник стрелы лавролистной формы.

Расчистка дорожек обнажила несколько контрфорсов внешнего обвода поселения. На западном склоне они подпирают выходящие сюда стены 3-го здания, направление стен соответствует планировке 2-го здания. Северная часть восточного склона имеет «цоколь», укрепленный тремя прямоугольными контрфорсами, два из них более крупные, средний меньше.

Северной врезкой (у к. 8) обнажен край открытой площадки с двумя прямоугольными контрфорсами.

Подпорные конструкции установлены и в южной врубке (см. ниже).

На обходных дорожках сделаны следующие находки. В пахсе, около алебастрового щита – кусок крупного расписного сосуда, в яме против щита – венчик сосуда типа AIV, над западным склоном – светлоглиняное пряслице, с/г черепок с орнаментом-елочкой. На СЗ части холма, в зеленой помойной земле, насыщенной с/г черепками, иногда расписной керамикой и костями животных, удалось найти две новые формы с/г керамики – низкая цилиндрическая миска и биконический кубок на подставке. Необычен обломок цилиндро-конического сосуда из грубой, кухонной глины. Одиночные фрагменты расписной посуды дают не характерный для верхнего здания узор. В пахсе – обильная примесь истлевших косточек винограда. Среди костей: корова короткорогая, лошадь, коза, овца?, горный баран?, собака или шакал. В кострище у наружной стороны дорожки вдоль восточного склона – зерна пшеницы, ячменя, косточки винограда. На северном конце холма – часть каратепинской чаши с «пантерами», обломок медной булавки (в другом месте указан обломок медного браслета), бронзовое долотце. Чуть ниже уровня СЗ площадки – черепки с/г цилиндро-конического сосуда с налепными изображениями змей на фоне «дождя», относятся ко времени 3-го здания.

В начале южной половины восточного склона расчищен небольшой квадратный бассейн, смазанный изнутри (алебастром?).

Второе здание возведено из кирпича-сырца с саманом, размерами (46,49,50)x23x(11,12) см, в ЮЗ части – 41x22x11 см. Кладка выполнена без перевязки. На северном конце сохранность стен – 70 см над обходной дорожкой. Помещения забиты пахсой, в проходах – частично с камнем. Кладка стен раздроблена, к северу от СВ входа они наклонены к северу. Из последних фактов был сделан вывод о гибели 2-го здания, подобно 1-му, от землетрясения, имевшего, однако, иное направление толчков – с юга на север. Разбитые стены 2-го здания не могли служить фундаментами для верхнего. Поэтому последнее спланировано совершенно иначе, а в качестве основания сооружена пахсовая платформа. Пахса чистая или с примесью самана и включениями культурного слоя. В первом случае она приготовлена из глины, взятой в окрестностях, во втором, по-видимому, из обломков стен 2-го здания. В ряде мест пахса плотно прилипла к остаткам стен, что указывает на укладку сырым способом.

Во 2-м здании преобладает с/г керамика, главный мотив орнамента – «сухой дождь». Обычны цилиндро-конические сосуды, усеченно-конические кубки и кубки с ручкой – упором (кнопкой). Часто встречается кухонная посуда, ковши из такой же глины.

Планировка вскрывалась, начиная с к.к. 1-3 (рис. 10). Первая имеет длину по южной стенке 3,4 (или 3,5) м, ширину по западной 1,4, восточной – 1,5 м. Все три стены глухие. Южная сохранилась в высоту на 40 см. Пол и стены покрыты алебастровой штукатуркой. Находок немного: обломок зернотерки, керамика – расписная (мотив – ломаные вертикальные штрих-пунктирные линии), кухонная, с/г, светлоангобированная.

Проход шириной 55 см в СЗ углу ведет во 2-ю комнату. Между комнатами – стенка толщиной 23 см, или в 1 кирпич; сохранность по высоте – 80 см. У нее – большой хум, упавший к востоку и раздавленный, стоявший на двух камнях. Его высота – до 1,5 м, наибольший диаметр тулова – 0,8 м, дна – 25 см. Вокруг него и

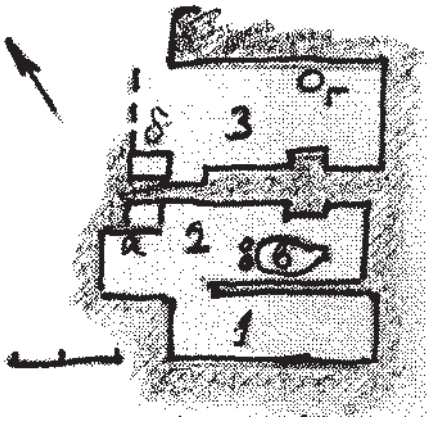

Рис. 10. Второй СГ. План комнат 1-3.
а, б – кресла; в – хум высотой 1,5 м; г – дно хума диаметром 40 см

над ним – кострище, в котором косточки винограда, 1 боб чечевицы и несколько зерен пшеницы или ячменя. У северной стены и в западной части – пахсовая забутовка, откуда извлечены с/г цилиндро-конический кубок типа светлоглиняных раннеамазгинских, горло с плечиками светлоглиняного сосуда типа Шах-тепе II, обломок колотушки-валька; расписной керамики нет. В западной части комнаты – зернотерка, в ЮЗ углу статуэтка.

Весьма необычными элементами интерьера 2-й и 3-й комнат выглядят глиняные «кресла», обмазанные алебастром. Они размещены у прохода между комнатами, спинками друг к другу высотой 35 см. Первое из них высотой 30 см, ширина сидения – 60, глубина – 50, подлокотники шириной 20 см. Сидение 2-го кресла сдвинуто относительно 1-го на 25 см к востоку. Проход в 3-ю комнату заложен стенкой в 1 кирпич. Из находок отмечены низ хума с дном диаметром 40 см, с/г двойная пинтадера[31] и полстатуэтки в восточной части.

Из эскиза к.к. 1-3 видно, что стена между к.к. 2 и 3 – толщиной 70 см и оформлена пилястрами.

О комнатах 4 и 4б нет практически никаких сведений. На рукописных схемах их разделяет большая закладка. В к.4, не имеющей замкнутого контура (западной и южной стен), – пахсово-сырцовая забутовка. Можно думать, что к.4а, которая нигде не названа, выходила на склон над ЮВ раскопом.

К.к. 5 и 6 (рис. 11) примечательны своей восточной стеной: выходящая на склон холма, толщиной 135 см, она сохранилась изнутри к.5 на высоту 30 см и усилена прямоугольными пилястрами. Наружные, размерами в плане 30х50 см, идут через 2 м; общее число их неизвестно. Внутренних, по-видимому, две, размеры 25х50 см. Западная стена к.5 – толщиной 90 см, северная в к.6 – 80 см. В ЮЗ и СЗ углах к.5 как будто тоже нащупаны пилястры; первая из них сохранилась плохо, вторая – размерами 30х50 см, расстояние между ними – 2 м[32]. У ЮЗ угла – смазанный алебастром бассейн трапецеидального сечения, длиной поверху 25 см, глубиной 60. Вход в к.5, вероятно, был с ЮВ угла, как помечено на одной из схем. Находки в к.5: светлоглиняное пряслице, ушко красноглиняного сосуда, кружок из такого же черепка, обломки грубоглиняного сосуда и ковша; с/г керамика: пряслице, женская статуэтка, половинка неорнаментированного сосуда, обломок кубка с фигурно профилированным венчиком – двойной излом по вертикали, часть сосудика (форма типа «чугунка») с разнонаклонной штриховой орнаментацией, часть усеченно-конической чаши с тем же орнаментом снаружи, а изнутри – с «волнами», обломок верха сосуда той же формы и орнамента, черепок шейки сосуда с рельефной змеей, часть

горшка с прямыми, несколько отогнутым наружу горлом, край чаши с вертикально-волнистым орнаментом вдоль бережка. В ЮЗ углу – зернотерка или дверная пята, горло с/г сосуда, кухонный сосуд с носиком, сосуд с росписью «звездой», дно алебастрового сосуда, рог горного барана. Кроме того, в комнате взяты рога оленя и козы?, 2 копытца, 2 зуба лошади?

В к.6 обнаружены отдельные с/г черепки, рог козы.

Так называемый «СВ вход» – это контур глинобитных стен[33] с внутренними размерами в плане около 4,7х1,3 м и двумя входами – восточным и северным. Первый из них оснащен пяточным камнем, второй прикрыт двумя угловыми стенками. В пору верхнего здания восточная площадка была заложена сырцом с размерами 46х23х? см. В закладке – крупные куски алебастра с примесью соломы и зерен пшеницы. Северная стенка входа – толщиной 70 см, западная – 90[34]. ЮЗ проход шириной 80 см, заложенный сырцом и смазанный по полу алебастром, также имел подпятник и вел в к.к. 8 и 12. Из находок: обычного вида с/г и кухонная керамика, расписная весьма редка; обломок стенки светлоглиняного сосуда и часть КФ кувшинчика; терка? зеленого камня в виде небольшой круглой булки, 3 алебастровых кружки разных размеров, обломок стенки алебастрового очажка, челюсть овцы, рог козы. Перед восточной дверью – астрагал джейрана, расписной КФ черепок и крупная поделка седловидной формы из алебастра с гравием.

К.8[35] со сложными очертаниями размещена к северу и западу от СВ входа. Ее северная стена – толщиной 135 см, западная – 95[36]. Северная и южная стены наклонены к северу. Посредине западной стены – суфа? размерами 2х1,5 м (С-Ю и З-В). В комнате найдено алебастровое навершие булавы, при расчистке южной части – почти целый остроребериый сосуд и обломок с/г статуэтки животного, в западной – нижняя половина с/г женской? У внешней стороны западной стены – нижняя часть такой же статуэтки, куски саманной пахсы с примесью косточек винограда, кости животных. Из слоя помойной земли над комнатой – нивелировочной засыпки 1-го здания – получены: часть с/г чаши «теккемского» типа, обломок расписного кувшина, две алебастровых полушаровых поделки – заполнение нижней части сосудов, кусок глины с примесью сгнивших зерен, бабка коровы, челюсть овцы.

Подробных описаний к.12, как и всех остальных, не имеется. Посредине – обломки красноглиняного хума.

В маленькой комнатке 13 в СВ углу расчищен небольшой горн со стоящим в нем с/г цилиндрическим сосудом. Стенка комнаты в углу у горна прокалена докрасна. Вокруг горна – кострище, в нем – раздавленная с/г биконическая чашечка-«чугунок». Комнатка была забита пахсой. Вход в нее – с юга.

У восточной стены к.13 заканчивается тупиком своеобразный планировочный элемент – западный коридор, узкий, с толстой внешней стеной. Он заложен сырцом вдоль восточной стены и пахсой – у западной. Выход из него ведет на западную площадку у к.13, а напротив – вход в к.9. В южной части коридора найдены фрагмент с/г женской статуэтки, обломок расписного сосуда, горло красноглиняного светлоангобированного горшка; возле к.11 – целый с/г остроребериый кувшин с частично отбитым горлом и полностью утраченным трубчатым носиком.

После расчистки к.7 стал хорошо заметным алебастровый пол верхнего здания и в 20-25 см ниже – второй такой же пол, соответствующий, по-видимому, загадочным алебастровым площадкам, вскрытым в 1956 г. над восточным склоном холма. Еще ниже лежал пол 2-го здания. В южной половине комнаты расчищена то ли суфа, то ли кирпичная закладка. У ЮЗ угла – прямоугольный бассейн, смазанный алебастром, восточнее его – упавший к востоку хум. Вход находился в середине западной стены[37]. В западной части комнаты обнаружен обломок с/г чаши с вертикальной стенкой и сужением ко дну, в ЮЗ углу – раздавленный хум, в восточной части – КФ черепок с черной росписью, «тарелка» из алебастра со дна хума, каменный валек, альчик и казанок барана, коровий позвонок.

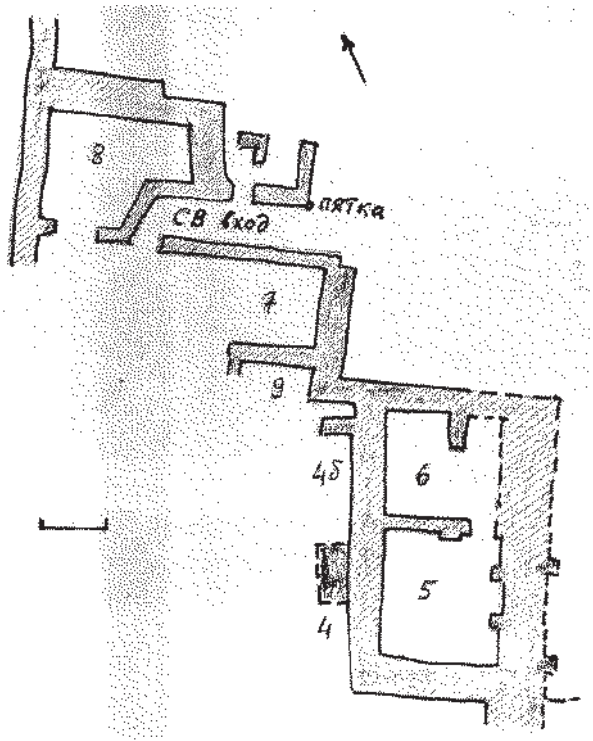

Рис. 11. Второй СГ. План построек на восточной и северной окраинах

По к.9 упомянуты лишь крупный раздавленный хум в ЮЗ углу, с/г пряслице, обломок такого же сосуда, рог горного барана, лопатка овцы. В восточной части комнаты – дополнительное помещение.

План к.10 аналогичен «мегаронам» верхнего здания. Ее восточный конец заложен пахсой и сырцом. В СЗ углу раскопан раздавленный хум, к востоку от него – раздавленная с/г хумча. Среди прочих находок – 2 пряслица, серо- и красноглиняные черепки, 2 разбитых расписных сосуда типа верхнего здания, обломок зернотерки.

Южная часть к.11 срезана глубоким раскопом 1930 г. Комната целиком забита пахсой, восточный конец – пахсой и сырцом. Восточная стена изнутри оштукатурена алебастром, с хорошо заметным уровнем пола 2-го здания. По линии западной стены идет кладка из камней, соответствующая мегарону «В» верхнего здания, под его западной стеной, и это – ориентир для увязки планов верхнего и 2-го здания. Находок в комнате не было, помимо круглого алебастрового «камня» для пращи и одиночных черепков в основном с/г керамики как примесь к пахсе. У каменной кладки – алебастровое пряслице, а между камней – средневековая керамика (что, впрочем, не должно поколебать датировку выкладки актепинским временем).

Много внимания уделено обследованию мест вокруг глубокого раскопа. Он, видимо, не задел западную стену к.11[38]. Южнее раскопа нащупан угол одного из помещений и проход, ведущий из к.3 на север[39]. Снаружи у западной стенки к.2 найдена с/г усеченно-коническая чаша, стоявшая вверх дном.

Руководитель работ считал, что поселение времени 2-го здания слагалось из четырех домов. Первый из них составляли 3 комнаты, группирующиеся вокруг СВ входа: к.8 – жилая, к.7 – хозяйственная и к.12 – неизвестного назначения. Вход в к.7 при постройке верхнего здания был заложен пахсой и сырцом. Дом не имел выхода

на площадку. Чтобы попасть туда, нужно было обойти с севера, по обходной дорожке. Второй дом состоял из 4-х комнат 9-11, 13 в средней части поселения, у западного коридора. К.13 именуется ремесленной мастерской. Три?[40] комнаты (1-3) в южной части поселения являлись, по-видимому, третьим домом, а восточные к.к. 5 и 6 – четвертым[41].

В 1957 г. на южной оконечности холма сделаны дополнительные раскопки – заложена «южная врубка». Стратиграфически она затронула 2-е и 3-е здания, а в плане доведена до кресла во 2-й комнате. Вскрыты край цоколя 2-го здания, наружная сторона стен 3-го и как будто проход, ведущий с юга внутрь. Над стенами, вплоть до пола 2-го здания – завал, прикрытый в западной части пахсовым чехлом. В пахсе под стенами 2-го здания – черепок расписного сосуда с изображением козла, дерева и человеческой фигуры, а также другого сосуда – со «звездой». На востоке врубка заканчивается прямоугольным контрфорсом, выступающим к югу. Между контрфорсом и стеной, ограничивающей врубку с запада, расчищен «диван» на 2 человека, покрытый алебастром. Сейсмический толчок повредил как его, так и верхнюю часть контрфорса, наклонив их к югу. У западной стены врубки, в ее северном конце – скамья, примыкающая к дивану.

Еще одна комната 3-го здания вскрыта над ЮВ раскопом. Проход в нее был, возможно, в ЮЗ углу, но заложен при постройке 2-го здания. СВ угол комнаты усилен контрфорсом в виде выступающего ребра. На полу у западной стены – кострище, в нем обугленные косточки винограда, зерна пшеницы и одно круглое зерно джугары или горошка зеленого? Возле восточной стены, между контрфорсами[42], выкопан шурф 2х2 м. Верхний край его на 70 см ниже верха восточной стены, от которого шел отсчет уровней в ЮВ раскопе 1956 г. На глубине 177 см пройден пол 4-го сверху здания, покрытый алебастром, а под ним на отметках 200 и 206 – еще 2 таких же пола. Стена 4-го здания сохранилась на высоту 85 см от верхнего пола. В ней, почти под северным контрфорсом, чуть ниже его – ниша со стоящей там верхушкой хума. На стене 4-го здания насажен, как в сосудах, фундамент стены 3-го здания, доходящий до верхнего края шурфа; на него опираются контрфорсы 3-го здания. Из находок выделим с/г черепки от шейки сосуда с рельефным изображением змеи, ноги обычной с/г статуэтки, задняя часть с/г статуэтки быка, медная булавка с птичьей фигуркой наверху.

Работы на памятнике завершились осенью 1957 г. закладкой трех небольших пробных шурфов у ЮВ и северного подножья внутреннего холма, а также у северного подножья платформы. Они вскрыли остатки средневековых жилищ. В результате руководитель работ посчитал, что подтвердились прежние предположения о распространении культурных слоев.

***

Такова фактическая сторона работ на Ак-тепе. С целью их истолкования на основе плана съемки и сведений о раскопках составлен сводный стратиграфический разрез (рис. 12) по линии шурфов A-B-C-D-E через верхний раскоп и до восточного шурфа, все выработки привязаны к разрезу в одной системе условных высотных отметок (у. е.) с учетом общего СВ уклона местности[43]. Это позволило откорректировать сведения по отдельным выработкам, увязать их с условиями местности, воссоздать некоторые детали общей картины культурных напластований, дать прогноз мощности отдельных слоев, рекомендовать направление будущих работ. Все данные сведены в таблицу[44]:

Выработки	Условные отметки		Глубины, м	Отметки кровли		Отметки подошвы		Мощность слоя, м		Нужно углубить на…, м
	устья	дна		AII	AIb	AII	AIb	AII	AIb	
шурф С	50,40	46,40	4	-	47,65	-	-	-	1,25(3)	1,8м-до подош вы AIb
шурф Д	51,90	48,00	3,9	-	-	-	-	-	(3-3,3)	0,8м-до кровли AIb, 3,6- до подошвы
шурф Е	56,10	53,20	2,9	53,95	-	-	-	более 0,75	-	6,2-до кро вли AIb
шурф СВ	49,50	45,50	4	-	-	-	-	-	-	2,5-до нижнего материка
восточный ш.	49,20	43,10	6-6,25	-	46,10	-	43,00	-	3	-
южный ш.	51,10	46,45	4,5-4,8	-	-	-	-	-	-	2,1-до нижнего материка
ш. Городецкого	53,40	48,75	4,65	52,40	48,80	48,80	-	3,6 (4,8)	(4,5)	-
ЮВ раскоп	-	-	-	55,63	-	-	-	(6,5)	-	-
СЗ раскоп	57,80	53,90	3,9	54,25	-	-	-	(5)	(5)	-

Обратим внимание на аномальность шурфов – СВ и южного по сравнению с восточным. Все три достигли материка, но последний гораздо глубже. Разницу нельзя объяснить уклоном местности. С другой стороны, квалификация руководителя работ вряд ли позволяет предполагать полевые ошибки. Остается допустить, что действительно были обнаружены два материка – нижний времени AIb (Намазга I) и верхний – античного (ахеменидского?). Уровень местности повысился за счет пролювиальных (селевых) отложений на 3 м за период от IV тыс. до н. э. до античности и от античности до наших дней на 0,3 м. Первоначальное поселение AIb в значительной мере погребено верхним материком.

В шурфе Городецкого кровля толщи AIb находится на 1,6 м выше уровня, определяемого шурфами С и восточным. Это первый намек на общий подъем поверхности древнейшего поселения, что, в свою очередь, выявляет сокращение примерно вдвое обжитого пятна в финальном Намазга I. Мощность слоя под шурфом Городецкого можно ожидать около 4,5 м, а в центре поселения, вероятно, не менее 5 м. Однако в целом нанесенная на разрезе кривая поверхности AIb малодостоверна, так как опирается лишь на 3 периферийные точки.

Довольно значительная мощность AIb, подсеченная окраинными шурфами, делает вероятным допущение, что подошва поселения 1-го этапа выходит за пределы очертаний платформы.

Гораздо лучше вскрыта поверхность AII (Намазга II). Показательны сдвиг поселения в конце эпохи на восточную окраину, под ЮВ раскопом, и примерно троекратное уменьшение площади по сравнению с первоначальной. Мощность слоя полностью пройдена в шурфе Городецкого – 3,6 м. Под СЗ раскопом она ожидается около 5 м, а наибольшей, видимо, будет под ЮВ раскопом – до 6-6,5 м (если только здесь не было резкого подъема уровня AIb). Поселение интересно, в частности, сырцовой платформой, которой отмежевалось от предшественников. Всего в шурфе выделено 5 СГ (включая платформу), средней мощностью 0,72 м. Исходя из нее, можно предполагать, что под СЗ раскопом накоплено 7 СГ, под ЮВ – до 9.

Оставляя пока вопрос о каратепинском слое (Намазга III), выясним общую мощность культурных отложений памятника. Съемка зафиксировала высшую точку планировки 2-го СГ на у.о. 64.71. Сюда нужно прибавить высоту 1-го СГ,

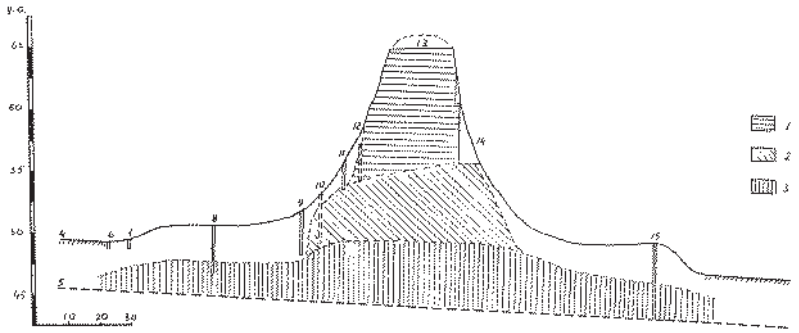

Рис. 12. Ак-тепе. Сводный стратиграфический разрез.
1 – слои Намазга IV; 2 – слои Намазга II; 3 – слои Намазга I; 4 – уровень местности; 5 – нижний материк; 6 – шурф А; 7 – шурф В; 8 – шурф С; 9 – шурф Д; 10 – шурф Городецкого; 11 – шурф Е; 12 – СЗ раскоп; 13 – верхний раскоп; 14 – ЮВ раскоп; 15 – восточный шурф

снятого раскопами 1930-31 гг. Сам А.А. Марущенко оценивал ее от 60 до 1 м[45]. Вероятно, 2-я цифра должна относиться к общей толщине слоя, включая вымостку, первая – к высоте сохранившейся планировки. Значит, наивысшая точка холма определяется на у.о. 65.70. Разность с материком в восточном шурфе (у.о. 42.10) дает наибольшую мощность слоев 22,6 м, в том числе погребено уровнем современной равнины 3,3 м.

Юго-восточный и вышележащие раскопы показали, что верхняя толща холма подразделяется на 12 строительных горизонтов (рис. 8). Руководитель работ относил 4-ю и 3-ю комнаты ЮВ раскопа к каратепинскому времени, главным образом на основании облика сопутствующей керамики. Однако этому противоречат архитектурно-планировочные наблюдения. Все 5 комнат (включая нулевую) проявляют одинаковую планировку, ритмично сменяют друг друга, имеют общие по вертикали основные стены, между слоями нет стратиграфического разрыва или вымостки, сравнимой с платформой под толщей АII. И наоборот, четко выделена совершенно иная планировка 5-го помещения, отнесенного к АII. «Каратепинские» черты керамики, вероятно, объясняются переживанием в раннеактепинскую пору, когда они постепенно исчезают. Поэтому все верхние 12 СГ должны принадлежать актепинскому времени (Намазга IV). Их суммарная мощность в ЮВ раскопе (включая также 1-3 СГ) составляет 9,08 м, в СЗ раскопе и над ним – 10,3м[46].

5-е помещение ЮВ раскопа, как самое позднее в слое АII, занимает 13 СГ. Верх слоя АII в СЗ раскопе залегает на 0,45м ниже, чем в ЮВ раскопе и, возможно, относится к 14-му СГ.

Замечается разрыв стратиграфической коленки АII между шурфом Городецкого и СЗ раскопом, где соответствующие приведенные отметки (кровля слоя в первом и дне второго) равны 52,40 и 53,90, что дает разницу 1,5 м, или 2 СГ. С учетом этого 1-е горелое здание шурфа можно относить к 17 СГ.

Увязка наиболее представительных выработок в общей стратиграфической картине иллюстрируется следующей таблицей:

Периоды	СГ	Раск опы 1930-31 гг.	Верхний раскоп 1956-57 гг.	ЮВ раскоп и врезки над ним	СЗ раскоп	Шурф Городецкого	Восточный шурф
	1	1-е здание					
Н	2	2-е здание	2-е зд ание				
А	3	3-е здание	обходная	к-та над ЮВ раск.			

Периоды	СГ	Раск опы 1930-31 гг.	Верхний раскоп 1956-57 гг.	ЮВ раскоп и врезки над ним	СЗ раскоп	Шурф Городецкого	Восточный шурф
М	4	4-е здание	дорожка	пол со ступкой			
А	5	5-е здание		прокаленн. пол			
З	6			пол с кострищ.			
Г	7			алебастр. пол			
А	8			нулевая к-та			
	9			1-я к-та	завал		
I	10			2-я к-та	АТ III_3		
V	11			3-я к-та	АТ III_2		
	12			4-я к-та	АТ III_1		
	13			5-я к-та			
Н	14				АТ II		
А	15						
М	16						
А	17					1-е горел. зд.	
З	18					2-е горел. зд.	
Г	19					пол с угл. просл.	
А	20					пол с галькой	
II	21					сырц. платформа	
Намазга I							3-метровая не расчлененная толща

Как видно, периферийные выработки не улавливают всех подробностей стратиграфии. В будущем можно наметить: закладку шурфа на месте ЮВ раскопа глубиной не менее 6 м (до кровли AIb); для выявления границ поселения AIb – доведение шурфа А до глубины 3,9 м, СВ шурфа – 6,5 м и южного – до 6,6 м.

ЮВ раскоп даже в наиболее уцелевших помещениях не выявил оборонительных стен. Ухудшение сохранности помещений с высотой их положения говорит о смыве значительных вертикалей. Внешне поселок должен был выглядеть хорошо укрепленным. Рост стен при закладке новых СГ обгонял накопление у подножья мусорных отвалов и слоев намыва. Так продолжалось до исчерпания несущей способности основания, которая резко снижалась во влажные сезоны. Итог – обрушение участков периметра поселения. Большие объемы и сложность восстановительных работ бывали не всегда посильными для небольшого древнеземледельческого коллектива. Новые постройки возводились с отступлением от обрыва. Так могло складываться сокращение обжитой площади по естественным причинам[47].

Между поселениями 2-го и 1-го СГ чувствуется временной разрыв. На него косвенно указывают сплошная вымостка, применение совершенно нового – квадратного сырца, отсутствие преемственности в планировке, сокращение обжитой площади и, видимо, некоторые новые черты в керамике. Судьба 2-го поселения, в отличие от 1-го, сложилась, вероятно, по-иному, здесь нет столь явных следов сейсмического воздействия. Раздробленность и наклон стен можно отнести за счет строительной осадки основания. Состав находок обычен, целые сосуды встречались редко, нет следов пожара. Это позволяет думать, что поселение было оставлено людьми постепенно.

Не все ясно в его планировке. Судя по плану съемки[48], оно слагалось пятью домами: I – к.к. 1-3 и, возможно, 4; II – к.к. 5и 6; III – СВ вход, к.к. 7, 8, 12; IV – к.к. 4б, 10, 11. V-му дому принадлежит к. 13 и разрушенное помещение к югу, с необычно толстой стеной; сюда же формально относится и к.9. Разорванный контур внешних стен вызывает предположение о некотором упадке в конце жизни поселения, ставит вопрос о первоначальной планировке, а тем самым о строительных периодах. На последние указывают 2 уровня алебастровых полов, обрывки стен у СВ входа, 2

подпятника в начале его и конце, закладка проходов между некоторыми комнатами, может быть, пробивка новых[49], необычно толстая стена между к.к. 4 и 4б, забрасывание постройки к югу от к.13. Не исключено, что вначале поселения имело сомкнутый периметр и занимало всю верхнюю площадку. После разрушения западных стен внешние стены к.к. 8, 12 и 13 были отнесены от края, алебастровый очаг оказался под стеной.

Неизвестна роль западного коридора. Возможно, он служил своего рода улочкой-тупиком, членил застройку на отдельные дома, а также предназначался для сбора и отвода атмосферных вод, т.е. не имел кровли. В таком случае на окраинах поселения должны оставаться следы организованного водоотведения – гончарные трубки, вымостки из черепков и гравия, алебастровые желоба. Вообще то или иное решение данной задачи должно влиять на планировку поселения. От этого, как и от конструкции кровли и стен, зависело время жизни домов, вызывая ремонты, перестройки, перепланировки, находящие отражение в строительных периодах.

Особого внимания заслуживают к.к. 5 и 6. Их отличают изолированное положение, толстые стены, ЮВ ориентация, оформление наружными и внутренними пилястрами. Видимо, дом этот служил святилищем. Сомнения, вызываемые обычным характером находок, устраняются, если принять допущение о постепенном угасании поселка.

Довольно точно устанавливается соотношение планов 1-го и 2-го СГ, а также местоположение глубокого раскопа. В основании продольной капитальной стены 1-го здания лежала нижняя часть восточной стены западного коридора (трудно сказать, случайно или преднамеренно, имея в виду отсутствие преемственности планировок), которая усилена выкладкой валунов.

О контрфорсах. Выявленные во многих местах периметра поселения, они в основном относятся к 3-4 СГ и предназначались для усиления внешних стен, вышедших к склонам холма. Наружные пилястры к.5, кроме архитектурных целей, укрепляли восточную стену на крутом откосе. В целом контрфорсы, помимо чисто конструктивных функций, косвенно говорят о намерении плотного, полного обживания верхних площадок и о фортификационном назначении внешних стен, завершавших неприступной вертикалью крутые откосы поселения[50].

Древнее строительство не знало фундаментов в современном понимании, т.е. глубокого заложения[51]. Многовековой опыт выработал несколько неравноценных в инженерном отношении приемов устройства оснований:

1. Унаследованность стен, постепенное наращивание их в нескольких СГ обеспечивало наибольшую надежность построек; отсюда – стремление сохранить основные контуры старых стен, и здесь же – крупный недостаток: новый поселок развивался в жестких рамках прежней планировки.

2. Укладка забутовки, пахсово-сырцовой вымостки под отдельными постройками; основание неплохое, но при условии плотности подстилающей толщи.

3. Отсыпка нивелировочных слоев из мусора, обрушенных старых стен; наиболее ненадежное основание, с большими просадками; возможно, применялось главным образом на вспомогательных площадках – дворы, проходы и др.

4. Устройство сплошного «плаща» из пахсы и сырца при перестройке поселка (закладка нового СГ); это основание с неравномерной несущей способностью в зависимости от свойств нижележащих слоев.

5. Контрфорсы – конструкции для усиления стен; могли возводиться заранее, вместе со всей постройкой или впоследствии у стен, давших деформацию.

Осадка основания под тяжестью зданий – естественный и неустранимый процесс. Древним строителям не всегда удавалось нейтрализовать его. Следствием были расстройство выкладок полов, появление диагональных трещин в стенах, отпадение штукатурки, иногда обрушение стен. Данный вид человеческой деятельности из-за сложности его и непонятности, видимо, очень рано должен был обрасти

многочисленными ритуалами.

Что представлял собой поселок 1-го СГ? В отличие от 2-го с его некомпактной застройкой это действительно единое здание, возможно, дом-укрепление с минимальным внешним контуром, (к сожалению, не сохранившимся), под общей кровлей и с главной осью – мощной продольной стеной, на которую опиралось большинство помещений. Подобное планировочное решение ранее было неизвестно, и это может подчеркнуть различия между 1-м и 2-м поселками. Хотя задача социально-экономического анализа планировки здесь не ставится, представляется возможным толковать двухчастное строение поселка как жилья двух родственных семей с общим святилищем.

По результатам раскопок намечаются некоторые штрихи к общей истории поселения.

Руководитель работ установил, что оно возникло во второй половине AIb (Намазга I). Эпоха была заметно влажнее современной, а район памятника подвержен действию селевых потоков. Данные факторы, вероятно, должны учитываться при уяснении вопроса – почему поселок был заложен не в начале периода, а на спаде плювиала. Но странно, что в низах культурной толщи не отмечена платформа или следы затоплений. Был ли раньше обжит район с удобными землями и, видимо, хорошим источником воды (имея в виду увлажнение в джейтунское время)? Для суждений имеются, по сути, лишь два исходных момента: крайне малый объем шурфов и значительная погребенность древнего материка. Неясно, занял ли ранний поселок сразу наибольшую площадь или развивался постепенно. Воссоздается факт заметного уменьшения его территории в последний период жизни.

Вторично пункт осваивают представители совсем других, очевидно, пришлых древнеземледельческих племен. Они расселяются на обширном пространстве от Геок-тепе до Йылгынлы и Геоксюра. Облик их материальной культуры отражает КФ лощеная керамика, которую дополняет лощеная черноглиняная. Оба вида занимают суммарно различную долю в общем керамическом спектре разных поселений. На некоторых пришлая керамика существенно потеснена расписной, продолжающей сюжетные традиции предыдущего времени, а позднее – полихромно расписной посудой. На других КФ безраздельно господствует, а расписная и полихромная встречаются единицами. Ко второй группе относится Ак-тепе, а также Тилькин-депе в Геоктепинском районе.

Две особенности отличают второй этап. Во-первых, заселяется далеко не вся территория прежнего холма, а видимо, лишь его поздняя, малая и возвышенная часть. Не исключено, что причиной явились климатические изменения, сокращение дебита водоисточников. Своеобразной компенсацией стало основание двух новых поселений – у Мыдаван-кала и в Бикровинской долине. Последнее, правда, оставило крайне тонкий культурный слой. Во-вторых, была сооружена платформа, причем не просто из пахсы, а сырцовая. В ней можно видеть не только строительный прием, но и отношение к иноплеменным предшественникам[52]. Жизнь поселка нарушалась пожарами. Часть их, возможно, следует относить за счет неосторожности, скученной застройки, легкосгораемых кровель. Но сама неоднократность горелых слоев говорит скорее о враждебных внешних воздействиях. В конечной стадии поселок, сильно сократившись и отступив к восточному склону, отмирает. Главная причина этого усматривается в нарастании засушливости.

Время Намазга III на памятнике не представлено. Данный период перенес максимум аридизации климата, источники иссякли.

В раннебронзовое время (Намазга IV) вновь наступила эпоха увлажнения, что немедленно отозвалось активизацией населения. Но вместе с тем усилились и селевые потоки – угроза для селений и полей. За счет селевых отложений нарастает уровень местности, погребая материк Намазга I.

Переселенцы актепинского времени, продолжают развитие основных черт На-

мазга III как в расписной, так и в с/г керамике. В этом отношении несомненна генетическая связь Ак-тепе и Кара-депе у Артыка. Однако последний памятник, ставший классическим для Намазга III, во вторую половину данного периода необитаем. Где же смогли пережить аридное время ее представители? В Анау соответствующий слой, по-видимому, отсутствует. Намазга-депе показывает несколько другой облик расписной посуды. Вероятными резерватами остаются неизученные Кара-депе у Каушута, Кара-депе у Гяурса, а также памятники в горных районах Ирана.

Актепинцы заселяют целиком верхнюю, неровную часть холма времени Намазга II, заложив тем самым неодинаковую мощность слоев 3-го этапа в разных частях поселения. И все же сокращение обжитого пространства показательно. Наибольшая площадь поселка Намазга I превышала 2,7 га, Намазга II – примерно 0,6 га, 12-й СГ актепинского времени – только 0,34 га (3400 м^2). В планировке 1-го и 2-го СГ почти нет хозяйственных и ремесленных помещений, поэтому возникает мысль о широком использовании кровли слоев Намазга I – готовой платформы. Здесь могли размещаться загоны для скота, гончарное производство и прочие домашние промыслы, наконец, могильник. Не исключается подобное и в прошлом. В таком случае на поверхности поселка 1-го этапа должен был отложиться культурный слой Намазга II и IV. Поэтому делать вывод о прогрессирующем уменьшении населенного пункта нужно с оговорками.

Поселение 1-го СГ, судя по некоторым отличиям в культуре, основали не исконные актепинцы, а люди какого-то близкородственного племени. Оно же оставило следы селищ на Кочкор-ата, Новой Нисе, у Куртли и Багира. По-видимому, это была заметная волна переселенцев[53].

Поселки в конце актепинского времени, сильно сокращаются: на уровне 3-4 СГ – до 580 м^2, во 2-м – 440, в 1-м – 300. Показательно, что Ак-тепе – малый населенный пункт – перестало существовать первым на близлежащих соседей. Судя по керамике, несколько дольше живут более крупные Парс-депе у Безмеина. Большие поселения у Безмеинского поворота и в б. колхозе «Мир» Геоктепинского района доживают вплоть до Намазга V. Среди возможных причин угасания Ак-тепе можно, вероятно, исключить климатические и сейсмические, (несмотря на гибель 1-го здания), на первый план выступают внутренние социальные сдвиги или внешние воздействия. А.А. Марущенко был склонен объяснять сокращение позднейшего поселения распадом общины ввиду обособления отдельно хозяйствующей семьи на основе плужного земледелия и привлечения подневольного труда. Действие внешних сил, возможно, угадывается в находке кремневого наконечника стрелы лавролистной формы.

Керамика зафиксировала следы того или иного пребывания людей на Ак-тепе во все последующие эпохи.

Очередной период увлажнения – раннежелезное время не отразилось на памятнике ощутимыми наслоениями. Недолго живет и мидо-ахеменидское поселение к СВ от Ак-тепе. Завершается формирование 3-метровой толщи наносов над материком Намазга I.

За последние 2 тысячи лет наибольшие культурные накопления принадлежат поздней античности – раннему средневековью. От первой сохранились однослойные остатки жилых домов вокруг центрального холма и мелких усадеб в окрестностях. После некоторого перерыва начались работы по устройству пахсово-засыпной платформы. Они охватили площадь около 1,4 га и, возможно, имели целью закладку значительного населенного пункта. Однако его постройка почему-то не состоялась. Не исключено, что где-то в тот же период прокладываются первые кяризы к югу от холма.

Несколько веков спустя к западу от Ак-тепе возникло обширное селение. Оно заняло и весь древний памятник своими жилищами, многочисленными хозяйствен-

ными ямами. Наконец, позднее средневековье оставило могильник на северной части платформы, где совершали погребения, возможно, обитатели Мыдаван-кала.

Результаты давних раскопок А.А. Марущенко не потеряли актуальности и сейчас. Археологи уже полвека увлечены крупными объектами Юго-восточного Прикопетдага. Центральный же район имеет свои заметные особенности, весьма плохо изученные. Ак-тепе служит здесь эталоном, а драматическая судьба памятника призывает к изучению как его самого, так и всего района.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Археологическая поездка в Туркменскую ССР. Бюллетень САГУ, 1928. № 17. С. 60. Ташкент. *Ершов С.А.* От случая – к плану //Туркменоведение. Ашхабад. 1931. № 1-2. С. 77; *он же*. Итоги трех лет //Туркменоведение. Ашхабад. 1931. № 7-8. С. 55. *Грязнов М.П., Пиотровский Б.Б.* Сибирь, Казахстан и Средняя Азия //История СССР. С древнейших времен до образования древнерусского государства. Ашхабад. Ч. I. М.-Л., 1939. С. 155-157; *Ершов С.А*. Археология в ТССР за 20 лет. //ИТФАН. 1944. № 2-3.С. 31; *Горшков Г.П.* Землетрясения Туркмении //Труды Сейсмологического института АН СССР. № 122. М.-Л., 1947. С. 3; История Туркменской ССР. Макет. Т. I. Ашхабад, 1955. С. 31; *Дурдыев Д.* Итоги полевых работ сектора археологии ИИАЭ АН ТССР 1954-57 гг. //ТИИАЭ. Ашхабад. Т. V. 1959; Ак-тепе (А.А. Марущенко). БСЭ. Изд. 3. Т. I. М., 1970, С. 349.
2. Часть материалов тех лет, уцелевшая в землетрясении 1948 г., хранилась в отделе археологии Института Истории (ОАИИ) им. Ш. Батырова АН ТССР под шифрами 105 (1930 г.) и 129 (1931 г.).
3. Материалы хранились там же под шифром АТ 56/57.
4. *Сарниаиди В.И*. Южный Туркменистан в эпоху бронзы //Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976.
5. Основой статьи послужили дневники А.А. Марущенко по раскопкам 1955-57 гг., хранившееся в ОАИИ, и частично материалы его архива (находится в Институте археологии РАН).
6. Термин «Прикопетдаг» используется для кратности вместо пространного «Подгорная равнина Копетдага». Статья в основе своей написана в 1986 г.
7. Впервые он упомянут в печати под 1904 г. в связи с кяризными работами, но не в качестве археологического объекта, а как местный бугор. См.: Обзор Закаспийской об ласти за 1903 г.. Ашхабад, 1904. С. 99-100.
8. *Ершов С.А*. От случая… С. 77.
9. Архив А.А. Марущенко. д. 17. Часть материалов, собранных краеведами, сохранилась до наших дней и находится в ОАИИ, шифр I. ARK.
10. *Куфтин Б.А*. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур Анау //ИАН ТССР. Ашхабад. 1954. № I. С.23.
11. Археологическая поездка… С. 160; *Ершов С.А.* Археология в ТССР… С. 28-29. Неизвестно, проводились ли сборы материала.
12. *Ершов С.А.* От случая… С. 78. Материалы хранились в ГИМ, Ташкентском историческом музее и Музеи антропологии МГУ. В архиве последнего имелось также краткое описание Ак-тепе М.В. Воеводского (см. *Итина М.А*. Памятники энеолита и бронзового века Средней Азии. Хронологическая географическая классификация. Дисс… канд. ист. наук. Рукопись. М., 1951. С. 60); коллекция насчитывала 947 образцов керамики и I кремень (см.: *Куфтин Б.А.* Работы ЮТАКЭ… С. 23).
13. *Букинич Д.Д.* Некоторые новые данные об Анау и Намазга-тепе //Туркменоведение. 1929. № 5. С. 32, 36. Видимо, автор проводил сборы и на Ак-тепе, так как приписываемые ему материалы хранились в фондах Музея искусств г. Ташкента (см.: *Итина М.А*. Памятники энеолита… С. 7), хотя данных об этом в печати нет.
14. *Ершов С.А.* Археология в ТССР… С. 28.

15. Обозначение условно, у А.А. Марущенко оно отсутствует
16. В литературе есть сведения о 12-ти помещениях 1-го здания. См. *Ершов С. А*. Археология в ТССР… С. 31; История ТССР. Т. 1. Ашхабад, 1957 С. 44. Видимо, их источник – первоначальные взгляды руководителя работ, скорректированные в дальнейшем. Структура 1-го здания впоследствии стала трактоваться как остатки одного жилища, состоящего из 4-х жилых комнат, хозпомещения, кухни, купальни и, по-видимому, домашнего святилища. См.: *Дурдыев Д.* Итоги…С. 10.
17. Это заключение должно относиться ко второму и нижележащим зданиям, так как два верхних разделены сплошной вымосткой, исключающей связь их планировок (см. ниже).
18. Архив А. А. Марущенко. д. 17. Сейсмолог Г.П. Горшков в своей книге приводит со ссылкой на А.А. Марущенко те же сведения и сообщает некоторые новые: можно думать, что люди покинули жилище быстро и неожиданно; близ входа в одну из комнат найдены остатки нетронутого ужина – нога кулана на алебастровом блюде, и раздавленный глиняной кувшин; комнаты заполнены домашней утварью, каких-либо следов грабежа не видно. Автор задается вопросом: достаточно ли этих сведений для суждения о характере катастрофы? Ясно, что перед нами лишь намек, других подтверждений нет. Однако мысль о сейсмической гибели поселения кажется вполне допустимой. См.: *Горшков Г.П*. Землетрясения Туркмении… С. 3. Впоследствии Ак-тепе уже безоговорочно включается в перечень зарегистрированных землетрясений. См.: *Резанов И.А*. Тектони ка и сейсмичность Туркмено-Харасанских гор. М., 1959. С. 195, 200, 206, 217.
19. *Грязнов М.П., Пиотровский Б.Б.* Сибирь, Казахстан… С. 158.
20. *Марущенко А.А*.. Историческая справка (Анау) //Архитектурные памятники Туркмении». М. – Ашхабад, 1939.
21. Далее для краткости – «А».
22. Небольшая коллекция хранилась в Историческом музее ТССР, оп. 172, инв. № 2037.
23. *Куфтин Б.А.* Работы ЮТАКЭ… С. 23.
24. Размеры шурфов, согласно плану съемки: D – 2,5х1,5 м, Е – 2,65х 1 м.
25. Об исследовании зерна см.: *Якубцинер М.М.* К истории культуры пшеницы в СССР //Материалы по истории земледелия СССР. Сб. II. М.-Л., 1956. С. 109. Видимо, из ра скопа краеведов происходят обугленные зерна, «точных данных о времени сбора [которых] нет». См. *Прищепенко Л.В.* Растительные остатки с поселения Ак-тепе //СА. 1973. № 1.
26. Неизвестно, на каком уровне сделан замер; далее указываются 130 и 115 см.
27. Возможно, что расчленение 60-см стены на две имеет место и в 3-й комнате.
28. Впоследствии установлено, что основание наиболее старой, средней части этой стены заложено в толще AII на глубине примерно 60 см от ее поверхности. Попутно выявляется косвенно, по крайней мере, 3-слойное строение стены.
29. В дневниках нет сведений по дорожкам 3-го и 4-го зданий. Дорожка у подошвы 4-го отмечена на плане съемки. Остатки ее видны на Ак-тепе и сейчас.
30. Эти стены в пахсовой закладке, вероятно, должны относиться к планировке 3-го здания.
31. В другом месте названа биконическая печатка. Еще одна пинтадера найдена где-то в районе 1-й комнаты.
32. На черновой схеме к.5, рядом со 2-й пилястрой, помещена непонятная запись: «В 55 см от пилястры к югу начинаются «арки» высотой до 140 см, толщиной в 50 см – 1 кирпич». В тексте дневника каких-либо «арок» нет.
33. В одной из дневниковых записей именуется «комнатой вдоль СВ входа».
34. На черновом эскизе показано 50 см.
35. Нумерация к.к. 8-13 условна, в дневниках они называются описательно.
36. По данным 1957 г. Схема 1956 г. дает 70 см.

37. Это, по всей вероятности, первоначальное мнение. На плане съемки вход показан в СЗ углу.
38. Запись в дневнике от 11.03.57 г.: «Сделана врезка вдоль наружного края глубокого раскопа 1930 г. Расчищена кладка из камней и стена, параллельная ей, с внутренней стороны».
39. Возможно, это угол к.3, не показанный на эскизе 1956 г. и не упомянутый нигде в дневниках (или один из углов к.4?).
40. Знак вопроса, по всей вероятности, отражает неопределенность с к.к.4-4б, которые могли входить в состав третьего дома.
41. Это мнение впоследствии пересмотрено: в планировке выделено лишь 2 жилища – большое из 8 помещений, распадающихся на 4 группы, и меньшее, стоявшее вплотную к первому и имевшее 3 помещения, в том числе одно хозяйственное. См.: *Дурдыев Д.* Итоги…, стр. 10
42. Из беглого упоминания выявляется второй контрфорс у восточной стены.
43. Съемка памятника выполнена в апреле 1957 г. инженером-землеустроителем Г. Голубченко. Отметки устьев выработок взяты с плана, при этом не исключается ошибка +/-10 см. Для будущих высотных привязок можно использовать находящийся в 22 м восточнее оси южного шурфа пункт № 4269 Государственной полигонометрической сети, наземный центр которого имеет у.о.51.07.
44. Цифры в скобках означают реконструированную мощность. Иллюстрация сводного разреза данными шурфа Городецкого и СЗ раскопа, находящихся соответственно в 40 и 32 м севернее линии разреза, в некоторой мере условна и оправдывается значимостью данных выработок.
45. Архив А.А. Марущенко. д. 17.
46. В публикации (*Дурдыев Д.* Итоги… С. 8,10) мощность слоев AII указана «более 7 м», слоев AIIIa-c (позднего Намазга IV) – 8 м. Первая цифра в целом подтверждается, вторая явно занижена и не соответствует результатам раскопок. Требует уяснения большая мощность актепинской толщи. Она вызвана, видимо, ускоренной сменой строительных горизонтов ввиду сокращения срока службы глинобитных построек в более влажном климате раннебронзовой эпохи.
47. За пределами статьи остается вопрос о подразделении актепинского времени. В общем виде решение таково: ранее актепе – господство волнистого орнамента на с/г керамике, позднее – косого штрихового (дождь), переходный мотив – рисунок бункеров с волнистым заполнением. Стратиграфически перелом приходится на 6-й СГ. Дневники не содержат анализа керамического материала. Неизвестно, каковы особен ности мотивов расписной и орнамента с/г керамики «типа верхнего здания».
48. План, хотя и выполнен профессионально, но не откорректирован по данным дневников и страдает другими недостатками: высотная система его неясна; отсутствуют контуры глубокого раскопа; вместо границ верхней площадки дана бровка отвала; к.к. 1-3 очерчены пунктиром без указания толщины стен; между к.к. 3 и 5 зафиксирована толстая внешняя стена, не оговоренная в дневниках; отсутствуют поперечные стенки через обходную дорожку; показаны не все пилястры внешней стены к.5; отражена только часть контрфорсов; нет контуров южной врубки. Наконец, действительные очертания 3-го и 4-го СГ на северной площадке, по наблюдениям автора, далеко не совпадают с планом.
49. Например, из западного коридора в к.9? Из к.10 в к 4б.
50. В таком случае обходные дорожки – признак упадка.
51. Одно из немногих исключений – см. прим. 28.
52. Исследованиями автора установлена подобная платформа (но пахсовая) и в основании толщи, Намазга IV
53. В этой связи можно несколько по-другому оценивать вымостку под 1-м СГ и видеть в ней подобие платформ под толщами Намазга II и IV.

A.A.LJAPIN

A.A. MARUSHCHENKO'S EXCAVATION AT AK-TEPE

The work submits the published results of excavation for the eneolithic and early bronze settlement Ak-Tepe. The present publication is caused by the fact that results of the excavation which had been carried out by A.A. Marushchenko have not yet been published.

Годфри ГОМПЕРЦ (Рединг)

СЕМНАДЦАТЬ ВЕКОВ КОРЕЙСКОЙ КЕРАМИКИ*

Оригинальный вклад корейских мастеров в различные области искусства заслуживает гораздо более широкого признания, чем то, которое он до сих пор получил: в архитектуре, скульптуре, живописи, также как и среди декоративных изделий из бронзы, золота и лака сохранились произведения выдающейся красоты и значения. Однако только в искусстве керамики достижения Кореи получили мировое признание.

Это предпочтение, отданное корейской керамике и фарфору, за счет других и, быть может, более значительных произведений искусства, требует некоторого пояснения. Возможно, самым важным фактором явились необыкновенное бескорыстие и «безразличие», свойственные корейскому характеру, которые оставили без внимания эти изделия неизвестных ремесленников и которые вызвали безграничные восхваления японских и западных знатоков. Может показаться, что корейский гончар получал какое-то особое вдохновение от работы с землёй и огнём, воздухом и водой, которые вызывали к жизни его собственное природное мастерство. Другим важным, хотя и случайным, обстоятельством было то, что сохранилось столь большое количество керамических изделий, часто в их первозданном виде, благодаря захоронениям в могилах V–XV вв.; на протяжении этого периода много других произведений искусства погибло во время пожаров, наводнений и разрушительных войн. Отсюда следует, что произведения корейских гончаров сохранились в относительно большом количестве, тогда как прочность и небольшие размеры облегчили их распространение во всём мире. Многие из самых прекрасных экземпляров всё ещё можно увидеть только в Корее или Японии. Однако за последние пятьдесят лет было сделано много значительных приобретений и на Западе, особенно для американских коллекций...

Все выставленные образцы относятся к типам гончарных изделий из кремнистой глины (каменная масса) и фарфору, которые обжигались при более высокой температуре, чем керамические изделия, получая в результате стекловидность и –

* Как дань уважения к памяти известного ученого, долгие годы поддерживавшего отношения с российскими корееведами, редколлегия ПИФК публикует русскую версию статьи Годфри Гомперца (1904–1992), одного из пионеров изучения и коллекционирования корейской керамики и фарфора в Европе (свою коллекцию он передал в Фицвильям-музей Кембриджского университета). Статья издана в журнале Apollo (1968) в связи с демонстрацией выставки «Искусство корейского гончара» в музеях Нью-Йорка, Торонто и Чикаго. Это вторая публикация Г.Гомперца в России, первая («Селадон Корё») вышла в сборнике «Корейское классическое искусство» /Состав. Л.И.Киреева, отв. ред. Л.Р.Концевич. М.: Наука, 1972. Перевод Т.И.Киреевой (1932–2004). Печатается с незначительными сокращениями.

как следствие этого – непроницаемость. Они использовались, главным образом, как сосуды для пищи и питья – либо для каждодневного употребления, либо для погребальных обрядов. Однако с введением более совершенной техники примерно в XI веке стало осуществляться производство настоящего фарфора, который характеризовался, согласно дальневосточному определению, твёрдостью и резонансом. Результатом этого явилось керамическое производство, использовавшееся также для церемониальных и декоративных целей, особенно во второй половине периода Корё, с XII по XIV вв. При последующей династии Ли был совершён заметный поворот к более строгим утилитарным образцам.

Ранние корейские керамические изделия, вплоть до VIII или IX вв., характеризуются твёрдой серо-голубоватой массой с резным или штампованным орнаментом. Тысячи «смонтированных чаш с крышками» и других сосудов для пищи, главным образом, на высоких дырчатых ножках, были извлечены из захоронений того периода. Их примитивный характер и простота назначения увеличивают эстетическую привлекательность, соответствующую современному вкусу; но это относится и к некоторому количеству экземпляров с экстравагантными, даже барочными тенденциями, как например, искусно выполненные чаши в форме рога и колесницы (рис.1, 2). К IX в. вошли в моду большие кувшины для захоронений и урны для кремации, они были обычно покрыты замысловатыми штампованными узорами, а иногда – примитивной коричневой или зелёной глазурью.

Бóльшая утончённость, полученная от развитого искусства сунского Китая, привела к созданию селадоновых изделий в самом начале XII в., которые соперничали со своими китайскими прототипами. Об аристократическом вкусе двора и знати свидетельствуют некоторые образцы самой утончённой из когда-либо существовавшей, но лишённой аффектации керамики, красота которой усиливалась нежноголубоватой или серовато-зелёной глазурью, похожей на оперение зимородка и высоко ценившуюся в то время тёмно-зелёную яшму.

Однако мы снова видим среди всех этих сдержанных по стилю и выполненных в хорошем вкусе изделий серию причудливых и барочных (рис. 3). Китайского ученого Сюй Цзина, который посетил Корею в 1123 г., заинтересовали кубки для вина и курильницы с крышками в форме уток и львов – оригинальные замыслы, далёкие от тогдашних вкусов китайского двора, – но Сюй Цзин удовлетворился замечанием, что все остальные экземпляры, которые он видел, похожи на различные китайские изделия и «скопированы с их форм». Это было, безусловно, верно, так как в то время, когда Сюй Цзин писал это, Китай был наставником Кореи, а Корея только начинала выходить из-под его опеки в изготовлении керамики; однако она уже достигла результатов, которые поставили её изделия в один ряд с изделиями китайских императорских печей Жучжоу, и можно только делать предположения о замешательстве Сюй Цзина, если бы перед ним оказались некоторые сохранившиеся шедевры корейских гончаров с традиционными средствами выражения (рис. 4, 5, 6). Ибо фактически, несмотря на то, что всё было в соответствии с китайским вкусом, они достигли новой более высокой ступени благодаря своей непосредственности, они – как растущие цветы, которые изображали гончары, а не «застывшая музыка» китайской технической безупречности. В этом – высший триумф корейского гончара: он работал, как часть природы, а не как её интерпретатор.

Корейские гончары не только проявили совершенное мастерство в керамической лепке и моделировании, но и явились авторами двух замечательных технических нововведений, которые свидетельствуют об их способности к изобретательству. Наиболее известным из этих изобретений является развитие техники инкрустации фарфора, почти неизвестной в Китае или где-либо ещё. Различные цветные глины вдавливались или наносились кистью в выгравированный узор на массу изделия, имевшую плотность кожи, чтобы создать мягкий, но приятно контрастирующий декор. О том, насколько замечательно это могло быть, особенно говорят неко-

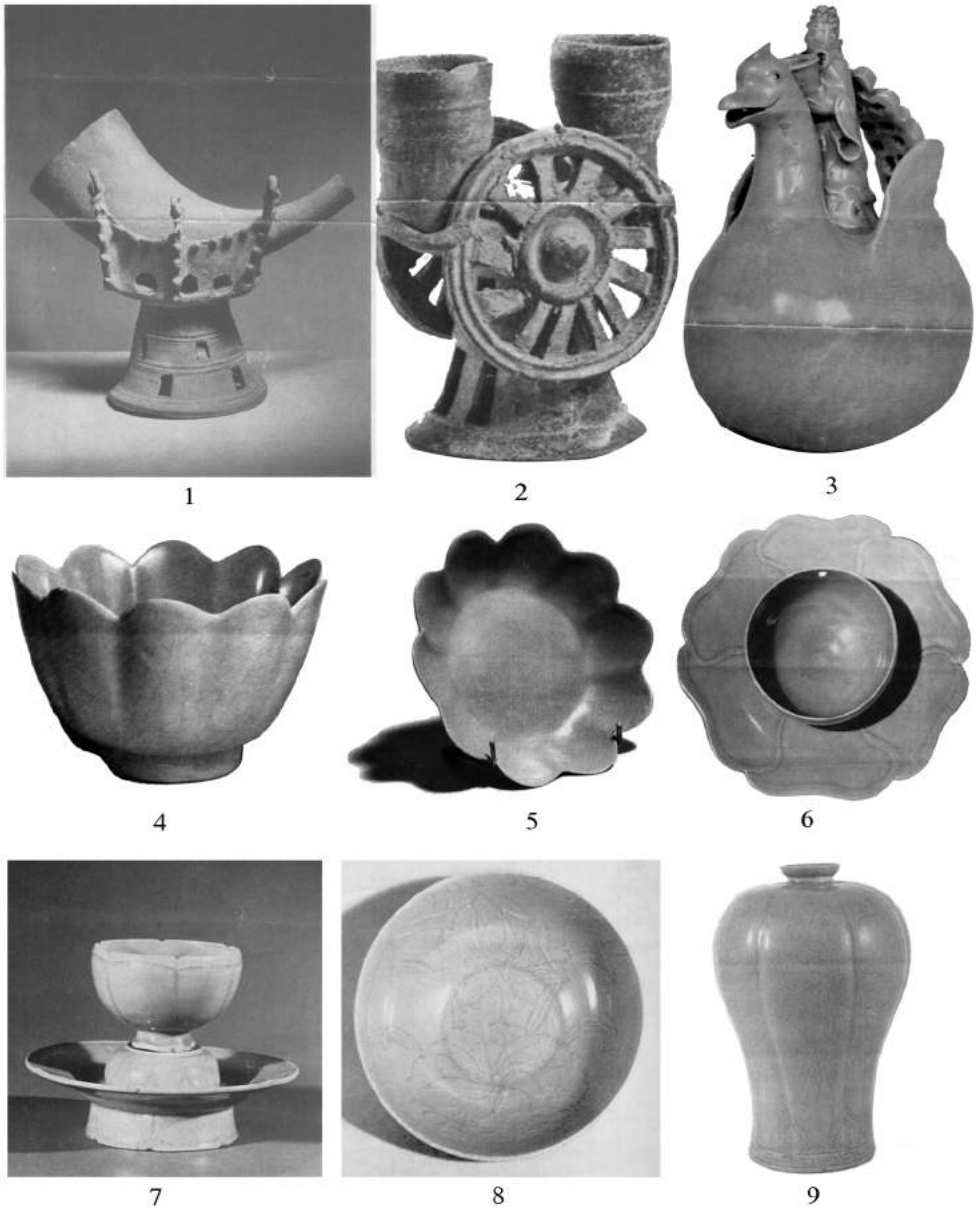

Рис. 1. Чаша в форме рога на подставке. Силла, V–VI вв. Керамическое изделие. Дл. 30,5 см. Частная коллекция, Нью-Йорк. Рис. 2. Чаша в форме колесницы. Силла, V–VI вв. Керамика. В. 15,9 см. Частная коллекция, Гонолулу. Рис. 3. Кувшин Корё, XII в. Селадон. В. 21,6 см. Художественный институт, Чикаго. Рис. 4. Чашка. Корё, начало XII в. Селадон. Дм. 13,7 см. Частная коллекция, Нью-Йорк. Рис. 5. Блюдце. Дм. 15,9 см, парное чашке рис. 4. Рис. 6. Подставка для чашки. Корё, начало XII в. Селадон. Дм. 18,4 см. Академия искусств, Гонолулу. Рис. 7. Чаша с подставкой. Корё, XII в. Селадон. В. 10,5 см. Частная коллекция, Гонолулу. Рис. 8. Чашка. Корё, XII в. Селадон. В. 10,2 см. Академия искусств, Гонолулу. Рис. 9. Ваза (*мэбён*). Корё, XII в. Селадон. В. 21,6 см. Музей искусств. Фогга, Кэмбридж, Массачусетс.

торые изящные кувшины и благородные вазы для ветки сливы (рис. 15, 11) декорированные узорами в виде веток или свободно нарисованными узорами из уток и журавлей среди цветущих деревьев или ив. Так было достигнуто что-то новое в искусстве декора, выражающее с теплотой и наивностью то, что было названо «скрытым корейским характером». Инкрустированный декор всегда белый или чёрный, но корейские гончары, кажется, опередили китайских в экспериментировании с меднокрасной, также употреблявшейся для подглазурной росписи. Несмотря на то, что всё ещё недостаточно неопровержимых свидетельств, находки в местах расположения печей, так же как и немногие сохранившиеся селадоны с красными крапинками дополнительного украшения – на цветах или головах журавлей – ясно наводят на мысль, что этот метод был изобретён в Корее во второй половине XII в.

Существует огромный контраст между утончённым и изысканным селадоном, сделанным для двора Корё, и простой, часто совсем грубой или необработанной керамикой, которая вошла во всеобщее употребление в период Ли, начиная с 1392 г.; однако именно в это время искусство корейского гончара освободилось от всего, что его сдерживало, и достигло своего полного выражения. Очевидно, при правителях Корё контроль двора всегда в каком-то смысле подавлял корейского гончара, как бы сильно это ни характеризовало дух времени. Но в период Ли гончар работал, как правило, пользуясь полной свободой выражения своих собственных представлений о красоте. Может быть, даже его низкое положение в обществе вместе с нуждой и бедностью, которые были его уделом, внесло свой вклад в неистовство созидания, которое мы наблюдаем временами в его работе. Сосуды, которые он делал, были предназначены, главным образом, для практического использования; сырьё было необработанным, и обжиг часто грубым или явно бессистемным; но формы обладают силой, а декор – буйной, свободной красотой, равную которой редко где можно найти. Роспись в коричнево-стальных или меднокрасных тонах была приведена в необыкновенное созвучие с формами изделий; в то время как процессы, такие как нанесение кистью на поверхность белых штрихов – как того требовала практическая возможность использования материалов – были превращены в искусство, так что они вызывали восхищение и копировались в Японии. Даже обычные, массового производства чашки для риса, сделанные на юге Кореи, обладают неповторимыми качествами, по мнению таких искушенных знатоков, какими были в XVI в. японские мастера чайных церемоний, и считались образцом совершенства в искусстве керамики.

С появлением в XV в. подглазурной росписи кобальтом, корейский гончар достиг совершенно иного, чем у китайцев, эффекта. Его узоры состояли, главным образом, из птиц и цветов, «осенних растений и трав», столь популярных в Японии, на больших белых фарфоровых кувшинах периода Ли (рис. 20). Сочетание простоты и нежноголубого тона декора выражают мечтательную, поэтичную чувствительность, далёкую от сложных и законченных китайских кобальтовых росписей. Здесь мы снова видим, как ошибочно «судить об изделиях Кореи по критериям, установленным исключительно на китайских образцах»,.. тем не менее это делается неоднократно западными критиками, для которых китайский стиль стал непогрешимым критерием. «Корейские гончарные изделия всегда привлекают нас, – писал один проницательный японец, – и помещение, где они находятся, несёт умиротворение».

Изделия корейских гончаров редко воздействуют на чувства яркой раскраской или технической искусностью в отличие от китайских, и кажется, что они предпочитают держаться в стороне и в тени с бесстрастным достоинством, уверенные, что в конечном итоге их особая притягательность заставит себя почувствовать. Утончённость формы, линии и тона западает в нашу память постепенно, производя эффект тем более сильный, когда он окончательно выкристаллизовывается.

Главной особенностью, которую мы видим в работе корейского гончара, является, таким образом, большое чувство формы и равновесия вместе с замечательной

Рис. 10. Кувшин. Корё, начало XII в. Селадон. В. 24,4 см. Мемориальный музей Юнга, Сан-Франциско. Рис. 11. Кувшин. Корё, XII в. Инкрустированный селадон. В. 27,3 см. Метрополитен-музей, Нью-Йорк. Рис. 12. Ваза. Корё, XIII в. Инкрустированный селадон. В. 26 см. Художественный институт, Чикаго. Рис. 13. Сосуд. Начало Ли, XV в. Керамика *пунчхон*. В. 20,3 см. Художественный музей Фогга. Рис. 14. Чашка. Начало Ли, XV в.в Керамика *пунчхон*. Дм. 18,1 см. Кливлендский художественный музей, Огайо. Рис. 15. Ваза (*мэбён*). Корё, XIII в. Инкрустированный селадон. В. 41,3 см. Ньюаркский музей, штат Нью-Джерси. Часть декора – роспись. Рис. 16. Чашка Начало Ли, XV в.в Керамика *пунчхон*. Дм. 17,1 см. Частная коллекция, Гонолулу. Рис. 17. Бутыль. Ли, XV–XVI вв. Керамика *пунчхон*. В. 30,5 см. Мемориальный музей Юнга, Сан-Франциско. Рис. 18. Сосуд. Ли, XVII в. Фарфор. В. 25,4 см. Частное собрание, Нью-Йорк. Рис. 19. Кувшин. Корё, XIII в. Селадон. В. 25,4 см. Художественный институт, Чикаго. Рис. 20. Сосуд. Ли, XVII в. Фарфор. В. 24,4 см. Лос-Анжелес, Окружной художественный музей.

свободой, недосредственностью и фантазией, Кажется, что гончар всецело посвятил себя изготовлению изделий, естественно и просто, как «естественно и просто облака плывут в небе или вода бежит в потоках», как писал другой японский автор. Прекрасные работы корейского гончара демонстрируют лёгкое изящество и простоту с декоративными росписями, выполненными сдержанно и со вкусом. Нежные, льющиеся линии в изящных контурах сосудов и в декоративных росписях по праву считаются их выдающейся особенностью.

Техническое умение не могло быть так постоянно высоко, как у китайцев, – ибо корейский ремесленник придавал большее значение своему творческому самовыражению в целом, чем дотошному выполнению деталей. Но никто никогда не превзошёл корейские изделия для двора, в которых мастерство исполнения сочеталось с красотой и благородством замысла, в то время как грубоватое мастерство и творческая энергия сельских гончаров в период Ли дали образцы самых великолепных в своей суровой красоте изделий из керамики, которые когда-либо были созданы.

G. GOMPERTZ

SEVENTEEN CENTURIES OF KOREAN POTTERY

This is the Russian translation of G. Gompertz' (1904-1992), article who was one of the founders of studying for the Korean ceramics in Europe. The article was published in «Appolo» magazine (1968) in connection with the demonstration of the exhibition «The Art of the Korean potter» staged in museums of New York, Toronto, Chicago.

ПЛЕМЕННОЙ МИР

Д.Л. БРОДЯНСКИЙ (Владивосток)

МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ КАЛЕНДАРИ В БОЙСМАНСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Читатели журнала могли прочитать на его страницах сообщения о находках произведений искусства бойсманской неолитической культуры в Приморье[1]. Описания находок портативных петроглифов, фигурок, композиций из произведений искусства и предметов-знаков неоднократно публиковались[2].

Среди свидетельств интеллектуальной деятельности бойсманцев выделяется группа календарей – 42 предмета, 39 календарей опубликованы[3]. Еще 3 календаря найдены в сезонах 2003 и 2005 годов. Все календари найдены в Бойсмана II. Этот памятник, – лучший за все годы моей работы на Дальнем Востоке, – автор открыл в 1987 году. С 1991 г. отряд Дальневосточного государственного университета под руководством А.А. Крупянко (1991–1992 гг.) и А.Н. Попова (1993–2005 гг.) ведет раскопки памятника. Памятник расположен в 500м от берега Японского моря – бухта Бойсмана в заливе Петра Великого (42°47′20″ с.ш., 131°16′30″ в.д.)[4]. Площадь памятника более 600 м^2, за 12 сезонов раскопаны 400 м^2. Памятник многослойный: 1) дораковинный слой коричневого суглинка мощностью до 30 см. с остродонной керамикой протобойсманского типа – 2 даты 7000 л.н., 7100 л.н.; 2) 6 пачек раковинных слоев общей мощностью 1.21м, чередуются пачки светлых и коричневых (с суглинком) раковин, в этих слоях бойсманской неолитической культуры, 6500-4800 л.н., открыты 2 могильника, всего 12 погребений, в них останки 36 человек[5], 2 жилища, кострища, ритуальные комплексы; 3) слой зайсановской неолитической культуры; 4) слой янковской культуры палеометалла, в нем 2 жилища, на полу одного из них два погребения. Исследован древний устричник под руслом р. Рязановки, из него добыты устрицы Crassostrea gigas, их створки на 99% составляют раковинные слои бойсманской культуры. Всего в этих слоях В.А. Раков определил 40 видов моллюсков, в нижних – сотни створок меретрикса, сейчас его нет в заливе, встречается южнее 38 ° с.ш.

Бойсманцы – арктические монголоиды, позднее оттесненные на север более многочисленным населением зайсановской (в Приморье) и вознесеновской (в Приамурье) культур. Бойсманцы с весны до осени устраивали в Бойсмана II свой промысловый лагерь на берегу теплой лагуны с опресненной водой, выращивали устриц – среди створок полностью отсутствует устричная молодь, составляющая в живых устричниках 60% поголовья. Молодь возвращали назад – высаживали ее на устричнике как на огороде. В лагуне и открытом море ловили рыбу, добывали тюленей: ларгу, сивуча, котиков, били серых китов и акул, в лесу промышляли изюбрей, пятнистых оленей, косуль, кабанов, медведей. В целом их экономика имела выраженную морскую ориентацию.

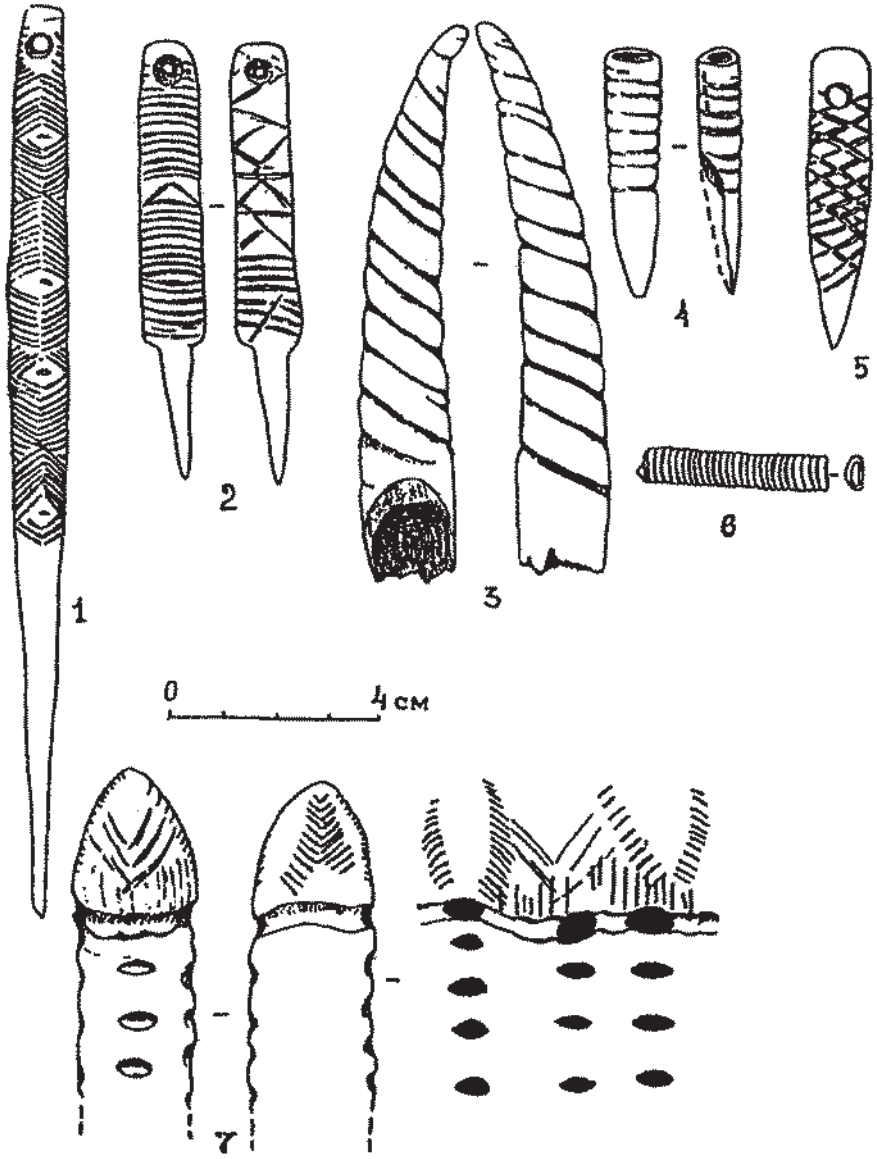

Рис. 1. Бойсмана II, первый могильник: календари, 1, 2, 4-7-кость, 3-рог.

Искусственная деформация черепов, лабретки, поворотные гарпуны, образы хозяйки моря, Ворона, гагары позволяют уверенно связать бойсманскую культуру с генезисом берингийских культур[6]. Все найденные в Бойсмана II календари – из слоев бойсманской культуры, из двух могильников и слоев раковин. Календарная графика наносилась нарезками, пропилами, ямками или передавалась рельефом на изделиях из кости и рога: бытовых – шилья, игольники, ложка, рукоять ножа, украшениях – подвески, бусины, шпильки – большинство названных изделий связаны с женскими погребениями. С мужскими погребениями связаны гривны из рога и нагрудные костяные пластины, колотушка из рога, отрезок оленьего рога. Предположительно мужские фаллическая фигурка из кости, фигурка из оленьего рога и календарь на ветви рога косули с фигуркой утки. Из 42-х календарей – 31 женские, 11 – мужские.

Первым в 1992 г. был найден календарь на шиле из кости – самый полный и сложный. В погребении №2, – центральном в первом могильнике, – за спиной 60-ти летней женщины были сложены 2 рыбных ножа, 6 иголок, каменные пилка и тесло и шило с календарем (рис. 1, 1). На выпуклой поверхности шила гравирован рисунок из 147 черт: 4 ромба с горизонтальной черточкой в центре разделяют группы нарезок – по 8 групп на каждой из двух плоскостей, всего 16 групп. Число нарезок в группах слева от зрителя: 16, ромб, 11, 11, ромб, 10, 11, ромб, 8, 4, ромб, 11, 9, ромб, 3, справа: 13, ромб, 10, 11, ромб, 8, 4, ромб, 11, 9 ромб, 3. Календарь можно считывать сверху вниз, снизу вверх, по горизонтали слева направо или наоборот, по вертикали – левой, правой. После перебора вариантов я выбрал считывание по вертикали, сначала – левой: 16 – месяцы, сезоны, 11, 11, 8, 5, 13, 3 – числа недель, умножаются на 7 – число дней в неделе. Общее число дней в левой колонке – 380, в правой – 351 день, су мма – 731 день, что равно 365+366 – числу дней в обычном и високосном годах солнечного календаря. Правая колонка – 13 месяцев, близка к лунному календарю, недостающие 3 дня могли добавляться из нижней группы слева. Числа 13 и 7 слева, 11 и 9 справа дают в су мме 40 недель беременности. Шило пожилой бойсманской дамы было универсальным календарем.

Близкий по типу календарь на костяном шиле найден в слое раковин над первым погребением второго могильника (рис. 2, 2) – этот слой на тысячелетие моложе могильника. Нижняя часть шила не сохранилась. На отполированной выпуклой поверхности шила пропилены по 7 групп черточек слева и справа, их разделяют треугольники из двух черт каждый. Числовой ряд слева 7, 3, 11, 3, 8, 3, 14, справа – 9, 2, 12, 3, 8, 3, 15. Можно допустить, что на отломанной части внизу были группы из трех черт. При той же системе считывания число дней в левой колонке 364 дня, в правой – 385 дней, в су мме – 729 дней. В том же коричневом слое раковин над погребением №3 первого могильника найдено целое шило с календарем на двух сторонах его рукояти (рис. 1, 2). На выпуклой стороне внизу 14 параллельных линий, выше – треугольник, над ним 10 линий, отверстие, справа от него – 4 коротких линии, слева – 3, общая су мма черт справа – 28, слева – 27. Если к числам добавить 3 черты треугольника, получаем числа 30 и 31. Очевидно, что на выпуклой стороне варианты месячного календаря. На плоской стороне шила внизу косая черта пересекает три параллели (верхняя – из двух коротких штрихов). Справа и выше еще одна короткая черта, еще выше 4 параллели, над ними 12 линий образуют рисунок из треугольников и прямоугольников. Нижнюю группу можно прочитать как 7 коротких отрезков – 7 дней недели. 4 параллели – недели месяца. Выше 5 параллельных линий слева направо, 7 – справа налево, 6 горизонталей, 10 треугольников, два прямоугольника и круг отверстия – всего 13 фигур. 7 и 5 – вероятные месяцы солярного года, 13 – число месяцев лунного года. В целом – универсальный календарь: недельный, месячный лунного и солярного года. На плоской стороне еще можно насчитать 40 коротких отрезков (делятся на 3 группы) – календарь 40 недель беременности, 3-х ее периодов. При этом все шилья антропоморфны: круглое отверстие – лицо.

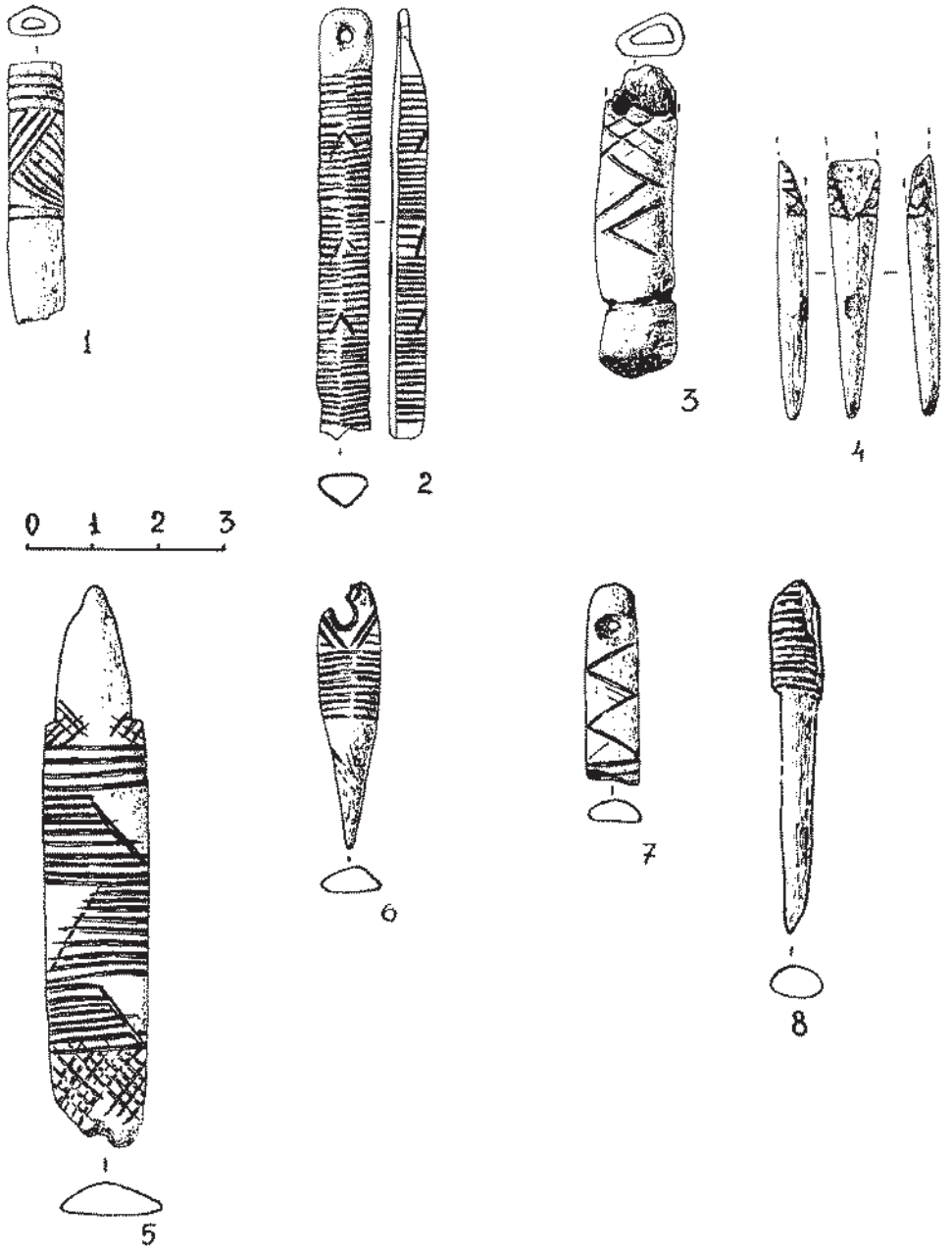

Рис. 2. Бойсмана II, слои раковин: календари (кость).

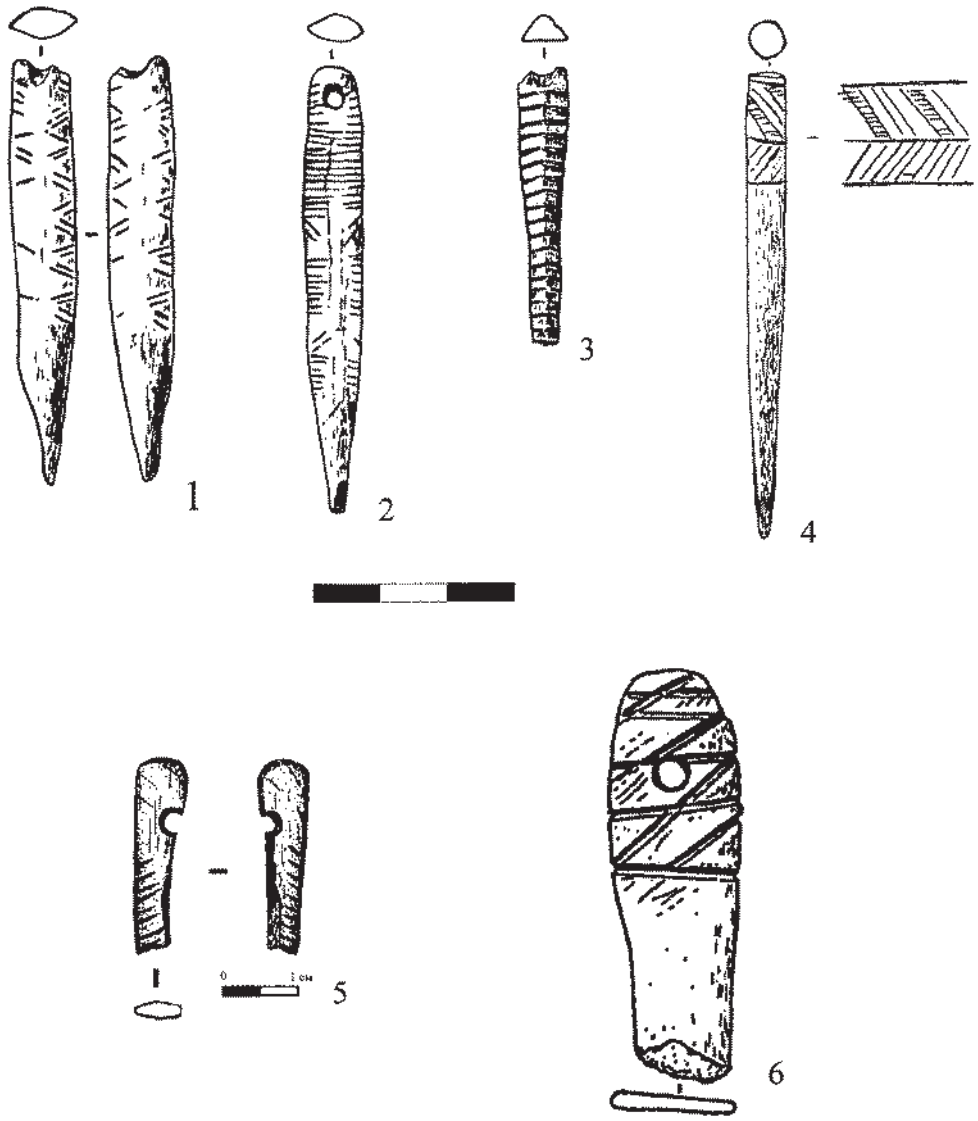

Рис. 3. Бойсмана II, календари: 1, 6-второй могильник, 2-5 – слои раковин, сползающие к пляжу.

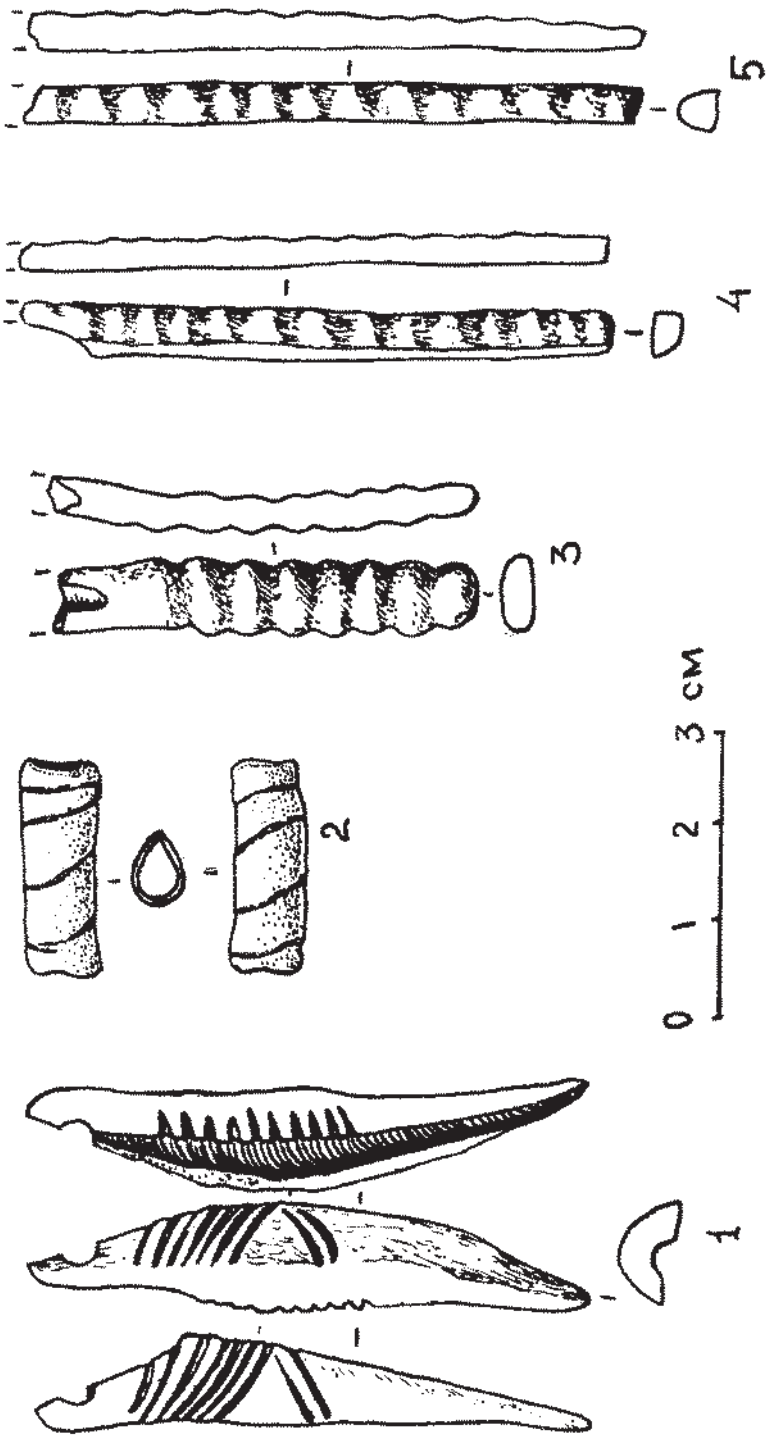

Рис. 4. Бойсмана II, второй могильник: календари, 1- зуб, 2-5 – кость.

Своеобразна графика календаря на шиле, найденном в верхней части слоя раковин, сползающего к кромке древнего пляжа (рис. 3, 4). Длина его 67 мм, диаметр вверху 4 мм. В верхней части пропилены вкруговую три линии, пространство между ними заполняют тонкие линии – штрихи, разнонаправленные, косые: 7 в верхнем поясе, 9 – в нижнем, при этом верхние линии подразделяются на две группы – 4 и 3 линии, а ниже на группы из 5 и 4-х линий, между нижними группами – короткая горизонтальная черточка. В верхнем поясе есть две группы из коротких штрихов между двумя косыми линиями: в первой десять штрихов (3-1-4-2), во второй – девять (7-2). В целом верх шила обвит поясом шириной 19 мм из гравированных линий и штрихов. Две группы косых линий – 7 и 9, всего 16, сопоставимы с 16-ю группами календаря на первом из найденных шильев. Весь пояс – годовой календарь, полоса – полугодие, косая черта – месяц, в году – 16 месяцев. Две группы коротких черт – 9 и 10 – дни. Дальнейшие операции расчета времени хозяйка шила могла осуществлять умножением и сложением групп косых и коротких горизонтальных черт, например: 10×9×4+5=365 дней солнечного года, 10×7×4=280 дней беременности, 9×3+1=28 дней лунного месяца, 10×7×5+4=354 дня лунного года. Возможны комбинации, дающие числа 21, 27, 36, 40, 50... В коллекции есть еще 4 обломка шильев с календарной графикой (рис. 2, 4, 7, 8).

Самая многочисленная группа женских календарей – на подвесках. Над первым погребением первого могильника (мужчина, женщина, дети) найдена костяная рыбовидная подвеска (рис. 1, 5), на ее поверхности гравирована сетка – календарь солярного года: 7 и 11 линий, по 2 коротких штриха параллельны каждой из групп линий. 11 линий поделены на 28 коротких отрезков (+2 дополнительных). 7 линий – дни недели, 13 месяцев: 11 по 28 дней, 1 – 27, 1–29=365 дней. Антропоморфная костяная подвеска найдена во второй пачке раковин, размеры 40×10 мм (рис. 2, 6). Слева от круглого отверстия 2 косых черты и 1 короткая горизонтальная, справа такая же группа: 2 косых и 2 горизонтальные черты. Ниже 10 горизонталей, 1-я, 4-я и 6-я – сплошные, остальные – из двух отрезков. 7 черт по сторонам отверстия – разбивка недели, 10 горизонталей – 10 недель, четверть срока беременности.

Во втором слое чистых раковин найдена зооморфная костяная подвеска (рис. 2, 5). Общая ее длина 86 мм, ширина 15 мм, толщина 5 мм, диаметр отверстия 2 мм. Треугольный выступ – 20 мм. Обе стороны отшлифованы. Прямоугольный «корпус» украшен прямыми и косыми линиями. Две верхние (на рисунке) группы линий образуют сетки на «плечиках»; 4×3 и 3×2, всего 12 линий. Ниже – 4 горизонтали, далее в шахматном порядке 3 группы черт: 10 горизонтальных, 1 косая; 9 горизонтальных, 1 косая; 8 горизонтальных, 1 косая. В нижней из этих групп верхняя и самая короткая черта отделена от 7 нижележащих и примыкает к средней группе. Возможное прочтение групп: 10+1 – 10+1 – 7+1. Группы оставили на поверхности 3 гладких треугольника. Внизу графика завершается сеткой из косых линий, выделяются две группировки черт: 5×4 (слева) и 7×5 (справа). Допустима трактовка сетки как единой системы – 9×8. Сетка состоит из 40–43 ячеек (край поврежден), 90 коротких отрезков. Верхние (на рисунке) группы 7+5 – вероятные 12 месяцев солярного года, 4 горизонтали – недели месяца, 3 группы (27 горизонталей + 3 косые черты) – варианты числа дней в месяце. 40 ячеек в нижней сетке – недели беременности. Предложенный вариант прочтения календаря – один из возможных.

Из расколотого зуба (рис. 4, 1) изготовлена подвеска. Найдена в поминальном комплексе над вторым погребением второго могильника (женщина и ребенок). На одной грани 2 группы линий – 7 и 2, на другой – 10 черт: 7×10×2 = 140 – половина срока беременности. На погребальной площадке второго могильника найдена костяная подвеска и две тонкие костяные шпильки (рис. 4, 3-5). На подвеске 7 выпуклостей чередуются с 7-ю желобками, на шпильках – по 14 выпуклостей и желобков. Украшения вполне могли служить своим владельцам календарями.

На погребальной площадке седьмого (вторичного, с отдельными фрагментами

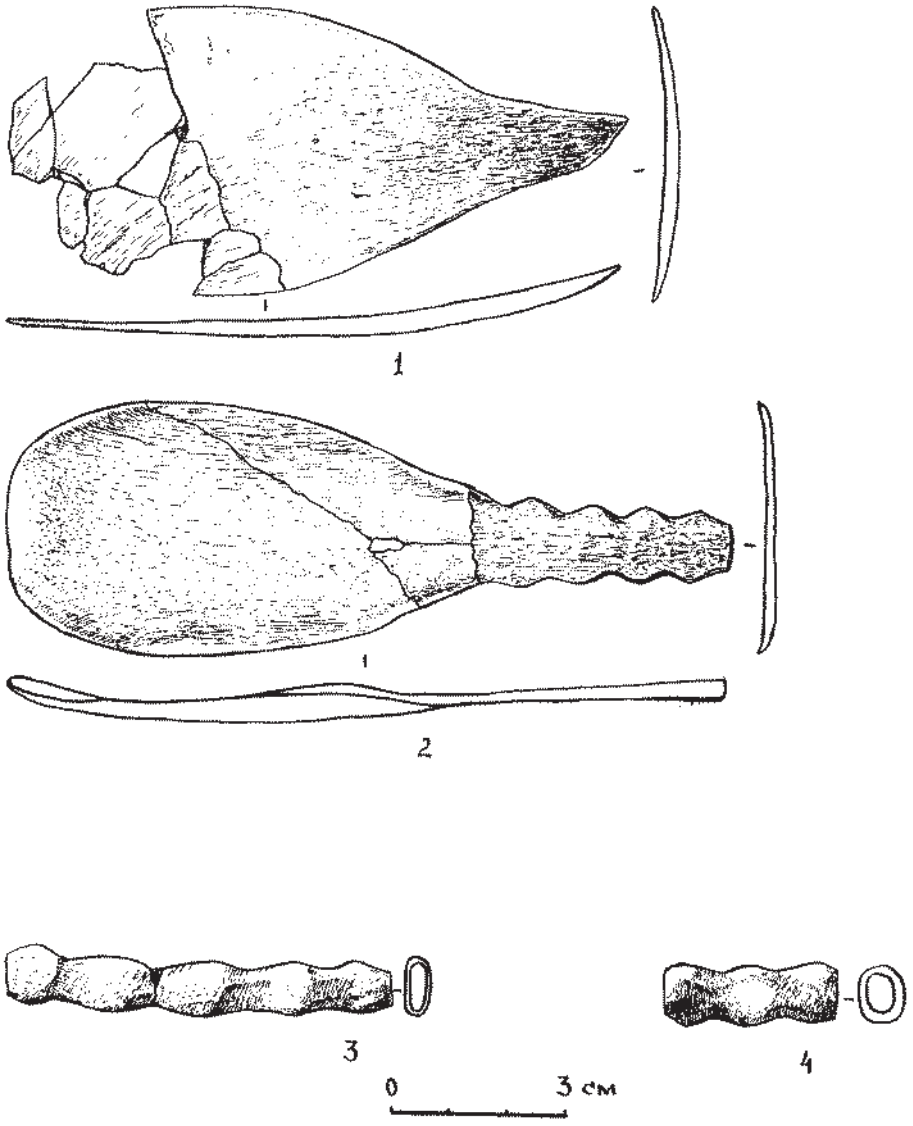

Рис. 5. Бойсмана II, второй могильник: ложки, бусины (кость).

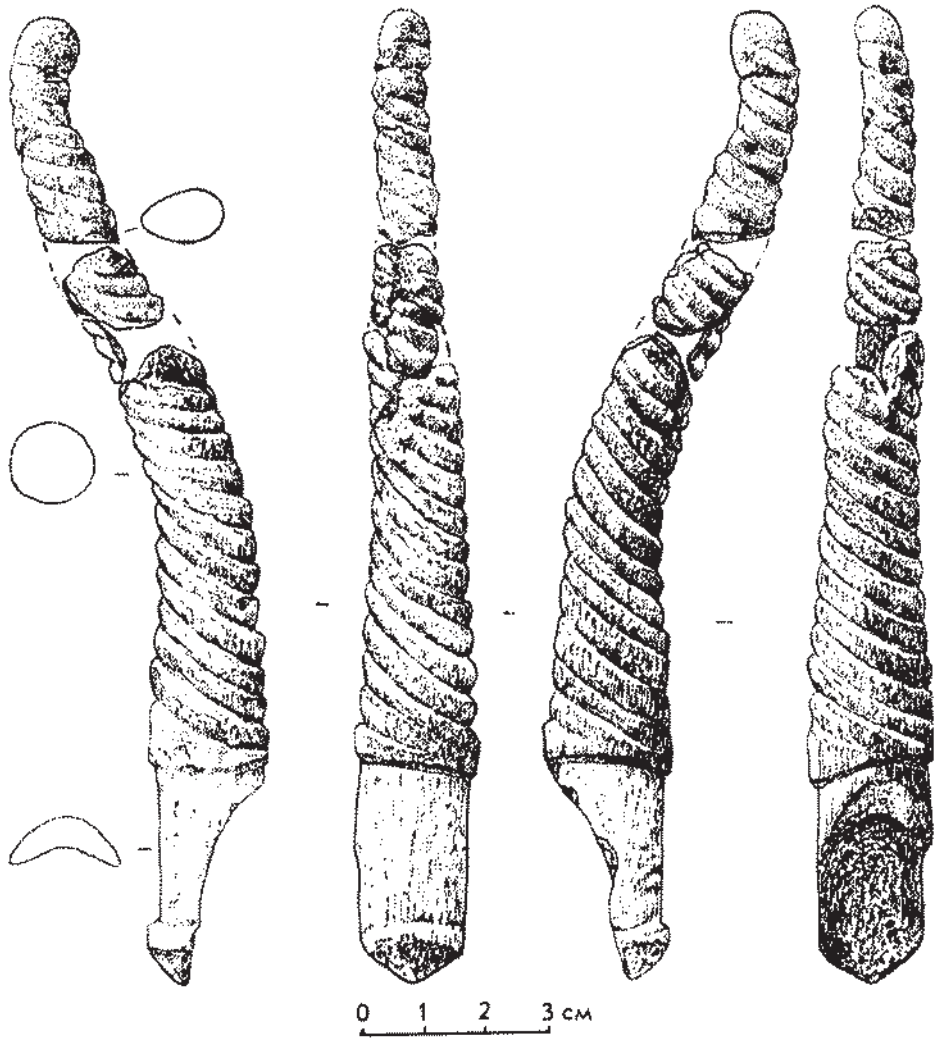

Рис. 6. Бойсмана II, второй могильник: погребение №1; шейная гривна (рог).

костяка) погребения второго мгильника найдена костяная подвеска, в горизонтальном ракурсе – рыба – сарган, в вертикальном – антропоморфна (рис. 3, 1). Поверхность отшлифована, с двух сторон по краям короткие разнонаправленные нарезки. На одной стороне (на рисунке слева) по левой грани 1-1-1-2-1-4=10, по правой грани 2-2-2-2-2-2-2-2-1-3-2=22. Справа на рисунке по левой грани 1-1-2-1-1-2-1-2-1-1=13, по правой грани 2-2-2-2-1-1-2-2-2=16. 13 и 16 – число месяцев лунного и солнечного года, ряды из 10 и 22 черт вероятные периоды беременности. Аналогичная подвеска найдена в оползне слоя раковин (рис. 3, 2). Нарезки с одной стороны, чередуются группы горизонтальных и наклонных черт. По левой стороне 6 коротких, 3 длинных, 1 короткая, 6 длинных, 4коротких, 2 наклоных, 9 коротких, 2 наклонных, 6 коротких, 1 наклонная – всего 40 – классический календарь беременности. С правой стороны 4 коротких, 12 длинных, 2 наклонных, 9 коротких, 1 наклонная, 4 коротких, 1 наклонная –всего 33 черты. Возможно: 4 недели, 12 месяцев, 2 полугодия, снова 9 или 15 месяцев? В самом низу оползня на древнем пляже найдена обломанная с двух концов подвеска с 19-ю глубокими нарезми (рис. 3, 3). В том же оползне слоя раковин найдены 2 обломка костяных подвесок, на одном группы из 8(2-2-2-2) и 10 (6-2-2) нарезок (рис. 3, 5), на другом сохранились 2 черточки.

Первая бусина – пронизка из птичьей косточки – найдена в слое раковин над первым могильником, с одной стороны ее поверхность покрыта 28 нарезками – месячный календарь (рис. 1, 6). 5 бусин найдены во втором погребении второго могильника (женщина и ребенок) и на погребальной площадке возле погребений 2 и 5 того же могильника. Пронизка из косточки украшена спиральным пропилом. С одной стороны 4 параллельных линии, с другой 3 параллели и одна линия (рис. 4, 2). 4 бусины – с рельефной поверхностью. У одной из них (рис. 5, 3) 5 выступов и 4 желобка, у трех других по 3 выступа и 2 желобка (рис. 5, 4). Они могли использоваться как четки, счетные палочки, календари. На ручке костяной ложки (рис. 5, 2) по 4 выступа, 4 желобка и по 8 отрезков с каждой стороны – классический ряд 4-4-16. Еще у одной ложки ручка обломана. Вся эта группа рельефных предметов могла использоваться как календари, но уверенно отнести их к мужским или женским трудно.

Несомненно женскими вещами были игольники. Над погребением №3 первого могильника найден игольник из птичьей косточки (рис. 1, 4), на нем 7 горизонтальных линий, они делятся на две группы – 3 и 4 – недельный календарь. Каждую горизонталь можно разделить на треугольной поверхности косточки на 3 коротких отрезка. Верхние три линии пересекает вертикаль из трех черточек. Есть дополнительная горизонтальная короткая черта, всего 24 коротких отрезка. Возможно, на игольнике, кроме недельного, месячный календарь. В слое коричневых раковин над погребением №3 второго могильника (7 погребенных) найден костяной игольник длиной 40 мм. На его выпуклой поверхности (рис. 2, 1) пропилены 19 линий: 4 горизонтали, ниже 2 группы косых линий – 4 и 8, последнюю можно разделить на 3, 2, 2 и 1 черту. Внизу – 2 горизонтали: нижняя сплошная, верхняя – из двух коротких. Возможное прочтение: 7 в правой группе косых линий – дни недели и дополнительный день, 4 в левой группе – недели месяца – 28 дней + 1= длинный месяц из 29 дней. Нижние 2 коротких – два месяца по 28 дней, и один длинный – 29 , вместе – цикл из трех месяцев. 4 верхних линии – 4 цикла, 340 дней (без 2-х недель лунный год) Еще один игольник найден в третьей пачке раковин, верх обломан (рис. 2, 3), сохранились 12 черт: 2 -1-1-2-3-3.

В ногах женщины в погребении №5 второго могильники найдена рукоять костяного ножа (рис. 3, 6), на ней 5 горизонтальных линий, 4 наклонных, разделенные на 7 отрезков – 7 дней, 4 недели, 5 месяцев по 28 дней – 140 дней, половина срока беременности. Описанные предметы – бесспорные женские календари (шилья, подвески, игольники, рукоять ножа), либо вероятно женские (бусины, шпильки, ложка). Место находки, назначение предметов, календарь беременности – вот аргументы в пользу такой трактовки.

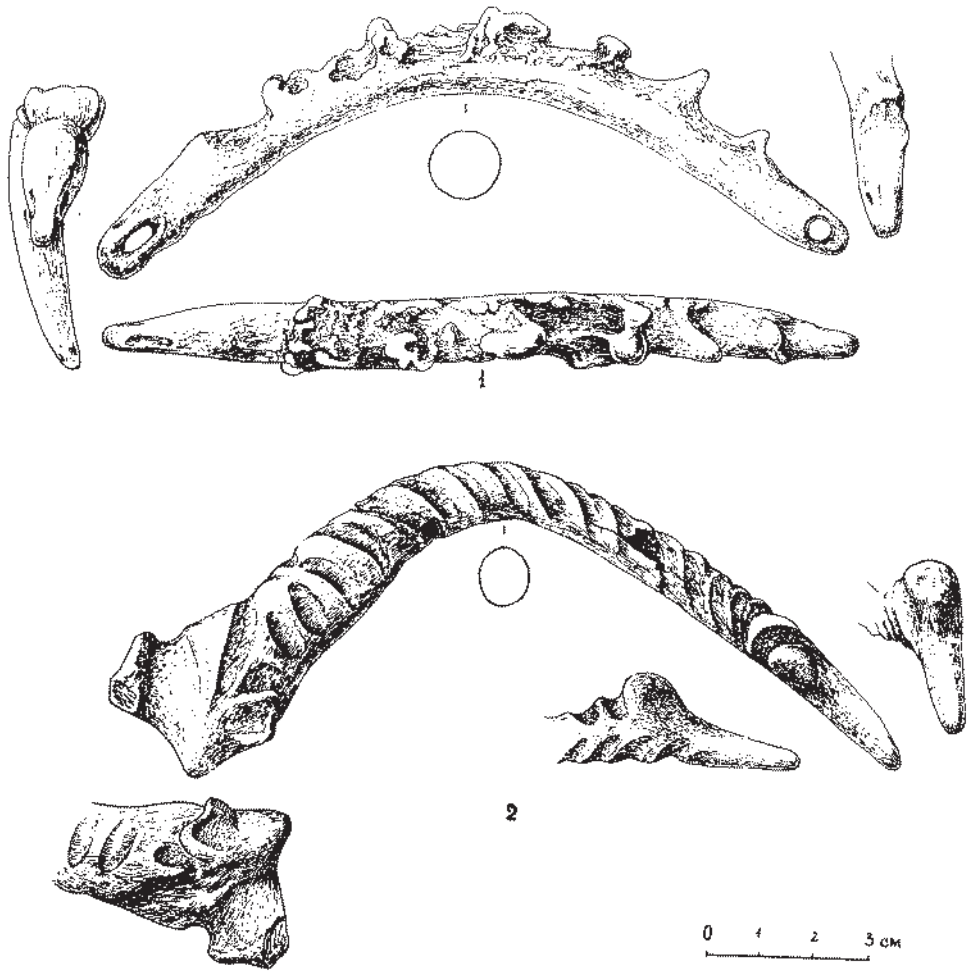

Рис. 7. Бойсмана II, второй могильник: погребение №3; шейные гривны (рог)

Первый мужской календарь найден в погребении №5 первого могильника. Под головой 25-летнего мужчины лежали гарпуны и кончик оленьего рога, (рис. 1, 3) с пропиленной спиралью: 13 и 14 линий с каждой стороны: 13 месяцев лунного года, половина лунного месяца, есть короткие дополнительные штрихи.

Во втором коричневом слое раковин над погребением №3 первого могильника найдена фигурка, реалистично воспроизводящая фаллос и одновременно змею – узорчатого полоза (рис. 1, 7). Фигурка изготовлена из трехгранной в сечении трубчатой кости, эпифиз подработан и превращен в головку фаллоса (голову змеи), основание обломано, размеры 60×20 мм. На ребрах кости линзовидные насечки шириной 3-4 мм, глубиной 1-1, 5 мм. На одном ребре 5 насечек, на двух – по 4, возможно, их было по 7 на ребре. По верхнему краю желобка, отделяющего головку, 16 черточек – нарезок, сгруппированные в группы 1-6-7-2. На ребрах головки короткие нарезки: 16, 10, 12, 11 нарезок в ряду. Верх головки украшают 6 линий, состоящих из 12 штрихов. Сумма нарезок на ребрах головки 16+10+12+11=49. Если это недели, то к ним, вероятно, добавляются 3 недели – насечки на ребрах кости – 52 не-

дели солярного года. 12 штрихов на головке – его месяцы. 16 черт над канавкой – тоже месяцы – сезоны. (Сравним с календарем низовых нанайцев селения Карги, записанном А.В. Смоляк: 12 месяцев, у четырех – по 2 названия, всего названий – 16[7]. В «Нанайско-русском словаре» С.Н. Онежко приводится 18 названий месяцев[8]. У орочей р. Тумнин 24 названия месяцев, у негидальцев – 16 названий[9].)

Изделие из оленьего рога, найденное у затылка положенного ничком мужчины в погребении №1 второго могильника, – шейная гривна, первая из четырех таких гривн, найденных в этом могильнике (рис. 6). Длина изделия 157 мм, максимальный диаметр 20 мм. Большая часть изделия – 118 мм – спираль из чередующихся витков пропиленного желоба и выпуклых участков. Тонкий конец изделия оформлен в виде округлой головки, широкое основание представляет собой плавно срезанный выступ длиной 35 мм, завершающийся зооморфной треугольной головкой, напоминающей голову змеи. Весь предмет, по определению В.А. Ракова, изображение брюхоногого моллюска туррителла (Turritella fortiliratie Sowerly). Число витков спирали в четырех ракурсах различается, первое из пары чисел – выпуклые витки, второе число – углубленные витки. Порядок чисел приведен по рис. 6 слева направо: 26-27 – 27-27 – 28-28 – 27-28. Сложение пар чисел дает ряд: 53, 54, 56, 55. К каждому из указанных чисел можно добавить 3 или 4 – точки отсчета на головках изделия. Числа 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32 – вероятное число дней месяца, общее число месяцев – 8. Если раздельно считать месяцы без дополнительных 3-х – 4-х дней – по 26 – 28 дней и с дополнительными днями – по 29-32 дня, общее число месяцев достигает шестнадцати. Сумма дней восьми коротких месяцев – 218, су мма шестнадцати месяцев – 452 дня: лунный год (354 дня) и дополнительно 98 дней или солнечный год – 365 дней и дополнительные 87 дней. Змея и туррителла, возможно, символы двух систем счета времени или составных частей в одной системе счета. Рог оленя, послуживший основной гривны, мог символизировать и третье животное – оленя в сложной взаимосвязи человека, животных, небесных светил и календаря.

Под грудью того же мужчины лежали обломки костяной пластины (рис. 8, 1) – нагрудная бляха, связанная шнурком с шейной гривной, аналог двум таким же блях-ам из группового погребения. Пластина сильно фрагментирована и, к сожалению, полностью не собрана. Длина сохранившейся части пластины 119 мм, ширина 31 мм, толщина 1-1, 5 мм, диаметр отверстия 4 мм. Подсчету поддаются две колонки горизонтальных черт: 7 в левой колонке, 6 – в правой. Количество овальных ямок между двумя желобками можно восстановить лишь приблизительно – по 20 – 22 ямки. Число зубчиков (выемок) по верхнему краю порядка 40-45, по нижнему они почти не сохранились. Бесспорно календарное число 7 свидетельствует, что пластина служила календарем, как и гривна.

В ногах погребенного в могиле №1 лежала колотушка из рога оленя (рис. 9): длина 32 см, размеры овального основания 74×66 мм. На выпуклой стороне рога грубо сделаны насечки: 8 слева и 16 на спряженной плоскости справа. Выше, у кончика рога есть еще по 2 насечки слева и справа. Числа 8 и 16 повторяются.

В сезоне 1999 г. раскопано групповое погребение семи человек – погребение №3. У мужчины, занимавшего центральное место, вытянутые ноги к югу, голова к северу, за ним скорченные 5 костяков, в районе затылка (череп «Б») найдена шейная гривна из оленьего рога (рис. 7, 1), а на груди костяная пластина с рисунком из ямок – точек с зубчиками по краю (рис. 8, 2).

Шейная гривна дугообразная, на наружной стороне дуги 7 выступов, концы оформлены как скульптурные изображения лося – слева и оленя – справа. Длина гривны 142 мм, максимальный диаметр 12, 5 мм. Поверхность заполирована. Через отверстия был, вероятно, пропущен шнурок, соединяющий гривну с нагрудной пластиной. Длина пластины 149 мм, ширина 48 мм, на узких концах по 2 отверстия, диаметр их 2-2, 5 мм, толщина пластины 1-1, 5 мм. Центр пластины занимают 5 вытянутых разновеликих ромбов, два верхних сохранились частично. Стороны ром-

бов образуют 2-3 линии точек. Слева 3 ромба меньших размеров, у нижнего 2 «хвоста» из линий- точек. Справа 3 самых маленьких ромба, дополненных снизу полуромбом: вместо нижних линий у него дуга из двух линий.

Подсчет числа точек затруднен разрушениями, приведенные ниже подсчеты не полны, не ясно, в какой последовательности вел счисление создатель таблицы. Правая на рисунке сторона пластины была обращена на юг, левая- на север, но эта ориентация не дает ключ к системе счисления. Начнем все же справа и сверху вниз: три линии слева – 9, 8, 7, всего 24 точки; 2 линии слева вверху: 10, 11, линия справа вверху – 7; нижние линии: 13, 14, 17. Всего в верхнем ромбе (с ответвлениями) 102 точки. Во втором сверху в правом ромбе много утрат, точек 78. В третьем сверху ромбе 108 точек. В нижней правой фигуре точек 127. Вся правая группа – 415 точек. В центральной колонке два верхних ромба разрушены. Верхние тройные линии содержали, возможно, 108 точек, от нижних ничего не осталось. Второй сверху ромб в сохранившейся правой части состоит из 104 точек, возможно, весь ромб состоял из 208 точек. Центральный в средней колонке и во всей таблице ромб содержал от 170 до 187 точек (часть утрачена). В четвертом сверху ромбе 178 точек, в нижнем

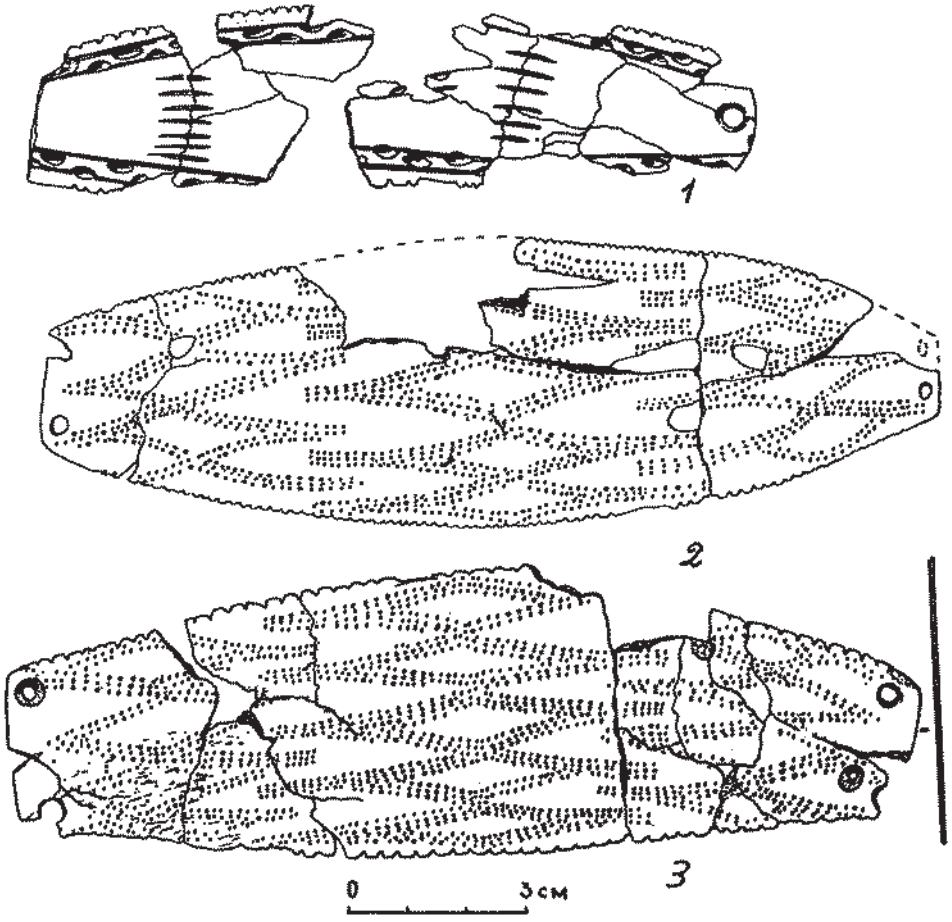

Рис. 8. Бойсмана II, второй могильник: костяные пластины, 1 – погребение №1, 2, 3 – погребение №3.

центральном – 154. Вся центральная колонка стояла из не менее 835 точек, но возможно, их было 880 – 890. Число 178 близко к половине лунного года, сумма 178+187=365 – солнечный год.

В верхнем левом ромбе 90-92 точки, в среднем от 119 до 129 точек, в нижнем 135, в двух «хвостах» – 12 и 54 точки. Всего в левой колонке порядка 317 точек. На пластине общее число точек от 1565 до 1622. По верхнему и нижнему краям пластины располагаются по 80-82 зубчика. Число точек в сумме равно 4 лунным годам плюс 151 или 208 дней. При солярном счете лет это те же 4 года плюс 106 или 161 день. Сумма зубчиков по краям – 160-164.

Число точек 7, 8, 11-13, 14, 16 в отдельных линиях как и приведенные выше некоторые суммарные числа: 178, 187, общее число ромбов – 12 – все это признаки календарной графики, как и 7 выступов на шейной гривне, соединявшейся с пластиной. По-видимому, пластина – вечный календарь, позволявший вести счет как отдельных недель, месяцев, лунных фаз, лунных и солярных лет, так и многолетних циклов.

С костяком «В» в погребении №3 связана вторая шейная гривна, а с костяком «А» – вторая пластина. Шейная гривна (рис. 7, 2) г-образная, из оленьего рога, длина 150 мм, диаметр от 8 до 18 мм, отшлифована. Левый конец – скульптурное изображение летучей мыши (определил В.А. Раков), справа – голова птицы с хохолком – утки или кулика. Птицу и летучую мышь соединяет змеевидное тело, на нем сверху 16 овальных углублений, снизу – 21 углубление – числа календарные. Пластина на костяке «А» (рис. 8, 3) очевидно такой же вечный календарь, как и ее соседка по погребению, на ней тройные или двойные линии точек образуют 13 ромбовидных фигур.

На площадке вторичного погребения №7 второго могильника найдена остроголовая фигурка из расщепленного оленьего рога (рис. 10, 1), ее размеры 122×25×15 мм. Верх плавно приострен, две небольшие выемки отделяют под – треугольную головку от тулова. На выпуклой стороне – два ряда ямок-нарезок, в левом их 5, сверху одна тонкая нарезка, справа – 7 нарезок, еще 9 нарезок (2-2-1-1-2-1) – на ребре. Вся фигурка напоминает остроголовых болванчиков типа лысого Харги у юкагиров и эвенков – хозяина Нижнего мира[10]. На той же площадке найден рог косули, один из трех его отростков, направленный вверх, оформлен шлифовкой как голова утки (рис. 10, 2). На одной из сторон рога 6 пар тонких нарезок. Числа на двух предметах, найденных на погребальной площадке седьмого погребения, несомненно календарные, есть числа 7 и 12. Как и рельефные бусины, эти два предмета могут лишь интуитивно определены как мужские календари. Замечу, что среди женских календарей нет ни одного изделия из рога – рога – привилегия мужчин.

Описанная выше коллекция из 42 предметов – древнейшая на Дальнем Востоке. Разумеется, автор знает о европейских и сибирских находках верхнепалеолитических календарей[11], но дальневосточное палеолитоведение пока не располагает коллекциями из кости, рога, бивней, на которых, когда они появятся, будут открыты палеолитические календари.

Открытие календарей в Бойсмана II побудили к поиску в других дальневосточных культурах неолита и палеометалла и календари отыскались: на зайсановских, синегайских, анучинских пряслицах, на яёйских бронзовых колоколах в Японии[12]. На бронзовых изделиях средневековых государств бохайцев и чжурчжэней четко прослеживается числовой ряд 4-8-16[13], повторяющийся на бойсманских календарях – удивительный факт транскультурной передачи календарных традиций на протяжении шести тысяч лет.

Содержащаяся в данной статье полная публикация коллекции бойсманских календарей вызывает множество вопросов. Не трудно заметить, что нет двух одинаковых изделий, хотя повторяются технические приемы и числовые закономерности. Замечу, что и двух одинаковых погребений нет в двух могильниках. О.Л. Морева, изучившая бойсманскую керамику, заметила, что у бойсманцев нет двух одинаково

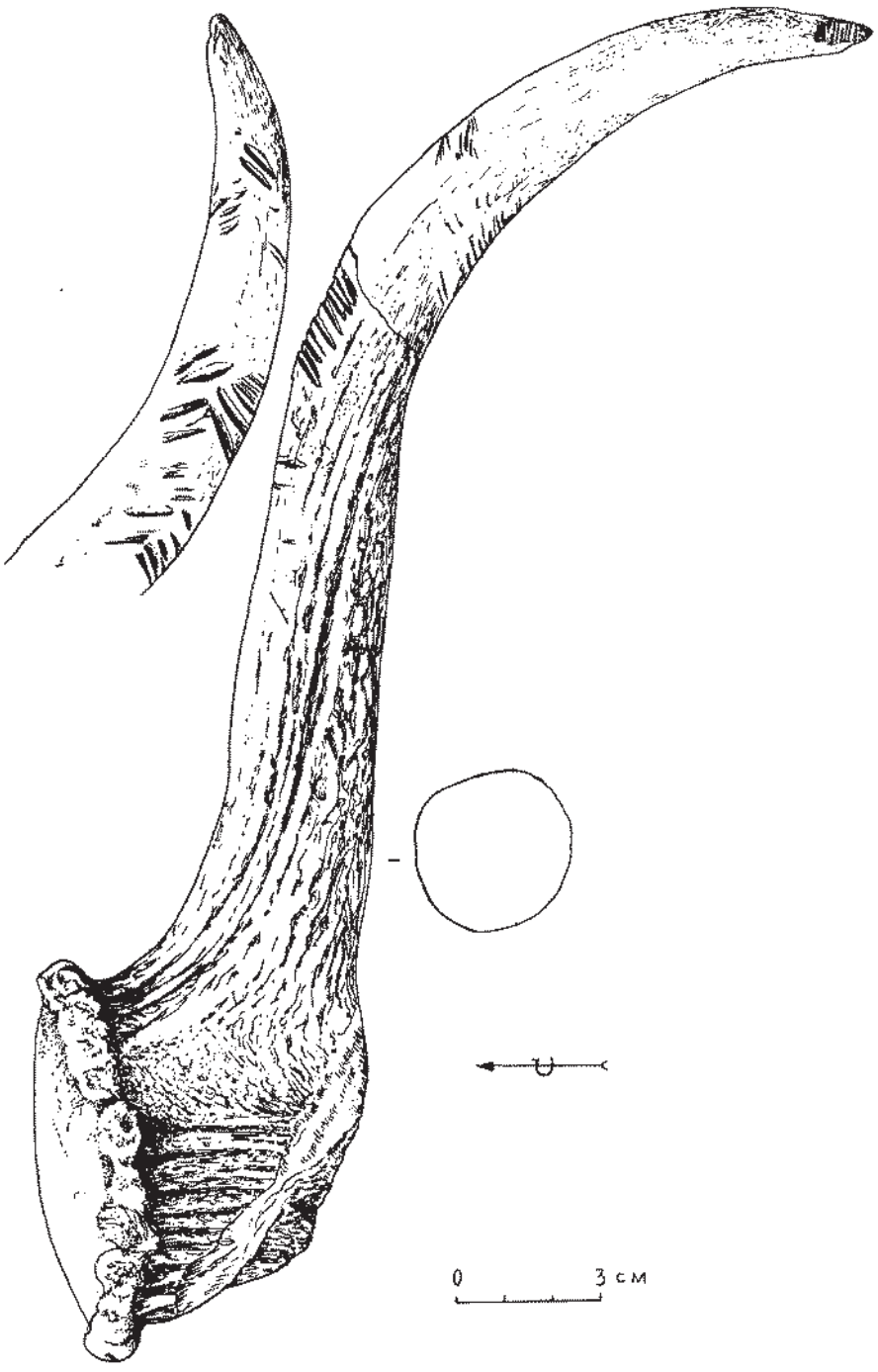

Рис. 9. Бойсмана II, второй могильник: погребение №1; колотушка (рог).

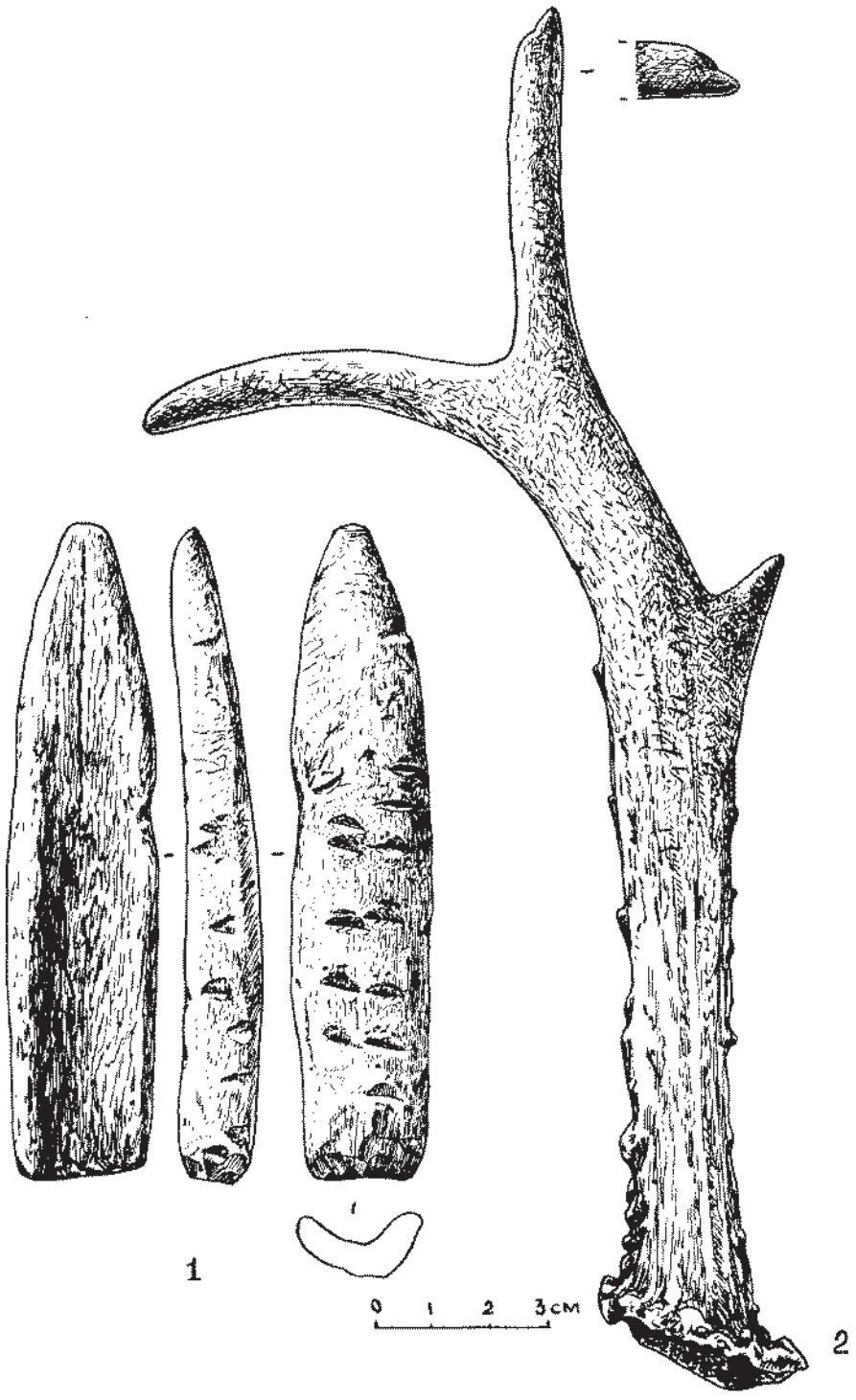

Рис. 10. Бойсмана II, второй могильник: погребение №7; изделия из рога.

орнаментированных сосудов. Высокая степень индивидуализации элементов культуры – характерна для бойсманцев.

У коллег вызывает недоумение разнообразие предметов с календарной графикой. Я всегда привожу примеры современного многообразия календарей и это при обилии календарной информации во всех средствах коммуникации. Открытие изображений созвездий на бойсманских чашечных камнях[14] подтвердило, что бойсманцы вели астрономические наблюдения, необходимые для создания календарей. Присутствие календарей в погребальном инвентаре показывает, что умершие в представлениях бойсманцев нуждались в счете времени.

До сих пор календаристика остается в археологии золушкой: в публикациях и отчетах видишь массу вещей: орнаментированные сосуды, пряслица, изделия из кости, рога, бронзы, на которых изображены календари. Рисунки не всегда позволяют провести необходимые подсчёты элементов изображений и выявить календарное содержание графики, необходима работа с оригиналами. Календари, как и произведения изобразительного искусства, почти всегда отыщутся среди древностей, если их ищут.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бродянский Д.Л.* Чашечные камни – портативные петроглифы //ПИФК. 2000. Вып. VIII. С. 16-23; *Бродянский Д.Л.* Портрет лесного кота, поймавшего мышь (неолитический сюжетный рисунок на плитке песчанника) //ПИФК. 2002. Вып. XII. С. 456-461; *Бродянский Д.Л.* Персонажи берингийских мифов в неолитическом искусстве Приморья //ПИФК. 2003. Вып. XIII.. С. 624-630.
2. *Бродянский Д.Л.* Искусство древнего Приморья (каменный век – палеометалл) Владивосток. Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 220с.; Бродянский Д.Л. Произведения искусства трех древних культур из бухты Бойсмана (находки 2001-2002 годов) //Древние Приморье и Приамурье в контексте тихоокеанской археологии. Тихоокеанская археология. Вып. 13. Владивосток. Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. С.10-32.
3. *Бродянский Д.Л.* Календари в графике и торевтике дальневосточных древностей //Вестник ДВО РАН. 1995. №2. С. 96-102; *Бродянский Д.Л.* Шестнадцать бойсманских календарей //Вестник ДВО РАН. 1996. №6. С. 86-93; *Бродянский Д.Л.* Искусство древнего Приморья..., с.65-72, Рис. 40-45, 51-53.
4. *Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г.* Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. Новосибирск. 1997. С.7.
5. *Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г.* Ук.соч.; *Чикишева Т.А.* Результаты исследования новых палеоантропологических материалов из могильника на поселении Бойсмана-2 (раскопки 1998-2000 гг.) //Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск. 2003. С. 209-213.
6. *Бродянский Д.Л.* Персонажи берингийских мифов в неолитическом искусстве Приморья...
7. *Симченко Ю.Б., Смоляк А.В., Соколова З.П.* Календари народов Сибири //Календари в культуре народов мира. М., Наука, 1993. С. 214.
8. Там же. С. 215.
9. Там же. С. 217-218.
10. *Жукова Л.Н.* Образ человека в пиктографическом письме юкагиров //Язык. Миф. Культура народов Сибири. Якутск, 1988. С. 132-137.
11. *Ларичев В.Е.* Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. Новосибирск. Наука, 1993. 288с.; *Фролов Б.А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск. Наука, 1974. 240с.
12. *Бродянский Д.Л.* Многообразие древних календарей //Вестник ДВО РАН. 1997. №1. С.61-70.

13. Там же. С. 61-64.
14. *Бродянский Д.Л., Лукашенко В.А.* Созвездия на камнях: пласт астроархеологических источников в неолите и палеометалле Приморья //Вестник ДВО РАН. 2004. №1. С.106-109.

D.L. BRODYANSKY

MALE AND FEMALE CALENDARS IN BOISMANN NEOLITHIC CULTURE

The article describes 42 bone and horn handworks: needles, needle-cases, furnishings and little sculptures with calendars: moon, sun, pregnancy, week, year and timeless ones. They belongs to the most early period calendars found at the Far East, in Maritime Region. They were found in mortuaries and layers of shells belonging to Boismann Neolithic Cultures having 6500-4800 years age. Male and female calendars are distinguished.

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

(в связи с выходом монографии Т.Г. Мякина «Сапфо. Язык, мировоззрение, жизнь». СПб.: Алетейя, 2004. – 240 с., илл.)

Поэзия и личность великой древнегреческой поэтессы VI в. до н.э. Сапфо с острова Лесбос, этой «десятой музы» античности достаточно хорошо освещены в западной научной литературе. Нельзя сказать, что отечественная наука совсем уж не проявляла интереса к этой теме. Но историки-антиковеды не особенно жалуют своим вниманием мелическую поэзию и поэтов греческой лирики, не находя здесь материала для собственно исторических изысканий[1], и в большинстве своем работы о Сапфо и Алкее (преимущественно статьи) принадлежат перу классических филологов. Последние же монографические исследования относятся еще к дореволюционному периоду. Почти сто лет прошло со времени выхода в свет книги Вяч. Иванова «Алкей и Сапфо» (М., 1914), а рукопись О.М. Фрейденберг «Сафо: к происхождению греческой лирики» (1946-1947 гг.) не опубликована до сих пор. В этом смысле монография новосибирского филолога-классика, который помимо изучения языка Сапфо, обращается к историческому анализу жизни и творчества поэтессы, в известной степени заполняет образовавшуюся лакуну. Однако эта работа интересна еще и своим подходом: автор ставит своей целью проверить методами филологической науки выводы ученых гендерного направления. Исследуя, таким образом, «сквозную» тему, Т.Г. Мякин работает, по сути, в междисциплинарном пространстве, на стыке двух наук – традиционной и новой. Впрочем, новой она названа условно. В зарубежной исторической науке гендерный подход не просто официально признан наряду с другими, но давно уже занял прочное, уважаемое место, его изучают в университетах, его последователями являются авторитетные историки. Издаются специальные журналы и альманахи[2], проводятся различные семинары, коллоквиумы, конференции, как, например, «Скандинавский симпозиум гендерной и женской истории античности»[3] или дискуссионный форум «Гендерные исследования в науках о древности»[4]. На Трирском заседании этого форума (13-14 июля 2000 г.) в докладе Б. Файхтингер было подчеркнуто, что, несмотря на некоторые ограничения, гендерные исследования в сфере антиковедения имеют позитивные перспективы развития в силу специфической ситуации с источниками: «ярко выраженная патриархальная и андроцентристская основа греко-римской культуры есть *архэ* всех без исключения гендерных рассуждений, и по сей день оказывающих влияние на европейское мышление, что прямо-таки вынуждает науки о древностях отдать приоритет изучению корней и основ современных гендерных дискурсов»[5]. Характерно, что интерес к этой проблематике в отечественном антиковедении за редчайшим исключением проявляют опять же не историки[6]. Между тем гендерные

исследования сегодня пронизывают собой все области исторической науки. Это огромное междисциплинарное поле охватывает социально-экономическое, демографическое, социологическое, культурно-антропологическое, психологическое, интеллектуальное измерения[7]. Темы: «семья», «приватное/публичное», «право», «политика», «религия», «образование», «культура» и др. являются ключевыми в гендерной истории. Чем объясняется высокомерное отношение отечественного антиковедения к этому направлению[8], сказать трудно. То ли потому что у нас все еще безграмотно путают гендерный подход с феминизмом[9] или еще того лучше с «гейской» проблематикой (позиционируя тем самым место нашей науки в мировой), то ли по причине научной ревности собратьев по профессии, а limine отвергающих эвристический потенциал нового направления, то ли в силу традиционной академической консервативности, боязни всего нового. Справедливости ради, заметим, что указанный подход давно и успешно развивается в отечественных медиевистике, модернистике, в исследованиях по русской истории, в этнологии, социологии, культурологии, социальной истории и др.

В разгар перестройки, когда критике подвергалось практически все из нашего недавнего прошлого, кто только не ругал партийность советской исторической науки, однолинейность ее методики, ограниченность ее мировоззрения, ставившего во главу угла изучение так называемого «соцэка», когда историки древнего мира в той или иной мере вынуждены были заниматься проблемами рабства и классовой борьбы. И вот революция произошла, желанные свободы получены, и можно было начинать, повинуясь призывам СМИ, «выдавливать из себя по капле раба». Что же изменилось? Место «соцэка» прочно заняла политическая история, выступающая к тому же порой не в лучшем своем проявлении – в виде историцистской политологии. Войны, колонизация, международные отношения, формы политического устройства, проблемы полиса, формы собственности и государство, вопросы гражданского общества, политические теории, политическая история и практика, политическая борьба, династические дрязги, «родовые схватки» аристократических кланов, споры о датах и т.п. Ничего, в сущности, не изменилось, и не должно было измениться[10]. Вспоминается, как после известных событий 1991 г. историки партии активно начали переквалифицироваться в политологов, а на дверях кафедр истории КПСС спешно обновлялись таблички: «кафедра политологии», «кафедра политической истории», «кафедра социально-политической истории XX века» и т.п. За дверями оставались те же специалисты, преподающие теперь уже новые дисциплины. «Модными» на всех уровнях становятся обсуждения проблем построения «подлинно демократического» общества и сравнение современной демократии с античной. В научных публикациях по античности с этого времени начинает преобладать тематика, посвященная истокам и значению древнегреческой демократии, проблеме власти в демократических Афинах, политической борьбе знати и демоса, роли толпы в политической жизни древней Греции и Рима, политической философии и ораторскому искусству, идеологии ранней и поздней греческой тирании, соотношению монархии, тирании, демократии, олигархии, охлократии и плутократии и т. д. История в очередной раз послужила идеологической подпиткой власти, и не важно, осознавали ли сами ученые, занимающиеся, конечно же – sancta simplicitas! – «чистой наукой», в какой костер подкладывали свою вязанку хвороста. Впрочем, пока еще никто не опроверг ленинского тезиса «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Как выразился Арнольд Тойнби, «историк не может абстрагироваться в своих мыслях и чувствах от влияния среды, в которой живет», «способ исторического мышления находится под сильным влиянием сиюминутного социального окружения, в котором оказывается мыслитель»[11]. «Все зависит от способа (и уровня) интерпретации!» – писал крупный советский антиковед С.Л. Утченко. «Исторический факт есть всегда факт интерпретированный», причем не вообще, а «интерпретированный особым образом…для историка заданный уровень интерпрета-

ции определяет весь ее дальнейший ход, развитие…Существует ли “свобода” выбора, когда встает вопрос об уровне интерпретации? Формально – полная, фактически же выбор всегда обусловлен исторически и социально»[12]. Спору нет, указанные темы нужно исследовать независимо от конъюнктуры. Но когда какое-то одно направление в науке абсолютизируется и начинает притязать на обладание единственно верной методикой постижения научной истины[13], впору задуматься о «тоталитаризме» в одной, отдельно взятой отрасли знания, примеров чему можно привести великое множество опять-таки из того же изруганного прошлого. Не говоря уже о том, что снобизм по отношению к коллегам по цеху с претензией на «гламурный[14] интеллектуализм» – скорее свидетельство инертности и узости научного мышления, нежели эрудиции и глубины знаний. (К слову, джентльменский кодекс чести однозначно трактует снобизм как моветон и вернейший признак вульгарности[15], которой обычно сопутствуют понятия «affectation» (претенциозность) и «ostentation» (нарочитость, выставление напоказ, хвастовство). «Денди, – сказал как-то Ш. Бодлер, – никогда не может быть вульгарным»[16]).

«Мир истории, – писал Карл Ясперс, – в целом необозрим, хотя в отдельных его явлениях есть множество доступных исследованию каузальных, мотивационных, ситуационных и смысловых связей. Все они, открываясь нашему взору, обнаруживают свой частичный характер; познание их никогда не ведет к убедительному знанию целого. Ошибочность тотального понимания истории проявляется в монокаузальности мышления, то есть в сведении всех явлений к одному принципу, то ли посредством абсолютизации очевидного каузального фактора[17] (например, экономического фактора истории), то ли посредством распространения до пределов целого какого-нибудь одного, как будто понятого в его субстанции процесса… Тотальное знание и основанное на нем тотальное планирование практически ведет к странным последствиям: поскольку все уже известно, нет больше необходимости исследовать и размышлять»[18]. Традиционные темы, посвященные проблемам религии, науки, культуры, образования оказываются оттесненными на роли второго плана (= второго сорта). Практически нет работ о роли личностей в истории (если не считать биографий государственных и политических деятелей античности). Проблемы соотношения и совмещения микроанализа и макроистории антиковедами вообще не обсуждаются, хотя вопрос этот неоднократно поднимался в работах Г.С. Кнабе[19], по-прежнему оставаясь vox clamantis in deserto. История при таком подходе предстает неким механистическим процессом, непрерывном конвейером, в котором люди являются винтиками либо статистами пьесы, написанной самим же исследователем[20]. Между тем, не нами замечено: «Под каждой могильной плитой лежит всемирная история». Н.А.Бердяев писал: «Человеческая личность есть потенциальное все, вся мировая история»[21]. То, что история персоналистична и для каждого человека объективная всеобщая история одновременно являе тся и его личной историей – элементарная, хотя и труднопостигаемая истина[22], как и та, что люди, творящую историю – не безликая и бесполая масса.

Поэтому появление книги, посвященной личности неординарной и неоднозначной, совершенно не связанной с политикой, женщине-поэтессе, оставившей яркий след в мировой истории, имеет особое значение. Исследования, использующие выдающиеся памятники литературы, являются наиболее многообещающими также и в гендерной истории, что связано с крутым поворотом в современном гуманитарном знании и новым сближением истории и литературы.

Автор монографии ставит своей задачей реконструировать особенности мировоззрения поэтессы, проследить жизненный путь и ее роль наставницы в возглавляемом ею фиасе девушек, а также выяснить назначение этого женского кружка. Эти вопросы уже не одно столетие вызывают споры среди исследователей. Среди различных точек зрения, обзор которых дается во введении, автор выделяет господствующий на сегодня взгляд на Сапфо как «учительницу» благородных девушек,

которые обучались в общине поэзии, музыке, танцам и посредством своеобразной инициации проходили подготовку к супружеской жизни. Вместе с тем, указывает автор, в 80-90-е годы прошлого века эта концепция стала подвергаться обоснованной критике со стороны ученых гендерного подхода, которые трактовали поэзию Сапфо как «женский дискурс», а ее фиас как мистериальное содружество женщин преимущественно одного возраста. Т.Г. Мякин рассматривает поэзию Сапфо как сложный дискурс, полагая, что «функция сафической поэзии состояла в активации представлений, сводимых к воспроизводящейся на глубинном уровне оппозиции "я" – "желаемое"», которое у Сапфо предстает как активный субъект женского рода (Владычица, Благая, Елена, Киприда и т.п.). Автор признает, что специфичность активируемых сапфическим дискурсом представлений является важным аргументом в пользу исследователей, представляющих так сказать «феминистское направление» в сафистике, но полагает, что эти выводы нуждаются в подтверждении. Для этого необходимо проанализировать «*весь* представленный в архаических текстах спектр лексико-семантических вариантов тех слов, что связываются у Сапфо с представлением об активном субъекте-женщине (= женском божестве)». Только так, по мнению автора, можно будет узнать «имя розы», то есть «реконструировать психологию поэтических коммуникаций ее фиаса, подыскать ключи к миру, имя которому "Сапфо"»[23]…

В главе I «Сапфо и "черная земля "» автор вначале определяет общий круг представлений, связанных с образом Геи-земли. Это всеобщая мать, всепорождающая и всепоглощающая женская стихия, хранительница умерших, а также безопасная и плодоносная Земля-родина, единственный приют для своих граждан. У Сапфо эти характеристики вписываются в парадигму Афродитовой мифологии (мифологии Великого женского божества), так как порождающее природное начало («черная земля») отождествляются у нее с женщиной. Автор подробно разбирает фр. 16, связанный с интерпретацией «черной земли» (γᾶ μέλαινα): «одни говорят, что на земле черной всего прекрасней войско всадников или пеших или кораблей, я же считаю – то, что любимо». Для Сапфо ее любимица Анактория милей войска лидийского. Та же мысль выражена во фр. 132, где речь идет о дочери поэтессы: «Есть у меня прекрасная девочка, обликом // Схожая с золотыми цветами – Клеида любимая; // За нее я ни Лидию всю,… не возьму». Автор не соглашается с точкой зрения, что в указанных фрагментах постулируется тематическая оппозиция «любовь – война», понимая высказанную в них идею как утверждение женской субъективности в мире мужской культуры. Отметим, что при этом нет необходимости отвергать и противопоставление «война – любовь», ибо это частный случай общей антитезы «мужское – женское», тем более что в этой же главе и далее автор стремится доказать военные черты в культе богини любви. «Черная земля» для поэтессы – это также и «скорбная земля», и сама Сапфо, лишенная Афродиты (любящей подруги), терзаемая «досадой и горем».

В главе II «Язык цветов» автор, идя от общего к частному, рассматривает специфику восприятия поэтессой мира растений. Как полагает Т.Г. Мякин, особенности мировоззрения Сапфо можно реконструировать с помощью выявления тех специфических значений и дополнительных эмоциональных коннотаций, которыми у Сапфо отмечена базовая лексика ее поэзии: «цветок» (ἄνθος), «роза» (βρόδον), «фиалка» (ἴον), «шафран» (κρόκος), «гиацинт» (ὑάκινθος), «лотос» (λωτός). Сапфо очень любит цветы, они у нее соотносятся с «лугом» (λειμών), «питающим лошадей» (ἱππόβοτος), и «нивой» (ἄρουρα). Эти слова наделены у нее как обсценным смыслом, так и значением чистого, девственного духовного луга, и в целом символизируют женщину. Автор приходит к выводу, что цветы у Сапфо отражают эмоции, связанные с мифологической образностью и культом Афродиты и персонажей ее круга (Пейто, Эрос, Елена, Адонис, Хариты). Из всех цветов на первом месте по частотности у поэтессы стоит роза как образ всего Прекрасного и Божественного, цветок

Афродиты, олицетворение Великой богини-матери, символ женского начала. Нельзя не согласиться с автором, что букет цветов у Сапфо «был бы еще пестрее, пышнее и разнообразнее, если бы песни ее дошли до нас в сколько-нибудь полном виде. Кроме розы, фиалки, шафрана и гиакинфа Сапфо известен – как цветок смерти и потустороннего мира – лотос... Она знает кервель и донник ("нежный кервель и многоцветный мелилот")»[24]. Заметим только, что слова ὑάκινθος, Ὑακίνθια, ὑακίνθινος логичнее было бы переводить привычными «гиацинт»[25], «Гиацинтии», «гиацинтовый», уж коли νάρκισσος автор переводит латинизированным «нарцисс», а не «наркисс». Оба цветка связаны со смертью, печалью, трауром, но в то же время наделены ярко выраженной мужской семантикой[26].

Третья глава, символически названная автором «Сапфо. "Имя розы"», посвящена жизни и творчеству великой Лесбийки, месту и роли ее культового сообщества в культурной жизни Митилены VII–VI вв. до н.э. Т.Г. Мякин начинает с имени Сапфо (Σαπφώ), которое также иногда пишется как Сафо и Саффо. Сама поэтесса называет себя Псапфа (Ψάπφα). На митиленских монетах I в. н.э. зафиксировано написание Ψάπφω (Псапфо). Этот изначальный вариант филологи соотносят со словом «песок» (ψάμμος), возводя имя поэтессы к ψάφαρος («сыпучий, рыхлый»). Точные годы жизни Сапфо неизвестны. Родиной ее была, по всей видимости, Митилена. Происходила она из аристократического рода, отцом ее был Скамандр (или Скамандроним). Как показывает автор, в клане Скамандронима роль женщины была особенно значимой, женщины этого рода были жрицами «Идейской матери», которая как Великая богиня почиталась в разных ипостасях: Артемиды (наиболее почитаемая на Лесбосе богиня), Геры, Афины-Атаны, Афродиты. По мнению автора, Сапфо так же была жрицей Великой матери. На Лесбосе единым именем этой богини было Μάκαιρα («Благая»), Макайра санкционировала верховную власть царствующего дома Пенфилидов. В культе этой богини важнейшую роль играли аграрные обряды, одним из элементов которых были «празднества красоты» καλλιστεῖα. Возможно, состязания лесбийских девушек в красоте носили характер инициации. Именно здесь видит автор истоки того тонкого чувства прекрасного, которое было присуще Сапфо: «вся ключевая символика ее поэзии, все те сокровенные, интимные смыслы, которыми отмечены у Сапфо сладостная роза и волшебная фиалка, золотой шафран и мужественный гиакинф, как словно сами эти прекрасные цветы, произрастают именно из далекого мира детства – мира обряда, полнящегося поэзией и эротикой»[27]. В общине девушек, которую возглавила поэтесса, помимо отправления публичных служб, практиковался «тайный культ» женского божества.

В конце VII – начале VI вв. до н.э. во многих греческих полисах бушевали социальные бури, связанные с борьбой знати и демоса и получившие в науке название «архаических революций». В Митилене, как и везде, эта революция началась с противоборства аристократических кланов: Пенфилидов, представителей земледельческой знати, и Клеанактидов из рода Скамандронима, «новой аристократии». В результате этих политических боев погиб отец Сапфо. Девочке тогда было шесть лет, на всю жизнь сохранит она острую неприязнь к Пенфилидам. После убийства Пенфила власть оказалась в руках тирана Меланхра из рода Клеанактидов, а после его свержения тираном стал другой Клеанактид – Мирсил, сын Клеанора. В это время Сапфо стяжала свою первую славу. Таким образом, по мнению автора, социальные и политические потрясения 610–570 гг. до н.э. вызвали к жизни великую лесбосскую поэтессу Сапфо, «явив миру неувядающее чудо лесбосской мелики». Расцвет творчества поэтессы приходится на период тирании Мирсила (ок. 610–596 гг. до н.э.), а само имя Сапфо нередко прямо связывается с лидийским царем Алиаттом. Автор предлагает свою реконструкцию политических событий на Лесбосе. Лидия, державшая в страхе и трепете всю греческую Малую Азию, установила свой контроль над Лесбосом с помощью Мирсила. Стремясь выглядеть избранником фригийской «Идейской матери», Кибебы-Кибелы, Алиатт придает культу лесбосской Афроди-

ты поистине азиатский размах, в частности оказывая поддержку фиасу Сапфо и ее семье. Он щедро одаривает школу девушек царскими умащениями, лидийскими арфами, «пестрыми лидийскими митрами», лидийскими сандалиями и сапожками изысканнейшей работы. Взамен всего этого, «как бы в “оплату за услуги”, Мирсил и Сапфо пополняли гарем Алиатта, а также… святилище Кибебы в Сардах» воспитанницами фиаса. «Такие поставки “живого товара”, в целях ублажения душ и тел восточных – лидийских, а затем и персидских – властителей, вовсе не считались в те времена чем-то ужасным и из ряда вон выходящим». Как считает Т.Г. Мякин, «Сапфо и Мирсил были отнюдь не одиноки, так выражая свое расположение к Алиатту». В пример автор приводит историю с коринфским тираном Периандром, который отправил в Сарды к Алиатту 300 мальчиков из знатных семей для оскопления. Также колхи и эфиопы в качестве «добровольного дара» отправляли персидскому царю мальчиков и девочек[28]. После того, как Мирсил в результате заговора бежал из Митилены и вскоре умер, к власти пришел «худородный» Питтак. Сапфо пришлось отправиться в изгнание на Сицилию. Здесь слава поэтессы достигла общегреческих масштабов. Около 585 г. до н.э. Сапфо возвращается в Митилену. Десятилетняя эсимнетия (590–580 гг. до н.э.) Питтака принесла городу покой и процветание. Проявив себя мудрым политиком и законодателем, Питтак, в конце концов, был причислен к «семи мудрецам» древней Греции. Сапфо примиряется с ним, в ее доме вновь собираются девушки, но прежнего размаха у фиаса уже нет: в полную силу действовали законы против роскоши, принятые Питтаком. Сапфо дожила до глубокой старости и умерла окруженная почетом и уважением. Точная дата ее смерти неизвестна так же, как и дата ее рождения.

На вопрос, поставленный в начале книги, каково же имя розы, автор отвечает, что наиболее точным из всех является определение музы. Именно так называл лесбосскую поэтессу Платон (AP. IX. 506):

Девять считается Муз. Но их больше: ведь Музою стала
И лесбиянка Сапфо. С нею их десять теперь.

Автор завершает свою работу знаменательными словами: «Первооткрывательница субъективной чувственности, великая древнегреческая поэтесса действительно явила миру новую ипостась человеческого бытия – тот безграничный и таинственный микрокосм любви, который один сообщает человеческому существованию единственность и неповторимость»[29].

Прокатившиеся за последнее время волны социальных потрясений всякого рода и неизбежно сопровождающие их гендерные «перекосы» в обществе возродили интерес к прежде запретным темам, в частности, к теме однополой любви. В этой ситуации для ученого очень важно сохранить холодную голову, удержать необходимый разумный баланс, не переступить ту опасную черту, за которой начинается превращение науки в журналистику[30]. Это оказывается иногда очень непросто: соблазн велик, и грехопадения случаются. Процесс проникновения элементов обыденного сознания в сферу научного мышления, к сожалению, не миновал и академические круги. Некоторые деликатные темы, долженствующие быть объектами строгого научного исследования, порой приобретают искаженный, окарикатуренный облик, так как рассматриваются и обсуждаются в духе, весьма далеком от принятого в сфере «чистой науки»[31]. Тем большее уважение вызывает позиция автора, который подает щекотливую тему корректно, выдержанно, с достоинством ученого. Т.Г. Мякин не разделяет мнение (имеющее до сих пор много сторонников) крупнейшего немецкого филолога-классика У. ф. Виламовица-Меллендорфа, что «любовь» (φιλότας) Сапфо – это эрос дружбы (ἔρως φιλίας), указывая на глубокие чувственные переживания поэтессы, исполненные физиологического смысла. Вместе с тем он подчеркивает, что творимая на всенощной φιλότας девушек происходит в

состоянии транса, божественной одержимости. В облике любящей Афродиты, летящей на колеснице на помощь Сапфо поэтесса воссоздает образ своей ритуальной «супруги» (σύνζυξ) – «той, какой была она, когда любила, когда в ней *была Афродита*. Перед нами почти гомеровское понимание эпифании божества как его *воплощения* в человеке»[32]. Справедливо обращает внимание автор на эзотерическую сторону лесбийского ритуала, трактуя полет на золотой колеснице Афродиты как метафору, мифологический эвфемизм, указывающий на сакральный характер сексуального акта как древнейшую форму обретения сокровенного знания[33]. По мнению Т.Г. Мякина, «тайный культ» женского божества в фиасе Сапфо имел специфические, принципиально новые черты. Служение богине осуществлялось в фиасе через ритуальное супружество девушек a trios, взаимные обязательства любви, особый язык, в котором слова «луг», «роща», «земля», «фиалки» знаменуют богоявление, «присутствие Великой богини любви… Афродита, творимая Сапфо, имеет неповторимо индивидуальный, “сапфический” облик, в ней раскрывается истина субъективной чувственности». В интимных обрядах вершилось новое постижение Афродиты в состоянии «богоохваченности», слияние с богиней и отождествление с ней. В этом же смысле следует понимать призыв к Киприде прийти в золотые рощи, рукою щедрой разлить нектар, «смешанный тонко»: ритуальный напиток объединял культовое сообщество в единое целое (как в христианстве таинство евхаристии). Эту любовь Сапфо понимает как любовь, благорасположения к ней и ее ученицам самой бессмертной богини, свидетельство «подлинной одержимости Сапфо и девушек (женщин?) ее фиаса Афродитой»[34].

Разумеется, это сокровенная сторона сапфического культа, полностью понятная и раскрываемая только для узкого круга посвященных. Подлинное религиозное чувство, обряд как служение божеству, а также живая поэтика мифа невозможны без личностного переживания мифологической традиции. В этом смысле случай с фиасом Сапфо уникален тем, что представляет собой интересный инициатический и метафизический вектор, направленный на очень важные духовные ценности и проявляющийся в ритуальном акте мистического слияния с божеством, которое есть Любовь и которое есть Женщина. (В этой связи, очевидно, следует пересмотреть точку зрения, согласно которой, грекам издревле было чуждо желание стать божеством[35], и только с Платона началась «революция в религиозном чувстве Запада»[36]). И здесь лежат корни оппозиции женскому культу со стороны поэтов VIII-VI вв. до н.э. (Гомера, Гесиода, Алкея, Семонида Аморгского и прочих), утверждения, что лесбийская любовь, в отличие от «греческой любви» не священна для Афродиты и даже внушает ей отвращение. Здесь же кроются причины последующего очернения имени поэтессы, которую сделали женщиной сомнительной репутации, даже распутной гетерой[37]. В древности имя Сапфо было окружено неизменным почетом и благоговейным уважением. Прекрасная, одаренная женщина была также женой, заботливой сестрой и любящей матерью. Она дожила до преклонных лет в окружении своих учениц. Ей воздвигались статуи, на монетах Лесбоса чеканились ее изображения, ее называли лесбосской Музой. Она изобрела особый размер, который в ее честь был назван сапфической строфой. В музыке Сапфо создала новую гармонию – так называемую «миксолидийскую», отличающуюся патетическим характером. Великую поэтессу чтили в Митилене еще в III в. н.э. Ее считали идеалом красоты, и всем классически красивым женским головкам уже приписывалось ее имя. (К сожалению, достоверных портретов поэтессы до нас не дошло, ее изображения сильно отличались уже в античности, о чем можно судить также по приведенному в книге иллюстративному материалу). Если для Платона Сапфо была мудрой (σοφή), прекрасной (καλή), для влюбленного в нее Алкея «фиалкокудрой», «улыбчивой чистой девой»[38], то у поздних авторов она превращается в какую-то дурнушку, чернявую и невзрачную: «Наружности она была, как представляется, самой невыразительной и очень некрасива: ибо и на лицо была черна, и рос-

том совсем маленькая…» (P. Oxy. 1800. Fr.1). Эти побасенки и легенды (вроде истории о любви стареющей поэтессы к мифическому красавцу Фаону[39], из-за которого она покончила с собой, бросившись в море с Левкадской скалы[40]) возникли после смерти Сапфо, когда уже ничего не мешало (особенно поздним греческим комедиографам) творить на потребу публики.

Правомерен вывод автора о том, что «возвышение военно-торговой "героической" аристократии в VIII-VI вв. до н.э. … сопровождалось ревнивыми нападками со стороны певцов военно-дружинной знати на полутуземные и "пролидийские" культы матриархальной ориентации. "Илиада" и "Одиссея" утверждают единый Олимпийский пантеон во главе с Зевсом-патриархом, сознательно оттесняя на задний план и подвергая оскорблениям как Великую Артемиду, так и Афродиту Киприду[41]…»[42].

Однако с мнением автора о том, что ученицы Сапфо готовились для пополнения лидийских гаремов и для сакральной проституции, нельзя согласиться. Неубедительной в этой связи представляется также отождествление молодых рабынь Сапфо с paidivskai (букв. «отроковицы»), лидийскими девушками, которые зарабатывали себе на приданое проституцией и после смерти царя Алиатта своими руками насыпали ему земляной курган (Hdt. I. 93; Strabo. XIII. 4. 7). Так же сомнительно считать этих пайдисок рабынями-проститутками Алиатта[43]. Упоминание об Аригноте, ныне блещущей «средь лидийских жен», выдаваясь средь них подобно тому, как «розоперстая Луна» превосходит «все звезды», ясно указывает на высокий статус выпускницы фиаса, очевидно, ставшей супругой высокопоставленного человека[44]. Да и сами девушки были представительницами знатных родов. Вероятнее всего, воспитанницы этого закрытого института благородных девиц проходили обучение, по окончании которого, выйдя в свет, имели возможность сделать выгодную партию. На Лесбосе, населенном племенами эолийцев, положение женщин значительно отличалось от того, что было в большинстве других греческих городов, в частности, в Афинах, где женщины жили по нормам эллинского «домостроя». «Брак давал … возможность вступить в общество на равных правах с мужчинами, как и в других эолийских областях»[45]. Что же до храмовой проституции, то на Востоке (в частности, в Вавилоне), действительно, известна практика посвящения знатными людьми и даже царями своих дочерей в верховные жрицы и невесты богу. Но, по сути, это был политический шаг – желание заручиться поддержкой жречества того или иного храма – и он вовсе не подразумевал сексуального служения в буквальном смысле слова. Культовое соединение «небесной иеродулы» с божеством (которого представлял жрец или царь) обычно просто имитировалось. Сугубую же службу исполняли низшие жрицы, набиравшиеся из бедных слоев населения, сирот, подкидышей, а также рабынь. В Греции же в отличие от Востока храмовая проституция имела место только в храме Афродиты в Коринфе[46]. Возникшая именно как культовое служение божеству плодородия проституция очень быстро была профанирована (как и все, что связано с культом Великой Богини) и стала достоянием толпы[47]. Храмовые проститутки мало, чем отличались от блудниц-povrnh, храмы от блудилищ, жрецы получали доходы от торговли телами храмовых рабынь, как какие-нибудь содержатели домов разврата, а государство – налоги с этого ремесла. Очевидно, что жрицы Афродиты Пандемос (Всенародной) – храмовые или обычные проститутки вовсе не нуждались в каком-либо утонченном образовании и воспитании. Поточный товар не может быть дорог, здесь вполне хватало практических наставлений содержательниц публичных домов или жрецов храмов, где практиковалась священная проституция. Но девы фиаса Афродиты Урании (Небесной)[48] – дочери благородных семейств – воспитывались не для утех черни. Эти драгоценные жемчужины были достойны только царского окружения.

В фиасе Сапфо преимущественное внимание уделялось интеллектуальному и духовному развитию. Тем не менее, дом муз «не был ни консерваторией, ни академи-

ей, ни семинарией. Искусствам обучались не ради них и менее всего с целью сделать из них свою профессию. Сафо хотелось помочь девушкам …воплотить в обществе, в котором им придется занять свое место, идеал женской красоты, впервые утвержденный богинями, которых они чтят… она подготавливает доверенных ей девиц именно к замужеству, к выполнению женщиной своего призвания в радости и красоте. В Митилене женщина оживляла жизнь города своим очарованием, своей одеждой, своим искусством… Она принимала участие в развитии музыкальной и поэтической культуры своего времени. В области искусства женщина соперничала с мужчинами. Если эолийские нравы предоставляли такое место замужним женщинам, то неудивительно, что тем самым создавалась необходимость в школах, где бы девушка могла готовиться к той роли, которую она должна была играть после брака»[49]. Специфика заключалась в том, что у Сапфо ученицы получали элитарное образование, с детства находясь в замкнутом пространстве, изолированном от мужского мира, так сказать в отдельно взятом райском уголке, сиречь в роще (садах) Афродиты, «где вода холодная шумит меж ветвей яблонь, а розами все местечко осенено… и где луг, питающий коней, расцвел весенними цветами, и где дуновенья веют медово»[50] (фр.2. Пер. Т.Г. Мякина). Это девственный приют золотой богини, образ духовного луга. В этом смысле понимание Э.П. Бернетт (которому следует и автор) роз и яблок как подрастающих юных дев и луга, а рощи как «защитного пояса», оберегающего от внешнего мира святыню Афродиты, представляется глубоко верным. В этом мире нет забот, опасностей, болезней. Здесь царят нега, красота, покой, музыка, девичьи игры и хороводы[51]. Это мир, дающий иллюзию защищенности. Покидая его, девушки лишались опоры и попадали в свет, безусловно, с определенным потрясением. Возможно, этот оксюморон – сочетание ведения и неведения, теоретического знания и невинности – особенно привлекал пресыщенных восточных владык. Не исключено, что строгое следование такой установке в фиасе и было тем самым условием sine qua non, которое гарантировало поддержку и само существование школе Сапфо со стороны лидийских «спонсоров». Так или иначе переживания и душевную боль наставница испытывала по отношению к каждой своей выпускнице («… Те, кому я /Отдаю так много, всего мне больше /Мук причиняют» – фр. 39 (32). Пер. В.В.Вересаева). Можно говорить о весьма непростом положении неординарной женщины в патриархальном обществе, которая выделялась не только своим поэтическим, но и педагогическим, и организаторским талантами, возглавляя школу девушек. Эта нетипичность, учитывая присущую греческим мужчинам состязательность[52], не могла не вызывать известной ревности. Оберегая свой фиас, а также свободу творчества, Сапфо, конечно, не могла не идти на определенный компромисс с властями предержащими[53]. И все же представление о поэтессе как о поставщице «живого товара», которым она расплачивалась за услуги, оказываемые ей лидийскими правителями, выглядит, по меньшей мере, довольно смелым упрощением. Это вывод автор делает на основании одного только фрагмента папирусного комментария к Сапфо (III в. н.э.), восходящего к другому комментатору – Каллию Митиленскому (III-II вв. до н. э), который сообщал, что «девушки, входящие в дом царя[54] и высоко ценимые, различались между собой…» (P. Colon. 5860, fr.2, col. I, 14-18). Помощь фиасу со стороны лидийских царей оказывалась, прежде всего, по политическим и религиозным соображениям. Но, разумеется, наличие при дворе умных, прекрасно образованных красавиц не могло не льстить царскому самолюбию[55] (заметим, что в Лидии женщины занимали более высокое положение, чем в Греции). Мы не знаем точно, что чувствовали девушки, попадая в новый, неведомый и поэтому опасный для них мир. Но, судя по тому, что судьба их, по крайней мере, внешне складывалась благополучно, им удавалось адаптироваться, не в последнюю очередь черпая силы в своей прошлой жизни. В гендерных исследованиях вопрос так сказать корреляции между статусом женщин и характером общественной организации является одним из центральных. Историки здесь идут вслед за

антропологами, которые подчеркивают, что снижение статуса женщины, установление двойного стандарта норм поведения и морали, вели вместе с тем к усилению неформального влияния женщин через более широкую сеть социальных связей за пределами семьи.

В работе Т.Г.Мякина есть, конечно, кое-какие шероховатости в переводе, мелкие неточности в изложении мифологического материала, встречаются и ошибки (иногда досадные: жизнь Флавия Филострата отнесена к III в. до н.э., а не ко II-III в. н.э. – с. 71; О.Б. Лопухов указан вместо О.Б. Лопуховой в сносках на с. 58-59). Вместе с тем оригинальный перевод автором стихов Сапфо, а также и других используемых текстов с указанием всех изданий, приведением конъектур, всевозможных разночтений и восстановлений – бесспорное достоинство книги. Хорошее впечатление производит также бережное, уважительное отношение к источнику, сознательный, вполне разумный отказ от стихотворного перевода в пользу более точного прозаического.

В книге имеют место также и некоторые логические натяжки. Так, автор утверждает, что у Сапфо Афродита – воинственная богиня ярой страсти, агрессивной сексуальности, поэтому поэтесса молит богиню помочь ей в любовной битве[56]. Такое понимание не представляется убедительным в общем контексте творчества Сапфо. Бесспорно, Афродита – могущественное божество, дочь самого Громовержца, владычица грозной стихии, необоримой страсти, покоряющей одинаково как Зевса, «величайшего из всех», так и барсов с медведями и волками (H.h. IV. 36-74). И не только для Сапфо она – Любовь, «способная “смирить” всякого…»[57]. То, что Афродите были присущи черты военного божества, тоже не подлежит сомнению[58] . Павсаний сообщает о самом древнем, по мнению греков, храме Афродиты Урании на острове Кифера, в котором находилась деревянная статуя вооруженной богини (Paus. III. 23. 1). По мнению И.М. Дьяконова, богиня-воительница, существующая во многих мифологиях наряду с богами-воинами, у греков разделилась на воинственную рукодельницу Афину, охотницу, связанную с Луной и смертью, Артемиду и богиню сексуальной страсти Афродиту. Все три являются субстратными божествами и сохраняют некоторые общие воинственные и разрушительные черты[59], но меньше всего их у Афродиты. На Востоке богиня любви – всегда грозная и даже кровожадная воительница (Инанна, Иштар, Астарта, Анат, Сехмет, Хатхор, Кали). Ее культ сопровождался откровенными оргиастическими праздниками, половой свободой (включая гомосексуальность и трансвестизм), самоизувечением и иногда человеческими жертвами. Греческая богиня любви, как подчеркивал уже эпос, не любит крови, войн и раздоров. Ее удел – устройство людских браков, покровительство влюбленным, вообще весь мир красоты, любви и счастья. Сексуальная агрессивность и «милитаристская» образность сапфической богини нуждаются в серьезных доказательствах.

Однако аргументация автора, построенная на лексических сопоставлениях, представляется умозрительной. Так он полагает, что используемое Сапфо слово σύμμαχος («союзница, помощница») имеет исключительно военное значение, в связи с чем переводит последнюю строку фр. 1 (Σὺ δ᾽ αὔτα σύμμαχος ἔσσο) как «и сама будь соратницей в битве»[60]. Действительно, σύμ-μαχος, составленное по тому же принципу, что и аналогичное существительное в других языках (лат. com-milito, con-certator; фр. com-battant; англ. com-batant; нем. Mit-kämpfer, Mit-streiter), дословно означает то же, что и русское «со-ратник (-ца)» – «боец», «боевой товарищ». Однако в дальнейшем оно приобрело более широкое значение – «союзник», «сторонник», «единомышленник», «товарищ», «помощник», «поборник»[61]. Если же вообще исходить из первоначального смысла слова, тогда и синоним «сподвижник» следует понимать исключительно как «товарищ по подвигу», в каковом значении это слово уже не употребляется. В.В.Вересаев указанное место переводит: «и союзницей верной будь мне, богиня!» С.И. Радциг: «И сама мне союзницей будь!».[62]

Это, по крайней мере, нейтральный перевод, так как в молитвах греки часто призывали на помощь богов.

Далее, автор считает золотую колесницу богини боевой[63]. Однако ἅρμα – это колесница вообще, и боевая, и спортивная, и церемониальная. Собственно все боги и богини Олимпа передвигаются по воздуху не «на своих двоих» (за исключением Гермеса да еще крылатых Ириды и Ники). Колесницами правят Зевс, Гера, Афина, Аполлон, Посейдон, Арес, Аид, Геката, и уж совсем невоинственные Гелиос, Селена, Деметра и Триптолем. Так что Афродита на запряженной лебедями (или воробьями) колеснице просто использует единственно известное в ту эпоху скоростное средство передвижения[64]. В-третьих, сопоставляя фр. 94 и 96, автор находит в них слова, взятые из «воинского лексикона». В первом фрагменте речь идет о девушке, которая «обвивала (обхватывала) себе шею нежную» цветочными гирляндами. Во втором – о подруге, которая блещет среди лидийских жен, как луна, «превосходя все звезды» (πάντα περρέχοισ᾽ἄστρα). Как утверждает Т.Г. Мякин, слово περρέχοισ(α) – «превосходящая, обхватывающая (?)» – метафора-эвфемизм, указывающая на эротическую «воинственность» девушки, и приводит пример из «Греческой истории» Ксенофонта, где ὑπερέχω (= эол. περρέχω) имеет два значения: «превосходить» и «обходить с флангов, обхватывать». В том же фрагменте свет, простираемый девушкой-луной, по мнению автора, «как-то особенно подчеркивает уже отмеченную нами “Афродитову” воинственность», так как глагол «простирает, направляет» (ἐπίσχει) «также взят из военного лексикона – у Гомера и Гесиода, например, он соотносится с колесницей, устремляющейся на врага»65. Глагол ἐπέχω имеет очень много значений, и первое – «иметь, держать, покоить», а также «протягивать, (по)давать, приближать». Гомер использует этот глагол также в смысле «занимать, простираться, охватывать». «Устремляться, нападать, преследовать» – только пятое значение, причем у того же Гомера вовсе не в военном контексте: τί μοι ὧδ ἐπέχεις; (что ты ко мне так пристала?). Всего же у этого глагола 15 значений, среди которых: «намереваться, добиваться», «сдерживать, удерживать», «воздерживаться, выжидать», «обладать, владеть», а также «вникать, внимательно смотреть, пристально следить»[66]. Таким образом, его военное происхождение не доказывается. Далее, первое значение глагола περιέχω как раз «окружать, окаймлять, обнимать», а «превышать, превосходить, быть сильнее» – второе. Причем в контексте войны («охватывать с флангов») с зависимым словом в dat. modi (pass. sive act.): περιέχω τῷ κέρᾳ (ср.: по-русски тоже можно «обнимать, охватывать» шею (руками, ожерельями) и «окружать» врага). Так же и ὑπερέχω в первом значении (самом древнем у Гомера) – «держать сверху», «простереть над чем либо», в непереходной форме – «возвышаться», «превосходить кого либо», «отличиться», «брать верх», а эпически – «восходить». И только в третьем значении «подниматься», «торчать», «совершать фланговый охват противника»[67]. Какого-то специфически военного или преимущественно связанного с войной смысла эти слова не имеют. Натяжкой представляется и утверждение автора, что эпитет βροδοδάκτυλος («розоперстая») <луна=девушка> тоже относится к воинственности, поскольку так же характеризуется вечно юная Заря-Эос, в которую Афродита вселила неутолимое желание[68].

С методической точки зрения представляется вообще сомнительным трактовать текст источника, исходя лишь из сопоставления лексики очень разных (не только по времени[69]) авторов, тем паче поэтов, язык которых наиболее индивидуален и специфичен. У Сапфо Афродита предстает не только карающей «дочерью Кронида», но и «владычицей нежной», «улыбчивой ликом», «благой», «фиалколонной», божественной «невестой». И эта милующая ипостась богини у поэтессы преобладает. Да автор и сам на с. 73-74 справедливо замечает: «атмосфера интимного, доверительного общения с божеством, которую воскрешает сапфическое “напоминание” (ὑπομνησία), исключает интерпретацию этой Афродитовой эпифании как воен-

но-эпического пароконного “выезда олимпийской богини”».

Другим спорным моментом, на наш взгляд, является трактовка отношений девушек в фиасе как «ритуального “супружества” a trois». Такой вывод делается на основании одного только фрагмента схолий (фр. 213. P.Oxy. 2292): «Плейстодика будет названа *супругой* [курсив автора – Л.С.] (σύ(ν)ζυξ) Горго вместе с Гонгиллой»[70]. Место из Гимерия Вифинского, которое приводит автор в качестве дополнительного аргумента, слишком общее и ничего не доказывает. Ссылка на то, что Афродита в орфическом гимне (LV. 3-6) называется Запрягающей (ζεύκτειρα) в контексте этого стихотворения говорит о другом – о функции богини как владычицы мира («ты запрягла себе [в колесницу] Вселенную и владычишь над тройственными мойрами»). Можно, конечно, вспомнить эпитеты Зевса и Геры Зюгиос и Зюгия («Супружий» и «Супружья»). Но все-таки в первом значении σύ(ν)ζυξ – «друг», «сотоварищ» и лишь во втором значении «супруг». Приведем этимологический ряд. Σύ(ν)ζυξ происходит от глагола συ-ζυγέω – *дословно* «быть вместе связанным, идти в одной упряжке» (то же, что и в русском: с-упруги – те, кто в одной упряжке), *перен.* «быть связанным»; συ-ζυγία «соединение, связь (в том числе любовная)», «пара, парное сочетание», σύ-ζυγος – «живущий парой», «супружеский», «парный». Таким образом, suv(n)zux, строго говоря, следует понимать как «напарница», а в более широком смысле, как φίλη – «подруга, подружка, товарка, компаньонка», может быть, «возлюбленная»[71]. Такой перевод осторожнее, тем более что супружество втроем, во всяком случае, вызывает недоумение, равно как и идея брака вообще. В свое время Джейн Харрисон очень точно подметила, что Афродита была богиней любви, а не брака, и лишь возведенная на патриархальный Олимп, она получила в мужья Гефеста[72].

Все эти замечания, однако, не носят принципиального характера и не противоречат главной концепции автора. Убедительно и основательно представлена картина жизни и творчества великой поэтессы древности, место и роль ее фиаса в жизни Митилены. Безусловную опору в источниках находит заключение автора о том, что Сапфо «оказывается чуть ли не единственной защитницей традиционной “азиатской” и “пролидийской” женской идеологии»[73]. Идя собственным, независимым путем, путем филолога-классика, Т.Г. Мякин приходит к выводам, которые дополняют и подтверждают основные положения ученых, работающих в русле гендерного направления, что свидетельствует о продуктивности и перспективности этого подхода в исторических исследованиях вообще и в антиковедении в частности. Любое творчество невозможно без ряда условий, главное из которых – свобода. Отсутствие корпоративности (этого «систематического, организованного угашения творческого огня», по Н.А. Бердяеву), открытость новым веяниям и дискуссиям, творческие поиски без оглядки на имена и методологические установки, обращение к сквозным темам, стремление к междисциплинарному диалогу в самых разных аспектах[74], увлеченность своим делом, и, как следствие, появление интересных, неординарных работ (пусть в чем-то и спорных) в последнее время все больше характеризует науку в регионах. Монография новосибирского ученого является в этом смысле знаковой, ибо свидетельствует о появлении новой тенденции, пока еще только наметившейся – постепенном перемещении научной активности с центра не периферию, где кипит молодой задор творчества.

…В одной из своих последних лекций крупнейший русский антиковед М.И.Ростовцев, обращаясь к теме, которая волновала его всю жизнь, особо подчеркнул, что преподаватель классической филологии, древней истории и археологии должен не только знать свой предмет, владеть им. «Он должен понимать древний мир, его менталитет, психологию, восприятие красоты, духовную жизнь, чувства и страсти. История – не точная наука. Она имеет дело с человеческой жизнью, а люди, особенно в критические моменты своей жизни, действуют исключительно под влиянием чувств и страстей. Но и это еще не все.

Исследователь древнего мира, в еще большей степени, чем исследователь новейшей истории, должен *видеть* свой предмет, *представлять* его, думать о нем как о *живой реальности*, а не *абстракции*. Наконец, учитель обязан не только знать, но и любить, если не греков и римлян, то свой предмет[75].

Да, это высокие требования. Да, это *идеал*[76]. Но греки и римляне учат нас, что без идеалов, без постоянного стремления достичь совершенства жизнь бесцельна. Высокие требования стимулируют прогресс и жизнь, низкие – означают застой и смерть»[77].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Определенные основания для этого имеются, так как политическая борьба на Лесбосе, занимающая большое место в поэзии Алкея (так называемые «Песни борьбы»), не нашла отражения в творчестве его современницы Сапфо. Единственное стихотворение, содержащее намек на общественно-политическую обстановку, это фр. 74 (98), в котором Сапфо жалуется, что не может достать для дочери пеструю шапочку из Сард: «Виноват во всем Митилены правитель».
2. Назовем лишь некоторые из них: немецкий журнал “Geschichte und Gesellschaft”, австрийский “L’Homme”, знаменитый американский “Signs”, американский же “Women’s Studies Quarterly” и др. С 2001 г. в Институте всеобщей истории РАН под редакцией Л.П.Репиной издается альманах гендерной истории «Адам и Ева».
3. Труды последнего заседания см.: Gender, Cult, and Culture in the Ancient World from Mycenae to Byzantium //Proceedings of the Second Nordic Symposium on Gender and Women’s History in Antiquity. Helsinki 20-22 October 2000 /Ed. by Lena L. Lovйn and Agneta Strömberg. Sävedalen, 2003.
4. Последнее заседание прошло в Цюрихе 4-5 июля 2002 г.
5. *Feichtinger B.* Gender Studies in den Altertumswissenschaften – Rückblicke, Überblicke, Ausblicke //Gender Studies in den Altertumswissenschaften: Möglichkeiten und Grenzen. Hsg. B. Feichtinger und G. Wöhrle. Trier, 2002. S. 11-23.
6. Таким счастливым исключением можно считать сборник статей десятилетней давности «Женщина в античном мире» /Отв. ред. Л.П. Маринович, С.Ю.Сапрыкин. М.: Наука, 1995. Книга, бесспорно, стала заметным явлением в отечественном антиковедении. Однако, строго говоря, она все же не является исследованием по истории гендера. Несмотря на название, тема представлена как один из ракурсов социально-экономической и политической истории древности (что вовсе не укор). Продолжения, которое вполне могло бы стать весьма продуктивным и перспективным, не последовало. В 1998 г. ушел из жизни выдающийся антиковед Ю.В. Андреев, замечательная широта и разносторонность научных интересов которого распространялись и на гендерную проблематику. См.: *Андреев Ю.В.* «Минойский матриархат» (Социальные роли мужчины и женщины в общественной жизни минойского Крита) //ВДИ. 1992. №2. С. 3-14; *Он же.* В ожидании «греческого чуда» *(Духовный мир микенского общества)* //ВДИ. 1993. №4. С. 14-33; *Он же.* Минойская тавромахия в контексте критского цикла мифов //MOUSEION. Профессору А.И. Зайцеву к 70-летию. СПб., 1997. С. 17-30. В 2004 г. была опубликована рукопись 1967 г. кандидатской диссертации ученого, оказавшаяся на удивление востребованной и сегодня: *Андреев Ю.В.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб.: Алетейя, 2004.
7. «Поскольку гендерный статус, гендерная иерархия и модели поведения задаются не природой, а предписываются институтами социального контроля и культурными традициями, – пишет Л.П. Репина, – гендерная принадлежность оказывается встроенной в структуру всех общественных институтов, а воспроизводство гендерного сознания на уровне индивида поддерживает сложившуюся систему социальных отношений во всех сферах. В этом контексте гендерный статус выступает как

один из конституирующих элементов социальной иерархии и системы распределения власти, престижа и собственности, наряду с этнической и классовой принадлежностью» (*Репина Л.П.* Социальная история в историографии XX столетия. Курс лекций. М., 2001. С. 44).

8. Оно в числе прочих было проигнорировано и в докладах конференции Российской Ассоциации антиковедов (Москва, 29-30 июня 2000 г.) «Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных). Подзаголовок говорит сам за себя. Между тем на рубеже двух веков и тысячелетий историческая наука переживает период системного кризиса, связанного также и с накопившимися проблемами ее внутреннего развития, и с общими процессами в интеллектуальной сфере и, главное, с ломкой культурной парадигмы, диктующей необходимость пересмотра эпистемологических основ гуманитарного знания. Однако вопросы методологии изучения античного мира не ставились, по меньшей мере, лет десять (конференция Ассоциации антиковедов 31 мая – 2 июня 1993 г. в Москве «Методология и методика изучения античной истории», а также статья по этим материалам в ВДИ. 1994. №1). А проблемы, перспективы, методы, область применения, возможности и границы гендерного подхода не обсуждались за последние четверть века разве что только нашими историками античности. См.: *Абубикирова Н.И.* Что такое «гендер»? //Общественные науки и современность. 1996. №6; *Бок Г.* История, история женщин, история полов //THESIS. (Теория и история экономических и социальных институтов и систем). 1994. Вып. 6. С. 170-200; Введение в гендерные исследования /Под ред. И.А. Жеребкиной. СПб., 2001; Гендер, семья, культура /Под ред. В.А. Тишкова. М., 1997; Гендерная методология в общественных науках /Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков, 2000; *Пушкарева Н.Л.* Гендерные исследования: Рождение, становление, методы и перспективы //Вопросы истории. 1998. №6. С. 76-86; *Она же:* Зачем он нужен, этот «гендер»? (Новая проблематика, новые концепции, новые методы анализа прошлого) //Социальная история. Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 155-174; *Репина Л.П.* История женщин сегодня: историографические заметки //Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 35-73; *Она же.* Гендерная история: проблемы и методы исследования //Новая и новейшая история. 1997. №6. С. 41-58; *Она же.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; *Она же.* Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы //Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001. №1. С. 7-19; *Шартье Р.* История сегодня: сомнения, вызовы, предложения //Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995. С. 192-205; *Demand N.* Gender studies and history: participation and power //Current Issues and the Study of Ancient History. Publications of the Association of Ancient Historians 7. Claremont /Ed. by S.B. Burstein, R. MacMullen, K.A. Raaflaub, and A.M. Ward //CA. 2002. P. 31-43; *Lorber J.* Paradoxes of gender. New Haven – L., 1994; *Morris I.* Archaeology and gender ideologies in early archaic Greece //TAPhA. 1999. №129. P. 305-317; *Nicholson L.J.* Gender and History. The Limits of the Social Theory in the Age of the Family. N.Y., 1986; *Scott J.W.* Gender: A Useful category of historical analysis //American Historical Review. 1986. Vol. 91. №5. P. 1053-1075; Sex and Difference in the Ancient Greece and Rome /Ed. by M. Golden and P. Toohey. Edinburgh University Press, 2003; Sex and Gender in Historical Perspective /Ed. by E. Muir, G. Ruggiero. Baltimore, 1990; Sexuality and Gender in the Classical World. Readings and Sources /Ed. by Laura K. McClure. Oxford, 2002; *Smith B.G.* The Gender of History. Men, women and historical practice. Cambridge (Mass.) – L., 1998; *Spain D.* Gendered Spaces. Chapel Hill, 1992 etc.

9. По поводу этой «путаницы» следует заметить, что в мировой исторической науке появилась и историческая андрология, изучающая «историю мужчин и мужественности» и являющая также частью гендерной истории. Новейшие исследования по

истории мужчин показали, что гендерные представления пронизывают все стороны социальной жизни, независимо от присутствия или отсутствия в ней женщин. Кроме того, стоит обратить внимание на тот малозаметный факт, что вся традиционная история, всеобщая или региональная, как раз и является типичной гендерной (*History* как *His-story*). См.: *Bassi K.* Orality, masculinity and the Greek epic //Arethusa. 1997. №30. P. 315-340; *Idem.* Acting Like Men: Gender, Drama and Nostalgia in Ancient Greece. Ann Arbor, 1998; *Connell R.W.* Masculinities. Cambridge, 1995; Dislocating Masculinity: Comparative Ethnographies /Ed. by A. Cornwall and N. Lindisfarne. L., N.Y., 1994; *Gilmore D.D.* Manhood in the Making: cultural concepts of masculinity. New Haven, 1990; *Gleason M.W.* Making Men: Sophists and Self-Presentation in Ancient Rome. Princeton, 1995; *Herzfeld M.* The Poetics of Manhood: Contest and Identity in a Cretan Mountain Village. Princeton, 1985; Histoire des pères et de la paternité /Ed. by D. Roche. P., 1990; *Johnson S.* Language and Masculinity. Cambridge, 1997; *Lenzen D.* Vaterschaft: vom Patriarchat zur Alimentation. Reinbeck bei Hamburg, 1991; Maennergeschichte – Geschlechtergeschichte: Mähnlichkeit im Wandel der Moderne /Ed. by T. Kuehne. Frankfurt am Main, 1996; *Mason P.* The City of Men: Ideology, Sexual Politics, and the Social Formation. Göttingen, 1984; Men, Masculinities and Social Theory /Ed. by J. Hearn and D. Morgan. L., 1990; *Richlin A.* Gender and Rhetoric: production manhood in the schools //Roman Eloquence: Rhetoric in Society and Literature /Ed. by W.J. Dominik. L., N.Y., 1997. P. 90-110; *Russell B.F.* The emasculation of Antony: the construction of gender in Plutarch's *Life of Antony* //Helios. 1998. №25. P. 121-137; *Silverman K.* Male Subjectivity at the Margins. L., 1992; Thinking Men: Masculinity and its Self-Representation in the Classical Tradition /Ed. by L. Foxhall and J. Salmon. L., N.Y., 1998; When Men Were Men: Masculinity, Power and Identity in Classical Antiquity /Ed. by L. Foxhall and J. Salmon. L., N.Y., 1998 etc.

10. Такова общая тенденция современности. Как писал Н.А.Бердяев, «в массовых процессах истории, в остывших и кристаллизованных традициях культуры, в формировавшихся организациях общества побеждает объективация, и человек прельщается рабством, которого не сознает и которое переживает как сладость» (*Бердяев. Н.А.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии //*Бердяев. Н.А.* Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995. С. 77).
11. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. Пер. с англ. М., 1991. С. 20.
12. *Утченко С.Л.* Факт и миф в истории //ВДИ. 1998. №4. С. 8-9.
13. Обсуждение этой проблемы и путей ее решения в медиевистике см.: *Ле Гофф Ж.* Является ли все же политическая история становым хребтом истории? //THESIS. 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 177-192. (Впервые статья была опубликована на английском языке в: Daedalus. 1971. Vol. 100. №1. P. 1-19).
14. Напомним, что слово «гламур» происходит от слова «грамматика»: в средние века ученые, владевшие премудростями грамматики, считались чуть ли не чародеями, вроде Фауста. В XVIII в. в Шотландии «grammar» стали произносить как «glamour», так возникло новое слово, означающее чудо, таинственную силу, отсюда современное значение – шарм, обаяние, пленительный шик.
15. Н.А.Бердяев определял сциентизм и снобизм как «формы человеческого рабства». «Истина, – писал философ, – аристократична в том смысле, что она есть достижение качества и совершенства в познании, независимо от количества, от мнения и требования человеческих количеств. Но это совсем не значит, что истина существует для избранного меньшинства, для аристократической группы, истина существует для всего человечества, и все люди призваны быть приобщенными к ней. Нет ничего противнее гордости и презрительности замкнутой элиты. Великие гении никогда не были такими… Подлинный аристократизм связан с сознанием служения, а не с сознанием своей привилегированности… Но человеческий мир полон не этого аристократизма, а аристократизма изоляции, замкнутости,

гордости, презрения, высокомерного отношения к стоящим ниже, т.е. ложного аристократизма, аристократизма кастового, порожденного социальным процессом» (*Бердяев. Н.А. Ук. соч.* С. 77, 75).

16. Отсылаем читателя к очень интересной книге, посвященной истории повседневности: *Вайнштейн О.Б.* Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2005.
17. Известный медиевист Л.М. Баткин называет «одноглазыми историками» тех ученых, которые явно или неявно исходят в своих исследованиях из безусловного приоритета лишь одной из «оптик».
18. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. Пер. с нем. 2-е изд. М., 1994. С. 199, 205.
19. По его мнению, между исследованием жизни (как объекта познания, включающего помимо прочего множество ситуаций, не поддающихся упорядочиванию) и любым генерализирующим исследованием (как средством преодоления энтропии изучаемого объекта) не может не существовать глубокого, непреодолимого противоречия. См.: *Кнабе Г.С.* Общественно-историческое познание во второй половине XX века //Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античности. М., 1993. С. 161; *Он же.* Метафизика тесноты. Римская империя и проблема отчуждения //ВДИ. 1997. №3. С. 66-77.
20. Критикуя «социоцентризм» в исторической науке, С.М. Перевалов в частности, пишет: «…гражданская теория полиса плохо объясняет особенности античного пути развития. Тезис о том, что «неповторимое своеобразие греко-римской цивилизации объясняется в первую очередь характером полиса», который «выступает как структурообразующий элемент этой цивилизации», верен лишь до определенной степени. Без указания на антропоцентристскую природу полиса это мало что дает… Уникальность Греции состояла прежде всего в том, что ее культура и цивилизация основывалась на гуманистических принципах и идеалах… Но человек – существо историческое. Каким он был, человек полисной цивилизации? Прежде всего он был ее творцом. Греческий полис, в отличие от всех других государств древности, был в полном смысле творением людей и для людей… Антропоцентризм греческого образца оказался уникальным явлением в истории, и, воспринятый (и переосмысленный) европейской культурой, остается важнейшим источником как позитивных, так и негативных изменений в современном быстроразвивающемся мире». См.: *Перевалов С.М.* Антропоцентризм греческого полиса (на примере его становления) //ПИФК. 2004. Вып. XIV. В честь 70-летия профессора Г.А. Кошеленко. С. 33, 37.
21. *Бердяев Н.А.* Ук. соч. С. 24.
22. Русский философ и историк-медиевист Л.П. Карсавин п исал, что упорное нежелание историков определять исследуемую историческую индивидуальность «может побудить теоретика истории к весьма решительному шагу. Он скажет, что история не должна считаться наукою, а если хочет быть ею – должна усовершенствовать свой метод. Он, может быть – теоретики вообще отличаются категоричностью и смелостью своих действий – выдумает новую науку… Историки же теоретика и слушать не станут, а будут продолжать свое дело» (*Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 65).
23. *Мякин Т.Г.* Сапфо. Язык, мировоззрение, жизнь. СПб., 2004. С. 5-9.
24. Там же. С. 107.
25. Уточнив, конечно, что это не тот гиацинт, который знают все (Hyacinthus orientalis). О том, какой цветок имелся в виду в древности, единого мнения нет. Предположительно идентифицируют гиацинт с пролеской, или пролесником (Scilla bifolia), шпажником, или гладиолусом (Gladiolus segetum или Gladiolus communis), а также касатиком, или ирисом (Iris Germanica). Гомеровский гиацинт – это голубой цветок живокости (дельфиниум, шпорник) – ὑάκινθος γράπτα, Delphinium Ajacis, который у основания имеет рисунок, напоминающий древнегреческие буквы AI (по мифу, из крови нечаянно убитого Аполлоном Гиацинта вырос

цветок, на лепестках которого проступили скорбные буквы AI – по-греч. «Горе!»). Как наиболее вероятное соответствие гиацинту в настоящее время указывают также на американскую Amaryllidaceae Polianthes tuberosa. Ясно только, что растение было темного цвета – темно-красного, фиолетового или сиреневого, что и определило второе значение слова «гиацинт» – «разновидность аметиста» (современный камень гиацинт – прозрачная красновато-коричневая разновидность циркона, использующаяся в ювелирной промышленности).

26. Не зря греческий поэт Мелеагр Гадарский (ок. 140–70 гг. до н.э.) в своем «Венке» представил в виде гиацинта Алкея, известного своей любовью к мальчикам.
27. *Мякин Т.Г.* Ук. соч. С. 186.
28. Там же. С. 200-201.
29. Там же. С. 210.
30. В качестве примера приведем активно «раскручиваемый» сейчас в Интернете, на вполне уважаемых библиографических сайтах эротический роман саратовской журналистки Ольги Клюкиной «Сапфо, или Песни Розового берега».
31. Этого вопроса мы касались в статьях: *Селиванова Л.Л.* Зевс и Гера: «мифология бога» и «мифология богини» //Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2003. № 5. С. 31-32; *Она же.* Владыка Олимпа. Формирование олимпийского пантеона //ПИФК. 2004. Вып. XIV. В честь 70-летия проф. Г.А. Кошеленко. С. 49-50; *Она же.* Волоокая царица Олимпа //Адам и Ева. М., 2004. №7. С. 32-35; *Она же.* Убить дракона. Кто вдохновлял пифию? //Адам и Ева. М., 2005. №9. С. 35- 36.
32. *Мякин Т.Г.* Ук. соч. С. 87.
33. Там же. С. 84-87, особенно с. 201-203.
34. Там же. С. 140.
35. Так, у Алкмана в «Парфении»: «На небо взлететь, о смер тный, не пытайся //Не дерзай мечтать о браке с Афродитой» (Пер. В.В.Вересаева).
36. *Фестюжьер А.-Ж.* Личная религия греков. СПб., 2000. С. 194.
37. Это мнение продержалось вплоть до XIX века. В романе Альфонса Доде «Сафо» (1884) описывается жизнь художественной богемы. Сафо – прозвище Фанни Легран, одной из куртизанок, вращающихся в этой среде. Подругам художников – проституткам, дамам полусвета – посвящали свои произведения многие французские писатели, но у Доде появляется принципиально новый момент. Его Сафо – незаурядная женщина. Она умна, благородна, обаятельна, талантлива, начитанна, прекрасно поет и музицирует, способна на искреннюю любовь и самопожертвование. Известный марксист Поль Лафарг в 1886 г. подверг едкой критике роман, обвинив его в буржуазности, а его автора в том, что он изобразил в романе «идеал дешевой любовницы». Мнение П.Лафарга, таким образом, совпало с точкой зрения буржуа на проституцию. Однако, Сафо А. Доде – личность, намного превосходящая всех своих возлюбленных. Объективно смысл романа заключается в осуждении общества, принижающего достоинство женщины и опошляющего любовь. Не случайно Эдмон Гонкур назвал роман «Сафо» «самой человечной книгой» Альфонса Доде.
38. До нас дошло обращение Алкея (фр. 63):

    В венке из фиалок святая Сапфо!
    О ты, чья улыбка так сладко играет!
    Хотел бы сказать тебе слово одно,
    Да стыд говорить мне мешает.

    Пер. С.И. Радцига.

    В ответном стихотворении (фр. 149) поэтесса говорит, что если бы помыслы Алкея были чисты и прекрасны, ему нечего было бы стыдиться, он выражался бы ясно и прямо. Считается, что сцена «отставки» поэта представлена на известном аттическом кратере (ок. 480 г. до н.э.), где изображены опустивший голову Алкей с барбитоном в руках и стремительно повернувшаяся к нему Сапфо с возмущением на лице.

39. Фаон – в греческой мифологии лесбосец, который, перевозя Афродиту, не взял с нее платы. В награду он получил от богини волшебное снадобье, сделавшее его юным и прекрасным, так что в него влюблялись все женщины (Ael. Var. hist. XII. 18). Современные ученые видят в этом «перевозчике Афродиты» демона мазей и аф родизиаков из свиты богини.
40. Левкада, или Белая скала находилась на одноименном острове в Ионическом море, недалеко от берега Акарнании. Здесь был храм Аполлона Левката и место, прыжок с которого, якобы, укрощал любовь. Согласно Сервию, в эту скалу превратился юноша Левкат, который бросился в море, спасаясь от любви Аполлона (Aen. III. 279). Потом уже сам Аполлон посоветовал Афродите, потерявшей Адониса, совершить прыжок с Левкады. Это тема в связи с Сапфо (Ovid. Her. XV. 164 sqq.; XVI) нашла свое выражение на рельефе апсиды Подземной базилики в Риме (сер. I в. н. э.). Эрос подталкивает поэтессу с кифарой к обрыву. Морской бог Тритон разворачивает покрывало, чтобы принять ее и отнести к острову, где видятся статуя Аполлона с протянутой рукой и ожидающий Сапфо Фаон.
41. О том же на примере культа Геры см.: *Селиванова Л.Л.* Зевс и Гера: «мифология бога» и «мифология богини»... С. 8-32; *Она же.* Волоокая царица Олимпа… С. 7-39; *Она же.* Χρυσότρονος Ἥρη. Формирование олимпийского пантеона //Studia historica. Вып. IV. М., 2004. С. 18-43; *Она же.* Владыка Олимпа… С. 38-57.
42. *Мякин Т.Г.* Ук. соч. С. 61.
43. Там же. С. 200.
44. По этой же причине нельзя согласиться и с противоположной точкой зрения, которую выразил Вяч. Иванов: Сапфо – «настоятельница женского монастыря», готовившая девушек к жреческой карьере или к безбрачию.
45. *Боннар А.* Греческая цивилизация. От Илиады до Парфенона. М., 1992. С. 120.
46. *McLachlan B.* Sacred prostitution and Aphrodite //Studies in Religion. 1992. Vol. 21. P. 145-162.
47. В Афинах проституция была введена при Солоне (VI в. до н.э.).
48. Отметим разное понимание этой богини греческими мужчинами и женщинами. С точки зрения первых (точнее их большинства), любовь между мужчиной и женщиной находилась в ведении низкой Афродиты (т.е. Пандемос), зато возвышенная любовь зрелого наставника и мальчика освящалась небесной Афродитой. Это мнение было высказано философом Платоном, который и сам (по крайней мере, в свои младые годы) не уклонялся от такой педагогической деятельности и полностью оправдывал такой эрос, для чего и создал миф о высокой, небесной Афродите, дочери Урана, и низкой, «всенародной», происходящей от Зевса. (Подробнее см.: *Рабинович Е.Г.* Афродита Урания и Афродита Пандемос //Античность и Византия. Сб. статей. М., 1975. С. 306–318; *Halperin D.* Platonic *erôs* and what men call love //Ancient Philosophy. 1985. №5. P. 11-204). Между тем оба имени являлись древними эпиклесами богини, но понимались иначе: Урания – это финикийская Царица неба Иштар-Астарта (напоминающая о восточном происхождении Афродиты), а Пандемос – буквально та, которая объединяет весь народ и поддерживает в нем чувство единства, необходимое для существования любого государства. Именно в этой ипостаси Афродита Пандемос имела свой храм на афинском акрополе. Поклонение ей было введено, по легенде, царем Тесеем, «когда он свел всех афинян из сельских домов в один город» (Paus. I. 22. 3). Лишь впоследствии Афродита Пандемос стала пониматься как богиня проституток и гетер (*Burkert W.* Greek Religion Archaic and Classical. Oxford, 1985. P. 155). Павсаний описывает храм Афродиты в Элиде, в котором стояла статуя Афродиты Урании, опирающейся ногой на черепаху. Эта статуя была сделана из золота и слоновой кости великим Фидием. Вне храма, на священном участке находилась медная статуя другой Афродиты – Пандемос работы Скопаса. Богиня была изображена сидящей на козле (Paus. VI. 25. 1). Счи-

талось, что сын Афродиты Урании – небесный Эрот тоже покровительствовал педерастии. Образы чувственных, томных мальчиков и юношей нередки в греческой мифологии (Дионис, Адонис, Гиацинт, Ганимед, Гермафродит и др.), а распространившийся уже в VI в. до н. э. в искусстве Греции тип андрогина (прекрасного мальчика или женоподобного юноши) был рассчитан на возбуждение мужской чувственности – подробнее см.: *Raehs A.* Zur Ikonographie des Hermaphroditen: Begriff und Problem von Hermaphroditismus und Androgynie in der Kunst. Frankfurt, 1990. Государство практически узаконило однополую любовь, а в Спарте и на Крите, к примеру, она даже включалась в систему воспитания гражданина (*Cartledge P.* The Politics of Spartan Pederasty //Cambridge Philological Society, Proceedings, 1981. Vol. 27. P. 17-36; *Halperin D.M.* Sex Before Sexuality: Pederasty, Politics, and Power in Classical Athens //Hidden from History: Reclaiming the Gay and Lesbian Past. By M. Duberman, M. Vicinus, and G. Chauncey. N.Y., 1990. P. 37-53). Вообще гомосексуальные отношения между наставником и учеником имели место еще в первобытном обществе. Сапфо и ее воспитанницы, в сущности, также воспевали небесную (и единственную) Афродиту, по-своему отрицая монополию мужчин на этот культ. Не случайно появилось мнение, что особого рода отношения на Лесбосе были ответом на «дорическую» любовь эфебов.

49. *Боннар А.* Ук. соч. С. 120.
50. Как заметила О.М. Фрейденберг, «чистые воды, пышные рощи, равнины и луга – таковы черты всех блаженных городов и стран. Они таковы и в хоровой мелике, и у Сафо, и у Пиндара. Это обители богов плодородия, Афродиты, Эроса, Диониса, Деметры» (*Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М., 1998. С. 464). См. также: *Detienne M.* The Gardens of Adonis: Spices in Greek Mythology. N.Y., 1977.
51. *Winkler J.J.* Gardens of nymphs: Public and private in Sappho's lyrics //Reflections of women in antiquity. Ed. by H.P. Foley. N.Y., L., P. 1981. P. 63-89.
52. О древнегреческой агонистике и рождении из агонального духа «греческого чуда» см.: *Зайцев А.И.* Культурный переворот в древней Греции VIII-V вв. до н. э. 2-е изд. испр. и перераб. СПб., 2000.
53. По мнению П.В.Ковалева, «"дом мусополов" был межполисным институтом в том плане, что воспитанницами Сапфо были и иностранки, но контроль над ее фиасом осуществляли власти Митилены или конфедерации полисов Лесбоса, куда входил Эрес, "малая родина" поэтессы» (*Ковалев П.В.* «Дом Муз» Сапфо: полисный или межполисный институт? //Антиковедение в системе современного образования. Материалы научной конференции Российской Ассоциации антиковедов. Москва, 26-27 июня 2002 г. М., 2003. С. 91).
54. Н.С. Гринбаум читает это место как «в сапфический дом» (*Гринбаум Н.С.* Новые папирусные тексты древнегреческой лирики //Ранняя греческая лирика /Отв. ред. И.М.Шталь. М., 1999. С. 51).
55. Любопытно, что подобное положение сохранилось и тогда, когда Греция находилась под Османским владычеством. В исследовании Феодоры Янници особо отмечается следующий факт. Греки острова Хиоса, даже и с очень скромным достатком, делали все возможное, чтобы дать своим дочерям лучшее образование, дабы затем выгоднее пристроить их в гаремы местных правителей. Это было обычной и давней практикой. Разумеется, в основе лежали, прежде всего, меркантильные соображения, но не только они. Русские путешественники XIX века писали в своих дневниках, что алчность отцов, по сути продающих в гаремы своих дочерей, конечно же, достойна осуждения, но, с другой стороны, это был единственный шанс не только поправить свое материальное положение и существенно повысить свой социальный статус, но и оказать реальное влияние на политику турок в тех или иных областях. Показательно, что турецкие зятья охотно шли навстречу, поскольку получившие хорошее образование (нередко в престижных учебных заведениях)

красавицы-гречанки почитались в гаремах «наилучшим украшением». См.: *Янниди Ф.* Греческий мир в конце XVIII – начале XX вв. по российским источникам (К вопросу об изучении самосознания греков). СПб.: Алетейя, 2005. С. 67-68 и слл.

56. *Мякин Т.Г.* Ук. соч. С. 63, 71.
57. Там же. С. 90.
58. *Селиванова Л.Л.* Боги войны у Гомера //Античность: история и историки. Казань, 1997. С. 55, 60-61; *Она же.* Сравнительная мифология *(Мифы о возрождении в древнем мире)*. Ч. II. Античный мир. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 89.
59. *Дьяконов И.М.* Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990. С. 158-159.
60. *Мякин Т.Г.* Ук. соч. С. 66, 40-41.
61. Афиней в «Пире софистов» (IV. 154 e-f) уделяет значительное место образованию сложных слов, составной частью которых является – μαχος. Его филологические рассуждения сводятся к тому, что следует различать, когда эта вторая с оставляющая происходит от существительного «бой» (μάχη), а когда от глагола «сражаться» (μάχησθαι). Интересующие нас слова, приводимые Афинеем, Н.Т. Голенкевич переводит следующим образом: σύμμαχος – «союзник», ἀντίμαχος – «противник» в самом общем смысле, тогда как в других случаях переводчик следует военному значению слова: «поединщик» (μονομάχος), «тяжеловооруженный воин» (ὁπλομάχος), «ведущий морское сражение» (ναυμάχος), «сражающийся в первых рядах» (πρωτόμαχος) etc.
62. *Радциг С.И.* История древнегреческой литературы. М., 1982. С. 128.
63. *Мякин Т.Г.* Ук. соч. С. 50, 81, 95.
64. Лошади и колесницы, появившиеся в Греции из Анатолии, были введены в употребление ок. 1600 г. до н. э. – *Нефёдкин А.К.* Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI – I вв. до н. э.). СПб., 2001. С. 110-218.
65. *Мякин Т.Г. Ук. соч.* С. 156-158.
66. *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. Т. I. М., 1958. С. 597.
67. *Он же.* Древнегреческо-русский словарь. Т. II. М., 1958. С. 1675.
68. *Мякин Т.Г.* Ук. соч. С. 153-154. Согласно мифу, однажды на ложе богини зари Афродита застала Ареса. Вспылив, «золотая богиня» наказала «розоперстую» Эос, внушив ей вечную страсть к смертным юношам, которых она с тех пор стала похищать одного за другим, стыдясь своей слабости и сохраняя ее в тайне. Первым ее возлюбленным стал Орион, потом Кефал, Клит и Ганимед, которого отнял у богини Зевс, сделав юношу виночерпием на Олимпе. Эос похитила также сына троянского царя Лаомедонта Тифона и упросила Зевса даровать бессмертие возлюбленному, но забыла при этом попросить для него вечной юности. И когда Тифон состарился, Эос его разлюбила. Ей надоело ухаживать за престарелым возлюбленным, и она закрыла его в своей опочивальне. Там он и дряхлел, пока не превратился в цикаду.
69. Гомер (VIII в. до н.э.) – поэт эпического жанра, певец войны как ее понимала аристократия; крестьянин Гесиод (VII в. до н.э.) – систематизатор-мифолог, родоначальник дидактического жанра, воспевающий мирный земледельческий труд, Ксенофонт (IV в. до н.э.) – честолюбивый рационалист периода кризиса полиса, воин-наемник, политический публицист, экономист, писатель Смутного времени и т.д.
70. *Мякин Т.Г.* Ук. соч. С. 82-83.
71. Стоит обратить внимание на вывод Маргарет Вильямсон, которая констатирует отсутствие жесткого иерархического подчинения в девичьей паре (*Williamson M.* Sappho's Immortal Daughters. Cambridge, 1995. P. 196).
72. *Harrison J.E.* Prolegomena to the Study of Greek Religion. Cambridge, 1908. P. 307-308.
73. *Мякин Т.Г.* Ук. соч. С. 62.
74. Застрельщиками новых направлений в исторической науке традиционно выступают медиевисты. Стремление историков нового поколения к поискам парадигм вне

привычного научного поля – характерное явление всей современной историографии и отечественной медиевистики в особенности. «*Не связано ли это движение*, – задается вопросом крупный отечественный медиевист Ю.Л.Бессмертный, – *с некоей общей, вновь выявившейся особенностью познания прошлого* и, в частности, изучения "другого", инакого? (курсив автора – Л.С.)... является ли нынешняя множественность подходов к истолкованию прошлого (основополагающих подходов, а не частных!) выражением обычного, встречавшегося во все времена отклонения некоторой части историков от признанного большинством познавательного пути, или же в этой множественности вернее видеть конституирующую черту именно современного исторического познания?». И отвечает: «…я склонен ко второму из возможных ответов на этот вопрос... Рождение и утверждение этого иного варианта – не случайность, не модное поветрие, но *следствие переосмысления как предмета исторического исследования, так и самого исследовательского процесса* (курсив автора – Л.С.)». См.: *Бессмертный Ю.Л.* Иная история (Вместо предисловия к статье Пола Фридмана и Гэбриел Спигел) //Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 3 /Под ред. Ю.Л.Бессмертного и М.А. Бойцова. М.: РГГУ, 2000. С. 170-172.

75. Так же считал и Л.П. Карсавин: историк должен полюбить объект своего исследования, чтобы понять его.
76. Везде курсив М.И.Ростовцева.
77. *Ростовцев М.И.* «Древний мир и современность» (*Публичная лекция, прочитанная в Йельском университете 25 января 1944 г.*). Вступ. статья и публ. Ю.Н. Литвиненко //ВДИ. 1997. №2. С. 215.

Л.Л.Селиванова.

L. L. SELIVANOVA

ON CERTAIN NEW DEVELOPMENTS IN THE FIELD OF HISTORICAL RESEARCH
(concerning the book by T. G. Myakin, Sappho. The Language, Personality, Life. – Saint Petersburg: Aleteia, 2004).

As part of her analysis of the book by T. G. Myakin, Larisa L. Selivanova notes that whereas its appearance fills in an almost hundred year old gap in Russian studies on Sappho, this book is of particular interest as it combines two approaches: that of classical philologists on the one hand, and the one that has been in use in gender studies on the other. Modern gender studies have been flourishing in social, economic, demographic, anthropological, psychological, and many other fields. Similar approaches have been noticeable in Russian studies as well, in particular those on Russian history, western European Middle ages, ethnology, sociology, and social history.

However, as Selivanova asserts, Russian ancient historians keep ignoring this important new development either because of misinterpreting it as feminism or being unable to see its potential or due to their persisting conservatism. While generally undertaking the approach of a classical philologist, T. G. Myakin appears to draw the conclusions that correspond to and confirm those that have been made in gender studies, which emphasizes the importance of the latter in the field of historical research in general and in the study of ancient history in particular. The book by T. G. Myakin, therefore, might be seen as a reflection of two important developments: first, the overcoming of persisting unwillingness to employ methods of gender studies to the subjects of interest to ancient historians, and, second, a much greater opening to new innovative methods and approaches in provincial centers of learning than in Moscow-based research institutions.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИТАЛИЯ В ТРУДАХ МЕДИЕВИСТОВ УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1804-1885 ГГ.)

Российская медиевистика XIX в. внесла весомый вклад в развитие европейской исторической науки. Центрами изучения зарубежного средневековья в Российской империи были не только университеты Санкт-Петербурга, Москвы, Варшавы, Дерпта, Казани, но и университеты, открытые в её украинских землях – Харьковский (1804), Киевский (Св. Владимира) (1834), Одесский (Новороссийский) (1865), а также Киевская духовная академия и различные научные общества. В страноведческом плане одним из наиболее приоритетных направлений исследований была история средневековой Италии: её культура, наука, церковь, внутриполитическое развитие, а также колониальная политика в бассейне Чёрного моря. В последнем случае закономерный интерес отечественных исследователей к прошлому вошедших в состав Российской империи причерноморских земель был связан с тем, что многие из них принадлежали в средние века генуэзцам и венецианцам.

Изучение медиевистами Украины истории средневековой Италии ещё не стало предметом специального исследования в историографии. Отдельные аспекты данной темы рассматривались лишь в контексте конкретных, как правило, узких проблем[1], либо в рамках изучения научного наследия некоторых историков[2]. Таким образом, цель данной статьи заключается в том, чтобы показать степень изученности в украинских землях Российской империи в 1804-1885 гг. истории средневековых итальянских государств и их заморских владений.

Особенностью первого этапа развития отечественной медиевистики (1804 – середина 1830-х гг.) было то, что история средних веков в печатных работах этого времени рассматривалась в неразрывной связи с другими периодами всемирной истории. Этими первыми печатными работами являлись в основном актовые речи, читаемые сначала дважды, а затем один раз в год на собраниях профессорско-преподавательского состава первого по времени открытия, Харьковского университета.

Уже в одних из первых речей – «О влиянии университетов на образование и благосостояние народов» (1808) Л. Якоба и «О преимуществе и силе истинного просвещения» (1811) Х.В. Роммеля признавался высочайший культурный и научный потенциал средневековой Италии[3]. Х.В. Роммель даже поставил итальянцев на первое место в деле просвещения «по восстановлении наук». Более развёрнуто данную мысль выразил в своей актовой речи «О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света» (1812) харьковский профессор А.А. Дегуров (Антуан дю Гур). Говоря о значении возникновения в средневековой Европе университетов, он, в частности, отмечал: «Первый народ, воспользовавшийся плодами сих заведений, были итальянцы; торговля обогатила их большие города; богатство же, ищущее всегда наслаждений, открыло в произведениях искусств новые для себя роды выгод и удовольствий. От того, живопись, ваяние, зодчество, музыка получили совсем другую жизнь»[4] А.А. Дегуров подчёркивал и ту большую роль, которую сыграли в культуре итальянского Возрождения греки, переселившиеся на Аппенины в результате турецкого завоевания Византии. Таким образом, на первом этапе развития отечественной медиевистики именно в актовых речах апробировались результаты научных изысканий. Разумеется, было бы преувеличением считать, что отдельные упоминания в них о средневековой Италии представляли большую научную ценность, однако при тогдашней невысокой исследовательской продуктивности в этих работах намечались вполне верные контуры той проблематики, которая получит впоследствии продолжение в специальных научных монографиях и статьях.

В последующем изучение истории средневековой Италии будет вестись по двум основным направлениям: 1) история внешней и колониальной политики итальян-

ских государств; 2) их внутриполитическая история, история церкви и культуры.

Раньше всего учёные украинских земель Российской империи обратились к изучению истории колониальной политики итальянских государств. В русле данной тематики были созданы и первые подлинно научные исследования. Наконец, эти исследования не только качественно, но и количественно выделялись из общей массы работ по истории средневековой Италии.

Подобные приоритеты отечественных учёных были тесно связаны с тем, что в состав Российской империи в XVIII в. были включены земли, колонизированные итальянцами в средние века. Естественный интерес к прошлому крымских городов и ещё сохранившиеся памятники материальной культуры средневековой эпохи стимулировали научную активность историков южных губерний страны.

Несомненно, крупнейшей фигурой в разработке учёными Украины краеведческой тематики был экономист, этнограф и историк П.И. Кеппен, уроженец Харькова, выпускник Харьковского университета, в 1829-1834 гг. работавший, а с 1852 г. и до самой смерти проживавший в Крыму. Его перу принадлежит обширный труд «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» (1837). Этот крупнейший для своего времени историко-археологический свод, несмотря на своё название, включал в себя значительный материал и о крымском средневековье, в том числе об истории и укреплениях генуэзских поселений: Солдайи (Судаке), Чембало (Балаклаве) и др. Несмотря на то что исторические справки П.И. Кеппена не всегда отличались полнотой, многие его выводы представляют особый интерес. Среди них: развёрнутая оценка договора 1380 г. между генуэзцами и татарами; попытка точной датировки покорения генуэзцами Балаклавы (1365); вывод о том, что «Балаклава, невзирая на незначительность свою, имела во времена генуэзского владычества своих латинских епископов»[5], и др. Учитывая тогдашний уровень отечественной историографии, показательно, что краеведческо-археологические изыскания и обобщение их результатов во второй трети XIX в. дали гораздо больше, чем историко-аналитическая часть таких трудов.

Большую роль в изучении прошлого итальянских поселений в Северном Причерноморье, сыграло созданное в 1839 г. «Одесское общество истории и древностей». Как подчёркивалось в его Уставе, «Общество возложило на себя обязанность распространять по возможности исторические и археологические сведения о Новороссийском крае и Бессарабии»[6]. На страницах издаваемых им «Записок Одесского общества истории и древностей» было опубликовано в рассматриваемый период полтора десятка научных работ по истории итальянских колоний в Крыму. Их авторами являлись Н.Н. Мурзакевич, В.Н. Юргевич, Ф.К. Брун, М.А. Волков, В. Григорьев. Отметим, что ООИД продолжало успешно действовать и после создания в 1865 г. Новороссийского университета в Одессе.

Длительное время вице-президентом и фактическим руководителем ООИД был Н.Н. Мурзакевич. Ещё до создания общества, в 1837 г. он опубликовал монографию «История генуэзских колоний в Крыму», которой суждено будет стать первой специальной работой по данной тематике в российской историографии и первой докторской диссертацией, посвящённой итальянской тематике, подготовленной в украинских землях. Без преувеличения можно сказать, что эта работа положила начало всем последующим специальным исследованиям в Украине истории колониальной политики Генуи.

Эту политику Н.Н. Мурзакевич реконструировал как по генуэзским (Агостино Джустиниани, Карло Варезе, Джироламо Серра), так и по византийским письменным источникам (Георгий Кедрин, Никифор Григора и т.д.) В этом отношении источниковедческий аспект работы, проведённой одесским учёным, следует считать более чем удовлетворительным. Отметим, что на важность ряда данных источников (Агостино Джустиниани, Никифор Григора) указывал впоследствии С.П. Карпов[7].

Начало проникновения генуэзцев в Чёрное море Н.Н. Мурзакевич справедливо связывал с той драматичной борьбой, которую вели против Латинской империи и её союзницы Венеции византийцы. «Для достижения своей цели Генуэзская республика начала тем, что предложила свою дружбу прежним владетелям Константинополя»[8], – отмечал автор. В заслугу Н.Н. Мурзакевичу следует поставить и то, что он сумел показать общую политическую обстановку в Юго-Восточной Европе того времени, связанные с ней дипломатические резоны итальянских республик, их внешнеполитические и торговые предпочтения. Эти предпочтения делали вполне логичными невозможность заключения из-за позиции Венеции договора между Латинской империей и Генуей и, в свою очередь, возможными соглашения Генуи с византийцами. Стремление генуэзцев «возвратить прежнему греческому царственному дому престол, отнятый латинянами» и привело, как убедительно показал автор, к заключению между Михаилом Палеологом и уполномоченным Генуэзской республики Нинфео знаменитого договора 1260 г., которым «император дозволил им (генуэзцам. – С.Л.) плавание по Чёрному морю, запретив оное венецианцам и другим народом, кроме пизян…»[9] Описанные Н.Н. Мурзакевичем причины, характер и значение договора 1260 г. в основном не противоречат оценкам этого соглашения и в современной историографии[10].

Н.Н. Мурзакевич не принял распространённого в современной ему зарубежной историографии мнения о том, что Каффа была подарена генуэзцам Михаилом Палеологом «в награду за многие услуги, оказанные ему этим народом»[11]. Учёный стоял на точке зрения, относящей передачу Каффы генуэзцам к их денежной сделке с татарским ханом Оран-Тимуром. Впрочем, в дискуссии о времени возникновения генуэзского поселения в Каффе Н.Н. Мурзакевич так и не высказал однозначного суждения, ограничившись лишь воспроизведением противоречащих друг другу данных генуэзских источников и современных ему исследователей. Отметим, что подобная дискуссия, в которой приводятся зачастую полярные оценки (от 1238 г. у Н.П. Соколова до 1266 г. у Ю.А. Узлова), активно ведётся и в последние десятилетия[12] . Однако попытка Н.Н. Мурзакевича дистанцироваться от выяснения подобного вопроса представляется тем более удивительной, что именно Каффе, несмотря на название своей монографии, Н.Н. Мурзакевич посвятил основную часть её текста. Солдайи, Чембало, Феодоро и другим поселениям было уделено гораздо меньше внимания, что, на наш взгляд, не может быть объяснено только лишь особым статусом Каффы, как центра генуэзских владений в Крыму. Это подтверждалось автором и в материалах выводного характера. Так, падение Каффы, «этого главного звена цепи, соединявшего все генуэзские поселения и фактории в Крыму», способствовало, по мысли Н.Н. Мурзакевича, быстрому падению всех остальных крымских владений республики Св. Георгия, и, в свою очередь, «с падением поселений при берегах Чёрного моря, упала торговля генуэзцев и древняя слава их мореходства»[13]. Последний вывод может считаться откровенно преувеличенным в связи с удачной переменой Генуей путей торговли и дальнейшим ростом её флота в XV-XVI вв[14].

Несмотря на отсутствие глав и параграфов (перечень основных объектов исследования без всякой их нумерации автор привёл лишь в оглавлении), Н.Н. Мурзакевич предпринял попытку осветить самые различные аспекты истории Каффы и ряда других генуэзских поселений в Крыму: особенности системы управления, обязанности должностных лиц, характер хозяйственной деятельности, основные статьи и направления торговли, церковную политику, отношения с венецианцами, византийцами, татарами и т.д. При столь широком тематическом охвате и относительно небольшом (91 стр.) объёме исследования, не все его выводы могли быть достаточно глубокими и хорошо аргументированными. Так, нельзя признать достаточно развёрнутой характеристику, данную им некоторым должностным лицам Каффы (градоначальник, «правитель Казарии» и т.д.), не определена была точная численность Совета (l'Ufficio); он состоял, в трактовке автора, «из шести или восьми членов»[15].

В то же время, заслуживает высокой оценки подробное описание учёным функций консулов Каффы и, в особенности, работа по установлению их именного списка.

К проблеме именного состава и должностных функций каффских консулов Н.Н. Мурзакевич обращался и в дальнейшем. Этой теме была посвящена его статья «Генуэзские консулы города Кафы*» (1853), вышедшая на страницах «Записок Одесского общества истории и древностей» 16 лет спустя после публикации докторской диссертации. По собственному признанию автора, список каффских консулов, помещённых в его докторской диссертации, не может считаться полным, поскольку в этом ранее использованном списке аббата Гаспара Луиджи Одерико (изд. 1792) отсутствовали даты избрания и окончания правлений, а также некоторые имена. Этот пробел учёный сумел восполнить данными из генуэзского архива Банка Св. Георгия. Однако, и данные, приведённые в статье, и общие выводы автора требуют некоторых комментариев.

Прежде всего, нуждается в уточнении статистический аспект, затронутый Н.Н. Мурзакевичем. По его собственным словам, новый список «против прежнего полнее (13-ю консулами более)». Действительно, если в старом списке фигурирует 56 консулов, то в новом – 69. Однако при более пристальном изучении нового, уточнённого списка обнаруживается, что один и тот же консул – Антонио Спинола, дважды занимал этот пост в 1411 и 1412 гг. Подобные исключения были вполне возможны, и признавались в начале статьи самим же автором: «Консульская должность (podesta) по обширности власти, недоверчивыми генуэзцами ограничивалась лишь одним годом и весьма редко более»[16]. Следовательно, при подобных исключениях из правил Антонио Спинола вполне мог занимать этот пост в течение двух лет.

Новый список, предложенный Н.Н. Мурзакевичем, хронологически охватывал период с 1289 г. (консульство Паолино Дорио) по 1475 г. – год взятия Кафы турками (консульство Галеаццо де Леванто; в прежнем списке – Антонио делла Габелла). Если сопоставить данные по векам, то наиболее полный именной состав дают первые 75 лет XV в. (49 консулов), в то время как конец XIII в. и XIV в. заполнены лишь 19 именами. Учёный не разъяснил, почему, кроме новых имён в уточнённом списке каффских консулов обнаруживается новое написание некоторых из прежних имён и новые годы правления (например, Дондидио де Джусто (1342); в старом списке он фигурировал, как Джусти под 1343 г.; Аймоне де Гримальди (1374), в старом списке – Симоне Гриальдо; Пьетро Кацано или Газано (1382), в старом списке – тремя (!) годами позже (1385), и т.д. Однако, при недостаточно развёрнутой аналитической составляющей статьи и отсутствии более полного научного комментария, сама публикация уточнённого списка каффских консулов представляла большую ценность в источниковедческом плане. О перспективности и важности поднятой в творчестве Н.Н. Мурзакевича проблематики свидетельствует и растущий интерес к ней в современной историографии[17].

Н.Н. Мурзакевич в течение всей своей научной деятельности оперативно реагировал на появление новых источников, в том числе археологических, относящихся к эпохе генуэзского владычества в Крыму (см. его заметку по результатам сообщения корреспондентов ООИД А. Самойлова и Е. Шевелёва «Генуэзский меч, найденный в Крыму» (1844)[18]). В «Донесениях Обществу» за 1872 г. Н. Мурзакевич представил отчёт об изучении им новых эпиграфических данных, в том числе надписей в Судакской крепости и сохранившейся в ней генуэзской церкви. Эти данные позволили учёному выдвинуть предположение о том, что начало постройки церкви (4 января 1424 г.) вероятнее всего совпадает с началом строительства общей стены; «а их было две: внешняя и внутренняя с башней наверху Св. пророка Илии». Отметим, что современные исследования относят строительство генуэзских стен Солдайи к более раннему времени[19].

* По традиции, установившейся в отечественной историографии XIX в., топоним Каффа в большинстве случаев писался как «Кафа».

Изучение эпиграфических памятников генуэзской эпохи занимало значительное место в творчестве ближайшего помощника Н.Н. Мурзакевича по работе в ООИД, секретаря этого общества В.Н. Юргевича. Этому были посвящены четыре его статьи, опубликованные на страницах «Записок ООИД» в период с 1863 по 1879 г. Учёного интересовали генуэзские надписи, найденные или по-новому им прочитанные сразу в нескольких бывших владениях Республики Св. Георгия: Судаке (Солдайе), Феодосии (Каффе), Балаклаве (Чембало). Распределение материала по этим городам в статьях В.Н. Юргевича практически равномерно; схожим образом можно оценить и значимость различных эпиграфических памятников в различных генуэзских поселениях. При этом учёный не только работал с надписями, хранящимися в феодосийском и одесском музеях или вывезенными в Геную в ходе Крымской войны[20], но и сумел открыть ряд новых. Исследовательский приём В.Н. Юргевича включал в себя как само прочтение памятника и его перевод[21], так и краткие исторические комментарии к таковым; например, указания на активную поддержку папой Климентом VI каффских христиан. Именно в его честь была названа одна из башен Каффы с надписью на её мраморной плите за номером 5 от 1346 г.[22] Среди каффских надписей, которые были известны ещё П.И. Кеппену, и которые вызывали наибольший интерес у В.Н. Юргевича, следует назвать каменную плиту консула Джованни де Скаффа, датированную им 1341 г. и на этом основании названную учёным «древнейшей надписью из известных нам генуэзских», а также надпись на башне, восстановленной в правление Антониотто Адорно и Якобо Спинолы и датированной 1384 г., в отличие от датировки П.И. Кеппена (1382).[23]

В судакских надписях (всего 11), основное внимание В.Н. Юргевич сосредоточил как на уточнении текста надписи в генуэзской капелле над алтарём[24] , так и на надписях в Нижней крепости (время с 1385 по 1422). «Поелику все эти надписи находятся или находились в стенах Нижней Судакской крепости, – отмечал учёный, – то из этого явствует, что генуэзцы занялись её постройкой после договора с Тохтамышем при Трёх колодцах, заключённого 28 ноября 1380 г.»[25] В дискуссии по вопросу о времени строительства первых судакских укреплений В.Н. Юргевич считал эти стены наиболее древними и отвергал мнения о том, что первые стены были возведены ещё в 1332 г.[26]

Среди балаклавских надписей (4 были вывезены в Геную, и описание двух из них одесский учёный сумел получить из генуэзского «Общества истории»), В.Н. Юргевичу удалось изучить три, в том числе оставшуюся на стенах церкви Двенадцати Апостолов (начало постройки 1357 г. при консуле Симоне дель Орто). «Надпись важна для нас, как доказательство давности генуэзского владычества в Балаклаве, – отмечал учёный. – До сих пор древнейший консул и комендант балаклавский, известный нам, был Гриффиотто Гриффиотти в 1374 г., по свидетельству Канале…Покорение же Балаклавы генуэзцами относят к 1365 г., то есть ко времени, когда был покорён Судак».[27] В отличие от стоящего на этой точке зрения П.И. Кеппена[28], В.Н. Юргевич отмечал: «можно думать, что владычество их (генуэзцев. – С.Л.) в этом городе гораздо древнее и находится, по всей вероятности, в связи с завоеванием Кафы и части Крыма отрядом генуэзских рыцарей после 1204 г., т.е. после завоевания Константинополя латинянами»[29].

Эпиграфика не была единственным научным направлением, вызывавшим интерес у В.Н. Юргевича. Некоторую ценность для изучения истории генуэзских поселений в Крыму могут представлять его публикации по нумизматике края. Отметим, что ещё до В.Н. Юргевича в этом направлении велась работа членом ООИД В. Григорьевым, посвятившим одну из своих статей проблеме происхождения генуэзско-татарских монет. В. Григорьев не сомневался в том, что находившиеся в коллекции музея Общества серебряные двуязычные монеты были отчеканены именно генуэзцами, о чём свидетельствовали встречающиеся лишь на генуэзских монетах особенности портала[30]. Отметив крайне низкое качество чеканки этих монет,

В. Григорьев высказал предположение о том, что генуэзцы чеканили эту монету «не добровольно, а по необходимости, именно в знак признания верховной власти ханов над своими владениями на полуострове» и «этой монетой платилась, вероятно, часть подати или контрибуции, которые шли в казну ханскую»[31].

Почти за три десятилетия, прошедших после этой публикации, музей ООИД обогатился новыми нумизматическими находками (40 единиц), включая генуэзско-татарские, как серебряные, описанные В. Григорьевым, так и медные. Между тем, по собственному признанию В.Н. Юргевича, «в заграничных нумизматических коллекциях, даже в самой Генуе, нет крымско-генуэзских монет и ни один экземпляр не показан в известной средневековой нумизматике Лелевеля»[32]. В.Н. Юргевич в целом разделял мнение В. Григорьева о причинах их чеканки (необходимость признавать верховную власть ханов, платить им дань, и т.д.). Он представил сравнительный анализ серебряных и медных монет и попытался установить время чеканки. «Ни один документ, ни один летописец, известный нам, не упоминает, чтобы Кафа пользовалась привилегией чеканить монету во время своей зависимости от Генуэзской республики, – подчёркивал В.Н. Юргевич. – Напротив, как видно из уставов 1290 и 1316 г., это было строжайше запрещено…В уставе 1449 г., изданном республикой для г. Кафы, в котором не упущены самые малейшие подробности колониального управления, не говорится ни слова ни о монетах, ни о чиновниках, сюда принадлежащих»[33]. Последующий анализ письменных источников, привлечённых В.Н. Юргевичем в дополнение к нумизматическим, позволил учёному утверждать, что о монетном дворе в Каффе впервые говорилось в письме консула Домокульты и его помощников к протекторам Банка Св. Георгия в августе 1454 г. На основании этого учёный выдвинул предположение, что монетный двор был учреждён ранее 1454 г., «до уступки колоний банку республики, вскоре после издания устава 28 февраля 1449 г., как следует заключить из монет с начальными буквами J.J., которые не могут принадлежать никому, кроме Джованни Джустиниани, консула в 1449-1450 гг.»[34]. Однако именно этот вполне аргументированный вывод В.Н. Юргевича вызвал решительное несогласие известного итальянского учёного, члена Исторического общества в Генуе К. Десимони. Несогласие К. Десимони настолько поколебало уверенность одесского историка, что уже в следующей статье он признал правоту оппонента: «Моё предположение об учреждении монетного двора в Кафе при Хаджи-Гирее, не ранее 1449 г., опровергается тем, что в книгах кафского казначейства за 1420, 1422, 1423 и 1424 отмечены издержки на починку и покупку железных инструментов для монетного двора»[35]. Пересмотрев, таким образом, свою точку зрения и признав вслед за К. Десимони факт существования монетного двора в Кафе в 1420 г., одесский учёный отнёс причину молчания Устава 1449 г. о монетном дворе к области нерешённых вопросов.

Сам Устав 1449 г. был полностью опубликован В.Н. Юргевичем на страницах «Записок ООИД» ещё в 1863 г. «Он принадлежит тому времени, когда владычество генуэзцев на водах черноморских… начало клониться к упадку, и долженствовало вскоре исчезнуть безвозвратно», – указывал учёный[36]. Основными причинами принятия данного Устава В.Н. Юргевич считал продажность чиновников, взяточничество, «ослабление правосудия», ухудшение торговой конъюнктуры, «меры осторожности относительно татар, турок и христиан других исповеданий», что в свою очередь было связано с отдалённостью колоний от метрополии[37].

Особую ценность работе В.Н. Юргевича придавало то обстоятельство, что публикация текста Устава 1449 г. была осуществлена им впервые. Подлинник Устава находился в генуэзском архиве Банка Св. Георгия, и одесский учёный воспользовался для публикации копией 1843 г. из личной библиотеки князя С. Воронцова. В.Н. Юргевич полностью привёл латинский текст Устава с параллельным русским переводом[38] и достаточно подробным научными комментариями[39]. Наряду с 76 главами самого Устава в публикацию учёного вошли также и 20 глав, объединён-

ных общим названием «Об устройстве мест, подчинённых городу Каффе». Несмотря на то, что латинский текст копии, по собственному признанию В.Н. Юргевича, в ряде мест был искажён переписчиком, в издании он остался без исправлений. Это несколько снижало ценность публикации.

Тематически и хронологически к работам В.Н. Юргевича тесно примыкали статьи ещё одного члена ООИД М.А. Волкова – «О соперничестве Венеции с Генуей в XIV в.» (1858) и «Четыре года города Кафы (1453, 1454, 1455 и 1456) (1872)»).

Основными источниками для первой статьи послужили грамоты венецианского и генуэзского правительств из архива Св. Марка. Само же соперничество двух итальянских купеческих республик автор связывал, прежде всего, с их торговой экспансией. Соглашаясь в этом вопросе с Ж.-Ш.-Л. Сисмонди, М.А. Волков так охарактеризовал экономическую подоплёку внешней политики итальянских государств: «Флоренция, Генуя и Венеция заняли первые места во всемирной торговле, и купечество вознеслось на столь видную степень значения, что все дела приняли в XIV в. отпечаток купеческий»[40]. Верно оценив побудительные мотивы активной внешней политики Венеции и Генуи, М.А. Волков, в то же время, выдвинул довольно спорную мысль о том, что обе купеческие республики стремились к торговле с Востоком постольку, поскольку уступили Флоренции первенство на рынках Европы. Вслед за Н.Н. Мурзакевичем, М.А. Волков признавал договор 1260 г. между Михаилом Палеологом и Генуей началом упадка венецианской экспансии в Чёрном море. Очередным поражением Республики Св. Марка учёный считал венециано-генуэзский договор 1299 г., по которому «венециане обязались 30 лет не входить в Чёрное морое»[41].

В отличие от Н.Н. Мурзакевича, М.А. Волков не только развёрнуто показал, как общая татарская опасность содействовала в середине XIV в. сближению венецианцев и генуэзцев в Крыму, но и представил в подтверждение своих рассуждений вполне доказательную источниковую базу (Грамота генуэзского дожа Симеона Буканигры к Варфоломею Граденигу с предложением о дружбе и совместных действиях (1342)[42]. Характеризуя последующие, союзные акты 1344 и 1345 гг., М. Волков подчёркивал, что в них «отзывается купеческий дух того века, которому они принадлежат, в них выражается купеческий взгляд итальянских общин на взаимные их отношения»[43]. В этом же ключе в основном трактуются данные события и в современной медиевистике[44].

Рассматривая историю венецианско-генуэзского соперничества, автор пытался показать, как результаты этого соперничества влияли и на внутреннюю историю двух республик в конце XIV в. Он противопоставлял могущественную венецианскую олигархию «демократии», приведшей Геную к 20-летним внутренним распрям: «Влияние начала аристократического и сосредоточение власти в руках патрициев удалило от Венеции превратность, сопряжённую с необузданностью демократической». «Покойная под сенью мудрого Совета своего, – подчёркивал М.А. Волков, – Венеция умела пользоваться всеми обстоятельствами для возрастания своего могущества»[45]. Тем самым, автор по сути признавал государственный строй Венеции более прогрессивным, чем генуэзский, что может считаться очевидным преувеличением.

Большую ценность для науки представляло приложение к очерку М.А. Волкова. В нём автор представил 18 грамот из истории венецианско-генуэзских отношений XIV в. на языке оригинала с параллельным переводом и краткими комментариями. Наиболее важными для истории венецианско-генуэзских отношений следует считать «Акт о союзе», заключённый представителем венецианской общины Марко Лауредано с генуэзским полномочным представителем Коррадо Цигалло[46].

В статье автор уделил немало места истории Каффы, хотя, подобно Н.Н. Мурзакевичу, не высказался о времени её основания определённо. Именно этому городу была целиком посвящена следующая работа М.А. Волкова «Четыре года города

Кафы» (1453, 1454, 1455 и 1456) (1872). Сборник «Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la Signoria dell'Ufficio di S. Giorgio», изданный «Лигурийским обществом отечественной истории» и ставший основным источником для М.А. Волкова, по его собственным словам, значительно дополнял «краткие сведения состояния Кафы, со времени подчинения её Банку Св. Георгия», помещённые в докторской диссертации Н.Н. Мурзакевича[47]. Отметим, что на особую важность этого источника для истории черноморских факторий Генуи с 1453 г. указывал и С.П. Карпов[48].

В истории генуэзских колоний на Чёрном море этот год М.А. Волков справедливо считал эпохальным. Падение Константинополя, союзницей которого являлась Генуя, заставило генуэзцев, по определению автора, «прибегнуть к дипломатической ловкости», поскольку «о мерах военных и думать было нечего»[49]. Проявлением подобной «дипломатической ловкости» автор считал передачу черноморских владений Генуи Банку Св. Георгия. Терминология автора в данном случае вполне оправдана: хотя анализ деятельности Банка в Европейском континенте в целом и не входил в задачу данного труда, такая оценка, по сути, перекликается с мнением В.И. Рутенбурга, считавшего, что в XV в. к Банку «фактически переходит экономическое, да и внешнеполитическое управление республикой, …он становится главным стержнем государства»[50].

Эту передачу «в полную собственность, на вечные времена», М.А. Волков связывал ещё и с плачевным состоянием финансов Генуэзской республики, но если вышеизложенные причины, подкреплённые надёжной источниковой базой автора, не могут вызывать возражений, то его утверждение о том, что «известие об уступке колоний Банку Св. Георгия…произвело всеобщий восторг, ибо доверие к мудрости, решительности и честности Банка было неограниченное»[51], нуждается в более прочных документальных свидетельствах, нежели те, что были представлены. По крайней мере, быстро последовавшие внутренние беспорядки в колониях (в трактовке самого же М.А. Волкова, взятой из документов – «величайшая анархия»), вызывает естественный вопрос: таким ли безграничным было доверие жителей итальянских колоний к Банку, и достаточными ли меры, предпринятые этим Банком для оправдания своей репутации? Словно эпитафией этим мерам звучал отзыв М.А. Волкова об итогах 1455 г.: «Однако, сколько Банк Св. Георгия и консулы ни старались упрочить благосостояние колоний, обстоятельства всё более и более удручали положение генуэзских поселений»[52]. И даже активность Банка в таком отчаянном деле, как попытка организовать вместе с папой Каликстом III крестовый поход, выглядела явно запоздалой мерой после падения Константинополя. Косвенно это признавал и сам автор; перечислив все усилия и победы папы и его союзников, он, тем не менее, отмечал в заключении, что после смерти в 1456 г. татарского хана Ачи Аджи-Гирея, его преемник Менгли-Гирей «оказался весьма благосклонным к генуэзским поселенцам»[53]. Впрочем, и эту благосклонность М.А. Волков склонен был связывать с временными неудачами турок, а следовательно, с последними успехами Банка на Чёрном море.

Карты этого моря изучал одесский историк Ф.К. Брун в статье «Берег Чёрного моря между Днепром и Днестром по морским картам XIV и XV вв.» (1858). Эта береговая линия, по словам автора, обратила на себя внимание мореходов «в периоде, в котором морские державы Италии, повсюду состязавшиеся о торговом наследстве древних эллинов, возвратили Чёрному морю прежнее его значение в коммерческом отношении»[54]. Автор представил характеристику восьми известных западноевропейских карт XIV-XV вв., из которых семь были составлены генуэзцами и венецианцами. Вслед за И. Лелевелем, Ф.К Брун считал, что венецианская карта 1367 г. Франсиско и Доменико Пицигани «и размерами, и изяществом исполнения отличается от других карт»[55]. Таким образом, высокий уровень картографического искусства итальянцев не вызывал сомнений автора. Это подчёркивалось Ф.К. Бруном в дальнейшем и в его рецензиях[56].

Перу Ф.К. Бруна принадлежала также работа «О поселениях итальянских в Газарии» (1872), однако, давно став библиографической редкостью, она в настоящее время недоступна автору данной статьи. Отметим, что краткие, в основном положительные, отзывы о ней касательно изучения Ф.К. Бруном ранней истории венецианских факторий на Чёрном море содержатся в монографии Н.П. Соколова[57].

Помимо работ по итальянской колониальной политике, вторая большая группа исследований медиевистов Украины по истории средневековой Италии была посвящена внутреннему развитию государств Аппенинского полуострова. Эти работы появились позднее, уступали в количественном отношении сочинениям по истории итальянских колоний в Крыму, но, вместе с тем, отражали довольно широкий спектр проблем: политическое устройство, социальные отношения, религиозную жизнь, развитие культуры.

Первоначально средневековая история Аппенинского полуострова подробно рассматривалась лишь в курсах университетских лекций. Таковым, например, являлся курс «История новых времён» известного профессора М.М. Лунина, который преподавал в Харьковском университете с 1835 по 1844 гг. Учёный представил в целом подробную характеристику особенностей развития итальянских городов в эпоху развитого средневековья, показал ход и последствия борьбы этих городов с императором Фридрихом I Барбароссой и друг с другом. «С конца XII ст . произошло изменение в конституции почти всех итальянских государств», – указывал М.М. Лунин, выделяя в числе этих изменений в первую очередь то, что в управлении принимал теперь участие и «простой класс народа»[58]. «Спекуляция на денежном капитале, по крайней мере, в больших торговых городах, как, например, в Генуе, Венеции» способствовала, как подчёркивал учёный, тому, что «итальянские банкиры стали лучшими знатоками финансов». Но наибольшее значение, по мнению М.М. Лунина, банкиры приобрели не в «аристократической» Венеции, а во Флоренции, где победили пополаны[59] . Правление рода Медичи получило довольно высокую оценку М.М. Лунина, особенно в контексте развития флорентийской культуры и меценатской деятельности Козимо и Лоренцо[60].

В курсе ученика М.М. Лунина, харьковского учёного А.П. Рославского-Петровского «Новая история» судьбы Италии прослеживались лишь с XV в. Начиная свой курс темой «Итальянские войны», А.П. Рославский-Петровский предварил описание французского вторжения краткой характеристикой внутреннего состояния итальянских государств. Однако не все трактовки его лекций следует признать удачными. Так, учёный указывал, что в XV в. Генуя стремительно слабела, и объяснял это ослабление не только упадком торговли, но и «внутренними потрясениями». Данный вывод противоречит современным исследованиям, где, напротив, подчёркивается значительное расширение деловой активности Генуи на западных рынках в XV в. и количественное преобладание в это же время генуэзского флота[61]. Более объективен А.П. Рославский-Петровский в оценке роли Венеции, которая, несмотря на своё «мудрое правление», «не могла с успехом сопротивляться туркам и после открытия морского пути в Индию…утратила своё прежнее величие»[62]. Но подробнее других итальянских государств А.П. Рославский-Петровский рассматривал в своём курсе историю Флоренции, особенно в контексте реформаторской деятельности Савонаролы. По мнению учёного, деятельность проповедника была направлена не только против безнравственности католического клира, но и против «тиранства светской власти». «Борьба его была двоякая: духовная и политическая», – подчёркивал А.П. Рославский-Петровский. Сравнивая Савонаролу с Лютером, харьковский профессор говорил лишь об «отдалённом сходстве» между ними, ибо итальянский реформатор стоял «гораздо ниже Лютера и по содержанию, и по форме»[63]. Но, осуждая деспотизм Савонаролы, А.П. Рославский-Петровский, вместе с тем, отмечал: «Без сомнения, он искренне желал добра своему отечеству и стоял гораздо выше своих врагов, хотя и нельзя освободить его от упрёка в фанатизме, ко-

торым он увлекался наравне со многими из позднейших реформаторов»[64].

Деятельность Савонаролы стала предметом и специального научного исследования, осуществлённого в рассматриваемый период учеником А.П. Рославского-Петровского, харьковским профессором М.Н. Петровым. До появления в печати данного исследования, М.Н. Петров касался истории средневековой Италии в двух публикациях: «Отчёте о занятиях в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии в 1858-1860 гг.» (1861) и очерке «Эразм Роттердамский. Начальная эпоха гуманизма» (1868). При этом если в своём «Отчёте» М.Н. Петров ограничился лишь самой общей оценкой развития в современной ему Италии науки средневековой археологии и впечатлениями о выставленных в итальянских музеях произведениях национальной средневековой живописи[65], то его работа «Эразм Роттердамский. Начальная эпоха гуманизма» содержала в себе важные концептуальные положения. Учёный признавал несомненную заслугу итальянского гуманизма в развитии науки, литературы и особенно искусства, считая его единственным очагом всестороннего духовного развития в XIV-XV вв. В то же время, М.Н. Петров дал весьма резкую оценку влиянию гуманизма на общественно-политическую жизнь. В нравственном же отношении, по мнению учёного, время гуманизма было самым мрачным в итальянской истории, поскольку деятельность многих его представителей сводилась к «неумолкаемой перебранке и взаимным интригам, раболепному ползанию перед знатными меценатами, бессовестному торгу убеждениями и талантом»[66].

Данная концепция итальянского гуманизма чрезвычайно важна для понимания работы М.Н. Петрова «Савонарола» (1882). Самого Савонаролу харьковский учёный считал прежде всего нравственным преобразователем Флоренции конца XV в. Такой подход отличался от преимущественно религиозного истолкования его реформаторской деятельности, выдвинутого Ф.Перраном и изображения Савонаролы как преобразователя общественно-политического строя Флоренции в работах П.Виллари и Н.А.Осокина[67]. Для обоснования своего тезиса о нравственном характере преобразовательной деятельности Савонаролы М.Н.Петров представил широкую картину развития промышленности, торговли, банковской системы Флоренции, управлявшей «коммерческими оборотами…целой Европы», но отмечал, что небывалое обогащение высших классов вело к падению их нравов. «Передовые классы – духовенство и аристократия – подавали пример разврата. Об истинной религии не было и помину», – замечал М.Н. Петров, подкрепляя эту мысль отрывками из флорентийских сочинений того времени и проповедей самого Савонаролы[68].

В связи с этим, по мысли харьковского учёного, Савонаролой и было задумано глубокое моральное преобразование сначала духовенства, а через духовенство – и всего общества. Социальной опорой Савонаролы М.Н. Петров, как и Н.А. Осокин, считал «демократию, бедные классы, интересы которых он постоянно поддерживал»[69]. Однако, в отличие от Н.А.Осокина, в основном оправдывавшего суровые меры Савонаролы[70], М.Н.Петров осудил его за то, что в своей борьбе за нравственность он впал в крайности: превратил Флоренцию в большой монастырь, поощрял доносительство и уничтожение произведений искусства и т.д. Поэтому, если для П.Виллари и Н.А.Осокина Савонарола – человек будущего, провозвестник новой цивилизации[71], то М.Н.Петров, напротив, считал его типичным представителем прошлого: «Нельзя не прийти к заключению, что в реформаторы он всё-таки не годился. Он был человеком прошедшего, а не будущего. Все симпатии его – в этом прошедшем. Предстоящее преобразование церкви он воображал себе не иначе, как в духе старого католицизма, со всеми его догмами и учреждениями. Средневековые формы ему казались безусловно хорошими; стоило только возобновить в них дух древнего благочестия и нравственности, – и к этой цели направлены были исключительно его усилия»[72]. Отметим, что данный вопрос не получил однозначного решения и в последующих исследованиях, посвящённых Савонароле[73].

Хотя изучение М.Н.Петровым истории средневековой Италии не носило систе-

матического характера и не нашло своего отражения в диссертационных исследованиях, тем не менее оно стало одной из составляющих многогранного творчества учёного, а многие из его положений не утратили своей научной актуальности и поныне.

Значительное место история Италии конца XV в. занимала и в диссертации pro venia legendi «Итальянский поход Карла VIII и его влияние на Францию» (1863) киевского медиевиста В.Г. Авсеенко. Это событие, с которого начались знаменитые Итальянские войны, требовало от исследователя глубокого знания внутренней специфики отдельных государств Аппенинского полуострова и оценки их политической позиции после вторжения французской армии. Содержание диссертации призвано было опровергнуть известное утверждение Гвиччардини о том, что «Италия была счастлива и безмятежна, пока война не нарушила её покоя»[74]. Напротив, В.Г. Авсеенко подчёркивал, что «в семье итальянских государств, все во вражде друг с другом», а «отсутствие национального единства, недостаток гражданского чувства и политической честности, как неизбежное следствие деспотизма, мертвят Италию»[75]. Ни Возрождение, вызывавшее столь же искреннее, сколь и естественное восхищение В.Г. Авсеенко, ни высокая оценка им деятельности Лоренцо Великолепного, направленная «к поддержанию всеобщего мира в Италии, к умиротворению закоренелых династических и народных антипатий на полуострове»[76], не смогли преодолеть эту национальную раздробленность и вражду.

Подобная оценка общего состояния итальянских государств, всё же не помешала автору выделить особое положение Венецианской республики в конце XV в.: «Венеция, по-видимому, ещё в мире со всеми; но, не обнажая оружия, она выжидает, пока соседи, истощённые взаимной борьбой, сами попадут в лапы льва Святого Марка»[77]. Впрочем, данное высказывание несколько противоречило той активной роли, которую сыграла Венеция в борьбе против Франции, и о которой писал сам же В.Г. Авсеенко. Именно Венеция стала местом создания антифранцузской лиги. Автор назвал её «первой международной лигой», отметив при этом, что именно в ней «коренится источник идеи политического равновесия»[78].

В.Г. Авсеенко не ограничивал участие Венеции в антифранцузской борьбе одной лишь дипломатической составляющей. Находясь, по словам учёного, «в зените своего могущества», Венеция сыграла главную роль в изгнании Карла VIII из Италии. Ссылаясь на основной источник своей работы – сочинения Гвиччардини, В.Г. Авсеенко выяснил степень действительного участия Венеции в антифранцузской лиге. По подсчётам учёного, силы могущественного Милана, например, составляли «только четвёртую часть тех, которые собраны были венецианцами»; последним удалось выставить морскую эскадру, «значительное пехотное войско», а в крупнейшей битве при Форново «под знамёнами лиги стояло до 35 тысяч человек войска, 4/5 которого вооружено было за счёт Венеции»[79]. Последние данные были взяты киевским исследователем из другого важнейшего источника – «Мемуаров» Ф. Де Коммина.

И всё же, описание учёным истории отдельных итальянских государств носило откровенно выборочный характер. Так, в диссертации практически отсутствовал материал о Генуе. Внутренняя история Венеции, в отличие от её внешней политики, оставляла читателя в почти полном неведении. Да и представленная им социально-политическая борьба во Флоренции не давала исчерпывающих ответов на ряд вопросов: какие всё же факторы в большей степени – внешние, или внутренние, содействовали приходу к власти Савонаролы, и почему подобный переворот произошёл именно в «столице итальянского гуманизма», оказавшего столь высокое, «обольстительное» культурное воздействие на французских завоевателей?

Попытка представить в неразрывной связи социально-политическую и культурную историю Флоренции предпринималась в дальнейшем и другими исследователями. Этой теме был посвящён обширный научно-популярный очерк харьковского

учёного Д.И. Кареновского «Флоренция, и её старые мастера» (1869). При этом содержание очерка не совсем совпадало с его заглавием: социально-политической истории Флорентийского государства здесь уделено гораздо больше внимания, чем его культуре. Однако заслуживает позитивной оценки уже само стремление автора связывать расцвет флорентийской культуры с расцветом его гражданского общества. Через всё исследование красной нитью прошло утверждение Д.И. Кареновского о том, что «искусство в Италии как расцвело, так и увяло вместе с гражданской и политической свободой»[80]. Должно быть, поэтому автор проявил солидарность с высказываниями тех историков, которые традиционно сравнивали средневековую Флоренцию с древними Афинами.

Хронологически очерк охватывал историю Флоренции с V по XV вв. К анализу государственных учреждений и общественной жизни последних трёх столетий автор подошёл наиболее тщательно. «Из всех итальянских городов Флоренция была вольной общиной по преимуществу и действительно вполне достойна этого названия», – утверждал Д.И. Кареновский[81]. При этом происхождение независимой городской общины Флоренции он считал возможным отнести ко времени поражения в 1113 г. императорского наместника в его борьбе с флорентийцами. «С этих пор внешняя независимость общины была обеспечена, а её территория постепенно расширялась насчёт окрестного дворянства»[82]. Подобный тезис о начале с XII в., нередко принудительного, процесса инурбанизации тосканских феодалов, получил широкое распространение в медиевистике[83].

В очерке Д.И. Кареновского, несмотря на его популярный характер, были убедительно показаны основные этапы истории средневековой Флоренции, характер борьбы гвельфов и гибеллинов, причины возвышения пополанов, особенности флорентийской экономики. Расцвет этой экономики автор считал неотделимым от победы пополанов и подчёркивал антифеодальный характер «Установления справедливости 1293 г.»[84] . Это перекликается и с оценками конституции 1293 г. в современной историографии[85]. Однако, подчёркивая высокий уровень развития экономики и гражданского общества, Д.И. Кареновский, вместе с тем, отвергал мнение о том, что Флоренцию следует считать «колыбелью новоевропейского искусства». По мнению автора, живопись здесь находилась в застое до XV в[86] . Отметим, что в другом месте учёный доводил период господства «оков» «византийского мастерства» в Италии лишь до XV в. и именно с ним связывал в первую очередь указанные застойные явления. Данное противоречие, как и, в целом, негативная оценка раннесредневекового византийского влияния на развитие итальянского искусства, представляются довольно уязвимыми для критики.

В эволюции государственного строя Флоренции Д.И. Кареновский особо выделял «восстание чомпи» 1378 г. и его последствия. Хотя деятельность Микеле ди Ландо и получила самую высокую оценку автора, тем не менее, по словам Д.И. Кареновского, «ему не удалось спасти конституцию 1343 г.: разорванная чернью, она потеряла силу навсегда и невозвратно. Восстание должно было вызвать сильную и неизбежную реакцию»[87] . В последующих рассуждениях Д.И. Кареновский ещё более ужесточит свой приговор: «Истинная, свободная демократия держалась здесь только до восстания черни; затем следует продолжительная, беспорядочная реакция и оканчивается тиранией»[88]. Таким образом, учёный считал вполне закономерным установление во Флоренции в ответ на обострение классовой борьбы власти патрицианской олигархии, а затем и Медичи. Отметим, что в современной историографии данное утверждение разделяется одной группой исследователей[89] и решительно опровергается другой[90].

В отличие от историко-политической части очерка, экскурсы Д.И. Кареновского в историю итальянской культуры носили в основном справочный характер. Краткие биографические данные о Джотто, Брунеллески, Донателло, Липпи и др. давали лишь самое общее представление о культурологическом аспекте предмета изучения.

Отдельные узкие проблемы истории Флоренции рассматривались и в работах известного киевского медиевиста, яркого представителя социально-экономитческого направления в отечественной медиевистике, И.В. Лучицкого. Формально и по названию эти работы считаются рецензиями. Однако их особенностью было то, что помимо критического разбора значительный объём в них И.В. Лучицкий отводил обстоятельному параллельному исследованию проблемы.

Сказанное целиком относится к очерку «Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV-XV вв.» (1885). Поводом к его написанию стала рецензия на сочинения итальянских медиевистов С. Бонджи, Л. Чибрарио, А. Занелли, которые исследовали источники, характер, масштабы рабства в средневековой Флоренции. И.В. Лучицкий согласился с итальянскими авторами в ряде их выводов. В частности, он признал вслед за ними, что в конце XIV-XV вв. наряду с Генуей и Венецией Флоренция становится третьим крупным центром торговли рабами[91]. Не вызывало возражений рецензента и утверждение итальянских учёных о том, что с XIV в. состав рабов радикально изменился – вместо рабов из Испании и Африки появляется большое количество русских, а главный контингент составляли женщины 16-30 лет, используемые в первую очередь в домашнем хозяйстве. Однако, признавая важность этих работ как сборников фактического материала, И.В. Лучицкий, тем не менее, существенно откорректировал выводы С. Бонджи, Л. Чибрарио, А. Занелли. Так, из всех причин рабства, приведённых итальянскими историками, действительной И.В. Лучицкий считал тот «глубокий переворот, который совершился в обществе XIV и XV вв. и сильнейшим образом затронул семью, разложил семейный строй Флоренции, благоприятствуя сильному проявлению низких страстей»[92]. Итальянские учёные, – подчёркивал И.В. Лучицкий, – «совершенно упускают из виду то обстоятельство, что рабство было, прежде всего, институтом экономическим, удовлетворявшим известному спросу, известным экономическим потребностям, и, как таковое, являлось необходимым последствием и чисто экономических причин»[93]. Такой подход киевского учёного вполне отражал доминирующее влияние на него передовой позитивистской методологии.

Другой работой И.В. Лучицкого по итальянской тематике стала его рецензия на книгу французского историка Ш. Ириарта «Жизнь патриция Венеции в XVI в.» (1874). Несмотря на высокую оценку, которую он дал рецензируемой книге, киевский исследователь счёл нужным сделать ряд существенных дополнений. Основным источником для рассуждений И.В. Лучицкого послужила венецианская «Хроника Дандоло».

И.В. Лучицкий прежде всего проследил эволюцию системы государственного управления и связанных с ней социальных отношений в Венеции. «Медленным, но верным и неизменным путём, – отмечал он, – превращалась постепенно Венецианская республика из чисто демократического государства, каким она была в раннюю эпоху своего существования, в государство чисто аристократическое»[94]. В процессе этой эволюции автор уделял огромное внимание противостоянию патрициата, с одной стороны, и дожа, в котором видел олицетворение демократии «массы». Победа патрициата стала, таким образом, по мысли И.В. Лучицкого, ничем иным, как итогом борьбы патрициата за исключение «массы» из управления республикой. Тем самым, как и в других своих трудах, учёный указывал на социальную подоплёку политической борьбы в эпоху феодализма.

Историческая эволюция власти в Венеции была не единственным предметом данного исследования И.В. Лучицкого. Выяснив особенности государственных структур Венецианской республики, киевский историк попытался далее показать особенности системы покровительства изящным искусствам. Тот факт, что характер покровительства изящным искусствам являлся «делом самого государства» и наложило, по мнению И.В. Лучицкого, отпечаток на художественную школу Венеции. «Здесь, в Венеции, – отмечал он, – живопись является гораздо более светской,

чем даже во Флоренции, она стоит ближе к интересам дня, к жизни и её разнообразным проявлениям»[95]. Вывод И.В. Лучицкого о том, что политическое устройство Венеции оказало существенное влияние на особенности её художественной школы, получил подтверждение в современной медиевистике[96].

Отдельную группу работ по средневековой Италии, опубликованных в рассматриваемый период, представляли очерки, посвящённые истории папства. Обращение к данной теме ещё не носило систематического характера, однако, эти первые работы подготовили основу для последующих монографических исследований, которые в 90-е годы осуществят Е.Н. Трубецкой в Киеве и А.С. Вязигин в Харькове.

Активнее других в данном направлении в рассматриваемый период трудились преподаватели Киевской духовной академии. Содержание их трудов, разумеется, может представлять больший интерес для исследователя богословских, а не сугубо исторических проблем. Так, профессор кафедры церковной словесности (гомилетики) Киевской духовной академии В.Ф. Певницкий обращался в своём творчестве к анализу церковного образования, философской и религиозной мысли. Примером могут служить его очерки о гомилетике и проповеднических трудах римского папы Григория Двоеслова. Эти очерки составят затем его главный труд – докторскую диссертацию «Св. Григорий Двоеслов, его проповеди и гомилетические правила» (1872)[97].

Историк пытался доказать существование разных путей, которыми шло и развивалось проповедничество в восточной и западной частях христианского мира. «На востоке, в Греции мы находим много ораторских талантов, – отмечал В.Ф. Певницкий. – Между тем при избытке производительности и производительности образцовой там вовсе теоретическим образом не обсуждают церковного красноречия». Поэтому, сравнивая проповеднические произведения греческих отцов с беседами папы Григоря Двоеслова, В.Ф. Певницкий считал последние более удобными к их церковному применению из-за своей краткости[98]. Подобные оценки профессора высшего православного духовного заведения вполне характеризуют приёмы объективной критики учёного и снимают столь популярные в советской историографии обвинения преподавателей Духовных академий в мракобесии. П.Ф. Певницкий не только признавал, что Восточная церковь с первых дней появления «Пастырского наставления» папы Григория Двоеслова постаралась применить его у себя, а патриарх Анастасий Александрийский по желанию императора Маврикия перевёл его для православного духовенства на греческий язык, но и открыто продемонстрировал личное отношение к труду римского понтифика. «Нам приятно заявить своё уважение к силе практической мудрости, выраженной в сочинении о пастырском служении», – подчеркнул православный профессор[99].

Примером противоположного отношения к римско-католическим иноверцам служила статья коллеги П.Ф. Певницкого по Киевской духовной академии, М.Ф. Ястребова «Католический догмат о непогрешимости папы» (1881). Провозглашение этого догмата в 1870 г. вызвало решительное неприятие его в православном мире. Так, по справедливому мнению М.Ф. Ястребова, прерогатива непогрешимости не может мириться с христианским сознанием уже в силу того, что в апостольских посланиях, в истории и практике церкви для этой идеи нет логических и исторических прецедентов[100]. В истории средневекового папства, указывал автор, идея о папской непогрешимости появилась довольно поздно, лишь в середине XVI в., во время Тридентского собора, оставаясь при этом до 1870 г. обычным богословским мнением, а не догматом. Среди факторов, противоречивших идее о папской непогрешимости, М.Ф. Ястребов называл шокирующую безнравственность ряда лиц, которые занимали в средние века папский престол, отступление от традиционных католических догм, которые встречались в суждениях некоторых римских пап, наконец, официальные осуждения, которым подвергались папы на соборах[101]. Таким образом, подчёркивал М.Ф. Ястребов, прерогатива папской не-

погрешимости находится в непримиримом противоречии с фактами моральных и доктринальных ошибок пап[102].

Эта же проблема стала поводом для прочтения публичной лекции «Развитие папской власти в средние века» (1874) профессором Киевского университета Ф.Я. Фортинским. И хотя она носила популярный характер и не базировалась на серьёзных источниках, в ней в конспективной форме была выражена вся предистория принятия вышеуказанного догмата. Ф.Я. Фортинский убедительно показал причины борьбы римских пап против светской власти и выделил этапы этой борьбы. Главное внимание автора было уделено «спору за инвеституру» между Григорием VII и Генрихом IV. Если на первом этапе борьбы папство «стремилось освободить церковь от светской власти», то «дальнейшая борьба пап с императорами-Гогенштауфенами шла уже не из-за принципа независимости духовной власти от светской…, а из чисто политических целей»[103]. В то же время, по мнению Ф.Я. Фортинского, «параллельно развитию преобладания папства над светской властью шло полное подчинение церкви под безусловную власть пап»[104]. Прямым результатом этого подчинения, «естественным логическим последствием всего предшествующего развития и практики католической церкви», автор считал провозглашение догмата о папской непогрешимости[105]. И всё же, на наш взгляд, Ф.Я. Фортинский не выделил в должной степени влияния на это процесс антикатолических, реформационных движений в средние века.

Реформаторская деятельность Арнольда Брешианского, основы его мировоззрения, ход антипапского движения в Риме в 40-50-х гг. XII в. стали предметом специального исследования харьковского историка В.П. Бузескула «Папство и Арнольд Брешианский» (1884). Это была первая в отечественной историографии работа, целиком посвящённая данной теме. Используя те же источники, на основе которых были написаны труды его зарубежных предшественников и современников (сочинения Оттона Фрейзингенского, Иоанна Салисберийского, и т.д.), В.П. Бузескул, тем не менее, внёс собственный вклад в разработку данной проблемы. В отличие от В. Гизебрехта, который считал Арнольда лишь реформатора церкви[106], и П. Ланфре, который называл его «первым мучеником философии в средние века»[107], В.П. Бузескул выделял в деятельности Арнольда Брешианского не только церковно-реформаторскую, но и политическую сторону[108]. Такой подход до некоторой степени сближал его высказывания с точкой зрения А. Гаусрата[109].

Рассмотрев проповеди Арнольда, в которой содержалась критика католической церкви, В.П. Бузескул увидел в нём одного из предшественников Лютера[110]. Что же касается попыток итальянского реформатора создать в Риме демократическую республику, то, по мнению автора, они были обречены на неудачу, поскольку шли вразрез со всем тогдашним развитием общества[111]. Выводы В.П. Бузескула о наличии в Италии необходимых условий для возникновения еретического учения, об активной роли римского плебса в восстании 1147 г., о республиканских взглядах Арнольда Брешианского, получили впоследствии полное подтверждение в отечественной медиевистике[112].

К проблеме борьбы католической церкви со своими идейными противниками тесно примыкала и проблема развития науки в средневековой Италии. Посвящённые данной тематике работы имели разное значение для историографии. Например, среди юбилейных очерков, посвящённых жертве инквизиции – крупнейшему итальянскому учёному Джордано Бруно, встречались в рассматриваемый период и публичная лекция[113], и вполне научное исследование его жизни и философских воззрений. В последнем случае историографическая ниша оказалась заполнена обширной статьёй профессора Одесского университета Н.Я. Грота «Джордано Бруно и пантеизм» (1885), в которой автор назвал «космоцентрическую теорию» Бруно одновременно и теоцентрической[114]. При этом для истории философии данная статья априори имела гораздо большее значение, чем для медиевистики.

Исследователи итальянской средневековой науки не ограничивались персоналиями. Примером этому может служить статья коллеги Н.Я. Грота по Одесскому университету, историка права Д. Азаревича «Юридическая школа в средневековой Италии по сравнению с современными юридическими факультетами»(1882). Несмотря на отсутствие серьёзной источниковой базы, она не может игнорироваться современными исследователями в связи с актуальностью той дискуссии, в центре которой находится сейчас Болонский процесс.

Поскольку Болонский университет, как подчёркивал автор, «первым составил свои статуты, положив в основание своей организации начало корпоративного управления и привилегированную юрисдикцию», а итальянские и европейские университеты «в главном копировали болонские статуты»[115] в статье доминировал материал по истории Болонского университета. О Падуанском, Римском и других итальянских университетах в статье упоминалось значительно реже.

Д. Азаревич не претендовал на самостоятельность своего исследования: в его основу были положены новейшие работы его современников – историков итальянских университетов Г. Коппи и Г. Паделетти. Однако одесскому учёному удалось показать в своей работе самый широкий спектр проблем: происхождение университетов, структуры университетской администрации, система замещения кафедр, предметы и методика преподавания и даже нравы студенчества. Объектами критики Д. Азаревича стали лишь некоторые новации в итальянских средневековых университетах: постепенный рост зависимости профессуры от «внешней власти»; раздача этой властью учёных степеней своим приближённым, даже «никогда не посещавшим университетов»; попытка учёных занимать наряду с кафедрой государственные должности, что однозначно характеризовалось автором как очевидный упадок средневековой высшей школы[116]. И всё же, Д. Азаревич высоко оценивал организацию учебного процесса в средневековых итальянских университетах. «Нет ничего преувеличенного в словах профессора Серафини, сказавшего, что средневековые университеты служат, и всегда будут служить недостижимым образцом свободного и плодотворного преподавания», – подчёркивал одесский учёный, – в то время как «при настоящей форме профессорских чтений посещение лекций в большинстве случаев – простая трата времени»[117]. Таким образом, проблема реформирования высшей школы была чрезвычайно популярна и более ста лет назад, при высочайшем уровне российского университетского образования и до принятия консервативного Устава 1884 г., который покончит с университетской автономией, сократит количество студентов и, по сути, завершит историю одного из этапов отечественной исторической науки.

Подводя общий итог изучения истории средневековой Италии в украинских землях Российской империи в 1804–1885 гг., необходимо подчеркнуть, что работы, в той или иной степени посвящённые истории Италии, создавались здесь в течение практически всего рассматриваемого периода. Центрами подобных исследований становились высшие учебные заведения – Харьковский, Киевский, Одесский университеты, Киевская Духовная академия. Особо следует выделить роль Одесского общества истории и древностей, которое проводило важные краеведческие исследования в местах бывших итальянских факторий. Определяющими факторами, влиявшими на научные интересы учёных, являлись высокие достижения средневековой итальянской культуры, роль Рима, как центра средневековой католической церкви и папства, а также то обстоятельство, что вошедшие в состав Российской империи земли Крыма принадлежали в средние века генуэзцам и венецианцам. Хронологически исследования охватывали главным образом эпоху развитого средневековья, в территориальном плане ограничивались Северной и Средней Италией, а также итальянскими владениями в Крыму. В проблемном плане выделяются две большие группы исследований: работы по истории внешней и колониальной политики итальянских морских республик; работы по внутриполитической, социальной, цер-

ковной, культурной истории государств Аппенинского полуострова. В рассматриваемый период наибольший вклад в изучение истории Италии внесли Н.Н. Мурзакевич (история генуэзских поселений в Крыму), В.Н. Юргевич (генуэзская эпиграфика и нумизматика, публикация генуэзских источников), М.Н. Петров (реформаторская деятельность Д. Савонаролы), В.Г. Авсеенко (первый этап Итальянских войн), В.П. Бузескул (антипапское выступление Арнольда Брешианского), В.Ф. Певницкий (гомилетика папы Григория Двоеслова). Вместе с другими исследователями эта плеяда ученых заложила здесь в 1804–1885 гг. фундамент последующих крупных исследований по истории Италии и папства. Высокий уровень этих работ вполне отражал состояние общероссийской медиевистики. Вклад учёных украинских земель в общероссийскую медиевистику будет рассматриваться автором и в дальнейшем в рамках большой темы «Медиевистика в украинских землях Российской империи в 1804–1885 гг.».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. С.112-113, 123, 128; *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990. С.23, 26; *Лиман С.І.* Історія католицької церкви та папства у працях православних медієвістів України в 60-90-х рр. XIX ст. //Науковий вісник Ужгородського національного університету.2002. Вип.7. С.156-158; *Лиман С.І.* Історія середньовічного міста в працях медієвістів України в 1805-1880-х рр. //Науковий вісник Ужгородського національного університету. 2003. Вип.9. С.202-203, 206-207.
2. *Лиман С.И*. История средневековой Италии в творчестве М.Н. Петрова (1826-1887) //Материали VI міжнародної науково-практичної конференції «Людина, культура, техніка», присвяченої 75-річчу Харківського національного аерокосмічного університету «ХАІ». Харків, 2005. С.92-93.
3. *Якоб Л.* О влиянии университетов на образование и благосостояние народов //Речи, говоренные в торжественном годовом собрании императорского Харьковского университета 17 января 1808 г. Харьков, 1808. С.80; *Роммель Х.В*. О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения //Речи, произнесённые в торжественном собрании императорского Харьковского университета, бывшем 30 августа 1811 г. Харьков, 1811. С.49-50.
4. *Дегуров А.А.* О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света //Речи, произнесённые в торжественном собрании императорского Харьковского университета 17 января 1812 г. Харьков, 1812. С. 43.
5. *Кеппен П.* О древностях Южного Берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С.82-83, 220, 226
6. *Брун Ф.* Одесское общество истории и древностей, его записки и археологические собрания. Одесса, 1870. С.10.
7. *Карпов С.П*. Итальянские морские республики…С.17-18.
8. *Мурзакевич Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. С.2.
9. Там же. С.3-4.
10. *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XV вв. М., 1981. С.90.
11. *Мурзакевич Н*. История генуэзских поселений…С.9.
12. *Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. С.116, 139; *Узлов Ю.А.* К вопросу об итальянской колонизации Северо-Западного Кавказа в XIII-XV вв. //Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной конференции. Киев-Судак, 2004. Ч.2. С.213.
13. *Мурзакевич Н*. История генуэзских поселений…С.84, 88.
14. *Negri T.O.* Storia di Genova. Milano. 1968. P.612, 623; *Рутенбург В.И*. Итальянский

город от раннего средневековья до Возрождения. Л., 1987. С.65-66.
15. *Мурзакевич Н*. История генуэзских поселений… С.13, 15-16.
16. *Мурзакевич Н*. Генуэзские консулы города Кафы //ЗООИД. 1853. Т.3. С.552.
17. *Пономарёв А.Л.* Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги-массарии казначейства за 1381-1382 гг. //ПСВ. М., СПб., 2000. Т.4. С.317-443; *Пономарёв А.Л.* Путеводитель по рукописи массарии Каффы 1374 г. //ПСВ. СПб., 2005. Т.6. С.43-138; *Яровая Е.А.* Генеалогия и геральдика генуэзских оффициалов Крыма (по материалам лапидарного наследия Каффы, Солдайи и Чембало XIV-XV вв. //ПСВ.СПб., Т.6. С.139-169.
18. (*Мурзакевич Н*.) Генуэзский меч, найденный в Крыму //ЗООИД. 1844. Т.1. С.624.
19. (*Мурзакевич Н.*) Донесения обществу //ЗООИД. 1872. Т.8. С. 318; *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIte – début du XVe siécle). Rome, 1978. Т.2. P.159; *Джанов А.В.* Фортификационные сооружения генуэзской Солдайи //Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной конференции. Киев-Судак, 2004. Ч.2. С. 68, 74 -75.
20. *Юргевич В.* Две генуэзские надписи из Балаклавы //ЗООИД. 1879. Т. 11. С. 319-320.
21. *Юргевич В.* Донесения о поездке в Крым //ЗООИД. 1875. Т.9. С.401.
22. *Юргевич В*. Генуэзские надписи в Крыму //ЗООИД. 1863. Т.5. С.160-162.
23. *Юргевич В*. Новые надписи генуэзские //ЗООИД. 1868. Т.7. С.275; 279-280.
24. *Юргевич В.* Донесения о поездке в Крым…С.398.
25. *Юргевич В.* Генуэзские надписи в Крыму…С.169.
26. Там же.
27. Там же. С.176.
28. *Кеппен П.* О древностях Южного берега Крыма. С. 220.
29. *Юргевич В.* Генуэзские надписи в Крыму… С.176.
30. *Григорьев В.* Монеты джучидов, генуэзцев и гиреев, битые на Таврическом полуострове и принадлежащие обществу //ЗООИД. 1844. Т.1. С. 303.
31. Там же. С.307.
32. *Юргевич В.* О монетах генуэзских, находимых в России //ЗООИД. 1872. Т.8. С.147.
33. Там же. С.153.
34. Там же. С.154-155.
35. *Юргевич В.* Замечания на статью о генуэзских монетах, помещённую в 7 томе «Записок Общества», сделанные итальянским учёным К. Десимони //ЗООИД. 1872. Т.8. С. 466.
36. *Юргевич В.* Устав для генуэзских колоний в Чёрном море, изданный в Генуе в 1449 году //ЗООИД. 1863. Т.5. С.629.
37. Там же. С.630.
38. Там же. С.632-815.
39. Там же. С.816-837.
40. *Волков М.* О соперничестве Венеции с Генуей в XIV и. //ЗООИД. 1858. Т.4. С.152.
41. Там же. С.155.
42. Там же. С.157.
43. Там же. С.159.
44. *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье… С. 305.
45. *Волков М*. О соперничестве Венеции с Генуей…С.177-178.
46. Там же. С.193-204.
47. *Волков М.* Четыре года города Кафы (1453, 1454, 1455 и 1456) //ЗООИД. 1872. Т.8. С.109.
48. *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье…С.12.
49. *Волков М.* Четыре года города Кафы…С.110.
50. *Рутенбург В.И.* Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения Л., 1987. С.66.
51. *Волков М.* Четыре года города Кафы…С.112-113.

52. Там же. С.134-135.
53. Там же. С.143.
54. *Брун Ф.К.* Берег Чёрного моря между Днепром и Днестром по морским картам XIV и XV ст. //ЗООИД. 1858. Т.4. С.244.
55. Там же. С.246.
56. *Брун Ф.К.* [Рецензии] //ЗООИД. 1872. Т.8. С.289. Ref. of op.: Atlante idrografico del medio evo posseduto dal prof. Tammar Luxoro publicato a fac-simile e annotatio dai socii C. Desimoni e L.T. Belgrano. Genova, 1867; Nuovi studi sull' Atlante Luxoro pel socio C. Desimoni. Genova, 1869.
57. *Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи…С. 112-113.
58. *Лунин М.М.* История новых времён //Отдел рукописей ЦНБ ХНУ. 406/с. Тетрадь 1(8). Л.11.
59. Там же. Тетрадь 2 (9). Л.2. Ср.: *Рутенбург В.И.* Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения… С.40-44.
60. *Лунин М.М.* История новых времён…Тетрадь 13(20). Л.2-3.
61. *Рутенбург В.И.* Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения…С. 65.
62. *Рославский-Петровский А.П.* Новая история //Отдел рукописей ЦНБ ХНУ. 839/с. Тетрадь 1. Л.2.
63. Там же. Л.9.
64. Там же. Л.10.
65. *Петров М.Н.* Отчёт о занятиях в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии в 1858-1860 гг. Харьков, 1861. С.53, 58, 61.
66. *Петров М.Н.* Эразм Роттердамский. Начальная эпоха гуманизма //Петров М.Н. Из всемирной истории очерки. Харьков, 1882. С. 365-366.
67. *Perrens F.* Jérôme Savonarole. Paris, 1853; *Виллари П.* Джироламо Савонарола и его время. СПб., 1913. Т.2. С.194; *Осокин Н.А.* Савонарола и Флоренция. Казань, 1865. С.8.
68. *Петров М.Н.* Савонарола. Исторический очерк //*Петров М.Н.* Из всемирной истории очерки. Харьков, 1882. С. 307-308.
69. Там же. С.320.
70. *Осокин Н.А.* Савонарола и Флоренция…С.159.
71. Там же. С.316; *Виллари П.* Джироламо Савонарола и его время…С. 194.
72. *Петров М.Н.* Савонарола… С.327.
73. *Митякин А.* Иероним Савонарола. Характеристика личности, учения и деятельности //Журнал Московской Патриархии. 1998. №12. С.56, 70, 72.
74. А*всеенко В.* Итальянский поход Карла VIII и влияние его на Францию //Университетские известия. 1863. №4. С.22.
75. Там же. №5. С.4.
76. Там же. С.8.
77. Там же. С.4.
78. Там же. С.15.
79. Там же. С.26-28.
80. *Каченовский Д.И.* Флоренция, и её старые мастера //Вестник Европы. 1869. №8. С. 637.
81. Там же. С.652.
82. Там же. С.654-655.
83. *Рутенбург В.И.* Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения…С.34.
84. *Каченовский Д.И.* Флоренция, и её старые мастера… №8. С.657.
85. *Антонетти П.* Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М., 2004. С.27-28.
86. *Каченовский Д.И.* Флоренция, и её старые мастера…№8. С.660.

87. Там же. №10. С.682.
88. Там же. С.694.
89. *Martines L.* Lawyers and Statecraft in Renaissance Florence. Princeton, 1968; *Рутенбург В.И.* Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения…С.90.
90. *Brucker G.* The Civic World of Early Renaissance Florence. Princeton; N.Y., 1977. P.14-38; *Kent D.* The Rise of the Medici: Faction in Florence 1426-1434. Oxford, 1978. P. 1-30.
91. *Лучицкий И.В.* Рабство и русские рабы во Флоренции //Университетские известия. 1885. №11. С.373.
92. Там же. С.386.
93. Там же. С.389.
94. *Лучицкий И.В.* [Рецензия] //Университетские известия. 1874. №8. С.80. Ref. of op.: *Yriarte Ch.* La vie d'un Patricien de Venise au seizième siècle. Paris, 1874.
95. Там же. № С.111.
96. *Селунская Н.А., Сергеев С.К.* «Светлейшая» – Венеция //Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 2000. Т.4. С.296.
97. *Певницкий В.Ф.* Святой Григорий Двоеслов, его проповеди и гомилетические правила. К., 1872.
98. *Певницкий В.Ф.* Проповеднические труды Св. Григория Двоеслова //ТКДА. 1865. №9. С.104.
99. *Певницкий В.Ф.* Гомилетика Св. Григория Двоеслова //ТКДА. 1865. №1. С.72-73.
100. *Ястребов М.Ф.* Католический догмат о непогрешимости папы //ТКДА. 1881. С.289.
101. Там же. С.309, 315, 321.
102. Там же. С.326.
103. *Фортинский Ф.Я.* Развитие папской власти в средние века. К., 1874. С.12, 16.
104. Там же. С.17.
105. Там же. С.20.
106. *Giesebrecht W.* Über Arnold von Brescia //Sitzungsberichte der philosophisch-philologichen und historischen Classe der K. B. Akademie der Wissenschaft. München, 1873. S.152.
107. *Ланфре П.* Политическая история пап. СПб., 1870. С. 153.
108. *Бузескул В.П.* Папство и Арнольд Брешианский. Харьков, 1884. С.44.
109. *Гаусрат А.* Средневековые реформаторы. СПб., 1900. Т.1. С.248, 264.
110. *Бузескул В.П.* Папство и Арнольд Брешианский…С. 45.
111. Там же.
112. *Бортник Н.А.* Арнольд Брешианский – борец против католической церкви. М., 1956. С. 32-33.
113. *Лучицкий И.В.* Джордано Бруно. (Публичная лекция) //Университетские известия. 1885. №5. С.83-102.
114. *Грот Н.Я.* Джордано Бруно и пантеизм. (Философский очерк) //Записки Новороссийского университета. 1885. Т. 41. С. 325.
115. *Азаревич Д.* Юридическая школа в средневековой Италии по сравнению с современными юридическими факультетами //Русский вестник. 1882. №1. С.186.
116. Там же. С. 197-198, 205.
117. Там же. С. 211.

С.И.Лиман.

S.I. LIMAN (Kharkov)

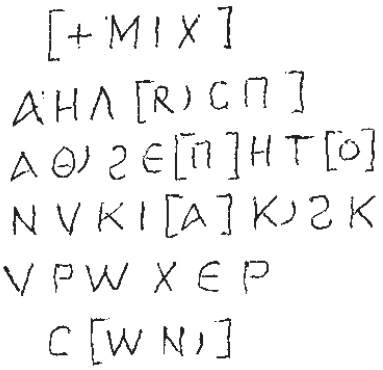
MEDIEVAL ITALY IN WORKS BY MEDIEVISTS OF UKRAINIAN LANDS OF RUSSIAN EMPIRE (1804-1885)

The article deals with the history of studying various problems of medieval Italy in Ukrainian lands of Russian Empire 1804-1885. Those studies mostly related to the epoch of deep Middle Ages and were limited to Northern and Central Italy as well as Italian possessions in Crimea. Two large groups of problems were investigated: history of foreign and colonial policies of Italian naval republics; internal political, social, clerical and cultural history of the states in Apennine Peninsula. The most important contribution to the study of Italian history was brought by N.N.Murzakevich (history of Genovese settlements in Crimea), V.N.Yurgevich (Genovese epigraphics and numismatics), M.N.Petrov (reformer acts by Savonarola), V.Avseenko (the first stage of Italian wars), V.P.Buzeskul (antipapal riot of Arnold of Brescia), V.F.Pevnitsky (homiletics of Pape Gregory the Biverbose).

А.И. Романчук. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 390 с., 120 рис.

С полным правом можно констатировать, что византинистика пополнилась неординарным монографическим исследованием, которое аккумулировало богатый опыт предыдущей полевой и научной работы, в какой-то степени стало итогом этой многолетней работы, вылившейся в создание синтезной, по сути дела всеохватной картины самых разных сторон жизнедеятельности конкретного византийского провинциального города, каким являлся Херсонес–Херсон в VII–XV вв. Подходы к раскрытию этой глобальной проблемы были заложены автором достаточно давно.

Уже в 1972 г. А.И. Романчук была защищена кандидатская диссертация, в которой делалась попытка проанализировать положение города в «темные века» и одновременно поколебать, казалось, незыблемый пьедестал, на котором покоились выводы А.Л. Якобсона и иже с ним, что во многом удалось[1]. Зерна серьезных сомнений были посеяны и ждали всхода. Облик угрюмого, неприютного, нищего, обессиленного, захолустного, отрезанного от цивилизованного мира Херсона стал постепенно уступать место иным, более оптимистичным и прагматичным контурам. К сожалению, работа по созданию обобщающего исследования, посвященного раннесредневековому Херсону, так и осталась незавершенной, так как, кроме специальных статей, автор опубликовала по этой теме два учебных, а не научных издания[2]. В дальнейшем А.И. Романчук будет периодически обращаться к этой своей ранней тематике[3], но в монографические исследования выльются проблемы исторической топографии позднего Херсона и оценки состояния города преимущественно в VII–IX и XIII–XIV вв.[4] Последние, слитые в одной книге воедино, представляют особый интерес, ибо являются своего рода итогом многолетних наблюдений автора как над письменными источниками, так и в еще большей степени над материалом, полученным в ходе археологических исследований, прежде все-

го Уральской экспедиции. Материлы раннесредневекового города оказались при этом рассеяны по соответствующим очеркам, в которых рассматривались история раскопок, оборонительные сооружения, христианские храмы и другие культовые постройки, состояние соляного и рыбозасолочного промыслов, гончарного производства, жилой застройки, особенно портового района, где наиболее интенсивно и долго вела работы Уральская экспедиция. При этом А.И. Романчук весьма актуально призвала к давно назревшему обобщению находок, которые получены в Херсонесе различными экспедициями[5].

Пожалуй, важнейшим результатом многолетних исследований явилось убедительное заключение о сохранении полифункциональности города, что уже само по себе указывало на картину внешнего благополучия средневекового Херсона и находило подтверждение в высоком уровне его городской культуры. А.И. Романчук обратила внимание на то, что на всех участках оборонительных стен, где были проведены археологические раскопки, открыты следы регулярной, периодической строительной деятельности, восстановлений, ремонтов, в том числе и в период VII–IX вв., на которые привыкли смотреть как на время упадка[6]. Еще более подробно было проанализировано состояние всех известных на настоящий момент христианских храмов Херсона, уточнено время их функционирования и отмечено, что наиболее масштабные нивелировочные работы были как раз вызваны общественным культовым строительством и застройкой некоторых городских кварталов, особенно интенсивной в конце VI – начале VII вв., после чего многие сооружения простояли веками. Правда, ряд храмов (№9, 19, 21, 27, 29, 34 по счету имп. Археологической комисии и пятиапсидный храм) А.И. Романчук неопределенно отнесла к «средневизантийскому периоду», не уточняя времени их строительства и, очевидно, полагаясь на добротно составленный ею «Список храмов Херсона», в котором не было упущено ни одного памятника такого рода и который отчасти пополнил и, самое главное, систематизировал данные на этот счет, собранные в свое время Д.В. Айналовым, А.Л. Якобсоном, С.А. Беляевым и Ю.Г. Лосицким[7]. Кроме того, исследовательница одна из немногих, кто обратил внимание на такое приоритетное направление в христианской археологии, как изучение исторической топографии христианского Херсона[8].

Принципиально важной является предложенная А.И. Романчук трактовка отсутствия слоев разрушений как показателя нормальной жизнедеятельности города, а не его «упадка» или «смерти», а также обращение внимания на то, что такие промежутки между открытыми слоями («археологические лакуны») заполняются сведениями письменных источников и бытованием некоторых общественных сооружений. Отсюда следует справедливое заключение о необходимости пересмотра методики исследования и интерпретации археологических данных[9].

К несомненным заслугам А.И. Романчук относится анализ 102 (в таблице – 101)

известных к настоящему времени херсонесских рыбозасолочных цистерн, на основании чего был получен вывод о сохранении местного рыбозасолочного производства в «темные века» и его прекращении лишь после X в., объяснение чему видится в наступивших климатических и экологических изменениях[10]. Особого внимания заслуживает также вывод исследовательницы о том, что стремление разместить в VIII–IX вв. в Крыму гончарные печи, изготовлявшие стандартную продукцию, поближе к непосредственным производителям сельскохозяйственной продукции и к морю, указывает на необходимость удовлетворять возросшие потребности торговли[11]. Новым и удачным представляется предложение трактовать появление с IX в. знаков-меток или монограмм на черепицах из Херсона и других мест Таврики как способа, предназначенного для обозначения очередности обжига партии черепицы, а не персонального знака мастера или мастерской, как иногда полагают[12].

А.И. Романчук последовательно рассмотрела те кварталы городища (I, III, VI, VIII, IX, XV–XIX, XXV, XXIX, портовые кварталы 1 и 2), в которых были выявлены остатки застройки VI–X вв. с указанием на археологические комплексы и другие прямые и косвенные данные, которые говорят о жизнедеятельности в этих кварталах на протяжении всего раннего средневековья, без перерывов и какой-либо деградации[13]. При этом она обратила внимание на то, что без учета археололгичесого контекста статистический анализ находок монет некорректен, к тому же подсчеты по годам выпуска не учитывают время обращения монет[14]. Вместе с тем, неясно, о каких «кардинальных изменениях» в экономике города можно говорить на основании эпизодической работы монетного двора Херсона в «темные века»[15]. На самом деле это была общая тенденция, свойственная всей Византийской империи и связанная с усилением императорской самодержавной власти, контроля столичного государственного аппарата, с более жесткой, чем прежде, централизацией монетного дела.

Возражения встречают и некоторые другие взгляды А.И. Романчук. Так, без колебаний она пишет о существовании в Херсоне самоуправления, причем даже образование фемы, по ее мнению, «не означало полного преодоления самостоятельности городской верхушки, полного контроля над херсонитами, стремления этого пограничного центра проводить политику, идущую вразрез с центральным правительством»[16]. Именно желание покончить с этой независимостью городской общины видится ей главной причиной происшедших в Крыму административно-территориальных изменений, хотя объяснений, почему именно в 30-е гг. IX в. возросла роль Херсона как форпоста в борьбе с некими якобы «часто сменяющими друг друга варварами», она не привела[17]. Причину, по какой Константин Багрянородный советовал применять по отношению к херсонитам меры не столько военного, сколько экономического воздействия, исследовательница тоже не объяснила. Как о само собой разумеющейся аксиоме она, с указанием на отнюдь не бесспорные посылы И.В. Соколовой и Г.Г. Литаврина, пишет о том «постоянном стремлении к автономии, которое было свойственно херсонской знати, охранявшей многовековые традиции полисной организации»[18]. Между тем, глубокое изучение системы управления этого византийского города, функций, стуктуры и континуитета его администрации позволяет усомниться в таком выводе[19].

А.И. Романчук упорно не желает признавать наличия огнеопасных, «горячих» производств (горнов, печей) в пределах жилой зоны раннесредневекового Херсона и умалчивает об имеющихся возражениях, высказанных уже в отзыве И.А. Антоновой и М.Я Быкова на ее кандидатскую диссертацию. Она полагает, что все гончарные эргастирии находились только с внешней стороны оборонительных стен и такие «черты античного градостроительства» сохранялись до X–XI вв.[20] Но ромейские правила, регулирующие расположение производственных комплексов в пределах городской застройки, видимо, не были столь категоричными и, главное, соблюдались на практике весьма непоследовательно, что демонстрируют результаты исследова-

ний как Херсона, так и других византийских городов[21]. Трудно также согласиться с заключением, что центральная городская площадь – большая агора – была лишь «идеологической доминантой»: полифункциональность таких общественных мест в византийских городах опять-таки находит многочисленные подтверждения[22].

Поскольку амфоры VIII–IX вв. встречаются в основном в пределах Крыма, А.И. Романчук, в соответствии со своими давними выводами, указывает на якобы имевшие место изменения направления торговых путей в это время и на их сокращение, не учитывая, что и прежде амфоры местного изготовления не попадали далеко за пределы Херсона, в заморье, хотя город поддерживал устойчивые экономические контакты с малоазийскими и восточносредиземноморскими центрами. И уж совсем странным выглядит объяснение изменений торговых связей города в раннее средневековье ссылками на «внутреннюю политику византийских императоров», репресии во время правления Фоки (602–610) против сирийских городов, что происходило далеко за пределами Таврики, да и не мешало херсонитам иметь с этими городами торговые связи по меньшей мене до середины VII в.[23] Изменение ситуации исследовательница, как в свое время А.Л. Якобсон, относит только к X–XI вв., когда Херсон «восстанавливает связи с центральными районами империи»[24]. Впрочем, вопреки этому утверждению, от которого так и веет традицией предшествующей историографии, окончательный вывод был сформулирован более осторожно и содержал признание о том, что в период «темных веков» город все же «отчасти сохранил связи со своими традиционными партнерами»[25]. К сожалению, с новыми соображения на этот счет, появившимися в некоторых работах, А.И. Романчук то ли оказалась незнакома, то ли пренебрегла ими, сознательно оставила без критики[26].

Непоследовательность, противоречивость можно заметить и во взглядах автора относительно идейно-религиозной ориентации Херсона. По ее мнению, Житие Стефана Нового указывает на то, что в «начальный период иконоборчества» в городе и его окрестностях нашли приют гонимые иконопочитатели и ситуация изменилась лишь в начале IX в., когда «Таврика из района, где иконопочитатели находили убежище, превращается в место их ссылки»[27]. О случаях таких ссылок в более ранее время исследовательница умалчивает, очевидно, не желая «портить» ими предлагаемую концептульную схему.

Прочие расхождения во взглядах не столь принципиальны, но на них стоит указать, ибо они сложились либо под влиянием весьма старых заблуждений, уже встре-

чавшихся в предшествующей историографии, либо могут стать со временем основой для формирования новых «авторитетных утверждений». К примеру, устройство Западных ворот Херсона у башни VIII без каких-либо доказательств отнесено к периоду «между VII – первой половиной IX в.», несмотря на то, что оборонительная стена на этом участке датируется гораздо более ранним временем, как и главная продольная улица, выводившая к этим воротам[28]. Они то и являлись известными из агиографических источников «Красными (Красивыми)» или «Святыми воротами» (ta Iera), которые А.И. Романчук путает с Южными, так называемыми «Мертвыми воротами», действительно находившимися с первых веков н.э. между XII и XIII башнями, откуда дорога вела по периболу мимо устроенных здесь погребений (захоронения №1009–1552) к обширному загородному некрополю у Карантинной бухты[29].

Уваровскую базилику (№23) она называет вслед за В.В. Латышевым житийным «храмом апостола Петра», не учитывая иные версии[30]. Сооружение храма, открытого в 1958 г. на месте проксения античного театра, А.И. Романчук датирует X–XI вв., не объясняя, почему она отказывается от известной ей более ранней датировки этого памятника, тем более, что к этой датировке, в свое время предложенной проводившими раскопки О.И. Домбровским и Е.А. Паршиной, исследовательница прибегает, когда речь заходит о засыпе рыбозасолочных цистерн, открытых на этом участке[31]. Крестовидный храм №27 по центру большой агоры она вслед за Ю.Г. Лосицким датирует «по аналогиям» не ранее X–XI вв., хотя тут же обращает внимание и на более ранние памятники такого рода[32].

Убийство херсонитами стратига Симеона, сына Ионы, А.И. Романчук относит к 892 г., повторяя извечную, прочно укоренившуюся ошибку, омолаживающую это событие на четыре года[33]. Письмо №68 Николая Мистика она обращает к стратигу Херсона Иоанну Воге, хотя имя адресата в источнике не было указано и им вполне мог быть иной человек.[34] Наконец, в Житии Стефана Сурожского нет ни слова о захвате церковных сосудов в Херсоне «русским князем Бравлином», а речь идет об ограблении Сугдеи и прочих земель, видимо, окрестных ей, «от Корсуня до Корчева»[35].

И все же, несмотря на наличие таких натяжек или неточностей, нельзя не заметить главного, чего добилась автор за долгие годы работы, — кардинально нового взгляда на историю средневекового Херсона, особенно разительного на фоне давления авторитета предшествующих обощающих исследований, из плена которого удалось вырваться немногим.

С.Б. Сорочан.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Романчук А.И.* Византийский город в период «темных веков» (по археологическим материалам Херсонеса VII – первой половины IX вв.): Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1972; *Романчук А.И.* Византийский город в период «темных веков» (по археологическим материалам Херсонеса VII – первой половины IX вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1972.
2. См.: *Романчук А.И.* К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» //АДСВ. Свердловск, 1972. Вып.8. С.42–55; *Романчук А.И.* Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе //АДСВ. Свердловск, 1973. Вып.9. С.45–53; *Романчук А.И.* Комплекс VII в. из портового района Херсонеса //АДСВ. 1973. Вып.10. С.246–250; *Романчук А.И.* Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса //АДСВ. Свердловск, 1975. Вып.11. С.3–13; *Романчук А.И.* Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса //ВВ. 1976. Т.37. С.156–159; *Романчук А.И.* План рыбозасолочных цистерн Херсонеса //АДСВ. Свердловск, 1977. Вып. 14. С.18–26; *Романчук А.И.* Херсонес VI–первой половины IX вв.: Учебное пособие. Свердловск, 1976; *Романчук А.И., Шандровская В.С.* Введение в византийскую археологию и сфрагистику: Учеб. пособие. Екатеринбург, 1995. С.13–53.

3. *Романчук А.И.* Торговля Херсонеса в VII–XII вв. //Byzantino-bulgarica. Sofia, 1981. Т.7. С.319–331; *Он же.* Изделия из кости и рога в средневековом Херсоне //АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1981. С.84–105; *Романчук А.И., Белова О.Р.* К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса //АДСВ: Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987. С.52–67; Романчук А.И. Раннесредневековые комплексы Херсона //From Late Antiquity to Early Byzantium /Ed. by V. Vavzinek. Praha, 1988. С.123–135; *Романчук А.И.* Западный загородный храм Херсонеса //ВВ. 1990. Т.51. С.165–171; *Романчук А.И., Седикова Л.В.* «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников //Византийская Таврика. Киев, 1991. С.30–46; *Романчук А.И.* Ранневизантийский Херсон (Отражение в источниках основных функций города) //Византия и средне вековый Крым (АДСВ. Вып.26). Барнаул, 1992. С.204–213; *Романчук А.И.* К вопросу о методике датировки меток на черепице Херсонеса //Византия и средневековый Крым (АДСВ. Вып.27). Симферополь, 1995. С.107–118; *Романчук А.И.* Два сюжета из истории Херсона или проблемы традиционных датировок археологических источников //Византийские очерки. М., 1996. С.234–244; *Романчук А.И., Щеглов А.Н.* Проблема культурного слоя в византийской археологии //ВВ. 1998. Т.55 (80). Ч.2. С.178–183
4. *Романчук А.И.* Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986; *Он же*. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000
5. *Романчук А.И.* Очерки... С.6
6. *Романчук А.И.* Очерки... С.53
7. *Романчук А.И.* Очерки... С.75, 222–243; ср.: *Айналов Д.В.* Развалины храмов //Памятники христианского Херсонеса. М., 1916. Вып.1; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С.152–221; *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес. XII–XIV вв. //МИА. 1950. №17. С. 229–252; *Якобсон А.Л.* Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса //ВВ. 1988. Т.49. С.162–172; *Беляев С.А.* Базилики Херсонеса (итоги, проблемы и задачи их изучения) //ВВ. 1989. Т.50. С.171–181; *Лосицкий Ю.Г.* Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса //Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С.27–36; *Лосицький Ю.Г.* До питання типологичної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму //Археологія. 1990. №2. С.33–47; *Лосицький Ю.Г.* Про візантійські базиліки Херсонеса //Археологія. 1991. №2. С.83–98.
8. *Романчук А.И.* Очерки... С.72–73; *Романчук А.И.* Западный загородный храм Херсонеса //ВВ. 1990. Т.51. С.165–171; *Романчук А.И., Шандровская В.С.* Введение в византийскую археологию и сфрагистику. Екатеринбург, 1995. С.45–47; ср.: *Беляев С.А.* Христианская топография Херсонеса: Постановка вопроса, история изучения и современное положение //VII Международные Рождественские образовательные чтения: Церковные древности /Сб. докладов секции. М., 1999. С.3–49; *Jastrzebowska E.* Ephesos und Chesonesos in spätantike und früchbyzantinische Zeit: Eine vergleichende topographische Studie //Riv AC. 1999. T.75. Fasc.1–2. S.475–520; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С.546–548, 566–569, 577–579, 593–599, 643–650, 660–669, 684–687; *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Изд. 2-е, испр. и доп. Харьков, 2001. С.60–61, 271–272; *Беляев С.А.* О храме апостола Петра в Херсонесе //VIII Международные Рождественские образовательные чтения: Церковные древности /Сб. докладов секции. М., 2001. С.5–28; *Сорочан С.Б.* Где находился херсонесский храм св. Петра? //Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. Севастополь, 2001. С.3–6; *Сорочан С.Б.* О храме во имя апостола Петра в раннесредневековом Херсонесе (Херсоне) //Восток–Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2002. С.37–38.
9. *Романчук А.И.* Очерки... С.82–85, 141–142.

10. *Романчук А.И.* Очерки... С.88–101. Следует заметить, что список цистерн обрывается на находках 1992 г. и может быть дополнен результатами раскопок как предыдущего, так и последующего времени.
11. *Романчук А.И*. Очерки... С.113.
12. Там же. С.129–130.
13. Там же. С.135–146, 167–183.
14. Там же. С.178.
15. Там же. С.207.
16. Там же. С.58, 206.
17. Ср.: *Романчук А.И*. Херсонес VI – первой половины IX вв. Свердловск, 1976. С.9
18. Романчук А.И. Очерки... С.201.
19. См.: *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты //Х. сб. 1998. Вып.9. С.118–132; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В*. Жизнь и гибель Херсонеса. С.209–274, 306–325; *Храпунов М.І.* Адміністрація Херсона наприкінці IV–VI ст. //Археологія. 2000. №1. С.57–67; *Храпунов Н.И.* Администрация evagies oikoi в Херсоне //МАИЭТ. 2000. Вып.7. С.357–361; *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона в VIII – начале IX вв. //ПИФК. 2002. Вып.12. С.568–582.
20. *Романчук А.И*. Очерки... С.103–105, 202.
21. См.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. С.129–136.
22. *Сорочан С.Б.* Византия... С.57–96.
23. Ср.: *Романчук А.И*. Очерки... С.182–183.
24. *Романчук А.И*. Очерки... С.183; ср.: *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. С.56, 59–60.
25. *Романчук А.И*. Очерки... С.204.
26. *Сорочан С.Б.* О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. //Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1996. С.114–122; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. С.208–267.
27. *Романчук А.И*. Очерки... С.78.
28. *Романчук А.И.* Очерки... С.51; ср.: Археологическая хроника //Археологические известия и заметки, издаваемые имп. Московским археологическим обществом. 1896. №4. С.108–109; *Косцюшко-Валюжинич Д.Н.* О результатах раскопок последнего времени в Херсонесе //ИТУАК. 1911. №45. С.61–62.
29. *Романчук А.И.* Очерки... С.52, 73; ср.: *Антонова И.А*. Юго-Восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки //Х. сб. 1996. Вып.7. С.110–111, 123; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В*. Ук. соч. С.654–655, 675–677.
30. *Романчук А.И.* Очерки... С.66, 72–73; см.: *Сорочан С.Б*. Византия... С.60; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Ук. соч. С.383; 577–579.
31. Ср.: *Романчук А.И.* Очерки... С.74, 94.
32. Там же. С.74, прим.72.
33. Там же. С.59, 206.
34. Там же. С.79–80.
35. Там же. С. 207.

НИКОЛАЙ КОНОВИЧИ (1948–2005)

Из Румынии пришла печальная весть – 7 июня 2005 года после тяжелой болезни скончался известный специалист в области гето-дакской археологии, нумизматики и керамической эпиграфики Николай Коновичи.

Николай Коновичи родился 13 марта 1948 года в Бухаресте. В 1970 году закончил исторический факультет Бухарестского университета. Преподавал историю в школе Калараши (Călăraşi), а с 1971 года на протяжении девяти лет работал в музее Călăraşi. С 1979 года работал в Институте Археологии «Vasile Pârvan» (Бухарест), с 1987 года ученый секретарь, с 1989 года член научного совета. В 1993 году защитил диссертацию «Относительная и абсолютная хронология синопских амфорных клейм с именами астиномов», с этого же времени принимает участие в редактировании журнала Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie (SCIVA), с 1996 года Materiale єi cercetrri arheologice.

Н.Коновичи выступал на международных конгрессах: Вани, (Грузия, 1990), Исперих (Болгария, 1993), Стамбул (Турция, 1995), Севастополь (Украина, 1997), Варна (Болгария, 1997), Септември (Болгария, 1998), Афины (Греция, 2002), Аархус (Дания, 2002), Барселона (Испания, 2003).

Н.Коновичи был стипендиатом программы TEMPUS (Франция, 1993 г.), Фонда «Эндрю Меллон» (Афины, 1999 г.), постдокторантуру проходил во Французской Археологической школе в Афинах (1994 г.).

Николая Коновичи хорошо знают в Украине и в России: он вел активную переписку со многими исследователями, консультировал многих археологов, в 1988

году посещал Ленинград, в 1996 Одессу, а в 1995 году принимал участие в археологической экспедиции ИА НАН Украины в Бейкуши, на хоре Ольвии.

Работы Н.Коновичи известны практически каждому античнику, а датировки по «Коновичи» сегодня, пожалуй, самые распространенные. Со многими исследователями Н.Коновичи вел активную переписку – консультировал, помогал в чтении легенд клейм. При встречах и в переписке со мной главной темой обсуждения были, конечно, профессиональные вопросы, но не только. Где бы мы ни оказывались: в Стамбуле, Афинах, Севастополе – мы стремились встретиться друг с другом, и каждый раз общение с Николаем стимулировало меня но новые исследования.

Для его работ характерен доскональный анализ материала – не зря основным для датировки керамических клейм он выбрал метод определения относительной хронологии по граверам, где анализируется «рука резчика». Созданная Н.Коновичи хронология синопских клейм успешно используется многими исследователями.

Николай Коновичи оставил яркий след в науке, но остались неопубликованными рецензии на книги Дж.Финкельштайна и Ив.Гарлана, в рукописи клейма из коллекции Иона Митителу, клейма, дипинти и граффити из раскопок Сату Нова, в различных редакциях еще целый ряд неопубликованных статьей Николая Коновичи…

СПИСОК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ Н.КОНОВИЧИ

1. Câteva torţi ştampilate de amfore elenistice din judeţul Ialomiţa şi sud-vestul Dobrogei //SCIVA, 1975, 26/4 (в соавторстве с C.Muşeţeanu).
2. Contribution au problème de l'importation des amphores grecques dans le Sud-Est de la Munténie //Dacia, n.s., 22, 1978. P. 173-199 (в соавторстве с C.Muşeţeanu и A.Atanasiu).
3. Contribuţii numismatice privind legăturile Histriei cu geţii de la Dunăre în sec.VI-II î.e.n. //Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie (SCIVA), 30, 1979, 1. P. 87-93.
4. Les relations entre les Gètes des deux rivages du Bas-Danube à la lumière des données archéologiques et numismatiques (IVe – IIe siècles av.n.e.) //Actes du IIe Congrès international de Thracologie, Bucarest 4-10 Septembre 1976, II, Bucarest, 1980. P. 43-54.
5. Monedele din aşezarea getică de la Piscul Crăsani //Studii şi cercetări de numismatică, 7, 1980. P. 139-143;
6. Noi descoperiri monetare la Piscul Crăsani //Cercetări numismatice, 5, 1983. P. 39-50;
7. Date noi cu privire la un tezaur de monede antice descoperit în judeţul Dolj //Thraco-Dacica, 6, 1985. P. 59-74.
8. Aşezări fortificate şi centre tribale geto-dacice din Muntenia (sec.VI î.e.n. – I e.n.) //Istros, 4, Brăila, 1985. P. 71-87.
9. Aspecte ale circulaţiei drahmelor de Dyrrhachium şi Apollonia în Peninsula Balcanică şi în Dacia //Buletinul Societăţii Numismatice Române, LXXVII-LXXIX, 1986, 131-135. P. 69-88.
10. Un rhyton ceramic descoperit la Piscul Crăsani //Thraco-Dacica, 8, 1987. P. 92-99.
11. Repere cronologice pentru datarea unor aşezări geto-dacice //Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos, 2, 1986 (1988). P. 129-141.
12. Sanctuare şi zone sacre la geto-daci //Revista de istorie 41, 1988. P. 205-217 (в соавторстве с G.Trohani).
13. Aşezarea getică fortificată de la Satu Nou – «Valea lui Voicu» (com.Oltina, jud. Constanţa). Raport preliminary //Thraco-Dacica, 10, 1989. P. 115-154 (в соавторстве с M. Irimia).
14. Nouveaux timbres amphoriques sinopéens de Callatis //Dacia, N.S., 33, 1989. P. 113-123 (в соавторстве с Al. Avram и Gh. Poenaru Bordea).
15. Prinosi kum vuprosa za cirkulacijata na drachmite ot Dirachion i Apolonia na teritorijata na Trakia //Arheologija. Sofia, 1989, 4. P. 17-30.

16. Probleme ale cronologiei amforelor ştampilate sinopeene. Ştampilele din grupa a IV-a (B.N.Grakov) //Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie (SCIVA), 40, 1989, 1. P. 29-44.
17. Étude quantitative sur les timbres amphoriques sinopéens de Callatis //Dacia, N.S., 34, 1990. P. 113-128 (в соавторстве с Al. Avram, Gh. Poenaru Bordea); (см. перевод на русский язык в сборнике «Греческие амфоры», Саратов, 1992. P. 229-253).
18. Săpăturile arheologice on aşezarea getică fortificată de la Satu Nou, com. Oltina, jud. Constanюa – campania 1989, Pontica 23, 1990. P. 81-96(в соавторстве с M. Irimia).
19. Timbres et autres inscriptions céramiques découvertes a Satu Nou (comm. d'Oltina, dép. de Constantza) //Dacia, n.s., 35, 1991. P. 136-175 (в соавторстве с M.Irimia).
20. Noi contribuţii privind circulaţia drahmelor de Dyrrhachium şi Apollonia: aspectul metrologic //Buletinul Societăţii Numismatice Române (BSNR), 80-85, 1992, 134-139. P. 49-67.
21. Noi date arheologice privind onceputurile culturii Poieneşti-Lukaševka şi prezenţa bastarnilor on Dobrogea //Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie (SCIVA), 43, 1992, 1. P. 3-13.
22. La station gétique fortifiée de «Cetatea Jidovilor» (Coţofenii din Dos, dép. de Dolj) //Dacia, N.S., 37, 1993. P. 79-157 (в соавторстве с V. Zirra, V.V.Zirra, G.Trohani, P. Alexandrescu, P.Gherghe).
23. Le plus ancien trésor de monnaies histriennes «a la roue» découvert a Histria, Sur les traces des Argonautes //Actes du 6e symposium de Vani (Colchide) 22-29 septembre 1990, publiés sous la direction de Otar Lorkipanidze et Pierre Lévêque, Paris 1996. P. 253-258 (в соавторстве с Al. Avram).
24. La diffusion des amphores sinopéennes timbrées sur le littoral ouest-pontique //Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов конференции. Севастополь, 1997. С.140-46.
25. La religione dei Geto-Daci //Catalogue of the International Exhibition I DACI, Milano, 1997. P. 105-115.
26. Histria VIII. Les timbres amphoriques. 2. Sinope, Editura Enciclopedică - Diffusion de Boccard, Bucureşti–Paris, 1998, 206 p. + XLVII pl. [= Corpus international des timbres amphoriques, fascicule 3, publié par l'Académie Roumaine et l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres sous le patronage de l'Union Académique Internationale].
27. Problèmes de la chronologie des timbres sinopéens //Pontica, 30, 1997. P. 117-154.
28. Necropola getică de la Stelnica-Grădiştea Mare, jud. Ialomiţa. Raport preliminar pentru anii 1987-1996 //Materiale şi cercetări arheologice, S.N. 1, 1999. P. 99-144 (в соавторстве с Gh. Matei).
29. Sistemul defensiv al davei getice de la Satu Nou – Valea lui Voicu //Studia in honorem Ion Niculiţă, Chişinău, 1999. P. 196-211 (в соавторстве с M. Irimia).
30. Un astynome sinopeen mal connu: Demetrios I //«Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire/Colloque international Istanbul 25-28 mai 1994», textes réunis par Yvon Garlan, Publications de l'Université de Provence, Aix-en-Provence, 1999. P. 49-70.
31. Satu Nou – «Valea lui Voicu», centre politique et commercial gète sur le Danube //M. Domaradzki (ed.), Pistiros et Thasos. Structures économiques dans la péninsule Balkanique aux VIIe – IIe siècles avant J.-Chr., Opole 2000. P. 69-77.
32. Un éponyme rhodien inconnu: Pythokritos 1 //Civilisation grecque et cultures antiques périphériques. Hommage a Petre Alexandrescu a son 70e anniversaire, Bucarest, 2000. P. 210-215.
33. Satu Nou – Valea lui Voicu, raport tehnic de săpătură //Cronica Cercetărilor Arheologice din România, campania 2002, (Совместно с Mihai Irimia/MINAC и Anca Ganciu /IAB).
34. Stelnica – Grădiştea Mare, raport tehnic de săpătură //Cronica Cercetărilor Arheologice din România, campania 2002. (Совместно с Anca Ganciu/IAB, и Gheorghe Matei/

Muzeul Ialomiюa).
35. Les problèmes actuels de la chronologie des timbres sinopéens //Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediteranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute of Athens, September 26-29, 2002, edited by Jonas Eiring and John Lund, Aarhus University Press [Monographs of the Danish Institute at Athens, vol. 5], 2004. P. 99-102.
36. Păcuiul lui Soare, Petre Diaconu şi viaţa mea //Prinos lui Petre Diaconu la 80 de ani, volum ongrijit de Ionel Cândea, Valeriu Sârbu, Marian Neagu, Muzeul Brăilei/Muzeul Dunrrii de Jos/editura Istros, Călăraşi/Brăila, 2004.
37. Sur la diversité des timbres sinopéens sur amphores et sur tuiles //Epigrafia Anfórica, edited by J.Remesal Rodriguez, Collecciy Instrumenta 17, Publicacions I Edicions di Universitat di Barcelona, 2004. P. 21-44.
38. Les timbres amphoriques étrangers trouvés a Sinope (I) //Anatolia Antiqua XII. P. 105-122, 2005 (в соавторстве с Yvon Garlan).
39. The Dynamics of Trade in Transport Amphoras from Sinope, Thasos and Rhodos on the western Black Sea Coast: a Comparative Approach //Chronologies of the Black Sea Area in the Period c.400-100BC, edited by Vladimir Stolba and Lise Hannestad, Aarhus University Press, 2005. P. 97-118.
40. Recenzie la V. I. Kac, Keramičeskie klejma Hersonesa Tavričeskogo. Katalog opredelitel' (Les timbres céramiques du Chersonèse Taurique. Catalogue déterminatif) //Éditions de l'Université de Saratov, 1994, 170 p. + un volume a part avec 110 planches.
41. Recenzie la L. Getov, Amfori i amforni peèati ot Kabile (IV-II v pri n. e.), Sofia 1995 //SCIVA 47 (1996). P. 103-110.
42. Pe marginea unei recenzii //SCIVA 47 (l996), 4. P. 369-373.
43. Index SCIVA 1985-1994 //SCIVA 45, 1995. P. 3-4 (в соавторстве с членами редакции).

Н. Ф. Федосеев.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ – Античная древность и средние века. Екатеринбург
АО – Археологические открытия
БИ – Боспорские исследования
ВВ – Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИРАИК – Известия Русского археологического института в Константинополе
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Тавриды
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии НАН Украины
НиСф – Нумизматика и сфрагистика
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
ОАК – Отчеты Императорской Археологической комиссии
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры. М.-Магнитогорск
ПСВ – Причерноморье в Средние века
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
ССб – Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004
ТГЭ – Труды Гос. Эрмитажа
ТКДА – Труды Киевской духовной академии
ХСб – Херсонесский сборник. Севастополь
ЦНБ ХНУ – Центральная научная библиотека Харьковского национального университета
ActaMN – Acta Musei Napocensis, Cluj
AISC – Anuarul Institutului de Studii Clasice, Cluj
AnnÉp – L'Année épigraphique
Apulum – Apulum. Acta Musei Apulensis, Alba-Iulia
ARV^2 – Beazley J. D. Attic red-figured vases painter. Sec. ed. Oxford, 1963
BEFAR – Bibliothèque des Ecoles Française d'Athènes et de Rome
BSA – Annual of the British School of Archaeology at Athens
CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum
CVA – Corpus Vasorum Antiquorum
DAM – Documents d'Archéologie Méridionale
IDR, III/1 – Russu I.I., Dušanić M., Gudea N., Wollmann V. Inscripţiile Daciei romane III 1. Bucureşti, 1977
IOSPE I^2 – Latyšev V.V. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini2 (1965)
JHS – Journal of Hellenic Studies
Materiale – Materiale şi cercetări arheologice. Bucureşti
PG – Patrologiae cursus completus. Series graeca, accurent J.P. Migne. Patrologiae graeca
RE – Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
Sargetia – Sargetia. Buletinul judeţului Hunedoara, Deva
SCIV – Studii ei Cercetări de Istorie Veche. Bucureşti
StCl – Studii Clasice. Bucureşti
ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ. ЭЛЛИНИЗМ. РИМ

Л.П.Маринович (Москва) — Термин «варвар» в жизнеописаниях Александра Македонского 3
Г.А.Кошеленко, В.А.Гаибов (Москва) — В защиту Александрии Маргианской. 18
А.А.Супренков (Москва) — Новая информация о хоре города Эмпорион. . . . 23
М.Ф.Высокий (Москва) — Греческие мифы и культы региона Мессинского пролива. 28
А.В.Колобов (Пермь) — Далматийский лимес как один из прототипов военно-стратегических систем Римской империи. 35
А.Н.Никитин (Магнитогорск) — Роль африканских провинций в политической, экономической и культурной жизни Римской империи 40
А.Н.Никитин (Магнитогорск) — Этапы развития африканского лимеса 50
М.В.Попов (Магнитогорск) — Отряды и вексилляции римских легионов Дакии: дислокация и функции 55

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В.М.Зубарь (Киев, Украина) — Об интерпретации остатков круглых построек на Гераклейском полуострове 65
Г.В.Требелева (Москва) — Организация обороны Тамани во II – середине III вв. н.э.: историческое моделирование на основе ГИС-технологий 88
Ю.В.Горлов (Москва) — Проблемы палеогеографической реконструкции Азовского побережья Таманского полуострова в античную эпоху 98
И.Н.Храпунов (Симферополь, Украина) — Склеп III в. н.э. из могильника Нейзац 104
И.И.Вдовиченко (Симферополь, Украина) — Расписная керамика из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в собрании Национального заповедника Херсонес Таврический 118
С.А.Коваленко (Москва) — Находки монет с городища Чайка в Северо-Западном Крыму (1959–2001 гг.). 144
А.В.Заморяхин (Пермь) — Крымские готы в этническом пространстве средневековой Тавриды в советской и современной российской историографии . . 154
А.В.Горайко (Москва) — Проблема нищеты и бедности Константинополя в контексте деятельности святителя Иоанна Златоуста (398-403 гг.) 168
А.В.Сазанов (Москва), *Ю.М.Могаричев* (Симферополь, Украина) — Крым и Хазария в конце VII – середине VIII вв. 179
С.Б.Сорочан, К.Д.Смычков (Харьков, Украина) — Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки 207
В.В.Майко (Симферополь, Украина) — Византийско-русские отношения в юго-восточном Крыму в XI в. 217

ЗАПАДНОЕ И ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. КАВКАЗ

С.М.Крыкин (Москва) — Протогород, протогосударство, протоцивилизация? 225
М.С.Гаджиев (Махачкала, Дагестан) — К изучению права Кавказской Албании 243
Б.М.Гунба (Сухум, Абхазия) — Письменные источники о Себастополе 258

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

А.А.Ляпин (Ашхабад, Туркменистан) — Раскопки А.А. Марущенко на Ак-Тепе 267
Г. Гомперц (Рединг, Великобритания) — Семнадцать веков корейской керамики 293

ПЛЕМЕННОЙ МИР

Д.Л.Бродянский (Владивосток) — Мужские и женские календари в бойсманской неолитической культуре 299

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Л.Л.Селиванова (Москва) — О некоторых новых направлениях в исторической науке (в связи с монографией Т.Г. Мякина «Сапфо. Язык, мировоззрение, жизнь». СПб.: Алетейя, 2004. – 240 с., илл.) 317
С.И.Лиман (Харьков, Украина) — Средневековая Италия в трудах медиевистов украинских земель Российской империи (1804-1885 гг.) 338
С.Б.Сорочан (Харьков, Украина) — А.И. Романчук Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.. 358

Н.Ф. Федосеев (Керчь, Украина) — Николай Коновичи (1948–2005) 365

Список сокращений 369

CONTENTS

ANCIENT GREECE. HELLINISM. ROME

L.P. Marinovich (Moscow) — The Term «Barbarian» in Alexander the Great Biographies 18
G.A.Koshelenko, V.A.Gaibov (Moscow) — In protection of Alexandria in Margiane 23
A.A .Suprenkov (Moscow) — New Facts upon the Chora of Emporion 27
M.F.Vysokyi (Moscow) — Greek Myths and Cults of Messina Strait Region 35
A.V.Kolobov (Perm) — Dalmatian Limes as Prototype of Military Strategic System of the Roman Empire 40
A.N. Nikitin (Magnitogorsk) — The Role of African Provinces in Political, Economic, and Cultural Life of Roman Empire 49
A.N. Nikitin (Magnitogorsk) — Roman Limes: Stages of Development 54
M.V. Popov (Magnitogorsk) — Detachments and Vexilliations of the Roman Legions in Dacia: Dispositon and Functioning 64

NORTH BLACK SEA REGION IN ANTIQUITY AND EARLY MIDDLE AGES

V.M. Zubar (Kyiv, Ukraine) — Interpretation of Round Buildings Remains found on the Herakleian Peninsula 87
G. V. Trebeleva (Moscow) — Organisation of Defense in Taman in 2nd – the Middle of 3rd Centuries A.D.: Historical Modelling (Archaelogical Research) Based on GIS-technology. 97
Yu.V.Gorlov — (Moscow) — Problems of the Paleographic Reconstruction for the Azov Seashore in Taman Peninsula During the Antique Epoch 103
I.N. Khrapunov (Simferopol, Ukraine) — Crypt of the 3rd Century AD from Neizats Burial Ground 118
I.I.Vdovichenko (Simferopol, Ukraine) — Painted Ceramics from K.K.Kostjushko-Valjuzhinich's Excavations in Collection of Chersonesus Taurian National Resert 143
S.A. Kovalenko (Moscow) — Coin Finds from the Settlement Chaika in the North-Western Crimea (1959-2001). 154
A.V. Zamorjakhin (Perm) — Crimean Goths in Ethnic Area of Medieval Tauris in Soviet and Modern Russian Historiography 167
A.V.Goraiko (Simferopol, Ukraine) — Poverty and Misery of Constantinople in the Context of St.John the Chrysostom's Activity 179
A.V. Sazanov (Moscow), *Yu. M. Mogarichev* (Simferopol, Ukraine) — Crimea and Khazaria in the End of the 7th – the Middle of the 8th Centuries AD. 207
S.B. Sorochan, K.D. Smychkov (Kharkov, Ukraine) — A Kyroi of Byzantian Cherson: Problems of the Status And Dating 217
V.V. Majko (Simferopol, Ukraine) — Byzantine-Russian Relations in Southeast Crimea in 11th Century 224

WEST AND EAST BLACK SEA REGIONS. CAUCASUS

S.M. Krykin (Moscow) — Prototown, Protostate, Protocivilization 243
M.S. Gadzhiev (Makhachkala) — Styding the Right of Caucasian Albania 258

B.M.Gunba (Sukhum, Abkhazia) — Narrative Sources upon Sebastopolis 266
A.A.Ljapin (Ashkhabad, Turkmenistan) — A.A. Marushchenko's Excavation at Ak-Tepe. 293
G. Gompertz (Reading, Great Britain) — Seventeen Centuries of Korean Pottery. . 299

PREHISTORY

D.L. Brodyansky (Vladivostok) — Male and female calendars in Boismann Neolithic Culture 316

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

L. L. Selivanova (Moscow) — On certain new developments in the field of historical research (concerning the book by T. G. Myakin, Sappho. The Language, Personality, Life. – Saint Petersburg: Aleteia, 2004) 337
S.I. Liman (Kharkov, Ukraine) — Medieval Italy in Works by Medievists of Ukrainian Lands of Russian Empire (1804-1885) 358
S. B. Sorochan (Kharkov, Ukraine) — A . I . R o m a n c h u k Essays in history and archaeology of Byzantine Cherson. Ekaterinburg, 2000. 358

N.F.Fedoseev (Kerch, Ukraine) — Nikolay Konovici 365

Abbreviations 369

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Проблемы истории, филологии, культуры» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера, материалы полевых исследований, архивные материалы, также критические статьи и рецензии на новые публикации по тематике издания. Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Рукопись (общим объемом до 1 а.л.) представляется в 1-м экземпляре, набранном на компьютере с соответствующим шрифтом (Times New Roman Cyr., 14-й кегль) и распечатанном на принтере (класса LQ-100 и выше) на белой бумаге с одной стороны листа. К тексту прилагается дискета. Текст должен занимать 29-30 строк на странице (поля стандартные). Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

2. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, примечаний, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторах. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

3. Начало статьи оформляется по образцу: автор(ы), название города (для зарубежных авторов также страны), название статьи. Например:

Е.М.Алексеева (Москва)
Местная среда ранней Горгиппии

4. Сноски (нумерация сквозная) помещаются после основного текста и оформляются по образцу:

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Дура-Европос после М.И. Ростовцева //ВДИ. 1999. №3. С. 221-232.

Псковские летописи. Т.1. М.; Л., 1941. С.341.

Чернов С.С. Отчет об археологических разведках в бассейне р.Вори в 1977 г. //Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

ЦДОООСО. Ф.42. Оп.2. Д.29. Л.6.

Ссылки на оригинальные работы древних авторов приводятся в скобках в тексте и в примечания не включаются.

В тексте следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журналах РАН.

5. К статье помимо списка сокращений необходимо приложить русский текст резюме объемом не более 1 страницы машинописного текста. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо наиболее специфические термины, географические названия и имена давать или в переводе, или с пояснением. Автор может приложить и свой вариант английского текста резюме в целом.

6. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором.

7. Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Проблемы истории, филологии, культуры

Выпуск XVI/1

План университета 2005 г.

Редакторы: *Н.И.Бахчеева, И.В.Мирошникова, Л.С.Новикова.*
Верстка *А.В.Ремнев.*

Регистрационный №1348 от ??.??.??? г. Подписано в печать 31.05.2006 г.
Формат 70×100 1/16. Бумага тип. №2. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 53,3. Уч.-изд. л. 50,4.
Тираж 1000 экз. Заказ №???. Цена свободная.

Издательство Магнитогорского государственного университета
455038, г.Магнитогорск, пр. Ленина, 114.
Типография МаГУ.

На 1 стр. обложки: Черепица. Корея, Пэкче, VI–VII вв.

На 4 стр. обложки: Сцена охоты. Роспись гробницы Муё-Нчхон. Корея, Когурё, VI в.